

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.Я. Белокреницкий

**ПАКИСТАН
ЮЖНАЯ АЗИЯ
ИСЛАМСКИЙ МИР
ВОСТОК**

Избранные публикации
2008–2016 гг

К 200-летию
Института востоковедения
РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.Я. Белокреницкий

**ПАКИСТАН
ЮЖНАЯ АЗИЯ
ИСЛАМСКИЙ МИР
ВОСТОК**

Избранные публикации
2008–2016 гг.

Москва
ИВ РАН
2016

УДК 323(5)+94(5)
ББК 63.3(5)+66.3(5)
Б43

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН В.В. Наумкин

Б43

Белокреницкий В.Я.

Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008 – 2016 гг. / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 712 с.

ISBN 978-5-89282-702-7

Книга содержит избранные публикации доктора исторических наук профессора В.Я. Белокреницкого по истории образования и особенностям развития Пакистана, геостратегически ключевой страны Азии, ее внешней политики и влиянию на положение в соседнем Афганистане. Рассмотрены особенности эволюции Индии и Пакистана, современное состояние связей России с двумя этими ведущими государствами Южной Азии. Проанализированы некоторые стороны современного состояния мусульманских государств по периметру южных границ Кавказа и Центральной Азии, в частности, Турции и Ирана. Оценены тенденции поступательного развития стран Востока в период после окончания Второй мировой войны и сформулированы предположения о вероятной их будущей эволюции. Демографическая история исламского мира и перспективы его дальнейшего роста подвергнуты многостороннему анализу и сделаны выводы относительно ограничителей роста и общего его тренда в контексте взаимодействия мусульманского ареала и других макро-регионов мира.

УДК 323(5)+94(5)
ББК 63.3(5)+66.3(5)

© В.Я. Белокреницкий, 2016
© Институт востоковедения
РАН, 2016

ISBN 978-5-89282-702-7

Содержание

От автора.....	9
Раздел I. ПАКИСТАН.....	15
1. 1. Создание и главные этапы эволюции.....	17
Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов // Британская империя в XX веке. М., Институт всеобщей истории РАН, 2010.....	17
Региональные мотивы как фактор создания и сохранения Пакистана // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность. Институт востоковедения РАН, М., 2016.....	45
Основные черты и вехи развития Пакистана // История стран Азии и Африки после Второй мировой войны. Учебник. Часть 1. МГИМО (У) МИД России. М., 2016.....	64
1. 2. Особенности и проблемы развития.....	83
Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане // Конфликты на Востоке. Этнические и конфессиональные. Учебник. М., 2008.....	83
Пакистан: судьба идеологического государства // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010, 2.....	106
Становление и роль гражданского общества в Пакистане (дефиниции, тенденции, перспективы) // Сравнительная политика, 2013, 1.....	126
Центр силы или источник нестабильности? Диалектика современного Пакистана // Россия в глобальной политике, 2013, 2.....	146
Исламизация общества и диффузия власти в Пакистане // Восток (Oriens), 2013, 5.....	161
Социальный протест в Пакистане: от классовых форм к религиозным // Социальный протест на современном Востоке. М.: МГИМО(У) МИД России. М., 2016.....	184
Власть и политическое насилие в Пакистане // Власть и насилие в незападных обществах. М., 2016.....	203
Исламистский радикализм в Пакистане: факторы, этапы, циклы // Азия и Африка сегодня, 2016, 5.....	213
Социально-экологический кризис в Пакистане: история и современное состояние // История и современность, 2012, 1.....	228

1. 3. Внешняя политика и место в регионе.	245
Юго-Западная дуга «Большой Восточной Азии» // «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. МГИМО(У)МИД России. М., 2010	245
Между индийским молотом и афганской наковальной // Международные процессы, 2011, 2	285
Война в горах. Талибы и пакистано-афганское приграничье // Азия и Африка сегодня, 2012, 7	296
Афгано-пакистанская граница: история и современное значение вопроса // Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. МГИМО (У) МИД России. М., 2013.	308
Пакистан и афганский кризис // Мировая экономика и международные отношения. 2016, 3.	327
Раздел II. ЮЖНАЯ АЗИЯ	345
Причины раздела колониальной Индии. Эволюция Индии и Пакистана за годы независимости // Новейшая история стран Азии и Африки. МГИМО (У) МИД России. М., 2008	347
Конфронтационная стабильность в Южной Азии // Экономика и политика в современных международных конфликтах. МГИМО (У) МИД России. М., 2008	374
Южная Азия: новые возможности и риски для России // Внешняя политика России в 2000-2020 гг. В трех томах. Том первый. Российский совет по международным делам. М., 2012.	398
South Asia's Western Tribal Region: Limits of Our Knowledge // EXEMPLAR. The Journal of South Asian Studies. Spring 2013. Vol. 2, № 1	408
Раздел III. МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК.	427
Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Восток (Oriens), 2008, 3.	429
Глобализация, регионализация и расходящиеся траектории развития государств Средне-Западной Азии // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. Институт востоковедения РАН. М., 2012	456
Современное государство, гражданское общество и локальные сообщества в мусульманском ареале к югу от исторических рубежей России // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. Институт востоковедения РАН. М., 2014.	484

Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в мусульманском мире (пример Пакистана) // Нации и национализм на мусульманском Востоке. Институт востоковедения РАН. М., 2015	495
--	-----

**Раздел IV. ВОСТОК В ИСТОРИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ . . 515**

Восток в конце XX века — некоторые итоги развития // История Востока. Том VI. Восток в новейший период (1945–2000 гг.) Институт востоковедения РАН, М., 2008.	517
Восток в начале XXI в. Тенденции и перспективы эволюции // История Востока. Том VI. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). Институт востоковедения РАН. М., 2008	546
Политическая философия, теория и идеология // Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. Учебник. М., 2015	589
Демографическое будущее исламского мира // Исламский фактор в истории и современности. Институт востоковедения РАН. М., 2011	617
Демографическая история исламского мира (основные тренды и перспективы) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН 2008–2013. Российская академия наук. М., 2013 . . .	636
Демографические параметры и перспективы исламского мира и исламской цивилизации // Восточная аналитика. Ежегодник 2013. Институт востоковедения РАН. М., 2014	651
«Конвергенция цивилизаций» и перспективы роста исламского мира // Россия и мир: анатомия современных процессов. Фонд исторической перспективы. М., 2014.	671
Список научных трудов автора	679
Contents.	709

ОТ АВТОРА

Книга включает серию публикаций последних лет, появившихся на страницах журналов, в тематических сборниках, учебниках и коллективных монографиях. Собранные вместе, они, на мой взгляд, дают определенное представление о ряде актуальных тем и проблем, связанных с историей и современной политикой в Пакистане, текущей ситуацией в Южной Азии, некоторыми процессами, охватившими исламский мир, наконец, с Востоком в целом как политико-культурном регионе, играющем все более значительную роль в мировой политике и международных отношениях.

В кратком предисловии к книге хотелось бы выявить несколько аспектов, которые стали очевидными и особенно значимыми в самое последнее время.

Касаясь тематики первого раздела, содержащего публикации по Пакистану, следует указать на определенную стабилизацию внутривластной обстановки в стране. Проведенные в мае 2013 г. парламентские выборы впервые в пакистанской истории ознаменовались конституционной сменой власти — правившая в течение пяти лет Пакистанская народная партия проиграла выборы, и на смену ее правительству пришел кабинет главной оппозиционной партии — Пакистанской мусульманской лиги. Передача власти завершилась избранием в сентябре того года нового президента. Консолидация институтов власти позволила пакистанской армии нанести ощутимые удары по главным противникам порядка и спокойствия — местным талибам и их союзникам. Однако ожидания прорыва в экономической, социально-политической и внешнеполитической сферах не оправдались. Темпы экономического роста

возросли ненамного, проблемы экстремизма и терроризма притупились, но не были искоренены, сохранилась напряженность в отношениях как на западном, афганском, направлении региональной внешней политики Пакистана, так и на восточном, индийском.

В ряде публикаций этой книги подмечено, что в историческом развитии Пакистана довольно четко выявляется цикличность, выражающаяся в наступлении социально-политического кризиса раз в 10-12 лет. Последний кризис пришелся на 2007–2009 гг. Если закономерность политико-экономической эволюции этой страны (а она, очевидно, различна у разных государств) не будет нарушена, то очередные потрясения ожидают страну в достаточно близком будущем. Хотя предсказать конкретный характер осложнений не представляется возможным, они, по всей видимости, будут объясняться факторами как внутреннего, так и внешнего свойства. Среди внутренних подспудных причин вероятных трудностей главной, вероятно, будет растущий разрыв между основными регионами — достаточно развитым поясом орошаемого земледелия, охватывающим, прежде всего, центральные и восточные районы стержневой для страны провинции Панджаб, и отстающими в сельскохозяйственном и в целом социально-экономическом отношении областями к западу от бассейна Инда — провинциями Белуджистан и Хайбер-Пахтунхва, а также примыкающими к ним югом Панджаба и западом южной провинции Синд. Все это ареалы богарно-кяризного земледелия и отгонно-пастбищного скотоводства, сохраняющие во многом «чистоту» архаичных общественных порядков и структур.

Обозревая публикации второго раздела, посвященные положению в Южной Азии, надлежит подчеркнуть обострившуюся недавно ситуацию в долине Кашмира. Речь, безусловно, не идет о возврате к глубокому кризису, охватившему индийский штат Джамму и Кашмир на рубеже 1980-90-х годов, но нельзя не заметить сигналы о сохраняющемся неблагополучии на севере Индии. Их посылают, в частности, события июля 2016 г., приведшие к жертвам среди протестующего мусульманского населения штата. Вместе с тем налицо стремление правительств Индии и Пакистана избежать крупных осложнений во взаимосвязях друг с другом. Весьма характерным представляется быстрое и решительное преодоление кризиса в отношениях, вызванного в самом начале января текуще-

го года нападением боевиков, связанных с определенными силами в Пакистане, на индийскую военно-воздушную базу в Патханкоте, расположенную всего в нескольких километрах от пакистанской границы. Учитывая реальные потери, понесенные индийскими военными в результате растянувшейся на несколько дней атаки террористов, скандал мог бы принять существенно более острый и затяжной характер. Совместные усилия Нью-Дели и Исламабада, направленные на урегулирование ситуации демонстрируют, очевидно, решимость сторон сосредоточиться на более приоритетных для них задачах экономического подъема и социального умиротворения. Это заставляет считать перспективным для стран-партнеров Индии и Пакистана, в том числе, для России, параллельное расширение взаимовыгодных экономических, торговых и даже военно-политических контактов с двумя ведущими государствами Южной Азии.

Публикации третьего раздела в основном не потерявшие, как мне кажется, своей актуальности, нуждаются лишь в некоторых уточнениях. Что касается значения исламского мира для России, то оно, без всякого сомнения, продолжает расти, но не столько в последние годы за счет расширения и углубления наших торгово-экономических связей с государствами мусульманского пояса, хотя и это, несомненно, имеет место во взаимоотношениях, например, с Ираном, сколько вследствие политических причин, проблем безопасности, обострившихся ввиду расползания очага исламистского радикализма и терроризма. Это подрывает базовые условия для социального и материального прогресса на всем пространстве к югу от исторических границ России, пролегающих, как представляется, по Черному и Каспийскому морям и горным цепям Кавказа и Средней Азии.

Еще совсем недавно особенность расположенных вдоль этих рубежей государств состояла в расходящихся траекториях их развития — Турция и Иран продвигались вперед существенно быстрее и увереннее, чем Пакистан и особенно Афганистан. Сегодня складывается впечатление, что при сохранении существенного различия в экономическом и культурном уровнях названных стран их разбегание в разные стороны приостановилось или, по меньшей мере, замедлилось. Очевидно, что вследствие затянувшейся кровопролит-

ной войны в Сирии и Ираке Турция вступила в полосу экономического спада и обострения внутренних проблем. Кажется также, что долгий путь Турции к Европе остановился в шаге от цели, который не позволяют сделать азиатские корни турецкого общества и государства. Они становятся особенно явны в условиях кризиса европейского интеграционного процесса, при котором социальным, культурным и политико-юридическим особенностям участвующих в нем государств придается все большее значение.

Четвертый раздел книги распадается на два подраздела, в первом из которых подводятся некоторые итоги политического, экономического и социального развития стран Азии и Северной Африки во второй половине прошедшего столетия и оцениваются их перспективы в наступившем веке. Сделанные автором в начале 2000-х годов оценки в основном не вступают в противоречие с наблюдаемыми ныне процессами. На базе статистических данных уже тогда удалось подметить слабости и диспропорции в социально-экономической эволюции стран Северной Африки и Юго-Западной Азии, обратить внимание на такие перекосы, как наличие огромного резервуара молодежи, который не всем экономикам этих регионов удается абсорбировать. Отмечены также быстро растущая концентрация населения в городах и стремительное распространение среди населения средств аудио и видеоинформации и мобильной связи. Все это, судя по всему, подготовило почву для процессов радикализации и мобилизации под исламистскими знаменами.

Вторая часть последнего раздела книги посвящена тенденциям и перспективам роста мусульманского населения мира. Приводимые в этих публикациях оценки и расчеты не нуждаются с позиции автора в существенной корректировке. Стоит только, быть может, обратить внимание на происходящее, судя по всему, дальнейшее замедление темпов демографического роста в мусульманском ареале, охваченном гуманитарным кризисом и массовым исходом, миграцией людей. В таких странах, как Сирия, Ирак, Йемен, отчасти Афганистан, имеет место, скорее всего, сокращение рождаемости и снижение общих темпов роста населения в связи с потерями от военных действий. Впрочем, оценить масштабы этих потерь и их воздействие на долговременные демографические процессы не

представляется возможным до проведения переписей населения и специальных его обследований.

Более значимыми в связи с последними событиями представляются связанные с демографией процессы миграции населения. Бросается в глаза такая вытекающая из всего этого особенность современного мира, как его «афроазиатизация» (по выражению А.Б. Давидсона) или «ориентализация». Помимо увеличения доли населения Азии и Африки (всей Африки, в границах так называемого Большого Востока), ориентализация дает о себе знать в тенденциях ускоряющегося перемещения населения евразийско-африканского ареала с юга на север, из Африки в Южную и Западную Европу, из центра Евразии в Россию. Нынешний момент демографической истории представляется прямо противоположным тому, что наблюдался на протяжении XIX и первой половины XX вв., в частности, в период между мировыми войнами последнего века. Европейцы тогда переезжали в Северную Африку, на Кавказ, в Среднюю Азию и другие области Востока, а их удельный вес в составе мирового населения достигал максимума, составляя примерно 30%. Важнейший аспект современной ориентализации состоит в расширении за рамки Европы эпицентров геополитического пространства, превращение Ближнего Востока до известной степени в аналог Балкан начала XX века. Такой сдвиг вызывает к жизни «демонов» прежних времен, таких как национализм, консерватизм, консолидированность государств с их преобладанием над народами и гражданским обществом.

* * *

В заключение несколько слов признательности за поддержку со стороны друзей и коллег, которая позволила подготовить и опубликовать собранные в этой книге материалы. Особо хочу поблагодарить доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Виталия Вячеславовича Наумкина, научного руководителя Института востоковедения РАН, главного редактора журналов Восток и Восточная аналитика; доктора политических наук профессора Алексея Дмитриевича Воскресенского, декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России, главного редактора журнала Сравнительная политика, редактора многих учебных пособий и

книг; доктора исторических наук профессора Дмитрия Викторовича Стрельцова, заведующего кафедрой востоковедения МГИМО, ответственного редактора серии подготовленных кафедрой в последнее время коллективных монографий. Огромную искреннюю признательность испытываю к моим коллегам по Центру изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, в первую очередь, Наталье Юрьевне Ульченко, Нине Михайловне Мамедовой, Сергею Наумовичу Каменеву, Владимиру Николаевичу Москаленко. Хотел бы от души поблагодарить также сотрудников других подразделений Института востоковедения, ряда академических институтов, высших учебных заведений, редакций издательств и журналов за интерес и внимание, проявленные к моим трудам, высказанные на том или ином этапе их подготовки замечания и пожелания.

август 2016

РАЗДЕЛ I

ПАКИСТАН

1. 1. СОЗДАНИЕ И ГЛАВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

УХОД АНГЛИИ ИЗ ИНДИИ И ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ДВУХ ДОМИНИОНОВ*

Актуальность теме придают несколько обстоятельств. Первое из них состоит в новом интересе к империям, в том числе Британской, и их роли в международно-политических процессах. Впрочем, «старые» империи, связанные с колониализмом классического типа, вызывают по большей части исторический интерес. Зато второй аспект темы, а именно способ ухода империи и замены ее на постимперский порядок, имеет аналогии с современностью. Третий момент заключается в последствиях, которые продолжает оказывать уход Англии в 1947 г. на современную международную обстановку через до сих пор не решенную проблему принадлежности бывшего княжества Джамму и Кашмир. Генезис более чем полувекового конфликта по этому поводу между образовавшимися на месте Британской империи на юге Азии Индией и Пакистаном непосредственно связан с политикой колониальных властей на этапе подготовки и осуществления передачи власти. Четвертым фактором, придающим злободневность сюжету, служит феномен усилившегося в заключительный период господства англичан политического значения ислама, да и в целом религий и религиозных общностей как инструментов политической и национальной идентификации.

Четыре отмеченных обстоятельства во многом обуславливают современный интерес к проблематике завоевания Индией независимости и образования на первых порах двух доминионов, при этом второе и третье из них в наибольшей мере определяют поставленные автором задачи.

* Британская империя в XX веке. Институт всеобщей истории РАН / Ред. А.М. Пегушев, Е.Ю. Сергеев. М., 2010, с. 270–294.

Две тенденции в политике предоставления Индии независимости

В колониальной политике Великобритании очень рано выявляются два подхода, которые можно охарактеризовать как консервативный и либеральный. При этом базовым и большую часть времени преобладающим был первый из них, что вполне объяснимо потребностями установления политического контроля над иным в культурном отношении населением и его закрепления путем опоры на господствующие в местном обществе силы. Вместе с тем, и либеральная, умеренно преобразовательная тенденция довольно быстро дала о себе знать, так как завоеватели стремились извлечь не только политическую, но и коммерческую выгоду, обеспечив благоприятные для этого перемены в социальной жизни и экономике¹.

После широкого антианглийского восстания 1857–59 гг. и перехода Индии под прямое управление британской короны власти проводили преимущественно осторожную, консервативную политику, не исключавшую, впрочем, осуществления отдельных реформ, в том числе в юридической и политической сферах.

Новая волна либерализма пришла к власти в правление вице-короля лорда Рипона в первой половине 1880-х годов и вылилась в принятие закона о местном самоуправлении. Пришедшие на смену либералам консерваторы заморозили процесс реформ и допуска представителей местной элиты к государственным делам. Однако наиболее четко пути консерваторов и либералов разошлись в начале XX в. в связи с первым конституционным актом, известным как реформы Морли-Минто (по имени либерально настроенного госсекретаря по делам Индии в королевском правительстве Дж. Морли и вице-короля лорда Минто) Реформы явились попыткой сгладить впечатление от жесткого и энергичного правления консерватора лорда Керзона, который в 1905 г. пошел на непопулярную меру — раздел сохранявшей тогда столичное положение провинции Бенгалии на Западную Бенгалию, преимущественно индусскую, и Восточную, в основном мусульманскую².

Но как и в XIX в. либеральные подходы вскоре сменились консервативными, чтобы в очередной раз проявиться в годы первой мировой войны. Англия тогда остро нуждалась в поддержке своих военных усилий со стороны крупнейшей колонии. Более 1 миллиона индийских солдат приняли участие в боях на европейском театре

военных действий, причем потери индийцев превысили 100 тыс., из них 36 тыс. убитыми³. Значительных размеров достигали также материальные перечисления (дары) Индии своей метрополии и поставки военных грузов. Общественное мнение в Индии на протяжении войны в целом одобряло политику Лондона, рассчитывая взамен обрести атрибуты самоуправления. В августе 1917 г. в критический для судьбы первой мировой войны момент госсекретарь по делам Индии либерал Э. Монтегю выступил в палате общин британского парламента с правительственным заявлением, в котором провозглашалась цель расширить участие индийцев в управлении с целью постепенно дать колонии «ответственное правительство»⁴. Хотя в заявлении не было и намека на независимость, именно оно, как считали уже современники, знаменовало начало процесса ухода Англии⁵.

Но до его завершения было еще далеко. Либеральная и консервативная тенденции в первый послевоенный период сплелись в тугой узел. Госсекретарь Монтегю инициировал новую конституционную реформу, по которой существенно расширялась когорта избирателей по сравнению с уложением 1909 г. (Морли-Минто), хотя последняя по-прежнему определялись на основании имущественного и образовательного цензов. По закону, принятому в конце 1919 г. и известному под названием реформы Монтегю и вице-короля лорда Челмсфорда, центр тяжести самоуправления перемещался в провинции, где в 1920–1921 гг. прошли выборы в законодательные собрания. Расширению прав имущих и образованных индийцев предшествовала консервативная волна, связанная с принятием в начале 1919 г. актов судьи Роулетта, которые фактически продлевали действия репрессивных указов военного времени на период по окончании войны.

Кризис традиционного либерализма в Англии в 1920-х годах привел к замещению либералов в двухпартийной парламентской системе лейбористами. Радикализация либерального фланга по существу никак не сказалась на его позиции по вопросу об Индии. Лейбористы полагали, что сохранение английской власти над колонией отвечает интересам организованного рабочего движения Великобритании, хотя и не сомневались в необходимости внесения дальнейших модификаций в способ управления Индией.

На протяжении 1930-х годов в английской политике в Индии наблюдалось сочетание консервативных и реформаторских (пред-

усматривающих, в частности, удовлетворение ряда требований индийских националистов) черт, отразившееся как в организации конференций «круглого стола» в Лондоне в 1930–32 гг., так и в принятом в 1935 г. новом законе об управлении Индии. Это придавало британскому колониализму черты двойственности, амбивалентности, отличая его, с одной стороны, от более жестких действий по отношению к силам национального освобождения колониальных властей Франции в Индокитае и Нидерландов в Индонезии, а с другой, от проводившейся США на Филиппинах линии на реальную, хотя и поэтапную передачу власти в руки местной элиты⁶.

Двойственность британской стратегии проявилась и в ключевом вопросе о сроках и форме предоставления Индии независимости. В октябре 1929 г. «самый либеральный из консерваторов по индийскому вопросу»⁷ вице-король лорд Ирвин (впоследствии лорд Галифакс) с одобрения лейбористского правительства выступил с заявлением, в котором отмечалось, что «естественным следствием конституционного прогресса Индии ... является достижение ею статуса доминиона»⁸.

Необходимо отметить, что доминиальный статус имел длительную историю становления, начавшись с предоставления его Канаде в 1867 г. Ко времени заявления Ирвина статус получил официальную трактовку в докладе лорда Бальфура 1926 г. В соответствии с ней доминионы, также как и Великобритания, провозглашались «автономными единицами, равными по положению, ни в коей мере не подчиненными друг другу». Вместе с тем, они оставались связанными между собой верностью английской короне и входили в состав Британского содружества наций⁹. Такое определение доминиона было закреплено в 1931 г. Вестминстерским статутом (законодательным актом британского парламента) и послужило основанием для новой имперской системы (имперских торговых привилегий и т. п.).

Несмотря на существенное переосмысление статуса доминиона, который переставал означать сохранение какой-либо зависимости от Англии, подчиненность продолжала ассоциироваться с термином, тем более что она закреплялась символически через верховный авторитет английской короны. Поэтому не случайно Индийский национальный конгресс отверг предложение Ирвина и 31 декабря 1929 г. провозгласил в качестве цели предоставление Индии полной независимости (*пурна сварадж*).

Смешанный эффект от развернутых Конгрессом под руководством М.К. Ганди кампаний гражданского неповиновения в 1930–31 и 1932–34 гг. побудили конгрессистских лидеров согласиться на участие своей организации в выборах весны 1937 г. в законодательные собрания провинций (проводились согласно конституции 1935 г.). Успех Конгресса на выборах и формирование им правительств в семи провинциях из 11 превращал его в парламентскую партию, хотя и особого типа — контроль за действиями министров-конгрессистов сохранялся за центральными органами Конгресса и его лидерами, которые сами, за редким исключением, отказались принимать участие в органах законодательной и исполнительной власти.

Консервативная тенденция в британской политике усилилась с началом второй мировой войны. Вице-король лорд Линлитгоу поспешил уже 3 сентября 1939 г. объявить о том, что Индия находится в состоянии войны с Германией. Авторитарный стиль, в котором был решен принципиальный с точки зрения представлений о независимости вопрос о вступлении в войну, вызвал возмущение и широкое недовольство в стране. Национальный конгресс принял решение в знак протеста прекратить сотрудничество с англо-индийскими властями и отказаться от участия в провинциальных правительствах.

Англо-индийские власти после этого сделали ставку на сотрудничество с либеральными деятелями, не входившими в Конгресс (такими как Т.Б. Сапру), региональными неконгрессистскими организациями (например, правящей в Панджабе Юнионистской партией), а также Всеиндийской мусульманской лигой, которую к тому времени единолично возглавил и возродил как влиятельную силу М.А. Джинна. По его инициативе отказ Конгресса от участия в провинциальных правительствах отмечался мусульманами как акт «избавления» от власти индусов, а в марте 1940 г. на сессии Лиги в Лахоре была единодушно принята декларация получившая название пакистанской. Она призывала к созданию «независимых государств» в северо-западных и восточных районах Индии с преимущественно мусульманским населением¹⁰.

Отличительной чертой сотрудничающих с властями индивидуумов и групп был их высокий социальный статус. Опора на местную элиту как самый дешевый и эффективный способ управления весьма характерна для консервативной имперской политики Британии¹¹. Однако годы второй мировой войны явились для нее

тяжелым испытанием. Ограниченность экономических и людских ресурсов усугублялась их разбросанностью по всему восточному полушарию. Создание военного коалиционного кабинета во главе с У. Черчиллем в мае 1940 г. помогло мобилизовать силы для обороны британских островов, но не спасло от стремительно нарастающей экспансии Германии на Ближнем, а Японии — на Дальнем Востоке. Вступление в союзнические отношения с СССР после июня 1941 г. и приобретение нового могущественного союзника в лице США после декабря того же года заставили Лондон задуматься о корректировке своей политики в Индии. К тому же его подстегивала реальная военная угроза последней со стороны Японии, войска которой в декабре 1941 г. взяли морскую крепость Сингапур, а в марте 1942 г. заняли Рангун, столицу британской колонии Бирмы, которая вплоть до 1935 г. входила в состав Индии.

Впрочем, еще в августе 1940 г. вице-король Линлитгоу выступил с предложением о расширении за счет «ответственных» политических деятелей Индии своего исполнительного совета, повторив, как и в сентябре 1939 г., что после войны в стране начнется конституционный процесс и цель Англии состоит в предоставлении Индии статуса доминиона¹². Однако руководство Конгресса, как и Мусульманской лиги, отказалось от «августовского предложения», не веря обещаниям и требуя полноправного участия в управлении страной.

Под давлением американцев и в расчете на мировое общественное мнение военный кабинет в марте 1942 г. направил в Индию одного из видных лейбористов Ст. Криппса, незадолго до этого занявшего в правительстве пост лорда-хранителя печати и лидера палаты общин. Миссия Криппса сводилась к тому, чтобы привлечь к сотрудничеству с властями ведущие политические силы Индии, прежде всего Национальный конгресс. При этом на период войны англичане не соглашались на создание национального индийского правительства, предлагая лишь расширить консультативную роль индийцев. Зато после войны Криппс предлагал статус доминиона для Индийского союза «с правом выхода, если он того пожелает, из Британского содружества наций». Имелась в виду, таким образом, полная независимость, хотя и предусматривалось, что между Индией и Великобританией должен быть заключен договор, регулирующий все вопросы, вытекающие из «перехода ответственности в индийские руки». Будучи официально сделанным от лица кабинета, возглавляемого Черчиллем, архиконсерватором в вопросах Ин-

дии, оно в дальнейшем серьезным образом сказалось на процессе передачи власти, заставив и консерваторов смириться с потерей Индии¹³.

Предложения Криппса во многом предвосхитили будущий ход истории, указав конкретные сроки и окончательность расставания империи с Индией. Либеральные по своему существу предложения отличались, вместе с тем, значительной преемственностью по отношению к традиционной колониальной политике. Как и в предложении Линлитгоу, в плане Криппса подчеркивалось, что отдельные части страны имеют право воздержаться от вхождения в состав Индийского союза и особо отмечались обязательства королевского правительства по «защите расовых и религиозных меньшинств»¹⁴. В позиции Криппса очевиден недвусмысленный реверанс в сторону Мусульманской лиги с ее требованием Пакистана, а также крупнейших князей (о полусамостоятельных индийских княжествах речь пойдет ниже). Однако не эти соображения заставили руководство Конгресса и в первую очередь Ганди отказаться от принятия предложений о сотрудничестве с англо-индийским правительством. Главным был отказ англичан от создания национального правительства уже в военное время. Заявляя о поддержке дела союзников в борьбе с фашизмом и войне с «державами оси», лидеры Конгресса полагали, что только «обретя собственный голос», Индия сможет успешно противостоять натиску японцев. Хотя Конгресс отверг с порога (уже в апреле) предложение участвовать в исполнительном совете при вице-короле, вопрос о его отношении к колониальной администрации оставался долгое время непроясненным. Лишь в августе Всеиндийский комитет Конгресса принял резолюцию, санкционировавшую начало массовой борьбы «для защиты неоспоримых прав Индии на свободу и независимость»¹⁵. Незамедлительные действия властей по аресту руководителей Конгресса привели к переходу инициативы в проведении кампании ко второму эшелону лидеров и превращению ненасильственной по замыслу Ганди борьбы в серию актов террора и саботажа под лозунгом «Вон из Индии» (Quit India)¹⁶.

Жесткие меры англо-индийской администрации во главе с Линлитгоу, а также расквартированной в Индии армии под командованием лорда Уэйвелла, ставшего в 1943 г. новым вице-королем, получили поддержку Черчилля и означали окончательный провал миссии Криппса, который той же осенью был выведен из состава

кабинета. Меры по подавлению движения «вон из Индии» привели к аресту свыше 90 тыс. человек., полиция и армия убили почти 1000 и ранили более 1,5 тыс. человек¹⁷.

Наступившее политическое затишье в Индии и провал японской попытки весной 1944 г. вторгнуться в северо-восточную провинцию Ассам, позволили англичанам вновь вернуться к переговорам с деятелями Конгресса. В мае из тюрьмы был освобожден Ганди, а осенью после обмена письмами состоялись его переговоры с Джинной. По некоторым сведениям, Ганди в принципе согласился с возможностью выделения из состава независимой Индии районов с мусульманским большинством. В то же время Джинна твердо отверг такой вариант «изъеденного молью» Пакистана, настаивая на включении в его состав целиком Панджаба и Бенгалии¹⁸.

Капитуляция Германии и прекращение военных действий в Европе заставили англичан позаботиться о выполнении обещаний. В июне 1945 г. они освободили из-под стражи ведущих деятелей Конгресса, и в конце того месяца вице-король Уэйвелл собрал конференцию наиболее видных индийских политиков в Симле (летней своей резиденции). Обсуждалось предложение о реорганизации исполнительного совета при вице-короле в прообраз ответственного общенационального правительства, состоящего почти целиком из индийцев. По плану вице-короля, 40% процентов индийских членов совета должны были представлять индусов, другие 40% — мусульман, а остальные 20 — прочие религиозные общины (сикхов, христиан и т. д.) Формула отражала весьма консервативные взгляды как Уэйвелла, так и кабинета в Лондоне, ибо на первый план выдвигался в чистом виде общинный принцип, или, в формулировке англичан, вопрос о меньшинствах. Конференция закончилась неудачей из-за возражений Джинны против того, чтобы мусульман в правительстве представлял кто-либо из «националистов» (т. е. членов Национального конгресса и Всеиндийской мусульманской национальной конференции).

Положение изменилось в июле того года в результате победы на всеобщих выборах в Великобритании не консерваторов во главе с «победителем» Черчиллем, а лейбористов. Сформированное ими правительство К. Эттли одним из важнейших дел считало разрешение индийского вопроса, тем более что ожидавшееся длительное сопротивление Японии прекратилось уже в середине августа, а в

начале сентября с принятием ее капитуляции завершилась Вторая мировая война.

Англо-индийское правительство стало действовать в соответствии с планом Криппса. Зимой 1945–46 гг. состоялись выборы в центральную легислатуру и провинциальные законодательные собрания. Выборы продемонстрировали возросшую поляризацию сил вокруг Национального конгресса и Мусульманской лиги, и для англичан исключительно остро встал вопрос о том, кому и как передавать власть, как отнестись к требованию о создании Пакистана и будущему Индии как единого государства.

Весной 1946 г. лейбористы направили в Индию представительную миссию кабинета в составе госсекретаря по делам Индии лорда Петик-Лоуренса, председателя торговой палаты (министра торговли) Ст. Криппса, и первого лорда адмиралтейства (морского министра) А.В. Александера. Основной задачей миссии, где роль «мотора» играл Криппс, было нахождение формулы, которая позволила бы сохранить единство Индии и ее тесную связь с Англией. А главным результатом работы стало заявление миссии от 16 мая 1946 г., в котором излагался «план единство», предлагавший весьма сложную процедуру функционирования конституционной ассамблеи. Выбранные от провинций депутаты должны были сформировать три секции, которые представляли бы шесть географически срединных провинций группы А с индусским большинством, три северо-западные провинции группы В с мусульманским большинством и две восточные провинции группы С с мусульманским большинством¹⁹. Имелось в виду, что после созыва учредительного собрания депутаты от провинций могут принять решение в пользу отдельных конституций для групп провинций, а само конституционное устройство подлежит пересмотру через определенный промежуток времени.

Таким образом либеральная тенденция состояла в попытке сохранения единства Индии, с передачей главенствующих в ней функций Конгрессу как наиболее представительной политической организации, идейно к тому же наиболее близкой лейбористам, но проводилась она в жизнь непоследовательно, встречая сопротивление со стороны консервативно настроенных политиков как в Лондоне, так и в Дели.

Заложенная в плане миссии кабинета нечеткость дала возможность руководству Конгресса и Лиги согласиться с ним в принципе. Но к моменту отъезда миссии в конце июля, позитивные догово-

ренности были нарушены и Конгрессом, и Лигой, так что «призрак Пакистана» как угроза единству Индии, витавший перед взорами автором плана обрел вполне реальные очертания в виде провозглашенной Мусульманской лигой программы «прямых действий» в борьбе за Пакистан²⁰.

Начавшиеся с событий 16 августа в Калькутте межобщинные столкновения и кровавые погромы охватили несколько провинций. Не в силах справиться с возникшим положением (англо-индийский колониальный аппарат на глазах терял эффективность) и стремясь разделить ответственность, вице-король привел к присяге в начале сентября 1946 г. переходное индийское правительство во главе с премьер-министром Дж. Неру. Мусульманская лига на первых порах бойкотировала его работу, присоединившись лишь в конце октября из опасения потерять политический вес и упустить шанс реального участия в управлении.

Переход властных полномочий от англичан к индийцам с осени 1946 г. носил хоть и вынужденный, но психологически достаточно подготовленный характер. Лейбористы в большей мере, чем в основном консервативная парламентская оппозиция, отдавали себе отчет в неизбежности и необходимости ухода. Вместе с тем, они хотели «уйти, чтобы остаться», т. е. сохранить наиболее тесные связи с бывшей колонией. Вице-король Уэйвелл не вполне соответствовал этим задачам. Ему не хватало умения установить доверительные отношения с индийскими политиками, в первую очередь из лагеря конгрессистов. Последние не забыли, что в годы войны вице-король держал их в тюрьме, одновременно пользуясь советами Джинны и других своих противников. После войны Уэйвелл сделал несколько существенных шагов навстречу конгрессистам: поставил их во главе правительства и созвал в декабре 1946 г. учредительное собрание. Однако Мусульманская лига отказалась от участия в ее работе и весь план миссии кабинета был по существу сорван. Не помогли найти выход из тупика и переговоры, которые провели в Лондоне со специально приглашенными туда в том же декабре Неру и Джинной высшие правительственные и политические круги Англии²¹.

После декабрьских переговоров в Лондоне вопрос о замене Уэйвелла был предрешен. Новым вице-королем правительство Эттли назначило родственника короля лорда Маунтбеттена, который в 1943–46 гг. командовал силами союзников в Юго-Восточной Азии. В заявлении правительства от 20 февраля 1947 г. наряду с инфор-

мацией о смене вице-короля утверждалось, что Великобритания покинет Индию самое позднее в июле 1948 г.²²

Маунтбеттен оказался подлинной находкой для правительства лейбористов. Получив от него чрезвычайные полномочия, он постарался добиться выхода из конституционного тупика в кратчайшие сроки, за два, максимум шесть месяцев. Убедившись в невозможности сохранить единство Индии из-за позиции Мусульманской лиги, он сначала поддержал программу предоставить провинциям и отдельным их частям (субпровинциям, гомогенным в религиозном отношении), а также полунезависимым индийским княжествам право самоопределения для объединения в группы (характерное неофициальное ее название — «Балкань»), но встретившись с резким несогласием Конгресса, предложил раздел Индии на два доминиона²³. Идея раздела с самого начала витала в воздухе, но страшила своими последствиями, ее пытались обойти, найти замену, но безуспешно. Страхи между тем в значительной мере оправдались, ибо раздел привел к трагическим последствиям для миллионов людей.

Большое значение для Маунтбеттена имела проблема удержания Индии в составе Британского содружества. Дело в том, что в январе 1947 г. учредительное собрание, опираясь на решения Мирутской (осени 1946 г.) сессии Национального конгресса, провозгласила в качестве цели превращение Индии в независимую суверенную республику. Хотя это решение не имело практического значения, оно заставило английские власти всерьез обеспокоиться проблемами глобальнополитического и военно-стратегического характера. Среди консервативно настроенных кругов начались разговоры о значении Индии для всей системы британских военно-морских коммуникаций и опасностях, связанных с возможным приходом в регион России²⁴. Как морской офицер, предполагавший продолжить карьеру, Маунтбеттен хорошо понимал значение вопроса и старался добиться от лидеров будущей Индии согласия на получение независимости в статусе доминиона.

Оказывая давление на премьер-министра Неру и других руководителей Конгресса, англичане использовали то обстоятельство, что Джинна неизменно подчеркивал свое желание видеть Пакистан в составе Британского содружества наций. Все эти обстоятельства, на фоне непреклонной позиции Джинны и растущего напряжения в связи с нерешенностью вопроса о власти привели к тому, что лидеры Конгресса (Неру, В. Патель и др., и даже, хотя и с больши-

ми оговорками, Ганди) согласились на расчленение Индии на два независимых доминиона. Джинна отстаивал до последнего идею «большого Пакистана» (в границах групп провинций В и С по плану миссии кабинета) Но в конце концов согласился на усеченный вариант, предполагавший раздел провинций Панджаб на северо-западе и Бенгалии на востоке.

План раздела был обнародован 3 июня 1947 г. после согласования основных его позиций в Лондоне и получения предварительного согласия со стороны лидеров Конгресса (немусульманского большинства), Лиги (мусульман) и сикхской общины. Последняя в наибольшей мере теряла от плана из-за раздела Панджаба, но слабость политического руководства не позволили сикхам противопоставить что-либо губительной для многих из них логике развития событий.

Планом 3 июня предусматривалось также проведение референдума в Северо-Западной пограничной провинции, где, несмотря на абсолютное преобладание мусульман-пуштунов, преобладающие позиции в законодательном собрании имела организация Конгресса во главе с А. Гаффар Ханом, а также в мусульманском по преимуществу округе Силхет восточной провинции Ассам.

Согласие двух основных партий позволило Маунтбеттену существенно приблизить сроки предоставления независимости. На весь подготовительный период отводилось всего два с половиной месяца. Передача власти назначалась на 15 августа. При этом Маунтбеттен ожидал, что он останется генерал-губернатором обоих доминионов до июня 1948 г. Конгресс согласился на такой вариант, тогда как Джинна после некоторой паузы ответил отказом. В начале июля он заявил, что намерен сам стать первым генерал-губернатором Пакистана. Вместе с тем, он выразил полное доверие Маунтбеттену как генерал-губернатору Индии и согласился, чтобы тот на первых порах возглавил единый для двух доминионов совет обороны, предусматривающий сохранение объединенного командования²⁵.

Для раздела Панджаба и Бенгалии была создана комиссия во главе с приехавшим из Англии для этой цели судьей С. Редклиффом. Его приговор был объявлен 17 августа уже после церемонии провозглашения независимости Пакистана (14 августа) и Индии (в полночь с 14 на 15 августа). К пакистанскому, западному Панджабу, по решению комиссии, отошли области и округа с преимущественно мусульманским населением (по переписи 1941 г.), а к восточному

Панджабу — с индусским и сикхским большинством. В отдельных случаях судье приходилось нарушать этот принцип и учитывать иные соображения. Таким же образом был произведен раздел Бенгалии, причем в состав восточной Бенгалии был включен ассамский округ Силхет.

В результате «двойного раздела» — Индии и двух ее провинций — получилось странное государственное формирование, состоявшее из двух частей (крыльев) — западного и восточного, отделенных друг от друга сплошным массивом индийской территории (кратчайшее расстояние по прямой между ними составило более 1,5 тыс. км). В западное крыло помимо Панджаба вошли мусульманские провинции Синд и СЗПП (по результатам проведенного в конце июля референдума, который местная организация Конгресса призвала бойкотировать), а также не имеющая выборных органов провинция Белуджистан (волеизъявлением ее населения посчитали результаты голосования племенной джирги и членов муниципалитета ее главного города Кветты. Окончательная конфигурация двух доминионов складывалась на основании решений, принятых правителями индийских княжеств, на которые приходилось в общей сложности более двух пятых территории и почти четверть населения.

В заключение параграфа хотелось бы подчеркнуть, что либеральная тенденция в политике британских властей состояла в решительном отказе от затягивания процесса расставания с крупнейшей колонией и выбором в качестве главного партнера при передаче власти Индийского национального конгресса как организации наиболее массовой, популярной и демократичной. Таким путем английские лейбористы добились сохранения своего влияния в Индии и согласия на ее пребывание в качестве доминиона, а затем и республики в составе Содружества.

Англия и проблема единства Индии

Сделанный выше вывод в известной мере противоречит устоявшимся в нашей историографии представлениям о том, что английские колонизаторы действовали в Индии по принципу «разделяй и властвуй» и несут прямую ответственность за ее расчленение²⁶. Между тем, из него вовсе не следует, что англо-индийские власти не приложили руку к ослаблению движения за политическую не-

зависимость и не пытались усилить присущие ему противоречия. Особенно явно эти попытки проявлялись в периоды правления в Англии консервативной партии.

Поэтому и здесь можно говорить о двух тенденциях в колониальной политике, связанных с отношением к единству Индии, ее органичности и целостности, а также вытекающему отсюда вопросу о месте, которое она призвана занимать в геополитике юга Азии. Среди английских администраторов и аналитиков во второй половине XIX в. сложились, соответственно, две школы.

Господствующей была та, что исходила из имперской реальности того времени и подчеркивала заслугу Англии в воссоздании исторического единства Индии. Одним из наиболее крупных политиков этого направления был лидер консервативной партии Б. Дизраэли, который занимая пост премьер-министра в 1876 г. сумел, вопреки либералам, провести через парламент законопроект о присвоении королеве Виктории титула императрицы Индии. В канун 1877 г. его протееже вице-король лорд Литтон организовал по этому поводу первый из дарбаров (приемов) для индийской знати²⁷.

С большим энтузиазмом относился к значению обширной Британской Индии лорд Керзон. Почти самовластно управляя колонией в 1899–1905 гг., он использовал ее центральное стратегическое положение для укрепления позиций Англии к западу в Иране, на Аравийском полуострове и в Персидском заливе, и к востоку — в Тибете.

Вместе с тем, в рамках того же консервативного подхода обозначилась линия на отношение к Индии как к слабо связанному между собой конгломерату отдельных областей и княжеств, к многообразию без единства. Эта традиция связана, в частности, с именем одного из главных помощников Литтона Дж. Стречи²⁸.

Англичане с самого начала своего пребывания в Индии столкнулись также с разнообразием верований и обычаев — индусских, мусульманских, сикхских и т. п. Конфессиональные различия под воздействием колониальной политики и европейской культуры на протяжении XIX и в начале XX вв. становились более отчетливыми, имело место по существу возрождение индуизма как религиозной системы, формировались влиятельные школы в исламе, обновлялась религиозная практика сикхов.

Из всех местных религий наиболее знакомой для англичан был ислам. Он единственный к тому же имел значение не только для

Индии, но и для многих других регионов Востока. Геополитическая роль ислама в новое время определялась наличием ведущего звена, Османской империи, воплощавшей и духовную (центр халифата, контроль над Меккой и Мединой) и материальную (военно-политическую) мощь религии. Хотя в XIX в. Османская империя переживала не лучшие времена, она оставалась одним из крупнейших державных образований, важным участником тогдашней мировой политики, привлекая к себе сочувственное внимание мусульман Индии (особенно суннитов). Британские власти в колонии не могли не учитывать эти настроения и старались достаточно внимательно относиться к особым интересам индийской мусульманской общины.

Последние определялись среди прочего тем обстоятельством, что до установления господства заморской державы Индией управляли в основном мусульманские правители. В течение целого века от битвы при Плесси в 1757 г., положившей начало британскому правлению, до 1858 г., высшая символическая власть формально принадлежала шахам из династии Великих Моголов, наследникам последней общеиндийской мусульманской империи. Массовое антианглийское восстание в конце 1850-х годов проходило под лозунгами ее восстановления, а активное участие в нем мусульманской элиты на время сделало ее в глазах англичан неблагонадежной. Связанное отчасти с этим, а отчасти с иными обстоятельствами оскудение и понижение в статусе высшего слоя мусульман, вызвало обеспокоенность в рядах англо-индийской администрации, которая боялась новой вспышки недовольства и нарушения равновесия в распределении богатства и привилегий в сторону немусульман, представляющих основную массу населения.

Особое внимание к мусульманам, объяснявшееся соображениями как внутренней, так и внешней политики, обычно сочеталось с консервативноромантическим по духу предпочтением нобилитета. Отражением этой политики был, в частности, теплый прием, оказанный вице-королем лордом Минто в 1906 г. делегации мусульман во главе с главой секты исмаилитов Ага Ханом III, попросившей учреждения избирательной курии для мусульман на намечавшихся выборах в законодательные советы. В том же году эта небольшая группа образованной знати и богословов основала Всеиндийскую мусульманскую лигу, а ее прошение о выделении мусульман в отдельную группу избирателей было удовлетворено в конституционном акте 1909 г.²⁹

В начавшем работу в 1912 г. центральном законодательном совете большинство мусульманских мест заняли представители Лиги, но ко времени первой мировой войны в ее персональном составе произошли некоторые перемены и на позицию лидера выдвинулся молодой преуспевающий юрист из Бомбея М.А. Джинна. Из всех крупных городов Индии в конце XIX — начале XX века Бомбей отличался наиболее быстрым ростом богатства и сплоченностью местной элиты, состоявшей в основном из парсов (зороастрийцев по вере, потомков выходцев из Персии), индусов и мусульман. Сложившиеся там предпосылки единого фронта верхних политически активных слоев способствовали заключению Конгрессом и Лигой соглашения о единстве действий при учете особых интересов религиозных меньшинств на выборах в провинциальные советы (пакт заключен в г. Лакнау в 1916 г.).

Временная религиозно-общинная гармония, усилившаяся в первые послевоенные годы совместным участием масс индусов и мусульман в кампании ненасильственного сопротивления Ганди и движении в защиту османского халифата, которое возглавили богословы деобандийской школы братья Шаукат и Мухаммад Али, вероятно, в немалой степени напугала англичан и в какой-то мере объясняет перенос ими центра тяжести организованной политической борьбы на провинциальный уровень.

В соответствии с реформами Монтегю–Челмсфорда в крупнейших (тогда шести) провинциях, возглавляемых губернаторами, вводилась система усеченного самоуправления. В результате выборов там образовались законодательные собрания, которые контролировали деятельность правительств. Однако высшая исполнительная власть оставалась в руках губернатора, который назначал советников, ответственных за сборы земельного налога, функционирование судов и полиции, ирригацию и вопросы труда (система получила название диархии, двоевластия, исходившего из деления провинциальных государственных департаментов на отвечающие за законность и порядок, с одной стороны, и «развитие нации», с другой)³⁰.

По новому положению мусульмане сохраняли свою избирательную курию, более того принцип общинного представительства был закреплен и расширен — сикхи получили свою когорту избирателей в Панджабе, христиане в Мадрасе, англо-индийцы и европейцы в ряде других провинций, в частности, в Бенгалии. Число

специальных курий, кстати, не ограничивалось религиозными, выделялось небольшое количество мест для университетов, крупных землевладельцев, промышленности и торговли.

Наибольшее значение и последствия имело однако введение религиознообщинных курий, прежде всего мусульманской, ибо численность мусульман приближалась к четверти от всего населения Индии, и мусульмане более или менее равномерно населяли различные регионы, хотя их было заметно меньше на дравидском юге и центральном Деканском плато.

Конституционные реформы англичан в 1920–30-х годах способствовали усложнению системы управления колонией и вытекали из их представлений об Индии как о лоскутном одеяле. Помимо шести губернаторских провинций (с 1923 по 1935 г. таковой также была Бирма) существовали провинции, возглавляемые лейтенант-губернаторами и главными комиссарами, которые не имели законодательных собраний.

Существенно тоже, что Британская Индия юридически не включала в себя индийские княжества. Они находились в отношении прямого подчинения короне и вице-король выступал по отношению к ним как ее представитель, осуществляющий права сюзеренитета (paramounts). Княжества, число которых превышало 560, распались на три группы. Немногие наиболее крупные по территории и населению вместе с достаточно большими, известными своей историей и богатством образовывали группу из 108 княжеств, правители которых непосредственно входили в палату князей, созданную по закону 1919 г. Более мелкие 127 княжеств посылали в палату совместно 12 представителей. Оставшаяся часть «княжеств» представляла собой крайне небольшие и малонаселенные территории (имения), которые пользовались традиционным налоговым иммунитетом и свободой от внешнего надзора.

Несмотря на выявившееся к 1920-м годам явное отставание княжеств по уровню экономического и культурного развития от большинства районов Британской Индии, колониальные власти по-прежнему отводили им большое место в создаваемой структуре управления «индийским континентом».

С 1924 г. в фазе спада ненасильственной борьбы пути партий и организаций, опирающихся на поддержку преимущественно индусской и мусульманской (а также сикхской) общин начинают расходиться. Возобновляются эксцессы на религиозной почве (антиин-

дусское восстание мусульман-мопла на Малабарском побережье провинции Бомбей, погромы в Северо-Западной пограничной провинции), усиливается деятельность религиозно-политических организаций индусов (*Хинду махасабха*) и сикхов (*Акали дал*), вновь расходятся позиции Конгресса и Лиги.

В 1930 г. на фоне вышеупомянутых английских обещаний статуса доминиона для Индии, требований полной независимости, выдвинутых Конгрессом, особой позиции Мусульманской лиги, добивавшихся гарантий соблюдения прав мусульманского меньшинства английское правительство собирает выразителей индийского общественного мнения в Лондоне для проведения конференции круглого стола с целью выработки основ новой конституции. Работа конференции растянулась на три года. Большинство делегатов были выбраны вице-королем, но представляли различные политические группы и специальные, главным образом религиозно-общинные, интересы. Весьма значительным было представительство князей. Конгресс участвовал только в одной из сессий конференции в 1931 г. и единственным его представителем был Махатма Ганди, которому не удалось извлечь пользы из длительного в то время морского вояжа³¹.

Главными вопросами, обсуждавшимися на конференции, были принципы формирования единой индийской федерации с учетом интересов князей и различных групп. Идея федерации предполагала устранение вышеупомянутого дуализма, который исторически сложился в ходе завоевания индийского континента англичанами, когда часть территории (около 60%) управлялась непосредственно британцами, а оставшаяся часть — подчиненными короне, но самостоятельными в плане внутреннего управления наследственными правителями. Князья первоначально позитивно отнеслись к плану объединения при условии сохранения за ними власти и привилегий. Однако затем в их рядах наметился раскол. Ни к чему не привело и обсуждение вопроса о гарантиях прав религиозных меньшинств. Дебаты начались с предложения отказаться от курий, а закончилось дело тем, что британское правительство еще до окончания конференции, в августе 1932 г., вынесло решение (Community Award) о закреплении куриальной системы на выборах в провинциальные легислатуры³².

Последствия неудавшейся конференции преодолевались достаточно долго и лишь в 1935 г. британский парламент принял новый

закон об управлении Индией. Разработанный консерваторами, находившимися тогда у власти, он, по словам современного английского историка Дж. Браун, был «нацелен на то, чтобы спасти и укрепить империю, а не ликвидировать ее»³³. Создание федерации ставилось законом в зависимость от желания правителей княжеств присоединиться к ней (за это должно было высказаться не менее половины членов палаты князей). До появления такого стремления наследственных правителей законом утверждалось сохранение прежней системы автократического правления вице-короля и его исполнительного совета (правительства Индии). В качестве уступки индийскому общественному мнению устранялась диархия в провинциях, где все департаменты стали возглавляться министрами, ответственными перед законодательными собраниями. Избирательный корпус по закону 1935 г. возростал примерно в шесть раз по сравнению с актом 1919 г. (с 5 до 30 млн человек) при сохранении пониженных цензов на имущество и образование и куриальной системы согласно решению 1932 г.

Закон, таким образом, не отменяя перспективу единого государства, передавал значительные властные полномочия на места, в провинции, поощряя тем самым тенденции к региональной консолидации и обособлению. Сохранение ослабленного централизованного начала в руках англичан делало их как бы гарантами единства Индии, одновременно раздробляя и направляя на решение местных проблем энергию политической элиты. При всей изобретательности такой схемы (главным ее автором считается государственный секретарь С. Хор) ее отличает преемственность по отношению к предшествующему конституционному акту и совпадение с принципами косвенного правления (через систему агентов и доверенных лиц), характерную, как выше отмечалось, для всей британской системы колониального устройства.

На этом фоне становятся понятными сложности, которые испытывали впоследствии сами англичане при стремлении «освободиться от империи». И в предложении Линлитгоу 1940 г. и в плане Криппса 1942 г. и в плане миссии кабинета 1946 г. содержались положения, вытекающие их традиционных для английской политики в Индии забот о правах отдельных провинций, учете интересов меньшинств, не только мусульман, но их в особенности, и привилегиях князей. Концепция раздробленности Индии по региональному, конфессиональному и административно-политическому основа-

нию определяла объем обязательств, взятых на себя консервативно настроенными колонизаторами.

Не возвращаясь еще раз к затронутым выше перипетиям выхода из этого тупика, остановлюсь лишь на проблеме подключения к общей схеме формирования двух доминионов индийских княжеств.

Надо отметить, что поглощенные проблемой Пакистана и позицией Мусульманской лиги английское правительство и лидеры Конгресса долгое время не придавали большого значения вопросу о княжествах. С одной стороны, это объясняется уверенностью в том, что после получения независимости наследственным правителям не останется ничего другого, как искать способ существования (*modus vivendi*) с новой властью и исходить при этом из своих более слабых позиций. С другой, причина состояла в том, что большинство князей достаточно рано осознали бесперспективность поисков какого-либо иного пути, кроме как сотрудничества с силами общендийского национализма (т. е. с Конгрессом) и пытались не испортить отношения с ним заявляли о готовности присоединиться к новой системе власти при сохранении за ними основных привилегий и прерогатив.

В то же время Национальный конгресс с 1938–39 гг. предусмотрительно обратил внимание на массовую борьбу, развернувшуюся в ряде княжеств под антифеодальными лозунгами, и возглавил наиболее влиятельную политическую организацию — Всеиндийскую конференцию народов княжеств. Выступая на ее сессии в конце 1945 г. Неру дал довольно точное представление о будущей политике правительства Конгресса по отношению к князьям — назначение им пенсий, оставление ряда привилегий при лишении прав самостоятельной внутренней юрисдикции, вовлечение, особенно на первых порах, в дела управления³⁴.

Большинство правителей вынужденно согласились с такими перспективами, а часть была настроена патриотично и лояльно по отношению к Конгрессу. Князья в целом благоприятно отнеслись к плану миссии кабинета, по которому им отводилась четверть мест в общендийском учредительном собрании и возможность влиять на окончательное государственное устройство в переходный период, оставляя за собой право выбора и торго. Однако воспользовавшись бойкотом учредительного собрания со стороны Мусульманской лиги и сикхов палата князей в декабре 1946 г. объявила об отказе участвовать в нем. Лишь позднее князья частично присоединились

к его работе, что свидетельствовало о колебаниях и расколе в их рядах³⁵.

Последнему во многом способствовала активность ряда высших чиновников колониальной администрации, прежде всего политического советника вице-короля в его качестве представителя короны, т. е. ответственного за отношения с княжествами, К. Корфильда. Известный своими консервативными взглядами, он поддерживал стремление отдельных наиболее крупных и самостоятельных правителей добиться фактической независимости. Узнав в декабре 1946 г. о наличии у вице-короля Уэйвелла плана поэтапной эвакуации английской армии из Индии с передачей полномочий местным правительствам (так называемый план распада, не принятый Лондоном и ускоривший замену вице-короля), Корфильд стал предпринимать меры к тому, чтобы дать возможность отдельным князьям «встать на собственные ноги»³⁶. Эта его деятельность продолжалась и после назначения Маунтбеттена в период, когда тот еще не принял решения о разделе и предлагал даже Лондону одобрить «план Балканью». Нужно отметить, что и в «команде» нового вице-короля, часть которой он унаследовал от старого, а часть привез с собой из Лондона, было немало сторонников балканизации Индии путем предоставления некоторым княжествам, прежде всего Хайдарабату, а также Бхопалу и Траванкуру, полунезависимого статуса, который позволил бы им со временем обрести права доминионов.

Однако большинство членов команды Маунтбеттена, как и он сам, и правительство в Лондоне четко определились в вопросе о судьбе княжеств после того, как Неру от лица Конгресса принял план раздела. Однако англичане при этом оказались заложниками прежней политики поощрения особого статуса княжеств и своих обещаний князьям не передавать против их воли права сюзеренитета государствам-наследникам Британской Индии³⁷.

Двойственность подхода к судьбе княжеств, как и к вопросу о балканизации Индии, вполне вписывается в дихотомию консервативной и либеральной политики. Правительство Эттли серьезно опасалось обструкции в парламенте со стороны консерваторов, очевидно, полагая, что такой вопрос, как предоставление Индии независимости, требует общенационального консенсуса. Скорее всего по этой причине в законе о независимости Индии, одобренном всем британским парламентом 18 июля 1947 г., о княжествах упоминается в специальном подразделе, где их судьба подчеркнута выно-

сится за скобки и утверждается, что сюзеренитет короны над ними прекращается и им возвращаются все права, которыми они обладали до вступления в договорные отношения с ней³⁸.

Понимать это как предоставление княжествам выбора остаться независимыми нельзя, т. к. Англия соглашалась на признание «независимыми доминионами» только Индии и Пакистана. О создании каких-либо других доминионов речи не было.

Некоторые правители попытались однако «не заметить» это обстоятельство и заявили о своем желании обрести самостоятельность. Это заставило Маунтбеттена уже как будущего генерал-губернатора нового доминиона вплотную заняться проблемой княжеств, сета на неожиданно для него возникшие осложнения³⁹. Выступая 24 июня в палате князей он ссылаясь на ее решение поддержать в 1946 г. план миссии кабинета как свидетельство выраженного тогда согласия войти в федерацию и призывал правителей сделать выбор в пользу Индии или Пакистана в зависимости от географического положения и с учетом интересов своих подданных⁴⁰.

К середине августа, т. е. к моменту провозглашения независимости, проблема была в целом решена. Абсолютное большинство князей определилось с выбором в пользу того или иного доминиона. Правители Траванкура и Бхопала отказались ввиду бесперспективности от претензий на самостоятельный статус. В числе спорных остались только три вопроса. Во-первых, низам Хайдарабада настаивал на статусе доминиона. Во-вторых, мусульманский правитель небольшого княжества Джунагадх на полуострове Катхиавар в западной Индии заявил о желании присоединиться к Пакистану, несмотря на то что 80% его подданных составляли индусы, а с Пакистаном его связывал только морской путь. В-третьих, индусский правитель северного, преимущественно мусульманского княжества Джамму и Кашмир колебался в надежде добиться особого статуса. К середине августа он заключил договор о временном статус-кво с Пакистаном и вел переговоры о том же с Индией⁴¹.

Из трех спорных проблем с присоединением княжеств история в наследство оставила только одну — кашмирскую, но и ее оказалось достаточно, чтобы этот вопрос не потерял значение для современности. Спор вокруг судьбы Джамму и Кашмира не решен до сих пор, территория бывшего княжества остается временно разделенной, трижды или даже четырежды (с учетом конфликта 1999 г.) на ней происходили бои между силами Индии и Пакистана, существова-

ние проблемы отравляет атмосферу в регионе и остается в центре мировой политики.

Что касается вины англичан за создание кашмирской проблемы, то ее степень может быть оценена по-разному. Представляется, что Маунтбеттен в качестве последнего вице-короля Британской Индии и первого генерал-губернатора индийского доминиона старался способствовать присоединению Кашмира к Индии. В этом убеждает и близость его взглядов на будущее субконтинента к представлениям руководителей Конгресса, прежде всего Неру, и попытка воздействовать на позицию кашмирского махараджи, и вероятное влияние на определение линии раздела Пенджаба, которая дала Индии возможность иметь общую границу с княжеством⁴².

В то же время Маунтбеттен не мог отказаться от принципа демократического самоопределения, который правительство лейбористов считало очень важным при решении судьбы бывшей колонии. После плебисцитов о присоединении к Индии или Пакистану, проведенных в СЗПП и ассамском округе Силхет, было естественным настаивать на применении того же принципа в отношении спорных княжеств. Правительство Индии в феврале 1948 г. пошло на проведение такого плебисцита в княжестве Джунагадж, до того занятого индийскими войсками. Естественным в той обстановке представляется и решение Дели, которое принималось при участии английского генерал-губернатора объявить о плебисците (как форме массового волеизъявления) в Джамму и Кашмире, после того как большая его часть оказалась в конце октября того года под контролем индийских регулярных частей, а меньшая — под фактической юрисдикцией Пакистана.

Индийско-пакистанский конфликт, начавшийся тогда с вторжения пуштунских ополчений в центральную часть княжества, Кашмирскую долину, привел к сокращению переходного этапа, когда у двух вновь созданных государств имелись общий штаб обороны и единый главнокомандующий. Так как вместо предполагавшегося мирного развода произошла крупная ссора, единое командование прекратило существование уже в конце ноября 1947 г., а в самом конце года Индия обратилась с жалобой на Пакистан в Организацию объединенных наций, не видя в Британском содружестве международной организации, способной оказать посреднические услуги в разрешении возникшего у нее с другим доминионом спора.

Отношения между двумя доминионами, помимо Кашмира осложнялись на первых порах и другие проблемы, связанные с разделом финансовых и материальных ресурсов, существованием миллионов беженцев и т. д. В обеих странах шел процесс административно-политической консолидации и формирования укомплектованного национальными кадрами государственного аппарата.

Оставшиеся после передачи власти на своих постах английские чиновники, в том числе высший военный и гражданский персонал, в течение полутора-двух лет в основном покинули Индию и Пакистан. Существенной вехой на этом пути стала замена Маунтбеттена на посту генерал-губернатора Индии в июне 1948 г. (к назначенной еще в начале 1947 г. дате британского ухода) индийцем Ч. Раджагопалачари.

Заключение

Английское господство над Индией заняло столь продолжительный отрезок времени, начавшись с освоения портовых факторий еще в первые десятилетия XVII в., что накануне ухода Британской империи многие и среди англичан, и среди индийцев не верили в его реальность⁴³.

Между тем, занимая ключевое положение в системе британских заморских связей, Индия была первой из населенных по преимуществу представителями неевропейской (небелой) расы колонией, которая поднялась на борьбу за самоуправление и ответственное перед выбранными органами правительство.

Общественное мнение Англии по вопросу о политических перспективах Индии раскололось на два лагеря — консервативный и либеральный. Консерваторы (причем не только члены одноименной партии) исходили из того, что индийский политический класс недостаточно подготовлен, чтобы передавать ему управление страной, а сама Индия не представляет собой единого целого, ее отличают непримиримые противоречия между индусами и мусульманами, обособленность интересов других религиозных и расовых общин.

Другой лагерь состоял к 1930–40-м годам главным образом из членов лейбористской партии и отличался либеральным подходом к проблеме индийской независимости. Последний заключался в осознании популярности и силы массовых индийских политических организаций, прежде всего Национального конгресса. Отправным

моментом служило понятие единой Индии, созданной или воссозданной целенаправленными усилиями поколений по преимуществу благожелательно настроенных британских колонизаторов. По мнению лейбористов, после окончания Второй мировой войны для Англии пришло время освободиться от бремени имперских обязательств в отношении Индии. При этом надо было как можно лучше подготовить уход, сохранив тесные связи с силами, которые встанут у власти.

Консервативно-либеральное размежевание не было глубоким. Элементы тех и других представлений сочетались в политической линии, но на последнем этапе преобладал либеральный подход. Между тем, единства Индии сохранить не удалось. Коротко остановлюсь в заключение на двух факторах общего свойства, которые, по-видимому, помогают это объяснить.

Первый из них не имеет отношение к англичанам и их политике. Речь идет о реальной силе исламских и панисламских настроений среди значительного большинства населения британской колонии. В отличие от индуизма, территориально и расово замкнутой религии, ислам не имеет внутри определяемых границ, он вненационален и экстерриториален. С конца XVIII в. в Индии (как и в Аравии) начался современный этап его традиционалистского возрождения (возвращения к истокам, фундаментализма). В период между мировыми войнами, после краха Османского султаната и халифата индийский исламизм вылился в поиск не привязанной жестко к Ближнему Востоку идентичности. Вместе с тем, это совпало с оживлением панисламизма в арабском мире. Таким образом, на историческом этапе определения судьбы единой Индии исламизм и панисламизм оказались в фазе первичного подъема, что не могло не повысить шансы на создание первого в мире государства на мусульманской религиозно-общинной основе.

Второй фактор связан с британской геополитикой, видоизменением системы стратегических предпочтений. Хотя Дальний Восток и Юго-Восточная Азия оставались регионами, имеющими значение для интересов Англии, главное внимание после Второй мировой войны она обратила на Ближний Восток и Африку. Там располагались ее многочисленные колонии и подмандатные территории. Роль региона возросла также из-за наступления эры нефти, пришедшей на смену веку угля как главного топливно-энергетического ресурса. Все это, видимо, объясняет благосклонность, с которой

англо-индийские власти и общественное мнение в метрополии отнеслось к идее раздела Индии и создания там отдельного государства с мусульманским большинством. Тем более, что с прецедентами и требованиями образования государств на религиозно-коммуналистских принципах Англия сталкивалась и в Ирландии, и в Палестине.

Примечания

¹ Первые опыты либерализма относятся в основном к концу 1820-х — началу 1830-х годов, периоду генерал-губернаторства лорда Бен-тинка, и связаны с идеями и программой действий английских утилитаристов (А. Смита, Дж. Бентама, Дж. Милля и др.), см.: *Stokes E. The Peasant and the Raj. Studies in agrarian history and peasant rebellion in colonial India.* Cambridge, Cambridge University Press, 1978, Ch. 1. Преобразовательные цели нашли отражение в принятых британским парламентом в 1833 и 1853 гг. Хартиях, регулирующих управление Индии торговой Ост-Индской компанией, и хорошо известны, в частности, благодаря таким работам К. Маркса, как Британское владычество в Индии, Будущие результаты британского владычества в Индии и др., см: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е, т. 9, М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957, с. 130–136; 224–230.

² *Brown J.M. Modern India. The origins of an Asian democracy.* Oxford: Oxford University Press, 1994, p. 133–135.

³ India, history of: The Postwar years // *Encyclopedia Britannica*, CD Rom Deluxe edition 2000.

⁴ *Smith V. The Oxford History of India / ed. P. Spear.* New Delhi: Oxford University Press, 4th ed., 1988, p. 780–781; *Brown J.M. Modern India*, p. 204.

⁵ *Moore R.J. Escape from Empire. The Attlee Government and the Indian Problem.* Oxford: Clarendon Press, 1983, p. 33–34.

⁶ *Low D.A. Britain and Indian Nationalism. The imprint of ambiguity 1929–1942.* Cambridge: Cambridge University Press, 1997, p. 8–17, e. a.

⁷ *Moore R.J. Escape from Empire*, p. 22.

⁸ *Low D.A. Britain and Indian Nationalism*, p. 45; *Brown J.M. Modern India*, p. 270.

⁹ *Low D.A. Britain and Indian Nationalism*, p. 22.

¹⁰ *The Transfer of Power // Ed. K.S. Hasan.* Karachi: Pakistan Institute of International Affairs, 1966, p. 19–20.

¹¹ *Low D.A. Britain and Indian Nationalism*, p. 19–20.

¹² *Датт П.* Индия сегодня. М., Гос. изд-во иностранной литературы, 1949, с. 566–567; *Brown J.M. Modern India*, p. 360.

- ¹³ *Датт П.* Индия сегодня, с. 570.
- ¹⁴ Там же, с. 576.
- ¹⁵ *Brown J.M.* Modern India, p. 320–325.
- ¹⁶ *Датт П.* Индия сегодня, с. 589; *Brown J.M.* Modern India, p. 323–324.
- ¹⁷ *Moore R.J.* Escape from Empire, p. 84, 94.
- ¹⁸ Текст плана приводится в приложении к книге В.П. Менона (*Menon V.P.* The Transfer of Power in India. Bombay: Orient Longman, 1957 Appendix IV, p. 470–476.) Кстати, в известной работе А.М. Дьякова (*Дьяков А.М.* Индия во время и после Второй мировой войны. (1939–1949). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952) группы В и С поменялись местами (с. 84, 86) Эта ошибка воспроизводилась впоследствии в ряде работ наших авторов.
- ¹⁹ Неотвратимость раздела и образования Пакистана в границах территорий с мусульманским большинством (согласно переписи 1941 г.) интуитивно понимали чиновники лондонской Индия оффис еще в начале 1946 г. перед отъездом миссии кабинета в Индию. К этому событию они составили меморандум, где прямо утверждается, что несмотря на экономические, финансовые и военные потери и неудобства от раздела, он, скорее всего, состоится и прилагали карты будущего Пакистана, границы которого совпадают с позднее проведенными, см: *The Transfer of Power 1942–7 / Ed. N. Mansergh et. al. L.: H. M. Sratorary Office, 1976, p. 951–966.*
- ²⁰ *Brown J.M.* Modern India, p. 362; *Moore R.J.* Escape from Empire, p. 204–205.
- ²¹ Текст заявления см: *The Transfer of Power, p. 198–202.*
- ²² *Menon V.P.* The Transfer of Power in India, p. 365; *Moore R.J.* Escape from Empire, p. 245–248.
- ²³ *Ibid*, p. 188, 193.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 316–317.
- ²⁵ В вышеупомянутой книге А.М. Дьякова (Индия во время и после Второй мировой войны) неизменно употребляется термин расчленение, и вина за это возлагается на английские власти. Такой же подход сохранялся и далее, см., например, *Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индия. М.: Наука, 1979, с. 461, 472, 476, 478, 482.
- ²⁶ *Bence-Jones M.* The Viceroy of India. L., Constable, 1982, p. 98.
- ²⁷ *Strachey J.* India. L.: Keagan Paul, 1888.
- ²⁸ *Smith V.* The Oxford History of India, p. 806.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 787–788. В центре диархия отсутствовала и имперский законодательный совет, выборы в который прошли в соответствии с новым конституционным актом в 1923 г., играл роль лишь совещательного органа.

В то же время в исполнительном совете при вице-короле (аналоге кабинета министров) квота индийцев увеличилась почти до половины.

³⁰ *Damm П.* Индия сегодня, с. 451.

³¹ *Brown J.M.* Modern India, p. 272–273.

³² *Ibid.*, p. 289–290.

³³ *Ibid.*, p. 283–284.

³⁴ *Damm П.* Индия сегодня, с. 464–465; *Дьяков А.М.* Индия во время и после Второй мировой войны, с. 161.

³⁵ *Дьяков А.М.* Индия во время и после Второй мировой войны, с. 107; *Moore R.J.* Escape from Empire, p. 295–296.

³⁶ *Moore R.J.* Escape from Empire, p. 294.

³⁷ *Ibid.*, p. 290–293.

³⁸ The Transfer of Power, p. 265, 268–269.

³⁹ *Moore R.J.* Escape from Empire, p. 290; *Hodson H.V.* The Great Divide. Britain, India and Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 1985, p. 357–359.

⁴⁰ В частной инструкции премьер-министр писал Маунтбеттену: «Вы должны посодействовать тому, чтобы княжества вступили в переговоры с лидерами Британской Индии по поводу их отношений в будущем». *Ibid.*, p. 358.

⁴¹ *Ibid.*, p. 381, 385–386.

⁴² См.: *Lamb A.* The Birth of a Tragedy. Kasnmir 1947. Hertingfortbury: Roxford Books, 1994.

⁴³ Любопытно, что передававший в 1943 г. эстафету правления Индией лорд Линлитгоу в беседе с новым вице-королем Уэйвеллом выразил мнение, что Англия останется в Индии еще по меньшей мере на 30 лет — *Wavell.* The Viceroy's Journal / Ed. P. Moon. L.: Oxford University Press, 1973, p. 33.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В СОЗДАНИИ И СОХРАНЕНИИ ПАКИСТАНА*

Проблема территории, географического пространства не перестает быть весьма актуальной для исторической и политологической литературы. Такой интерес к географической компоненте связан с разнообразными причинами как внешнего для науки (социального), так и внутреннего (собственно познавательного, эпистемологического) характера. Если говорить о внутренних причинах, то имеет значение, вероятно, статус географической науки, как одной из наиболее «точных» среди гуманитарных. В качестве примера широкого использования пространственных, территориальных категорий и построений в нашей литературе можно привести работы А.Д. Воскресеенского по мировому комплексному регионоведению¹, а в западной — исследования по осмыслению территории в историческом ключе².

Одним из наиболее востребованных аспектов территориальности служит связь с национализмом. Общность территории является неперемennым признаком нации-государства, но ее значение в массовом сознании, как правило, уступает таким свойствам, как единство языка, культуры, религии. Этим, видимо, объясняется обострившееся в последнее время внимание к категории «территория» при обсуждении проблем нации, этничности, национализма³.

Особую роль территория играет в мусульманском мире. Известно, что ислам как религия и основа политической идеологии не признает делений на расы, языковые, этнические группы и региональные сообщества. Догматически это поистине мировая, универ-

* Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность / Руководитель проекта И.П. Глушкова; отв. ред. А.В. Бочковская. Институт востоковедения РАН, М., 2016, с. 658–678. Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю благодарность Евгении Юрьевне Ваниной за замечания и предложения, сделанные в ходе редактирования статьи.

сальная религия, не делающая никаких различий между людьми, какого бы происхождения они ни были. Существование политических образований внутри исламского мира можно считать отступлением от его идеалов. Оно допускается ввиду реальных условий, в которые поставлены верующие, вынужденные защищать право исповедовать свою религию. Территориальность, или региональность, характерная для мусульманской цивилизации на всех этапах ее эволюции, наличие национализма больших и малых наций и этнических групп, остается предметом серьезных и актуальных научных дискуссий и экспертного анализа⁴.

Хотя тема региональных вариантов наиболее часто поднимается в связи с проблемой арабского единства и государственной разобщенности арабов, территория как объединяющий момент имеет значение и вне арабского мира, в частности, в индийско-мусульманском ареале.

Напомним, что образование Пакистана обычно связывают с «теорией двух наций» Мухаммада Али Джинны (1876–1948), признанного «отца-основателя» страны. Он считается политическим деятелем, в наибольшей мере ответственным за раздел колониальной Индии в 1947 г., который произошел одновременно с предоставлением ей независимости. М.А. Джинна исходил из постулата о существовании особой нации мусульман в масштабах всей Индии. Поэтому надо полностью согласиться с трактовкой идеологии такого мусульманского национализма, как коммунализма, т. е. национализма религиозной общины^{5, i}. «Коммуналистский» вариант Джинны и его идейных предшественников (Сайида Ахмада Хана и др.) не был единственным, но «затмил», оттеснил на задний план другие. Причем отличия между версией Джинны и других теоретиков ком-муналистской мусульманской идеологии заключались в различных представлениях о территории будущего государства.

ⁱ При этом Е.Ю. Ванина, тонко проанализировав мусульманский и индусский варианты «воображения» нации как религиозной общины, заключает, что «мусульманский и индусский коммунализмы возникли в индийской националистической (религиозно-националистической? — В.Б.) мысли практически одновременно» и подпитывали друг друга. Им обоим противостоял общегражданский вариант «воображения» нации, исходивший из единства Индии, независимого от религиозной принадлежности ее населения. «Эксклюзивный» коммуналистский подход противостоял «инклюзивному национализму» или «секуляризму». См.: *Ванина Е.Ю.* Индия: история в истории. М.: Восточная литература, 2014, с. 191.

Именно отношение к территории определяет специфику проектов (провидения) «духовного отца» мусульманского национализма, известного поэта и религиозного философа Мухаммада Икбала (1877–1938), а также автора идеи образования государственного образования под придуманным им названием «Пакистан» Рахмата Али Чоудхари (1897–1951).

Построения «территориальных националистов» оказались в итоге реалистичнее представлений Джинны относительно единой мусульманской нации и одного государства для мусульман всей Индии, где они не были бы в меньшинстве и не оказались «под пятой у индусов». Боязнь *хинду раджа* («правления индусов») лежала и лежит до сих пор в основе пакистанского национализма, составляя важнейшую черту так называемой обратной идентичности, т. е. самоосознания себя через образ другого, отталкивание от него⁶. Важно иметь в виду, что это не единственный элемент пакистанского национализма — кроме «негативных» имелись изначально и постепенно укреплялись его позитивные черты, синтезировавшие религиозные и территориальные, социальные и политические аспекты.

Ислам и территориальный национализм

Для абсолютного большинства мусульман и сторонников исламской идеологии ислам представляет собой в полной мере мировую, универсальную религию. Хотя никто, естественно, не оспаривает его арабских корней, ислам устремлен к всеобщности. Вместе с тем, как отметил Г.В. Милославский, концепция «исламского единства» на рубеже нового и новейшего времени послужила фундаментом и для панисламизма, и для мусульманского национализма⁷. Ту же двойственность, выделение и сочетание как всеобщих, общемировых, так и особенных, территориальных и этнорегиональных компонентов в представлениях исламских теоретиков подчеркивали также З.И. Левин, Р.Р. Сикоев и другие авторы⁸; об арабском национализме/национализмах⁹.

Такого рода дуализм характеризовал и воззрения ведущих теоретиков исламизма в колониальной Индии. Там при этом, как, впрочем, и в других частях исламского мира, можно обнаружить несколько уровней сочетания всеобщности и конкретности в преломлении к вопросу о территориальном охвате ислама и его идеологии. Первый из них — высший, общемировой, второй — макрорегио-

нальный (в частности, панарабский, общеиндийский), третий — региональный, регионально-конфессиональный, объединяющий некоторые исторически сложившиеся территориальные комплексы, наконец, четвертый — субрегиональный, зачастую совпадающий с ареалом обитания определенной этнической, осознающей себя в качестве особой историко-языковой общности.

Среди теоретиков исламского универсализма в колониальной Индии выделяется Мауланаⁱⁱ Абул Ала Маудуди (1903–1979). Близкий к распространенной в Индии суннитской школе богословия деобанди, А.А. Маудуди встал во главе идейного течения, аналогичного движению «Братьев-мусульман» в арабском мире. Что касается воззрений на исламское государство, то, по его словам, «подлинное государство ислама на ограниченной территории существовать не может — власть ислама должна быть всемирной»^{10, iii}. В соответствии с такой целью Маудуди в 1930–1940-х годах призывал обращать в ислам индусов, сикхов, христиан и др. Выступая против идеи создания Пакистана, он основал в 1941 г. общеиндийскую исламскую партию нового типа под названием *Джамаат-е ислами* («Исламское общество»). Долгое время Маудуди не верил, что создание Пакистана отвечает целям «исламской революции», и лишь спустя некоторое время после образования страны перебрался в нее из Индии. Оказавшись в стране с мусульманским большинством, он направил свою энергию на борьбу за глубокую исламизацию государства. Тем самым Маудуди смог примирить свой универсализм, «революционный» панисламизм, с образованием территориально ограниченного Пакистана.

Помимо радикальных сторонников идей исламского универсума (ойкумены) в колониальной Индии были приверженцы умеренных взглядов. Их позиции усилились после поражения Османской империи в Первой мировой войне на волне массового протеста против ущемления «европейскими империалистами» власти халифа правоверных, которым являлся (до 1923 г.) османский султан. Во главе

ⁱⁱ *Маулана* — почетный титул, переводимый как «[наш] господин».

ⁱⁱⁱ См. также о его взглядах: *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М.: Издательство восточной литературы, 1963, с. 41–43; *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2003, с. 41–43; *Филимонова А.Л.* Идея национальной идентичности. Опыт Пакистана. М.; СПб.: Нестор-История, 2013, с. 133–134.

халифатистского движения встали руководители первой крупной религиозно-политической партии Индии *Джамият-е улама-е хинд* («Сообщество индийских улемов»). Ввиду того, что их борьбу поддержал, придав ей характерные для индуизма ненасильственные формы, харизматический лидер Индийского национального конгресса (ИНК) Махатма Ганди, халифатисты по большей части перешли на позиции Конгресса. Мусульмане-конгрессисты, прежде всего их наиболее видный представитель, Маулана Абул Калам Азад, объединяли цели защиты ислама и прав мусульман с задачей национально-освободительной борьбы в Индии. Они выступали как националисты секулярного, общегражданского типа, а с точки зрения территориального аспекта как сторонники общеиндийского, макрорегионального национализма.

К такому же типу представлений в начале своей профессиональной и общественной карьеры склонялись как М. Икбал, так и М.А. Джинна. Первый из них оставался на позициях всеиндийского национализма относительно короткий период. Но в своих первых и весьма популярных поэтических сочинениях Икбал предстает как поборник единства Индии, солидарности мусульман с индусами и другими представителями «большой родины»¹¹. Как отмечают исследователи творчества и политических взглядов Икбала, он несколько раз менял свои идейные приоритеты — второй период в его творчестве характеризуется как панисламистский (1908–1926). В дальнейшем в творчестве и общественно-политической деятельности Икбала на передний план выходит национализм третьего уровня, региональный¹². Наиболее известным выражением таких настроений считаются слова Икбала, сказанные им в качестве президента Всеиндийской мусульманской лиги на ее сессии в Аллахабаде в 1930 г. Защищая идею коммунализма, религиозной общности как вполне закономерную в условиях, когда ИНК, по его мнению, встал на проиндусские позиции, Икбал считал обоснованным требование мусульман о создании «мусульманской Индии» внутри Индии. Развивая эту мысль, он провозгласил, что хотел бы видеть «Панджаб, Северо-Западную пограничную провинцию, Синд и Белуджистан объединенными в одно государство»¹³. Из дальнейшего текста его речи следует, что под государством (state) он имел в виду самоуправляемую территорию в рамках Британской империи или вне ее рамок, т. е. на этапе после освобождения. Конечною целью он видел в «создании консолидированного северо-за-

падного индийского мусульманского государства»¹⁴. Таким образом, Икбал на «пакистанском» этапе развития своих политических представлений выступал как сторонник территориального, регионально-надэтнического национализма.

В этом русле развивались и построения упомянутого выше Р.А. Чоудхари. Учась в Кембридже, он в начале 1933 г. выпустил памфлет, в котором «от имени 30 миллионов мусульманских братьев», населяющих пять северных областей Индии» выступил с призывом к созданию «мусульманской федерации» под названием «Пакистан», состоящей из Панджаба, Северо-Западной пограничной провинции (Афганской провинции), Кашмира, Синда и Белуджистана. При этом он ссылаясь на общее наследие мусульман Индии и присущие им черты «отдельной национальности»¹⁵. В дальнейшем Чоудхари опубликовал ряд брошюр на тему Пакистана, а в 1940-х годах в Индии и Англии вышли и обстоятельные его труды с изложением планов образования не одного, а целого ряда мусульманских государств. Помимо Пакистана он обосновывал образование Бангистана на востоке — в Бенгалии, Османистана — в центре на базе княжества Хайдарабад, а также Муинистана, Сиддикистана, Хайдаристана, Фарукистана и Маплистана в Северной и Южной Индии, выделяя тем самым все территории с более или менее компактным мусульманским населением¹⁶. Хотя планы образования такого количества мусульманских государств страдали очевидными натяжками, его труды содержали в себе «провидение» двух ныне существующих государственных образований. Следует также подчеркнуть амбивалентность его схем: наряду с территориальным в них с самого начала присутствовал религиозный компонент. Переосмысливая Пакистан как «страну чистых [*pak* (урду) — «благочестивый, правоверный»; *stan* — «территория, ареал»], он набрасывал план создания 10 мусульманских образований (*миллат* или *диниа*) в Индии и на Цейлоне, объединенных в Пакистанское содружество наций, которое мыслил как часть всемирного содружества мусульманских государств.

Что касается М.А. Джинны, то он на протяжении весьма значительной части своей общественно-политической карьеры оставался верным идеалу единой Индии. В 1916 г. Джинна от имени Всеиндийской мусульманской лиги, куда он вступил за три года до этого, подписал дружественный пакт с Конгрессом в Лакхнау, став, по выражению руководителя ИНК того времени Г.К. Гокхале, «по-

словом индуско-мусульманского единства»¹⁷. В дальнейшем, борясь за обеспечение прав мусульман во властных и представительных структурах, он не поддерживал региональных устремлений и выступал против усиления прерогатив отдельных провинций. В отличие от Икбала, Джинна никогда не был исламским идеологом и не испытывал влияния панисламизма с его антизападническим уклоном^{iv}. Однако в конце 1930-х годов отчасти под влиянием Икбала, ведшего с ним интенсивную переписку, отчасти же из-за ошибок ИНК, подстегнувших коммуналистский мусульманский проект, Джинна воспринял идею территориально ограниченной «мусульманской Индии». Но наперекор знаменитой Лахорской резолюции Мусульманской лиги от 23 марта 1940 г., которая провозглашала в качестве цели партии создание двух «независимых государств» на северо-западе и востоке страны¹⁸, он настаивал на борьбе за одно государство для «нации индийских мусульман». В его представлении Пакистан территориально включал около половины Британской Индии. Пакистан после раздела, по замыслу Джинны, должен был установить мирные добрососедские отношения с другой половиной — индусской. При этом «княжеская Индия» (две пятых территории) оставалась за скобками его планов раздела, и княжества могли, согласно публичным высказываниям Джинны, сохранять любую форму отношений с метрополией¹⁹.

Идеалом Джинны, была, таким образом, большая территория Индии (в границах, которыми непосредственно управляли англичане) с относительным и весьма небольшим мусульманским большинством. В этом государстве должны были полностью соблюдаться права представителей других вероисповеданий, в то время как в немусульманской Индии — права мусульманского меньшинства. С точки зрения вопроса о территориальности и национализме этот идеал можно охарактеризовать как усеченный макрорегионализм.

Распад территориально разобщенного государства

Действительность, как часто бывает, оказалась куда менее идеальной, чем планы. Хотя в расчеты Джинны, как будто, входило

^{iv} Поглощенность Джинны общеиндийской политикой хорошо продемонстрирована в капитальном историческом труде бывшего министра иностранных дел в правительстве *Бхаратия джаната парти* (1999–2004) Джасванта Сингха (Singh J. Jinnah. India – Partition – Independence. N. D.: Rupa and Co, 2009).

переселение мусульман в районы с компактным мусульманским большинством, оно не представлялось ему «одномоментным» и трагическим событием. Джинна был крайне недоволен разделом двух крупнейших провинций на северо-западе и востоке субконтинента Панджаба и Бенгалии — и с трудом мирился с доставшимся ему «побитым моллю» Пакистаном.

Напомним, что созданный в 1947 г. доминион Пакистан состоял из двух территорий, западной и восточной, отстоящих друг от друга по прямой на 1500 км. Ввиду малого развития авиационного сообщения, связь между ними на первых порах могла осуществляться только морем. Протяженность морского пути вокруг полуострова Индостан равнялась примерно 3500 км. Если не считать США (с Аляской, оторванной от основной территории), другого такого государства на политической карте мира не было. И не случайно многие наблюдатели уже в момент образования «первого Пакистана» предсказывали ему неизбежный распад.

Западное «крыло» страны превосходило восточное по площади примерно в шесть раз (800 тыс. против 144 тыс. кв. км). Но с демографической точки зрения более крупной была восточная часть — согласно переписи 1951 г., там находилось 42 млн человек (55% от всего населения), а в западной — 34 млн. По переписи 1961 г., из 94 млн человек, проживавших во всем тогдашнем Пакистане, на Восточный Пакистан приходилось 54% (51 млн), а на Западный — 43 млн человек²⁰.

Демографическое неравенство накладывалось на территориальную разобщенность, что добавляло к проблеме связи и коммуникаций вопрос о распределении экономических ресурсов и политических предпочтений. Носители государственной власти обосновались в западной части страны. Ее морские ворота — портовый город Карачи, стал столицей нового государства (в 1948 г. выделен в особый столичный округ). Туда приехали сотни тысяч переселенцев из Северной и Центральной Индии, чьим родным языком был преимущественно урду. Они стали известны как *мухаджир* в честь первых мусульман, совершивших вместе с пророком Мухаммадом *хиджру* (переселение) из Мекки в Медину. Из числа мухаджиров, среди которых было много образованных и квалифицированных людей, формировался в основном слой первых пакистанских бюрократов и государственных служащих.

Восточную часть страны, удаленную от центра власти на тысячи километров, составили восточные и центральные округа провин-

ции Бенгалия, а также округ Силхет, входивший в колониальное время в расположенную к северу от нее провинцию Ассам. В географическом и этническом отношении восточная провинция Пакистана обладала почти абсолютной однородностью. Расположенная на аллювиальной равнине, она занимала Бенгальскую дельтовую низменность, образованную великими реками Гангой и Брахмапутрой. Население этой изрезанной бесчисленными водными артериями провинции на 98% состояло из бенгальцев (беженцы-мусульмане были в основном выходцами из Западной Бенгалии и лишь несколько сот тысяч из областей к западу от бенгальского ареала, в основном из Бихара. По этой причине неассимилировавшиеся переселенцы получили наименование *бихари*).

Почти абсолютная этнолингвистическая гомогенность Восточной Бенгалии способствовала превращению ситуации с официальным языком в одну из главных для молодого государства. М.А. Джинна не хотел признавать бенгальский в качестве государственного языка, полагая, что он имеет значение лишь для восточной провинции. Единая мусульманская нация, по его представлениям, должна была иметь единый разговорный и письменный язык общения — урду, как наиболее соответствующий природе мусульманской нации.

В связи с тем, видимо, что княжеская Индия не входила автоматически, по представлениям Джинны, в состав западнопакистанской территории, он старался не придавать спору вокруг Кашмира (северного княжества Джамму и Кашмир) чрезмерного общественного значения^v. В то же время единство территориально разобщенного Пакистана тревожило его в очень большой степени. Несмотря на плохое состояние здоровья, он в марте 1948 г. посетил Восточную Бенгалию. В речи перед отъездом оттуда он, в частности, сказал, что в таком вновь образованном государстве, как Пакистан, «состоящем из двух далеко отстоящих друг от друга частей», сплоченность и солидарность граждан «необходимы для его прогресса и даже выживания»²¹.

После охвативших Восточный Пакистан в начале 1950-х годов массовых выступлений за признание бенгальского общегосударственным языком центральные власти были вынуждены пойти на

^v В речах Джинны, произнесенных им в период, когда он занимал пост первого генерал-губернатора Пакистана (14.08.1947 — 11.09.1948), слово «Кашмир» упоминается всего один раз (*Jinnah M.A. Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948. Karachi: Pakistan Publications*).

удовлетворение этого требования. Однако и затем главный вопрос решен не был. А он состоял в неравенстве возможностей для выходцев из восточной части страны по сравнению с представителями западной, для которых язык урду, оставшийся основным (наряду с английским) для центрального аппарата власти, был либо родным, либо близким по структуре к родному, являясь, что очень важно, основным языком школьного обучения во всех регионах западной части страны (за исключением сельского Синда).

Опустив вопросы, связанные с политической историей существования территориально разобщенного Пакистана²², заметим лишь, что демографическое преобладание политически дискриминируемого Восточного Пакистана было одной из главных причин, долгое время препятствовавших проведению в стране всеобщих выборов. Лишь в 1970 г., после второго военного переворота, армейская бюрократия пошла на организацию выборов — и просчиталась. Жители Восточного Пакистана почти единодушно отдали свои голоса выступавшей за широкую автономию партии *Авами лиг* («Народная лига»). Ее глава должен был возглавить кабинет министров, если бы военным правителям и политическим лидерам двух частей Пакистана удалось договориться о созыве парламента. Соглашения не достигли ввиду нежелания западнопакистанской военно-политической элиты пойти на передачу существенной части властных полномочий и экономических выгод представителям Восточного Пакистана. На фоне зашедших в тупик переговоров между представителями запада и востока страны движение за автономию восточной провинции переросло в массовую кампанию за создание на ее месте Бангладеш («страны бенгальцев»).

Грубое подавление военными антиправительственных выступлений привело к затяжному кризису в Пакистане, обострению его отношений с Индией, на территорию которой переместились миллионы беженцев, и к индийско-пакистанской войне в декабре 1971 г., завершившейся капитуляцией группировки пакистанских войск, дислоцированной на востоке страны. Последовавшее образование Народной республики Бангладеш можно считать торжеством конфессионально-регионального принципа, реализацией модели этнической мусульманской территориальности.

Этнорегионализм в территориально интегрированной стране

С отделением Бангладеш на месте западной части Пакистана возникла по существу новая страна со старым названием. Она стала примером реализации мусульманского территориального национализма третьего вида (см. выше), а именно — территориально-интегрированного, надэтнического. В отличие от однородного в природно-хозяйственном и этническом отношении восточного крыла «первого Пакистана», его западное крыло отличалось серьезными эколого-социальными различиями и сложным этнолингвистическим составом.

Западный Пакистан располагался в географическом ареале, где стержневую роль играл бассейн еще одной великой азиатской реки, Инда, и ее крупных притоков — Джелама, Чинаба, Рави и Сатледжа. Северная часть западнопакистанского ареала охватывала равнину Панджаба (Пятиречья), а южная часть — Синдскую низменность. К плоской долине Инда с севера прилегали горные хребты Гиндукуша, а с запада — Иранского нагорья. Различия между орографическими областями во многом предопределили формирование четырех основных историко-культурных областей — Панджаба (в верхнем и нижнем течении Инда и четырех его притоков), Синда (в нижнем течении и дельте реки), пуштунских земель в предгорьях и горах Гиндукуша и белуджского ареала к западу от Синда и южной части Панджаба. Коренное население западной части Пакистана состояло из четырех крупных этнических групп, родными языками которых были панджаби, синдхи, пушту и балучи. Языковое родство было не единственным фактором, определявшим их этническую принадлежность. Важнейшую роль играли особенности исторической памяти населения и его регионально-провинциальной аффилиация.

Нужно заметить, что западная часть Пакистана перед получением независимости территориально принадлежала четырем провинциям Британской Индии (Панджабу, Синду, Северо-Западной пограничной и Белуджистану) и ряду княжеств. Раздел Панджаба в 1947 г. привел к образованию пакистанской провинции под названием Западный Панджаб. Две другие провинции сохраняли свои границы вплоть до 1955 г, когда была проведена административная реформа и в соответствии с ней на западе страны учреждена

единая провинция Западный Пакистан. Тогда же был ликвидирован полунезависимый статус княжества Бахавалпур, расположенного на юге Панджаба, княжества Хайрпур (север Синда) и белуджского княжества Калат вместе с подчиненными ему династийными владениями Харан, Макран и Лас-Бела. Полусамостоятельный статус сохранили лишь пуштунские княжества Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) на границе с Афганистаном (Дир, Сват, Амб и Читрал).

Образование единой административной единицы на западе территориально разобщенной страны преследовало цель уравнивать относительный вес Западного и Восточного Пакистана в федеративной республике, провозглашенной в 1956 г. Учредительным собранием путем принятия соответствующей конституции.

Создание федеральной системы из «двух Пакистанов» оказалось как нельзя кстати после первого военного переворота, поставившего у власти в конце 1958 г. главкома армии М. Айюб Хана^{vi}. При нем ускорились модернизация и экономическое развитие обеих частей страны. Однако этническая разнородность Западного Пакистана сыграла с либерально-модернизаторской политикой плохую шутку. Главным вызовом для властей стал ретроградный национализм окраинных районов, прежде всего Белуджистана, и в какой-то мере СЗПП²³.

После перехода от прямого военного правления в 1958–1962 гг. к военно-парламентскому в 1962–1969 гг. политические силы, выступавшие против либеральной политики центра, смогли накопить определенный опыт и выступили с требованием распустить единую провинцию. Второй военный режим генерала А.М. Яхья Хана^{vii} в 1969 г. объявил о создании в западной части тогдашней страны четырех новых провинций, что, по сути, возвращало административно-территориальное деление к положению 1947–1955 гг. Вместо старой провинции Западный Панджаб была создана провинция Панджаб, включившая обширное княжество Бахавалпур; прежняя провинция Синд увеличилась за счет Хайрпура; а провинция Белуджистан с центром в Кветте «приросла» огромной пустынной территорией бывших белуджских княжеств со «столичным» для сильнейшего из них городом Калат. К СЗПП присоединялась область

^{vi} Президент Пакистана в 1958–1969 гг.

^{vii} Президент Пакистана в 1969–1971 гг.

вышеупомянутых пуштунских княжеств, а полоса горских «независимых» пуштунских племен была преобразована в Территорию племен федерального управления (ТПФУ).

Первый этап в существовании территориально компактного Пакистана был отмечен тенденцией к дальнейшей децентрализации управления. В 1972 г. военно-гражданский режим президента Зульф리카ра Али Бхутто^{viii} дал возможность партиям, победившим на выборах 1970г., образовать правительства в «малых» провинциях — Белуджистане и СЗПП. Это были в основном партии традиционной элиты, взявшие на вооружение светскую квазисоциалистическую идеологию для противопоставления своих позиций основным политическим силам с их либеральной прозападной ориентацией. В левой промосковской ориентации их особенно привлекал тезис о праве наций на самоопределение вплоть до отделения.

В СЗПП и северных пуштунских районах провинции Белуджистан традиционно сильными были также позиции умеренно исламистских (происламских) партий. Блоки из левых и правых партийных сил пришли к власти в провинциях, расположенных к западу от стержневого для нового Пакистана Индского бассейна. Такая децентрализация власти продолжалась меньше года. В начале 1973 г. центральное правительство под надуманным предлогом распустило правительства и заменило губернаторов в «малых» провинциях. Восстание, руководимое вождями белуджских племен марри и менгал, вылилось в кровопролитную войну 1973–1977 гг.

На втором этапе правления З.А. Бхутто возобладала, таким образом, централизаторская тенденция, проводившаяся с опорой на союзников в периферийных провинциях. Она сочеталась с поддержкой происламских настроений и ростом значимости исламского элемента в официальной идеологии. Эти тренды усилились после военного переворота в июле 1977 г. Новый лидер страны генерал М. Зия-уль-Хак развернул кампанию по исламизации всех сторон жизни общества — политики, экономики, права, образования, культуры.

Долгое правление Зия-уль-Хака (1977–1988) оказало серьезное воздействие на структуру пакистанского национализма и одновременно усилило роль и значение окраинных провинций страны.

^{viii} Президент Пакистана в 1971–1973 гг., премьер-министр Пакистана в 1973–1977 гг.

Политика военных привела в какой-то мере к воплощению в реальность планов и надежд А.А. Маудуди. А ввиду того, что место секуляризма занял исламизм суннитского толка, в обществе возросли трения не только на межэтнической, но и на межсектантской почве. Это приводило, в частности, к обострению ситуации в ряде периферийных районов (в ТПФУ и Белуджистане), где обострились противоречия между суннитами и шиитами. Часть шиитов составляла особую этническую группу хазарейцев — выходцев из Афганистана. Они стали для суннитов объектом этноконфессиональной вражды.

Осуществленная генералами «исламизация сверху» соответствовала не только их интересам, но и запросам разраставшейся прослойки мусульманских богословов и служителей культа — улемов и мулл. Религиозно-политические партии, формируя официальную происламскую идеологию, стремились всемерно укреплять свои позиции в наименее экономически развитых и наиболее архаичных в религиозном и семейно-бытовом отношении западных и северо-западных областях страны.

Положение происламских сил в стране и в целом, и на ее окраинах серьезно упрочилось в 1980-х годах вследствие непрямого участия Пакистана в вооруженной борьбе с народно-демократическим режимом в соседнем Афганистане. Превратившись в «прифронтовое государство», Пакистан служил главной тыловой базой для действий афганских *муджахедов* (участников священной войны *джихад*) и их арабских и пакистанских соратников. Вовлеченность Пакистана в афганские дела и связанные с этим факторы усиления военно-экономического комплекса негативно сказались на социальном развитии, что привело к росту центробежных тенденций в Белуджистане и пуштунских районах. Еще более серьезно осложнилась ситуация после событий 11 сентября 2001 г., вторжения группировки войск США и их партнеров в Афганистан, ликвидации режима Талибан и бегства сотен тысяч талибов в Пакистан²⁴.

На начало 2000-х годов приходится новое обострение белуджской проблемы. Антиправительственное восстание охватило территорию крупного белуджского племени бугти и завершилось гибелью ее предводителя Хана Акбара Бугти в 2006 г. После этого, как отмечает Ф. Грейр, движение претерпело некоторые изменения — из по преимуществу сельского, трайбалистского, оно превратилось в более широкое, охватившее средние городские слои, и при этом сдвинулось с северо-востока на юго-запад, из глубинных гористых

районов на Макранское побережье. Одновременно в нем усилились происламские течения²⁵.

Похожая тенденция наблюдалась в пуштунском национальном движении. На выборах 1997 г. секуляристы из «Народной национальной партии» (Awami National Party, АНП) одержали победу в Северо-Западной пограничной провинции, но после четвертого военного переворота 1999 г. были отстранены от власти. Режим генерала П. Мушаррафа (1999–2007) поддержал исламистов на организованных им выборах 2002 г., и АНП смогла победить лишь с окончанием военного правления, на выборах 2008 г. Правление провинциального кабинета АНП не было отмечено успехами. Наоборот, в 2008–2009 гг. в округе Сват, как и почти во всей горной области Малаканд, фактический контроль над труднодоступной территорией перешел в руки исламских радикалов («пакистанских талибов»). Пребывание АНП у власти не решило проблем отстающей окраинной территории. Едва ли не единственное, чего она добилась, выполняя свои обещания, так это переименование провинции в Хайбер-Пахтунхва (Хайберско-пуштунскую, Хайбер — название знаменитого горного перевала). Выборы 2013 г. АНП проиграла, уступив место более происламской партии «Движение реформ» (*Техрик-е инсаф*).

Хотя соединение умеренно исламского элемента с пуштунским национализмом сохраняется (представлено вышеупомянутыми религиозно-политическими партиями), главным и крайне опасным синтезом пуштунского национализма и ислама стало движение талибов. Как отмечает, в частности, А. Сайкал, влияние талибов в Афганистане ограничивается почти исключительно пуштунами. То же характерно для талибов Пакистана, имеющих дело главным образом с местными пуштунами. «Талибанизация» становится при этом выразителем общепуштунского радикально-исламского национализма²⁶. Апеллируя к населению ареала, охватывающего часть территории двух государств, талибанизация способна, по мнению некоторых наблюдателей, подорвать их целостность и само существование²⁷.

Характерно при этом, что сторонники единого и при этом не фундаменталистского Пакистана стремятся доказать обоснованность своего убеждения ссылками на культурно-историческую, цивилизационную уникальность «страны Инда». Наиболее заметной работой такого рода представляется книга известного адвоката и политического деятеля панджабца Э. Ахсана²⁸. Обращаясь к исто-

рии региона, как исламской, так и предисламской, он утверждает, что сложившаяся в ее ходе схожая культура и ментальность людей зависит не от религии. В соответствии с его выводами мужское население Инда (и все население в целом через приобщение женщин к мужскому обществу) обладает некоторыми «примордиальными» (исконными) чертами социальной психологии. К ним, в частности, относятся качества храброго воина, защитника от разбойных нападений; человека, преданного семье, уважающего родителей и любящего детей; склонного к потреблению, а не накоплению (вследствие неуверенности в сохранности накопленного из-за превратностей судьбы); любящего успех, пусть и случайный (лотерейный); и выставляющего богатство напоказ. При этом «человек Инда» не склонен к религиозному фанатизму, хотя и глубоко религиозен, и тяготеет к мистическому (суфийскому) исламу. Элиту Индского региона составляют обычно плохие администраторы, не обладающие чувством гражданской ответственности²⁹.

Ахсан отделяет земледельца Инда от жителя горных и пустынных районов, где исторически господствовали «номадизм, трайбализм и власть патриарха». Это делает его концепцию уязвимой с позиции обоснования исконной интегрированности всего пакистанского ареала. Главное для него, по всей видимости, доказать связь Панджаба с Синдом. Но различия между земледельческим и скотоводческим ареалами Пакистана, по нашему мнению, не слишком существенны вследствие происходившего на протяжении последних веков проникновения кочевников и полукочевников на земледельческую территорию и «размягчения» их культуры под влиянием контактов с земледельцами. В то же время выделенные Ахсаном черты социальной психологии характеризуют в той или иной степени население не только долины Инда, но и других областей Индии и некоторых иных регионов. При этом главная цель его анализа, как представляется, достигнута — единство Пакистана получило обоснование не с точки зрения религиозной общности, а с секулярных (инклюзивных) позиций принадлежности к интегрированному историкокультурному пространству.

Серьезный внутренний кризис, который пережил Пакистан в 2007–2009 гг., побудил ряд авторов отнести его к разряду провальных, обреченных государств. Очевидно, что в таком к нему отношении не учитываются факторы, способствующие выживанию и консолидации, в частности, отмеченная выше компактность и взаимосвязанность территории.

Наиболее слабым звеном в целостной территориальной конструкции остается малонаселенный западный регион — Белуджистан. Он широкой полосой «выходит» к морю и вместе с Синдом способен отгородить «сердце» страны — Панджаб — от морских коммуникаций. По-видимому, не случайно на фоне некоторой политической стабилизации последних лет в Пакистане развернуты программы экономического освоения Белуджистана. В первую очередь, это строительство на побережье с помощью КНР глубоководного порта Гвадар и формирование отходящих от него транспортно-коммуникационных коридоров, ведущих через весь Индский регион на север, в китайский Синьцзян.

Представляется, что субрегиональный вариант национализма белуджского или пуштунского образца не имеет пока отчетливых перспектив для реализации. Это подтвердили результаты выборов 2013 г., на которых победили партии, поддерживающие сплоченность нации-государства, а также последовавшая за выборами достаточно успешная борьба армии и сил безопасности с исламскими экстремистами и крайними националистами. Обстановка может, впрочем, ухудшиться вследствие деструктивных воздействий извне, но и в этом случае Пакистан способен, видимо, довольно долгое время противостоять им.

К тому же в силу своего местоположения государство обладает редким геополитическим ресурсом. Оно находится на стыке четырех важнейших международно-политических регионов — Южной, Центральной, Восточной и Западной Азии, граничит с Индией и Китаем, Афганистаном и Ираном, арабскими странами Залива. Такой геополитический ресурс представляет огромную ценность для правящей элиты, в частности военной корпорации; он давно активно используется и может сыграть в перспективе как позитивную, так и негативную роль в эволюции страны.

Примечания

¹ Мировое комплексное регионоведение / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: Магистр, 2014.

² Elden S. Thinking Territory Historically // *Geopolitics*. 2010. № 15.

³ См., например: Penrose J. Nations, States and Homelands: Territory and Territoriality in Nationalist Thought // *Nations and Nationalism*. № 3. 2002; Moaddel M. Modalities of National Sovereignty: Territorial Nationalism versus Islamic Nationalism in Muslim-Majority Countries. Report 14-816.

Population Studies Center. Institute for Social Research. University of Michigan [http://www.psc.isr.umich.edu/pubs/pdf/rrl4-816.pdf]. 12.03.2014.

⁴ *Косач Г.Г.* Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2007; *Наумкин В.В.* Цивилизация и кризис нации-государства // Россия в глобальной политике. 2014. № 2.

⁵ *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М.: Издательство восточной литературы, 1963, с. 161, 216–217; *Ванина Е.Ю.* Прошлое во имя будущего: индийский национализм и история // Национализм в мировой истории / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2007, с. 509–510; *Ванина Е.Ю.* Индия: история в истории. М.: Восточная литература, 2014, с. 189–190.

⁶ См.: *Филимонова А.Л.* Идея национальной идентичности. Опыт Пакистана. М.; СПб.: Нестор-История, 2013, с. 170–171, 303.

⁷ *Милославский Г.В.* Интеграционные процессы в мусульманском мире (Очерки исламской цивилизации). М.: Наука, 1991, с. 57–62.

⁸ См.: *Левин З.И.* Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1988; *Сикоев Р.Р.* Панисламизм: истоки и современность. М.: Аспект-пресс, 2011.

⁹ *Косач Г.Г.* Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2007.

¹⁰ *Гареева Г.И.* К вопросу о «мусульманской нации» (М. Маудуди и движение за образование Пакистана) // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: сб. памяти Ю.В. Ганковского. М.: Научная книга 2004, с. 248.

¹¹ *Ванина Е.Ю.* Индия: история в истории. М.: Восточная литература, 2014, с. 182–183.

¹² *Fatimi Q.* Islamic Universalism and Territorial Nationalism in Iqbal's Thought [http://www.allamaiqbal.com/publications/journals/review/oct76/3.htm]. 08.03.2014. с. 5–6; *Mujahid al-Sharif.* Muslim Nationalism: Iqbal's Synthesis of Pan-Islamism and Nationalism [http://www.-epistemology.net/attachments/320_Iqbal%20Synthesis%20of%20Pan-Islamism%20and%20Nationalism.pdf]. 26.02.2014. p. 39–40; *Raja A.Q.* Iqbal and Division of India. Islamabad: P.O. Foundation Press, 2010, p. 49–58, 104–108.

¹³ Цит. по: Iqbal, Jinnah, and the Pakistan. The Vision and the Reality / С.М. Naim (ed.). Syracuse: Syracuse University Press, 1979, p. 195.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ *Choudhary R.A.* Now or Never. Are We to Live or Perish for Ever? Pamphlet dated 28th January 1933 [<http://www.columbia.eduU/etc/mealac/pritchett//islamlinks/txt-rahnatal>]. 05,03,2015.

¹⁶ *Ahmed A.S.* Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. L.; N. Y.: Routledge, 1997, p. xxvi.

¹⁷ *Алаев Л.Б.* Индия // Отв. ред. Р.Г. Ланда. История Востока: в шести томах. Т. V. Восток в новейшее время (1914–1945). М.: Восточная литература, 2006, с. 318; *Singh J. Jinnah.* India – Partition – Independence. N. D.: Rupa and Co, 2009, p. 102–103]

¹⁸ См.: *The Transfer of Power / S.K. Hasan* (ed.). Karachi: Pakistan Institute of International Affairs, 1966, p. 19–20]

¹⁹ *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М.: Издательство восточной литературы, 1963, с. 222.

²⁰ Пакистан. Справочник. М.: Наука, 1966, с. 29.

²¹ *Jinnah M.A.* Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948. Karachi: Pakistan Publications.

²² См., например, *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008; *Jahan R.* Pakistan: Failure in National Integration. N. Y.; L.: Columbia University Press, 1972.

²³ См.: *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М.: Наука, 1967.

²⁴ См.: *Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2014.

²⁵ *Grare F.* Balochistan: The State Versus the Nation. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2013, p. 8–10; 17–19.

²⁶ *Saikal A.* Afghanistan and Pakistan: The Question of Pashtun Nationalism? // *Journal of Muslim Minority Affairs.* 2010. № 1, p. 12.

²⁷ *Wilkens A.* Relations between Pakistan and Afghanistan // *Pakistan — Consequences of Deteriorating Security in Afghanistan / K. Zetterlund* (ed.). Stockholm: Swedish Defense Research Agency, 2009, p. 105–106.

²⁸ *Ahsan A.* The Indus Saga and the Making of Pakistan. Lahore: Nehr Ghar Publications, 2001.

²⁹ *Ahsan A.* The Indus Saga and the Making of Pakistan. Lahore: Nehr Ghar Publications, 2001, p. 339–350.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ВЕХИ РАЗВИТИЯ ПАКИСТАНА*

Развитие страны в 1947–1971 годах. 18 июля 1947 г. британский парламент принимает решение предоставить Индии независимость и одновременно разделить ее на две части. Образованный 14 августа Пакистан на состоял из двух территорий, западной, в 800 тыс. кв. км., охватывающей бассейн реки Инд, и восточной в 145 тыс. кв. км, находящейся в дельте двух других великих рек индийского субконтинента — Ганга и Брахмапутры. К нему отошли некоторые из наименее промышленно развитых регионов субконтинента. Однако в сельскохозяйственном отношении западный Пакистан был одной из продвинутых областей. Благодаря строительству плотин и магистральных каналов бассейн Инда и его притоков превратился в обширную зону орошаемого земледелия, где производилось значительное количество товарной пшеницы, фуражного зерна и хлопка. Восточная Бенгалия с аграрной точки зрения находилась на среднем уровне, производя джут, чай, рис, но уже тогда страдала от перенаселенности.

Раздел провинций Панджаб на западе и Бенгалии на востоке привел к перемещению через новые государственные границы 14–16 млн людей. Из западного Пакистана спешно уехали практически все кастовые индусы и сикхи (4,7 млн человек), а прибыли 6,5 млн мусульман из восточной части Панджаба, Северной Индии и других мест. Население в результате выросло почти на 2 млн. Выехавшие из Пакистана индусы в большинстве были городскими жителями, принадлежали к кастам торговцев и ростовщиков, известными как *бания*. Кроме того, индусы принадлежали к грамот-

* История стран Азии и Африки после Второй мировой войны. Часть 1. Учебник / Под ред. С.И. Лунёва. М.: МГИМО–Университет; ЮРАЙТ, 2016. Раздел 4.2, с. 267–282. Материал публикуется в авторской редакции.

ному сословию, служили в качестве чиновников (*амилов*), помогали в ведении частных дел и т. п. Многие сикхи после демобилизации из армии наделялись землей и обзаводились городской и сельской недвижимостью. Большая часть собственности в ставших пакистанскими городах, таких как Лахор в Панджабе, Карачи в Синде, Пешавар в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), принадлежала немусульманам. Многие города в прямом смысле опустели после отъезда индусов и сикхов.

Среди приехавших в Пакистан мусульман значительную часть также составляли горожане. Основная часть переселенцев горожан осела в столице нового государства Карачи (в 1959 г. было принято решение о переводе столицы на север Панджаба в новый город Исламабад). Крупное чиновничество и армейские чины из Северной Индии (урдудзычные *мухаджиры* т. е. переселенцы из религиозных побуждений) составили поначалу элиту нового общества, прежде всего административно-политическую. Что касается экономической элиты, то в ее формировании ведущую роль сыграли беженцы из Гуджарата, представители мусульманских торговых каст *мемонов*, *ходжа-исмаилитов*, *бохра*. Наряду с ними, костяк небольшого слоя первых банкиров и промышленников Пакистана составили парсы (зороастрийцы), переехавшие из Бомбея, мусульмане-шииты иранского происхождения и другие «инонационалы», т. е. представители других национальных групп, помимо панджабцев, бенгальцев, синдхов, пуштунов и белуджей.

Формирование новых групп богачей, действующих в основном в сфере внешней торговли, произошло в первые три-четыре года существования страны. С 1952 г. при содействии государственной Корпорации промышленного развития начался активный перелив капитала из торговой в промышленную и финансовую сферы.

Поощрение частного сектора было положено в основу разработанных с помощью американских советников первого (1955–60 гг.) и второго (1960–65 гг.) пятилетних планов. Особенно последовательно и эффективно либеральную экономическую политику проводила военная администрация, пришедшая к власти осенью 1958 г.

До военного переворота Пакистан пытался нащупать путь демократического устройства, который завещал ему основатель государства Мухаммад Али Джинна. Реализовать его идеи оказалось делом непростым. После смерти М.А. Джинны в сентябре 1948 г. и убийства второго признанного лидера премьер-министра Лиакат

Али Хана в сентябре 1951 г. в стране наступил период политического брожения и правительственной чехарды.

Учредительное собрание никак не могло разработать и принять конституцию. Нарастали противоречия между двумя «крыльями» Пакистана — восточным и западным. Для их уменьшения в 1955 г. была создана единая провинция Западный Пакистан. Наконец, в марте 1956 г. второе Учредительное собрание приняло конституцию Исламской Республики Пакистан (первой такой республики в мире) и в новом качестве федеральной легислатуры избрало президентом Мирзу Искандера. Тот с 1955 г. уже выполнял обязанности главы государства как генерал-губернатор доминиона, но, став президентом, не смог надолго удержать руль управления.

Бескровный военный переворот поставил во главе государства главнокомандующего ее окрепшими к тому времени сухопутными силами генерала, а затем фельдмаршала Мухаммада Айюб Хана. Укрепившись в новом положении, он провозгласил курс социально-экономических и политических реформ. В стране была введена система косвенной демократии. Каждая из двух территорий получила равное число мест в коллегии выборщиков президента и парламента. Ее образовали избранные всеобщим и тайным голосованием 80 тысяч представителей органов местного самоуправления.

В январе 1960 г. коллегия, в отсутствие соперников и временном запрете на деятельность партий, избрала Айюб Хана президентом. В 1962 г. те же выборщики, названные «базовыми демократами», избрали парламент и законодательные собрания провинций. По принятой в 1962 г. второй конституции из названия республики ушло определение «исламская», хотя основной закон содержал множество исламских положений. Консервативное общественное мнение вскоре заставило парламентариев вернуться и к вопросу о названии государства. В 1963 г. своей первой поправкой к конституции парламент вернул стране прежнее имя — Исламская Республика Пакистан.

Либеральные реформы первого периода пребывания у власти Айюб Хана были проявлением твердой политической воли. Наперекор традиционной элите, им была проведена аграрная реформа, несколько сократившая крупное землевладение традиционного для зоны неорошаемого земледелия на Востоке феодального типа с широким слоем бесправных и социально приниженных наследственных арендаторов. Айюб Хан в 1961 г. подписал закон, запре-

щающий многоженство (за специальными исключениями) и ранние браки (до 16 лет), а также регламентирующее в пользу женщин права наследования. Началось осуществление программы ограничения рождаемости (планирования семьи).

Военное правительство поощряло модернистскую интерпретацию ислама, учредило Совет исламской идеологии во главе с либерально настроенными религиозными деятелями, а в своих шагах в защиту положения женщин опиралось на исламское право (*шариат*), противопоставляя его более жесткому обычному праву (*адату*).

Секуляризм военного режима заключался не в отрицании роли религии, а в попытке поощрять ее осовремененный, условно говоря, более светский вариант. Эта попытка регламентации сверху вызвала не только прямую, но и обратную реакцию — укрепление старых и появление новых фундаменталистских течений и организаций.

В экономической области администрация Айюб Хана следовала классическим правилам выжимания соков из традиционной деревни для финансирования современной городской экономики. В аграрном секторе ставка делалась на крупные и средние хозяйства фермерского типа, способные использовать достижения передовой агрикультуры. Одновременно с Индией и рядом других стран Азии в Пакистане (прежде всего западной его части) произошла «зеленая революция» — повышение урожайности пшеницы и риса за счет ввоза улучшенных сортов семян, применения пестицидов и минеральных удобрений. На полях шире использовались тракторы и другая техника.

Урожаи за 10 с половиной лет правления Айюб Хана (1958–1969 гг.) выросли в Западном Пакистане почти вдвое за счет повышения урожайности и расширения посевной и орошаемой площади. Все это стало возможным благодаря лучшему использованию построенных ранее ирригационных сооружений, применению средств малой ирригации (артезианских колодцев), а также строительству новых плотин и гидроэлектростанций в рамках масштабного международного проекта освоения бассейна реки Инд. Проект стоимостью свыше 1 млрд долл. (в ценах того времени) осуществлялся под эгидой Международного банка реконструкции и развития. В нем приняла участие и Индия, ибо речь шла о разделе воды Инда и его притоков между двумя соседними государствами.

Несмотря на это, отношения с Индией служили главным камнем преткновения во внешней политике страны. Раздел вылился

не только в споры по поводу дележа материальных и финансовых активов, но и в военные действия на севере субконтинента в горной области Джамму и Кашмир. Перемирие, заключенное в 1949 г., оставило три четверти населения бывшего княжества, в большинстве своем мусульман, на индийской территории, что Пакистан считал нарушением прав кашмирцев и подрывом своих представлений о справедливости.

В поисках противовеса Индии пакистанское руководство обратилось к западным странам. США в ответ потребовали поддержать их в холодной войне с СССР. Правительство в Карачи согласилось, и в 1954 г. заключило с Вашингтоном договор о взаимопомощи в обороне. В том же году Компартия Пакистана была объявлена вне закона. Союз с США был закреплен новым соглашением 1959 г. Айюб Хан на первых порах зарекомендовал себя верным союзником американцев. Предпринятая им попытка с их благословения договориться с Индией о совместной обороне субконтинента не удалась. Поражение Индии от Китая в пограничной войне 1962 г. продемонстрировало Пакистану возможности, которые сулил союз с Пекином, отдалявшимся в тот период от Москвы. Не забывали в Пакистане и о мусульманской солидарности, и об участии в азиатско-африканских форумах.

Закат режима Айюб Хана начался в 1965 г. Тревожным сигналом были не прямые выборы президента в январе. На них Восточный Пакистан отказал в поддержке Айюб Хану, проголосовав за его соперника, каким по просьбе объединенной оппозиции была сестра и соратник М.А. Джинны Фатима. Борьба между ними не имела идеологического характера, но показала тщетность попыток власти, центр тяжести которой находился в Западном Пакистане, завоевать сердца и умы восточных бенгальцев.

Ошибочным шагом была развязанная Пакистаном в августе 1965 г. война с Индией из-за Кашмира. США не поддержали Пакистан, объявив об эмбарго на поставки оружия обеим сторонам. Посредничество СССР привело к подписанию в Ташкенте в январе 1966 г. декларации, положившей конец войне. Но мир оказался выгодным Индии и проигрышным для Пакистана. От Айюб Хана дистанцировался, а затем ушел в оппозицию Зульфикар Али Бхутто, его правая рука среди гражданской бюрократии, министр иностранных дел.

Вслед за ухудшением экономического положения из-за войны и сократившейся помощи США обострилась ситуация в Восточном Пакистане. Рост цен спровоцировал недовольство по всей стране. Выступления студентов в ноябре 1968 г. ознаменовали начало массовых выступлений, которые поддержали оппозиционные политические партии. Режим непрямой демократии рухнул в разгар переговоров правительства с партиями оппозиции. Определенное значение в его падении сыграл и такой субъективный фактор, как болезнь Айюб Хана. Военные оттеснили его от принятия решений и уговорили, нарушив собственную конституцию, ввести военное положение в марте 1969 г.

Бескровный конституционный переворот, казалось, не сулил катастрофических последствий. Для легитимизации власти военные прибегли к удовлетворению популярного требования ликвидации единой провинции Западный Пакистан и проведению прямых всеобщих выборов в парламент. Глава военного положения и новый президент генерал А.М. Яхья Хан продолжил в основном курс своего патрона и предшественника, стараясь не нарушать баланс внешних связей.

Однако пауза с возвращением к свободе политической деятельности затянулась почти на год, а воссоздание в западной части страны четырех провинций — Панджаба, Синда, СЗПП (с присоединением к ней трех пуштунских княжеств) и Белуджистана — способствовало обострению межэтнических противоречий.

Прогрессивные по форме меры дозировались страхом военных потерять контроль над ситуацией. Генералитет потерял в лице Айюб Хана опытного и твердого руководителя. Яхья чувствовал себя неуверенно и действовал неудачно.

Первые всеобщие выборы были назначены на октябрь 1970 г. Грозным предзнаменованием послужило гигантское наводнение, обрушившееся в этот момент на Восточный Пакистан. В результате бедствия пострадал почти 1 млн человек. Жители провинции были крайне недовольны действиями центральных властей. Военные, однако, не пошли на отмену обещаний о проведении выборов, что они с успехом делали в дальнейшем, а провели их в декабре.

Результат оказался предсказуем. Страна по итогам выборов раскололась на две части. В более многонаселенном (55% от общего числа жителей) Восточном Пакистане абсолютную победу одержала партия *Авами лиг* («Народная лига») во главе с популярным лиде-

ром Шейхом Муджибур Рахманом. В западной части страны наибольшего успеха добилась основанная З.А. Бхутто Пакистанская народная партия (ПНП).

В ходе переговоров между военными и победившими на выборах политическими лидерами в начале 1971 г. стороны несколько раз были близки к компромиссу. Результаты выборов позволяли М. Рахману сформировать правительство единого Пакистана. Яхья Хан, наверное, пошел бы на это, но помешал З.А. Бхутто. Его амбиции, судя по всему, были главной причиной провала переговоров. Ощущение тупика вызвало радикализацию настроений в восточной провинции, что привело в конце марта к жестокой расправе военных над сторонниками *Авами лиг*, которые провозгласили создание нового государства — Бангладеш (страны бенгальцев). Арест М. Рахмана и кровавые репрессии сделали непопулярным в мире военный режим Пакистана. Облавы заставили противников режима бежать в Индию. Там было образовано правительство Бангладеш в изгнании и начали формироваться отряды сил освобождения (*мукти бахини*).

Оказавшаяся втянутой в пакистанскую гражданскую войну Индия сыграла ключевую роль в расколе страны. Умело разыграв свои карты, индийский премьер Индира Ганди довела трехнедельную войну с Пакистаном в декабре 1971 г. до капитуляции армии соперника и взятии в плен почти 100 тысяч пакистанских военнослужащих и гражданских лиц.

Пакистан между 1971 и 1988 гг. Безоговорочное поражение пакистанской армии на восточном и западном фронтах военных действий против Индии заставило генералитет и высшее офицерство отказаться в доверии Яхья Хану и передать власть З.А. Бхутто как наиболее популярному гражданскому лидеру страны в ее новых границах. 20 декабря 1971 г. З.А. Бхутто был приведен к присяге в качестве президента, став одновременно главным администратором военного положения. Освободившись от опеки непосредственных инициаторов своего возвышения путем отправки их послами за границу, З.А. Бхутто упразднил должность главнокомандующего родами войск (сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил) и сделал высшей должностью пост начальника штаба. Начальником штаба главного рода пакистанских ВС сухопутной армии он сделал гене-

рала Тикка Хана, «прославившегося» расправами в Восточном Пакистане. Забота об армии не оставляла З.А. Бхутто и после этого. Подписав в июле 1972 г. мирный договор с И. Ганди в индийском городе Симле, он добился постепенного возвращения домой «пленников войны», в том числе обвиненных Бангладеш в злостных преступлениях.

Унаследовав военный режим власти, З.А. Бхутто поспешил преобразовать его в парламентский. В апреле 1972 г. получившие мандаты на выборах 1970 г. депутаты центрального (федерального) парламента одобрили проект временной конституции и избрали президентом З.А. Бхутто. Это позволило отменить военное положение, сохранявшееся более трех лет. Постоянная конституция была принята весной следующего года и вступила в действие в очередной день независимости 14 августа 1973 г. Конституция вводила политический строй, близкий по форме к британскому парламентаризму. Роль президента становилась церемониальной, реальная власть переходила к главе правительства, опирающегося на парламентское большинство. З.А. Бхутто стал первым премьер-министром в рамках действующей до сих пор конституции 1973 г.

Популярная в мире на рубеже 1960–70-х годов левая, социалистическая идеология легла в основу социально-экономических преобразований З.А. Бхутто. Он свернул с либерального пути развития, провел широкую национализацию крупных промышленных и финансовых активов, обвинил частных «монополистов» в преступлениях и вынудил значительную часть владельцев капиталов, особенно из числа «инонациональной» буржуазии, покинуть страну.

При этом З.А. Бхутто выступал как защитник прав городских рабочих, служащих и малоземельного крестьянства, позволив действовать левым профсоюзам и восстановленной в правах Компартии. В 1972 г. он объявил о новой аграрной реформе, более радикальной, чем реформа Айюб Хана. Однако в отличие от первой, вторая реформа осталась в значительной мере на бумаге из-за саботажа со стороны вступивших в его партию помещиков-«феодалов», к которым принадлежал и сам З.А. Бхутто. Но вплоть до 1974 г. социальная политика властей была окрашена в красный цвет, а кумиром председателя ПНП З.А. Бхутто был председатель КПК Мао Цзэдун. Левый популизм привел к политизации массового сознания и пробуждению низов.

Но материальное их положение ухудшилось. Виной тому и исключительно неблагоприятные погодные условия (разрушительные наводнения обрушивались на страну летом 1973, 1974 и 1976 гг.), и резкое сокращение промышленного производства, и удорожание импорта вследствие крутого роста мировых цен на нефть.

Стремясь упрочить свои позиции, З.А. Бхутто проявлял заботу о вооруженных силах и службах безопасности. Военные расходы при нем увеличились. В 1974–77 гг. армия проводила крупные карательные операции против повстанцев в провинции Белуджистан. В то время как информация о них скрывалась, пакистанские СМИ широко освещали судебный процесс над противниками премьера и правительства, лидерами леводемократических пуштунских и белуджских партий. После превращения стран Персидского залива в нефтяные эльдорадо З.А. Бхутто усилил внимание к связям с ними. В начале 1974 г. он организовал встречу глав государств и правительств исламских стран в Лахоре. Это был второй саммит Организации Исламская конференция (ныне — Организация исламского сотрудничества). На конференции З.А. Бхутто торжественно примирился с Муджибур Рахманом, объявив о признании Пакистаном Бангладеш. С подчеркнутым пиететом лидер Пакистана относился к саудовскому королю Фейсалу. После убийства короля в 1975 г. З.А. Бхутто переименовал третий по величине город страны в Фейсалабад (город Фейсала).

Сложнее складывались отношения Пакистана с соседями — Афганистаном и Ираном, но трения между ними скрывались. З.А. Бхутто удалось нормализовать связи с Индией, хотя он не отказался от того, чтобы поднимать на международных форумах кашмирскую проблему. По его инициативе в Пакистане начала тайно разрабатываться военная ядерная программа. Слухи о ней испортили отношение к нему со стороны США, которые опасались создания предназначенной для Израиля «исламской бомбы».

Между тем экономическая политика режима оказалась попросту провальной. Бегство крупного частного капитала не могли компенсировать вложения по линии государственного сектора. Стагнация в индустриальных секторах вынуждала З.А. Бхутто к экстренным мерам, которые лишь усугубляли положение.

Демократия к середине его правления выродилась в персоналистский авторитаризм, к которому пакистанская политическая система склонялась и раньше. З.А. Бхутто определял политические

решения, его воля довлела над союзниками и соперниками. Режим, вместе с тем, казался прочным, и премьер в начале 1977 г. смело пошел на досрочные выборы.

Просчет оказался роковым. Против партии З.А. Бхутто немедленно объединились почти все легальные политические силы, объявившие о создании предвыборного Пакистанского национального альянса (ПНА). Тон в нем задавали правые религиозные партии — *Джамаат-е ислами* (ДИ, Исламское общество) и *Джамиат-е улама-е ислам* (ДУИ, Сообщество исламских богословов). Накал предвыборной борьбы вступил в противоречие с результатами выборов в марте, на которых победу за явным преимуществом одержала партия З.А. Бхутто. Это вызвало массовые акции протеста и кровавые столкновения.

Жизнь в стране оказалась парализована на несколько месяцев. Военные воспользовались этим и совершили в начале июля захват власти, арестовав премьера и его противников. Руководитель заговора начальник штаба армии Мухаммад Зия-уль-Хак на первых порах соблюдал беспристрастность, два раза выпускал З.А. Бхутто на свободу. Генерал клятвенно заверял о желании в кратчайшие сроки провести выборы, и в то же время готовил судебную расправу над ним. Обвинение З.А. Бхутто в том, что он отдал в 1973 г. приказ об убийстве политического соперника позволило Зия продлить военное положение. Суд вынес З.А. Бхутто смертный приговор, который генерал, несмотря на обращения к нему со стороны мировых лидеров, оставил в силе. Политический противник военного диктатора был повешен в апреле 1979 г.

Осенью того года Зия-уль-Хак, занявший к тому времени пост президента, объявил о запрете политической деятельности и введении исламского режима правления. В 1981 г. вместо парламента он назначил совещательный совет (*маджлис-е шура*; это название конституционными поправками 1985 г. было перенесено на федеральное собрание). Развернутая сверху консервативная исламизация в период правления Зия-уль-Хака оказала глубокое и долговременное влияние на пакистанское общество. При нем завершилась трансформация Пакистана в идеологическое исламское государство.

Определенный вклад в эту трансформацию внес и З.А. Бхутто, враждовавший, как правило, с происламскими партиями. По его инициативе была принята самая, можно сказать, исламская из

трех конституций. При нем в 1974 г. парламент принял решение о причислении либерально-реформистской секты *ахмадийя* к неисламским, т. е. произошло законодательное причисление большей и влиятельной группы людей, считающих себя мусульманами, к иноверцам, присвоение им статуса религиозного меньшинства. Весной 1977 г. в разгар борьбы за политическое выживание З.А. Бхутто ввел ряд запретов исламского характера — на азартные игры, потребление алкоголя и т. п.

Военный режим Зия-уль-Хака подхватил эстафету. С начала 1979 г. началась исламизация экономической жизни, были введены мусульманские налоги закят и ушр, еще через два года власти приступили к проведению программы исламизации кредитно-финансовой системы, направленной на искоренение практики взимания запрещенного Кораном ссудного процента (*риба*). Исламизация охватила практически все стороны общественной жизни — этику государственной службы, образование, сферу культуры и досуга. Под массивным воздействием властей повседневная жизнь людей серьезно изменилась. Среди обеспеченных слоев сложилась практика «двойного стандарта» — один для государства, другой — для себя.

Связанной с исламизацией оказалась и другая сторона деятельности военных по укреплению своей власти — запугивание, репрессии. Помимо военных трибуналов при Зия-уль-Хаке стали действовать *шариатские* (исламские) суды, введены в действие традиционные наказания за прелюбодеяние и супружескую измену. Ужесточению несколько раз подвергался закон о богохульстве — за хулу на ислам была введена смертная казнь. Власти практиковали публичные порки и ввели другие жестокие экзекуции, масса людей оказалась за решеткой. В тюрьме более года провела дочь З.А. Бхутто, новый лидер ПНП и будущий премьер-министр Беназир Бхутто.

Насилие под флагом ислама превратилось в обыденное явление при Зия-уль-Хаке. Маневрирование, к которому он прибегал, служило целям обеспечить поддержку за границей. И в этом он преуспел. Несмотря на репрессивный характер режима, США оказали ему крупную военно-экономическую помощь. Поддержка объяснялась заинтересованностью США в пакистанском режиме после ввода советских войск в соседний Афганистан и в целом достаточно большой зашоренностью американских правящих кругов. Погоня за сиюминутной целью заставила Вашингтон закрыть глаза и на

успешно развернутую в Пакистане программу создания атомной бомбы. Впрочем, к концу правления Зия-уль-Хака его отношения с США испортились и из-за ядерного фактора, и вследствие расхождений по афганской проблеме.

Но до того Пакистан успел превратиться в паразитическое прифронтовое государство, в полной мере использовавшее выгоды от размещения на его территории баз афганских исламистов — противников левого правительства в Кабуле. Холодная война, таким образом, сильнейшим образом сказалась на Пакистане, а ее окончание, к чему он сам приложил руку, может служить вехой в истории Пакистана.

Действуя с опорой на США и их партнеров, в том числе на мусульманские государства (прежде всего Саудовскую Аравию и Египет), а также на КНР, Пакистан без сомнения способствовал отводу войск СССР из Афганистана в 1988–89 гг., хотя нет оснований, как это часто делается в Пакистане, преувеличивать это обстоятельство в качестве причины распада СССР. При этом Исламабад грубо нарушал заключенные в Женеве в апреле 1988 г. соглашения об афганском урегулировании и продолжал активно вмешиваться в дела соседа.

В августе 1988 г. Зия-уль-Хак погиб в авиакатастрофе, что было, очевидно, актом возмездия. Генералы передали функции президента спикеру Сената, верхней палаты парламента, выбранного в ходе прямых и всеобщих выборов 1985 г. Выборы послужили вехой перехода от прямого военного правления на протяжении долгих восьми лет к смешанному военно-парламентскому типу. Проводились они на непартийной основе. Функционирование партий возобновилось лишь после восстановления в измененном виде конституции 1973 г. Внесенные Зия-уль-Хаком поправки обеспечили ему алиби перед законом и трансформировали парламентскую по форме республику в президентскую.

Эволюция в 1988–2014 годах. В конце 1988 г. после с трудом одержанной победы на новых теперь уже партийных выборах к власти пришло правительство ПНП во главе с Беназир Бхутто. Однако основные рычаги власти остались у ее соперников — президента и военного руководства. В конце 1991 г. Пакистан имел уже иного премьера — Наваз Шарифа и иную пра-

вещую коалицию, продолжавшую в основном во внутренней и внешней политике линию Зия-уль-Хака.

Два первых десятилетия существования Пакистана в нынешних границах отмечены крайне неравномерной экономической эволюцией демографически быстро растущей страны. Между переписями 1972 и 1981 гг. население выросло почти на 20 млн человек, с 65 до 84 млн, и продолжало стремительно расти в дальнейшем. Это объяснялось отказом от политики планирования семьи, сохранением и даже усугублением приниженного положения женщин, малой грамотностью и патриархальным бытом населения, особенно сельского, составлявшего более двух третей жителей. Между 1971 и 1991 гг. сильно замедлились по сравнению с предыдущим периодом темпы роста крупной обрабатывающей промышленности. Сельское хозяйство развивалось быстрее, но в основном за счет мероприятий, которые были осуществлены в 1960-е годы.

В последующие 20 лет основы экономической политики, заложенные национализацией начала 1970-х годов и ее последующей исламизацией, в основном сохранились. Все попытки проведения либеральных реформ наталкивались на саботаж чиновников и слабость предпринимательского класса, лишённого покинувшего страну креативного меньшинства. Государственный сектор и государственное регулирование, отягощенные грузом коррупции и кумовства, не смогли дать необходимый импульс росту национальной экономики. Темпы ее развития в наибольшей степени зависели от поступлений средств из-за рубежа и природных условий. Самым пагубным образом на экономике сказалось промедление в реализации необходимых проектов в гидроэнергетической области.

Политическая ситуация также была прямым продолжением тенденций, сложившихся за 11 лет правления военных (1977–1988). Внедрение ислама консервативного, охранительного толка продолжалось и в период, когда правительство Пакистана впервые в мусульманском мире возглавила женщина.

Удивительно мало для улучшения прав и положения женщин сделала Беназир Бхутто и в первый короткий период, когда она стояла во главе кабинета министров, с декабря 1988 по август 1990 г., и во второй более продолжительный, с ноября 1993 по ноябрь 1996 г. Возможно, ей не хватало реальной власти, но главное, видимо, в том, что социальные реформы не входили в ее планы.

Наибольших успехов ей удавалось достичь в сфере внешней политики, особенно в плане улучшения отношений с США. При этом она, как и ее отец, действовала в расчете на то, чтобы заслужить одобрение своих военных кругов, имея среди них союзников и противников.

Преемственность сохраняла при ней политика Пакистана в афганском вопросе. Исламабад всеми силами и до нее, и после пытался утвердить власть своих протезе в Афганистане. Весной 1992 г. казалось, что цель достигнута — Кабул перешел под контроль исламистов (*муджахедов*), чьи опорные базы находились в Пакистане. Однако между муджахедами вскоре началась война. Именно правительству Б. Бхутто, а персонально близкому ей министру внутренних дел генералу в отставке Н. Бабуру, принадлежит «честь» открытия новой силы, способной установить порядок в Афганистане. Ею оказалось новое поколение афганцев, выросшее в лагерях для беженцев на территории Пакистана и получившее там образование в религиозных школах. Из учеников и выпускников этих школ и духовных семинарий — *талибов* — генерал снарядил первые боевые отряды. Пополнившись за счет части муджахедов, они стали грозной силой, образовали ядро исламского движения *Талибан* (мн. ч. на языке пушту от *талиб*), провозгласившего образование в Афганистане Исламского эмирата.

Определенные успехи на афганском направлении Пакистан стремился развить на индийском. После полного поражения от Индии в 1971 г. и подписания в качестве побежденной стороны соглашения с ней в Симле летом 1972 г. пакистанское руководство опасалось раздражать мощного соседа, в семь с половиной раз превосходящего его по числу жителей и экономическому потенциалу. Но обострившаяся с 1989 г. обстановка в индийском Кашмире дала Исламабаду надежду рассчитывать на реванш. Он помог кашмирцам и добровольцам среди пакистанцев, воевавших на стороне муджахедов в Афганистане, перебраться по горным тропам на территорию индийского штата. Движение гражданского неповиновения, более или менее спонтанно начавшееся там, приобрело с помощью бывших муджахедов и пакистанских спецслужб характер диверсионно-террористической войны. С переменным успехом она длилась до 2003 г., а ее апогеем стала прямая конфронтация вооруженных сил Пакистана и Индии высоко в горах на разделяющей Кашмир линии контроля в мае-июле 1999 г. (Каргильский конфликт).

За год до мини-войны Пакистан стал де-факто ядерной державой. Пакистан, начавший работу над созданием атомной бомбы в середине 1970-х годов, подтвердил опасения о наличии у него готовых к подземным испытаниям ядерных боезарядов. Обретение двумя традиционными антагонистами средств массового поражения, возможно, предотвратило перерастание локального конфликта в более крупное столкновение. Но очевидно, что военные в Пакистане, контролирующие ракетно-ядерную программу, тем самым получили еще один аргумент, доказывающий их значимость. И не случайно, почти сразу после мини-войны в Кашмире в октябре 1999 г. они вновь пришли к власти, свергнув законное правительство Н. Шарифа.

Четвертое по счету правление военных во многом следовало опробованному алгоритму. Три года длилось прямое правление, затем произошел переход к косвенному, под прикрытием парламентской демократии. До лета 2001 г. глава режима начальник штаба армии генерал Первез Мушарраф занимал пост главы исполнительной власти при прежнем президенте, затем он стал президентом, «подтвердив» свои полномочия посредством организованного властями референдума в апреле 2002 г. Оставив за собой в соответствии с принятыми при Зия-уль-Хаке конституционными поправками власть распускать парламент и правительство, П. Мушарраф провел всеобщие выборы с участием всех партий, в том числе и тех, чьи лидеры, бывшие премьеры Б. Бхутто и Н. Шариф, находились в изгнании за границей. По числу мест партия президента, Пакистанская мусульманская лига (К) (имени М.А. Джинны, которого называют в Пакистане «великим вождем» — *Каид-и-азамом*), немного опередила ПНП и другую Пакистанскую мусульманскую лигу, признающую лидером Шарифа.

На четвертое место, заняв около 20% мест в нижней палате парламента, вышло объединение 6 исламских партий ММА (*Муттахида маджлис-е амаль*, Единый фронт действия) во главе с *Джамиат-и ислами* (ДИ; Исламское общество) и *Джамиат-и улама-и ислам* (ДУИ; Общество исламских богословов). Исламисты победили в СЗПП и вошли в правительство провинции Белуджистан. Альянс легальной исламской оппозиции двояко относился к военным, критикуя их за проамериканскую политику и одобряя исламо-националистические шаги.

С помощью исламистов властям удалось организовать выборы генерала президентом с сохранением за ним главного военного поста. Однако легитимность его правления оспаривалось на том основании, что совмещение официальных должностей не предусмотрено конституцией.

Готовясь к продлению своей власти в преддверие новых парламентских и президентских выборов (спустя положенные по конституции пять лет), П. Мушарраф в марте 2007 г. отправил в отставку главного судью. Тот в ответ инициировал кампанию гражданского неповиновения. В обществе произошел раскол и начался затяжной политический кризис. Несмотря на сопротивление большинства судей и адвокатов, П. Мушаррафа в ноябре утвердили в должности президента на следующие пять лет, но он был вынужден покинуть пост начальника штаба армии.

Состоявшиеся в феврале 2008 г. парламентские выборы принесли успех Пакистанской народной партии, лидер которой Беназир Бхутто незадолго до них погибла в результате теракта на предвыборном митинге. Сложившееся двоевластие завершилось уходом П. Мушаррафа в отставку в августе и избранием овдовевшего мужа Бхутто Асифа Али Зардари новым президентом (президента избирают члены обеих палат федерального парламента и провинциальных законодательных собраний).

Принятая в апреле 2010 г. поправка к конституции лишила институт президентства значительной части полномочий, вернув конституционный строй к модели 1973 г., по которой полнота власти находится в руках премьер-министра. Но ввиду того, что тогдашнее правительство было однопартийное, а ПНП, как и большинство других партий в Пакистане, функционирует во многом как персоналистская, подчиняющаяся авторитету лидера, у Зардари остались, по сути, главные властные prerogatives.

Что касается военных, то они в какой-то мере скомпрометировали себя участием в борьбе с терроризмом, весьма непопулярной в Пакистане. Главная причина этого в убеждении, что она была нужна, в первую очередь, американцам, а не их стране. При этом большинство населения не одобряет террор. В отличие от части «арабской улицы», в Пакистане не было ликования по поводу совершенных 11 сентября 2001 г. кровавых террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне. В целом с одобрением было воспринято принятое после них решение военных во главе с П. Мушаррафом

отказаться от поддержки режима Талибан, укрывшего у себя организаторов и исполнителей терактов — подпольную организацию Аль-Каида. Раскол мнений по поводу отношения к афганским талибам, несомненно, был, и пролегал, в том числе географически, по границам между горными пуштунскими областями и остальной частью территории.

Весной 2009 г. пакистанская армия развернула наступление на исламских боевиков в горных ущельях и укрытиях полосы независимых пуштунских племен, выбив их из большинства населенных пунктов в долинах и межгорных котловинах. Особый размах одновременно обрели налеты американских беспилотных самолетов, эффективно обстреливающих ракетами окопавшихся в горах боевиков.

На протяжении 2000-х годов Пакистан помогал Западу в борьбе с террором, но действовал с учетом собственных выгод и интересов. С его помощью был обезврежен костяк возглавляемой Усамой бен Ладеном международной террористической организации. Отношение Исламабада к афганским талибам, да и к *Аль-Каиде*, было по существу двойственным — уверяя американцев во всемерной поддержке, он на деле старался не допустить их полного разгрома. Ликвидация в мае 2011 г. бен Ладена, проживавшего под носом у пакистанских военных в их гарнизонном городе Абботабад, обнажила двойственность пакистанской позиции.

Военный режим Мушаррафа проводил социальную политику, напоминающую курс Айюб Хана. Действуя в духе времени, он предоставил полную свободу прессе, телевидению, Интернету, демонтировал некоторые одиозные законы, введенные при Зия-уль-Хаке, внес законодательные улучшения в положение женщин, стремясь повысить их политическую и социальную роль. При Мушаррафе несколько выросла доля государственных средств, выделяемых на образование и здравоохранение, и уменьшился удельный вес военных расходов. Генерал зарекомендовал себя сторонником модернистской интерпретации ислама, критиком фундаментализма, автором концепции «просвещенной умеренности». Однако дальше слов и небольших подвижек дело не пошло. То же можно сказать и о политике его гражданских преемников, которые вынуждены мириться и часто отступать перед консервативно-исламскими настроениями широких масс.

Макроэкономические показатели в середине 2000-х годов заметно улучшились, но добиться этого удалось в основном за счет благо-

приятной внешней конъюнктуры — иностранной помощи и денежным переводам от пакистанцев, работающих за рубежом, главным образом в арабских странах Залива, а также в США и Англии. За счет переводов средств пополнились ряды среднего и несколько ниже среднего по доходам населения, вырос совокупный внутренний спрос. Эффект от такого рода «глобализации» начал реально ощущаться даже в пакистанской глубинке.

Разразившийся в 2007–2008 гг. политический кризис свел во многом на нет достижения предшествующих лет. Пакистан вновь испытал бюджетный дефицит, инфляцию, оскудение золотовалютных резервов. Остро ощущалась нехватка электроэнергии.

Ситуация немного улучшилась лишь в 2009 г., после того как армия навела порядок в горном северо-западном ареале, а политической элите удалось сгладить разъедающие ее противоречия. Но летом 2010 г. на Пакистан обрушилось невиданное по масштабу наводнение. Вода вышедшего из берегов Инда и его притоков смывала целые деревни, затопливала города. От наводнения погибли около 2 тыс. и пострадали 20 млн человек. Пакистан преодолел последствия наводнения, но впереди его ждут новые нелегкие испытания. Летом 2011 г. южные районы страны пострадали от нового наводнения.

Таким образом, для политической системы Пакистана характерна господствующая роль вооруженных сил и ее силовых, разведывательных структур. Усеченная, номинальная, по сути, демократия служила чаще всего лишь прикрытием господства военной бюрократии, действующей в тандеме с гражданскими чиновниками. Лидеры политической элиты, как и бюрократии, чаще всего тяготеют к авторитарным методам правления.

Унаследовав традиционный строй жизни в сельской местности и ее «продолжения» в виде административно-рыночных по выполняемым функциям городов, пакистанское государство пыталось лишь сгладить отдельные углы архаичности, стремясь не допустить, чтобы они были заметны извне.

Рост пакистанской экономики, хотя и был в абсолютных цифрах значительным, носил по преимуществу экстенсивный, поверхностный характер. Резко возросшая эксплуатация главных природных ресурсов — плодородия почвы и воды для полива — привели страну на грань социально-экологического кризиса. Количество потребляемой пресной воды в расчете на человека за шесть десятилетий су-

ществования Пакистана сократилось с 5 тыс. куб. м до менее 1 тыс. куб. м. Мало того, потепление мирового климата грозит Пакистану серьезными последствиями. Таяние гималайских ледников, от которых питается водная система страны, может привести уже в среднесрочной перспективе к хронической засухе. Ожидаемый рост населения почти до 300 млн человек к 2030 г., наряду с деградацией природной среды, ставит под сомнение экономические, а с ними и политические возможности Пакистана.

Такое чреватое катастрофическими осложнениями будущее является, разумеется, лишь одним из его вариантов. Пакистан имеет немалый потенциал, в частности, анклав современного эффективного производства и управления. Подобно Индии, в Пакистане получили развитие своеобразные традиции гражданского общества и парламентской демократии. При умеренной и грамотной политике все это способно вывести страну в число уверенно растущих рынков. В этом ей могут помочь успехи мировой экономики знаний и уплотнение информационного и гуманитарного пространства.

1. 2. ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНО-СЕКТАНТСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ПАКИСТАНЕ*

Конфликты раздирают Пакистан. Они существуют на разной почве, и в отдельные периоды существования страны социальные и политические конфликты различного типа имели решающее значение, проявляясь наиболее выпукло. Конфликт выступает как результат противоречий между группами интересов и имеет мирные, переговорные и вооруженные, насильственные формы протекания¹. Основной интерес вызывает сегодня последняя форма, так как она связана с терроризмом, внутренним и международным, и опасностями, обусловленными ростом преступности, беззакония и насилия.

На примере Пакистана весьма, кстати, отчетливо видна тенденция нарастания конфликтности в обществе и силовых, насильственных форм ее выражения. На первом этапе своего существования, а Пакистан как независимый доминион в составе Содружества наций (Британского содружества) возник в августе 1947 г., главным был внешний конфликт с образованной тогда же Индией. Уже осенью того года он вылился в военные действия между ними на территории княжества Джамму и Кашмир. Они обострились весной 1948 г. и продолжались вплоть до самого его конца. Однако количество убитых среди военнослужащих обоих государств едва превысило 1 тыс. человек.

Связанным с тем же внешним фактором был и главный конфликт начальных лет — межрелигиозное, межобщинное противостояние, сопутствовавшее разделу колониальной Индии и особенно болезненно проявившееся в Панджабе в 1946–1947 гг. и Бенгалии в 1949–1950 гг. Общее количество беженцев, главным образом ин-

* Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные. Учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008, с. 326–346.

дусов и сикхов, по-кинувших отошедшие к Пакистану районы, и беженцев-мусульман, оставивших индийскую территорию, составило от 12 до 14 млн человек. В ходе одного из самых массовых в истории единовременных перемещений людей погибло, по разным оценкам, от 200 тыс. до 1 млн человек. Уровень насилия и жестокости на коммуналистской почве был исключительно высок. Однако этот конфликт нельзя рассматривать как внутриакистанский, он был завершающим аккордом в межобщинных распрях, потрясавших время от времени колониальную Индию.

Трагические последствия раздела, война в Кашмире, ощущение внешней угрозы со стороны Индии служили на первых порах факторами, способствующими консолидации. Однако становление национально-государственной общности протекало в сложных условиях. Сказывались нехватка финансовых средств для функционирования даже мини-мального государственного аппарата и недостаток квалифицированных кадров для работы в нем. В общественном и хозяйственном отношении Пакистан серьезно отставал от Индии. На момент образования в стране было только два относительно больших города — Карачи, единственный порт в устье Инда, центр провинции Синд, и столица Панджаба Лахор, весьма пострадавший от последствий раздела. Почти половину его жителей составляли индусы и сикхи, среди которых было много владельцев недвижимости, предпринимателей и торговцев, обеспеченных и образованных людей. Все они покинули город, спасаясь от грабежей и насилия.

Помимо Кашмира, острой на первых порах была также ситуация в полосе пуштунских племен, в стране вазиров, где властям Пакистана, как ранее англо-индийским, оказывал сопротивление легендарный духовный и политический предводитель Факир из Ипи.

Смерть «отца-основателя» Пакистана, первого генерал-губернатора доминиона, председателя Всеиндийской (затем Всепакистанской) мусульманской лиги М.А. Джинны в сентябре 1948 г. хотя и не поколебала внутреннего спокойствия в стране, однако активизировала силы, выступавшие с конфликтующими между собой программами действий.

Наиболее острым оказался тогда в Пакистане конфликт между политическими и бюрократическими элитами, представляющими разные этнические области и провинции страны. Нужно отметить, что остроту этого конфликта в немалой степени объясняет наследие колониального времени. Дело в том, что политика англичан в

последние десятилетия их господства, особенно начиная с реформ Монтегю–Челмсфорда 1919 г., состояла в поощрении идей и практики провинциальной автономии. Именно в провинциях опробовались системы выборов, хотя и не всеобщих, но охватывавших все более широкие слои населения. В значительной мере поэтому политическая жизнь в Индии между двумя мировыми войнами протекала весьма интенсивно в рамках отдельных провинций и в соответствии с распространенными тогда в мире представлениями опиралась на идеи национализма в смысле солидарности на этнической (наличии общих корней) и этнолингвистической основе. Одной из наиболее развитых «наций» в колониальной Индии считалась бенгальская. Область расселения бенгальцев первой попала под господство англичан, с нее началась предпринятая англичанами модернизация культурной и политической жизни индийцев. Бенгальская литература достигла высокого уровня развития уже в конце XIX в., и не случайно в самом начале следующего столетия крупнейший ее представитель Р. Тагор первым из индийцев получил Нобелевскую премию. Неудачный эксперимент вице-короля Керзона по разделу Бенгалии в 1905 г. на две провинции, преимущественно индусскую и мусульманскую, продемонстрировал и силу, и слабость бенгальского национализма, потому как, несмотря на воссоединение провинции в 1911 г., он выявил наличие таких групп интересов в Бенгалии, да и во всей Индии, которые опирались на идеи солидарности на религиозной основе.

Образование Пакистана привело к новому разделу Бенгалии, теперь уже на межгосударственной основе. В провинции Восточная Бенгалия, переименованной в Восточный Пакистан, происходила борьба интересов вокруг двух самоидентификаций — бенгальской и мусульманской.

Их соединение, заметим, в период после окончания Второй мировой войны, позволило бенгальскому отделению Всеиндийской мусульманской лиги стать наиболее сильной провинциальной организацией. Именно в Бенгалии Лига одержала самую убедительную победу на выборах 1946 г. в законодательные собрания провинций, и во многом благодаря этому успеху достигло цели само движение за образование Пакистана.

Несмотря на такой вклад Восточной Бенгалии в общее дело, центр тяжести Пакистана с самого начала сместился в западную часть страны. Там в родном для себя городе Карачи обосновался

генерал-губернатор М.А. Джинна и разместились центральные правительственные учреждения. Проблемы Западного Пакистана (Кашмир, полоса пуштунских и белуджских племен) привлекли к себе на первых порах основное внимание. Только зимой 1949–1950 гг. волна индусско-мусульманских столкновений, охватившая приграничные области пакистанской и индийской Бенгалии, а также соседние с последней штаты Индии, заставила пакистанского премьер-министра Лиакат Али Хана вплотную заняться проблемами Восточного Пакистана. В апреле 1950 г. он отправился в Дели, где вместе с премьером Индии Дж. Неру подписал соглашение об урегулировании вопросов, связанных с положением религиозных меньшинств в обоих государствах (так называемый пакт Неру–Лиакат Али).

Этот пакт, между прочим, на время усилил позиции представителей индусской общины в Восточном Пакистане. Численность индусов по переписи 1951 г. составляла 23%, на них приходилось почти 90% недвижимой собственности, включая капитальное оборудование. На их поддержку опирались Национальный конгресс Восточного Пакистана, Объединенная прогрессивная партия, Федерация каст неприкасаемых и другие мелкие организации. Однако дальнейшее обострение конфликтов в экономической области между индусами и мусульманами привело в первой половине 50-х годов XX в. к переводу индусской буржуазией и помещиками средств из Восточного Пакистана в Индию.

Восточнобенгальская, главным образом мусульманская, элита была в то же время недовольна тем скромным, подчиненным местом, которое ей отвели в общепакистанских верхах. Хотя она могла опереться на поддержку большинства населения, основные рычаги власти оказались в руках представителей западной части страны, прежде всего у мусульман, прибывших туда из Индии (их стали с почетом называть *мухаджирами*, т. е. людьми, совершившими *хиджру*, переезд в благочестивых, религиозных целях), а также панджабцев из тогдашней провинции Западный Панджаб. Впрочем, нужно иметь в виду отставание от последних элиты восточнобенгальских мусульман, как по численности, так и по квалификации, необходимой для управленческо-административной работы. Так, из 95 мусульман, входивших в 1947 г. в состав элитных индийских служб (бюрократических корпораций) и выбравших Па-

кистан, по меньшей мере треть была панджабцами и только один-два — бенгальцами.

В рядах политиков из Восточной Бенгалии произошло размежевание между группой *ашраф* (благородных), сплотившейся вокруг второго генерал-губернатора Пакистана, представителя княжеского рода *навабов* (наместников) Дакки Ходжи Назимуддина, и более демократичной группировкой во главе с А.К. Фазлул Хаком. Одним из главных пунктов расхождений стал вопрос о государственном языке. Первая группа, состоявшая из бенгальцев, в совершенстве владевших также языком урду, исходила из того, что этот язык должен быть единственным государственным языком, так как он является символом Пакистана, знаком принадлежности к «нации» индийских мусульман. Представители второй группировки настаивали на признании бенгальского языка вторым государственным и основным официальным языком в восточной провинции страны.

Волнения на языковой почве охватили города Восточного Пакистана, прежде всего административный центр Дакку, уже в январе 1952 г. Они вызвали первые столкновения между студентами и полицией и первые жертвы. Эти волнения, а также рост левых и националистических настроений привели к резкому падению популярности Мусульманской лиги в Восточном Пакистане. На первых всеобщих выборах в Пакистане, каковыми были выборы 1954 г. в законодательное собрание провинции Восточный Пакистан, Лига, с деятельностью которой была тесно связана вся история борьбы за Пакистан, получила лишь 10 мест из 309.

Поражение потерпела не только группа *ашраф*, стоявшая во главе Лиги, но и вся политика центральных властей, которая отторгалась политическим классом и населением Восточной Бенгалии из-за позиции по языковой проблеме, и не только. Неприятие вызывали несправедливость распределения финансовых потоков, ущемление экономических интересов бенгальцев, пренебрежение к ним чиновников, присылаемых из центра, т. е. из западной части страны.

Хотя коалиционное провинциальное правительство во главе с Фазлул Хаком попыталось установить «рабочие отношения» с центром, пойдя на ряд уступок национальному руководству, последнее прибегло к репрессиям и через два месяца после выборов распустило собрание, сместило правительство, опиравшееся на парламентское большинство, и ввело прямое губернаторское правление. Эти

действия были своего рода прелюдией к репрессивным действиям 1971 г., положившим конец надеждам на сохранение единства двух частей Пакистана.

Конфликты на межпровинциальной, межэтнической почве не ограничивались противоборством между представителями групп интересов из восточной и западной частей страны. В последней (с 1971 г. это весь Пакистан в нынешних границах) рано проявились размежевания между переселенцами-мухаджирами и «сыновьями земли», а внутри местного по происхождению населения и представляющего его политического класса — между панджабцами, синдхами, пуштунами и белуджами. Отражением первого из конфликтов можно в какой-то мере считать убийство в октябре 1951 г. Лиакат Али Хана. Хотя мотивы этого акта не стоят в прямой связи с тем, что убитый премьер, признанный лидер страны после смерти Джинны, происходил из Северной Индии, его уход ознаменовал начало процесса сокращения влияния элиты из числа говорящих на урду мухаджиров, главным образом бюрократов и технократов. На первые роли стали выдвигаться представители панджабских (тогда — западнопанджабских, так как провинция называлась Западный Панджаб) семей крупных земельных собственников, называемых часто лендлордами или феодалами. С ними блокировалась часть пуштунской элиты, а в оппозиции оказывались чаще всего выходцы из среды потомственной аристократии Синда и Белуджистана.

Такое размежевание, хотя и не всегда четкое и окончательное, но сохранившееся вплоть до последнего времени, выявилось уже в ходе подготовки и проведения главного акта, призванного дать общественно-политическим верхам страны возможность для укрепления своих позиций. Имеется в виду объединение в 1955 г. всех провинций западной ее части в одну под названием Западный Пакистан. Главным министром новой провинции стал Хан Сахиб, брат известного пуштунского националиста, героя антиколониальной борьбы Абдул Гаффар Хана. На этапе, предшествующем разделу Индии в 1947 г., Хан Сахиб возглавлял правительство Северо-Западной пограничной провинции, будучи одним из руководителей провинциального отделения Индийского национального конгресса. Его переход от оппозиции к сотрудничеству с центром означал подключение влиятельной группы пуштунских политиков из среды относительно некрупных землевладельцев (так называемых «малых ханов») к общепакистанской элите. А основные позиции в ней заня-

ли выходцы из панджабских землевладельческих кланов, главным образом северных и северо-западных областей.

Одновременно с объединением национально-региональных провинций западной части Пакистана произошло и включение в Западный Пакистан 11 полунезависимых княжеств (43% территории, 10% населения). Этот аспект административной реформы был типологически близок к реформе в Индии в 1956 г. по созданию крупных штатов и включению в них штатов, сформированных из бывших княжеств и их союзов. Но в отличие от Индии пакистанская реформа не укрепляла, а нарушала принцип этнолингвистических, национально-региональных образований. К тому же в отмеченном аспекте территориальной консолидации реформа прошла небезболезненно, вызвав, в частности, неудачную попытку крупнейшего белуджского князя, хана Калата, отделиться от Пакистана. Она также способствовала появлению движения за создание провинции для населения, говорящего на языке сирайки, с центром в упраздненном княжестве Бахавалпур на юге Панджаба.

Создание Западного Пакистана предшествовало принятию в начале 1956 г. первой конституции Исламской Республики Пакистана. В ходе ее подготовки правящие круги удовлетворили требование о признании бенгальского языка вторым государственным и предоставили возможность ведущим политикам-бенгальцам (М.А. Богра, Х.Ш. Сухраварди) возглавлять на протяжении ряда лет кабинет министров. В обмен они добились согласия восточнобенгальских политиков на паритет в распределении мест в парламенте между двумя провинциями.

Всеобщие выборы, однако, так и не состоялись. Подготовка к ним увязла в дискуссиях о способах проведения — в Восточном Пакистане настаивали на отказе от куриальной системы (выборы по куриям отдельно для мусульман и немусульман), а в Западном — на ее сохранении. Главное же состояло в усилившейся борьбе в верхах между представителями разных групп интересов, внутреннем кризисе, расколе и переходе в оппозицию правившей до 1956 г. Мусульманской лиги, в правительственной чехарде (за два года сменилось четыре кабинета) и развитии массовых оппозиционных движений леворадикальной и националистической направленности. В этих условиях у представителей гражданской и военной бюрократии, реально управлявших страной, возобладало желание не рисковать. Осуществленный ими осенью 1958 г. конституционный переворот

с введением режима военного положения, во главе которого встал главнокомандующий армией М. Айюб Хан, отодвинул проведение выборов на 12 лет.

Прежде чем затрагивать вопрос о конфликтах периода, наступившего после военного переворота, следует вернуться по времени назад, к возникновению трений на религиозно-сектантской почве. Проведенный на конфессиональной основе раздел колониальной Индии не привел к ликвидации религиозных меньшинств в новых независимых государствах. В Индии мусульмане на первых порах составляли 10–11%, а в Пакистане индусы — 14%, причем почти все они проживали в восточной провинции. С течением времени, однако, в Пакистане происходило усиление религиозной однородности, индусы покидали страну, столкнувшись с неудачными попытками сохранить свои экономические позиции и избежать дискриминации на религиозном основании. Вместе с тем противоречия на религиозной или сектантской почве в Восточном Пакистане редко приобретали формы открытого, связанного с насилием политического конфликта.

Иначе обстояло дело в западной части страны. Численность немусульман в ней после обмена населением в 1946–1947 гг. сократилась до 2–3%. Почти все сикхи и кастовые индусы покинули пакистанские территории. Остались низкокастовые индусы, сосредоточенные главным образом в Верхнем Синде и пограничных с ним районах Белуджистана и Панджаба, а также христиане, по преимуществу католики из числа обращенных миссионерами представителей социально приниженных слоев. Особняком среди масс немусульман стояли парсы-зороастрийцы, входившие в верхи общества (дельцы и предприниматели, лица свободных профессий).

На фоне почти полной религиозной однородности существенными оказались различия среди мусульман по принадлежности к сектам, суфийским орденам, школам богословия и т. п. На передний план в начальные годы вышел вопрос вокруг ахмадийцев, приверженцев учения Мирзы Ахмада Кадияни. Центр активности возникшей в конце XIX в. секты сторонников этого религиозного проповедника после 1947 г. переместился из панджабского местечка Кадиян в Индии в населенный пункт Рабвах близ Лахора. Определенные черты ахмадийского учения сделали его последователей убежденными сторонниками европейского образования и просвещения. Лидеры секты сохраняли лояльность колониальной администрации, а

с обретением независимости стали приверженцами проанглийской ориентации во внешней политике страны (к ним принадлежал первый министр иностранных дел Пакистана Чаудхури Зафрулла Хан). Члены секты занимали видное место среди интеллигенции, в частности, ученых и профессуры. Из их среды вышел единственный пакистанский лауреат Нобелевской премии, физик Абдус Салам. Синкретизм и модернизм ахмадийского учения и его прозападные установки резко контрастировали с преобладающим массовым да и элитным религиозно-политическим спектром мнений.

Антиахмадийские выступления, охватившие Панджаб в конце 1952-го — начале 1953 г., стали первым крупным межсектантским конфликтом. Материально достаточно богатая ахмадийская община использовала свои ресурсы для пропаганды доктрины и прозелитизма, а определенные группы интересов среди политиков Панджаба, закрывавших глаза на рост воинственности противников ахмадийцев, способствовали развитию неблагоприятных тенденций. Инициаторами погромов были общественная организация и политическая партия *Джамаат-е ислами* (ДИ, Исламское общество) и организация ахраров (*Маджлис-е ахрар-е ислам*, Общество свободных мусульман). В марте 1953 г. власти решили вмешаться и ввели в Лахоре, превращенном в главную арену кровавых разборок и грабежей, военное положение.

Первый случай использования армии для наведения внутреннего порядка принес ожидаемый успех. Волнения прекратились, а инициаторы антиахмадийских акций предстали перед судом. Среди них был духовный и организационный лидер ДИ *маулана* (ученый богослов) Абул Ала Маудуди. Приговоренный судом к смерти он был вскоре помилован.

Антиахмадийский межсектантский конфликт имел в дальнейшем свое продолжение. Но и в середине 50-х годов XX в. он способствовал важным сдвигам — кристаллизации политической борьбы вокруг двух проектов, светского и религиозного. Именно на этом идеологическом основании базировался раскол, произошедший в рядах правящей Мусульманской лиги, от которой в 1956 г. отпочковалась значительная часть ее лидеров, образовавших Республиканскую партию (РП), занявшую вскоре положение правящей. Оппозиционная к правительству РП Мусульманская лига возглавила объединение религиозных партий *Ислам махаз* (Исламский фронт) — первое из последующего ряда других подобных коалиций.

В него помимо Лиги вошли ДИ, а также *Джамиат-е-улама-е ислам* (ДУИ, Сообщество исламских богословов), *Низам-е ислам* (Исламский порядок) и др.

Правые идейные тенденции в пакистанской и международной политике, в том числе исламский идеологический проект, в конце 1950-х и в 1960-е годы в целом уступали либеральным и левым. В годы военного правления (1958–1962) и режима президентской республики, построенной на непрямом (через коллегия выборщиков) избрании президента и парламента (1962–1969), исламская составляющая в официальной идеологии и политике играла существенную, но подспудную, почти незримую роль. Более открыто она использовалась оппозиционными силами. Формально под их давлением стране, которая по конституции 1962 г. стала называться Республика Пакистан, уже в следующем году было возвращено прежнее название — Исламская республика. Происламские силы активно действовали как в Западном, так и в Восточном Пакистане. В восточной провинции они пытались противостоять тенденциям к росту бенгальского национализма, но безуспешно.

Кризис режима непрямой демократии во главе с фельдмаршалом Айюб Ханом привел к его решению об отставке с передачей власти главнокомандующему армией А.М. Яхья Хану. Ввиду того что при этом нарушались конституционные положения, предусматривающие переход президентских полномочий к спикеру парламента, справедливо говорить о втором по счету военном перевороте — марта 1969 г. В целях легитимизации своего правления военные пошли на два популярных шага. Во-первых, отменили решение о создании единой провинции Западный Пакистан и воссоздали четыре прежних провинции в несколько измененных границах, а во-вторых, объявили о проведении всеобщих выборов в центральный парламента и законодательные собрания провинций.

Состоявшиеся осенью 1970 г. первые демократические выборы привели к драматическим последствиям. Кризис, связанный с непримиримыми противоречиями по поводу дележа властных полномочий между политическими силами, одержавшими верх в Восточном и Западном Пакистане, и армией, окончился тем, что восточную провинцию в марте 1971 г. охватило движение за создание страны бенгальцев, Бангладеш. Беспощадная расправа пакистанских властей над восставшими привела к бегству миллионов жителей провинции в Индию, нарастанию напряженности в паки-

стано-индийских отношениях и войне в ноябре-декабре 1971 г. Она закончилась полным поражением Пакистана и образованием на месте его восточной части Народной Республики Бангладеш.

Пакистан после раскола более чем вдвое уступал прежнему по населению. В то же время он состоял не из двух территориально разорванных частей, а из одной, охватывающей к тому же естественный ареал бассейна реки Инд (Индскую низменность, Панджабскую равнину и прилегающие к ним с запада и северо-запада нагорья и горные системы).

Первый период развития нового Пакистана был отмечен взрывом участия масс в политике. З.А. Бхутто, выдвинутый военно-бюрократической верхушкой на пост президента и главного администратора режима военного положения, был одновременно государственным и политическим деятелем. Выйдя в отставку в 1966 г. с поста министра иностранных дел, Бхутто перешел в оппозицию и возглавил Пакистанскую народную партию. Она добилась наибольшего успеха на выборах в западной части страны, получив около 60% мест. Свойства политика харизматического типа (народного трибуна) облегчили З.А. Бхутто задачу укрепления своей власти в первые месяцы пребывания на посту президента. Проправительственные митинги, организованные в тот период, отличала атмосфера энтузиазма и ожиданий перемен к лучшему. Идя навстречу распространенным тогда левым настроениям, Бхутто провел национализацию более трех десятков крупных частных компаний, укрепив и расширив государственный сектор в экономике. Он также не препятствовал созданию в Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане, где на выборах 1970 г. его партия проиграла, кабинетов министров из членов оппозиционных партий и назначил из их числа губернаторов этих провинций.

В августе 1973 г. парламент принял новую, третью по счету конституцию страны, действующую до сих пор. В соответствии с этой конституцией парламентского (вестминстерского) типа Бхутто занял пост премьер-министра. Однако романтический период его правления к тому времени уже, по существу, завершился. В начале 1973 г. были разогнаны оппозиционные центру администрации двух вышеупомянутых провинций, подавлены несанкционированные выступления рабочих и служащих, восстановлен режим контроля за функционированием всех элементов административной машины (иначе говоря, укреплен «вертикаль власти»).

З.А. Бхутто, подавив возможные очаги сопротивления своему личному господству среди тогдашних руководителей вооруженных сил, а также среди политиков, в том числе из своей партии, установил, по сути, режим личного доминирования. Такое положение дел позволило ему переменить в конъюнктурных целях акценты в идеологическом обосновании политического курса с исламо-социалистического на исламофундаменталистский. Первый из них отражал внешнеполитическую ориентацию Пакистана на КНР, а в определенной степени и СССР, второй — соответствовал новым реалиям начала 1970-х, а именно росту в мире экономического и политического значения Саудовской Аравии, Ирана и государств Персидского залива.

Подъем центров финансовой мощи в прилегающем к Пакистану с запада мусульманском регионе оказал значительное воздействие на характер и формы протекания внутренних конфликтов в стране. Возросшее саудовское влияние сказалось на усилении позиций ряда исламских партий и организаций, прежде всего ДИ во главе с А.А. Маудуди. Его труды к тому времени получили немалое признание в арабском мире среди представителей умеренных исламистов (сторонников реформирования государства с целью придания ему черт исламского). ДИ выступила в авангарде движения по борьбе с ересью, в которой была вновь обвинена секта ахмадийцев. Сопротивление последней в изменившихся исторических условиях было скорее формальным. В 1974 г. по инициативе правящей партии парламент принял постановление, относящее секту ахмадия к разряду неисламских.

«Доказанная» ересь (*такфир*) одной из сект, члены которой считали себя мусульманами, сняло психологические барьеры на пути попыток признания неисламскими других направлений и сект, тем более что в исламе, как известно, нет ортодоксии и секты с одинаковым правом претендуют на звание правоверных. Внутриисламские различия, ранее почти незаметные в общественной жизни, по мере нарастания процессов исламизации стали выступать на передний план.

Правительство З.А. Бхутто не могло не считаться с увеличением богатства и внешнеполитических возможностей исламских нефтедобывающих режимов Ближнего и Среднего Востока. Однако флаг исламизма оказался в Пакистане в руках оппозиции, которая сумела использовать его в период подготовки и проведения вторых все-

общих выборов в марте 1977 г., а также на этапе глубокого кризиса, поразившего страну после объявления итогов. Обвинения в их подтасовке, выдвинутые против правительства и уверенно победившей Пакистанской народной партии, привели к массовым манифестациям в поддержку оппозиционного Пакистанского национального альянса (блока из девяти партий, где наиболее активную роль играли исламисты), акциям гражданского неповиновения, *харталам* (закрытию торговых точек). Стремясь разрядить обстановку и выбить козырь из рук оппозиции, Бхутто объявил о мерах по исламизации — запрете азартных игр, закрытии винных магазинов и ночных клубов. Однако было уже поздно. Оппозиция восприняла эти шаги как признание вины. Совершив бескровный переворот в июле 1977 г., военные во главе с генералом М. Зия уль-Хаком прибегли затем к широкой исламизации как средству оправдания, придания черт легитимности своему правлению.

Исламизация позволила военным постепенно отойти от фасадно демократических форм правления в пользу окрашенных в исламские тона авторитарных. Казнь З.А. Бхутто в апреле 1979 г. напугала и обезоружила оппозицию. Осенью того года в условиях международной изоляции режима генерал Зия уль-Хак, провозгласивший себя президентом, объявляет о приостановке действия конституции, отмене выборов, которые до того неоднократно откладывались, запрете партий и политической деятельности. С 1980 г. одновременно с развернувшейся в соседнем Афганистане вооруженной антиправительственной борьбой под флагом священной войны мусульман (*джихада*) в Пакистане проводят разнообразные меры по исламизации общественной, политической и экономической жизни.

В первой из названных сфер новыми постановлениями была серьезно затронута система образования, от начального до высшего, а также сфера повседневной религиозной практики, культурного досуга и развлечений.

Во второй, политической сфере вместо парламента учреждается исламский консультативный совет при президенте (*маджлис-и шура*), указами президента помимо военных судов организуется сеть религиозных, шариатских судебных органов (прежде всего для рассмотрения законов и указов на предмет их соответствия предписаниям Корана) и объявляется о введении исламских наказаний. Массовые нарушения прав человека в ходе борьбы с оппозицией учащаются после захвата самолета Пакистанских международных

авиалиний в марте 1981 г. организацией *Аль-Зульфикар*. Ее возглавлял сын казненного З.А. Бхутто Муртаза.

В экономической области Зия уль-Хак действует в соответствии с фундаменталистскими догмами возврата к прежним временам. Это проявилось главным образом в стремлении изменить финансовую систему путем запрета *риба* (лихвы, ростовщического процента) и введения обязательных для состоятельных мусульман благотворительных налогов — *заката* (2,5% измеряемого особым образом личного богатства) и *ушра* (десятины с сельскохозяйственного продукта, на самом деле 5%, двадцатая часть).

Меры по исламизации, создав определенную формальную основу для власти военных, произвели существенный негативный эффект. Помимо «брутализации», ожесточения политической борьбы и атрофии общественной жизни, они самым непосредственным образом сказались на остроте межсектантских противоречий. Прежде всего обострилась проблема шиитов. Представители шиитского меньшинства (15–25% пакистанских мусульман) бурно протестовали против решения властей о введении исламских налогов на том основании, что они не соответствуют их юридическим канонам (*фикх-е джафария*). На волне протестов появилась партия шиитов *Техрик-е нифаз-е фикх-е джафария* (Движение за шиитские юридические установления). Массовые выступления шиитов заставили Исламабад пойти им на уступки, освободив от действия универсальной государственной системы сбора и распределения налоговых сумм. Однако победа шиитов вызвала недовольство радикально настроенных суннитов, приверженцев школы деобанди. В Южном Панджабе, в первую очередь в округе Джанг, где шииты исторически владеют крупными земельными поместьями, в начале 1980-х прокатилась волна убийств шиитских лидеров и нападений на их моленные дома (*имамбара*). Они были организованы деобандским обществом *Сипах-е сахаба Пакистан* (ССП, Пакистанские воины сподвижники Пророка). Шииты в ответ создали свои боевые организации, в частности *Сипах-е Мухаммад* (Воины Пророка), и началась длинная череда актов террора и мести. В начале 1990-х от ССП откололась и стала активно действовать против шиитов военизированная группа *Лашкар-е Джангви* (названа в честь убитого лидера ССП Х.Н. Джангви).

Суннито-шиитские кровавые столкновения стали главным стержнем внутрисламских разборок, явившись по большей части

следствием нововведений Зия уль-Хака. Определенную роль сыграли и внешние факторы. Совершенная в Иране в 1978–1979 гг. революция, во главе которой стоял имам Хомейни, сделала его имя и идеи весьма популярными среди пакистанских шиитов (тем более что род имама генетически связан с Кашмиром). На Пакистан, кроме того, оказалась спроецированной борьба Ирана и Саудовской Аравии за контроль над радикально настроенными силами во всем обширном регионе от восточного Средиземноморья до внутренней Евразии. Она была особенно острой в годы ирано-иракской войны (1980–1988) и афганского джихада (1979–1992).

Под прямым воздействием исламизации, насаждавшейся Зия уль-Хаком, обострились отношения между двумя направлениями в суннизме, *деобанди* и *барелви*. Военные власти и лично генерал-президент были весьма близки к первым, а большинство населения, особенно сельского, традиционно находилось под влиянием мулл и улемов школы *барелви*. Последние одобряли важную для набожных и неграмотных деревенских жителей практику поклонения гробницам и могилам местных святых, ежегодные празднества в их честь (*урсы*). Улемы-*барелви* признавали обычаи и обряды суфиев, а суфийские ордена (*чишития*, *накибандия*, *сухравардия*, *кадирия* и др.) имели много последователей в сельской местности, особенно в провинции Синд. Из-за позиции властей, явно благосклонных к одному из направлений, обострились столкновения интересов между ними. Это вызвало серию нападений, заказных убийств, напряженную борьбу за контроль над мечетями (называемыми *масджид*) и учебными заведениями, медресе (*дин-и-мадарис*).

Значительную роль в усилении сектантских конфликтов сыграла прямая и глубокая вовлеченность Пакистана в афганский джихад. Как прифронтовое государство в самой крупной после Вьетнама «войне по доверенности» (т. е. конфликте глобальных держав, действующих через посредников) Пакистан получал большое количество военных, финансовых и технических ресурсов. Близкие к правительству религиозные организации, в первую очередь *Джамат-е ислами* и *Джамият-е улама-е ислам* (о них см. выше), были косвенно включены в программы и механизмы распределения средств среди участников джихада, имея среди афганских исламистских партий своих союзников и подопечных. Немалые средства из тех, что предназначались афганцам, оседали в карманах пакистанских кураторов. Почти все боевые организации пакистан-

ского исламорадикализма на более поздних этапах борьбы с правительством в Кабуле и поддерживающей его прямо или косвенно Москвой обзавелись тренировочными лагерями и базами подготовки бойцов-диверсантов на территории либо Афганистана, либо Пакистана, главным образом в полосе проживания горных пуштунских племен.

Весьма существенную роль сыграли при этом такие элементы пакистанской государственной системы, как армия и военная разведка, прежде всего межвойсковая (*InterService Intelligence, ISI*). Разведывательные органы взяли на себя выполнение функций не только внешней разведки, но и контрразведки, службы национальной безопасности, все более активно втягиваясь в тайное решение внутривнутриполитических споров. По мере расширения сферы ответственности увеличились штаты всемогущей *ISI* — до десятков, а то и сотен тысяч сотрудников (с учетом осведомителей и доносчиков).

Участие Пакистана в афганской войне привело также к усилению роли фундаменталистских партий и организаций, большинство из которых примыкают к деобандской школе богословия. В числе последних оказалась и ваххабитская организация *Джамият-е ахл-е хадис* (ДАХ, Сообщество людей предания). То, что по происхождению эта организация не связана напрямую с центрами ваххабизма в Аравии (ее корни уходят в существовавшее в колониальной Индии движение *Тарика-и мухаммадия*, т. е. Путь Мухаммада), не помешало ей получать с начала 1980-х существенную моральную и материальную помощь из Саудовской Аравии. Люди предания разделяют с радикалами-деобанди критическое отношение к шиитам, а возникшая в рамках их направления боевая организация *Лашкар-е тоиба* (Армия чистых) активно проявила себя в 1990-е и начале 2000-х участием в кашмирском джихаде (священной войне мусульман-сепаратистов в индийском штате Джамму и Кашмир).

Гибель диктатора Зия уль-Хака в авиакатастрофе в августе 1988 г. привела к демократизации режима власти, проведению выборов в парламент и победе на них оппозиции в лице Пакистанской народной партии. Правительство возглавила дочь З.А. Бхутто Беназир. Однако потеря военными рычагов управления была далеко не полной. Правительство Б. Бхутто смогло стать лишь одним из трех центров силы и влияния. Двумя другими оставались армия и бюрократия, причем от лица последней действовал президент, наделенный в соответствии с 8-й поправкой к конституции

значительными полномочиями. Такая сложная конструкция оказалась весьма непрочной. Трижды, в 1990-м, 1993-м и 1997 г., в Пакистане проходили внеочередные выборы, которые каждый раз заканчивались поражением прежнего правительства и приходом к власти нового. Дважды кабинет министров возглавляла Б. Бхутто (1988–1990, 1993–1996) и дважды — лидер Пакистанской мусульманской лиги Наваз Шариф (1990–1993, 1997–1999).

Существование такой дефектной, или, по определению О.В. Плешова, номинальной демократии сопровождалось сохранением условий для серьезных конфликтов на этнической, религиозной и сектантской почве. Ситуация, естественно, принципиально не изменилась и после нового прихода к власти военных в октябре 1999 г., а также и на этапе, последовавшем за проведением в октябре 2002 г. восьмых парламентских выборов и еще одного преобразования военного режима в военно-гражданский, номинально демократический.

Коснемся межрелигиозных конфликтов на современном отрезке истории Пакистана. Власти при Зия уль-Хаке предприняли шаги, серьезно осложнившие положение меньшинств, к числу которых, помимо индусов, христиан, парсов и др., в 1970-х годах присоединились и ахмадийцы. Принятые в 1983-м и 1990 г. поправки в Закон о святотатстве или богохульстве (Blasphemy Law) предписывают смертную казнь или пожизненное заключение за публичные действия, которые могут быть расценены как оскорбление Святого Пророка. Ахмадийцы, считающие себя мусульманами, были среди первых жертв применения закона.

Другой группой риска оказались христиане. Некоторые из них попадали в тюрьму по обвинению в богохульстве. Особое внимание общественности как в Пакистане, так и за его пределами привлек процесс над двумя панджабскими христианами — Рехматом Масихом и его сыном Саламатом. Последнего, неграмотного 14-летнего подростка, суд в начале 1995 г. приговорил к смертной казни. После долгих проволочек приговор был отменен, но в период судебных процессов над христианами на улице был застрелен один из обвиняемых — Манзур Масих.

В 90-е годы и позднее экстремисты не раз проводили операции запугивания против лидеров христианских общин. Новым гонениям христиане подверглись в период проведения антитеррористической кампании после 11 сентября 2001 г. Исламские экстремисты

разгромили и подожгли несколько храмов в небольших городах восточной части Панджаба, выступали с провокационными заявлениями против местных христиан как пособников антиталибских сил. Антихристианские акты продолжались и в дальнейшем. В январе 2004 г. в Карачи прогремел мощный взрыв близ Пакистанского библейского общества. Не останавливаясь на положении других религиозных меньшинств, стоит лишь отметить, что в обстановке нетерпимости, сложившейся в период правления Зия уль-Хака и после него, им (за исключением парсов) приходится довольствоваться положением граждан второго сорта. Не имея по конституции права занимать высшие государственные посты, они подвергаются дискриминации при приеме на работу в официальные учреждения. Зия уль-Хак восстановил практику резервирования за религиозными меньшинствами мест в парламенте. Все немусульмане получили 10 из 237 мест.

Наиболее непримиримо среди суннитов к иноверцам относятся улемы-*барелви*. Созданная ими в 1948 г. партия *Джамиат-е улама-е Пакистан* (ДУП, Сообщество пакистанских богословов) долгое время была одной из самых популярных среди мухаджиров именно благодаря ревностному отношению к религии, во имя которой эти жители Индии покинули родные места и переселились в Пакистан. В то время как для барелви главным представляется прозелитская деятельность, для улемов-*деобанди* основной является борьба с ересью, за чистоту ислама. В 1990-е спорадически возникали противоречия между двумя главными школами в пакистанском суннизме. Однако наиболее кровавыми и жестокими по-прежнему были столкновения между суннитами-*деобанди* и шиитами.

Стычки и акты терроризма происходили главным образом в пяти очагах — пуштунском, в полосе племен (агентство Куррам федерально управляемой территории племен), где шиитским являются племя тури и часть племени оракзаев, панджабском (Джанг, Фейсалабад), северобелуджистанском, где проживают шииты-хазарейцы (представители той же народности, что населяет центральные районы Афганистана), а также в Лахоре и Карачи, где находятся главные шиитские мечети и медресе и проживает основная часть элиты шиитской общины.

Яркая вспышка суннито-шиитской борьбы пришлась на 1994–1995 гг. Считается, что она не случайно совпала с острым противостоянием между правительством Б. Бхутто и оппозицией во гла-

ве с бывшим премьером Н. Шарифом, так как определенные силы пытались с их помощью в еще большей степени дестабилизировать обстановку. Очередное обострение пришлось на кризисную в экономическом и политическом отношении зиму 1997–1998 г. Наиболее драматическим эпизодом было нападение на шиитское кладбище в Лахоре в январе 1998 г. В результате расстрела собравшихся там людей на месте погибли 22 человека и более 50 (в том числе женщины и дети) серьезно пострадали. После этого на несколько дней центральные улицы Лахора перешли под контроль протестующей, разгневанной беспомощностью властей толпы. В ряде мест страны шииты в ответ совершили акты возмездия и сами стали жертвами новых нападений и погромов. По сведениям пакистанской печати, в одной только провинции Панджаб за 1996–1998 гг. в сектантских, главным образом суннито-шиитских конфликтах погибли 350 человек, причем 200 человек в одном 1997 г.

С приходом военных к власти осенью 1999 г. страсти несколько улеглись. Но летом 2003 г. в Кветте, главном городе провинции Белуджистан, неизвестные расстреляли 12 молодых шиитов-хазарейцев, проходивших подготовку для службы в местной полиции. И это был не единственный случай выпадов против хазарейцев. В апреле 2004 г. в результате теракта, совершенного близ наиболее крупного деобандского центра обучения в Карачи и мечети Джамиа Бинора, погибли 10 и были ранены 40 человек. Последовавшие вслед за тем беспорядки в городе привели к гибели более 60 человек. Стоит заметить, что группой риска в связи с суннито-шиитским конфликтом оказались иранцы. Еще в 1990 г. в Лахоре произошло убийство генерального консула Ирана. В начале 1997 г. в другом панджабском городе, Мултане, убивают консула из этой страны и еще пятерых сотрудников консульства. Это вызвало острую реакцию протеста со стороны Тегерана, совпавшую по времени с усилением борьбы за влияние между двумя государствами в Афганистане. В 1998-м и 1999 г. одновременно с расправами талибов над афганскими шиитами участились нападения на иранцев в Пакистане.

Весь период обострения межсектантских отношений, особенно текущий этап, с конца 90-х, отмечен чередой убийств видных суннитских и шиитских религиозно-политических деятелей. В 1998 г. в Карачи был убит один из наиболее влиятельных представителей улемов-*деобанди*, наставник многих видных пакистанских и афганских радикалов (в том числе лидеров движения *Талибан*) маулана

Юсуф Бинори. Вслед за этим последовали убийства богословов из числа шиитов и улемов-барелви.

Среди других расправ над политическими деятелями выделяются произошедшие уже после подключения Пакистана к международной антитеррористической кампании убийства одиозного руководителя *Лашкар-е Джангви* Риаза Басра (май 2002 г.), другого крупного суннито-деобандского радикала, лидера *Сипах-е сахаба* Азама Тарика, успевшего, кстати, стать сенатором (октябрь 2003 г.), лидера организации суннитов-барелви *Сунни техрик* (Суннитское движение) Салима аль-Кадри (ноябрь 2003 г.), деобандского духовного лидера, *шейха-уль-хадиса*, знатока священного предания, мечети Джамиа Бинориа в Карачи Муфти Шамзаи (май 2004 г.) и др.

Наряду с сектантскими и религиозными конфликтами продолжали периодически обостряться в 1990-х — начале 2000-х и межэтнические столкновения. Причем политизация последних была и более явной, и более существенной. Как и на начальных исторических этапах, этнический фактор остается главным индикатором и дифференцирующим признаком существующих в Пакистане теневых, неассоциированных групп интересов². Причем эти группы пронизывают прежде всего высшие, элитные слои. В борьбе между ними, включающей, впрочем, и компромисс, и тактическое соглашение, складывается равнодействующая политики правящих кругов по ряду вопросов.

Межэтнические разногласия и социальные конфликты на этой основе не ограничиваются борьбой в верхах. Они нередко затрагивают средние слои (торговцев и служащих) и низшие, пролетарские и люмпенские массы. При этом конфликт с участием широких слоев зачастую формируется и используется верхушкой общества, причем нередко через специальные государственные структуры, в том числе упомянутую выше военную, а также гражданскую разведку (*Intelligence Bureau, IB*), подчиненную министерству внутренних дел.

Из-за тенденции к изменению форм протекания конфликтов, от преимущественно мирных к силовым террористическим действиям, поменялся и способ манипулирования массами. Как правило, только отдельные их представители мобилизуются для участия в них. Впрочем, массовые мирные и полумирные выступления сохраняют определенное значение, в первую очередь в конфликтах интересов на этнорегиональной почве.

Как уже отмечалось, в Пакистане насчитывается пять-шесть основных этнических общностей, представители которых пополняют ряды партий и организаций этно(суб)националистического толка. Наиболее известной среди них является образованная в 1984 г. *Мухаджир кауми махаз* (МКМ, Национальный фронт мухаджиров). Партия, возглавляемая харизматическим лидером А. Хусейном, добилась полной электоральной поддержки урдуязычного населения Карачи на всех выборах, проводившихся с 1988-го по 2002 г. в центральный и провинциальные парламенты. При этом лидер партии с 1990 г. скрывается от пакистанского правосудия в Лондоне и оттуда руководит действиями своих сторонников. МКМ требует признания мухаджиров пятой национальностью Пакистана (наряду с панджабцами, синдхами, пуштунами и белуджами) и выделения городского Синда в отдельную провинцию. Из-за этого у партии сложились остроконфликтные отношения с Пакистанской народной партией Б. Бхутто, опирающейся на поддержку синдхов и сельского Синда. В 1990 г. имели место первые кровавые столкновения между мухаджирами и синдхами. В 1991–1992 гг. Карачи охватили стычки и погромы, причем беспорядки затронули наряду с синдхами и прочих немухаджиров, населяющих многомиллионный город, т. е. главным образом пуштунов (их около 1 млн чел.) и панджабцев. Масла в огонь подлил раскол в рядах МКМ, вызвавший братоубийственную войну между основной группой А. Хусейна и отколовшейся МКМ (Х) (*хакики*— «подлинная»). Для наведения порядка в город были введены войска.

Еще более острые формы противостояния приняло в 1994–1995 гг. Волнения охватили Карачи, другие города Синда, перекинулись на его сельскую местность и другие провинции. В мае-июне 1995 г. отдельные районы Карачи превратились в арену настоящей гражданской войны. Потери за неполные два года превысили 2 тыс. человек. Столкновения привели к большому материальному ущербу. Вновь введенная в город армия объявила некоторые его районы запретными для посещения не проживающими там людьми (*no go zone*).

Помимо мухаджиров на статус отдельной национальности (пятой или шестой) претендуют некоторые жители южных и юго-западных округов Панджаба, говорящие на языке сирайки. Возникшее еще в 1960-х (об этом см. выше) верхушечное движение за образование провинции Сирайки (*Сирайки суба*) не добилось больших успехов,

но и не сошло на нет. Его подогревают социально-экономическая отсталость южной части самой населенной провинции и заметная культурная обособленность. Вместе с тем к прямому вооруженному конфликту движение сирайки пока не привело.

Более острые формы на протяжении всего периода существования Пакистана имело национальное движение белуджей. Вооруженные столкновения в Белуджистане между повстанцами из крупнейших белуджских и брагуйских племен (марри, бугти, менгал и др.) имели место в конце 1950-х — начале 1960-х. Военные действия в провинции, главным образом в «стране марри», велись в 1974–1977 гг. Ситуация в Белуджистане вновь обострилась после длительного перерыва с 2003 г.

В основе противоречий на этот раз оказался экономический вопрос. В зоне расселения белуджских племен, главным образом племени бугти, находятся основные из разрабатываемых в стране месторождений природного газа. Среди белуджей распространено мнение, что центральные власти не используют природные богатства для нужд региона, допуская тем самым его дискриминацию. Имеются и другие причины, которые позволяют оппозиционно настроенным силам в провинции обвинять Исламабад в пренебрежении интересами и потребностями местного населения. Более трех лет в Белуджистане идет подлинная война между повстанцами и армейскими подразделениями. Террористические акты, главным образом выведение из строя газопроводов и ракетные обстрелы армейских баз, вызывают ответные карательные акции. В результате одной из них в августе 2006 г. погиб сардар (наследственный глава) племени бугти видный политический деятель, бывший губернатор Белуджистана 79-летний Акбар Хан Бугти. Его смерть привела к волнениям и акциям протеста.

В заключение нужно подчеркнуть, что в главе рассмотрены далеко не все конфликты на этнорегиональной и религиозно-сектантской почве. Страну характеризует многообразие, которое с большим трудом складывается в единство. Виной тому, по-видимому, неравномерность экономического и социального развития, общий его невысокий уровень, а также особенности политической культуры и политической системы.

После изменений во внешней политике Пакистана, вызванных событиями 11 сентября 2001 г., ситуация в стране, долгое время

остававшаяся критической, стала улучшаться. Опираясь на внешнюю поддержку и одобрение большинства граждан страны, военные власти во главе с президентом генералом П. Мушаррафом укрепили правопорядок, провели серию акций, направленных против религиозных экстремистов и членов различных террористических формирований. Был в значительной степени восстановлен демократический фасад политического режима, улучшились основные макроэкономические показатели.

Однако какие-либо серьезные структурные реформы властями не проводятся. Пакистанский государственный корабль держится на прежних якорях внешней помощи. Его отличает неизменность правящей элиты, состоящей в основном из землевладельческой по происхождению аристократии. Неизменна по сути и политико-государственная система, основу которой составляют армия и превратившееся чуть ли не в самостоятельную силу военно-разведывательное сообщество. Элементом системы остаются клерикальные исламистские круги. Связанные с этими и другими факторами консерватизм политического строя и косность общества (эффективная грамотность взрослого населения в стране не превышает 40%) часто вызывают к жизни демонов конфликтов, которые, видимо, продолжают терзать Пакистан, непосредственно отражаясь и на положении в соседних странах.

Примечания

¹ См., напр.: *Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С.* Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993; *Социальная конфликтология.* М., 2002. В этих и других работах социальный конфликт трактуется как предельный случай обострения противоречий и столкновения различных групп, общностей. Политический конфликт переводит социальный в иную плоскость, делая его частью функционирования политической системы.

² Их характеристику см.: *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Дантон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002. С. 131–132.

ПАКИСТАН — СУДЬБА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА*

Судьба Пакистана вызывает ныне повышенное внимание. Это одно из крупнейших по населению государств с числом жителей более 175 млн человек. Занимая по демографическому показателю шестое место в мире, страна к 2020 г. должна перейти на пятое, а затем и четвертое место, после Китая, Индии и США. В то же время, быстро растущее население «умещается» на площади всего в 800 тыс. кв. км. В отличие от Индии, где обрабатываемая земля превышает 60% общей территории, в Пакистане горы и пустыни делают непригодными для земледелия около двух третей площади. По доле пахотной земли (35%) Пакистан немного уступает даже соседнему Ирану (37%) с его 70 млн жителей¹. К тому же, все более сказывается нехватка воды для искусственного орошения, от которого зависит 80% урожая. В расчете на душу населения наличие пресноводных ресурсов в годовом исчислении за последние 50 лет сократилось в пять раз, уже сегодня приблизившись к критическому уровню в 1000 кубометров².

Понятно, что мировое общественное мнение обеспокоено не только этой тревожной ситуацией, но и тем, что она сложилась в государстве без глубоких исторических традиций, внутренне недостаточно прочном, расположенном на стыке трех современных геополитических регионов — Южной, Центральной и Западной Азии. Пакистан давно уже находится в непосредственном и тесном контакте с одной из главных болевых точек мира — Афганистаном — и сталкивается с серьезным вызовом со стороны крайних исламистских сил. Ассоциируемые с Пакистаном проблемы безопасности осложняются из-за того, что он обладает прошедшим испытанием ядерным

* Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика / Гл. ред. А.А. Кокошин. 2010. Апрель-июнь. № 2, с. 48–65. Статья приводится в авторской редакции.

оружием и ракетными средствами его доставки. Через эту страну пролегают пути транспортировки наркотиков из Афганистана, где производится сегодня свыше 90% мирового героина.

Находясь как государство в эпицентре борьбы с международным терроризмом, Пакистан сам является почвой, на которой процветает питающий его религиозный экстремизм. На протяжении последних двух-трех лет страна пребывает в состоянии острого внутривнутриполитического кризиса. Его осложняет ситуация в экономической области и в сфере безопасности. Особенно тяжелым выглядит положение на северо-западе страны, в горном массиве на границе с Афганистаном. Там государство временами теряет контроль и вынуждено восстанавливать его с помощью армии.

Вместе с тем, Пакистан далеко не обделен ни природными ресурсами, ни накопленными богатствами, ни современной научно-технической базой. По уровню душевого дохода Пакистан в несколько раз превосходит соседний Афганистан, а также такие государства Южной Азии, как Непал и Бутан, и лишь немного уступает Индии. Достаточно заметен прогресс страны и в политико-культурной области, но противоречия и конфликты раздирают общество, делая его неуверенным в себе, склонным к фатализму и саморефлексии.

Оттого так остро стоит в случае с Пакистаном вопрос о том, считать ли его провальным, несостоявшимся государством (*failed state*) или оно все-таки «состоялось», будет развиваться и впредь, превратившись в одно из крупных не только по населению, но и по агрегатным экономическим показателям и весу в региональной и мировой политике. Другой вариант его эволюции — превращение в оплот джихадизма, в эпицентр его распространения по всему исламскому Востоку.

От постколониального государства к идеологическому

Пакистан поначалу был типичен для новых государств, возникших после окончания Второй мировой войны в результате освобождения от зависимости классического для колониализма заморского (территориально дезинтегрированного) образца. Главными виновниками его появления на «политический свет» можно считать три фактора — социальный, политический и личностной, а именно: обострение коммуналистских антагонизмов в Британской Индии

в период между мировыми войнами XX века; усиление взаимной отчужденности политических элит из разных религиозных общин накануне, во время и по окончании войны; твердость характера и политическая энергия лидера индийских мусульман Мухаммада Али Джинны³.

Хотя страна, как принято утверждать, была образована по профессиональному признаку, идея М.А. Джинны не состояла в создании исламского государства. Секулярист и англофил, только ближе к концу жизни ощутивший всю значимость принадлежности к общности мусульман, «отец-основатель» нового государства ставил перед собой иную задачу — защитить мусульман Индии, менее сильную часть ее населения, от неминуемого, как он считал, после ухода англичан притеснения со стороны более искушенных и богатых индусов и сикхов.

Пакистанский доминион, образованный в 1947 г. как единство двух территорий, к западу и востоку от Индии, поначалу не отличался от нее по характеру и принципам государственного устройства. Обе страны унаследовали основные черты колониальной политико-юридической системы и приступили к постепенному ее преобразованию.

В принятой Учредительным собранием в 1949 г. (уже после смерти Джинны 11 сентября 1948 г.) «Резолюции о целях», ставшей декларацией об основах конституционного устройства, было зафиксировано особое представление мусульман о характере государства, прописан постулат о зависимости власти от воли Аллаха. Исламские положения остро критиковались членами собрания из числа немусульман, представлявшими главным образом «восточное крыло» государства, и послужили первым шагом на пути создания религиозно-идеологического государства⁴.

Понятие идеологического государства часто ассоциируется с именем французского философа — неомарксиста Л. Альтюссера, хотя он свое время (в 1960–70-х годах) выдвинул концепцию идеологических государственных аппаратов (инструментов) в их отличии от собственно репрессивных в условиях классового, буржуазного строя⁵. Выходя за рамки марксистских подходов, стоит отметить особую значимость идеационных ценностей («мягкой власти»), как и влияние «обрученных» с ними социально-профессиональных групп, в любом государстве по мере увеличения его институциональных размеров. Интересно также, что, оперируя европейским материа-

лом, Альтюссер придает важнейшее значение религии и христианской идеологии.

Постепенному превращению Пакистана в идеологическое государство способствовали отъезд значительной части богатых, влиятельных и образованных индусов из пакистанской Восточной Бенгалии в Индию. В результате этих процессов представленность немусульман в законодательных органах Пакистана заметно сократилась, что облегчило появление в 1953 году в ходе обсуждения проекта Конституции и нового названия страны — Исламская республика⁶.

Принятая в 1956 г. Конституция не только провозглашала создание исламской по названию республики (впервые в мировой истории), но и содержала ряд законодательных установлений, ставивших мусульман в особое, политически привилегированное положение. Только мусульманин, в частности, мог занимать пост президента, важной целью внешней политики провозглашалось содействие единству мусульманских стран, государству вменялось в обязанность способствовать религиозному образованию мусульман и отправлению ими религиозного культа. По мнению Ю.В. Ганковского и В.Н. Москаленко, все это, по сути, превращало ислам в государственную религию, несмотря на провозглашенную в конституции свободу вероисповедания⁷.

После преодоления психологической травмы тяжелейшей Второй мировой войны в мире распространилось ощущение наступившей эры материального прогресса и благополучия, а популярность религиозных представлений уменьшилась. В Пакистане это особенно проявилось после военного переворота 1958 г. Прозападный режим во главе с президентом М. Айюб Ханом отличался заметным либерализмом в религиозных вопросах. В 1961 г. президент издает Указ, предоставляющий женщинам более широкие права в делах о наследовании и разводе, в 1962 г. принимается новая конституция Республики Пакистан. Однако и в этой конституции не обходится без происламской преамбулы (текста «Резолюции о целях»).

Хотя режим Айюб Хана был светским, причем прежде всего в расчете на внешних покровителей⁸, он нуждался в исламских скрепах уже потому, что слишком далеки были друг от друга по самоидентификации жители двух территориальных кусков страны. Велико было к тому же давление религиозных кругов. Не случайно собравшийся на свою первую сессию парламент, избранный в соот-

ветствии с Конституцией 1962 г. непрямым путем, незамедлительно принял решение о возвращении государству его прежнего названия Исламская Республика Пакистан⁹.

Произошедшее в конце 1971 г. отделение восточной части страны от западной усилило в Пакистане позиции традиционалистов от ислама. Этому же способствовал начавшийся тогда подъем мирового религиозного самосознания, охвативший в первую очередь исламский ареал. Немалую роль в «реванше бога», сыграло, как известно, резкое увеличение нефтяной ренты, получаемой монархиями Персидского залива, в первую очередь Саудовской Аравией. Ориентация на них стала естественной для Пакистана, чье геополитическое положение после отделения Бангладеш существенно изменилось — из страны, замкнутой на регион Южной Азии, он превратился в геополитически открытый, «стыковой» с выходами на Ближний Восток, в Китай, Центральную и Западную Азию.

Первые шаги к преобразованию Пакистана во вполне идеологическое, исламское государство были сделаны в 1970-х годах при таком, казалось бы, светском правителе, как Зульфикар Али Бхутто. Принятая в 1973 г. и действующая до сего времени конституция открыто провозглашает ислам государственной религией, допускает руководство страной лишь представителями этой религии, обязывает государство помогать верующим мусульманам в отправлении культа и углублении своих религиозных знаний. Среди немалого числа исламских положений значится и международно — политическая задача укрепления «братских» отношений с другими мусульманскими странами¹⁰.

Крупной вехой на пути утверждения исламской идентичности «нового» Пакистана стало проведение в 1974 г. Исламского саммита, второго после конференции мусульманских лидеров в Марокко в 1969 г. Он укрепил незадолго до того появившуюся Организацию Исламской конференции (ОИК). Под давлением ортодоксальных кругов в Пакистане начались преобразования происламского толка. Секта *ахмадийя*, основатель которой отказался от принципа конечности цепи пророков (*кхатм ал-анбийя*), по принятому в 1974 г. закону была провозглашена неисламской. В условиях политического кризиса 1977 г. Бхутто ввел ряд других мер — запрет на азартные игры, продажу алкоголя и т. п.

От идеологического государства к расхитительскому

Завершил процесс превращения Пакистана в исламское по господствующей идеологии генерал М. Зия уль-Хака, совершивший в июле 1977 г. государственный переворот. Исламизация стала главным способом легитимизации новой власти. После казни весьма популярного З.А. Бхутто в апреле 1979 г. Зия-уль-Хак осенью того года пошел на демонтаж парламентской системы правления. Он отказался от проведения выборов, запретил партии, ввел ограничения на политическую деятельность. В начале 80-х годов были введены исламские налоги (*закат* и *ушр*), запрещено взимание процента (*риба*), госчиновникам отвели места для обязательных молитв, в университетах и других высших учебных заведениях вводилось изучение «исламских наук». Образованные в рамках судебной системы шариатские суды начали применять исламские наказания (*худуд*), устраивались публичные бичевания, в том числе женщин по обвинению в прелюбодеянии. Права женщин при Зия уль-Хаке систематически игнорировались, и гендерная проблема стала зияющей раной¹¹.

Расправа с противниками режима, «брутализация» политики под флагом ислама трансформировало государство не только в идеологическое, но и тотально-репрессивное. Однако тоталитарности власти препятствовала экономическая зависимость от Запада, встроенность в международную систему на правах подчиненного игрока. Поддержав диктатора в интересах борьбы с «мировым коммунизмом» в соседнем Афганистане, Запад в лице США заставил руководство Пакистана смягчить формы подавления политической оппозиции. После значительного срока, проведенного в тюрьме, на свободу была отпущена и выехала за рубеж дочь З.А. Бхутто Беназир, фактически возглавившая после смерти отца созданную им в 1967 г. Пакистанскую народную партию (ПНП).

«Исламизация сверху» кардинально изменила культуру и государство, и общества, уничтожив в последнем остатки синкретизма (сочетание традиций, влияние индуизма, часто не вполне осознаваемое, на бытовом уровне¹²). И хотя военные, в конечном счете отказались от опоры на происламские партии (в 1978–1979 гг. они предоставляли им места в правительстве), в основе их действий лежала идеологическая программа религиозно-ортодоксальных сил. В результате отсылающая к фундаментальным религиозным

принципам теории известного богослова А.А. Мадудди и практика основанного им Исламского общества (*Джамаат-е ислами*) и ряда других организаций, примыкающих к деобандской школе ортодоксального суннизма, потеснила позиции так называемого народного, низового ислама, а также влиятельных суфийских орденов.

Исламские реформы Зия уль-Хака, помимо этого, привели к серьезному обострению противоречий между суннитами и шиитами. По числу шиитов Пакистан уступает лишь Ирану, где тогда же происходил похожий «исламский ренессанс». Вдохновленные примером Ирана, пакистанские шииты выступили против суннитских нововведений военных властей. В стране возникли оппозиционные шиитские партии и организации, прошли массовые манифестации протеста¹³.

С середины 1980-х годов участились случаи кровавых столкновений представителей суннитских и шиитских молодежных организаций, которые становились все более «боевыми». Этому в большой степени способствовала война в Афганистане, развернувшаяся по другую сторону от северо-западной пакистанской границы. Она сделала более доступным и дешевым стрелковое оружие, прежде всего автоматы Калашникова советского и китайского производства и их пакистанские имитации¹⁴.

Афганская война способствовала превращению исламского идеологического государства в расхищительское или хищническое (*predatory*). Согласно концепции известного американского историка Ч. Тилли, государства в Европе в начале Нового времени создавались и укреплялись в условиях постоянных войн и насилия, и поступали как хищники, пользовавшиеся правами узаконенного насилия для рэкеты — деньги в обмен на безопасность¹⁵. Это понятие в последнее время применяется и в отношении ряда современных государств, в том числе Пакистана¹⁶.

Под воздействием афганской войны в Пакистан хлынул поток афганских беженцев, главным образом пуштунов из южных и восточных провинций. Лагерь беженцев, образовавшийся в соседних с афганскими районами провинции Белуджистан и Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), а также на Территории племен федерального управления (ТПФУ), обустроивались в основном за счет международной благотворительной помощи, которая в значительной степени расхищалась чиновниками пакистанского госаппарата. Сходное воздействие имели поставки военных грузов.

Оседавшие в карманах чиновников средства пускались в оборот, так или иначе связанный с войной (*джихадом*). Они шли на создание сети религиозных школ и семинарий, строительство новых мечетей, религиозно-благотворительных фондов и т. п. Незаконные средства наращивались за счет наркоторговли, контрабанды оружия и товаров широкого потребления, а также скрытых от налогообложения строительно-подрядных работ. В зоне племен «расцвели» рыночные центры (Бара, Ландикотал и др.), где продавались ввозившиеся в Пакистан беспошлинно под видом реэкспорта в Афганистан, товары длительного пользования. Метастазы подпольной, «черной» экономики захватили крупнейший город-порт страны Карачи и главные торгово-транспортные пункты, ведущие от него в Кветту (столицу Белуджистана), Лахор (Панджаба) и Пешавар (СЗП). Контроль за незаконной торговлей, а заодно и перевозкой обычных грузов, в том числе военных, перешел по большей части в руки пуштунской и афганской мафии¹⁷.

По свидетельству ряда журналистов-расследователей, черная (антиобщественная) и серая (укрытая от казны) экономическая деятельность разрослась многократно, и ее обороты по стоимости приблизились к половине официального ВВП. Идеологическое государство оказалось во власти коррупции, она проникла в его поры и разлагающе действовала на качество управления.

Смена военного правления в 1988 г. после гибели Зия-уль-Хака в авиакатастрофе, (она была, по всей видимости, результатом диверсии) на гражданское, формально демократическое, не затормозила процесс разложения государства и превращения его в хищнически-расхитительское. Участие Пакистана в междоусобной афганской войне продолжалось. Изменение общей международной обстановки привело весной 1992 г. к победе муджахедов над «коммунистами». Но победители не смогли договориться между собой. Пакистанская армия и военная разведка пытались помирить афганские группировки, но тщетно.

С 1991 г. военно-экономическая помощь США Пакистану прекратилась. Президент США не смог подтвердить, что Пакистан не ведет разработок ядерного оружия, т. е. не нарушает поправок Саймингтона-Гленна и Пресслера, принятые в 1976–1977 и 1985 гг.¹⁸ Это вызвало ожесточенную схватку за оставшиеся ресурсы. Острые борьбы под национально-исламистскими лозунгами на время переместилось из Афганистана в индийский Кашмир. Там в начале

1990 г. вспыхнул мятеж, подавленный властями весьма жестко. Острое противостояние в Кашмире, затянулось и привело к десяткам тысяч жертв. При этом Пакистан, по существу, вел там непрямую (через агентов) войну вплоть до 2003 г.

Не прекращалась и вовлеченность пакистанских структур в афганские дела. Министерство внутренних дел, имеющее полувоенные формирования, и Межвойсковая разведка (ISI) сыграли активную роль в создании первых отрядов талибов, молодых афганцев, учащихся религиозных школ в лагерях беженцев. В дальнейшем, особенно после того как в 1996 г. бойцы афганского движения *Талибан* взяли Кабул, произошло охлаждение отношений между ними и их пакистанскими покровителями. Пакистан не получил каких-либо выгод для себя. Новая власть отказалась, в частности, признать в качестве официальной фактическую границу между двумя государствами, проходящую по так называемой «линии Дюранда». Более того, в лице талибского Афганистана Пакистан получил беспокойного соседа, откуда исходили угрозы для его северо-западных границ¹⁹. Столь же разочарованным был Вашингтон, где надеялись на нормализацию обстановки при власти талибов и осуществление проектов по транспортировке нефти через афганскую территорию²⁰.

После 1996 г. главное значение для талибов приобрела их тесная связь с арабской по составу экстремистской организацией *Аль-Каида*. Перебравшийся в 1996 г. в Афганистан из Судана ее лидер Усама бен Ладен организовал лагерь подготовки бойцов-джихадистов в зоне афгано-пакистанского пограничья (прежде всего в горном массиве Тора-Бора) и там в феврале 1998 г. объявил о создании антизападного фронта подпольной борьбы. Ее результатом стали взрывы у зданий американских посольств в Восточной Африке летом 1998 г., а ответом бомбовые атаки дальней авиации США на лагерь *Аль-Каиды* в Афганистане.

Атаки с воздуха не принесли того результата, на который были рассчитаны — ни бен Ладен, ни другие руководители международной джихадистской организации не пострадали, но некоторое число боевиков, в том числе и пакистанцев, были убиты и ранены. Между тем, опасность, исходившая от *Аль-Каиды* не была мифической. По некоторым сведениям в ее лагерях подготовки диверсантов за 1996–2001 гг. прошло обучение около 30 тыс. человек со всех концов света²¹.

Террористические атаки 11 сентября 2001 г. привели к безоговорочному переходу правительства генерала Первеза Мушаррафа (пришел к власти в результате переворота в октябре 1999 г.) на сторону коалиции из войск США и Англии, которая неожиданно быстро, менее чем за два месяца, разгромила основные силы талибов.

Между тем, тайная роль пакистанских спецслужб в Кашмире и Афганистане «освящалась» одним джихадистским знаменем и способствовала укоренению в стране исламистской инфраструктуры. Та в свою очередь усиливала этнополитические и религиозно-политические трения и коллизии, служила питательной средой для nepoтизма и коррупции, разбоя, вымогательств и других проявлений криминальной субкультуры.

Крупнейший город Пакистана, Карачи, на долгие годы превратился в арену вооруженной борьбы. Между 1994 и 2001 гг. там было убито около 4 тыс. человек. Крайне неблагоприятной оставалась ситуация и в провинции Панджаб²².

С упомянутым выше приходом к власти военных в 1999 г. страсти несколько улеглись. Но летом 2003 г. в Кветте, главном городе провинции Белуджистан, неизвестные расстреляли 12 молодых шиитов-хазарейцев, проходивших подготовку для службы в местной полиции. И это был не единственный случай выпалов против хазарейцев, основная масса которых населяет центральные районы Афганистана.

В короткий период времени после кризиса в пакистано-индийских отношениях, связанного с нападением террористов на здание парламента в Нью-Дели 13 декабря 2001 г., и его смягчения, благодаря запрету на исламистские партии и организации, введенного вслед за речью главы пакистанского государства 12 января следующего года складывалось впечатление, что Пакистан всерьез намерен бороться с угрозами религиозного экстремизма. Однако уже к марту-апрелю иллюзии рассеялись арестованные и посаженные под домашний арест лидеры исламистских организаций были выпущены на свободу, им дали возможность реорганизоваться. Референдум по избранию Мушаррафа президентом, организованный в апреле, показал, что генерал мало отличается от предшественников во власти и идет на повторение их ходов²³.

Грубая подтасовка результатов референдума, принятие в августе Указа о рамках законности, содержащий 17-ю поправку к конституции, и проведение выборов в парламент в октябре 2002 г.

были отмечены печатью цинизма и безразличия к общественному мнению. Более того, армия и военная разведка помогли проилямскому Объединенному фронту действий (*Муттахида маджлис-е амал*) показать высокий результат (почти 20% мест в федеральном парламенте). В пуштунской Северо-Западной пограничной провинции ОФД получил большинство и сформировал правительство. В соседнем Белуджистане представители Фронта фактически возглавили коалиционный кабинет. При «легальных исламистах», находившихся у власти в СЗПП и Белуджистане до 2007 г., экономика запада и северо-запада страны пришла в сильный упадок, произошло усиление организованной преступности, контрабанды, торговли наркотиками.

На положении в провинциях сказывались не только «заметённое под ковер» неблагополучие в Пакистане, но и ситуация в Афганистане. Большую долю ответственности за «нисхождение в хаос» всего афгано — пакистанского ареала несут американцы. Их действия в Афганистане после победы над талибами многие обозреватели и аналитики рассматривают как цепь крупных просчетов и ошибок. Министерство обороны США и ЦРУ не оказали достаточной помощи центральному правительству в Кабуле, а решили опереться на полевых командиров («warlords»). Такие действия, по сути, возродили сложившуюся в период между 1992 и 1996 гг. фрагментацию Афганистана на ряд областей, где всесильными оказались предводители и верхушка местных вооруженных формирований, «военные лорды»²⁴.

Кроме того, американцам не удалось предотвратить перемещение талибов в Пакистан, где они расположились на юге пуштунского пояса, в северо-западных округах провинции Белуджистан (Кветте, Пишине, Зхобе и Лоралаи). Одновременно в более высокогорную часть пуштунского пояса бежали из Афганистана «алькаидовцы». Затаившись там, они дожидались момента для новых действий»²⁵.

И такой момент настал после начавшегося в марте 2003 г. вторжения войск США и Англии в Ирак. Не закончив одну войну, западная коалиция вступила в другую. Вскоре стало очевидно, что американских сил не хватает на ведение двух войн одновременно. Погрязнув в Ираке, США передоверили сохранение порядка в Афганистане НАТО, под руководство которого с 2003 г. перешли созданные годом ранее Международные силы содействия безопасности (МССБ).

Для Пакистана все это означало перетекание войны на его территорию. и прямое участие в «войне с террором». Экстремисты попытались нащупать слабое место в противостоящих им силах и в качестве мишени выбрали главу Пакистана. В декабре 2003 г. их люди в пакистанской армии подготовили и совершили с интервалом в две недели две серьезнейшие попытки убить Мушаррафа²⁶.

Хотя попытки оказались неудачны, определенный эффект они, по-видимому, возымели, ибо в дальнейшем покушения прекратились. Не исключено, что Мушарраф пошел на удовлетворение каких-то требований исламистски настроенных военных кругов. Весной 2004 г. началось, но вскоре закончилось провалом наступление армии на позиции пакистанских талибов в горах ТПФУ (в политических агентствах Южного и Северного Вазиристана)²⁷.

Наступило шаткое равновесие, которым Исламабад воспользовался для наведения мостов с Индией и США. С Дели он вступил в «комплексный диалог», а от Вашингтона получил выделение значительных средств в счет погашения расходов на ведение войны с террором, т. е. для поддержания разросшихся до непосильного для страны предела вооруженных сил. Чтобы облегчить их выделение в обход Конгресса администрация Буша присвоила Пакистану статус «главного союзника вне НАТО по борьбе с терроризмом».

В октябре 2005 г. контролируемая Пакистаном самопровозглашенная республика Азад (свободный) Кашмир, где располагалась основная масса беженцев из Индии, оказался в эпицентре сильнейшего землетрясения. Значительная международная помощь, в том числе от США и других западных стран, была в значительной мере разбазарена, а частично попала в карманы экстремистам. Кроме того, и сами они смогли оперативно отреагировать на чрезвычайную ситуацию, приняли участие в спасательных работах и реабилитации пострадавших и заработали тем самым немало очков в пропагандистско-репутационной войне²⁸.

Трудно рассчитать, какое именно воздействие оказали последствия землетрясения на боеспособность экстремистов, но через полгода, весной 2006 г. афганские талибы, используя Пакистан как свой тыл, перешли в наступление и нанесли ряд серьезных поражений коалиционным силам в южных провинциях Афганистана, главным образом в Кандагаре, Гильменде и Урузгане²⁹.

Хотя дела в Пакистане в 2003–2006 гг. развивались по внешне спокойному сценарию и характеризовались неплохими макроэко-

номическими показателями, за фасадом благополучия скрывались разложение военно-бюрократических, клерикальных и парламентских структур, усиление коррупции и nepотизма, победа религиозного обскурантизма. Все это сопровождалось подавлением оппозиции, преследованием отдельных ее представителей. В качестве инструмента подавления оппозиционных голосов использовалось Национальное бюро отчетности (*National Accountability Board*). В тюрьме оказались в этот период видные деятели Пакистанской народной партии, в том числе, будущий премьер-министр Юсуф Раза Гилани, а также оппозиционной Пакистанской мусульманской лиги (Н, т. е. Наваз Шарифа). Лидер парламентской фракции этой партии Джавед Хашми был осужден на 17 лет (!) заключения по обвинению в заговоре против военных.

С начала 2007 г. стало ясно, что наступает кризис. Генерал Мушарраф, обеспокоенный проблемой сохранения власти (летом истекал пятилетний срок его пребывания на посту президента, а в октябре должны были проводиться очередные парламентские выборы) стремился не испортить отношения с исламистами. Видимо, поэтому власти оставили без ответа произошедший в январе захват экстремистами Красной мечети — религиозного-учебного комплекса в самом центре Исламабада.

Понимая, что вопрос о президенте во многом зависит от позиции Верховного суда генерал-президент решил предпринять упреждающие шаги и в начале марта отправил в отставку Главного судью, председателя Верховного суда Ифтихара Чаудхри. Этот шаг военных вызвал гнев и осуждение общественности. В первых рядах протестующих оказались представители судейско-адвокатской корпорации. Судья Чаудхри проявил характер и не согласился с решением президента. Отказываясь от выдвижения политических требований, он по существу начал кампанию гражданского неповиновения. Его приезд в Карачи в мае 2007 г. привел к стычкам между полицией и его сторонниками и жертвам среди них.

Между тем, заседавшие в Красной мечети религиозные экстремисты устроили ряд провокаций и заставили Мушаррафа в июле пойти на штурм мечети. Плохо проведенная военная акция в центре столицы, в результате которой погибли более 100 человек, вызвало брожение в обществе и панику властей. Мушарраф в августе восстановил И. Чаудхри в правах Главного судьи, затем организовал, используя коррумпированность и оппортунизм парламентской оп-

позиции, выборы себя в качестве президента. Но натолкнулся на сопротивление судей. Они затягивали рассмотрение вопроса о легитимности избрания президентом человека, не расставшегося с главным военным постом начальника штаба армии.

Штурм Красной мечети осенью вызвал ответные действия исламистов, северо-запад страны подвергался усиливающимся террористическим атакам. Проявленная Мушаррафом слабость позволила надавить на него извне. По инициативе США (плохо скрываемой) между ним и находившейся длительное время в вынужденной эмиграции Беназир Бхутто было заключено соглашение, позволившее ей вернуться в страну, не боясь судебного преследования. Прибытие Беназир в Карачи 18 октября едва не завершилось ее гибелью. Терракт нанес удар по военному режиму, оказавшемуся неспособным предотвратить смерть более 160 человек и ранение еще около 500.

Политическая интрига в Пакистане при участии внешних сил (США, Саудовской Аравии) развивалась ускоренными темпами. 3 ноября Мушарраф ввел чрезвычайное положение, чтобы отстранить упрямого главного судью и его сторонников. Новый состав Верховного суда привел генерала к присяге в качестве президента, после чего он сложил с себя полномочия военного руководителя, а вслед за тем отменил чрезвычайное положение и провел выборы в парламент, достаточно честные и свободные.

Впрочем, между этими событиями пролегло еще одно — второе покушение на жизнь Беназир Бхутто 27 декабря 2007 г. оказалось роковым. Ее гибель вызвала трехдневный паралич власти, большие материальные разрушения и жертвы среди населения. На выборах в феврале 2008 г. победила ПНП во главе с мужем покойной Беназир Асифом Али Зардари, на втором месте оказалась Пакистанская мусульманская лига другого противника Мушаррафа — Наваз Шарифа.

В сентябре вместо вынужденного уйти в отставку Мушаррафа на пост президента избрали А.А. Зардари. Это сделал парламентский корпус (члены федерального и провинциальных законодательных собраний) в соответствии с конституцией.

Однако Зардари очень быстро растерял почти весь свой политический багаж. Он оказался неуживчивым политиком, пошел на обострение отношений с Наваз Шарифом, назначив на пост губернатора провинции Панджаб, где партия Шарифа победила и сформировала правительство, своего выдвигенца. Второй камень пре-

ткновения — судьба дважды отставленного судьи Чаудхри — едва не привел к массовым беспорядкам в марте 2009 г. Под угрозой прямых действий против президента со стороны активно поддерживавших судью политических сил и почти всего судебно-адвокатского корпуса Зардари пришлось уступить. Но восстановленный судья не успокоился и в конце года добился отмены Указа о национальном примирении, принятого в сентябре 2007 г. в результате упомянутой выше договоренности между Мушаррафом и Б. Бхутто. Тем самым поставлена под вопрос чистота перед законом президента и многих политиков из его партии.

Итак, борьба в верхах не закончилась, а ситуация для низов общества и средних его слоев, сосредоточенных в немногих крупных городах, ухудшилась. Рост инфляции в 2009 г., по официальным данным, превысил 10%, а по неофициальным был вдвое выше, и это при очень медленном росте экономики (на 2%)³⁰. Особенное возмущение вызвал резкий подъем цен на сахар, вызванный беззащитной спекулятивной деятельностью оптовиков. Продолжались перебои со снабжением городов электроэнергией, росла безработица. Только благоприятные погодные условия и переводы от пакистанцев, работающих за границей, помогли спасти экономику от падения.

Между тем, ситуация в сфере безопасности в 2009 г. еще более ухудшилась. С мая по июль крупные подразделения пакистанской армии вели бои против талибов в Свате (СЗПП), а с октября по ноябрь — в полосе племен, главным образом в Южном Вазиристане. В обоих случаях тяжело вооруженным и хорошо снабжаемым войскам сопутствовал успех. Пакистанские талибы и скрывающиеся на территории Пакистана экстремисты из других стран (члены *Аль-Каиды*, Исламского движения Узбекистана) понесли серьезные потери. В ответ они усилили террористические атаки против военнослужащих, полицейских и мирных жителей главным образом в северо-западном регионе. Жизнь там оказалась во многом парализована, люди стали бояться покидать свои дома, сотни тысяч уехали из родных мест из-за опасений попасть под перекрестный огонь. Проблема внутренних перемещенных лиц стала острейшей для пакистанского государства, которую она вынуждена решать с помощью ООН и других международных организаций. Число жертв терактов за октябрь-ноябрь 2009 г. превысило 350 человек.

Заключение

Итак, пакистанское государство, превратившись из идеологического в расхитительское и оставаясь гипервоенизированным, находится на грани срыва. Общество представляется более сильным и жизнеспособным, Между Пакистаном и Афганистаном, как отмечалось в начале статьи, нельзя ставить равенства. В Пакистане сложилась достаточно развитая экономика, имеются средний класс и хорошо образованная элита. Гражданское общество, вместе с тем, глубоко расколото по нескольким линиям — идеологической, конфессиональной, этнорегиональной и корпоративной.

В идеологическом плане раскол пролегает по уже отмеченным линиям сторонников светского, либерального и умеренно прозападного пути и приверженцев исламистского, консервативного и жестко антизападного направления. Это противостояние разрывает страну и по вертикали и по горизонтали, т. е. пространственно. Сторонников радикальноконсервативного пути существенно больше на западе и северо-западе страны, ближе к Афганистану и Ирану. Но и там, особенно в пуштунской по преимуществу Северо-Западной пограничной провинции, достаточно сильны сторонники светской идеологии, выросшей из симбиоза левого радикализма и пуштунского национализма и представленной Народной (*авами*) национальной партией, уверенно победившей на последних выборах 2008 г.

Сложный синтез современного и традиционного проявляется в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Наиболее существенными представляются ныне накопившиеся претензии и текущие противоречия между такими региональными общностями, как панджабская и синдская, и такими конфессиональными, как суннитская и шиитская. В первом случае речь идет как об этнической самоидентификации, так и о региональной, связанной с осознанием общности интересов по принадлежности к двум крупнейшим провинциям — Панджабу и Синду. В последней численно преобладают синдхи и переселенцы из Индии после раздела 1947 г. (урдудзычные в основном *мухаджирь*). Острые когда-то трения между ними в последнее время притупились. В то же время в провинции Панджаб усиливается разделение на центральные и северные области, с одной стороны, и южные с центром в Мултане (разговорным языком на юге служит не панджаби, а сирайки, четвертый

по количеству говорящих на нем, признанный ныне как отдельный язык, а не диалект панджаби)³¹.

Весьма важен для современного Пакистана раскол на военную и гражданскую (прежде всего судебную) институционально-профессиональные корпорации. На стороне армии выступают тайные пружины власти, прочные социальные, в том числе личностные и семейно-клановые, связи с элитными городскими и сельскими группами. Военные имеют не только свои сугубо профессиональные, но и экономические интересы. За последние десятилетия военная корпорация обзавелась инвестиционными фондами, банками и страховыми компаниями. Армейская экономика охватывает многие сферы хозяйства, представляя собой одну из мощнейших финансово-промышленных групп в преобладающей в Пакистане монопольно-олигархической политико-экономической системе³².

Судебная корпорация — много слабее, но на ее стороне связи с публичными политиками и представителями влиятельной в Пакистане прессы, телевидения, Интернета. Существенным плюсом является ее выход на международные неправительственные организации, которые уравниваются контактами военных с коллегами из США и других стран НАТО. Адвокатско-судебная корпорация заинтересована в соблюдении духа и буквы закона, с ее деятельностью связывают надежды на эффективно функционирующую демократическую систему. Хотя слой юристов, понятно, не идеален и не свободен от разлагающего влияния угроз и подачек, он в большей мере, чем военные, выражает интересы среднего класса, более нетерпим к коррупции и разложению верхов³³.

Противостояние военной и гражданской институциональных корпораций может быть в определенной мере отражает борьбу государства против общества, бюрократии против интеллигенции. При этом она сопрягается с идеологической борьбой вокруг вопросов войны и мира с Индией, отношения к Западу, близости к происламским и радикальным религиозно-политическим кругам.

Результат противостояния по всем выше отмеченным линиям при сложном их сочетании и переплетении определит сможет ли пакистанское государство эволюционировать от по-преимуществу идеократического и расхитительского к нормальному для современной эпохи, функциональному, полезному для общества и широких масс.

В случае неудачи Пакистан, скорее всего, ждет превращение в эпицентр религиозного экстремизма, в Исламский эмират Пакистана, который охотно предоставит возможность выйти из укрытия бен Ладену и его соратникам³⁴. В распоряжении экстремистов при этом окажется пакистанское ракетно-ядерное оружие. Не угрожая США или Европе, оно может быть использовано ими для самообороны. Зная бесстрашие и безрассудство исламистских террористов, вряд ли есть сомнения, что для соседей Пакистана и для всего достаточно большого региона вокруг него война с джихадистами станет подлинной катастрофой.

Примечания

¹ The Little Green Data Book. 2004. The World Bank. Wash., 2004, p. 109, 111, 168.

² The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations. Inside: Fier, Water, Earth. Mumbai: International Center for Peace Initiatives, 2005, p. 55.

³ *Ahmed A.S. Jinnah, Pakistan and Islamic Identity.* L.: Routledge, 2000, p. 32.

⁴ *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., ИВ РАН; Крафт+, 2003, с. 69–71.

⁵ *Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses // S. Jijek (ed.). Mapping Ideology. L.: Verso, 1994.

⁶ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008, с. 111.

⁷ *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана. М.: Наука, 1975, с. 30–31.

⁸ Haqqani H. *Pakistan between Mosque and Military.* Wash.: Carnegie, 2005, с. 16.

⁹ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008, с. 218.

¹⁰ См.: The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. Karachi: Gazetteer of Pakistan. Government Press, 1973, art. 40.

¹¹ См.: *Malik I.H.* State and Civil Society in Pakistan. Oxford: St. Anthony's, 1997, с. 146–150.

¹² *Kurin R.* Islamization in Pakistan: The Sayyid and the Dancer // Russia's Muslim Frontiers. New Directions in Cross-Cultural

Analysis / Ed. by D. Eickelman. Bloomington: Indiana University Press, 1993, с. 175–189.

¹³ См.: *Sial S.* Taliban on the March: Threat Assessment and Security Implications for the Region // Conflict and Peace Studies. Pak Institute for Peace Studies, vol. 2, № 3, p. 30.

¹⁴ *Пахомов Е.* Зона племен // Итоги. 9 мая 2000, с. 40–41.

¹⁵ См.: *Tilly Ch.* Coercion, Capital and European States. Oxford: Blackwell, 1992.

¹⁶ См.: *Siddiq A.* Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi, Oxford University Press, 2007, с. 3 и др.

¹⁷ См.: *Duncan E.* Breaking the Curfew. A Political Journey through Pakistan. L.: Michael Joseph, 1989.

¹⁸ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003, с. 114, 139.

¹⁹ *Hussain Z.* Frontline Pakistan. The Struggle with Militant Islam. N. Y.: Columbia University Press, 2007, с. 30–31.

²⁰ Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban / Ed. by W. Maley. Lahore: Vanguard Books, 1998, с. 90–91, 97–100.

²¹ *Sial S.* Taliban on the March: Threat Assessment and Security Implications for the Region // Conflict and Peace Studies. Pak Institute for Peace Studies, vol. 2, № 3, p. 32; *Rashid A.* Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and the Central Asia. N. Y.: Penguin Books, 2009, p. 16.

²² The Jihadi Culture // The Future of Pakistan. Ch. 12. Mumbai: International Center for Peace Initiatives, 2002, p. 54.

²³ *Rashid A.* Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and the Central Asia. N. Y.: Penguin Books, 2009, p. 147, 150–151.

²⁴ *Rashid A.* Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and the Central Asia. N. Y.: Penguin Books, 2009, p. 125–144.

²⁵ *Hussain Z.* Frontline Pakistan. The Struggle with Militant Islam. N. Y.: Columbia University Press, 2007, p. 120–122.

²⁶ *Rashid A.* Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and the Central Asia. N. Y.: Penguin Books, 2009, p. 230–233.

²⁷ *Hussain Z.* Frontline Pakistan. The Struggle with Militant Islam. N. Y.: Columbia University Press, 2007, p. 148, 153.

²⁸ *Levy A., Scott-Clark C.* Deception. Pakistan, the United States and the Global Nuclear Weapons Conspiracy. New Delhi: Penguin Books India, 2007, p. 438.

²⁹ *Rashid A.* Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and the Central Asia. N. Y.: Penguin Books, 2009, p. 359–362.

³⁰ Pakistan. Economic Update September 2009. The World Bank, 2009.

³¹ *Rahman T.* Language Policy and Localization in Pakistan: Proposal for a Paradigmatic Shift. 2004.

³² *См.: Siddiqa A.* Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi, Oxford University Press, 2007.

³³ *См.: Grare F.* Reforming the Intelligence Agencies in Pakistan's Transitional Democracy. Wash.: Carnegie, 2009.

³⁴ *Riedel B.* Armageddon in Islamabad // The National Interest. July-Aug. 2009. № 102, p. 13.

СТАНОВЛЕНИЕ И РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПАКИСТАНЕ (ДЕФИНИЦИИ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ)*

Гражданское общество — достаточно старое понятие, переживающее с последних десятилетий прошлого века второе рождение. Его истоки находят у античных мыслителей (Сократа, Платона, Аристотеля) и в произведениях крупнейших представителей философии и науки эпохи возрождения и просвещения, прежде всего у Э. де Ваттеля и И. Канта. В литературе того времени встречаются как позитивные, так и негативные оценки обозначаемого им феномена (последние, например, у Г. Гегеля). Считается, что гражданское общество — продукт эпохи европейского абсолютизма и просвещения XVIII в. В XIX в. термин имел довольно широкое хождение, но на протяжении большей части прошлого столетия употреблялся редко.

Новую популярность он получил в западной науке в конце 80-х — начале 90-х годов XX в., на последнем этапе холодной войны и после ее окончания. К известным работам того периода относится книга А. Селигмена «Идея гражданского общества». В предисловии к ней гражданское общество определяется как «общественное пространство», в котором «свободные самостоятельные индивидуумы выдвигают права на удовлетворение своих потребностей и личной автономии»¹. Использование гегелевской терминологии не помешало автору высоко оценить само явление, укреплявшееся на выходе из холодной войны в Западной и особенно Восточной (Восточно-Центральной) Европе. В дальнейшем о гражданском обществе писали многие другие авторы, причем применительно как к экономически развитым и переходным (бывшим социалистическим), так и менее развитым, незападным, в том числе восточным, азиатско-африкан-

* Сравнительная политика (Comparative Politics) / Гл. ред. А.Д. Воскресенский. 2013. № 1 (11), с. 23–35.

ским странам. Между тем, акцент, сделанный в вышеприведенном определении на личных правах, весьма мало соответствует традициям не западных обществ. Преодолевая этот ограничитель, представители либеральной (и в то же время релятивистской) политической мысли пытались найти общие для разных культур, цивилизаций, укладов жизни и систем ценностей основания для универсального, «глобального» гражданского общества. Главным таким основанием ряд влиятельных авторов посчитали отказ от насилия, терпимость, толерантность. Эти качества позволили им отделить «гражданские» институты от «негражданских». Естественно, что террористические и преступные группы и организации зачислялись в число последних. Некоторые авторы (Г. Анхайер и его коллеги) не делали различий между «хорошим» и «плохим» гражданским обществом, выдвигая в качестве главного критерия добровольность, которая, очевидно, не может быть присуща «негражданским», т. е. использующим методы принуждения для включения в свой состав новых членов, организациям и группировкам.

Водоразделы насилия и добровольности позволяют наметить общие этические принципы, на которых может базироваться глобальное гражданское общество или конгломерат национальных гражданских обществ. Эти критерии относятся к средствам действия и принципам формирования групп действия, а что касается целей, то они определяются уже более широкими и отчасти размытыми категориями социальных изменений, защитой прав человека, борьбой против коррупции, за искоренение бедности и т. п.² Принципиально, что в рамки гражданского общества, когда речь идет о мировой периферии, обычно включают как западные по происхождению, «привнесенные» практики и структуры, так и местные, укорененные в собственной почве элементы — локальные, родственно-земляческие, этнические сообщества, религиозные и парарелигиозные институты и организации и т. п.

Не касаясь здесь уже достаточно обширной отечественной литературы по вопросу о гражданском обществе применительно к российскому опыту³, обратимся к дефинициям авторов, пишущих об этом феномене в Пакистане. Насколько можно судить по доступным материалам, гражданское общество в узком смысле понимается ими, как правило, в вышеприведенном смысле как множество любых негосударственных и некоммерческих (не связанных с бизнесом) структур и организаций, имеющих добровольный характер⁴.

Дискуссионным остается вопрос о политических партиях. Участие в борьбе за власть превращает их в часть государственно-политической системы. В то же время далеко не все политические партии страны реально претендуют на доступ к рычагам управления, лишь малая их часть представлена в центральном (федеральном) парламенте, или законодательном собрании провинций. Непарламентские партии представляют собой, скорее, общественные организации и движения, принадлежащие гражданскому обществу.

В похожем положении оказываются средства массовой информации. Они используются борющимися за власть силами и нередко стремятся к получению прибыли. Вместе с тем, мотивы деятельности СМИ не детерминируются во многих случаях по преимуществу этими мотивами. То же самое касается и каналов массовой коммуникации, развивающихся благодаря Интернету. Отсюда наличие пограничной полосы между политизированным и неполитизированным, коммерческим и некоммерческим секторами в сфере обмена информацией.

Расхождения по поводу «пограничных» структур выявляют наличие в литературе по Пакистану двух точек зрения на вопрос о сути и составе гражданского общества. Ряд авторов, особенно те из них, кто писал о нем в 1990-х годах, трактуют это понятие расширительно, включая в него по существу все общественно-политические организации, и акцентируя внимание на их противостоянии государству как репрессивному режиму власти⁵. Вторая позиция была отмечена выше и более соответствует традиции использования термина, утвердившейся в начале нынешнего столетия в мировой исследовательской и аналитической литературе и международно-общественной практике⁶.

Мы будем различать два подхода к понятию гражданского общества в Пакистане, расширительный и узкий, отдавая предпочтение первому из них как более тесно связанному с историей Пакистана и его перспективами. В то же время в статье будет охарактеризовано и гражданское общество в узком понимании, при котором оно рассматривается как третий (или третичный) сектор экономической и политической активности, находящийся за рамками государства и рынка, иначе говоря, набор неправительственных и некоммерческих организаций добровольного, ассоциативного типа. Совмещая оба подхода, автор постарается рассмотреть в первом приближении становление гражданского общества в общем и специальном смыс-

ле, внутреннюю структуру, роль и взаимодействие с государством и обществом в целом⁷.

Этапы становления и юридическая основа существования

Можно выделить несколько крупных периодов в истории пакистанского гражданского общества. Первый из них — эмбриональный, подготовительный. Речь идет о колониальном времени, когда на территории будущего Пакистана, в крупнейших ее городах, Карачи и Лахоре, появлялись первые капиталистические фирмы и компании, формировались отдельные ассоциации буржуазного сообщества. Время таких перемен для пакистанских областей колониальной Индии последовало вскоре после их завоевания англичанами в середине XIX в. Заметную часть тогдашнего «среднего класса» составляли выходцы из метрополии, часто лишь на время приезжавшие в колонию. В немалой степени в расчете на них колониальные власти приняли первые законы, регулирующие деятельность гражданских, негосударственных организаций. В 1860 г. был принят закон о регистрации обществ (Societies Registration Act), в 1863 г. — закон о религиозных фондах (Religious Endowment Act), а в 1882 г. — закон о трестах (Trust Act)⁸. В 1890 г. к трем первым добавился закон о благотворительных фондах (Charitable Endowments Act), а существенно позднее, в 1925 г., был принят закон о кооперативах (Co-operative Act)⁹.

Эти законоположения регулировали в течение всего последующего колониального периода деятельность гражданских, в том числе общинных организаций. И до сих пор они являются основными регуляторами деятельности большинства неправительственных структур в Пакистане.

Число неправительственных и некоммерческих организаций, созданных в колониальное время на территории Пакистана не было большим. Формирующие ее области отставали от ряда других регионов колониальной Индии по уровню торгово-промышленного развития. Сильные позиции на «пакистанской» территории имел немусульманский капитал¹⁰.

К концу колониальной эры в Индии усилились массовые протестные движения, что можно считать проявлением активности гражданского общества в широком смысле. Пакистанские районы

опять же не были среди наиболее заметных в этом процессе (все их население составляло по переписи 1941 г. 28 млн человек при общей численности жителей колонии в 400 млн)ⁱ. Тем не менее, Лахор выдвинулся в число видных центров общеиндийской социально-политической активности, а города Пешавар и Карачи превратились в региональные ее центры. Подспудно шел также процесс консолидации религиозных общин и их гражданских, добровольных организаций, но вплоть до 1946 и 1947 гг. в этой части Индии не было крупных межобщинных столкновений.

Второй период в истории гражданского общества Пакистана совпадает с эпохой холодной войны. Внешние факторы оказывали немалое, хотя и в основном косвенное, воздействие на формы существования и эволюцию гражданских институтов. Оно проявлялось в том, что массовые движения и объединения, особенно на начальном этапе существования страны, в 1947–1958 гг., строились во многом на классовой идеологической основе. Правящие круги Пакистана без колебаний выбрали господствующую в тогдашнем постколониальном мире прозападную ориентацию. Оппозиционные силы пытались найти альтернативу. В результате окрепли возникшие еще до Второй мировой войны группы левых интеллектуалов, была образована Компартия с помощью переехавших в страну из Индии мусульман-членов КПИ.

В 1951 г. левым силам был нанесен удар разоблачением антиправительственного «заговора в Равалпинди». В заговоре военных оппозиционеров оказались замешаны видные «прогрессивные» литераторы, представители интеллигенции. Суровые приговоры, вынесенные участникам заговора, были вскоре смягчены, но в 1954 г. Компартию запретили, чтобы расчистить путь для тесного военно-оборонительного союза с США. Еще через четыре года после прихода к власти военных во главе с генералом, а затем фельдмаршалом М. Айюб Ханом под запретом оказались и все другие политические партии. При возобновлении их деятельности в 1962 г. запрет с Компартии снят не был. Легализация КПП произошла лишь в 1972 г., после того как промосковские силы растеряли большую часть массовой поддержки. Одной из причин этого было содействие, которое

ⁱ Это, кстати, означает, что тогда на ныне пакистанские районы приходилось примерно 7% общего числа жителей в Южной Азии, а теперь — около 14%. (приблизительно 200 из 1 450 млн человек).

СССР оказал Индии в войне с Пакистаном в 1971 г., приведшей к расколу страны, первоначально состоявшей из двух территорий, и образованию на месте восточного «крыла» Пакистана отдельного государства Бангладеш.

Левые группы после 1960 г. имели в Пакистане не только московскую, но и пекинскую «прописку». Однако сближение Исламабада с Пекином, нараставшее с 1963 г., ослабило, а затем и ликвидировало полностью, возможности оппозиции использовать китайскую поддержку. И СССР к 1970-м годам отказался от курса на затратную помощь всем рабочим и коммунистическим партиям и движениям, предпочитая более осторожный, избирательный подход. Пакистанские коммунисты, в отличие, например, от афганских, не могли рассчитывать на заметные успехи. Дозированная поддержка КПП Москвой находилась в 1960–70-х годах «под колпаком» пакистанской контрразведки и не внушала той серьезных опасений. Тем не менее, левая альтернатива существовала, и именно ее наличие во многом определяло и структурировало гражданское общество в Пакистане на втором этапе, особенно до середины 1970-х годов. Помимо КПП, будь она в подполье или на легальном положении, действовали левые профсоюзные и студенческие организации и объединения, гильдии и союзы левых литераторов, журналистов и адвокатов.

С начала 70-х годов количество центров внешнего воздействия на Пакистан и его гражданское общество увеличилось с трех (США, СССР и КНР) до пяти. Китай обладал большим весом при правительстве поставленного военными у власти после поражения в войне с Индией харизматического политика З.А. Бхутто. Но китайское влияние сократилось после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и последовавшей за тем смены международного курса Пекина. Зато сложились и усилились два исламских центра — саудовский (суннитский) и иранский (шиитский). Саудовцы, по общему мнению, сыграли существенную роль в событиях, приведших летом 1977 г. к острому внутривластному кризису и перевороту, совершенному военными во главе с генералом М. Зия уль-Хаком.

С того момента наметившийся еще при Бхутто правый (традиционалистский, исламо-консервативный) уклон стал преобладающим не только для государственной политики, но и гражданского общества. Развернутая генералом-президентом с опорой на исламские политические партии кампания по исламизации общества в целом

и его гражданского сегмента в частности имела результатом существенные, хотя зачастую и фасадные, изменения¹¹.

Хотя левая тенденция в общественно-политической жизни еще давала о себе знать, подпитываемая с 1978 г. «коммунистическим» переворотом в соседнем Афганистане, опиравшемуся на нее этнонационализму окраин — пуштунскому, белуджскому и синдхскому — был нанесен удар уже при Бхуттоⁱⁱ. Остаточный левый тренд еще сохранялся в профсоюзах и крестьянских организациях, но характер и структура гражданского общества активно правели и «исламизировались». При этом элементы прежнего гражданского общества оказались в значительной степени вытеснены из страны и нашли убежище в организациях мигрантов, возникших в диаспоре, неуклонно разраставшейся в США, Великобритании и ряде других стран. Политизированное гражданское общество, таким образом, как бы перетекло через государственные границы, оказалось шире внутреннего, помогая существованию оппозиции при авторитарных и непопулярных режимах.

Возвращаясь к началу второго периода в истории пакистанского гражданского общества, следует заметить, что после образования страны в 1947 г. располагавшиеся на ныне пакистанской территории различные неполитические организации граждан в основном прекратили свое существование из-за выезда за рубеж (в Индию и Англию) их активных членов и руководителей. На их месте образовались новые структуры, главным образом мусульманские и целевые по характеру своей деятельности.

В больших городах появились кооперативы (товарищества) по освоению и застройке новых участков земли. В столичном на первых порах Карачи возник, например, Жилищный кооператив пакистанских служащих (Pakistan Employees Cooperative Housing Society, PECHS), Колония военных (Defense Colony) и т. п. На их примере видно взаимодействие гражданских (поскольку участниками кооперативов выступали частные лица) и государственных структур (правительство и вооруженные силы оказывали содействие своим служащим). На стыке и в переплетении государственных и общественных (личных, гражданских) интересов возникали неправительственные организации, занимавшиеся разрешением

ⁱⁱ В 1975 г. он отдал левонационалистических деятелей под суд военного трибунала, который продолжался до прихода к власти военных.

спорных вопросов, возникших в связи с переселением более 6 млн. мусульман из Индии в Пакистан¹². К этому надо добавить организации мигрантов земляческого типа, по урегулированию прав собственности, возмещению убытка и т. п. Они тесно контактировали с правительственными ведомствами, вступавшими в контакт с соответствующими структурами в Индии.

Таким образом, гражданское общество распадалось на три основных потока: политизированные как левые, так и правые (религиозные) по идеологии организации и движения; неполитизированные, целевого и вспомогательного, поддерживающего назначения; традиционные, религиозно-общинные, соседско-родственные и кланно-племенные.

Постколониальный период ознаменовался принятием еще двух законоположений о гражданских институтах. Оба они были приняты при военных режимах и носили форму президентских указов. В 1961 г. был обнародован Указ о добровольных агентствах социального благосостояния (Voluntary Social Welfare Agencies), а в 1984 г. — Указ о компаниях, где в разделе 42 регулировалась регистрация некоммерческих организаций (Companies Ordinance (Section 42))¹³.

Третий период существования гражданского общества охватывает время кризиса биполярной системы международного устройства и современную эпоху постбиполярного мира. На этом этапе серьезно расширился спектр целевых, правозащитных и гуманитарных, по защите прав женщин и меньшинств, просветительских и благотворительных неправительственных организаций в значительной мере под влиянием либерально-интернационалистских (космополитических) тенденций в мире. Космополитизм с начала 1990-х годов активно поощрялся ведущими межправительственными организациями — ООН, Всемирным банком, Международным валютным фондом, Всемирной торговой организацией (с 1995 г.), ЮНЕСКО и др.¹⁴

В 1995 г. пакистанское правительство внесло на рассмотрение парламента законопроект, вносивший поправки в указ 1961 г. о добровольных агентствах социального благосостояния (Voluntary Social Welfare Agencies Regulation and Control (Amendment) Act). Поправки устанавливали, что неправительственные благотворительные организации должны проходить обязательную государственную регистрацию и могли быть запрещены и распущены. Это

вызвало протесты со стороны гражданских организаций и подстегнуло процесс создания гражданских сетей и форумов, а также координацию совместных действий¹⁵. В результате протестов проект так и не превратился в закон.

На рубеже 1990-х и 2000-х годов в Пакистане в основном сложилась нынешняя структура гражданского общества в узком понимании его смысла и назначения. Оно стало вполне сопоставимо с аналогичными в других странах. К этому моменту относится и формирование инструментария такого рода сравнений.

«Ромб» гражданского общества

Исследование особенностей функционирования узко понимаемого гражданского общества в различных странах мира связано с возникновением в начале 1990-х годов международной организации CIVICUS — Мирового альянса за гражданское участие. В 1999 г. началось осуществление совместного с Лондонской школой экономики проекта по сопоставительному изучению гражданских обществ в различных странах. Сотруднику школы Г. Анхайеру принадлежала идея использования «ромба» для презентации итогов комплексного количественного сопоставления данных о деятельности организаций гражданского общества. Для построения ромба выделяются четыре оси — структура, ценности, пространство и влияние. Первая из осей отражает число организаций, их распределение по секторам и регионам страны, ресурсы, членство и т. п., вторая оценивает цели и задачи, нормы и подходы, которые разделяют и пропагандируют неправительственные и некоммерческие добровольные ассоциации, третья дает представление о легальной, политической и социокультурной среде, в которой существует ГО, в частности, отношение общества в целом к духу добровольности и социальной активности, а четвертая измеряет вклад гражданских организаций в разрешение различных социальных, экономических и политических вопросов, определение повестки дня общественных интересов, принятие решений государством и бизнесом и их реализацию¹⁶.

Первичные сведения для проекта собирались в основном путем анкетирования руководителей и участников организаций и групп гражданского общества. Пакистан оказался в числе десяти первых стран, где обследования проводились в 2000–2001 гг. Причем сре-

ди них (в большинстве восточноевропейских) он был единственной азиатской и мусульманской страной. В 2003–2006 гг. сходный проект по созданию индекса гражданского общества охватил более 50 развитых и развивающихся стран Европы, Южной Америки, Африки и Океании. В число обследованных из мусульманских государств попали только Египет и Турция, а из азиатских — лишь Индия, Южная Корея и Вьетнам¹⁷.

Показатели по Пакистану, позволившие «нарисовать» ромб его гражданского общества оказались довольно неплохими даже при сравнении с такой развитой и явно «гражданской» страной, как Голландия. Вместе с тем, пакистанские показатели уступали голландским по всем сторонам ромба (пакистанский ромб находился как бы внутри голландского). Особенно сильно почти на 40 процентных пункта, был меньше третий индекс (среда), на 20 пунктов меньше голландского были у пакистанского ГО первый и второй показатели и на 16 пунктов (влияние) четвертый индекс. Кроме того, пакистанские организации в целом были не вполне сопоставимы с голландскими, т. к. отличались значительно большей типологической и генетической гетерогенностью, наличием современного и традиционного (не вполне, по существу, гражданского) сектора.

Оценивая масштабы и другие характеристики гражданского сегмента в Пакистане, авторы доклада о подготовке упомянутого выше индекса CIVICUS отмечали также нехватку достоверных и представительных данных. Так, число зарегистрированных и активно действующих неправительственных организаций оценивалось ими в 10–12 тысяч. Но при добавлении к ним зарегистрированных, но не проявляющих какой-либо активности организаций количество гражданских структур возрастало до 60 тысяч¹⁸.

В качестве принадлежащих гражданскому сектору авторами учитывались профессиональные союзы. Их количество оценивалось округленно в 8 тыс. с числом членов около 1 млн человек. Это составляло лишь 5% рабочей силы страны. Последняя оценивалась в 20 млн человек и не включала неоплачиваемых работающих членов семьи, особенно многочисленных в сельском хозяйстве и в неформальном секторе (незарегистрированный малый бизнес). Причисление профсоюзов к гражданскому сегменту демонстрирует расплывчатость его границ, хотя, на наш взгляд, полностью соответствует его критериям — добровольности и общественной активности. Факты, свидетельствующие о крайне ограниченных

масштабах профдвижения существенны для понимания степени организованности труда, а также свободы в обществе, т. к. одна из основных причин слабости тред-юнионизма — ограничения, налагаемые государством в соответствии с «пожеланиями» хозяев предприятий. Авторы доклада отмечают, что численность и роль профсоюзов в Пакистане с 1970-х годов неуклонно сокращались. Это касалось как союзов на предприятиях, так и профобъединений. Только 2 тыс. тред-юнионов, по данным на 2000 г., 22 имели право на заключение коллективных договоров¹⁹.

Среди неправительственных организаций преобладали образовательные, далее располагались организации по охране здоровья и правам женщин. Связанными тематически с ними были детские и спортивные организации и ассоциации, а также по развитию общин, соседских и религиозных. Так называемые промежуточные, посреднические и поддерживающие структуры ориентировались в основном на те же цели, оказывая финансовую, техническую и организационную помощь.

Особо следует сказать о женском движении и организациях женщин. Возникнув первоначально как элитные клубы для женщин из богатых семей, движение за права женщин вышло на передний край общественной и политической борьбы под воздействием политики исламизации, проводимой режимом Зия-уль-Хака в 1980-х годах. Именно тогда образовались влиятельные женские организации (прежде всего, *Хаватин-е-махаз-е-амаль*, Женский форум действия), вступившие в борьбу против вводимых властями мер (исламские законы *худуд*), ущемляющих права женщин в суде, при разбирательстве дел об обвинении в супружеской измене и прелюбодеянии, а также других дел, где свидетельство одного мужчины приравнивалось к двум женским. Острота проблемы дискриминации и притеснения женщин не была снята и в дальнейшем, что отразилось на активности и решительной позиции относительно немногочисленных, но весьма влиятельных женских правозащитных организаций²⁰.

Трудно оценить масштабы средств, которые проходили через каналы гражданских организаций. Вопреки распространенному мнению, в основном это были внутренние, пакистанские средства. Сказались, в частности, традиции благотворительности, оказавшиеся весьма характерными для Пакистана. С 1960-х годов известен своей благотворительной деятельностью Саттар Идхи, создавший в

Карачи и других городах страны организации по помощи бедным, больным, сиротам (головной организацией является «Трест Идхи») Широкую известность приобрела деятельность Хамид Хана, иницировавшего пилотный проект комплексного развития одного из трущобных районов Карачи — Оранги. Благотворительность нередко фокусируется на оказании медицинских услуг: фонд Шаукат Ханум оказывает помощь больным раком, а трест Лейтон-Рахматулла — нуждающимся в лечении глазных болезней²¹. Видное место в оказании услуг в области здравоохранения давно занимают исмаилитский Фонд Ага Хана (о нем подробнее ниже) и некоторые христианские миссии.

Как явствует из приведенных примеров, благотворительность носила нередко религиозный, общинный характер, но чаще всего не была связана с радикальными идеологическими установками и, как правило, не ограничивала свою деятельность строгими рамками конфессиональной принадлежности.

Внешние, иностранные источники имели значение лишь для наиболее крупных и широко известных организаций, осуществляющих проекты социальной и экономической модернизации, по защите прав граждан и адвокатуры (оказание помощи в уголовно-судебных процессах). Впрочем, и некоторые религиозно-общинные организации, имея корни внутри страны, являлись по существу интернациональными.

Число членов в пакистанских НПО не было значительным. Систематическое представление о распределении организаций с точки зрения их численности дало лишь обследование 1991 г. осуществленное Организацией ООН по развитию. На тот момент треть организаций имела менее 50 членов, 17% — 50–99, еще 20% — от 100 до 149 и лишь у 5% количество членов превышало 450. Обследование показало, что около 90% работавших в НПО и НКО были волонтерами, и только 10% получали вознаграждение за свою работу. С опорой на эти данные число занятых в гражданском секторе на начало 2000-х годов оценивалось примерно в 250 тыс., что составляло от 0,5 до 1,6% рабочей силы, в зависимости от ее оценки: 16–25 млн человек²².

Проведенное в 2002 г. обследование некоммерческих (*non-profit*) организаций дало несколько иные данные о специализированных гражданских организациях. (см. табл. 1)²³.

Табл. 1.

Состав некоммерческого сектора

Основные некоммерческие организации	Число организаций	Процент
Образование и исследования	20699	46,4
Гражданские права и адвокатура	7815	17,5
Социальные услуги	3704	8,3
Развитие и жилищное строительство	3264	7,3
Здравоохранение	2700	6,1
Культура и досуг	2452	5,5
Религия	2184	4,9
Бизнес и профессиональные организации	1705	3,8
Окружающая среда	103	0,2
Итого	44625	100,0

Источник: Sattar A, Rabia B. Civil Society in Pakistan, p. 9.

Почти половина некоммерческих организаций относилась к сфере образования и исследований. Но, как отмечают авторы доклада, комментирующие эти цифры, огромная часть из них принадлежала религиозным, главным образом исламским организациям. Именно медресе (*дин-и-мадарис*) и семинарии (*дар-ул-улум*) составляли основу негосударственного и некоммерческого сектора образования. Обучение в религиозных школах для мусульман имеет в Южной Азии глубокие исторические корни. Распространенность такого образования усиливается в Пакистане тем обстоятельством, что далеко не все дети школьного возраста имеют возможность посещать государственные и общественные (частные привилегированные) школы. По оценкам на соответствующий период, примерно треть (более 1,5 млн) посещавших школу детей получали образование в медресе, число которых превышало 10–12 тыс.²⁴

Именно распространением религиозного начального образования для детей из бедных семей можно объяснить, как считают

А. Хан и Р. Хан, столь явное превосходство НКО образовательного профиля над другими. Хотя доля организаций в области здравоохранения невелика, но по количеству занятых они находились на втором месте — 17%, а на организации по поддержке гражданских свобод приходилось всего 2% занятых в гражданском секторе. В то же время по численности они находились на втором месте (см. Табл. 1).

Чисто религиозные организации, главным образом, хотя и не исключительно, мусульманские, составляли немалый процент от общего количества и должны быть присоединены к организациям и попечительским советам, курирующим сеть медресе и семинарий. В результате соотношение между НКО либерального и консервативного толка оказалось, как отмечают авторы доклада, далеко не в пользу первых. Причем отставание либерального сегмента ГО, состоящего из правозащитных организаций, по борьбе с коррупцией, за охрану окружающей среды и т. п., со временем усиливалось²⁵.

Исламо-радикализация гражданского общества

Оценки состояния гражданского общества, которые давали авторы в начале 2000-х годов через десятилетие изменились, отражая тот же тренд. По мнению Т. Рашид, за это время усилилась прослойка организаций ГО, которые заняли промежуточную нишу между современным и традиционным полюсами. Члены таких организаций, как правило, имеют современное нерелигиозное образование, принадлежат к лицам квалифицированных профессий, но по своему мировоззрению тяготеют к исламистам. Их отличает вера в «воображаемое славное прошлое» мусульман и эксплуатацию исламского мира Западом. В отличие от мусульман-традиционалистов они полагают, что их корни — не в родной земле (т. е. в исторической Индии), а в Саудовской Аравии, на родине ислама. Фундаменталистские и радикальные группы потеснили в первую очередь либеральные организации, наиболее сильные в крупных городах, оставив консервативным их традиционные сферы — деревенское общество и население малых, «сельских» городов. Впрочем, и мировоззрение многих членов светского (неисламистского) общества, как отмечает австралийская исследовательница пакистанского происхождения, отличает зачастую опора на конспирологические

теории, уверенность в мировом заговоре, направленном против ислама и Пакистана.

Такие процессы, отмечает Т. Рашид, имели место в существенной мере вследствие политики государства как при военном режиме генерала П. Мушаррафа (1999–2008), так и после него, главным образом опять же вследствие влияния армии. Пакистанское государство поощряло радикализм посредством своей внешнеполитической деятельности — по вопросу об Афганистане и талибах, в отношении Индии и происходящих там терактах, а также политики в сфере внутренней безопасности с возложением вины за ее нарушения на внешние враждебные силы²⁶.

Тенденция увеличения роли мусульманских общественных организаций отразилась в расширении сети религиозного образования. К началу 2010-х годов число только зарегистрированных (т. е. учтенных правительством) медресе достигло 16 тыс. Обучение там находилось под слабым контролем государства. Только 250 зарегистрированных религиозных школ согласилось участвовать в разработанной правительством программе модернизации обучения²⁷. Преподавание истории и ряда других дисциплин велось в большинстве медресе по учебникам, нарочито искажавшим канву и смысл событий прошлого и грубо очернявшим внешнюю политику Индии и Запада. Произошедшее за последние два десятилетия сближение Индии и США облегчили возможность подогревать чувства антагонизма, ненависти к двум этим государствам (а также Израилю), — их изображают виновниками всех бед и несчастий, постигших страну.

В последнее время отмечено большое внимание, уделяемое исламистскими организациями целенаправленному воспитанию и образованию детей, прежде всего мальчиков. Особенно активно проявляет себя на этом поприще *Джамаат-е ислами* (ДИ, Исламское общество). Оно одновременно является и партией, поскольку принимает участие в парламентской борьбе, и закрытой для посторонних структурой с жесткой внутренней дисциплиной. Помимо образования, ДИ широко занимается благотворительностью, помогает нуждающимся семьям. Определенные средства исламские общественные и политические организации вкладывают также в экономическое развитие, поощряя малый бизнес, торговлю, но выступая, например, против схем по микрокредитованию, потому как они предполагают получение процента, запрещенного в исламе.

Характерно, что активность немусульманских религиозных организаций на современном этапе снижается, что в немалой степени связано с государственной политикой стимулирования в первую очередь исламской идеологии, образования и культуры²⁸.

Как уже отмечалось, благотворительность и помощь в решении проблемы бедности традиционно были заметной стороной деятельности многих религиозных сообществ. Характерна она и для организаций, представляющих богатые общины мусульманского меньшинства. Первое место среди них занимает Фонд исмаилитов Ага Хана. Это всемирная организация с центром в Лондоне активно действует не только в Пакистане, но и в Индии, в Таджикистане (на Памире) и других районах распространения исмаилитской шиитской секты. Наиболее успешным пакистанским проектом Фонда Ага Хана была поддержка сельского развития в ряде северных, населенных в значительной мере исмаилитами районах страны. Достаточно эффективная помощь крестьянам-исмаилитам послужила образцом для подражания и правительству, и другим общественным фондам. Пакистанское отделение фонда, кроме того, выступило в начале 2000-х годов в качестве инициатора и организатора Форума НПО — объединения гражданских обществ, соединяя в себе религиозную и светскую часть ГО.

В то же время успешная деятельность исмаилитских и других шиитских общественных организаций в последние годы косвенно вызывала усиление трений между общинами. Радикальные суннитские группировки использовали растущий разрыв между благосостоянием шиитов и суннитов для натравливания общин друг на друга. Кровавые столкновения на этой почве имели место между исмаилитами и суннитами в Гилгите на севере страны, а между шиитами и суннитами — в округе Джанг провинции Панджаб²⁹.

Можно утверждать, что исламизация и радикализация части гражданского общества была следствием его «зажатости» между весьма слабым по сути, но при этом авторитарным, несмотря на внешнюю демократичность, государством и усиливающимися в широком политическом поле исламо-националистическими силами. Большую роль в образовании этих «клещей» играют вооруженные силы и состоящие при них силовые структуры, которые «подпирают» и во многом контролируют демократически избранную гражданскую власть, функционирующую на основе конституции парламентского типа. Именно недостаток подлинной демократии, влияние

военно-религиозных кругов, по мнению И. Муфти, одного из лидеров либеральной части оппозиционного движения граждан, толкает пакистанское ГО вправо, на путь подчинения обскурантистским и экстремистским политическим течениям³⁰.

Заключение

Итак, в Пакистане за годы его самостоятельного существования сложилось достаточно представительное и влиятельное гражданское общество, как в узком, так и в широком понимании этого термина. Формирование ГО шло параллельно с развитием государства и общества в целом (экономикой, правом, политикой, культурой и т. д.). Исторически сложившийся в обществе дуализм, сосуществование современного, капиталистического уклада жизни и до некоторой степени преобразенных взаимодействием с ним традиционных порядков отразилось и на неоднородном составе гражданского общества, наличии внутри него двух соответствующих такому дуализму секторов. Различия между секторами со временем уменьшались, что отражало своеобразную эволюцию дуалистической системы экономики и быта — расширение промежуточной, гибридной зоны сочетания современных и традиционных форм хозяйствования и укладов жизни.

Образование неправительственных и некоммерческих организаций ускорилось в конце прошлого и начале нынешнего столетия. И происходило это как под воздействием извне, в первую очередь, со стороны Запада, так и под влиянием усложняющейся внутренней обстановки, связанной с тесной вовлеченностью Пакистана в нескончаемый военный конфликт в Афганистане и другие остро протекающие региональные процессы.

Разнообразные внешние и внутренние факторы способствовали радикализации общественной обстановки в нынешнем Пакистане. Политизированная часть гражданского общества сдвинулась по преимуществу в сторону исламских и опирающихся на них националистических ценностей. Армия как важнейший в пакистанских условиях институт власти остановилась в опасной близости от пропасти исламистской радикализации. В гражданском обществе представлены обе тенденции — исламистская и либеральная, однако позиции последней заметно слабее. В 2011 г. ей были нанесены два удара — были убиты последовательный противник обскурантизма

губернатор Панджаба С. Тасир и министр по делам религий в центральном правительстве единственный представитель христианской общины в нем Ш. Бхатти. Хотя убийцу губернатора осудили и приговорили к расстрелу, симпатии значительной, если не преобладающей, части пакистанцев находятся на его стороне.

Либеральная часть пакистанского гражданского общества надеется на изменение ситуации в результате проведения в стране очередных парламентских выборов в начале 2013 г. Само по себе проведение выборов после пяти лет, прошедших со времени избрания парламента в 2008 г., явится первым таким событием в истории страны. Выборы могут содействовать оттеснению военных от власти. В то же время за ними может последовать череда чрезвычайных событий, и не исключено, что Пакистан окажется в водовороте новых катаклизмов. Противовесом радикалам и националистам, способным дестабилизировать ситуацию, может стать, при всей его неоднородности, гражданское общество страны.

Примечания

¹ *Seligman A.B.* The Idea of Civil Society. N. Y.: The Free Press, 1992, Introduction (Electronic version).

² *Keane J.* Global Civil Society? Cambridge: Cambridge University Press, 2003, p. 198–209.

³ *Корданский С.* Государство, гражданское общество и коррупция; *Зигерт Й.* Гражданское общество в России; *Ноженко М.* Кто и как возвращается в России гражданское общество; *Тейлор Б.Д.* Правоохранительные органы и гражданское общество в России в: Отечественные записки. № 6, 2005, с. 20–33; 34–43; 130–138; 148–162; *Рябев В.В.* К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2, Том VIII, 2005 (Электронная версия); Гражданское общество: конкуренция идей и интересов. Сайт Высшей школы экономики, 19 июня 2012 (Электронная версия).

⁴ See: *Qadeer M., Adnan S., Baig R.* Civil Society in Pakistan. Karachi, NGO Recourse Centre, 2011 (Electronic version); *Khan A., Khan R.* Civil Society And Social Change In Pakistan. Sussex, Karachi, 2004 (Electronic version); *Bajoria J.* Pakistan's Institutions and Civil Society. Background, 2008 (Electronic version).

⁵ *Malik I.* State and Civil Society in Pakistan. L.: Macmillan Press, 1997; *Qadeer M.* The Evolving Structure of Civil Society and the State in Pakistan // The Pakistan Development Review, 36:4, Islamabad, Winter 1997, pp. 743–762.

⁶ Этому, в частности, способствовал выполненный в 1999–2001 гг. проект по разработке индекса CIVICUS, призванный создать инструментарий для сопоставления гражданских обществ различных стран.. Идея сравнения с помощью индекса возникла в 1997 г. у международной неправительственной организации CIVICUS (Мирового альянса за участие граждан). Основной вклад в разработку индекса (о нем см.ниже) внес Х. Анхайер. See: *Holloway R. Handbook on how to use the Index as a Self-Assessment Tool*, 2001 at: [http://www.civicus.org/new/media/Index Handbook.pdf](http://www.civicus.org/new/media/Index%20Handbook.pdf); CIVICUS Civil Society Index Report for the Netherlands. Final Draft. September 2006 (Electronic version).

⁷ Об особенностях государственно-политических систем Азии и Африки см., в частности: *Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократий на Востоке. М.: Аспект пресс, 2007; *Восток и политика / Под ред. А.Д. Воскресенского.* М.: Аспект пресс, 2011. Проблематика гражданского общества, понимаемого в узком значении термина, в этих работах почти не затронута, что свидетельствует об относительной новизне как самого явления, так и внимания к нему с стороны отечественных политологов-востоковедов.

⁸ *Rashid T. Radicalisation of Civil Society: A Case Study of Pakistan* — in: *South Asia: Envisioning a Regional Future / S.S. Pathanaik (ed.).* New Delhi: Pentagon Press, 2011, p. 155 (Electronic version).

⁹ *Sattar A., Baig R. Civil Society in Pakistan.* NGO Resource Centre, Karachi, August 2001, p. 7 (Electronic version).

¹⁰ Подр. см.: *Белокреницкий В.Я.* Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. М.: Наука, 1982, с. 50–57; *Белокреницкий В.Я.* Капитализм в Пакистане. Особенности социально-экономического развития с середины XIX в. до 80-х годов XX в. М.: Наука, 1988, с. 118–119.

¹¹ См. обсуждение этих процессов, в частности: *Пакистанское общество: экономическое развитие и политическая структура / Отв. ред. Ю.В. Ганковский.* М.: 1986, гл. 2 и 3.; *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX в. М.: 2008, гл. 5..

¹² По последним данным, в западную часть страны (теперешний Пакистан) в 1947–1948 гг. прибыло 6,5 млн. мусульман, а покинуло — 4,7 млн. немусульман, главным образом индусов и сикхов. *Hasan A. Unplanned Rrevolution.* See: *Observations on the Processes of Socio-economic Change in Pakistan.* Karachi: Oxford University Press, 2009, p. xxxii.

¹³ *Rashid T. Radicalisation of Civil Society*, p. 155.

¹⁴ Число неправительственных организаций в этот период заметно выросло не только в Пакистане, но и в большинстве других стран мира и одновременно существенно увеличилось количество международных неправительственных организаций (свыше 27 тыс. в 2001 г.) — *Лебедева М.М.* Мировая политика. М.: Аспект пресс, 2003, с. 87.

¹⁵ *Mufti I.* Struggle of civil society organizations in Pakistan for pro-people legislation. PLA Notes 43, 2002. p. 23–25 (Electronic version).

¹⁶ See: *Anheier H.K.* Civil Society. Measurement, Evaluation, Policy. L.: Eartscan, 2004. Ch. 2, 6 (Electronic version).

¹⁷ CIVICUS Civil Society Index Report for the Netherlands. Final Draft, September 2006, p. 10 (Electronic version).

¹⁸ *Sattar A., Baig R.* Civil Society in Pakistan, p. 5.

¹⁹ *Ibid.*, p. 5–6.

²⁰ *Shaheed F.* The Women's Movement in Pakistan: Challenges and Achievements. Paper for edited book // *Rethinking Global Women's Movement* / ed. Amrita Basu. Routledge. Проблема женского протестного и правозащитного движения в Пакистане заслуживает специального рассмотрения. Отдельные ее стороны, а также вопрос об угнетении женщин рассмотрены в работах некоторых отечественных авторов, таких как А.А. Сувова, С. Махкамова и др.

²¹ *Khan A., Khan R.* Civil Society and Social Change in Pakistan, p. 8–9.

²² *Sattar A., Rabia B.* Civil Society in Pakistan, p. 9.

²³ *Khan A., Khan R.* Civil Society and Social Change in Pakistan, p. 3

²⁴ *Ibid.*, p. 6–7.

²⁵ *Ibid.*, p. 34–35.

²⁶ *Rashid T.* Radicalisation of Civil Society, p. 162.

²⁷ *Ibid.*, p. 162–164.

²⁸ Подробнее об этом см: *Серенко И.Н.* Система образования в Исламской Республике Пакистан. М.: Научная книга, 2006, с. 116–127; *Kirmani N.* Interactions between Religion, the State and Civil Society in Pakistan. Some Implications for Development. Lahore, 2011, p. 5. (Electronic version).

²⁹ *Ibid.*, p. 5–6.

³⁰ An overview of Civil Society in Pakistan by Irfan Mufti // *Civil Society Watch Monthly Bulletin.* № 44. August 2009 (Electronic version).

ЦЕНТР СИЛЫ ИЛИ ИСТОЧНИК НЕСТАБИЛЬНОСТИ? ДИАЛЕКТИКА СОВРЕМЕННОГО ПАКИСТАНА*

Роль и место Пакистана в регионе, а также будущее страны оценивают по-разному. С одной стороны, его нередко относят к разряду «провальных», несостоявшихся государств, называют «большим человеком Азии», очагом исламского экстремизма и терроризма, этнического сепаратизма. С другой — считают растущей экономикой, крупнейшим по населению мусульманским государством, средоточием военной силы, обладателем быстро растущих арсеналов ядерного оружия. С позиции первого подхода страна является крупным международным должником, постоянно зависящим от помощи Соединенных Штатов, КНР, Саудовской Аравии, других исламских режимов, бедной и перенаселенной нацией, разрываемой внутренними конфликтами и противоречиями. Под вторым углом зрения Пакистан предстает амбициозным игроком, склонным к экспансионизму, располагающим разветвленной агентурной сетью, которая подчинена разведывательному сообществу во главе с межвойсковой разведкой (*Inter-Service Intelligence*, здесь *Service* — вид войск).

Как бы мы ни смотрели на Пакистан, он заслуживает повышенного внимания. От него во многом зависит развитие ситуации в Южно-Центральноазиатском регионе, в зоне исторического разлома между мусульманским и индо-буддийским религиозно-цивилизационными макроареалами. Особенно много вопросов судьба этой страны вызывает в преддверии вывода основной части войск США и НАТО из Афганистана. Какую роль сыграет Пакистан в геополитическом раскладе после 2014 года? Является ли он достаточно стабильным государством, способным проецировать влияние вовне, или будет источником хронической неустроенности, проводником

* Россия в глобальной политике / Гл. ред. Ф. Лукьянов. Том 11. № 2. Март-апрель 2013, с. 138–150.

чужих идей и намерений, деструктивных и дестабилизирующих течений и движений?

Военная мощь и ядерное оружие

Пакистан обладает внушительными вооруженными силами. Общая численность военнослужащих, по данным на 2012 г., составляет 617 тыс. человек. Активный армейский резерв равен 500 тыс., а различные военизированные формирования (национальная гвардия, горные отряды, пограничные и патрульные службы) насчитывают еще 300 тыс. человек. Одновременно на воинской службе состоит свыше 1 млн человек (6-е место в мире). По численности действующих войск Пакистан находится на 7-м месте, уступая чуть более чем вдвое своему традиционному противнику — Индии (у нее 3-е место после КНР и Соединенных Штатов).

Технико-тактическое отставание основных для Пакистана сухопутных сил от индийских существенно больше. У пакистанской армии, согласно последним данным, в 4,5 раза меньше единиц боевой техники, вдвое меньше танков, в пять раз — артиллерии, в 15 раз — противотанковых орудий и в 6 раз — противовоздушных и военно-транспортных средств.

Отставание от Индии в вооруженности воздушных сил менее выражено, но тоже заметно — по числу самолетов всех видов в 1,7 раза, вертолетов — в 1,6 раза. Наименее продвинутым видом является военно-морской флот. По численности служащих (22 тыс.) ВМС вдвое уступают ВВС (45 тыс.). Количество боевых кораблей в 17 раз меньше, чем у Индии, но число подлодок (15) лишь вдвое уступает числу индийских субмарин. Учитывая, что протяженность береговой линии Пакистана в семь раз меньше индийской, такую разницу легко объяснить. Пакистан ориентирован в основном на сушу. Подлодки для него — средство защиты единственной крупной военно-морской базы в Карачи. Индия, напротив, по преимуществу морская держава, создающая в настоящее время полномасштабный глубоководный флот.

Отставание от Дели в обычных видах вооружений компенсируется ракетно-ядерным паритетом. Если 15 лет назад, после проведения обеими странами подземных ядерных испытаний в мае 1998 г., считалось, что Пакистан имеет в 3–4 раза меньше ядерных боезарядов, чем Индия, то, по сегодняшним оценкам, он сравнялся

с ней или даже вышел вперед, имея 95–110 боезарядов. Средствами доставки служат авиация и ракеты. По количеству и качеству самолетов, способных нести ядерное оружие, Пакистан несколько уступает Индии, но по ракетам малого и среднего (до 2–2,5 тыс. км) радиуса действия он практически ни в чем не отстает от соседа. Российско-индийская крылатая ракета БраМос является сверхзвуковой, такой у Исламабада нет, но его ракета Бабур превосходит индийскую по дальности. По ряду сведений, Пакистан к тому же создает тактическое ядерное оружие — мобильную ракету Наср малой дальности (до 60 км). Разработка ракет тактического назначения увеличивает вероятность применения атомного оружия, но, по мнению большинства экспертов, она пока остается сугубо гипотетической. Согласно обнародованной доктрине, Индия (как и Китай) отказалась от применения первой ядерного оружия. В Пакистане, где реальный контроль над ним находится в руках у военных, от первого удара не отказались, но предупредили, что он может быть направлен только против Индии и лишь в том случае, если возникнет явная угроза самому существованию страны.

Армия в Пакистане — своего рода государство в государстве. Причем в этом случае под ней подразумевают все виды войск, а также разведывательные службы. Помимо вышеупомянутой *ISI* существуют собственно армейская разведка (*Military Intelligence*) и разведывательное бюро (*Intelligence Bureau*), которое тоже, как правило, возглавляют военные в отставке. В социальном отношении вооруженные силы — самый демократический из государственных институтов. Среди генералитета редко встретишь выходцев из среды потомственной землевладельческой аристократии. Корпоративность при этом — наиболее выраженная сторона устройства жизни военных. Профессиональная армия по традиции отделена от неармейской среды, причем не столько социально, сколько этнически — добровольцев набирают среди крестьян в одних и тех же северо-западных округах главной провинции Панджаб. Офицерский корпус пополняется тоже в основном Панджабцами. ВС Пакистана служили и служат мощной опорой порядка. Из 65 лет существования государства, возникшего вследствие раскола Индии, половину срока военные управляли страной, а в остальное время влияли на власть из-за кулис.

Обособленность армейской службы не привела к ее отчуждению от общества. Благодаря умелой пропаганде, армия в глазах паки-

станцев — гарант независимости, которой угрожает Индия. Культ военных стал одной из основ пакистанской государственной идеологии, наряду с исламом и борьбой за права мусульман, особенно мусульман-кашмирцев, лишенных Индией возможности осуществить через референдум право на самоопределение.

Военная верхушка руководит и мощной экономической корпорацией. В свое время военные создали несколько финансовых фондов, которые помимо благотворительности, занялась коммерческой деятельностью. *Фауджи фаундейшн* (Армейский фонд) входит ныне в число крупнейших финансовопромышленных групп страны. Имеются у армии и своя богатая страховая компания, и много военных и гражданских предприятий. Впрочем, основная часть ВПК финансируется из бюджета. При этом расходы на военные цели, судя по всему, отражены в нем далеко не полностью. Трудно понять, как при многократной и возрастающей разнице в величине военных расходов с Индией (4,5 млрд долл. против 36 млрд в 2011 г. по обменному курсу валют) Пакистан сохраняет с ней ракетно-ядерный паритет и далеко не драматическое отставание по обычным видам вооружений. Разумеется, играет роль значительная помощь извне, главным образом американская и китайская, но и она не может объяснить эту разницу.

Политическая система и гражданское общество

Очевидно, что по степени развития военного комплекса Пакистан — региональный центр мощи, одно из ведущих государств мира в военном отношении, четвертое или пятое по масштабам ядерного арсенала. На этом фоне дефекты его политической системы вызывают законное беспокойство. К ним, прежде всего, относится упомянутая выше гипертрофированная роль армии, засилье отставных и действующих военных в государственном аппарате.

Вместе с тем, пик господства военных, по всей видимости, остался позади. Он пришелся на 11-летнее правление генерала Мухаммада Зия-уль-Хака (1977–1988). Именно при нем сложился союз военной элиты и мусульманских богословов. Правление Зии, однако, не было похоже на тедемократию иранского образца. Военный диктатор не потерпел присутствия служителей культа рядом с собой, но опирался на них при проведении реформ, приведших к исламизации государства, общества и культурной среды. Режим

другого генерала, Первеза Мушаррафа (1999–2007) не походил на зияульхаковский. Он отличался подчеркнутым либерализмом, предоставлением свободы выражения мнений, принятием ряда законов, направленных на улучшение правового положения женщин, хотя и непоследовательной, но реальной борьбой с исламскими радикалами и исламистским терроризмом. Чисто военный поначалу властный фасад сменился после проведения всеобщих выборов в 2002 г. на военно-парламентский — генерал Мушарраф, избранный президентом в соответствии с Конституцией, сохранил за собой, вопреки ей, высший военный пост начальника штаба армии.

Его отставка с обеих постов и новые парламентские выборы в феврале 2008 г. ознаменовали отстранение военных от власти, но не подорвали их влияние в государстве и популярность в обществе. Большинство мест на выборах получила партия видного политического деятеля, дважды занимавшей пост премьер-министра Беназир Бхутто, которая погибла в результате теракта в декабре 2007 года. Овдовевший муж Беназир Асиф Али Зардари «унаследовал» ее ореол борца с диктатурой. Он был избран президентом в сентябре 2008 г. и, несмотря на пророчества многих, сумел довести страну до новых выборов весной 2013 года. Это беспрецедентное событие в истории Пакистана, т. к. ни один ранее избиравшийся законодательный орган не сдавал полномочия в срок и согласно Конституции.

Несмотря на этот успех, многие пороки пакистанской демократии сохраняются. Зардари крайне непопулярен. Его считают коррумпированным и беспринципным. Полагают, что возглавляемая им Пакистанская народная партия, основанная в 1967 г. Зульфикаром Али Бхутто, отцом Беназир, по-прежнему является «семейным предприятием». Хотя, согласно поправке, принятой парламентом в 2010 г., Пакистан превратился из президентско-парламентской в парламентскую республику, Зардари остался не церемониальным главой государства, но и ее фактическим лидером, стоящим над премьером благодаря партийной субординации. Замена военного авторитаризма на гражданский и наоборот не раз случалась в истории Пакистана. Политическая верхушка продолжает быть обособленной, и — в отличие от военной — она глубоко пронизана «феодалным» менталитетом землевладельческой элиты.

Между тем, в Пакистане за последние десятилетия, в условиях почти не ограниченной свободы слова, собраний, средств массо-

вой информации, прежде всего популярного в стране телевидения, а также Интернета с его блогосферой, твиттерами и фейсбуками, окрепло гражданское общество. Оно состоит из представителей среднего класса, проживающих в крупных городах и мегаполисах, какими являются Карачи (почти 20 млн. жителей по неофициальным подсчетам), Лахор (более 10 млн), Исламабад-Равалпинди (около 4 млн). Лишь малая часть неправительственных организаций придерживается прозападной, либеральной ориентации, большинство же связано с религиозными общинами, консервативными партиями и структурами, но не крайнего, радикального типа. Гражданские организации различаются своими целями и программами, но все они ценят свободу действий и самовыражения.

Гражданская активность усилилась одновременно с резко возросшей за годы парламентского правления ролью Верховного суда и всего судебноадвокатского корпуса. Главный судья (глава ВС) Ифтихар Мухаммад Чаудхри стал основным оппонентом президента Зардари, требуя возобновления дела по обвинению его в коррупции в швейцарском суде. Высшая судебная инстанция заставила премьер-министра Юсуфа Резу Гилани уйти в отставку, но за этим последовал не правительственный кризис, а лишь замена премьера на другого члена руководства президентской партии Раджу Первеза Ашрафа.

Для проведения честных и справедливых выборов парламент принял специальную поправку к Конституции, по которой действующий кабинет уходит в отставку, завершив пятилетний срок, и его заменяет нейтральная администрация. В марте 2013 г. было создано временное надпартийное правительство во главе с бывшим судьей Мир Хазар Ханом Кхосо и объявлено, что выборы в парламент федерации и законодательные собрания провинций состоятся 11 мая. Наученные горьким опытом предшествующих кампаний, пакистанские обозреватели не исключали отмены выборов под предлогом осложнившейся внутренней обстановки, активизации террористов и т. п., но, по всей видимости, выборы состоятся. С началом предвыборной кампании степень насилия даже несколько снизилась, и почти все политические силы страны объявили о желании участвовать в выборах. Общее число политических структур в стране превышает 200, к участию в выборах, проводящихся по мажоритарной системе (один избирательный округ — один депутат, набравший относительное большинство голосов) допущено

162 партии. Но реальная борьба развернется между тремя политическими силами — правившей в течение последних пяти лет Пакистанской народной партией президента Зардари, Пакистанской мусульманской лигой в прошлом дважды премьер-министра Наваза Шарифа и Движением за справедливость Имран Хана, бывшего капитана сборной по исключительно популярной в стране игре в крикет, политика-популиста, любимца городской молодежи. Ислам фигурирует в предвыборных программах этих и всех других партий. Центральное место он, естественно, занимает у клерикально-политических организаций, которые, вероятно, получают больше голосов, чем на выборах 2008 г. Скорее всего, победит на выборах партия Шарифа, или они не выявят явного лидера. Вероятно, произойдет рассеивание голосов между рядом ведущих партий, причем во всех четырех провинциях — Панджабе, Синде, Хайбер-Пахтунхва и Белуджистане — набор партий-лидеров будет различным. Выборы могут поэтому усилить центробежные тенденции и в конце концов повлечь за собой глубокий политический кризис. Опорой власти в этом случае окажется армия с усиливающимся в ней влиянием исламистов.

Демографический всплеск и угроза экологического коллапса

В то же время сами по себе выборы являются ярким примером демократического волеизъявления. Их организует независимая избирательная комиссия, с составом которой согласились основные политические силы. Комиссия рассмотрела рекордное число заявок от 24 094 человек и утвердила список из почти 20 тысяч кандидатов на места в федеральное и провинциальные законодательные собрания. Число избирателей (лица старше 18 лет) составило примерно 85 млн из них свыше 4 млн — это пакистанцы, проживающие за границей.

Количество избирателей делают пакистанскую кампанию одной из наиболее масштабных и дорогостоящих в мире (помощь Пакистану оказывают ООН и некоторые страны, такие как Япония). При составлении списков избирателей национальная регистрационная палата ориентируется на свои сведения, не совпадающие с переписными данными.

Между тем, опубликованные в печати предварительные результаты переписи 2011 г. позволяет сделать вывод, что население Пакистана в период между переписями 1998 г. и 2011 г. выросло на 47%, т. е. в среднем на 3,5% в год. В абсолютных цифрах оно увеличилось со 131 до 192 млн человек, а с учетом ряда неохваченных областей и подконтрольных Исламабаду спорных территорий бывшего княжества Джамму и Кашмир, составило 197 млн человек. Среднегодовой темп естественного прироста оказался почти вдвое выше, чем приводили вплоть до последнего времени авторитетные национальные и международные издания. Представитель демографической службы ООН в Пакистане поспешил заявить, что население растет среднегодовыми темпами в 2,1%, что несколько выше, чем прежние оценки, но далеко отстоит от цифры, на которую выводят предварительные, и, быть может, несколько завышенные переписные данные.

Демографический взрыв в Пакистане, вместе с тем, вряд ли подлежит сомнению. Там сложилось уникальное сочетание молодого населения (средний возраст по медиане — 20 лет) и медленно меняющихся условий его существования. По-прежнему низка грамотность женщин (30–35%), численно преобладают сельские жители (60–65%), огромная масса людей страдает от нищеты (от трети до двух третей, по разным оценкам). К этому надо добавить сохранение традиций большой семьи — средняя численность домохозяйства почти не изменилась за 1998–2011 гг., оставшись на уровне в 7 человек. Впрочем, насколько уникально такое сочетание факторов и насколько реальны позитивные сдвиги, отмечаемые демографами и статистиками в других мусульманских и бедных странах мира, покажет время.

В случае с Пакистаном, по-видимому, ясно, что демографические расчеты на перспективу требуют корректировки в сторону повышения. К 2050 г. на территории в 800 тыс. кв. км должны будут «разместиться» почти 400 млн человек. Реально ли это с учетом того, что пригодная к обработке площадь составляет менее 30% от общей и исключительно остро уже сегодня стоит вопрос о нехватке пресной воды. По прогнозам, в 2025 г. дефицит составит 100 млрд куб. м, примерно треть от общих потребностей. При этом объем доступной пресной воды сократится до 600–700 куб. м на человека, тогда как в 2005 г. он составлял 1200 куб. метров. К нехватке воды добавляется проблема эрозии почв, их интенсивного засоления и заболачивания.

Прекращение в конце 1970-х гг. строительства крупных ирригационных сооружений и относительное сокращение государственных вложений в другие отрасли агросферы усугубили кризис земледельческой инфраструктуры. Он сильно дал о себе знать в начале нынешнего века в связи с тремя подряд засушливыми сезонами (2000–2002). Наступление влажного периода в начале 2010-х гг. сопровождалось разрушительными наводнениями, Летом 2010 г. от разлива рек пострадало почти 20 млн человек. Однако обильные муссонные дожди и усиленное таяние снегов в Гималаях, откуда берет начало главная река страны Инд и большинство ее притоков, способствовали увлажнению почвы в Панджабе, основной житнице страны. Неизбежный в перспективе приход засушливых сезонов может привести к еще большим осложнениям для пакистанской экономики и общества, чем наводнения.

Предотвратить их может лишь крупное гидроэнергетическое строительство, увеличение масштабов ирригации и мелиорации, но похоже, что раздираемый противоречиями правящий класс вряд ли способен на осуществление комплекса продуманных мер. Мало помогает ему в этом и мировое сообщество, больше занятое вопросами безопасности и борьбой с терроризмом.

Белуджистан как катализатор раскола

Было бы неправильно стучать краски и лишь в мрачных тонах рисовать перспективы Пакистана. Бассейн Инда населяют растущие массы молодого населения, полного энергии и надежд на улучшение жизни. Несчастья, обрушившиеся на страну в последнее время (к наводнениям 2010 и 2011 гг. нужно добавить землетрясение осени 2005 г., от которого пострадало свыше 30 тыс. человек), словно, закалили пакистанцев, продемонстрировав их высокую сопротивляемость ударам судьбы. Согласно опросам населения различных стран на предмет их удовлетворенности жизнью и выведенному на этом основании «индексу счастья», пакистанцы вышли на одно из первых мест в мире, обогнав, в частности, индийцев.

Задаваясь вопросом о парадоксе бедности и удовлетворенности жизнью, некоторые наблюдатели обращают внимание на такие черты пакистанцев, как любовь к детям, умение проводить время в кругу семьи и друзей за едой и беседой, привычку довольствоваться малым. Как представляется, в полной мере это присуще куль-

туре равнинных областей бассейна Инда — жителей провинций Панджаб в верхнем и среднем течении реки и Синд в его нижнем течении. Что касается горных и пустынных районов к западу и северо-западу от Индской долины, там характер поведения людей несколько иной, в социально-психологическом плане они более порывисты и эмоциональны.

К западу от Синда простирается обширная провинция Белуджистан. Коренное ее население — племена белуджей, традиционно занятых отгонно-пастбищным скотоводством и очаговым, главным образом кяризным земледелием (*кяризы* — искусственно сделанные галереи для подъема грунтовых вод на поля). Белуджи — самый беспокойный элемент пакистанского общества. В их среде всегда был силен дух сепаратизма, склонность к мятежам против центральной власти. Пакистанское государство в ответ не раз применяло грубую силу. Наиболее крупное восстание белуджей было подавлено в 1973–1977 гг., еще одна вспышка сопротивления прилась на 2005–2006 гг., когда в провинцию вновь были введены части регулярной армии. Ситуация снова обострилась в 2009 г. в разгар борьбы правительственных войск с пакистанскими талибами в соседней с северным Белуджистаном зоне пуштунских племен.

В последние годы борьба перешла в скрытую фазу. Большинство лидеров трайбалистской оппозиции находятся в эмиграции — в Афганистане, ОАЭ, Англии, Швейцарии и других государствах. Оттуда они руководят действиями своих сторонников, совершающих акты террора и саботажа — подрыв мостов и газопроводов, убийство чужаков — строителей, администраторов, поселенцев. Белуджистан располагает крупнейшими в стране залежами полезных ископаемых (до 80%), хотя разрабатываются в основном лишь месторождения природного газа. Белуджские националисты недовольны системой его распределения (только 3% деревень провинции газифицированы). Они выступают и против развития глубоководного порта Гвадар на белуджистанском побережье Аравийского моря по той причине, что местные жители не получили ни работы, ни доходов от вступления в строй первых портовых сооружений (работы в Гвадаре, начатые в 2002 г., прервались в 2007 г.).

Белуджское национальное движение опирается не только на традиционные структуры, но и на организации среднего городского класса, выросшие из студенческих союзов и объединяющие группы недовольной интеллигенции, а также торговцев и предпринимате-

лей. Вывод частей пакистанской армии и полувоенных формирований из глубинных районов провинции, ускорившийся в последние годы, привел, по некоторым сведениям, к вакууму власти на местах и подъему сепаратистских настроений. Дело дошло до того, что в ряде школ демонстративно отказывались от исполнения национального гимна.

Центральные власти винят в проявлениях протеста и сепаратизма внешние силы, прежде всего Индию, но также Афганистан, а иногда, и Россию (ее в Белуджистане с колониальных времен стремились использовать как альтернативную силу). Изменившимся методам борьбы белуджей соответствуют и перемены в способах ее подавления. Главным приемом стали тайные аресты и ликвидация националистов. За год в Белуджистане в среднем «исчезает» около 200 человек. Глухой ропот в ответ на действия полиции и спецслужб создает тот фон, который может вызвать необратимую реакцию отторжения Белуджистана, что станет началом процесса фактического раскола страны.

Пуштунистан и талибанизация

Кризис власти на местах ощущается не только в Белуджистане, но и по всему окружающему провинцию ареалу. Эпицентром регулируемых «снизу» порядков служит зона пуштунских племен. Административно она состоит из Территории племен федерального управления (ТПФУ) и прилегающих к ней с востока предгорных и долинных районов бывшей Северо-Западной пограничной провинции. С 2010 г., по решению парламента, она стала называться Хайбер–Пахтунхва (по названию легендарного горного перевала Хайбер и самоназвания пуштунов на их «мягком» восточном диалекте). Пуштуны составляют основную часть населения и провинции, и ТПФУ, распадаясь на равнинных и горских. Последние с колониальной эпохи и до настоящего времени считаются «свободными», не платят государству податей и налогов, получая от него субсидии и дотации. В Афганистане вдоль границы с Пакистаном проживают родственные племена пуштунов (они же — этнические афганцы), что превращает всю огромную площадь по обе стороны от границы в сплошное пуштунское «царство». С учетом тесных отношений пуштунов с белуджами оно расширяется на юг, выходя к побере-

жью Аравийского моря, и на восток, за счет поселений равнинных пуштунов и белуджей в южном Панджабе и восточном Синде.

Впрочем, между белуджскими и пуштунскими националистами имеются расхождения, планы создания Великого Белуджистана и независимого Пуштунистана противоречат друг другу, так как их сторонники претендуют отчасти на одну и ту же территорию. Однако нельзя исключить появление у них общего знаменателя в виде радикального ислама и талибанизации. Белуджский национализм развивался длительное время как преимущественно светский. Религия (почти все белуджи — сунниты) не играла доминирующей роли в их политическом самосознании. Лозунгами борьбы белуджей были широкая автономия в рамках Пакистана или образование собственного государства на этнонациональной основе. Под влиянием идеологии арабской *Аль-Каиды* и афганского движения Талибан во всем белуджско-пуштунском ареале усилились антишиитские настроения. Объектом террористических актов все чаще становится проживающая в столице провинции Кветте и ряде других мест община шиитов-хазарейцев.

Антишиизм усиливается из-за предполагаемых притеснений белуджей, проживающих в шиитском Иране. Более продвинутое самосознание пакистанских белуджей и их численное превосходство объясняют появление в Пакистане происламской и одновременно белуджско-националистической организации *Джундалла* (Армия аллаха). Свою террористическую активность она направила против Тегерана, встретив с его стороны жесткий отпор. Относительная слабость пакистанского государства может со временем изменить направленность действий белуджских исламистов и привести к их союзу с пуштунскими.

Пуштунское национальное движение проявляется тройко. Во-первых, это легальный светский национализм, представленный прежде всего правящей в хайберско-пуштунской провинции с 2008 г. *Авами нешнл парти* (Народной национальной партией). Во-вторых, происламскими или исламистскими партиями, которые хотя и действуют по всему Пакистану, но наибольшую электоральную поддержку имеют в пуштунском регионе. В-третьих, радикальными боевыми группами, сформировавшимися после 2001 г. в горах ТПФУ под именем пакистанских талибов. Пик их деятельности, направленной против правительства, армии и полиции, пришелся на 2007–2009 годы. Целые области в пуштунском ареале к концу

этого периода оказались под контролем исламистов. Правительство пыталось примириться с ними, но радикалы не пошли на отказ от «принципов», в результате чего мировые соглашения сорвались.

В мае 2009 г. на фоне сложившегося в обществе консенсуса армия начала решительные боевые действия против талибов и их союзников. К 2010 г. сопротивление экстремистов было в основном подавлено, они покинули равнинные области, укрылись в горах и растворились среди мирных жителей. И впоследствии талибы не отказались от выжидательной тактики, подвергаясь давлению со стороны армии, которая впервые расквартирована в ТПФУ на постоянной основе, и атакам с американских беспилотных летательных аппаратов. Скрываются на территории племен, готовясь для «прыжков» в Афганистан, и боевики из афганского движения *Талибан*, а также их союзники из *Аль-Кауды*, Исламского движения Узбекистана и других террористических организаций.

За исламистской риторикой талибов как афганского, так и пакистанского подданства просматривается этнонациональное, пуштунское ядро. Среди афганских талибов имеются и непуштуны, но они составляют явное меньшинство. Нераздельное, но и не слиянное единство двух компонентов придает силы радикальной идеологии талибов.

Поддерживая в той или иной мере афганских экстремистов, Пакистан играет с огнем. Вероятные успехи талибов в Афганистане после 2014 г., когда оттуда уйдут боевые части США и НАТО, могут бумерангом ударить по Исламабаду, вызвав подъем проталибских, джихадистских настроений, прежде всего на северо-западе страны. Вариант джихадизации Пакистана исключительно опасен. Об этом предупреждают многие аналитики, в том числе советник президента США Брюс Ридел и известный пакистанский журналист Ахмед Рашид. Превращение Пакистана в неуправляемое исламистское государство вряд ли совершится одномоментно. Одним из возможных исходов гипотетической гражданской войны станет раскол существующего государства на несколько других. Пакистан при этом может сохраниться в урезанном виде и удержит контроль над ядерным оружием.

Катастрофические сценарии, как известно, реализуются много реже, чем конструируются. У Пакистана, безусловно, есть возможность миновать дорогу, которая ведет в пропасть. Как отмечалось выше, страна стоит на пороге очередных парламентских выборов, за

которыми может последовать укрепление демократических порядков. Экономика развивается в последние годы стабильными, хотя и невысокими темпами (3–4% в год). На этом фоне снизилась инфляция и увеличились золотовалютные резервы. Стабилизирующую роль играет внешняя помощь, хотя приток прямых иностранных инвестиций явно недостаточен, не хватает внешних и внутренних накоплений для модернизации инфраструктуры и промышленности.

Россия и Пакистан

При решении задач экономического подъема определенное значение могло бы иметь развитие связей с Россией. Российско-пакистанским отношениям хронически не везет. На протяжении всей своей истории Пакистан стремился установить достаточно тесные политические и торговоэкономические связи с Москвой, но мешали многие обстоятельства, в том числе, ревнивое отношение со стороны Индии. Исключением оказались 60–70-е годы прошлого века, когда СССР был достаточно силен, чтобы занять сбалансированную позицию, развивая контакты одновременно с Дели и Исламабадом.

Усиление России и большее внимание к отношениям с южными соседями может позволить ей повторить схему советского времени. Продолжая линию экономического взаимодействия того периода, было бы целесообразно, в частности, осуществить проект расширения металлургического комбината, построенного с советской помощью в 1970-х — 1980-х гг. в пределах большого Карачи (в последние годы он работает в полсилы, а казна терпит большие убытки). Еще одной сферой сотрудничества могла бы стать модернизация пакистанских железных дорог и расширение сети трубопроводов, а также развитие пакистанской энергетики, участие в строительстве тепловых и гидроэлектростанций. Для укрепления связей с Пакистаном вовсе не обязательно сотрудничество в военно-технической сфере. Здесь у Исламабада много партнеров, а его желание добавить к ним Москву похоже на попытку сыграть роль «спойлера», отравить российско-индийские контакты по линии ВТС.

* * *

Отвечая на поставленный в заголовке статьи вопрос, можно утверждать, что Исламская Республика Пакистан является одновременно и крупным региональным центром силы и потенциаль-

ным источником нестабильности на восточном фланге Большого Ближнего Востока. Разгул террора, не стихающий на пакистанском северо-западе и в Карачи, создает в стране нервную обстановку, делает трудно предсказуемым даже ближайшее будущее.

В среднесрочной перспективе возможен как благоприятный вариант укрепления и оздоровления пакистанского государства и общества, так и ряд неблагоприятных, среди которых раскол страны и превращение ее в исламистскую силу, настроенную экспансионистски в отношении Афганистана и Центральной Азии. Встав на путь экспансии через талибо-джихадистские каналы, Пакистан неминуемо превратится в катализатор суннито-шиитского противостояния в эпицентре мирового ислама. Не исключено и ужесточение позиций в споре с Индией по поводу Кашмира. Оно способно привести к войне в Южной Азии, таящей угрозу применения ядерного оружия.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ДИФФУЗИЯ ВЛАСТИ В ПАКИСТАНЕ*

Историю Пакистана с точки зрения исламизации общества логично разделить на пять периодов. Первый из них — начальный, либерально-секуляристский, охватывал четверть века существования страны, сформированной в 1947 г. на обломках Британской Индии из двух удаленных друг от друга территорий в западной и восточной частях Индостана. Второй этап можно назвать переходным, продолжавшимся с момента образования в конце 1971 г. Пакистана в его нынешних границахⁱ до военного переворота в июле 1977 г. На этом этапе администрация З.А. Бхутто сменила свой первоначально левый популизм на правый, происламский. Третий период охватывает время исламизации, осуществленной военными во главе с генералом-узурпатором М. Зия уль-Хаком. Вопрос о сроке его завершения остается открытым. Некоторые авторы считают, что он не закончился до сих пор, несмотря на гибель в результате теракта самого инициатора исламизации в августе 1988 г. Больше оснований считать, что после смерти генерала наметились новые этапы, связанные не только с внутренней политической ситуацией, но и с вовлеченностью в конфликт с Индией в 1989–2002 гг. из-за волнений в индийском штате Джамму и Кашмир и в противостояние в Афганистане. Втягивание Пакистана в афганский конфликт, начавшееся еще на рубеже 1970–1980-х гг., заметно усилилось после военного вмешательства США и их союзников в конце 2001 г. Таким образом, выделяются еще два периода, совпадающие в основном с последним десятилетием XX и первой, а также началом второй декады XXI в.

* Восток (Oriens) / Гл. ред. В.В. Наумкин. 2013, 5, с. 5–18.

ⁱ На восточной территории возникло государство Бангладеш.

Секулярная протоисламизация

Пакистанское государство возникло на основе, лишенной исторического прецедента и единой этногенеалогии. Сначала появилась идея нового политического образования, казавшегося многим искусственным и нежизнеспособным, а затем уже — ее реальное воплощение. Важно отметить, что пакистанский национализм сложился как идеология, опирающаяся на религиозный, территориальный и надэтнический компоненты¹.

Впланы “отца-основателя” Пакистана М.А. Джинны (1876–1948) входило создание страны с относительным мусульманским большинством. Джинна не предвидел появления государства, где мусульмане имели бы абсолютное превосходство и пользовались особыми правами. Недаром накануне раздела колониальной Индии, 11 августа 1947 г., он произнес перед членами Учредительного собрания нового доминиона Пакистан часто цитируемые слова о том, что “...с течением времени вы обнаружите, что индусы перестанут быть индусами, а мусульмане перестанут быть мусульманами, не в религиозном смысле, потому что это вопрос личной веры, но в политическом, как граждане государства”².

Предвидение Джинны оправдалось лишь отчасти. Гражданская общность получила формальное закрепление, но граждане, исповедующие разные конфессии, оказались не вполне равноправными. Первое ущемление прав религиозных меньшинств связано с принятием конституции 1956 г. В основном законе, разработанном после долгих дебатов и закулисной борьбы мнений, провозглашалось создание Исламской Республикиⁱⁱ. В конституции было записано дискриминационное положение о том, что президентом страны может быть только мусульманин. Она содержала и некоторые другие положения “исламского” характера, что дало основание для утверждений о превращении ислама, по сути, в государственную религию³.

Вместе с тем Пакистан на протяжении первого периода сохранял характер вполне светского государства, где существовала свобода вероисповедания. Ее обеспечивала как первая, так и вторая конституция, принятая в 1962 г. после военного переворота 1958 г. Президент страны — генерал, а затем фельдмаршал М. Айюб Хан — инициировал проведение ряда социально-экономических

ⁱⁱ Надо отметить, такое название государства появилось впервые.

преобразований либерально-прогрессивного толка. Помимо аграрной реформы, принятия нового законодательства по труду, реформирования сферы образования и административной системы определенные изменения были внесены в такую чувствительную с позиций ислама область, как семейное право. В 1961 г. президентом был подписан указ, запрещающий полигамию и вступление в брак девушкам моложе 16 лет. Обязательной была объявлена регистрация браков в местных органах власти. Реформа семейного права, как замечает В.Н. Москаленко, не была ломкой традиционных мусульманских норм, так как она опиралась на принципы и дух Корана и старалась не выходить за рамки обычного права⁴.

Либеральная интерпретация исламских принципов была характерной особенностью всей политики властей в области религии и идеологии на первом этапе существования страны. Нужно при этом иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, общую обстановку в мире в первые послевоенные десятилетия — восстановление экономики, почти повсеместное повышение уровня жизни, наглядные проявления научно-технического прогресса, распространение секуляристских и атеистических идей. Э. Хобсбаум назвал эти годы “золотыми”⁵. Во-вторых, наличие в Восточном Пакистане довольно значительного немусульманского меньшинства (порядка 20%). Представители индусского населения на первых порах принимали активное участие в работе выборных органов Пакистана, а также правительства, как центрального, так и восточнобенгальского. С их голосами и влиянием нельзя было не считаться⁶.

Между тем значение второго фактора с течением времени падало. Доля немусульманского населения, главным образом индусов высших и низших каст, сократилась с 22 до 18% за десятилетие между 1951 и 1961 г.⁷ Исход немусульман, начавшись в 1946–1947 гг., продолжался, то усиливаясь, то ослабевая, на всем протяжении четвертьвекового существования страны в “двукрылом” виде. Из восточной провинции в Индию эмигрировали представители политической и экономической элиты индусов — богатые купцы и банкиры, увозя с собой (буквально “на себе”) деньги и драгоценности.

Одновременно шел процесс переезда в страну из Индии мусульман, в том числе людей глубоко верующих, представителей сословия богословов, религиозных политических деятелей. Долго не принимавший идею раскола Индии по конфессиональному признаку видный теоретик исламского фундаментализма и автор концепции

“теодемократии” А.А. Маудуди в 1948 г. перебрался в Пакистан. Тогда же туда переехали некоторые крупные богословы из Деобанда, города в Северной Индии, известного как центр консервативной, пуристской школы суннитского (ханифитского) ислама. С 1948 г. ведут отсчет своего существования в Пакистане основные религиозные партии — *Джамаат-е ислами* (ДИ)ⁱⁱⁱ, *Джамиат-е-улама-е ислам* (ДУИ)^{iv} и *Джамиат-е-улама Пакистан* (ДУП)^v.⁸

Звонком, возвестившим о выходе воинствующего ислама на авансцену страны, стали события 1953 г. Две силы — ДИ и *Маджлис-е-ахрар*^{vi} организовали погромы ахмадийцев, представителей секты, обвиненной ими в отступлении от ислама. Первые беспорядки на религиозной почве были подавлены с помощью армии и завершились громким судебным процессом, привлечшим внимание к фигуре Маудуди. Он был сначала приговорен к смертной казни, затем помилован, но провел несколько лет в тюрьме⁹.

Политику военного режима Айюб Хана можно назвать секулярным протоисламизмом. С одной стороны, военные оттеснили исламистов, как, впрочем, и других представителей политических сил, на обочину политической жизни, с другой — активно использовали ислам в целях консолидации полиэтнического общества, распадавшегося на большинство — восточнобенгальцев^{vii} — и меньшинство — жителей Западного Пакистана, принадлежащих к различным этническим группам: панджабцам, пуштунам, синдхам, белуджам и др. Ислам как синтез религии и идеологии и стержневой элемент пакистанского национализма поддерживался военными, особенно на первом этапе после прихода к власти¹⁰ Пропаганду ислама среди военных, первые поколения которых были воспитаны в западных традициях, взял на себя сам Айюб Хан, написавший в 1959 г. специально для распространения среди офицерства памфлет “Исламская идеология Пакистана”¹¹.

ⁱⁱⁱ Общество ислама во главе с Маудуди.

^{iv} Общество исламских богословов-деобанди.

^v Пакистанское общество богословов, принадлежащих к менее ортодоксальной, более народной, “для низов”, школе *барелви*.

^{vi} Собрание борцов за свободу, возникшее в 1931 г. в самоуправляемом княжестве Джамму и Кашмир на волне выступлений против правления индусского махараджи.

^{vii} 55% населения.

В течение первого периода в истории страны мусульманские религиозные партии рассчитывали добиться успеха через демократические процедуры. Религиозные деятели приняли участие в работе Учредительного собрания по выработке основ конституции, и именно под их влиянием она приобрела отмеченную выше исламскую окраску. Срединное место в исламском идеологическом поле с середины 1950-х гг. заняла Мусульманская лига Пакистана (МЛП), наследница Всеиндийской мусульманской лиги М.А. Джинны, в 1950-е гг. она постепенно приобрела менее светский характер, блокируясь с исламистскими партиями. С 1956 г. МЛП уступила роль правящей партии в центре и в обеих провинциях партиям подчеркнуто светского типа: Республиканской, Национальной народной и др. Тогда же в условиях обостряющегося политического кризиса впервые создается блок исламских партий: *Ислам махаз*^{viii}, ведущую роль в котором играла партия Маудуди и идеологически близкие к ней организации¹².

Запрет после военного переворота в 1958 г. и возобновление вслед за принятием конституции в 1962 г. деятельности партий пошел в целом на пользу происламским силам. Они сумели провести достаточно большое количество своих сторонников в парламент и законодательные собрания провинций, которые были сформированы путем непрямых многоступенчатых выборов. Характерно, что в первой поправке к конституции 1962 г. парламент возвратил стране название Исламской Республики^{ix}. Отражением постепенно усиливающихся позиций коммуналистских сил стали результаты непрямых^x президентских выборов в январе 1965 г. По инициативе Маудуди исламисты поддержали альтернативного кандидата на выборах, хотя им была женщина, сестра “отца-основателя” государства Фатима Джинна, и добились поддержки более трети избирателей¹³.

Не слишком убедительная победа Айюб Хана на выборах продемонстрировала помимо прочего углубляющийся разрыв между военно-гражданской бюрократией и партийно-политическими

^{viii} Исламский фронт.

^{ix} Согласно разработанному администрацией Айюб Хана основному закону, Пакистан провозглашался Республикой.

^x Голосами избранных членов местных органов самоуправления, так называемых базовых демократов.

структурами, опиравшимися в то время на этнолингвистический регионализм и коммуналистские лозунги. Популярность последних усиливались в Пакистане известиями об индуско-мусульманских столкновениях в Индии, достигших в 1963 и 1964 гг. пиковых значений для периода после раздела¹⁴.

В пакистанском партийно-политическом спектре 1962–1969 гг. центральное положение занимали две конкурирующие партии, претендовавшие на наследство: МЛП — проправительственная, имевшая английскую приставку Convention^{xi}, и оппозиционная — Council^{xii}. Первая из партий была более светской по программе, вторая — более религиозной, тяготевшей к правым конфессиональным партиям.

В период массовых оппозиционных выступлений в 1968 — начале 1969 г. правое крыло оппозиции в целом уступало левому, усилившемуся благодаря созданию в 1967 г. З.А. Бхутто, бывшим министром иностранных дел в правительстве Айюб Хана, Пакистанской народной партии (ПНП)^{xiii}. Боязнь победы левоцентристских и левых сил, видимо, повлияла на решение Айюб Хана отменить собственную конституцию и передать власть в марте 1969 г. в руки военных. Сняв напряжение временным запретом на политическую деятельность, военным пришлось согласиться на проведение давно откладывавшихся всеобщих выборов. Кроме того, они расформировали единую провинцию Западный Пакистан и воссоздали четыре этнорегиональные: Панджаб, Синд, Северо-Западную пограничную и Белуджистан. Решение о расформировании единой провинции ослабило леводемократические силы вследствие их раскола по этнонациональному признаку и усилило правые, опиравшиеся на ислам и традиционалистские местные элиты.

Религиозно-политические партии приняли активное участие в первых всеобщих выборах, состоявшихся в декабре 1970 г. Однако большого успеха не добились: ДУИ и ДУП получили по 7 мест из 300 в Национальном собрании единого Пакистана, а ДИ завоевала всего 4 места¹⁵. Особенно чувствительным было поражение происламских партий в Восточном Пакистане. В 1971 г. в условиях граж-

^{xi} Создана на конференции в 1962 г.

^{xii} Появилась по решению Совета лиги в 1963 г.

^{xiii} Pakistan People's Party.

данской войны, охватившей провинцию в связи с провозглашением независимости от центра, были созданы первые боевые организации ДИ. Истоки воинствующего исламизма оказались связаны с фактором, который из внутреннего для Пакистана превратился во внешний. И в дальнейшем внешние, прежде всего заграничные, явления будут оказывать стимулирующее воздействие на радикально-исламистские течения.

Неудача “легальных исламистов” на выборах 1970 г. в масштабах единого Пакистана представляется относительной. Если брать результаты только по западной части страны, которая спустя год с небольшим преобразовалась в новое государство, то полученные тремя религиозными партиями 18 мест (12%) долгое время будут недостижимым для них результатом^{xiv}. Понимая ограниченность своей электоральной базы, исламские организации, в первую очередь ДИ во главе с Маудуди, прибегли к “уличным” формам политической мобилизации. В 1974 г. они воспользовались случаем для обострения ситуации в отношении секты *ахмадийя* и взяли реванш за поражение, которое потерпели за 20 лет до того, в 1953 г. Решением парламента секта была объявлена неисламской, а ее члены законодательно причислены к религиозным меньшинствам¹⁶.

Парламентское решение было оформлено как поправка к конституции 1973 г., принятой уже после раскола страны, последовавшего непосредственно за безоговорочным поражением пакистанской армии от индийской в декабрьской войне 1971 г. После капитуляции армейской группировки в Восточном Пакистане высшее офицерство заставило генерала А.М. Яхья Хана уйти в отставку с поста президента^{xv}, передав президентские полномочия З.А. Бхутто, лидеру партии, завоевавшей на выборах около 60% мест в западной части страны¹⁷.

Действующая до сих пор конституция 1973 г. провозглашала существование Исламской Республики Пакистан как демократического государства с парламентской формой правления. Исламским положениям в третьей конституции было отведено более значительное место, чем в предыдущих двух. Ислам объявлялся государственной религией при свободе вероисповедания для всех граждан¹⁸.

^{xiv} Только в 2002 г. доля мандатов, полученных ими, превысила эту цифру.

^{xv} Занимал его около трех лет.

Под воздействием внешних факторов, связанных с арабо-израильской войной 1973 г. и превращением государств Аравийского полуострова в обладателей огромных запасов не только нефти, но и долларов от ее продажи, правительство З.А. Бхутто усилило внешнеполитическую ориентацию на исламский мир. В феврале 1974 г. в Лахоре, столице крупнейшей провинции Панджаб, состоялся второй саммит Организации Исламской конференции^{xvi}. Среди собственно исламских мероприятий нужно отметить проведение в 1976 г. первого международного конгресса, посвященного жизни и учению пророка Мухаммада (*сират*), и аналогичную национальную конференцию, состоявшуюся в феврале следующего года¹⁹.

Последние годы правления З.А. Бхутто можно считать началом процесса исламизации. Проведенные в марте 1977 г. вторые всеобщие выборы спровоцировали острый внутривнутриполитический кризис. Оппозиционные партии объединились в избирательный блок Пакистанский национальный альянс, где главную идеологическую функцию выполняли исламские организации. После оглашения результатов выборов ПНА обвинила правительство в их подтасовке и призвала массы к сопротивлению. Объявленная ПНА национальная забастовка парализовала жизнь в стране. З.А. Бхутто в стремлении лишить исламистов популярных лозунгов объявил о введении ряда новых законов — о полном запрете потребления алкоголя, игорного бизнеса, ночных клубов, баров и кинотеатров. В течение шести месяцев он обещал привести все законы в “полное соответствие с Кораном и Сунной”²⁰.

Политика исламизации и брутализация политики

Однако судорожные усилия З.А. Бхутто спасти положение, опираясь на меры по исламизации, не помогли. Затянувшимся политическим кризисом воспользовались военные. Совершив государственный переворот 5 июля 1977 г., они использовали растущую популярность исламских идей для легитимизации своей власти.

В проведении генералами во главе с начальником штаба армии М. Зия уль-Хаком политики исламизации выделяются несколько этапов. Первый из них, предварительный, относится ко времени судебных процессов над З.А. Бхутто, обещаний военного руководства

^{xvi} Ныне — Организация исламского сотрудничества.

провести парламентские выборы и опоры на непосредственную поддержку религиозных партий, в первую очередь ДИ и ДУИ. Наиболее активный этап начался в конце 1979 г. после решения Зия уль-Хака о временной (как оказалось, на долгий период) приостановке действия конституции и запрете на политическую деятельность. Используя теоретические наработки и лозунги исламистов, военные провели насаждение “сверху” исламских норм и порядков. Главные из них состояли в следующем:

в политике — учреждение консультативного совета, *маджлис-е шура*, при правителе-президенте, табу на партийно-политическую систему;

в юридической сфере — применение исламских процессуальных норм (*кисас*, *дийят*, *шахадат*), наказаний (*хуруд*), учреждение шариатских судов;

в экономике — взимание государством исламских налогов (*закат* и *ушр*), запрет ростовщического процента (*риба*), создание исламских беспроцентных банков;

в образовании и культуре — обязательный курс ислама в школах и высших учебных заведениях, отведение мест для молитвы (*намаза*) в госучреждениях и общественных местах, запрет на неисламские развлечения и праздники²¹.

ДИ и другие религиозно-политические организации первоначально целиком поддерживали военный режим, но после запрета на политическую деятельность отстранились от него, чтобы не потерять поддержку в обществе^{xviii}. К 1984 г. отношения между бывшими партнерами (военными и клириками) серьезно ухудшились, о чем, в частности, свидетельствовал введенный правительством запрет на деятельность студенческих союзов, сильнейшим из которых была тогда молодежная структура ДИ — *Ислами джамиат-е тулаба*^{xviii}. Впрочем, запрет Зия уль-Хака был направлен в первую очередь против левых студенческих организаций²².

Основная часть шагов по исламизации предпринималась между 1979 и 1986 гг. Одной из последних мер было ужесточение существующего с колониальных времен Закона о богохульстве, по кото-

^{xvii} Заметим, что в 1979 г. в США после продолжительной болезни скончался А.А. Маудуди.

^{xviii} ИДТ, Исламское общество студентов.

рому оскорбление Аллаха и веры в него карается смертной казнью или пожизненным заключением²³.

Большинство нововведений военных властей пережило гибель Зия и связанную с ней замену военно-парламентской формы правления на президентско-парламентскую. В целом они оказали глубокое воздействие на общественную и политическую жизнь и существенно преобразили культуру и быт страны. Причем сначала многим наблюдателям казалось, что навязанные меры по исламизации не укоренятся и не изменят уклад жизни и массовую психологию. Однако позднее стало понятно, что исламские преобразования нашли благодатную почву и изменили общество²⁴. Важными следствиями исламизации стали “брутализация” (огрубление и ужесточение форм и методов борьбы за власть и влияние) и усиление общественно-политических расколов и трений. Политические преследования, развернутые режимом Зия уль-Хака, были нацелены в основном на подавление левых и левоцентристских сил. Главным объектом атаки была партия осужденного и казненного в апреле 1979 г. З.А. Бхутто. Преследованиям и тяжелым испытаниям подверглись его жена и дочь, тысячи функционеров партии оказались за решеткой, многие были подвергнуты публичным наказаниям. Помимо ПНП пострадали активисты других левых сил — коммунисты, социалисты, активисты профсоюзного и студенческого движения. Из списка, составленного на основании газетных сообщений, а также официальных сводок и данных правозащитных организаций, следует, что с 1978 по 1985 г. наказания понесли 19 804 человека. Они прошли через тюрьмы, пытки или “исчезли”, т. е. были тайно убиты²⁵.

Весь левый фланг пакистанской гражданской активности и политики был “зачищен”, причем самым безжалостным и кровавым способом. На правом фланге тоже испытывали определенный страх, ибо от преследований и гонений со стороны военных властей не были застрахованы и отдельные его представители. В то же время, чтобы обезопасить себя и утвердить свою идентичность и оппозиционность к правящему центру, правые религиозные силы выступали обычно с крайних, радикальных позиций.

Характерным примером расправы по религиозным мотивам представляется дальнейшая судьба ахмадийцев, на которую Зия уль-Хак пошел под прямым давлением религиозно-ортодоксальных сил. В 1985 г. генерал обнаружил указ, касавшийся секты

ахмадийя. Согласно ему, членам секты запрещалось называть себя мусульманами, свои моленные дома — мечетями, пользоваться исламской терминологией. Нарушения указа сурово карались²⁶. После издания указа основная часть ахмадийцев покинула Пакистан, центр общины переместился из панджабского местечка Раб-вах в Лондон.

Исламизация по Зия уль-Хаку проводилась с опорой на каноны суннизма и ханифитского (ханафитского) мазхаба. Это, естественно, вызвало возражения со стороны шиитского меньшинства (15–20% пакистанских мусульман). В 1980 г. сотни тысяч шиитов вышли на митинг в столичном Исламабаде в знак протеста против проводимой властями политики исламизации. Тогда же появилась первая влиятельная шиитская партия *Техрик-е-нифаз-е-фикх-е-джафария*^{xix, 27}. Осуществлявшаяся военными исламизация наряду с известиями о шиитской революции в соседнем Иране способствовали политизации и радикализации шиитов, появлению острых трений между радикалами-шиитами^{xx} и суннитскими экстремистами. Глубокая трещина в отношениях между общинами пролегла из-за убийства в 1988 г. духовного лидера пакистанских шиитов Х. аль-Хусейни, ученика и последователя имама Хомейни²⁸. Шииты заподозрили в убийстве суннитскую радикальную организацию *Синах-е сахаба Пакистан* (ССП)^{xxi} и убили в 1990 г. его руководителя Х.Н. Джангви. Отколовшаяся от основной организации боевая группировка *Лашкар-е Джангви*^{xxii} (ЛД) провела серию антишиитских терактов в Панджабе.

Бурные вспышки суннито-шиитской борьбы совпадали с обострением партийно-политической схватки между двумя основными партиями постзияульхаковского периода — Пакистанской народной во главе с дочерью З.А. Бхутто Беназир и Пакистанской мусульманской лигой Н. Шарифа. Наиболее драматическим эпизодом стало нападение на шиитское кладбище в Лахоре в январе 1998 г.

^{xix} Движение за установление джафаритского фикха, т. е. основного шиитского мазхаба, позднее переименованное в *Техрик-е-джафария Пакистан* (ТДП).

^{xx} Главная их организация — *Синах-е Мухаммад* (Воины Мухаммада).

^{xxi} Пакистанские воины сподвижников пророка.

^{xxii} Армия им. Джангви.

В результате расстрела собравшихся там людей на месте погибли 22 человека и более 50, в том числе женщины и дети, серьезно пострадали. После этого на несколько дней центральные улицы второго по величине города страны перешли под контроль протестующей, разгневанной беспомощностью властей толпы. В ряде мест в Панджабе шииты в ответ совершили акты возмездия, а сами стали жертвами новых нападений и погромов. В 1990–1998 гг. в суннито-шиитских столкновениях погибли 623 человека: 411 шиитов и 212 суннитов²⁹.

Политика насаждаемой сверху исламизации обострила противоречия и между суннитами, приверженцами двух основных богословских школ, *деобанди* и *барелви*. Рост антагонизма между богословами (*улемами*) двух школ был связан с борьбой за контроль над мечетями и учебными заведениями (*медресе*). Наиболее острые формы конфликт принял в 2000-е гг. и охватил прежде всего Карачи. В октябре 2003 г. там был убит глава *Сунни техрик*, организации суннитов-барелви, С. Кадри, а в мае 2004 г. — деобандский духовный лидер, *шейх улъ-хадис* (знаток священного предания) мечети Джамиа-бинория М. Шамзаи. За месяц до этого убийства на крупнейший деобандский центр обучения в Карачи, расположенный в районе Бинори-таун, было совершено вооруженное нападение, в результате которого погибли 10 и были ранены 40 человек. Последовавшие вслед за тем беспорядки в городе привели к многочисленным жертвам³⁰.

Большую роль в брутализации внутривосточной борьбы в Пакистане сыграли связанные с политикой исламизации внешние факторы. В 1980-е гг. главным среди них был афганский. Как известно, военные власти страны всеми доступными им средствами поддерживали борьбу исламистских сил против просоветской власти в Кабуле. Особенно значительными стали их возможности после ввода советских войск в конце 1979 г., поскольку западный альянс во главе с США, мусульманское сообщество, в первую очередь Саудовская Аравия и Египет, и даже коммунистический постмаоистский Китай увеличили военно-экономическую помощь Исламабаду и афганским *муджахедам*.

С возрастающим влиянием Саудовской Аравии связано усиление нового полюса пакистанского радикального исламизма — организации *Маркази джамаат дават-валь-ишад*^{xxiii}, с начала 2000-х гг.

^{xxiii} Центральное общество призыва к очищению и наставлению.

оно известно под названием *Джамат-уд-Дава* (ДД). Направление, которое оно представляет, восходит к индийским *неоваххабитам* (салафитам), традиционное самоназвание которых — “люди предания” (*ахл-е хадис*)³¹. Хорошо документированы факт обучения в Саудовской Аравии лидера организации Х.М. Саеда и его участие в афганской войне в составе спонсируемой Эр-Риядом группировки А.Р. Сайяфа³². ДД служит “фасадом” для террористической группировки *Лашкар-и тоиба* (ЛТ)^{xxiv}, превратившейся в 2000–2010-х гг. в одну из главных по активности и дерзости атак боевых групп. К “подвигам” ЛТ относится, в частности, нападение на крупнейший индийской город Мумбай (Бомбей) в конце ноября 2008 г., жертвами которого стали свыше 160 человек.

Индия заняла место Афганистана в 1990-х гг. Сменявшие друг друга партийно-политические администрации Пакистана поддерживали мятежные выступления в индийском штате Джамму и Кашмир, способствуя тому, что они приняли характер еще одного джихада — против “индусов”, “незаконно оккупировавших” исконно мусульманские земли.

Не углубляясь в достаточно хорошо известные особенности международных конфликтов, связанных с ситуацией в Афганистане и Кашмире, подчеркну еще раз, что процессы исламизации, продолжавшиеся в Пакистане и после активного этапа навязывания ее сверху военными, сопровождались ужесточением норм и правил ведения политической борьбы, разгулом террора и насилия.

Диффузия властного контроля

Параллельно с исламизацией общества в Пакистане на всем протяжении его существования происходило распространение и рассеивание контроля в сфере обеспечения общественной и личной безопасности. Этот процесс можно назвать диффузией власти, происходившей одновременно с попытками ее консолидации.

Усиление институтов и эффективности государственного контроля шло по нарастающей вплоть до 1970-х гг. Государство становилось сильнее общества, активно вмешиваясь в его более или менее автономное существование в рамках сельских и традиционных городских сообществ.

^{xxiv} Армия чистых.

Аккумуляция госконтроля началась с первых лет существования Пакистана, когда центральные власти решительно подчинили окраинные территории запада и крайнего северо-запада страны — Белуджистан и горную полосу пуштунских племен^{xxv}. Существенным шагом в этом отношении стала проведенная в 1955 г. административная реформа, объединившая четыре провинции западной части страны и почти все самоуправляемые княжества (четыре белуджских во главе с Калатом, синдское — Хайрпур и панджабское — Бахавалпур) в единую провинцию Западный Пакистан. Попытки отколоться от центра предпринимались на окраинных территориях и в дальнейшем (в 1959, 1961, 1973–1977 гг.), однако центр каждый раз жестко и решительно подавлял сепаратистские поползновения.

С 1970-х гг. на смену преобладавшим до того тенденциям к укреплению государства как органа, имеющего законные права и полномочия на наведение порядка, приходит иной тренд, заключающийся в ослаблении государственной монополии на власть в ее функции контроля и силового господства. Едва ли не в первую очередь он связан с политикой исламизации. Выше уже отмечались примеры усиления как официозного, так и протестного ислама на политическом уровне.

Не менее глубокое воздействие исламизация оказала на средние и нижние этажи социальной пирамиды. На общественно-гражданском уровне в Пакистане стали активно действовать начиная с 1970–1980-х гг. разнообразные благотворительные и просветительские организации. Среди них стоит отметить самую крупную деобандскую религиозно-просветительскую организацию *Таблиц-и джамаат* (ТД)^{xxvi}. С течением времени она приобрела громадную популярность в Пакистане и в окружающем его суннитском ареале. Ежегодные конгрегации ТД в местечке Муридке под Лахором регулярно собирали и собирают от одного до двух-трех миллионов человек и считаются вторыми по массовости в исламском мире после *хаджа*. Деятельность ТД, ведущей активную прозелитскую деятельность, вызывает подозрение властей в государствах Цен-

^{xxv} Племена ныне составляют 3–4% населения. Административно земли пуштунов входят в провинцию Хайбер-Пахтунхва (до 2010 г. — Северо-Западную пограничную провинцию) и Территорию племен федерального управления, где действуют свои регулирующие акты и положения.

^{xxvi} Общество призыва.

тральной Азии, так же как и активность аналогичной ей, арабо-палестинской по корням, *Хизб ут-тахрир аль-ислами*^{xxvii, 33}.

Соединение просветительского и политического начал характерно и для других происламских организаций. Как бы ни относиться к их активности, они представляют собой отдельные, формально или реально независимые от государства, центры силы и влияния.

Диффузии власти в ее функции организатора социального действия способствуют организации исламизированного гражданского общества (ГО) — независимые по источникам финансирования, хотя и зарегистрированные государством *дин-и-мадарис* (учебные заведения — школы и семинарии), фонды отдельных религиозных общин, такие как Фонд Ага Хана (общины исмаилитов-*ходжа*), благотворительные организации: С. Идхи и др.³⁴

Помимо того, диффузия власти нашла яркое отражение в росте коррупции и nepотизма, распространении практики дачи взяток и культуры “связей”. Как отмечает М.А. Кадир, получить элементарные документы и совершить законные сделки редко кому удается без взятки или использования блата. С помощью денег и знакомств, по убеждению пакистанцев, можно добиться всего. Если кому-то не удастся задуманное, неудача объясняется недостатком задействованных “ресурсов”. Коррупционность и кумовство охватили, по его наблюдениям, все звенья и ступени государственной системы³⁵.

Неудивительно при этом, что Пакистан занимает одно из самых высоких мест в мировой таблице коррупции³⁶. Теневая экономика страны давно стала “притчей во языцех”. Еще в конце 1980-х гг. считалось, что она равна половине или более чем половине официального ВВП. Массовое уклонение от уплаты налогов стало нормой для большого числа состоятельных лиц и ведущих компаний. Считается, что прямые налоги (на прибыль и сверхприбыль, недвижимость, наследство, дарения и пр.) уплачивает приблизительно треть юридических и физических получателей подлежащих обложению доходов. Низкая собираемость налогов — одна из хронических слабостей пакистанской экономики. Однако среди представителей среднего класса отношение к этой проблеме далеко не однозначно. Автору этих строк во время пребывания в Карачи удалось недавно услышать мнение, что повышение собираемости прямых налогов стало бы еще большим бедствием для страны, так как государствен-

xxvii Партии исламского возрождения.

ные средства были бы неминуемо расхищены и растрочены чиновниками.

Такие суждения свидетельствуют о недостатке доверия к государству и диффузии, распылении экономического контроля. Нет сомнения, что ей способствовали меры по исламизации экономики, принятые в начале 1980-х гг. Увеличив на первых порах перераспределяемую с помощью государства через исламские налоги долю частных доходов, они по прошествии некоторого времени “вытолкнули” прибыли и доходы в “серую” экономику. Беспроцентная банковская система способствовала распространению практики сокрытия прибылей с помощью различного рода уловок и договоренностей, а наиболее надежной и распространенной формой кредитования стала веками существовавшая практика доверительного займа *хавала*³⁷.

Одновременно с созданием институтов по расширению контроля над территорией и проживающим на ней населением правящие режимы Пакистана укрепляли институты наблюдения за выполнением норм законности и расширяли пенитенциарную систему. Сеть государственных тюрем была унаследована Пакистаном от колониального режима. Наряду с нею существовали частные тюрьмы — их имели наследственные правители полунезависимых княжеств, предводители крупных племен в пустынных районах Белуджистана, традиционная земельная знать в заповедных районах Синда и южного Панджаба. С течением времени, по-видимому, происходило сокращение числа частных тюрем, хотя полного исчезновения вековой практики не произошло. Известно, например, что у предводителей крупных белуджских племен тюрьмы сохранились до начала нынешнего века³⁸.

Между тем расходы на содержание государственных тюрем, находящихся в ведении провинциальных властей, хронически отставали от потребностей в них. По отрывочным данным, появляющимся в прессе, ситуация с местами заключений в Пакистане в целом удручающая и мало отличается от провинции к провинции. В 26 тюрьмах Синда в конце 2012 г. содержались 14 тыс. заключенных при числе мест, равном 12 тыс.³⁹ Тюремный персонал получал низкую зарплату, а помещения нуждались в капитальном ремонте.

Нередки в Пакистане случаи побега из тюрем, которые плохо охраняются. Порядки внутри тюрем регулируются, как правило, самими заключенными, которые прибегают к расправам и насилиям

над сокамерниками. Только редкие случаи такого рода становятся достоянием гласности.

Особенно заметным кризис исправительной системы стал с 1970–1980-х гг., когда произошел связанный во многом с последствиями исламизации взрыв насилия в обществе. По подсчетам М.А. Кадира, число инцидентов с насилием в 1950-е гг. было относительно небольшим и росло медленно. На протяжении следующего десятилетия оно снижалось, затем возросло в 1970-е гг. и круто пошло вверх в период с 1985 по 1996 г. Пики насилия пришлось на 1986, 1988, 1990 и 1995 гг. Среднее число убийств в Пакистане в 1948–1970 гг., равнялось 2848 в год, в 1971–1977 гг. этот показатель вырос на 63% до 4633 в год, в 1978–1983 гг. упал^{xxviii} до 4381, но затем вновь резко возрос до 7321 в 1984–1996 гг. Если принимать во внимание рост численности населения, то в первый из выделенных периодов одно убийство приходилось на 16 700 человек, во втором — уже на 13 007 человек, в третьем — на 17 970 человек, а в четвертом этот показатель вновь, как во втором периоде, достиг максимума: одно убийство на 13 235 человек⁴⁰.

Хотя сопоставимых данных за более поздний период нет, по ряду признаков можно считать, что уровень насилия в дальнейшем существенно вырос. Это связано в значительной мере с участием Пакистана в глобальной войне с терроризмом, проще говоря, с его вовлеченностью в афганский конфликт на его последнем этапе борьбы коалиционных сил США и НАТО с талибами. Пакистан оказался главной жертвой затяжного кризиса, связанного с подъемом воинствующего радикального исламизма в Афганистане и на пограничных с ним пакистанских территориях. По данным секретных пакистанских служб, представленным Верховному суду в марте 2013 г., в результате террористических операций за 2001–2013 гг. погибло 49 тыс. человек, из них жертвами в период до 2008 г. стали 24 тыс., а позднее — еще 25 тыс. В боевых действиях против отрядов исламских радикалов, прежде всего из пакистанского движения талибов *Техрик-е Талибан Пакистан* (ТТП), за 2009–2013 гг. погибло почти 16 тыс. военнослужащих. Потери среди их противников оказались на порядок ниже — лишь более 3 тыс. убитыми. Почти 6 тыс. гражданских лиц лишились жизни за последние четыре года в ре-

^{xxviii} Вследствие, очевидно, запуганности расправами военного режима и неполной информации в СМИ.

зультате взрывов бомб и атак террористов-самоубийц. Пик потерь пришелся на 2009 г., когда пакистанской армии удалось сломить сопротивление талибов и их союзников, лишив их контроля над высокогорными политическими агентствами полосы племен (прежде всего Северным и Южным Вазиристаном) и прилегающими к ним округами тогдашней Северо-Западной пограничной провинции и провинции Белуджистан⁴¹.

По приводимым ведущей пакистанской газетой Доон сведениям авторитетного индийского портала, посвященного терроризму в Южной Азии, в Пакистане между маем 2010 и апрелем 2011 г. в результате терактов погибли 2178 гражданских лиц и 493 служащих контртеррористических сил. Потери среди боевиков-террористов оценены в 4200 человек. За последующий период вплоть до апреля 2013 г. жертвами стали почти 6 тыс. мирных жителей, около 2 тыс. служащих армии и военизированных подразделений, включая полицию, и 5,5 тыс. боевиков. Общее число жертв за три года превысило 20 тыс. человек⁴².

Только за первые четыре месяца 2013 г. погибли 3 тыс. человек. Сохранение такой тенденции привело бы к потерям за год, вдвое превышающим уровень трех последних лет. По этим собранным Пакистанским центром анализа безопасности данным, продолжалось увеличение случаев насилия со смертельным исходом в крупнейшем, почти 20-миллионном городе Карачи, в Белуджистане и пуштунском ареале: Территории племен федерального управления и провинции Хайбер-Пахтунхва. Главными жертвами насилия являлись мирные жители, на втором месте — потери контртеррористических сил и лишь на третьем — боевиков и террористов⁴³.

Карачи в последние годы превратился в самый беспокойный и небезопасный район страны. Число убитых в городе увеличилось с 1083 в 2010 г. до 2192 в 2012 г. Каждый день в результате преступлений на этнической, политической и мафиозной почве в среднем погибает 6 человек, в отдельные дни — до 15. Резко выросло и количество других преступлений — разбойных нападений, краж, похищения людей⁴⁴.

Число преступлений, связанных с борьбой за городскую недвижимость, получением отступных за похищенных, продажей в рабство, проституцией среди малолетних, выросло в Пакистане скачкообразно в начале нынешнего столетия. За 2000–2008 гг. общее число зарегистрированных преступлений возросло округленно с 400

до 600 тыс., случаи похищения участились более чем вдвое, а нападения бандитских групп (свыше 5 человек) — в три с половиной раза⁴⁵. Тенденция к росту организованной преступности сохраняется, ставя под вопрос способность государства обеспечить законность и порядок. Профессии полицейского и других правоохранителей превратились в одни из самых опасных. “Плату за страх” в условиях дефицита бюджетных средств обеспечивают разного рода коррупционные схемы.

Заключение

Выявляя наиболее существенные исторические тренды, можно утверждать, что консолидация власти, естественно происходящая вслед за появлением нового государственного организма, достигла максимума в 1970-е гг. Тогда после распада “первого Пакистана” вследствие отделения Бангладеш возник усеченный, но территориально компактный и достаточно однородный в этнокультурном отношении “второй Пакистан”. Центральная власть, опираясь на армию и внешнюю поддержку (со стороны шахского Ирана и США), решительно подавила попытки мятежа на окраинах, прежде всего в Белуджистане, проводя исламо-модернистскую, социально-ориентированную внутреннюю политику. С конца десятилетия исламская модернизация под социальными лозунгами уступила место фундаменталистской исламизации, и начался процесс распыления, диффузии власти за счет фрагментации социально-политической среды, усиления негосударственных институтов и агентов влияния и контроля.

Исламизация суннитского образца способствовала обособлению шиитов и ухудшению их положения, вытеснению и маргинализации религиозных меньшинств — ахмадийцев, христиан, индусов, а также привела к узаконенной дискриминации женщин. Ответная реакция в виде активного и пассивного сопротивления (бегства за рубеж представителей меньшинств, протестов женских и правозащитных организаций) ослабили государство и его социально-экономический фундамент. Иначе говоря, введенный военными при Зия уль-Хаке порядок, став исключительно жестким, дал течь, углубил трещины и расколы, вызвал диффузию как принуждения (твердой силы), так и убеждения (силы мягкой).

На примере Пакистана хорошо видно, как исламизация мусульманского общества, т. е. укрепление базирующейся на исламе идеологии, обращение массы людей к более строгому и ревностному исполнению норм и требований религии, расширение сети исламских центров просвещения и образования и т. п., меняет культурный облик людей и населенных ими исторических областей, сказывается на быте и мировоззрении.

Происламские черты приобретает, в частности, гражданское общество (ГО), состоящее из неправительственных и некоммерческих организаций, а также ассоциаций единомышленников и волонтеров. Исламизированное ГО в Пакистане появляется одновременно с подобными гибридными (исламо-гражданскими) феноменами в других ареалах мусульманского Востока. Их укоренение обусловлено, по-видимому, кризисом либеральной модели модернизации и поисками путей для более адекватного оформления рецептов общественного прогресса.

Исламизацию Пакистана поэтому ни в коей мере нельзя считать исключением — подобные явления давно охватили Турцию, а в последнее время и многие арабские государства. Весьма далеко продвинулся на этом пути Иран, где в результате революции 1978–1979 гг. установилось исламское правление, окутавшее плотным религиозным покрывалом всю политическую и общественную жизнь. При власти талибов по самой крайней траектории исламизации двигался Афганистан. Отдельные попытки развернуть ось эволюции в этом направлении предпринимались в республиках Центральной Азии, Малайзии и Индонезии.

Исламизация во всех этих случаях предстает преимущественно средством защиты, поиска новой, соотнесенной с исторической, идентичности. Возрождение религии в мусульманском мире (и не только в нем) укрепляет особую национальную (местную) самодостаточность. В сложных полиэтнических обществах центра и юга Азии оно подводит базу под национализм надэтнической территориальной общности наподобие пакистанской. Хотя исламизация сопровождается диффузией власти, раскалывая мусульманскую общину и обостряя конфликты внутри нее, она одновременно способствует укреплению общественных (горизонтальных) связей и формирует во многом новую, весьма противоречивую и сложную социальную ткань.

Примечания

¹ О теории вопроса и различии понятий см.: Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007, с. 5, 7–13.

² *Quaid-i-Azam Mahomed Ali Jinnah*. Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948. Karachi, s.a. 1948, p. 9; *Wolpert S.* Jinnah of Pakistan. Delhi: Oxford University Press, 1989, p. 340.

³ *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана. М., 1975, с. 30.

⁴ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008, с. 192–194].

⁵ *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914–1991. М.: Изд-во “Независимая газета”, 2004, с. 278–309.

⁶ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана. М., 1961, с. 198–203.

⁷ Пакистан. Справочник I / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1966, с. 42–43.

⁸ Энциклопедия Пакистана / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1998, с. 102, 103.

⁹ Подробнее см.: *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: Крафт+, 2003, с. 73–75; *Jamal A.* A History of Islamist Militancy in Pakistani Punjab. Washington: Jamestown Foundation, 2011, p. 15–16.

¹⁰ *Haqqani H.* Pakistan between Mosque and Military. Washington: Carnegie, 2005, Ch. 3; *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan. Washington: Brookings, 2004, p. 83–84.

¹¹ *Gauhar A.* Ayub Khan: Pakistan’s First Military Ruler. Karachi: Oxford University Press, 1996, p. 93.

¹² *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008, с. 131–134.

¹³ *Talbot I.* Pakistan: A Modern History. N. Y.: St. Martin’s Press, 1998, p. 160.

¹⁴ *Brass P.R.* The Politics of India Since Independence. Cambridge, Cambridge University Press, 1994, p. 240.

¹⁵ *Шерковина Р.И.* Политические партии и политическая борьба в Пакистане. М., 1983, с. 148.

¹⁶ Oxford Companion to Pakistan History / Ed. A. Jalal. Oxford: Oxford University Press, 2012, p. 13.

¹⁷ *Burki S.J.* Pakistan under Bhutto 1971–1977. L.: Macmillan, 1980, p. 69.

¹⁸ *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана. М., 1975, с. 112.

¹⁹ *Wolpert S.* Jinnah of Pakistan. Delhi: Oxford University Press, 1989, p. 264, 282.

²⁰ *Wolpert S.* Jinnah of Pakistan. Delhi: Oxford University Press, 1989, p. 280.

²¹ Подробнее см.: *Жмуйда И.В.* Пакистан. Внутренние и внешние факторы экономического развития (70–80-е годы). М.: Наука, 1988, с. 171–186; *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: Крафт+, 2003, с. 116–119; *Novossyolov D.B.* The Islamization of Welfare in Pakistan // *Russia's Muslim Frontiers*. Indianapolis: Indiana University Press, 1993, p. 160–174; *Talbot I.* Pakistan: A Modern History. N. Y.: St. Martin's Press, 1998, p. 275–279.

²² *Oxford Companion to Pakistan History* / Ed. A. Jalal. Oxford: Oxford University Press, 2012, p. 500.

²³ *Talbot I.* Pakistan: A Modern History. N. Y.: St. Martin's Press, 1998, p. 282.

²⁴ См.: в частности: *Kurin R.* Islamization in Pakistan: The Sayyid and the Dancer // *Russia's Muslim Frontiers*. Indianapolis: Indiana University Press, 1993, p. 175–189; *Qadeer M.A.* Pakistan: Social and Cultural Transformations in a Muslim Nation. N. Y.: Routledge, 2006, Ch. 7.

²⁵ *Iqtidar H.* Secularising Islamists? Jamaat-e-Islami and Jamaat-ud-Dawa in Pakistan. Chicago: University of Chicago Press, 2011, p. 180.

²⁶ *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: Крафт+, 2003, с. 181–183; *Talbot I.* Pakistan: A Modern History. N. Y.: St. Martin's Press, 1998, p. 282–283.

²⁷ *Hussain Z.* Frontline Pakistan: The Struggle with Militant Islam. N.Y.: Columbia University Press, 2007, p. 92.

²⁸ *Jamal A.* A History of Islamist Militancy in Pakistani Punjab. Washington: Jamestown Foundation, 2011, p. 21; *Talbot I.* Pakistan: A New History. Karachi: Oxford University Press, 2012, p. 129.

²⁹ *Jamal A.* A History of Islamist Militancy in Pakistani Punjab. Washington: Jamestown Foundation, 2011, p. 23–24.

³⁰ *Белокреницкий В.Я.* Этнические, религиозные и сектантские конфликты в Пакистане // *Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие* / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО; Навона, 2005, с. 427.

³¹ *Милославский Г.В.* Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран // Ислам и политика. М.: Крафт+, 2001, с. 79–80; Oxford Companion to Pakistan History / Ed. A. Jalal. Oxford: Oxford University Press, 2012, p. 7–8.

³² *Iqtidar H.* Secularising Islamists? Jamaat-e-Islami and Jamaat-ud-Dawa in Pakistan. Chicago: University of Chicago Press, 2011, p. 122–123.

³³ *Наумкин В.В.* Ближний Восток в мировой политике и культуре. Избранные статьи, лекции, доклады 2009–2011 гг. М., 2011, с. 258–260; *Rashid A.* Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia. New Haven: Yale University Press, 2002, p. 115–136.

³⁴ *Серенко И.Н.* Система образования в Исламской Республике Пакистан. М.: Научная книга, 2006, с. 116–127; *Iqtidar H.* Secularising Islamists? Jamaat-e-Islami and Jamaat-ud-Dawa in Pakistan. Chicago: University of Chicago Press, 2011, p. 127–132.

³⁵ *Qadeer M.A.* Pakistan: Social and Cultural Transformations in a Muslim Nation. N. Y.: Routledge, 2006, Ch. 7.

³⁶ *Каменев С.Н.* Природные катастрофы в Пакистане и перспективы экономического развития // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М.: Крафт+, 2012, с. 60.

³⁷ *Ballard R.* Hawala // PIAS Newsletter 42, Autumn 2006, p. 8–9.

³⁸ *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: Крафт+, 2003, с. 48.

³⁹ Sindh Jails Overcrowded // <http://pakistan.onepakistan.com.pk/news/city/karachi/151429-sindh-iails-overcrowded-13833-prisoners-lodged-in-26-iails-against-capacity-of-11937.html>

⁴⁰ *Qadeer M.A.* Pakistan: Social and Cultural Transformations in a Muslim Nation. N. Y.: Routledge, 2006, p. 243–244.

⁴¹ *Rafique D.* Crime rate surged in 5 years of PPP // www.dailytimes.com.pk/2013/03/17

⁴² *Haider M.* Osama bin Laden: More fatal in death II <http://x.dawn.com/2013/05/01/osama-bin-laden-more-fatal-in-death/>

⁴³ *Wasim A.* 2670 People killed in Pakistan in four Months / www.dawn.com/2013/05/05

⁴⁴ См. сноску 41

⁴⁵ *Waheed M.A.* Victims of Crime in Pakistan II http://www.unafei.or.jp/english/pdf/RS_N08I/N08I_14PA_Waheed.pdf, p. 139.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В ПАКИСТАНЕ: ОТ КЛАССОВЫХ ФОРМ К РЕЛИГИОЗНЫМ*

Социальный протест на Востоке, в частности в Пакистане, является сегодня одной из самых актуальных и востребованных тем. Ввиду понятного интереса к причинам острого социального недовольства, охватившего многие государства мира, в первую очередь, Ближнего и Среднего Востока, а также к процессам радикализации там протестных настроений, распространению террористических методов борьбы с властью и ее ответных репрессий, расползанию, подобно раковой опухоли, зон брожения и небезопасности.

Пакистан является крупнейшим по населению государством мира (6-е место, примерно 200 млн жителей), находящимся на стыке Южной, Западной и Центральной Азии. Исторически он принадлежит Южной Азии, Индостану, а культурно и цивилизационно связан с исламским миром, как арабским, так и тюрко-иранским. Международно-политическое его значение определяется рядом факторов, среди которых вражда с соседней Индией, обладание ядерным оружием, глубокая и органичная связь с обстановкой в Афганистане, участие государства в «войне с глобальным терроризмом» и распространение на его территории крупных очагов экстремистского исламизма.

В достаточно обширной отечественной и еще более значительной мировой историографии проблем Пакистана сюжету о формах социального протеста и динамике их изменений уделено, к удивлению, немного внимания. Между тем, роль и место этого социального явления велико, а определение предмета исследования на первый взгляд не представляется затруднительным. Если посмотреть на

* Социальный протест на современном Востоке / Под ред. Д.В. Стрельцова. МГИМО (Университет) МИД России. М.: Аспект пресс, 2016, с. 139–154.

почти уже 70-летнюю историю существования пакистанского государства, то легко увидеть резко различающиеся этапы в характере, формах и движущих силах массового протеста, перемены во внутренних и внешних причинах, которые воздействовали на него. Предварительно можно выделить два крупных периода, на которые распадается история массовых протестов населения. Первый из них включает начальные десятилетия, более четверти века существования страны с момента образования в 1947 г. до середины–конца 1970-х годов. В эти годы социальный протест носил, как представляется, по преимуществу классовый характер, выступая в форме выступлений рабочего класса и крестьянства, а также студенчества и средних городских слоев. Они протекали как в стихийной, так и в организованной форме и были нередко связаны с левыми и секуляристскими политическими группами и партиями, интеллектуальными кругами либерально-демократического или левокоммунистического толка. Второй период, не закончившийся до сих пор, ознаменовался жестким подавлением государством оппозиционного рабочего, крестьянского и профсоюзного движения, усилением правого, религиозного радикализма, захватом им антиправительственной «площадки». Можно в качестве гипотезы предположить, что массовый протест в Пакистане от социально-классовых форм эволюционировал в сторону социально-религиозных.

Холодная война и классовый протест

Раздел колониальной Индии на два независимых государства особенно много перемен принес историческим областям, образовавшим Пакистан.

Независимая Индия унаследовала уже сложившееся в предшествующий период общество, как определенное единство населения и культуры, политики и экономики, между тем как пакистанское общество складывалось, по сути, заново¹. Пакистан возник в исторический период, совпавший с началом холодной войны между двумя политикоидеологическими блоками. Формирование его социально-политической структуры проходило под влиянием развернувшейся борьбы между так называемым свободным миром и коммунистическим лагерем за идейное и политическое влияние на освободившиеся от колониализма государства.

Важнейшим моментом в этом процессе можно считать решение компартии Индии о делегировании части членов своего руководства для создания Компартии Пакистана. Она была создана в феврале 1948 г. на первом (учредительном) съезде в Калькутте (то есть на территории Индии). В начале 1950-х годов компартия разделилась на две фактически самостоятельные организации, действующие в Западном и Восточном Пакистане². Нужно заметить, что мусульмане составляли немалую часть руководящего состава КПИ. В 1942–1945 гг., когда руководство Индийского национального конгресса во главе с М. Ганди и Дж. Неру отказывалось от сотрудничества с англо-индийскими властями, КПИ, поддерживая антифашистскую борьбу СССР в союзе с Великобританией, имела определенную свободу действий в Индии. В 1943 г. КПИ в резолюции, предложенной ее новым секретарем П.Ч. Джоши, поддержала движение за образование Пакистана, трактуя его как реализацию права наций на самоопределение. Пропакистанская позиция коммунистов способствовала росту их влияния среди крестьян в Панджабе (сердцевине будущей страны), где стоявшая у власти в тогдашней провинции колониальной Индии Юнионистская партия, выступая против образования Пакистана, выражала интересы лендлордов (крупных землевладельцев). Некоторые панджабские коммунисты, такие как Д. Латифи, тесно сотрудничали с представителями местного отделения Всеиндийской мусульманской лиги (ВМЛ) и участвовали в разработке манифеста панджабской организации лиги на выборах 1945 и 1946 гг.³ При этом коммунисты пытались придать движению за создание Пакистана, которое возглавляла ВМЛ во главе с М.А. Джинной, популистский (народнический) и социалистический характер, апеллирующий к сознанию крестьян и городских низов.

После образования Пакистана пути коммунистов и Мусульманской лиги разошлись. Коммунисты стали подвергаться репрессиям, но определенное влияние на массы и общественно-политические организации они сохраняли. В частности, значительным было их присутствие в руководящих органах крупных профсоюзов Панджаба, прежде всего союза железнодорожников. Коммунисты пользовались большим влиянием в местных крестьянских союзах. Политики, придерживающиеся левых взглядов, возглавляли такую массовую крестьянскую организацию Синда (другой крупной провинции Западного Пакистана), как *Хари комити* (Комитет издольщиков)⁴.

В начале 1950-х годов после принятых в ряде провинций законодательных актов об ограничении сгона арендаторов с земли, наделении безземельных и малоземельных крестьян государственной землей и т. п. наступил некоторый спад в массовом движении. Удар по позициям коммунистов и левых сил нанес громкий судебный процесс, получивший известность как «заговор в Равалпинди»⁵. Под следствием оказались и были осуждены по обвинению в подготовке государственного переворота некоторые видные военные, чиновники и представители интеллигенции лево-либеральных, прокоммунистических взглядов. Среди них был и будущий лауреат Ленинской премии мира (1970 г.) весьма популярный и ныне поэт и один из духовных символов страны Ф.А. Фаиз⁶. Гонения на коммунистов продолжались и в дальнейшем, по мере втягивания Пакистана в орбиту политики США в Азии и на Ближнем Востоке. Не случайно вслед за заключением Пакистаном соглашения с США о взаимной помощи в обороне 19 мая 1954 г. были запрещены компартии в Восточном (5 июля) и в Западном Пакистане (24 июля)⁷.

Массовые выступления рабочих, членов профсоюзов и крестьян продолжались и после этого, однако проходили они в основном под экономическими лозунгами⁸. С середины 1950-х годов в стране заметно выросла роль армии в наведении порядка в крупных городах. В начале 1953 г. в Лахоре было впервые введено военное положение, причем необходимость такого шага вызвали не угрозы слева, а выступления правых, религиозных сил⁹.

Подробнее о роли религиозной оппозиции речь пойдет ниже, здесь же укажем, что вплоть до второй половины 1970-х годов левые и правые силы в Пакистане иногда сотрудничали друг с другом. Введение в 1958 г. первого военного положения и установление власти армейских чинов во главе с М. Айюбом Ханом сопровождалось запретом на деятельность всех политических сил. В 1962 г. политическая активность была разрешена, но компартия осталась запрещенной, а некоторые видные политические лидеры центра и правого фланга были лишены права баллотироваться в члены парламента, избираемого непрямым путем (голосами коллегии выборщиков, формируемых многоступенчатым избирательным процессом). Дискриминационные меры против как левых, так и правых политических сил и их лидеров содействовали тому, что на не прямых выборах президента в 1965 г. левые и правые организации общества поддерживали соперника Айюба Хана, сестру «отца-основателя»

государства Ф. Джинну. Победа фельдмаршала Айюба была хотя и бесспорной, но не слишком убедительной и послужила предзнаменованием глубокого политического кризиса конца 1968 — начала 1969 г. В ходе антиправительственных выступлений того периода классовый и «прогрессивный»¹⁰ характер социального протеста проявлял себя весьма сильно, причем основным участником массовых акций были студенты.

Студенческие выступления в Пакистане совпали по времени с волнениями студентов во Франции и других странах Западной Европы. Поводом, как нередко в таких случаях, послужили частные придирки властей к студентам одного из престижных университетских колледжей в Равалпинди (тогдашней временной столице). Бурная реакция молодых людей, представителей средних слоев, спровоцировала волну солидарности с ними, которой воспользовались оппозиционные военно-парламентскому режиму политические силы. Попытка властей договориться с политическими оппонентами не удалась во многом из-за массовой поддержки оппозиции со стороны студенческих, рабочих и профсоюзных организаций. В середине февраля по призыву этих организаций в стране прошла массовая стачка (*хартал*), то есть приостановка всех видов деятельности, в ряд городов для наведения порядка были введены войска¹¹.

Необходимо еще раз повторить, что социальный протест в Пакистане в тот период носил характер, общий для первых десятилетий по окончании Второй мировой войны, для волны деколонизации. В капиталистическом мире, за пределами США, были еще распространены левые настроения, достаточно сильны коммунистические партии и движения. В Пакистане в это время вступало в жизнь первое поколение молодежи, родившейся после обретения независимости и получившей возможность освоить профессиональные знания, отправиться для продолжения учебы за границу, расширить свои познания о мире. Среди этого и предшествующего ему поколения было немало энтузиастов, веривших в социальную справедливость, воспитанных на идеалах антиколониализма, пацифизма, борьбы за улучшение материальных условий жизни широких масс.

Такие настроения породили определенное единение верхушечного в основном студенческого движения с более массовым и низовым рабочим и крестьянским. Соединению классового социального протеста с левым политическим флангом содействовала деятельность не только «традиционных» (созданных на заре политической

активности в Пакистане) леводемократических партий, таких как Национальная народная партия (ННП), но и новых популистских организаций, прежде всего Пакистанской народной партии (ПНП). Она возникла в конце 1967 г. по инициативе и под руководством З.А. Бхутто, бывшего министра иностранных дел Пакистана, выходца из среды крупных землевладельцев Синда. Социальное происхождение не помешало Бхутто собрать вокруг себя интеллектуалов левого толка, сторонников светского и исламского социализма. С их помощью была разработана программа партии, с которой она вышла на выборы 1970 г. Основными и весьма популярными в народе лозунгами ПНП стали требования *роти, капра ва макан* («хлеба, одежды и жилища»). С ними партия добилась победы на парламентских выборах в западной части страны, завоевав около двух третей депутатских мандатов (81 из 138). После наступившего через год после выборов раздела страны на Бангладеш и Пакистан партия З.А. Бхутто образовала самую крупную фракцию в парламенте и, в соответствии с принятой в 1973 г. Конституцией, стала правящей.

Кабинет министров во главе с Бхутто проводил двойственную, во многом казуистическую социальную политику. С одной стороны, он пошел на выполнение левопопулистских требований национализации крупных частных предприятий, банков и компаний, а с другой, пытался всеми путями ослабить единство и влияние профсоюзных объединений, рабочих союзов и крестьянских организаций¹². Уже в 1972 г., в первый год своего правления, Бхутто одновременно наносил удары по классовым противникам справа (ведущим городским банкирам и предпринимателям, выигравшим от проводимой властями в 1950–60-х годах социально-экономической политики) и слева (рабочим и широким трудовым слоям). Если против первых он использовал национализацию без выплаты компенсации и судебные преследования, то против вторых — запрет на забастовки, особенно на государственных предприятиях, отказ от признания коллективных договоров, заключенных самостоятельно профсоюзами с частными нанимателями. Государство (точнее, верхушка бюрократии), взяв на себя в результате национализации ключевых отраслей экономики функцию корпоративного предпринимателя, постаралось занять в других сферах роль посредника между рабочими и капиталистами.

Стараясь сохранить за собой инициативу в проведении показательных мероприятий левопопулистского толка, правительство сделало праздник солидарности трудящихся 1 мая выходным днем, объявило о повышении минимума зарплаты, увеличении числа выходных дней в году и суммы выходных пособий¹³. Правящая партия стремилась проводить праздничные демонстрации трудящихся под своими знаменами¹⁴, вызывая раскол в рядах профсоюзов с помощью обмана и подкупа¹⁵. Особенно усилились меры, направленные против социального протеста под классовыми лозунгами в последние годы пребывания у власти правительства Бхутто. Однако наиболее чувствительный удар по массовым движениям этого типа нанесший ему на смену военный режим.

Разгром левых сил и исламизация социального протеста

Репрессивные меры военных против рабочих организаций и левых сил начались по существу сразу после того, как закончился переходный период между захватом армией летом 1977 г. рычагов управления страной и консолидацией у нее власти осенью. Бывшему премьеру З.А. Бхутто предъявили в конце сентября обвинения в организации политического убийства, а начальник штаба армии М. Зия-уль-Хак отказался от провозглашенного ранее намерения провести новые выборы в парламент, отложив их на два года. Ограничительные меры, предпринятые военными властями против публичных проявлений политической и общественной активности, коснулись пробхуттовских и в целом левых сил и организаций.

Под запретом оказались забастовки, пресекались попытки трудовых коллективов выдвигать требования к хозяевам предприятий. Знаковым стал расстрел рабочих забастовщиков 2 января 1978 г. в Мултане (крупном городе южной части Панджаба). Он показал, что военные власти не только стоят на стороне предпринимателей, но и готовы применить оружие против тех, кто посягает на права частной собственности¹⁶. В октябре 1979 г. Зия-уль-Хак, занявший к тому времени пост президента, объявил о запрете политической деятельности и подтвердил решение, делавшее невозможным проведение стачек и забастовок. Используя существовавший и ранее закон о жизненно необходимых отраслях и службах, военные лишили каналов социального протеста рабочих и служащих предприятий и учреждений государственного сектора.

В результате запретов и целенаправленных репрессий ранее весьма активные профсоюзы железнодорожников, портовых рабочих, служащих радиостанций и телевизионных корпораций, почты и телеграфа, не смогли провести в годы военного правления ни одной массовой акции. Репрессии против левой оппозиции имеют документальное подтверждение. Базируясь на сообщениях пакистанской печати, официальных документах и докладах международных организаций, пакистанский экономист О.Номан подсчитал, что наказаниям за политическую активность в 1977–1985 гг. подверглось в общей сложности около 20 тыс. человек¹⁷. Среди них, помимо активистов политических партий, было большое число профсоюзных и рабочих лидеров. Запрет на деятельность профсоюзов сочетался в эти годы с миграцией, а зачастую фактически бегством квалифицированных рабочих и инженернотехнических работников за рубеж, главным образом в нефтедобывающие страны Персидского залива. Отток рабочих привел к повышению реальной заработной платы в пакистанской промышленности и вызвал охлаждение работников к профсоюзной борьбе.

Несколько улучшилось положение рабочих и профсоюзных организаций после проведения в начале 1985 г. парламентских выборов, хотя и на непартийной основе, и триумфального возвращения в страну в апреле 1986 г. Беназир Бхутто, дочери бывшего премьера, казненного по недоказанному обвинению в 1979 г. Она возглавила бывшую правящую партию, которая пыталась восстановить свои позиции среди служащих, рабочих и крестьян¹⁸.

Однако сделать это было нелегко в связи с отмеченными выше тенденциями и произошедшей «сменой поколений» среди активистов рабочего и профсоюзного движений. Не удалась во многом из-за смены поколений и попытка возродить Ассоциацию прогрессивных писателей. Ко всему, хотя среди пострадавших от притеснений военных властей были некоторые лидеры ПНП (Б. Бхутто, в частности, провела несколько месяцев в одиночной камере в тюрьме обычного режима), однако большинство из них, принадлежа к традиционным верхам общества, избежали репрессий, многие пошли на сговор с властями, а партия в целом ничем не помогла левым оппозиционерам, действовавшим в городах Панджаба и в Карачи, а также активистам профессиональных союзов¹⁹.

Наиболее сильными позициями ПНП располагала в сельских районах Синда. Там во второй половине 1983 г. прошла серия мас-

совых митингов и манифестаций против политики военного режима. Основную массу участников составляли бедные крестьяне и бесправные арендаторы, которыми, как правило, дирижировали вожди из землевладельческой знати. Власти восприняли эти выступления как восстание, поддержанное из-за рубежа (предположительно, из Индии) и перебросили воинские части для подавления мятежа. Борьба с оппозиционными выступлениями и действиями партий, объединившихся в возглавляемое ПНП Движение за восстановление демократии, сопровождалась многочисленными жертвами и завершилась только в начале 1984 г.²⁰

Учиненный военными властями разгром сил социального протеста, как народническо-крестьянских и светских по форме, так и городских леводемократических, сопровождался одновременно подъемом правого протестного движения в исламских «одеяниях». Как выше отмечалось, вплоть до конца 1970-х годов клерикальные организации еще не чурались политического блокирования с умеренно левыми силами. Вместе с тем, они остро конкурировали с левыми радикалами в борьбе за влияние на студентов, рабочие и крестьянские массы.

Ведущей партией происламского направления с первых лет существования Пакистана была *Джамаат-е ислами* (ДИ, Исламское общество) во главе с видным теоретиком исламизма А.А. Маудуди. Переехав из Индии в Пакистан в 1948 г., он занял крайние позиции по вопросам чистоты ислама, боролся против либеральной секты *ахмадийя*, требуя признать ее неисламской. Волнения, вызванные антиахмадийскими выступлениями ДИ, послужили основанием для его осуждения на смертную казнь в 1953 г. Проведя несколько лет в тюрьме и помилованный властями Маудуди продолжил организационную деятельность, пытаясь сформировать «партию ленинистского типа». На Маудуди, как считается, произвела впечатление модель партии большевиков, от которой он мог узнать от коммунистов. Его привлекла обязательность непосредственного участия членов организации в партийной работе, наличие профессионального кадрового ядра, демократический централизм в принятии решений. Маудуди пытался, таким образом, перенять у левых принципы партийного строительства. Болезненно воспринял он успех выше упомянутой Крестьянской конференции в 1970 г. и в противовес ей организовал свою массовую процессию и митинг в Лахоре²¹.

Несмотря на неудачу на выборах 1970 г. (ДИ получила четыре места, а другие религиозно-политические партии — 14), исламисты в 1970-х годах постепенно добились перехода к ним инициативы в проведении массовых мероприятий. Образованный в начале 1977 г. в канун вторых выборов партийный блок Пакистанский национальный альянс (ПНА) имел цель воспрепятствовать победе правящей ПНП и авторитарного премьера Бхутто.

Он объединял все главные партии, включая умеренно левую Национальную народную, но предвыборные лозунги блока имели по преимуществу исламскую окраску, за которыми угадывалась рука ДИ и ее спонсоров, в том числе и зарубежных (по распространенным слухам, из Саудовской Аравии).

Неудивительно поэтому, что, узурпировав власть в июле 1977 г., военные использовали исламистов, в первую очередь из ДИ, в качестве прикрытия для своей диктатуры. Представители ДИ и других происламских (*ислампасанд* на урду, то есть любящих ислам) партий вошли в состав временного кабинета министров, приведенного к присяге в августе 1978 г. Они разработали теоретические основы программы исламизации, к выполнению которой Зия-уль-Хак особенно активно приступил уже после запрета на политическую деятельность, введенного в октябре 1979 г., и отставки министров-исламистов. К тому времени Маудуди уже не было в живых, и Джамаат-е ислами возглавлял малоколоритный М. Туфаил. Отчуждение военных и исламистов не было полным и не сразу стало очевидным. Но оно нарастало, и в начале 1984 г. Зия-уль-Хак объявил о запрещении деятельности в университетских кампусах (общешитиях) всех студенческих организаций. Этим указом военный диктатор нанес удар по самой сильной к тому времени студенческой организации *Ислами джамиат тулаба* (ИДТ, Исламское общество студентов).

Создание ИДТ можно считать одним из наиболее успешных проектов партии Маудуди. В первые десятилетия существования Пакистана большим влиянием пользовались левые студенческие организации. Хотя коммунисты не успели укорениться в студенческой среде, общая обстановка в мире благоприятствовала прогрессивным, антиимпериалистическим настроениям. С середины 1960-х годов, после сближения Пакистана с КНР, на пакистанский книжный рынок начала свободно поступать марксистская и маоистская литература из Китая. Это увеличило привлекательность идей

Маркса, Ленина и Мао Цзэдуна для молодежи и вызвало озабоченность исламистов. До того в своей пропагандистской работе они делали акцент на неприятии колониализма, модернизма и империализма. В некоторых моментах их позиции совпадали с точкой зрения левых и леволиберальных кругов. Растущая популярность среди студентов и интеллектуалов идей социализма и коммунизма, главным образом китайского образца, заставили ДИ и ее молодежное крыло перенести акцент на критику социализма.

С 1960-х годов ИДТ начала активную борьбу с организациями левой и либеральной направленности за влияние на студенческие массы. Помимо агрессивной агитации, члены ИДТ нередко прибегали к изолированным и силовым методам борьбы и смогли повести за собой большинство студентов в крупнейших университетах²².

В первый период после прихода к власти Зия-уль-Хака военные полностью поддерживали ИДТ, но запрет на политическую деятельность вызвал недовольство среди студентов. Проводившаяся властями «исламизация сверху» также не во всем соответствовала их идеалам и ожиданиям. Отсюда — призывы студентов-исламистов покончить с военным положением, которые вызвали упомянутые выше ответные меры генерала-президента. Вместе с тем, полное размежевание с исламистами не отвечало интересам военного руководства. Происламские настроения служили опорой авторитаризма. Сигнал от ИДТ, как и некоторые другие факторы и обстоятельства, в частности, сопротивление общества прямой диктатуре и давление со стороны США, недовольных грубыми методами расправы с оппозицией, заставили Зия-уль-Хака встать на путь преобразования военного правления в военно-гражданское.

Параллельно с работой на студенческом фронте исламисты из ДИ вели агитацию среди рабочих и внутри профсоюзного движения. Особенно активно и успешно они стали действовать в конце 1970-х годов, на волне общего подъема происламских настроений. Под контроль ДИ перешли одно из наиболее мощных профсоюзных объединений — Национальная федерация труда, а также профсоюзы ведущих государственных предприятий и компаний, таких как Пакистанский металлургический комбинат, построенный с помощью СССР, Управление по водным ресурсам и энергетике, национализированные банки и т. д.²⁴.

Следует подчеркнуть, что к концу правления Зия-уль-Хака формы проявления социального протеста изменились. Массовые высту-

пления трудящихся по сути прекратились вследствие ослабления рабочих и профсоюзных организаций, крестьянских союзов. Либеральные студенческие организации и ассоциации прогрессивно настроенной интеллигенции, в частности, профессуры, врачей и адвокатов, уступили место лидерам общественного мнения консервативно настроенным кругам и мусульманским богословам (*улемам*).

Помимо внутривосточных причин, это объяснялось новой ситуацией в экономике. Косвенное участие Пакистана в войне афганских *муджахедов* (борцов за веру) против правительственных и советских войск в Афганистане помогло властям проводить либеральный внешнеторговый курс. Поток импортных товаров массового потребления вызвал кризис в ряде ведущих отраслей пакистанской обрабатывающей промышленности и замедлил темпы индустриального роста. Увеличение безработицы в городах подхлестнуло миграцию рабочей силы за рубеж. Туда уехали многие активисты и участники рабочего и профессионального движения. Относительно высокие заработки трудовых мигрантов позволили им переводить часть денег домой, где они вкладывались в хозяйство. Перевод средств из-за границы по частным каналам превратился в серьезный фактор не затрагивающих основ общества социальных перемен²⁵.

После гибели в авиакатастрофе военного диктатора Зия-уль-Хака в августе 1988 г. (ее причины не раскрыты до сего времени) началась новая фаза политической истории Пакистана, которую можно назвать периодом электоральной демократии. Он был прерван военным переворотом 1999 г., но чрезвычайный режим был нежестким и недолгим, завершившись парламентскими выборами 2002 г, за которыми последовали выборы 2008 и 2013 гг. Социальный протест в условиях парламентской республики трансформировался по большей части в партийно-политический и был направлен не против власти как таковой, но против злоупотреблений властью. Облекался он, как правило, в цвета ведущих оппозиционных партий и организаций, особенно обостряясь на этапе перед выборами и непосредственно после них. Протест при этом протекал уже не столько под позитивными лозунгами борьбы за расширение социальных гарантий, политических свобод и улучшение условий жизни, сколько под негативными, такими как борьба против нарушений личных и общественных прав и свобод, против коррупции, nepотизма и со-

циальной несправедливости, против разгула терроризма и способов борьбы с ним.

Этнический сепаратизм и религиозный партикуляризм

Массовый социальный протест на последнем историческом этапе проявил себя, кроме того, в усилении этнического (этноплеменного) сепаратизма и религиозного партикуляризма. Сепаратистские тенденции появились по сути одновременно с образованием государства. Наиболее серьезными были попытки правителей белуджского княжества Калат, возглавлявших конфедерацию более мелких княжеств и союзов племен, не признать законность вхождения в Пакистан исторической области Белуджистан²⁶. Кроме того, в пограничной с Афганистаном полосе пуштунских племен сторонники харизматического муллы, известного под именем Факира из Ипи, провозгласили создание Свободного Пуштунистана и получили поддержку со стороны Кабула²⁷. Вслед за первыми неудачными попытками отделиться последовали другие. Наиболее серьезный размах белуджский сепаратизм приобрел в середине 1970-х годов. Против центрального правительства во главе с З.А. Бхутто выступили недавние его союзники из Национальной народной партии и религиозной Джамиат-е улама-е ислам. Они возглавляли в 1972–73 гг. администрацию в Белуджистане и Северо-Западной Пограничной провинции. Лидерами ННП были представители белуджской племенной знати, и после их ареста ряд племен (марри, менгал и др.) оказали сопротивление введенной в провинцию армии. Боевые действия велись в 1974–77 гг. и привели, по оценкам, к гибели тыс. человек²⁸. Замирение наступило после смены власти в Исламабаде и продолжалось до 2003 г. Новый конфликт между племенем бугти и центральным правительством был вызван спором по поводу ренты от добычи природного газа на крупнейшем в стране месторождении природного газа в местечке Суи, находящемся на территории племени. Горячая фаза противостояния пришлась на 2005–2006 гг. и закончилась гибелью предводителя бугти Акбара Хана, который, между прочим, был видным государственным и политическим деятелем общепакистанского масштаба.

Нужно подчеркнуть, что вооруженные стычки и боестолкновения были лишь верхушкой айсберга белуджского сепаратизма. Его подводная часть отличается амбивалентностью. Носителями сепаратизма

ратизма, с одной стороны, являются консервативно настроенные вожди и старейшины наиболее крупных и изолированных племенных групп, а с другой, представители среднего городского класса, выходцы из торговых, ремесленных и предпринимательских слоев, студенты и люди свободных профессий. По ряду свидетельств, после 2006 г. оппозиционные настроения все более охватывают города провинции и сдвигаются из глубинных районов в сторону Макранского побережья²⁹.

Вплоть до начала нынешнего века белуджский сепаратизм идеологически носил светский и лево-демократический характер. Однако в последние десятилетия движение сдвинулось вправо, ближе к радикально-религиозным течениям. Видное место среди белуджских оппозиционных организаций заняла *Джундалла* (Армия Аллаха), законспирированная боевая группа воинствующих суннитов. «Мозговой трест» организации, по предположениям, находится в Карачи, где давно сложилась белуджская диаспора. Круг противников Джундаллы включает руководство Пакистана и Ирана, где проживает часть белуджей. Деятельность группы, таким образом, вписывается в разгоревшееся с 1980-х годов в Пакистане пламя кровавой суннито-шиитской вражды³⁰.

Схожие метаморфозы претерпел пуштунский сепаратизм. Долгое время идеологически он был представлен лево-либеральными, светскими силами.

«Отец-основатель» современного национализма пуштунов Пакистана, а отчасти и Афганистана, Гаффар Хан был близок по идейным установкам к Махатме Ганди с его призывами к ненасилию и достижению политических целей мирными массовыми действиями. На этих принципах строилась деятельность Национальной народной партии, которую в 1960–80-х годах возглавлял сын Гаффара Вали Хан, а позднее внук Асфандияр Хан. Светские силы среди политически активных пуштунов в конце XX в. оказались потеснены исламистами, известными сначала как муджахеды, а с середины 1990-х годов как *талибы* (ищущие подлинного знания). Борьба между различными группами исламистов в Афганистане перекинулась после 2001 г. (вторжения американско-натовских войск и разгрома талибского режима) на Пакистан и привела к возникновению там, главным образом в горных районах расселения племен, местных талибских организаций³¹. Их можно рассматривать как этноплеменные и подспудно националистические, хотя они часто

заявляют о своей идейно-политической близости к исламистам ханафитского толка и руководствуются целями борьбы против всей системы современных государств и международного порядка.

Наряду с исламизацией этнического национализма в Пакистане последних десятилетий наблюдался подъем религиозного максимализма и партикуляризма. Политика исламизации при Зия-уль-Хаке вызвала раскол между большинством мусульман, состоящим из суннитов преобладающей в стране ханафитской школы юриспруденции, и шиитским меньшинством. Поскольку проводилась она по суннито-ханафитским канонам. Массовые демонстрации шиитов охватили столицу Исламабад и другие крупные города в 1980 г. Они убедили власть удовлетворить основные требования протестующих, предоставив шиитским организациям право устанавливать свои правила проведения исламизации. Однако радикально настроенные представители двух основных направлений в исламе сплотились в боевые организации и развязали братоубийственную войну. Пик кровавых суннитошиитских разборок пришелся на вторую половину 1990-х годов. Ответом на террористические акты нередко служили массовые акции протеста против бессилия властей. Так, в начале 1998 г. центральные улицы Лахора в течение трех дней удерживались толпой охваченных гневом людей после массового расстрела на шиитском кладбище. Паралич временами охватывал целые кварталы Карачи и других городов³².

В первые десятилетия нынешнего века властям удалось несколько ослабить остроту суннито-шиитских столкновений в главном их центре, провинции Панджаб. Вслед за общим ухудшением ситуации с безопасностью на западных и северо-западных окраинах там участились теракты, направленные против шиитов-хазарейцев, переселенцев из Афганистана. Достаточно многочисленная их колония разместилась в главном городе Белуджистана, Кветте. Нападения боевиков из суннитских организаций на хазарейцев неизменно вызывали массовые акции протеста в Карачи, Исламабаде, других крупных городах. Их проведение осуществляли, помимо шиитских, правозащитные организации, обвиняющие власть в неспособности обеспечить безопасность своих граждан³³.

Массовые протесты вызывают в современном Пакистане и акты террора, вызванные борьбой за влияние между *улемами* (богословами), принадлежащими к соперничающим направлениям в суннизме — школам *деобанди* и *барелви*. Партикуляристские процессы в

исламе сопровождалась возникновением многочисленных групп и организаций, состоящих из видных улемов и их последователей. Одна из них, *Минхадж-уль-ислам*, организовала массовые мирные манифестации с политическими лозунгами в начале 2013 г. и вновь активизировалась в июле-сентябре 2014 г. Ее лидер, богослов Т. уль-Кадри, объединил усилия с популярным в стране политиком новой волны, бывшим спортсменом Имраном Ханом. Действуя совместно, партия И. Хана *Техрик-е инсаф* (Движение за справедливость) и организация уль-Кадри, впоследствии преобразованная в партию *Пакистан авами техрик* (Пакистанское народное движение) сумели мирными средствами парализовать жизнь в столице страны и вынудили правительство пойти на частичное выполнение их требований. Характерно, таким образом, что организованный социальный протест имел в данном случае выраженную религиозную форму, не носившую радикальный, воинствующий характер. Из социального на первых порах он трансформировался в социальнополитический с заметной исламской подоплёкой.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что рассмотрение ряда основных форм и явлений социального протеста в Пакистане подтвердило выдвинутую во введении к статье гипотезу о кардинальных переменных, которые претерпело это явление за почти 70 лет существования страны. На первом этапе, вплоть до 1970-х годов, протестные настроения в обществе вызывались несогласием с политикой властей в социально-экономической и внешнеполитической областях. Неприятие формировалось под влиянием левой, марксистской и маоистской идеологии, причем до рубежа 1950–60-х годов, положительным примером служил главным образом СССР, а позднее — по-прежнему КНР. Заметную роль в жизни тогдашнего пакистанского общества играли классовые организации. Это были, прежде всего, профессиональные союзы рабочих и служащих отдельных крупных предприятий, целых отраслей, а также профобъединения, находившиеся под влиянием различных партий. Массовые акции проводились ими в основном под экономическими лозунгами. Помимо рабочих, действовали крестьянские союзы, выступавшие со своими призывами и требованиями. Видную роль играли студенческие ассоциации и группы прогрессивно настроенной интеллигенции.

На втором этапе, продолжающемся поныне, социальный протест формируется под влиянием иных внутренних и внешних факторов. Угасание социалистических идей породило кризис рабоче-крестьянского движения, левых студенческих организаций и интеллигентских кружков. На передний план вышли ретроградное мировоззрение и архаические идеалы. Под влиянием изменений в главной оси мирового противостояния оппозиционные настроения формируются на этом этапе силами справа от центра. Они опираются на моральную и материальную поддержку региональных держав исламского пояса.

В пакистанском обществе на нынешнем этапе заметен налет усталости и подавленности, того, что социальные психологи называют фрустрацией. Она вызвана беспрецедентным масштабом актов терроризма и насилия. Более всего ими охвачены пакистано-афганское приграничье (пуштуно-белуджские ареалы) и мегаполис страны — многомиллионный Карачи. По числу жертв среди мирного населения Пакистан в период после 2001 г. превзошел Афганистан и находится на одном из первых мест в мире. Это вызывает протесты гражданского общества, сформированного во многом заново, под влиянием западных правозащитных организаций и движений. Идеенополитическая борьба в среде пакистанской общественности строится ныне вокруг конфликта между ценностями радикального исламизма, умеренного ислама и либерализма. Государство, управляемое гражданским правительством, пришедшим к власти по итогам парламентских выборов 2013 г., пытается опереться на синтез исламских и либеральных идей, проводя в целом прозападную внешнюю политику, но с оглядкой на особые узы, связывающие его с Саудовской Аравией и Китаем. Представляется, что протестные настроения в обозримой перспективе вряд ли смогут распатать сложившийся в Пакистане порядок вещей. Опасность ему может грозить лишь при изменении внешней геополитической среды, региональной, либо глобальной.

Примечания

¹ См.: *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М., ИВ РАН, Крафт+, 2008, гл. 2.

² Энциклопедия Пакистана / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Фонда-мента пресс, 1998, с. 249.

³ *Iqtidar H. Secularizing Islamists? Jama'at-e-Islami and Jama'at-ud-dawa in Urban Pakistan.* Chicago, Chicago University Press, 2011, p. 64–65.

⁴ Пакистан: справочник / Отв.ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1966, с. 178–189.

⁵ СССР и Пакистан / Отв. ред. И.В. Халевинский. М.: Наука, 1984, с. 24–25.

⁶ *Васильева Л.А.* Фаиз Ахмад Фаиз. Жизнь и творчество. М.: ИВ РАН, 2002, с. 196–201.

⁷ Энциклопедия Пакистана, с. 249.

⁸ Пакистана. Справочник, с. 181–189.

⁹ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана. М.: Восточная литература, 1961, с. 207–208. *Sayyed K.B. Politics in Pakistan. The Nature and Direction of Change.* N. Y., 1980, p. 37–38.

¹⁰ Нужно отметить распространенность обозначения «прогрессивный» для леводемократических идейных течений. Так с 1947 г. в Пакистане существовала Ассоциация прогрессивных (на урду — *тараккипанд*) писателей. В 1954 г. она была запрещена, но как направление в литературном процессе и общественно-политической мысли «прогрессивизм» сохранял серьезное значение вплоть до 1980-х годов — Энциклопедия Пакистана, с. 493–494.

¹¹ *Feldman H. From Crisis to Crisis. Pakistan 1962–1969.* Karachi: Oxford University Press, 1972, p. 264–265.

¹² З.А. Бхутто помнил, с каким трудом ему удалось сохранить лицо своей партии, когда в небольшом панджабском городке Тобатексингхе с большим успехом в марте 1970 г. прошла общепакистанская Крестьянская (кисан) конференция созданная не его партией, а лишь при ее запоздалом участии, см.: *Iqtidar H. Secularizing Islamists?* p. 80–83.

¹³ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана, с. 250, 252.

¹⁴ Автору статьи довелось наблюдать демонстрацию активистов ПНП и представителей других партийных и профсоюзных организаций на главной улице Лахора, столицы Панджаба, 1 мая 1975 г. Запомнилось, что на проезжавших по ней открытых грузовиках плотными рядами стояли манифестанты рабочего вида с красными транспарантами и красно-зелено-белыми флагами ПНП в руках.

¹⁵ Об этой стороне политики ПНП писали многие, в числе недавних упоминаний см: *Iqtidar H. Secularizing Islamists?* p. 92–93.

¹⁶ Пакистан. Справочник / Отв.ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1991, с. 111.

¹⁷ Цит. по: *Iqtidar H. Secularizing Islamists?* p. 180, fn. 89.

¹⁸ *Hussain Z.* A Division of Labour // Herald, Karachi, August 1986, vol. 8, p. 81–85. Положение на многих предприятиях фактически ухудшилось в середине 1980-х годов. Власти, опасавшиеся до определенного времени организованных выступлений рабочих, все более активно поддерживали хозяев предприятий в их спорах с трудовыми коллективами. Это позволило предпринимателям расправиться со многими строптивыми профсоюзами, заменив их на другие, карманные, либо вовсе лишить работников коллективной защиты — IAR. Thrice cursed // Herald, November 1986, p. 81–82.

¹⁹ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана, с. 322.

²⁰ *Iqtidar H.* Secularizing Islamists? pp. 42,66,84.

²¹ *Ibid.*, p. 73–74.

²² Подр. см.: *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана, с. 323–336.

²³ *Ibid.*, p. 88.

²⁴ Подр. см: *Hasan A.* The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-economic change in Pakistan. Karachi, Oxford University Press, 2009; *Hasan A., Ali M.* Migration and Small Towns in Pakistan. Karachi, Oxford University Press, 2011.

²⁵ *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М.: Наука, 1967, с. 195–197.

²⁶ См: *Райков А.В.* Факир из Ипи — борец за свободу Вазиристана // Восток, 1995, № 3, с. 90–91.

²⁷ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. L.,1998, p.226; *Talbot I.* Pakistan. A New History. Karachi, Oxford University Press, 2012, p. 100.

²⁸ *Grare F.* Balochistan. The State Versus the Nation. The Carnegie Papers. South Asia. April 2013, p. 8–10.

²⁹ *Khalil T.* Talibanisation rising in Balochistan // The News, Nov. 11, 2012. From Web Edition.

³⁰ Об этом см: *Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2014, гл. 5.

³¹ *Белокреницкий В.Я.* Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане // Конфликты на Востоке этнические и конфессиональные / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект пресс, 2008, с. 342.

³² В феврале 2013 г. автору довелось быть свидетелем массовой акции протеста, охватившей Карачи после получения сообщений об убийстве в Кветте группы хазарейцев. Контраст между увиденным в Лахоре в 1975 г. (см. сноску 15) и тем, что наблюдалось на улицах Карачи спустя почти 40 лет был велик. В Лахоре господствовало праздничное, хотя и несколько настроенное настроение, а в Карачи — раздраженное и озлобленное.

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ПАКИСТАНЕ*

Характер власти в Исламской Республике Пакистан представляется весьма типичным для восточных, азиатских стран. Его отличает авторитарный стиль управления, доминирование государства над обществом, приоритет государственных, так называемых национальных, интересов при проведении внутренней и внешней политики. Видную или ведущую роль играют силовые и правоохранительные структуры, созданные, как правило, при участии вооруженных сил. При базовой типичности у Пакистана есть своеобразные, особые черты. Их краткому анализу в исторической динамике посвящена первая часть данной статьи. Во втором ее разделе делается попытка рассмотреть типологию и динамику политического насилия в стране, а в заключении оценены перспективы государства при нарастающем буме насилия.

Формирование и структура государственной власти

Авторитарная структура власти сложилась под влиянием наследия колониальных порядков и фактора внешней угрозы со стороны Индии. «Отец-основатель» государства М.А. Джинна занял в августе 1947 г. пост первого генерал-губернатора доминиона и возглавил режим бюрократического правления с элементами представительной демократии. Законодательную ветвь власти представляло Учредительное собрание, депутаты которого победили на выборах в центральные и провинциальные учредительные собрания в 1945–1946 гг. Заново, с использованием доставшихся Пакистану колониальных учреждений, создавался канцелярский аппарат, судебные органы и вооруженные силы. Уже через несколько месяцев

* Власть и насилие в незападных обществах. Проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения. М.: Московский государственный образовательный комплекс, 2016, с. 471–482.

после провозглашения независимости 14 августа 1947 г. военные силы страны, находившиеся еще под командованием британских военачальников, вступили в бой с индийскими войсками на территории самого северного, обширного, хотя и малозаселенного, княжества Джамму и Кашмир. Война между Пакистаном и Индией за Кашмир длилась до конца 1948 г. и закончилась временным перемирием с разделом княжества на индийскую и пакистанскую.

Неудовлетворенность Пакистана решением кашмирского вопроса, вызвавшая, в дополнение к ряду других причин, глубокую враждебность по отношению к Индии заставила управляющую страной бюрократию обратить особое внимание на подготовку и боеспособность вооруженных сил. В начале 1950 г. во главе армии встал пакистанец, генерал М. Айюб Хан, будущий первый военный правитель страны. С опорой на США, ему удалось серьезно укрепить сухопутные силы, вооружив их передовым для того времени оружием. Между тем, гражданская власть, после смерти в сентябре 1948 г. М.А. Джинны, вступила в полосу кризиса. Учредительное собрание первого состава не смогло выработать конституцию. Генерал-губернаторы продолжали занимать центральные позиции в системе власти, проявляя склонность к персоналистскому (персонифицированному) авторитаризму¹.

Положение не улучшилось и после принятия первой конституции, в которой президенту страны, в отличие от конституции Индии, принятой в 1950 г., отводилась не церемониальная в основном, а вполне значимая политическая роль. Правительственная чехарда и общая нестабильность в стране, разделенной на две удаленные друг от друга на 1500 км территории, подтолкнули бюрократию к введению прямого президентского правления. Этим воспользовалась армия. Ее главнокомандующий низложил гражданского президента и управлял страной в течение 11 лет, с 1958 по 1969 гг. При этом в Пакистане была введена система косвенной демократии. Всеобщим и тайным путем избирались местные органы власти, советы разных уровней, получившие название «основы демократии». Голосами выборщиков Айюб Хан, уже в звании фельдмаршала, дважды избирался президентом. Они же избрали парламент в 1962 и 1965 гг. Начавшиеся в конце 1968 г. массовые протестные выступления привели к отмене конституции 1962 г. и введению нового военного положения во главе с генералом А.М. Яхья Ханом.

Таким образом, пакистанская система власти, изначально авторитарная, рано приобрела черты военной диктатуры, что не явля-

лось большой редкостью для постколониального мира двух первых послевоенных десятилетий. «Третья волна демократизации», начавшаяся по С. Хантингтону в 1974 г.², обнаружила себя в Пакистане на два года раньше. После поражения в войне с Индией в декабре 1971 г. и потери, вследствие этого, своей восточной территории, Пакистан вернулся к гражданской форме правления. Причем сделано это было по инициативе военных, которые сочли за благо «уйти в бараки», то есть, отстраниться от непосредственного контроля за политической жизнью. Новым лидером страны стал З.А. Бхутто, государственный деятель и политик, обладавший яркой харизмой. Хотя при нем, в 1973 г., парламент, избранный на первых всеобщих выборах осени 1970 г., принял конституцию парламентского образца, Бхутто, по некоторым сведениям, планировал ее замену на президентскую в случае победы на выборах 1977 г.³

Однако одержанная им на выборах победа обернулась поражением из-за протестов оппозиции по поводу массовых подтасовок. Межпартийный кризис спровоцировал военный переворот генерала М. Зия-уль-Хака, установившего в стране через несколько лет подлинную диктатуру с отменой выборов, роспуском партий и запретом на политическую деятельность. Способом легитимизации диктатуры стала агрессивно проводимая «сверху» кампания по исламизации всех сторон общественно-политической деятельности, судебной и финансовой систем⁴. В период 11-летнего правления генерала-исламиста, с 1977 по 1988 гг., авторитарный режим приобрел военно-репрессивный и религиозноморализаторский характер.

После гибели Зия-уль-Хака в авиакатастрофе в августе 1988 г. военные вновь отдали власть гражданской бюрократии. На выборах осени того года победила основанная З.А. Бхутто Пакистанская народная партия (сам он был казнен в 1979 г. по недоказанному обвинению). Однако ни его дочь, Б. Бхутто, дважды занимавшая в 1990-х годах пост премьер-министра, ни ее соперник, глава Пакистанской мусульманской лиги Н. Шариф, тоже дважды становившийся премьером, не смогли устранить влияние военных на политический процесс. Выявилося при этом, что не только военные, но и гражданские правительства, опирающиеся на поддержку парламента, стремились к устранению любых препятствий на пути к обладанию всей полнотой властных полномочий.

Разыгравшийся на этой почве конфликт между премьером Н. Шарифом и верхушкой военных привел в 1999 г. к четвертому перевороту. Главой военного режима на этот раз стал генерал

П. Мушарраф. Три года его прямого правления сменились переходом после выборов 2002 г. к военнопарламентскому (военно-гражданскому) режиму, однако авторитарная суть власти от этого в принципе не изменилась.

Впрочем, на современном этапе наблюдаются некоторые перемены в композиции господствующих социально-профессиональных групп (корпораций). Вооруженные силы, прежде всего, главный их вид, сухопутные войска (армия) в лице высшего офицерства (генералитета) с начала 1950-х годов пользовались особым, привилегированным положением. Как священную корову у индусов, офицеров нельзя было задевать, у них были свои военные суды, школы, система вознаграждения и выхода на пенсию. Гражданские служащие, чиновники сопоставимого ранга, завидовали военным, но мирились с их кастовой исключительностью. Неудачный шаг генерала-президента Мушаррафа в марте 2007 г. чуть не поставил под сомнение сложившийся порядок. Он неожиданно и необоснованно отправил в отставку главного судью страны (председателя Верховного суда) М.И. Чаудхри, что вызвало бурю протестов со стороны судейско-адвокатской корпорации. Массовые выступления представителей среднего образованного класса показали, что привилегированное положение военных вызывает отторжение в обществе. Мушарраф был вынужден отступить, и восстановил судью в должности. Но в ноябре того же года ввел чрезвычайное положение и заменил высшие судебные органы, чтобы быть утвержденным в должности президента на новый срок. Утвердившись в ней, Мушарраф одержал пиррову победу. В конце ноября он счел за благо отменить чрезвычайное положение и уступил высший военный пост, а в августе 2008 г. отказался и от президентской власти. Его возвращение в страну из добровольной ссылки в 2013 г. в разгар второй после отмены чрезвычайного положения предвыборной кампании привела его не в парламентское кресло, а на скамью подсудимых. Процесс над ним ознаменовал потерю военными статуса неприкосновенности и появление новой влиятельной профессиональной корпорации, объединяющей судей и адвокатов.

Все же, несмотря на постоянные попытки отстранить военных от власти, гражданским корпорациям это до сих пор не удается. В известной мере «пожертвовав» Мушаррафом, генералитет и после 2008 г. сохранил привилегированный статус и важнейшие общественно-политические полномочия. В этом ему помогают сохра-

няющиеся угрозы безопасности (отчасти раздуваемые им самим) со стороны внутренних и внешних врагов и недоброжелателей.

Из внутренних угроз, после свержения режима талибов в соседнем Афганистане в 2001 г., на первое место вышла беспокойная обстановка на северо-западе страны, подъем воинствующего исламизма, претензии на власть в отдельных районах со стороны местных пакистанских талибов и других боевиков-экстремистов.

Главной внешней угрозой в Пакистане продолжают считать Индию. Вооруженные силы осуществляют непосредственный контроль над ядерным оружием, по арсеналу которого Пакистан, по ряду сведений, за последнее время опередил Индию, и обезвреживают с помощью военной контрразведки вражеских агентов, проникающих через Афганистан в чувствительные районы Пакистана, прежде всего, в провинции Белуджистан и Синд.

Нынешний кабинет министров, сформированный по итогам выборов в мае 2013 г., объективно имеет более сильные позиции, чем предыдущий. В отличие от коалиционного правительства во главе с представителями Пакистанской народной партии (лидер ПНП Б. Бхутто погибла в результате теракта в самом конце 2007 г., а ее овдовевший муж, А.А. Зардари, возглавил партию и занимал пост президента страны с 2008 по 2013 гг.), новый кабинет — однопартийный, опирается на большинство из Пакистанской мусульманской лиги. Лидер партии Н. Шариф надеялся, очевидно, на утверждение своей единоличной власти. Однако политический кризис, срежессированный, очевидно, при поддержке генералитета летом–осенью 2015 г. способствовал сохранению прежней конфигурации власти. Армия, условно говоря, сохраняет «контрольный пакет», заставляя некоторых аналитиков с сарказмом заявлять, что у государств обычно есть армия, а в Пакистане у армии есть государство.

Типология и динамика политического насилия

История политического насилия в Пакистане началась, можно сказать, с момента его создания. Трудно даже перечислить все эпизоды насильственной борьбы оппозиционных сил против государства и применения им весьма жестких контрмер. Достаточно назвать только кампании против сепаратистских сил в Белуджистане в 1948, 1958–59, 1963–64 и 1974–77 гг., меры по пресечению оппозиционных выступлений студентов в конце 1960-х гг., попытки силой подавить сепаратизм в Восточном Пакистане в начале следующего десятилетия и обезвредить синдское, по преимуществу, Движение

за восстановление демократии в 1983–1984 гг. Не проводя в рамках статьи сколько-нибудь полного анализа антиправительственных выступлений и репрессий властей на протяжении всей пакистанской истории, попытаемся осветить типологию и масштабы политического насилия на близком к нашему времени периоду.

Недавно проведенное совместно американскими и пакистанскими политологами исследование типов и тенденций политического насилия в Пакистане в 1988–2010 гг. базируется на уникальном материале — обработке сообщений о случаях насилия, появившихся на страницах ведущей ежедневной газеты «Доон» (Карачи) за весь период наблюдения⁵.

Количественный анализ позволил сделать некоторые интересные выводы, не отменяющие, разумеется, необходимость в содержательной качественной оценке. Авторами были выявлены следующие типы насилия:

- терроризм (политически мотивированный акт насилия против невоенных целей, совершенные подрывными, тайными группами или агентами);
- стычка между группами, не имеющими отношение к государству;
- политическая демонстрация людей, отмеченная актами насилия;
- политическое убийство или покушение на убийство;
- убийство, совершенное с помощью беспилотных летательных аппаратов (дронов);
- нападения на военные, полицейские, полувоенные и разведывательные структуры;
- действия военных частей, полувоенных формирований и полицейских против вооруженного противника;
- расправа правительственных сил с гражданскими лицами (задержание, избивание, пытка);
- угроза расправы с политическими противниками.

Представленная типология позволяет выделить три кластера насилия — против государства (терроризм и атаки боевиков), государства против его противников и межгрупповое, нейтральное с точки зрения прямого вовлечения государства в конфликт (убийства и мятежи или демонстрации). Категория «убийства» включает случаи насилия различного рода, в том числе инициированные как государством, так и антигосударственными силами, хотя в наиболь-

шей мере она относится к межгрупповому (субгосударственному) соперничеству.

Весь период наблюдения авторы подразделяют (на основе кропотливого анализа первичных данных) на два периода, водоразделом между которыми служит 2005 г. Интенсивность насилия на первом этапе (1988–2005) оказалась в несколько раз ниже, чем на втором (2005–2010). Причем в более экономически и социально развитых провинциях Панджаб и Синд скачок в масштабах насилия не был столь заметен, сколь в менее развитых окраинных — Белуджистане, Северо-Западной Пограничной провинции (с 2010 г. — провинции Хайбер-Пахтунхва) и на Территории племен (пуштунских) федерального управления (ТПФУ).

Пик насилия в Панджабе пришелся на конец 1990-х годов и был связан в основном с межсектантскими (суннитско-шиитскими) столкновениями. В Синде, где главной зоной насилия был крупнейший многомиллионный пакистанский город-порт Карачи, отмечено плавное нарастание разнохарактерного насилия с пиками в начале и середине 1990-х годов и ближе к 2010 г. В Белуджистане относительно спокойная обстановка стала ухудшаться в 2002–03 гг., и насилие затем круто возросло, вследствие действий пакистанской армии по подавлению антиправительственных выступлений белуджского племени бугти на северо-востоке провинции. Пуштунская Северо-Западная Пограничная провинция в 1988–2005 гг. оставалась самым спокойным среди выделяемых в исследовании пяти регионов.

Повторим, что за последующие пять лет число жертв политического насилия резко увеличилось, особенно в ТПФУ, СЗПП и Синде. В Белуджистане оно тоже продолжало расти, но после усмирения бугти, приобрело более размеренный и территориально размытый характер. В Панджабе насилие несколько уменьшилось, дав «свечку» только в 2010 г.

Всего же, за 22-летний период в Пакистане погибло по политическим причинам 44 тыс. человек и 60 тыс. были ранены, что дает в среднем в год 2 тыс. погибших и почти 4 тыс. пострадавших. Более всего погибло людей в самой малонаселенной Территории племен федерального управления (проживало 3,2 млн человек из 134,6 млн по всем выделенным регионам, согласно переписи населения 1998 г.). Там в 2005–2010 гг. развернулась настоящая война, число погибших в среднем в год достигло 100 на 100 000, то есть, умирал от насилия один человек из тысячи (увеличение в 20 раз по

сравнению с рекордным и без того уровнем 1988–2004 гг.). В Синде, Панджабе и СЗПП погибло за 22 года примерно одинаковое число людей (7,5–9,5 тыс.) При этом ситуация в Панджабе, крупнейшей по населению провинции (75,4 млн чел.), была наиболее, а в Синде — наименее благоприятной. В главном городе Синда, Карачи, наибольшим было количество жертв заказных убийств и стычек между бандами, как политическими, так и политико-криминальными.

В целом же по стране за весь период наблюдения (авторы, к сожалению, не приводят данные отдельно за 2005–2010 гг.) жертвами актов терроризма и нападений боевиков стали 32% об общего числа погибших, от контртеррористических мер и других силовых акций государства погибло 27%, между тем, как причиной большинства смертей (41%) стало общественное (субгосударственное) насилие.

Поскольку в полной мере сопоставимых данных за последующие годы нет, можно сделать лишь некоторые приблизительные выводы о дальнейшем развитии ситуации. Так, по сведениям авторитетного индийского портала, между маем 2010 и апрелем 2011 г. в результате терактов погибли 2178 гражданских лиц и 493 военнослужащих контртеррористических сил. Потери среди боевиков-террористов оценены в 4200 человек. За последующий период до апреля 2013 г. жертвами стали почти 6 тыс. мирных жителей, около 2 тыс. служащих в армии и полувоенных подразделениях и полиции, и 5,5 тыс. боевиков. Общее число жертв за три года превысило 20 тыс. человек⁶. Таким образом, интенсивность политического насилия продолжала возрастать. Если сравнивать эти данные с вышеприведенными за 1988–2010 гг., то она возросла более чем втрое, с 2 до почти 7 тыс. человек в среднем в год.

После проведения выборов в мае 2013 г. степень насилия, по-видимому, несколько уменьшилась. Новое правительство страны во главе с Н. Шарифом объявило о мерах борьбы с беззаконием и массовым насилием. Осенью оно начало широковещательную кампанию по наведению порядка в Карачи с помощью полувоенных формирований. Однако о реальной эффективности этой кампании судить трудно, поскольку победные реляции не подтверждаются из независимых источников. Карачи давно превратился в клубок трудно разрешимых противоречий, коренящихся в интересах законного и незаконного бизнеса, межэтнической и межконфессиональной брутальной политической схватке. Такой же по существу

представляется и ситуация в исходящем от Карачи «полумесяце», охватывающем Белуджистан, ТПФУ и провинцию Хайбер-Пахтунхва. С июня 2014 г. пакистанская армия развернула в ТПФУ (главным образом в агентстве Северный Вазиристан) крупную антитеррористическую операцию, что вызвало громкий ответный выпад со стороны террористов, напавших в декабре на школу для детей военнослужащих в главном городе Хайбер-Пахтунхва Пешаваре и убивших более 140 учащихся.

Заключение

Попробуем в завершении соединить оба рассмотренных в статье сюжета, а именно, характер и структуру власти и проявления политического насилия. Очевидно, что авторитарная природа пакистанского государства находит прямое отражение в государственном насилии. Более того, масштабы такого насилия имеют тенденцию к заметному и ускоряющемуся разрастанию. Если в первые десятилетия существования страны насильственные действия охватывали в основном верхний ярус политики и наблюдались в форме мятежей представителей элиты (полунезависимых князей, других «феодалов») против центральной власти, то в дальнейшем насилие опустилось с верхнего яруса на средний и нижний, что придало процессу массовый характер. Переломным моментом стал военный переворот генерала Зия-уль-Хака в 1977 г., развязанная армией кампания исламизации и участие Пакистана в войне под исламскими лозунгами против властей в соседнем Афганистане. Цепь этих событий привела к притоку оружия в страну, сначала автоматического стрелкового, а затем и более совершенного, в частности, переносных ракет («Стингеров»), и расширению поля его применения, как санкционированного государством, так и направленного против него. Угрозы личной и общественной безопасности превратились в аргумент в пользу усиления роли армии в политике. Иначе говоря, государство во многом способствовало росту политического насилия, а то в свою очередь обеспечивает оправдание для укрепления «силовой компоненты» и ключевой роли военных.

Наряду с сильными сторонами у пакистанского государства есть и слабые. Об этом говорят уже сами масштабы политического насилия, происходящего в значительной степени вне зоны прямого контроля и влияния государственных институтов. Как следствие все последние годы отсутствует безопасность в ряде крупнейших городов страны, прежде всего в Карачи. Другим ареалом нестабиль-

ности все в большей степени становятся пуштуно-белуджские окраины. Помимо талибов, как афганских, так и местных, пакистанских, помимо *Аль-Каиды* и ее союзников, туда с 2014 г. протягивает свои щупальцы новая сила мирового устрашения — Исламское государство с опорной базой в Ираке и Сирии. Сильное своей военной мощью пакистанское государство может со временем оказаться слабым, особенно в зоне пакистано-афганского приграничья. А такого рода слабость способна повлечь за собой череду трудно прогнозируемых, но, скорее всего, крайне неблагоприятных последствий для внутристраной и региональной ситуации.

Примечания

¹ *Белокреницкий В.Я.* Персоналистский авторитаризм в Пакистане. К вопросу о политической культуре и режиме власти в восточном варианте // *Полития*, 2005. № 2, с. 200.

² Категории политической науки. Учебник. М., 2012, с. 405.

³ *Wolpert S. Zulfi Bhutto. His Life and Times.* N.Y.: Oxford, 1993, p. 279]

⁴ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008, с. 294–322.

⁵ Political Violence in Pakistan 1988–2010. International Growth Centre. Working Paper by J.N. Shapiro, C.C. Fair, R.B. Rais. 2012 URL: www.igc.com.

⁶ *Haider M.* Osama bin Laden: More fatal in death//www.dawn.com/2013/05/01

ИСЛАМИСТСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В ПАКИСТАНЕ: ФАКТОРЫ, ЭТАПЫ, ЦИКЛЫ*

Зарождение радикального исламизма

Радикальные тенденции были присущи исламу как комплексу общественно-политических воззрений задолго до нашего времени. Их существование в Индостане в более близкий к нам колониальный период коренилось в трениях между мусульманами и немусульманами, проживающими по соседству и взаимодействующими на бытовом уровне. Политизация социальных проблем приводила нередко к стихийным, неорганизованным столкновениям и давала повод для конфликтов более высокого ранга, вовлекавших в свою орбиту политические силы коммуналистской направленности. Сами эти силы могли провоцировать конфликты, перераставшие из бытовых, затрагивающих жизнь рядовых людей, в политические и придавать им острую идеологическую окраску.

В колониальное время к местным, локальным факторам радикализации добавились внешние, связанные с отторжением европейской власти и попыток навязывания ею христианских ценностей, как косвенным путем, так и прямым, поощрением миссионерского прозелитизма. В начале XX в. в арабском мире возник панисламизм, как общественно-политическое течение, настроенное на идейную борьбу с доминированием неисламского Запада, куда в ту эпоху включалась и Россия. Он оказал заметное влияние и на Индию, где имели место ранние проявления исламистской радикализации, с которыми британские колониальные власти вели упорную борьбу.

* Азия и Африка сегодня / Гл. ред. А.М. Васильев. 2016, № 5, с. 13–19.

После раздела колониальной Индии в 1947 г. и образования двух независимых государств — Индии (Индийского союза) и Пакистана — межобщинная (индусско-мусульманская) вражда стала сильнее ощущаться в Индии, где более 10% жителей исповедовали ислам, в то время как в Пакистане (в современных границах) к немусульманам относилось менее 3% населения. Впрочем, до 1971 г. Пакистан состоял из двух территориальных кусков, удаленных друг от друга на 1,5 тыс. км. В восточном «крыле» доля индуистов приближалась поначалу к 20%. Синкретический, пропитанный влиянием индуизма (тантризма) и буддизма, характер сложившейся там исламизированной культуры на фоне языковой, бенгальской, однородности не создавал благодатной почвы для исламистской радикализации.

Религиозный экстремизм в Пакистане подпитывался на первых порах в основном внешними обстоятельствами. Главным был спор с Индией по поводу принадлежности бывшего полусамостоятельного княжества Джамму и Кашмир. Ограниченная территорией княжества война между двумя соседями, растянувшаяся почти на полтора года (с сентября 1947 до декабря 1948 г.) завершилась разделом на меньшую, пакистанскую, и в три раза большую по населению индийскую части. В рамках Индийской Федерации возник единственный штат, Джамму и Кашмир, с мусульманским большинством.

Хотя в период, можно сказать, внутриутробного развития феномена радикального исламизма в Пакистане основными для него были антииндийские (региональные) и антизападные (глобальные) идеи, к ним быстро добавились и внутримусульманские фобии. Главным раздражителем в этом плане послужила община последователей неортодоксального религиозного проповедника конца XIX — начала XX вв. Ахмада Кадияни, известного оправданием колониального режима¹. Часть последователей его учения переехала после 1947 г. из индийской части Пенджаба в пакистанскую и расположилась в крупнейшем пенджабском городе Лахор. Первые волнения на антиахмадийской почве произошли в 1953 г. Их инициировали сторонники «очищения ислама» из двух организаций — *Джамаат-е ислами* (Исламское общество) и *Маджлис-и ахрар* (Собрание свободных). Обе политические организации не поддерживали борьбу за создание Пакистана. Между тем как многие представители богатой общины индийских ахмадийцев принимали в ней активное участие и заняли видное место среди ее политической элиты².

Инициаторы ахмадийских погромов в Лахоре в 1953 г. были привлечены к суду, который вынес суровый вердикт — основателя *Джамаат-е ислами*, Абул Ала Маудуди, приговорили к смертной казне. После несколько лет, проведенных в тюрьме, он был помилован и смог продолжить активную политическую и литературно-проповедническую деятельность³.

Постепенная радикализация политического ислама через 20 лет после осуждения антиахмадийцев привела к выполнению их требований об объявлении секты *ахмадийя* неисламской. Это произошло при Зульфикаре Али Бхутто, руководителе страны, пытавшемся соединить идеи ислама и социализма. После прихода к власти в результате военного переворота в июле 1977 г. генерала Мухаммада Зия уль-Хака началась исламизация всех сторон общественной жизни⁴. Она стала инструментом придания законности перевороту и послужила фоном, который позволил через два года после свержения казнить З.А. Бхутто.

Подъем воинствующего исламизма

Время правления Зия-уль-Хака (1977–88) надо считать точкой отсчета для радикального ислама. Сама по себе «исламизация сверху» не несла в себе черты экстремизма. Он оказался косвенным результатом внедрения исламских норм в государственное управление, финансово-экономическую систему, судебную-юридическую практику и образовательную сферу. Произошло это потому, что мусульманская община в Пакистане неоднородна. В своем большинстве она состоит из суннитов ханифитского (ханафитского) мазхаба (религиозно-правовой традиции). Осуществление исламизации по этим канонам вызвало острое недовольство шиитов, составляющих, по разным оценкам, от 10–15 до 25% мусульман. В столице Пакистана городе Исламабаде и ряде других мест состоялись массовые уличные протесты шиитов. На гребне протестной волны, в начале 1980-х годов, появились их первые политические организации.

Консолидации шиитов способствовал успех шиитской (неошиитской) идеологии, утвердившейся после Исламской революции 1978–79 гг. в соседнем Иране. Противостояние главных ветвей ислама привело к появлению в Пакистане радикально настроенных боевых группировок — *Синах-е сахаба* (суннитская, Воинов-сподвижников Пророка) и *Синах-е Мухаммад* (шиитская, Воинов

Пророка). Стычки между «воинами» приобрели затяжной и ожесточенный характер. В 1988 г. в ходе разборок был убит лидер пакистанских шиитов авторитетный богослов А.Х. Хуссейни, а через два года ответный теракт унес жизнь главаря суннитских «воинов» Х.Н. Джангви⁵. Такие события не могли не отразиться на пакистано-иранских отношениях, что добавляло остроту в радикализм на межсектантской почве.

Другим внешним фактором радикализации политического ислама в Пакистане на той же основе была ситуация в Афганистане. Афганские шииты составляют примерно ту же долю местного населения (10–20%), что и в Пакистане, но принадлежат в основном к одной этнической группе хазарейцев. Преследование шиитов-хазарейцев со стороны суннитского движения *Талибан*, установившего во второй половине 1990-х годов, опираясь на прямую поддержку Пакистана, контроль над большей частью территории страны, вызвало новые осложнения в пакистано-иранских отношениях и подтолкнуло процесс дальнейшей радикализации пакистанского исламизма.

Суннито-шиитские кровавые разборки приняли особенно острый характер в 1997 и 1998 гг., охватив, прежде всего, наиболее населенную провинцию страны Панджаб⁶. Это случилось спустя 10 лет после гибели Зия уль-Хака в авиакатастрофе, в период так называемого демократического просвета, то есть функционирования парламентской системы между военными режимами.

Нужно подчеркнуть, что утвердившиеся у власти в Кабуле афганские талибы были в большинстве учениками религиозных медресе (школ), расположенных в лагерях беженцев на территории Пакистана. Беженцы из охваченного войной Афганистана (их число равнялось, по оценкам, 3–4 млн человек) в большинстве состояли из пуштунов, этноса, во многом сохранившего традиции племенной и клановой организации. Хотя пуштуны являются самой многочисленной этнической группой в Афганистане, они по численности примерно вдвое уступают пакистанским соплеменникам. Пакистанские пуштуны не отказывали афганским «собратьям» в помощи, хотя это и вызывало определенные трения. Между тем, переход миллионов беженцев из одной страны в другую размыло и без того плохо соблюдаемую и охраняемую межгосударственную границу.

Не удивительно, что, поскольку радикализация основанной на исламистских идеях программы практических действий помогла

афганским талибам одержать верх в борьбе за власть, в Пакистане стали набирать силу похожие явления. Расцвет максималистского ислама как идеологии и практики политического действия пришел там на вторую половину 1990-х годов.

Отметим, что, помимо афганского, усилению исламистского радикализма способствовал кашмирский фактор. В упомянутом выше единственном в Индии «мусульманском» штате Джамму и Кашмир на рубеже 1980–90-х годов вспыхнул антиправительственный мятеж. Он был активно поддержан официальными пакистанскими кругами, настаивавшими на нерешенности вопроса о судьбе бывшего княжества. Помимо государственных средств, на поддержку борьбы кашмирских сепаратистов были мобилизованы общественные фонды, образованные с помощью целого ряда исламистских организаций⁸.

В самом конце 1999 г. пакистанским террористам удалось захватить индийский пассажирский самолет и посадить его в талибском городе Кандагар на юге Афганистана. Уступая угрозе расправиться над пассажирами, Нью-Дели согласился освободить четырех захваченных ранее в Кашмире лидеров боевиков. Их освобождение было воспринято исламистами как крупный успех и, казалось, усилило их позиции в Пакистане⁹. Однако смена власти в стране помешала дальнейшему развитию этих тенденций.

Первое отступление

Нужно подчеркнуть, что проблема индийского Кашмира сохраняла для Пакистана исключительную остроту на протяжении всего последнего десятилетия прошлого века. Очередному государственному перевороту в стране в октябре 1999 г. предшествовала спровоцированная пакистанскими военными мини-война в Кашмире¹⁰. Главной целью армейского руководства во внутривнутриполитическом плане было, как представляется, создание условий для свержения правительства Наваза Шарифа, чья партия (Пакистанская мусульманская лига) уверенно победила на выборах 1997 г. и попыталась отстранить генералитет от рычагов управления страной. Придя к власти в результате государственного переворота, военные во главе с генералом Первезом Мушаррафом сделали ставку на умеренно происламские политические силы. Введение чрезвычайного поло-

жения помогло сбить накал страстей в суннито-шиитском противостоянии. Поутихла в новых условиях, как политическая, так и общественная жизнь. Власти с 2000 г. переключили внимание населения на проведение выборов в местные органы власти, которые не давали исламистам шансов для агитации и пропаганды. Проводя политику поощрения умеренного исламизма, пакистанские власти летом 2001 г., еще до осуществления терактов в США 11 сентября, запретили две боевые исламистские организации.

Отвернувшись от талибов осенью 2001 г., Исламабад, судя по всему, позволил находящимся под его влиянием радикально настроенным элементам совершить террористические акты в Джамму и Кашмире и осуществить нападение на здание индийского парламента в Нью-Дели¹¹. Продолжавшийся из-за этого примерно полгода острый кризис в пакистано-индийских отношениях продемонстрировал опасность противостояния двух непризнанных мировым сообществом ядерных держав (подземные ядерные испытания сначала Индия, а затем Пакистан провели в мае 1998 г.) и разрешился фактическим отказом Исламабада от политической поддержки кашмирских экстремистов. В конце 2002 г. стороны объявили об отводе своих войск от межгосударственной границы и Линии контроля в Кашмире, а с весны 2003 г. начались консультации между сторонами по всем спорным вопросам.

Еще до этого в январе 2002 г. президент Мушарраф выступил с речью по национальному радио, где призвал отказаться от использования ислама как прикрытия для экстремистских призывов и террористических действий. Вслед за этим власти объявили о запрете пяти крупных исламистских организаций, провели обыски в их помещениях и арестовали около 2 тысяч активистов¹². Хотя кампания оказалась краткосрочной и уже к весне того года большинство арестованных вышли на свободу, исламисты в результате понесли немалый ущерб. Это дало возможность смягчить обстановку в регионе, вызвав крайнее озлобление непримиримых боевиков. Они совершили серию покушений на президента Мушаррафа, в которых он не погиб лишь по счастливой случайности.

Одновременно с отступлением исламистов в Пакистане наблюдался откат религиозного радикализма и во всем центре Евразии после ликвидации исламистов (*ваххабитов*) в Чечне и Дагестане в 1999–2000 гг. и уже упомянутых атак террористов-камикадзе на

Нью-Йорк и Вашингтон в сентябре 2001 г. Теракты дали повод для военной кампании в Афганистане, где под крылом талибов нашла убежище экстремистская арабская организация *Аль-Каида* во главе с Усамой бен Ладеном. Разгром отрядов движения *Талибан* осенью 2001 — зимой 2002 г. силами американо-британской коалиции и афганских соперников талибов с севера страны привел к власти в Кабуле разнородную правящую группу, состоявшую по преимуществу из *муджахедов* (участников афганского *джихада*, «священной войны» 1980-х годов) доталибского призыва, как пуштунского, так и непуштунского происхождения¹³.

Присутствие во властных структурах нового Афганистана значительного числа пуштунов было во многом связано с давлением Исламабада, который, как выше отмечалось, в последний момент перед крахом талибского режима согласился разорвать отношения с ним и, воспользовавшись своим географическим положением, предоставил ценную логистическую помощь американцам. США в ответ закрыли глаза на переход границы с Пакистаном главарей талибов и тысяч рядовых членов организации¹⁴. Пакистанская территория превратилась в тыловую базу радикально-исламистского подполья, где скрывались боевики из разных талибских и союзных с ними организаций, прежде всего так называемой сети Хаккани¹⁵, а также *Аль-Каиды*, Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и др. Однако до определенного момента боевики притаились, накапливая силы и средства для нового этапа борьбы.

Пауза в активности пакистанских радикалов объяснялась не только гонениями на них властей. Тому же содействовали стабилизация экономического положения в стране и провозглашение правительством П. Мушаррафа политики «просвещенной умеренности».

В рамках последней был принят ряд законодательных актов, направленных на улучшение юридического положения женщин и возможностей для их участия в политической и общественной жизни. Вместе с тем, либеральные меры, одобряемые Западом, готовили почву для нового подъема исламизма, вызывая злобу и раздражение в консервативных и ультраконсервативных кругах.

Пик исламистской реакции

Иракская кампания США, начатая в марте 2003 г. сыграла, можно сказать, роковую роль в судьбах всего Ближнего и Среднего Востока, да и мира в целом. Она прервала эпоху ослабления международной напряженности, установившуюся в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Не закончив одну, афганскую, кампанию по вторжению в чуждую культурно-цивилизационную среду, Вашингтон без оснований и расчета ввязался в другую. И в том, и в другом ареале мусульманского Востока это вызвало усиление радикальных исламистских настроений. Укрывшиеся на пакистанской территории афганские талибы и их союзники перешли к подготовке нового наступления. Существенно укрепились позиции пакистанских радикалов в граничащих с Афганистаном горных пуштунских районах.

На первых порах экстремисты концентрировались в политических агентствах Южный и Северный Вазиристан Территории племен федерального управления (официальное название зоны пуштунских племен). Заметной фигурой среди них был участник афганского джихада Нек Мухаммад из племени вазиров, убитый американской ракетой летом 2004 г. После его гибели вооруженные отряды в Вазиристане возглавил Бейтулла Масуд (из одноименного племени), который в 2007 г. провозгласил создание *Техрик-е талибан Пакистан* (Движения пакистанских талибов, ДПТ)¹⁶.

Пик активности воинствующих исламистов пришелся именно на это время, кризисное для режима генерала Мушаррафа. В начале 2007 г. исламисты захватили контроль над Красной мечетью в Исламабаде. Названная красной по цвету строительного камня и облицовки, *Лал масджид*, как она называется на урду, представляет собой комплекс зданий в центре пакистанской столицы, включающих не только мечеть, но и религиозные учебные заведения. Власти долгое время не решались на штурм комплекса, взятого в кольцо. Мирные переговоры с решительно настроенными руководителями религиозно-учебного заведения ничего не приносили, а промедление ставило в трудное положение оставшихся за стенами комплекса учеников. Взятие мечети штурмом в начале июля 2007 г. привело к гибели около 200 человек и породило волну ответных терактов. Наиболее тяжелым по последствиям (свыше 60 погибших) стал прорыв начиненного взрывчаткой грузовика на территорию

самого фешенебельного в Исламабаде отеля Марриот. Еще более крупным по числу жертв (более 180 человек) был взрыв 18 октября в Карачи во время триумфальной встречи вернувшейся в страну после долгого изгнания Беназир Бхутто, дочери З.А. Бхутто, которая сама дважды, в 1988–90 и 1993–96 гг., занимала пост премьер-министра. Завершил череду кровавых событий теракт 27 декабря, унесший жизнь Б. Бхутто.

Весь 2008 и первая половина 2009 года прошли под знаком усиления позиций исламистских радикалов в горной и предгорной областях страны. Этому способствовал раскол в верхах между военными и гражданским элитами, а также жесткая конкуренция между победившей на выборах в феврале 2008 г. Пакистанской народной партией, руководителем которой стал овдовевший муж Бхутто А.А. Зардари, и немного отставшей от нее по итогам выборов Пакистанской мусульманской лигой во главе с Н. Шарифом¹⁷.

Распространение влияния пакистанских исламистов совпало по времени с усилением позиций их «собратьев» в Афганистане. Именно на 2006–2009 гг. приходится наиболее острая фаза вооруженного противостояния между возродившимися афганскими талибами и силами американо-натовской коалиции. В этот период весь пуштунский ареал по обе стороны от границы между двумя странами находился под сильнейшим давлением со стороны движения Талибан. Его лидер, *амир аль-муслимин* (предводитель правоверных) мulla Мохаммад Омар, признавался верховным духовным и политическим вождем как афганских, так и пакистанских исламистских инсургентов. Руководство Аль-Каиды также не оспаривало его авторитет.

Успехи исламистов, потребовавших от властей признать законность их власти в северной части пуштунского пояса, «нависающей» в географическом смысле над Пешаваром (главным городом Северо-Западной пограничной провинции, с 2010 г. — провинции Хайбер-Пахтунхва) и Исламабадом, способствовали достижению договоренностей между конкурирующими партиями и между гражданской и военной бюрократией. Тому же содействовали обещания США увеличить объем предоставляемой Пакистану военно-экономической помощи. В мае 2009 г. пакистанская армия перешла к решительным действиям против боевиков в долине Свата, предгорных округах Бунер и Нижний Дир. Активная фаза операции

по очистке севера пакистанского пуштунского ареала от боевиков продолжалась до весны 2010 г.

Спад и кризис

С этого года можно вести отсчет современному этапу в эволюции исламистского радикализма в Пакистане. Для него характерно постепенное угасание активности радикалов и вынужденный их переход к тактике отдельных выпадов и террористических атак. Пакистанские талибы понесли в этот период крупные потери. В результате авиаудара с американского беспилотника осенью 2009 г. погиб Б. Масуд, а через четыре года аналогичная судьба постигла его преемника Хакимуллу Масуда. После его гибели в ДТП произошел раскол, и позиции движения резко ослабли.

Одновременно с отступлением джихадистов (участников современного джихада) в Пакистане то же самое происходило в Афганистане благодаря трехкратному росту численности войск США и НАТО в этой стране. Существенным ударом по мировому радикальному исламу была ликвидация американскими морскими пехотинцами У. бен Ладена в мае 2011 г. То, что это было сделано в Пакистане, где он скрывался, без уведомления властей страны омрачило на некоторое время отношения между Вашингтоном и Исламабадом, но не изменило их характера. Пакистанский правящий класс сильно зависит от помощи и поддержки Америки и потому не может разрывать или надолго замораживать связи с ней.

В течение 2012–13 гг. ситуация с безопасностью в Пакистане оставалась неблагоприятной, особенно это касается положения в главном городе страны, «распластанном» вдоль побережья Аравийского моря более чем 15-миллионном Карачи. В центральных районах мегаполиса проживают в основном говорящие на официальном языке страны — урду — потомки переселенцев из Индии и сами эти переселенцы, называющие себя *мухаджирами*, подражая первым мусульманам, отправившимся вслед за Пророком из Мекки в Медину. На окраинах города с 1990-х годов стали расселяться пуштуны, где они составляют ныне едва ли не большинство. Туда с 2010–11 гг. начали перемещать свои подпольные штаб-квартиры афганские и пакистанские талибы, заставившие карачинских пуштунов признать в них главных защитников их интересов. Криминальный бизнес в Карачи (торговля наркотиками, отмывание

денег путем вложения в недвижимость и т. п.) превратился для талибов в крупнейший источник доходов. Борьба пуштуно-талибских мафиозных группировок с преступным бизнесом мухаджиров, а также представителей других этнических групп (панджабцев, белуджей, синдхов), превратила город в одно из самых небезопасных мест на земле, где в среднем погибали в день 8–10 человек¹⁸.

Парламентские выборы в мае 2013 г. принесли победу партии Н. Шарифа, который в третий раз возглавил национальное правительство. Наведение порядка и борьба с экстремизмом были объявлены им главными приоритетами. Нужно отдать должное кабинету Шарифа — оно оказалось более способным решать эти проблемы, чем предшествующее правительство Пакистанской народной партии. Однако сложная расстановка политических сил в парламенте и законодательных собраниях провинций, а также непрекращающаяся борьба за влияние между армией (военной бюрократией) и партийно-государственной системой (гражданской властью) долгое время не позволяла приступить к решительным действиям по борьбе с радикалами.

Лишь после атаки террористов на международный аэропорт в Карачи в начале июня 2014 г. и вылазок диверсантов на северо-западе страны армия приступила к проведению масштабной операции по вытеснению боевиков из Северного Вазиристана под названием *Зарб-е-азб* (Разящий удар). К осени того года армейские службы по связям с общественностью сообщили о полном успехе операции — в ее ходе, как они утверждали, было уничтожено более тысячи радикалов — джихадистов.

16 декабря 2014 г. боевики нанесли ответный удар, проникнув на территорию привилегированной школы для детей военнослужащих в Пешаваре. За короткое время от рук террористов погибли более 140 учеников и их наставников, были ранены еще около 200. События в Пешаваре напомнили трагедию Беслана 2004 г., тем более, что среди террористов не оказалось, как выяснилось впоследствии, ни одного пакистанца, а руководил операцией выходец из Чечни.

Атака на армейскую школу была воспринята властями Пакистана как сигнал к ужесточению форм и методов борьбы с террористами и исламистской оппозицией. В список запрещенных в стране джихадистских организаций были включены более 10 новых, в том числе такие ранее «неприкасаемые» группировки, как сеть Хаккани и *Джамаат-уд-Дава* (Дуд, Общество призыва)¹⁹. Дуд была

фасадной и материнской организацией для террористической *Лашкар-е-тоиба* (Армия чистых), ответственной за беспрецедентную по дерзости и масштабу (более 160 погибших) атаку высадившихся с моря пакистанских диверсантов на индийский Мумбаи (Бомбей) в ноябре 2008 г. Запрет двух этих структур был, вероятно, уступкой со стороны военных, которые, как считается, могли оказывать им покровительство. В ответ армия получила оперативно принятую парламентом 21-ю поправку к конституции, существенно расширяющую ее права и свободу действий. Согласно ей, учреждаются (правда, временно, на два года) военные суды для разбирательства дел, связанных с терроризмом и экстремистскими призывами. С подачи военных был также одобрен Национальный план действий по борьбе с террором²⁰. В его рамках отменен мораторий на смертную казнь. В начале 2015 г. в обычных и гарнизонных тюрьмах были приведены в исполнение многие десятки смертных приговоров.

Принятые меры, к числу которых нужно отнести расширение армейских операций против джихадистов в горах пуштунского пояса и меры по наведению порядка в Карачи, оказались достаточно эффективными. Число терактов и диверсионных вылазок в 2015 г. снизилось приблизительно на 60% по сравнению с предыдущим годом²¹. Таким образом, характеризующая 2010–2015 гг. кривая преступлений на исламистской почве в конце периода круто пошла вниз. Означает ли это, что такая тенденция продолжится и, как заверяют руководители страны, в частности, главнокомандующий вооруженными силами (начальник штаба армии) Рахил Шариф (однофамилец премьера), в 2016 году с террором в Пакистане будет покончено?

* * *

Если исходить из представлений о цикличности в эволюции такого явления, как исламистский радикализм, то можно представить себе ее будущую траекторию в соответствии с намеченными в статье большими и малыми циклами. Первый из них представлен медленным подъемом исламизма и его экстремистской ипостаси в 1980–1990-х годах. По аналогии с длинным периодом возрастания можно увидеть проявление обратного тренда к постепенному умалению силы радикально-исламистского, джихадистского феномена. Обнаруженные малые циклы, наоборот, заставляют предположить,

что за упадком в течение последних пяти лет наступит новый этап усиления.

При этом нужно иметь в виду, что формирующаяся в Пакистане ситуация будет зависеть от целого ряда внутренних и внешних факторов, которые часто находятся в тесной взаимосвязи. Несомненно, например, что афганский джихад давно стал неразрывной частью внутренней обстановки. По закону обратной связи развивается и кашмирский конфликт. В последнее время к Пакистану приблизились такие внешние феномены, как геополитическая региональная схватка между суннитскими и шиитскими державами, прежде всего Саудовской Аравией и Ираном, а также затяжная гражданская война в Сирии и Ираке. Возникшее там крайне агрессивное военизированное движение, Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ, или, согласно арабской аббревиатуре, ДАИШ) пытается оказывать влияние не только на Афганистан, где конкурирует за влияние с талибами, но и на Пакистан, а через них и на Центральную Азию.

Хотя пока нет оснований преувеличивать угрозу со стороны ИГИЛ, надо осознавать, что в Пакистане, как и в Афганистане и некоторых государствах ЦА, имеются регионы, представляющие собой благодатную почву для распространения идей и практики радикального исламизма. Кроме пакистанского северо-запада, о котором много говорилось выше, подверженными воздействию агентов и пропаганде ИГИЛ представляются бедные и отсталые районы юга Панджаба и севера Синда, то есть, обширные части двух стречневых для государства провинций. Помимо социальных причин этому благоприятствует конфессиональная структура населения — сочетание суннитского большинства с шиитским меньшинством и вкраплениями христиан и индуистов.

Еще раз подчеркнем, что будущее пакистанского радикализма остается неопределенным. Внутренняя ситуация в стране в последние годы улучшилась, и потому ее стоит рассматривать как достаточно надежного партнера. Москва, кстати, уже предприняла меры для расширения сотрудничества с Исламабадом. Она поддержала его стремление стать полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества, Российская госкомпания заключила осенью 2015 г. крупный экономический контракт. Возобновлено и военно-техническое взаимодействие²². Вместе с тем, внешние факторы складываются не слишком благоприятно. А они могут подтолкнуть

процесс нового подъема радикального исламизма, который способен свергнуть страну в тяжелый кризис.

Примечания

¹ Об учении кадиани или ахмадийцев (*ахмадийя*) см: *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М.: Издательство восточной литературы, 1963, с. 154–160. Резкое неприятие вызывал провозглашенный Ахмадом Кадиани тезис о неокончателности пророчества Мухаммада.

² *Jalal A.* The Struggle for Pakistan. A Muslim Homeland and Global Politics. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2014, p. 63.

³ Подр. см: *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: ИВ РАН, 2003, с. 40–44;

⁴ См. там же, с. 82–201; *Talbot I.* Pakistan. A New History. Karachi: Oxford University Press, 2012, p. 126–130.

⁵ Его имя носит отколовшаяся от *Сипах-е сахаба Пакистан* террористическая организация *Лашкар-е-Джангви* (Армия Джангви).

⁶ Political Violence in Pakistan. Table 4. Sectarian violence in Punjab, 1988–2010. International Growth Centre. Princeton, 2014, p. 3; *Белокреницкий В.Я.* Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане — в кн.: Конфликты на Востоке, этнические и конфессиональные. М.: Аспект пресс, 2008, с. 342.

⁷ Официальные власти Афганистана, к тому же, не признают легитимной существующую границу в районе проживания горских пуштунских племён. Проведенная в 1893 г. по предложению тогдашних англо-индийских властей «линия Дюранда» не устраивала эмира Афганистана, но он был вынужден согласиться с ней под давлением и в расчете на субсидии англичан. Именно это обстоятельство, «согласие под нажимом», позволило властям в Кабуле с первых лет после образования Пакистана оспаривать законность границы. См. напр.: *Паничкин Ю.Н.* «Линия Дюранда» и пуштунский вопрос в отношениях между Афганистаном и Пакистаном в кн.: Исламский фактор в истории и современности. М., Восточная литература, 2011, с. 179–187.

⁸ *Talbot I.* Pakistan. A New History, p. 166–167. .

⁹ *Rashid A.* Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. L.: Penguin Books, 2008, p. 112–114.

¹⁰ Хотя в пакистанской литературе, в том числе академического характера, делаются попытки доказать обратное, убедить в том, что Каргильский конфликт был частью индийского «плана игры» (*Mazari S.* The Kargil Conflict 1999. Separating Fact from Fiction. Islamabad, 2003, p. 29–32, et al.),

они не представляются убедительными, поскольку реальные шаги по нарушению Линии контроля были сделаны пакистанскими военными, что не отрицается и защитниками их интересов. (Ibid., p. 43–46).

¹¹ *Rashid A.* Descent into Chaos, p. 115–116.

¹² *Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N.* A Political History of Pakistan. 1947–2007. Karachi: Oxford University Press, 2013, p. 381–382.

¹³ См.: *Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН, Заключение, с. 462–476; Современный Афганистан и сопредельные страны / Отв.ред М.Р. Арунова. М.: ИВ РАН, 2011.

¹⁴ *Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М., ИВ РАН, 2014, с. 158–160.

¹⁵ Боевая организация под этим названием действовала под руководством «ветерана» исламистского подполья Джалалуддина Хаккани из пограничного афганского племени джадран (задран). Реально возглавлял ее с середины 2000-х годов его сын Сираджуддин. См. там же, с. 164, 168.

¹⁶ Там же, с. 174.

¹⁷ См.: *Замараева Н.А.* Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг. // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2012, с. 179–201.

¹⁸ *Zaman F., Ali N.S.* Taliban in Karachi: the real story. Published Mar. 31 2013//<http://www.dawn.com/news/799118/taliban-inp-karachi-the-re...> Accessed 02,10,2015.

¹⁹ *Gishkori Z.* Revealed: Govt decides to ban Haqqani Network, JuD. The Express Tribune. Published 15 Jan 2015//<http://tribune.com.pk/story/822087/revealed-govt-decides-to-ban-haqqa...> Accessed 15,01,2015.

²⁰ См. об этом: *Замараева Н.А.* Армия и демократические институты в современном Пакистане // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015, с. 324–326.

²¹ CRSS report reveals decline in violence in Pakistan. Published in Daily Times, October 15, 2015//<http://www.dailytimes.com.pk/national/15-Oct-2015/crss-report-reveals...> Accessed 02,01,2016.

²² *Каменев С.Н.* Российско-пакистанское сотрудничество, сегодня и завтра//<http://www.iimes.ru/eat=13>. Accessed 27,10,2015.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ПАКИСТАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ*

Кризис социально-экологической системы Пакистана — явление достаточно новое, охватывающее последние два-три десятилетия. Но предпосылки кризиса формировались достаточно давно. В конце XIX — первой половине XX столетия в бассейне Инда, который является территориальной сердцевиной современного Пакистана, колониальные британские власти развернули широкое по тому времени ирригационное строительство. С этого благоприятного на первых порах явления и начинается нынешний этап социально-экологической эволюции равнин Инда. Предшествующая история, видимо, знает свои циклы социально-экологической стабильности и кризисов, но мы их здесь не касаемся. Статья преследует две цели. Во-первых, попытаться применить некоторые подходы отечественной школы социоестественной истории (СЕИ) при анализе современных процессов, связанных с взаимодействием природы и человека в южной части Евразийского континента¹. Во-вторых, охарактеризовать основные причины и последствия кризисных явлений, охвативших сегодня социально-экологическую систему одного из наиболее населенных и проблемных государств Азии.

Следует особо отметить актуальность последней задачи с международно-политической точки зрения. Исламская Республика Пакистан, как известно, обладает прошедшим испытанием ракетно-ядерным оружием. Она находится в эпицентре борьбы с международным терроризмом, осеняемым лозунгами *джихада* (борьбы за

* История и современность / Гл. ред. Э.С. Кульпин-Губайдуллин. М. № 1 (15). Март 2012, с. 164–179.

¹ См. работы *Кульпина-Губайдуллина Э.С.* Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. М.: Московский лицей, 1996; Восток. Природа–технологии–ментальность. М.: Либроком, 2-е изд., 2009 и др.

веру в Аллаха) и в то же время сама является, как принято говорить, частью этой проблемы. Пакистан, кроме того, неразрывно связан с продолжающейся более трех десятилетий войной в Афганистане. Социальная ткань Пакистана сложна и разнообразна, внутренние конфликты раздирают страну, и некоторые аналитики и наблюдатели выражают неуверенность в ее будущем.

Что касается школы СЭИ, то надо отметить еще недостаточное внимание с ее стороны к такому региону, как историческая Индия, современная Южная Азияⁱⁱ. Между тем, анализ истории и сегодняшних проблем этого демографически самого крупного в мире ареала в русле триады «природа–технология–ментальность» представляется весьма многообещающим.

Ирригационные работы и демографический рост

К концу XIX в. англичане утвердили свою власть на всем пространстве Индостана, который они называли полуко́нтинентом. Наиболее поздним из их территориальных приобретений были районы современного Пакистана, т. е. бассейн реки Инд, состоящий из Панджабской равнины на севере, низменности Синда на юге, пустынно-гористых областей Иранского нагорья и отрогов Гиндукуша к западу и северу от долины Инда и его притоков. Присоединение Панджаба, находившегося с конца XVIII в. под властью сикхских правителей с центром в Лахоре, завершилось после двух войн в 1849 г., а княжеств Синда во главе с предводителями из племен белуджей — в 1843 г. Попытка поставить под контроль расположенный дальше на северо-запад Афганский эмират со столицей в Кабуле удалась англо-индийским властям, да и то не в полной мере, лишь со второй попытки, в 1878–1881 гг. Превратив Афганистан в буфер между собственной империей и Россией, британские колонизаторы позаботились об укреплении широкой приграничной полосы вдоль Инда.

Индская долина на протяжении многих веков оставалась исключительно малозаселенной. Причиной тому был засушливый жаркий климат и малое количество искусственных, созданных че-

ⁱⁱ К числу редких работ по Южной Азии принадлежит статья: *А.И. Коган*. Трансформация культуры и технология основного хозяйственного процесса в Кашмирской долине в VII–XIX вв. // *История и современность*. Март 2011. № 1 (13).

ловеком средств орошения. Вода Инда и его притоков протекала по равнине, почти не задерживаясь на полях. Лишь в дельте реки она отчасти расходилась по каналам паводкового орошения, а в предгорных северных районах было возможно богарное земледелие благодаря муссонным дождям.

Впрочем, местные правители, крупные землевладельцы и общины земледельцев строили плотины, запруды и дамбы, но масштабы работ по орошению были ограничены. В период расцвета империи Великих Моголов в XVI–XVII вв. и в сикхском государстве уже в начале XIX в. каналы паводкового орошения сооружались в междуречье восточных притоков Инда рек Рави, Биаса и Сатледжа. Благодаря им, процветали Лахор и Мултан, ряд городов в восточной части бассейна Инда в зоне его перемычки с бассейном Ганга и Джамны. Ирригационные работы велись также в среднем течении реки, в северной части Синда. За спорадическими периодами внимания к орошению следовали годы небрежения к нему и разрушения построенных ранее систем.

Занявшись обустройством приграничной зоны, англичане организовали строительство и ремонт дорог для колесного транспорта, проложили сотни тысяч километров железных дорог и приступили к сооружению ирригационных каналов. При этом главными для них были военно-стратегические цели, активно подпитываемые страхом перед экспансией царской России в южном направлении. Кроме того, англоиндийские власти на протяжении многих десятилетий сталкивались с сопротивлением приграничных горных пуштунских племен, стремившихся сохранить свою независимость.

Сооружение плотин и оросительных каналов в междуречьях западных притоков Инда Джелама и Чинаба, Чинаба и Рави было крупным достижением инженерной мысли и строительного искусства. Вслед за Сидхнайским каналом, прорытым от Рави к г. Мултан в 1886 г., в строй вступил Нижне-Джеламский канал в 1892 г., затем Верхне-Джеламский и Верхне-Чинабский, а в 1915 г. был завершен Тройной канал, перебрасывавший воды Джелама и Чинаба на восток в Рави¹. Строительство каналов вызвало эффект, всколыхнувший всю англо-индийскую провинцию Панджаб, в состав которой, кстати, до 1911 г. входил Дели. Власти создали в междуречьях рек (*доабх*) «колонии на каналах», отделенные друг от друга крупные участки орошенной земли. Там появились специальные фермы по разведению лошадей, необходимых для армии, хозяйства

по производству пшеницы и фуражного зерна, главным образом грэма (бобовых). Хотя система наделения новоорошенной землей стала со временем все менее поощрять рентабельные крестьянские наделы, урожаи в западной части Панджаба выросли, наблюдался заметный приток туда населения.

Росту населения в «диких», незатронутых земледельческой колонизацией районах способствовали другие причины — борьба властей с разбоем и насилием, наведение порядка с помощью полиции и судов. До завоевания англичанами население бассейна Инда в границах современного Пакистана насчитывало, по оценкам, не более 3–4 млн человек, а через столетия, по данным переписи 1901 г., оно увеличилось до 17 млн., т. е. не менее, чем вчетверо².

Рост населения продолжался и в XX в. Однако из-за эпидемий холеры чумы, малярии и оспы в 1901–1921 гг. он был довольно медленным. На рождаемости в годы Первой мировой войны отрицательно сказывался отъезд молодых мужчин. Ведь из более 1 млн. индийских военнослужащих, принимавших участие в сражениях, большинство были выходцами из Панджаба, и не менее трети — панджабские мусульмане. В конце войны Индию затронули также эпидемии тифа и гриппа (испанки). Постоянно возрастающими темпами население стало расти лишь между 1921–1941 гг., когда удалось справиться с наиболее губительными эпидемиями. Число жителей на территории Пакистана к 1941 г. увеличилось до 28 млн человек.

Хотя преобразовательная деятельность колониальных властей пошла на спад после Первой мировой войны, в середине 1920-х годов ирригационные работы возобновились, охватив юго-восток современного пакистанского Панджаба (междуречье Рави и Сатледжа), а также Синд. В Верхнем Синде в 1932 г. вступила в строй одна из крупнейших тогда в мире плотин у г. Суккур. Система каналов, связанных с Суккурской плотинной, имела огромную подкомандную площадь в 3,2 млн га. В начале 1960-х годов с ее помощью орошалось свыше 2 млн га.³

Ирригационное строительство с новой силой развернулось после Второй мировой войны и образования Пакистана в 1947 г. За 1949–1955 гг. в нижнем Синде была сооружена крупная плотина Котри, давшая воду дельтовой части Инда. Тогда же был разработан и принят проект освоения пустынных областей к западу от

Инда путем сооружения на нем ряда плотин и отводных оросительных каналов.

Демографическому росту немало содействовал и крупнейший международный проект по разделу вод Индского бассейна между Пакистаном и Индией и его освоению, осуществленный под эгидой МБРР (Международного банка реконструкции и развития). Договор о водах Инда был скреплен в 1960 г. подписями руководителей двух соседних государств и предусматривал помощь различных государств, в том числе Индии, а также международных организаций⁴. В его рамках к концу десятилетия была построена плотина и гидроэлектростанция Мангла в верховьях Джелама, а к середине 1970-х годов — самая крупная земляная плотина в мире и ГЭС Тарбела в верхнем течении Инда.

Строительство оросительных систем в бассейне Инда создало крупнейший в мире массив орошаемых земель, связанный с одной речной системой. Эта компактная зона ирригации уже в начале 1960-х годов давала возможность оросить около 14 млн га, что составляло 12% всех поливных земель мира⁵.

Ирригационное строительство сопровождалось преобразованиями в агрикультуре — использованием химических удобрений, пестицидов, более урожайных сортов пшеницы и риса. Обусловленные этим сдвиги получили название «зеленая революция» и позволили существенно повысить урожай. В результате Пакистан перестал быть чистым импортером продовольствия. Решение продовольственной проблемы при почти неизменных социальных условиях в деревне и малых городах подстегнуло рождаемость.

Понимая опасности «демографического конвейера», пакистанское правительство в 1960 г. объявило о мерах по планированию семьи. Однако попытка осуществления реформ в этой и ряде других областей натолкнулась на жесткое сопротивление консервативно настроенного общества. Потерпев неудачу, власти Пакистана в дальнейшем не принимали новых программ по уменьшению рождаемости, положившись на формальные малоэффективные механизмы и стихийные общественные регуляторы⁶.

По переписи 1951 г. число жителей современного Пакистана (тогда это была западная часть государства, состоявшего из двух разделенных Индией территорий) равнялось округленно 34 млн человек. При этом из западной части страны за несколько месяцев после раздела 1947 г. бежали в Индию, по последним оценкам, 4,7

млн. индусов и сикхов, а прибыли 6,5 млн. мусульман, т. е. чистый приток равнялся почти 2 млн человек⁷. Через 10 лет население выросло до 46 млн., а по переписи 1972 г. — 65 млн человек. Прирост за два десятилетия превысил 20 млн., но был по темпам перекрыт в следующие десять лет. Перепись 1981 г. показала небывалое увеличение численности до 84 млн человек (среднегодовой прирост 3,2%). Власти не смогли организовать проведение переписи в начале 1990-х годов, а по результатам переписи 1998 г. величина пакистанского населения составила 131 млн человек. Оценки на 2010 г. варьировались в пределах 170–180 млн человек. Темпы прироста считались равными 2,2% (а в официальных изданиях и публикациях международных организаций, даже таких, как Служба народонаселения ООН, приводились и более низкие показатели), что представлялось компетентным наблюдателям серьезной недооценкой⁸.

Такая точка зрения нашла подтверждение в опубликованных в марте 2012 г. предварительных данных новой переписи населения (перепись домохозяйств была проведена в конце 2011 г.). Согласно им, число жителей в Пакистане увеличилось за 13 лет на 47% (почти в полтора раза) до 192 млн человек⁹. Средние темпы прироста составили небывало высокие 3% в год. Численность среднестатистического домохозяйства по существу не изменилась (6,9 и 6,8 человек). При наблюдающихся темпах демографического роста пакистанское население должно удваиваться каждые 23 года.

Население Пакистана, который справедливо называют нередко «даром Инда», как Египет считается «даром Нила», увеличивалось куда быстрее египетского. В 1911 г. число жителей долины Инда не превышало 20 млн, а через 100 лет возросло примерно в 10 раз. Между тем, численность жителей Египта в 2010 г. не превышала 70 млн. Оценки будущего роста пакистанского населения могут показаться невероятными. В 2020 г. оно при сохранении нынешнего тренда составит 210–220 млн, а к 2050 г. Пакистан с 335–350 млн жителей выйдет, скорее всего, на четвертое место среди крупнейших государств мира, вслед за Индией, Китаем и США.

Истощение ресурсов пресной воды и эрозия почвы

С природно-климатической точки зрения Пакистан принадлежит, по определению В.А. Пуляркина, к восточному флангу «начи-

нающегося близ атлантического побережья Африки великого пояса тропических и субтропических пустынь и полупустынь»¹⁰.

Среднегодовые осадки составляли в Пакистане в конце 2000-х годов 240–250 мм в год и были слишком малы для страны с плотным населением более 220 чел. на кв. км¹¹. За годы независимости количество доступной пресной воды в расчете на человека сократилось с 5600 куб. м почти до 1200 куб. м (2005 г.), а рубеж в 1000 куб. м считается критическим для выживания нацигосударства¹².

Основным источником воды являются Инд и его притоки. Между тем, в Гималаях, откуда берут начало все реки Пакистана за исключением северо-западных притоков Инда (р. Кабул и др.) происходит ускоренное таяние ледников. Существует точка зрения, что ледники, питающие Инд и основные его притоки, могут исчезнуть к 2035 г. Даже если этого не произойдет, наметившаяся тенденция осложнит жизнь Пакистана и в отдаленной и в достаточно близкой перспективе. По некоторым расчетам, потребность Пакистана в воде к 2025 г. возрастет до 338 млрд куб. м, а наличие ее будет приблизительно таким, как в 2009 г. — 236 млрд куб. м. Разница в 100 млрд куб. м равна двум третям ежегодного стока Инда¹³.

Обрабатываемая площадь благодаря ирригационному строительству, продолжавшемуся без перерыва более 100 лет, увеличилась примерно в 10 раз. К концу 1980-х годов орошаемая площадь составила 16 млн га и равнялась 77% общей посевной площади. На многих орошаемых участках посевы производились дважды в год. Во многом благодаря ирригации существенно увеличилась общая обрабатываемая площадь, достигшая четверти всей территории. Впоследствии эти соотношения мало изменились.

Но используемая для орошения вода оказалась не только благом, но и источником бед. Еще в конце XIX в. обнаружилось такое явление, как заболачивание. Оно не только способствовало распространению малярии, но выводило из строя орошенные земли. В 1930-е годы, когда большое число оросительных каналов уже было построено, специалисты окончательно убедились, что главной причиной заболачивания является не застаивание дождевых вод, а оросительные каналы. До половины проходящей по необлицованным каналам воды просачивалось в почву, что вызывало поднятие уровня грунтовых вод и заболачивание, а также еще более серьезную эрозию почвы — засоление¹⁴.

Принятые меры — облицовка старых каналов и сооружение новых уже облицованных кирпичом — осуществлялись медленно и не могли снизить темпы заболачивания и засоления площадей. Образование солонцов и солончаков стало неперенным спутником орошения. В начале 1960-х годов в рамках реализации договора о водах Инда и развития ирригации в Индском бассейне, власти Пакистана приняли широкую программу мелиорации. Основными ее методами были признаны строительство дренажных каналов открытого и закрытого типа для отвода воды из заболоченных и засоленных участков, а также сооружение трубчатых колодцев с насосами для откачивания грунтовых вод (с целью понизить их уровень).

Программа установки землевладельцами трубчатых (артезианских или скважинных) колодцев получила широкую поддержку в деревнях. Однако откачиваемая из колодцев частными собственниками вода служила, прежде всего, целям орошения. С помощью трубчатых или скважинных колодцев к концу 1980-х годов орошалось около 20% всей орошаемой площади¹⁵. Иначе говоря, колодцы, предназначавшиеся для мелиорации, лишь усугубили проблему засоления и заболачивания. Ежегодно на поля через систему скважинных колодцев поднималось в 1980-х годах до 0,6 т солей на 1 га посевной площади. По официальным данным на середину 1980х годов, около 40% посевных площадей в долине Инда было сильно засолено, причем в Панджабе к этой категории относилось более 30% общей посевной площади, а в Синде — свыше 80%¹⁶.

Реализация других программ мелиорации оказалось трудным и дорогостоящим делом. Помимо проблемы грунтовых вод на увеличении площадей непригодных к обработке сказывалась ветровая эрозия из-за неправильной распашки склонов и интенсивного выпаса скота¹⁷.

Влажные сезоны начала 1970-х годов, сопровождавшиеся разрушительными наводнениями лета 1973, 1974 и 1976 гг., на время несколько улучшили увлажняемость почв, что, видимо, успокоило правящие круги. В то же время в паводковый период и в 1970-х годах и в последующие десятилетия плохо работала система защитных дамб, построенных вдоль каналов. Вода часто прорывала дамбы и затапливала поля, губя урожай.

На рубеже 1990-х годов большие площади сельскохозяйственных угодий оказались сильно засолены, заболочены или эродированы. Вследствие нерационального использования земельных и

водных ресурсов площадь обрабатываемых земель сокращалась в 1970–80-х годах более чем на 50 тыс. га в течение года¹⁸.

Важно отметить, что в середине 1970-х годов основные работы в рамках договора о водах Инда завершились. Наступил перерыв в крупном ирригационном строительстве и эффективной мелиорации. Проекты сооружения новых плотин только обсуждались, сопровождаясь острыми спорами между провинциями, расположенными в верхнем и нижнем течениях рек. В итоге расход используемой для орошения воды речной системы сократился между 1980-ми годами и серединой 2000-х годов почти в два раза, снижаясь в начале нынешнего века на 6,6% в год¹⁹.

В крайне тяжелом состоянии оказалась дельтовая часть Инда. Поднявшийся уровень моря затопил часть суши в районе расположенных к востоку от Карачи рыбацких поселений. Одновременно вышли из строя, заилились, русла оросительных каналов, берущих начало у плотины Котри. Бедствия обрушилась на целые округа — Бадин и Тхатта — и вызвали вынужденные миграции людей, смену занятий, падение и без того крайне низкого уровня жизни²⁰.

Пауза в затратах и производимых работах в области сельскохозяйственной инфраструктуры особенно остро почувствовалась в начале XXI в. в связи с тремя подряд крайне засушливыми сезонами (2000–2002 гг.). В докладе Всемирного банка от 2004 г. утверждалось, что Пакистан является одной из самых необеспеченных водой стран мира. Зависимость его системы орошения от одной речной системы крайне опасна. Деградация дельтовой части Инда будет продолжаться, а ситуация лишь ухудшится. Несмотря на это, отмечали авторы доклада, ни правительство Пакистана, ни иностранные доноры, в том числе Всемирный банк, не проявляют должной степени озабоченности и не разрабатывают ответы на социальноэкологический кризис и брошенный этим колоссальный вызов²¹.

Подтверждением серьезности катаклизмов, которые ожидают Пакистан, стало самое разрушительное за всю его историю наводнение лета 2010 г. Муссонные дожди подняли воду в реках равнины Инда. В сочетании с более интенсивным таянием ледников это привело к подъему уровня воды во всей системе, разливу рек, прорыву защитных дамб каналов. Вода прокатилась волной по всей Индской равнине, затапливая деревни, целые города и городские кварталы. Около 2 тыс. человек погибло, а в той или иной мере пострадало примерно 20 млн человек. К счастью, основные плотины и голов-

ные сооружения систем орошения выдержали испытание, иначе последствия были бы еще более страшными²². Между тем, период влажных сезонов продолжается. Муссонные дожди летом 2011 г. также пришли раньше и были сильнее, чем обычно. От наводнения в очередной раз пострадало население дельтовой части Инда.

Пакистан имеет очень низкие показатели использования дождевой воды. Он отстает в этом отношении от Индии и находится далеко позади Китая. Между тем, чтобы собрать воду и использовать ее для орошения нужны относительно небольшие вложения и применение малоквалифицированного труда. Тем не менее, работы по сохранению и использованию в целях орошения дождевой воды почти не развернуты²³.

Стабильность вместо развития

Давая такой подзаголовок этой части статьи, автор далек от мысли механически распространить концепцию Э.С. Кульпина-Губайдуллина на рассматриваемый случай²⁴. Дело в том, что масштабы явлений, которые он сравнивает между собой — *стабильность* как сквозной ценность-вектор китайской цивилизации и *развитие* как результирующая ценность западноевропейской цивилизации — несопоставимы с нашим масштабом. Но определенные проявления найденной им дихотомии Восток-Запад заметны и на примере ценностного менталитета, сложившегося в рамках пакистанской, а беря более глубокий исторический интервал, — Индской цивилизации, имея в виду не протоиндийскую, а мусульманскую ее эпоху.

При этом характерны и отличия китайской, конфуцианской системы ценностей от индско-пакистанской, сформировавшейся в более узких локальных рамках. Главное из них — отсутствие в последней государства как ценности-объекта. Индско-пакистанская культура сложилась на фундаменте общинно-клановых, земледельческих и племенных, военно-кочевых традиций, а ее верхние этажи с религиозными и имперскими центрами находились, как правило, за пределами территории. Более того, если в конфуцианской системе стабильность вытекает из таких составляющих, как мир, порядок, иерархия и ритуал, то в Индском бассейне стабильность, можно сказать, динамическая стабильность обеспечивалась войной, беспорядком, борьбой за честь и справедливость. Разумеется, война не была постоянной, а беспорядок как отсутствие го-

сударственного надзора сменялся периодически утверждавшимся сверху порядком или полупорядком, но готовность племен, кланов, больших семейных групп и отдельных индивидов к столкновениям, тяжбе, сведению счетов, мести и ответу на оскорбление была и остается характерным свойством национального менталитета. Особое значение при этом имеет понятие чести (*izzat, ghayrat*). В Пакистане на различных этажах общественной лестницы действует свой кодекс чести и понятие о справедливости, вытекающее из него.

Не углубляясь далее в эту тему, подчеркнем, что *развитие* в качестве ценности-вектора отсутствует не только в традиционном китайско-конфуцианском, но и в индско-пакистанском менталитете. Это не означает, конечно же, что экономическое развитие современного типа невозможно в Китае, на всем Дальнем Востоке, в Пакистане, или в Южной Азии, в той же Индии, но это, видимо, предполагает необходимость каких-то сдвигов в предпочтениях (менталитете) большинства, либо наличие групп меньшинств, которые позволяют осуществить реализацию такой ценности, как развитие.

Обращаясь к Пакистану, стоит указать, что непрерывный и достаточно внушительный экономический рост носил там по преимуществу экстенсивный, поверхностный характер. Экономика росла более вширь, чем вглубь, не меняя реалий существования масс населения. Это позволило сохранить в неприкосновенности базовые ценности исторически сложившейся культуры.

Основными носителями менталитета *развития* выступали при этом представители меньшинств. В колониальный период в бассейне Инда это были главным образом индусы (кастовые индусты) — торговцы, купцы и ростовщики, а также сикхи — землевладельцы и «капиталисты» (владельцы городской недвижимости и иных материальных активов). Среди предпринимателей была и мусульманская прослойка, но небольшая, связанная в основном с торговыми мусульманскими общинами, преобразовавшимися из торговых каст индусов в связи с переходом общин в ислам под кровительство мусульманских правителей²⁵.

В первый период после получения независимости Пакистан стал «меккой» для торговцев-мусульман из Гуджарата, которые и до того переселялись в Синд и его основной торговый центр, порт Карачи.

Обосновавшиеся в Пакистане купцы и торговцы из гуджаратских семей *мемонов, ходжа-исмаилитов, бохра* — превратились в костяк небольшого слоя ведущих промышленников и банкиров.

Их предпринимательская деятельность во многом обеспечила промышленный подъем Пакистана в 1950–60-х годах. Индустриальный рост на базе частного сектора закончился после широкой национализации в начале 1970-х годов. Бегство капитала из страны стало ответом на действия властей. Несмотря на происходившую в дальнейшем смену правительств, отношение к предпринимательским меньшинствам до сих пор по существу не изменилось. Последовавшая в результате эмиграция предприимчивых гуджаратцев, парсов и других «инонационалов», стала трудно восполнимой утратой для экономического и социального развития страны.

Кризис, грозящий катастрофой

Отсутствие соответствующего ценностям развития менталитета большинства, в том числе отражающей и формирующей его элиты, ставит под серьезное сомнение перспективы выхода Пакистана из того тупика, в котором он ныне оказался по причине социально-экономического кризиса.

Прорыв осуществить трудно вследствие ряда сформировавшихся социально-психологических и экономико-политических особенностей. Их можно резюмировать в следующих пяти пунктах, которые перечисляются не в порядке значимости и могут быть дополнены другими.

1. *Отсутствие (нехватка) креативного меньшинства.* Отъезд «инонациональной» буржуазии сыграл здесь главную роль. Возместить его оказалось нелегко. Средний класс формируется с трудом. Он отягощен не свойственной для предпринимателей ментальностью аграрного и служилого, а не торгового населения. Имеются, впрочем, исключения — это семьи мусульман — потомственных торговцев Панджаба (семьи *шейхов* и *ходжа* из г. Чиниот на реке Джелам и ряд других групп), выходцы из Кашмира и т. п., но их масса не достигает, как кажется, критически необходимого уровня.

2. *Коррупция госаппарата.* По показателям коррумпированности Пакистан занимает одно из первых мест в мире. Она распространена как среди мелких служащих, берущих деньги за любую услугу, так и среди крупного чиновничества. Принимающим решение бюрократам «полагается» откат. Считается, что особенно коррумпированы занимающие высокие административные посты политики, торопящиеся извлечь выгоды из своего положения. Глав-

ное следствие коррупции — неэффективность регулирующей роли государства, произвол и кумовство при решении вопросов о приватизации госсобственности и распределении госзаказов. Еще одно следствие коррупции — уход от уплаты налогов и сборов в государственную казну. Недостаток доверия к использованию государством бюджетных средств способствует уклонению обеспеченных слоев и обману, на который легко идут невысоко оплачиваемые налоговые инспекторы. Пакистан отличается традиционно низким отношением суммы налоговых поступлений к ВВП и при всех усилиях властей остался в 2000-е годы не выше 10–12%²⁶.

3. Недостаточный уровень и качество образования, особенно женского. По грамотности населения Пакистан отстает от большинства стран Азии, находясь на уровне государств Тропической Африки. Официально к грамотным причисляют ныне 56% всего взрослого (старше 15 лет) населения, при этом грамотность среди мужчин не достигает 70, а среди женщин — 45%²⁷. Особенно велика доля неграмотных среди женщин, проживающих в сельских местностях и в захолустье. Во многих пуштунских и белуджских областях грамотных женщин менее 15 и даже 10%. По некоторым данным, большинство детей школьного возраста в Пакистане не имеют возможности заканчивать даже начальную школу, а многие не посещают школу вообще из-за бедности родителей и нехватки учебных заведений. Особенно это касается образования женской части подрастающего населения. Низкая грамотность женщин способствует сохранению традиций патриархального мужского общества. Причем его лидеры, к которым относятся старейшины и муллы (служители культа), стремятся нередко закрепить неграмотность женщин, чтобы оградить себя от угрожающих их статусу перемен.

4. Неверие городской образованной молодежи в будущее страны. Среди студенческой молодежи в современном Пакистане преобладают пассивные настроения. По сравнению с поколением конца 60-х — начала 70-х годов прошлого века нынешние студенты деполитизированы²⁸. Распространено стремление эмигрировать. По данным представительных для всей страны опросов 38% хотят выехать для работы за рубеж²⁹. В городах, особенно крупных, этот процент, по-видимому, еще выше. Верхние элитные слои по сложившейся традиции посылают своих детей (главным образом юношей) учиться за границу. В местных колледжах и университетах большинство составляют выходцы из средних по доходам слоев, растет число и

удельный вес девушек, получающих его во многом из соображений престижа (чести). При этом качество образования существенно не дотягивает до мирового уровня. Среди преподавателей распространены узкие националистические взгляды и представления.

5. *«Геттоизация» верхов и политического либерализма.* В крупных центрах Пакистана сложилась характерная когда-то и для колониальных городов раздвоенность пространства — произошло обособление верхов в своеобразные «гетто» для избранных: представителей потомственной местной аристократии, т.н. «феодалов», политиков и адвокатов, отставных бюрократов и военных; причем все эти категории нередко совмещаются в рамках одной «фамилии», родственной группы. На уровне социальной психологии и социального поведения легко увидеть «двуликость» элиты, ее раздвоенность между внешним, западным миром и миром внутренним. Отношение к последнему амбивалентно, ибо, отталкивая архаичностью, он притягивает привычными, наследуемыми преимуществами. Социальная элита в целом цинична, подвержена фатализму и ксенофобии. Либеральные идеи отторгаются, а попытка либеральных деятелей выступить против одиозных законов наталкивается на ожесточенное сопротивление. Выражение различных взглядов не возбраняется, но элита через государство поощряет в основном наиболее консервативные из них, окрашенные в цвета религиозного обскурантизма.

Заключение

Напоследок отметим, что формы катастрофы, к которой может привести кризис, предвидеть трудно. Будет ли это развал страны, превращение ее в агрессивное радикально-исламское государство, грозит ли это применением ядерного оружия, войной с Индией или Афганистаном? Вопрос остается открытым.

Не исключено, впрочем, что катастрофы можно будет избежать. В последнее время власти страны обращают повышенное внимание на проблемы ирригации и мелиорации. Президент А.А. Зардари пытается перенять опыт Китая. Он стал частым гостем не только первых лиц Поднебесной, но и ее провинциальных руководителей. Выходец из засушливого Синда и белудж по происхождению, президент старается способствовать сооружению малых плотин в юж-

ной части страны на стыке трех провинций — Панджаба, Синда и Белуджистана.

Что касается крупного ирригационного строительства, то и здесь произошли некоторые подвижки. Решен, наконец, многодесятилетний спор о плотине Калабагх в среднем течении Инда. Поддерживавший проект Панджаб пошел навстречу Синду и СЗПП, выступавшим против него. Утвержден проект сооружения другой плотины Даймер-Бхаши в верхнем течении Инда. Она должна вступить в строй в 2015–2016 гг. Выполнение проекта будет означать возобновление крупного ирригационного строительства, перерыв в котором составит в этом случае почти полвека.

Важнейшая часть работ по ослаблению социально-экологического кризиса связана с мелиорацией, расширением масштабов и повышением эффективности мелиоративных мероприятий. Иностранная помощь и международный опыт именно в этой области, как считают внимательные аналитики, были бы наиболее полезны Пакистану и помогли бы ему миновать развилку дороги, ведущей в пропасть.

Примечания

¹ Фридланд В.М. Между Гималаями и Аравийским морем. М.: Главная редакция географической литературы, 1968, с. 43.

² Белокреницкий В.Я. Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX — 80-е годы XX в.) М.: Наука, 1988, с. 21; Белокреницкий В.Я. Пакистан: особенности и проблемы урбанизации. М.: Наука, 1982, с. 10.

³ Фридланд В.М. Между Гималаями и Аравийским морем. М.: Главная редакция географической литературы, 1968, с. 39–40.

⁴ Фридланд В.М. Между Гималаями и Аравийским морем. М.: Главная редакция географической литературы, 1968, с. 50–53; Яркова С.С. Проблемы раздела вод Инда между Индией и Пакистаном // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История и современность. М.: Наука, 1970.

⁵ Фридланд В.М. Между Гималаями и Аравийским морем. М.: Главная редакция географической литературы, 1968, с. 47

⁶ Pakistan Economic Survey 1976–77. Islamabad: Government of Pakistan, 1977, p. 224–225; Lieven A. Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011, p. 30.

⁷ *Hasan A.* The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-economic Change in Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2009, p. xxxii.

⁸ *Lieven A.* Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011, p. 30, 518.

⁹ *Khan A.S.* Population shoots up by 47 percent since 1998 // The News. Lahore, March 29, 2012 (Electronic version, available at: www.thenews.com.pk)

¹⁰ Цит. по: *Фридланд В.М.* Между Гималаями и Аравийским морем. М.: Главная редакция географической литературы, 1968, с. 27.

¹¹ *Lieven A.* Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011, p. 30.

¹² *Waslekar S.* The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations. Inside: Fire, Water, Earth. Mumbai: Strategic Foresight Group, 2005, p. 55.

¹³ *Lieven A.* Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011, p. 32.

¹⁴ *Фридланд В.М.* Между Гималаями и Аравийским морем. М.: Главная редакция географической литературы, 1968, с. 58–59.

¹⁵ *Морозова М.Ю.* Сельское хозяйство // Пакистан. Справочник / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1991, с. 183.

¹⁶ *Фридланд В.М.* Между Гималаями и Аравийским морем. М.: Главная редакция географической литературы, 1968, с. 64; *Морозова М.Ю.* Сельское хозяйство в: Пакистан. Справочник / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1991, с. 184.

¹⁷ *Морозова М.Ю.* Сельское хозяйство в: Пакистан. Справочник / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1991, с. 185.

¹⁸ *Морозова М.Ю.* Сельское хозяйство // Пакистан. Справочник / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1991, с. 181.

¹⁹ *Waslekar S.* The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations. Inside: Fire, Water, Earth. Mumbai: Strategic Foresight Group, 2005, p. 55.

²⁰ *Hasan A.* The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-economic Change in Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2009, p. 113–128; *Hasan A.* Migration and Small Towns in Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2011, p. 81–88.

²¹ *Lieven A.* Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011, p. 32.

²² *Lieven A.* Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011, p. 31.

²³ *Lieven A.* Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011, p. 33.

²⁴ *Кульпин Э.С.* Восток. Природа–технологии–ментальность. М.: Либроком, 2-е изд., 2009, с. 5–9.

²⁵ *Левин С.Ф.* Об эволюции мусульманских торговых каст в связи с развитием капитализма (на примере бохра, меманов, ходжа) // *Касты в Индии*. М.: Наука, 1965.

²⁶ *Jones O.B.* Pakistan. Eye of the Storm. New Haven and London: Yale University Press, 3d ed. 2009, p. 307.

²⁷ *Lieven A.* Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011, p. 518.

²⁸ *Hasan A.* The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-economic Change in Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2009, p. xx-xxi.

²⁹ *Hasan A.* The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-economic Change in Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2009, p. xxviii.

1. 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕСТО В РЕГИОНЕ

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ДУГА «БОЛЬШОЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ»*

Начало XXI века дало основание для переоценки ценностей в том, что касается соотношения между Западом и Востоком в мировой политике и экономике. Этому в основном способствовали три фактора — стремительный экономический подъем Китая и Индии, двух «спящих гигантов» прошедшего столетия, мощное увеличение демографического потенциала исламского мира, демографический спад в ареале распространения западных культур, который наложился на кризис в сфере обеспечения безопасности и вызвал нервную реакцию Запада на риски и вызовы в этой области. Втянувшись сначала в афганскую, а потом в иракскую войну, США поставили под сомнение безусловность своего лидерства в мире, дав возможность Китаю и другим странам Азии (за пределами Ближнего и Среднего Востока) «перевести дух» после кризиса 1997–1998 годов и проявить больше инициативы в решении стоящих перед ними задач.

Одним из результатов такой переоценки является представление о растущей «регионообразующей» роли Китая, который, оставаясь самой крупной по населению страной мира, на глазах превращается в наиболее масштабную мировую экономику. Известно, что современный экономический рост отличает большая энергоемкость. Особенно велика она в развивающихся азиатских экономиках, таких как китайская и индийская. Китайская Народная Республика уже вышла на второе место в мире (после США) по потреблению энергии. Быстро возрастает зависимость ее экономики от экспорта первичных источников энергии, прежде всего сырой нефти. Став нетто-импортером нефти только в 1993 г., она спустя 12 лет ввози-

* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО (У) МИД России, 2010, с. 214–250.

ла уже до половины потребляемой сырой нефти, приблизившись по объемам импорта к Японии¹.

Энергетические потребности — одна из причин, по которым КНР крайне заинтересована в создании безопасных условий на путях доставки недостающих ей для обеспечения бесперебойного экономического роста источников энергии. Имеются, несомненно, и другие факторы геоэкономического и геополитического свойства, объясняющие заинтересованность Китая в формировании и укреплении комплексов региональной безопасности по всему периметру своих границ. Именно в этом росте китайского фактора и влияния исследователи видят причину происходящего в последнее время «стяжения» традиционных регионов Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии в единый, взаимосвязанный Восточноазиатский региональный комплекс². Процесс образования «Большой Восточной Азии» находится еще в самом начале. Но следует согласиться как с аналитической оправданностью предложенной автором концепции, так и с его утверждением, что в основе такого крупнорегионального комплекса лежат не столько политико-идеологические предпочтения, хотя они также имеют значение, сколько соображения безопасности и объективные закономерности растущего в условиях глобализации «сопряжения» соседних, но в недавнем прошлом достаточно изолированных и топографически четко очерченных регионов. При этом энергетическая составляющая, будучи весьма малоэластичной к цене «транзакционных» (пересекающих региональные барьеры) проектов, составляет одну из объективных основ «макрорегионального строительства»³.

Западное направление китайской энергетической стратегии

При всей объективности процессов формирования региональных комплексов безопасности и сотрудничества нельзя не видеть, что они складываются в поле взаимодействия вполне субъективных политических интересов и национальных геополитических стратегий. В интересующем нас случае речь идет, в частности, о курсе нынешнего руководства КНР на развитие удаленных от центрального полуостровного массива глубинных, западных и северо-западных ареалов страны, которые включают два автономных и стратегиче-

ски важных района — Тибетский и Синьцзян-Уйгурский. В сущности, это не новый курс, а ускорение темпов его реализации.

Еще в 1992 году на XIV съезде КПК отмечалась необходимость смены региональных приоритетов в пользу подтягивания к наиболее развитому «Востоку» страны, т. е. приморским, побережным районам, отсталых «Центра» и «Запада». На 5-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва в 1995 году была провозглашена линия на «сбалансированное развитие регионов», которая нашла отражение в 9-й пятилетке (1996–2000 гг.). В июне 1999 года тогдашний руководитель КНР и КПК Цзян Цзэминь выступил с инициативой осуществления стратегии «великого освоения Запада», т. е. широкомасштабных вложений в экономику внутренних районов Китая. В качестве практических мер по ее реализации в марте 2000 года была официально принята Программа освоения западных регионов⁴.

Пришедшее в 2002 году к власти новое китайское руководство во главе с Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао обратило, судя по всему, еще большее внимание на проблему региональных диспропорций. В июне 2003 года Вэнь Цзябао сформулировал четыре направления «согласованного развития», и на втором месте среди них оказалось «развитие регионов».

Весьма характерным достижением нынешнего этапа экономического роста стало завершение строительства летом 2006 года Цинхай-Тибетской железнодорожной линии. Первая ветка этой дороги от столицы провинции Цинхай г. Синин до Голмуда у подножья Тибетского нагорья была завершена еще во времена Мао Цзэдуна. Сороужение дороги от Голмуда до столицы Тибета г. Лхаса началось в 2001 году. Предстояло проложить трассу в 1142 км, большей частью пролегающую на высоте до 5 тыс. км над уровнем моря, в условиях вечной мерзлоты. Впечатляющее по всем меркам предприятие было успешно выполнено за пять лет⁵.

Построенной дороге придают в Китае большое значение по ряду причин. Среди них и политические, связанные с беспокойной обстановкой в Тибете с его буддийским коренным населением, и экономические, обусловленные наличием больших природных богатств края и возможностями в перспективе приступить к их эксплуатации. На церемонии открытия дороги присутствовал Председатель КНР Ху Цзиньтао. В 1988–1992 годах он был секретарем парткома Тибетского автономного района, а до этого также работал в западных регионах (провинциях Ганьсу и Гуйчжоу). Избранный в 1992 году в

состав Постоянного комитета Политбюро и Секретариата ЦК КПК, он, по мнению наблюдателей, был в Пекине экспертом по западным регионам и сторонником усиленного внимания к их развитию⁶.

Очевидна, таким образом, преемственность в линии нынешнего китайского руководства (лидеров «четвертого поколения») на смягчение региональных диспропорций. В то же время эта особенность внутренней политики имеет свое продолжение во внешней. И здесь тоже наблюдается «связь времен». Пекин еще с конца 1980-х годов вынашивал планы сооружения транспортных коридоров в западном направлении. Предполагалось соединить Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) с основными регионами страны опять же посредством железнодорожных путей сообщения, а также соединить их с транспортной системой советской Средней Азии, обеспечив продвижение китайских грузов в северо-западном направлении, в СССР и далее в Европу. В сентябре 1990 года вступил в строй участок пути между провинцией Ганьсу и СУАР. Тогда же на пограничной станции Алашанькоу (Дружба) прошла церемония стыковки китайской железнодорожной сети с советской. С 1991 года началась регулярная перевозка грузов, а со следующего года и пассажиров по железной дороге, соединившей Китай тогда уже с Казахстаном. В 1999 году от столицы Синьцзяна г. Урумчи была построена еще одна ветка в западном направлении к границе с Киргизией⁷.

Вместе с тем после распада СССР и экономического кризиса, охватившего постсоветское пространство, существовавшие в Китае планы сооружения «Моста между Азией и Европой» пришлось отложить. К тому же после 1993 года, когда КНР, как уже отмечалось, стала ввозить сырую нефть, на первый план вышла проблема обеспечения энергетической безопасности.

Надо признать, что при решении этой новой для себя проблемы Пекин столкнулся со значительными трудностями. Основным источником импортируемой нефти стал для Китая Ближний Восток. Именно оттуда, из Саудовской Аравии и стран Залива, танкерным флотом доставлялись в китайские, главным образом южные, порты быстро возрастающие объемы сырой нефти. К 2000 году ее импорт возрос до 50 млн т. В следующее пятилетие объемы ввозимой Китаем нефти резко возросли, превзойдя прогнозы приблизительно на 40%. В середине десятилетия КНР импортировала уже 160 млн т

(3,2 млн баррелей в день), продолжая на 75–80% зависеть от поставок из стран Персидского залива и Африки⁸.

Сохранение зависимости Китая от поставок нефти морским путем через северную акваторию Индийского океана было следствием не слишком удачных попыток Пекина диверсифицировать источники получения нефти. Путь в Юго-Восточную Азию ему преграждали Япония и Республика Корея, которые сами в большой степени зависели от импорта из государств Ближнего и Среднего Востока.

Внимание Китая поэтому достаточно рано привлекло северо-западное направление. Произошедшее в середине 1990-х годов улучшение отношений с постсоветской Россией позволяло рассчитывать на весьма выгодную с точки зрения транспортировки в Китай разработку крупных месторождений углеводородного сырья Сибири. Рамочное соглашение о намерениях поставки природного газа из Ковыктинского месторождения близ Иркутска в Китай было подписано высшими должностными лицами двух стран еще в 1997 году⁹. Тогда же началась проработка вопроса о прокладке нефтепровода из Тайшета через Ангарск (близ Иркутска) в Северо-Восточный Китай через Монголию. Однако радужным надеждам завершить этот проект за три года не суждено было сбыться¹⁰. Впрочем, с начала 2000-х годов китайцы получали из России постоянно возрастающее количество нефти по железной дороге. Поставки не могли, впрочем, удовлетворить их запросы и обходились достаточно дорого. Доля российской нефти во всем китайском импорте выросла до 8%, а количество нефти — примерно до 13 млн т¹¹.

В 1997 году Китай приступил к ввозу нефти из Казахстана, также цистернами по железной дороге. К середине 2000-х годов количество перевозимой по железной дороге казахстанской нефти достигло 4–5 млн т, в 2007 году выросло до 8 млн т. После провала в 2003 году планов быстрого строительства нефтепровода из Иркутской области Пекин был вынужден основные надежды связать с перспективами получения нефти из Казахстана, несмотря на то что протяженность нефтепровода оттуда в два раза превосходила российский трубопровод.

Хотя общие договоренности о строительстве казахстанского нефтепровода относятся к 1997 году, его сооружение с помощью КНР активизировалось только в начале 2000-х. В 2003 году государственные нефтяные компании двух стран построили первую его секцию в западной части Казахстана (Атырау–Кенкияк), в 2006-м завер-

шилось строительство второй секции уже в восточной части страны — от Атасу до Алашанькоу. После этого первая казахстанская нефть по трубам пошла в Китай. Третья секция (Кенкияк–Кумкол) будет построена в центральном Казахстане к 2011 году. Тогда китайско-казахстанский нефтепровод и заработает на полную мощность¹².

Заинтересованность Китая в нефти из Казахстана стала особенно очевидной, после того как в 2005 году Китайская национальная нефтяная корпорация приобрела за 4,8 (по другим сведениям — 4,2) млрд долл. международную, зарегистрированную в Канаде, компанию «ПетроКазахстан» — основного производителя работ по сооружению нефтепровода. Причем, победив в тендерной торговле государственную корпорацию нефти и газа Индии, китайцы затем продали треть активов казахстанской госкомпании «КазМунайГаз»¹³.

Несмотря на определенные успехи в разработке западного и северо-западного направлений (в конце 2005 г. с Россией была достигнута договоренность о прокладке нефтепровода из Сибири в Китай; его первая стадия до китайской границы должна быть завершена к концу 2008 г.), зависимость Китая от поставок нефти морем, как уже отмечалось, остается исключительно большой. Даже для сохранения сложившейся структуры энергопотребления (удельного веса добываемого в стране угля, нефти, природного газа и других источников энергии, в том числе атомной) стране в условиях быстро растущего спроса на энергию требуется постоянно увеличивать объемы ввозимого углеводородного сырья. По некоторым расчетам, его потребности в импорте нефти вырастут к 2025 году до 460 млн т¹⁴.

Китайское руководство тревожит то обстоятельство, что основная часть сырья (до четырех пятых) перевозится и, если ничего не изменить, впредь будет транспортироваться по маршруту, включающему несколько «узких мест» — Баб-эль-Мандебский пролив у выхода из Красного моря, Ормузский пролив у выхода из Персидского залива и Малаккский пролив на входе в Южно-Китайское море. Особенно уязвим последний участок пути танкеров длиной почти в 1000 км между берегами Малайзии и Индонезии.

С начала 1990-х годов северная акватория Индийского океана превратилась в главную арену действий морских пиратов. Своего пика разбойные нападения на торговые суда достигли в 2003–2004 годах. Нефтеналивные суда, как правило, не представляли интереса для «чистых пиратов», но могли в любой момент стать приманкой

для политически мотивированных террористических атак¹⁵. После катастрофического цунами в декабре 2004 года Индийский океан попал в число «неблагонадежных» и по чисто природным причинам.

Существенным можно считать и геополитический аспект. Охрану безопасности Малаккского пролива стремятся взять на себя военно-морские силы США. В случае реализации данного желания это может превратиться в фактор давления на их вероятных противников, в числе которых виднейшее место занимает КНР. Проекция американской мощи в регионе, где между Пекином и Вашингтоном пролегает «невидимая ось» противостояния и находится о. Тайвань, дальнейшая судьба которого способна взорвать мир и безопасность, не может не беспокоить китайское руководство, воспринимающее американскую политику как стратегию сдерживания, геополитического окружения, попытку «сжатия» Китая¹⁶.

Таким восприятием политики Вашингтона и потребностями в обеспечении энергетической безопасности объясняются, по всей видимости, энергичные шаги нынешнего китайского руководства по поиску новых возможностей бесперебойного, наиболее выгодного экономически и надежного геополитически импорта углеводородного сырья. Помимо Ближнего Востока и Центральноазиатско-Каспийского региона, его внимание привлекли такие далекие континенты, как Африка (Судан, Нигерия) и Латинская Америка (Венесуэла, Эквадор, Аргентина). Нет ничего удивительного, что Пекин обратил взор и на смежный с Китаем регион Южной и Западной Азии.

Китайский курс на юго-запад

Поворот пришелся на богатый драматическими событиями и существенный в плане глобальных политических перемен в мире 2001 год. Известно, что Китай на протяжении более трех десятилетий — с конца 1950-х до начала 1990-х годов — имел достаточно натянутые отношения со своим главным соседом в Азии — Индией. Пограничные споры и конфликты интересов в перекрестной зоне их контроля в Гималаях вылились в короткую, победоносную для Пекина, пограничную войну 1962 года, а затем в его политику «контролируемой напряженности» в отношениях с соседом.

На этом фоне в главного партнера КНР в Южной Азии превратился Пакистан. Геополитическая линия Китая в отношении реги-

она к юго-западу от его границ стала постепенно меняться с конца 1980-х, но рубежом сегодня представляется 1993 год, когда состоялась поездка руководителя КНР Цзян Цзэминя в Индию и пошло на спад военно-техническое сотрудничество Китая с Пакистаном¹⁷.

Пройдя ряд этапов, среди которых было и заметное ухудшение отношений с Индией в течение года после проведенных ею в мае 1998-го подземных испытаний ядерного оружия, китайско-индийские взаимосвязи вступили в фазу подъема, сутью которого является конкурентное сотрудничество, т. е. кооперация в одних областях международной экономики и политики и соперничество в других.

В то же время отношения Китая с Пакистаном во второй половине 1990-х годов омрачала поддержка, которую последний оказывал движению *Талибан*, а косвенно (через талибов), но вполне возможно и непосредственно — международным исламским радикалам во главе с У. бен Ладеном и его подпольной сетевой организацией *Аль-Каида*. Среди проходивших обучение у радикально настроенных наставников в религиозных школах и семинариях Пакистана и Афганистана были и китайские уйгуры. Они по возвращении домой нередко становились зачинщиками политических выступлений, участниками беспорядков, актов террора и саботажа. Эти явления охватили СУАР на рубеже 1980–1990-х годов и лишь медленно затухали в дальнейшем¹⁸.

После 11 сентября 2001 года пакистанское руководство заявило об отказе от официальных связей с правительством афганских талибов, осудило деятельность *Аль-Каиды* и родственников ей религиозных экстремистов, в их числе, разумеется, уйгурских исламистов и националистов. Таким образом, среди последствий перехода Исламабада на сторону международных контртеррористических сил было и улучшение его отношений с Пекином, не опасавшимся более за спокойствие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Результаты нового сближения обнаружились уже в 2002 году, когда с помощью КНР началось сооружение крупного глубоководного порта Гвадар, расположенного на западе Макранского побережья Пакистана¹⁹. Надо заметить, что местечко Гвадар (площадью примерно 6 тыс. кв. км.) перешло во владение Пакистана уже после его образования. В 1958 году Англия «посоветовала» султану Омана и Маската, находившемуся от нее тогда в протекторатной зависимости, передать Гвадар Пакистану за умеренную, а по некоторым свидетельствам, чисто символическую плату (небольшая эта порто-

вая бухта находилась во владении Маската с 1781 г.)²⁰. Проект превращения Гвадара, расположенного в 100 км от береговой границы с Ираном и примерно в 400 км к востоку от Ормузского пролива, в крупный морской порт существовал с 1964 года. Однако средств на строительство у Пакистана не было, а внешние источники долгое время отсутствовали. З.А. Бхутто в апреле 1977 года, борясь за свое политическое, а как впоследствии выяснилось, и физическое выживание, в некоторых речах намекал некоей державе (видимо, СССР) на возможность выхода к «теплым морям» через одну из портовых гаваней на Макранском побережье, имея в виду, вероятно, в числе других, Гвадар²¹.

Однако еще до того интерес к нему мог проявить Китай, который с 1967 года начал строительство высокогорной шоссеиной дороги, соединяющей Синьцзян с контролируемой Пакистаном частью Джамму и Кашмира в районе перевала Хунджраб через Каракорумский хребет. Дорога между Китаем и Пакистаном, получившая название Каракорумского шоссе, была торжественно открыта в 1978 году²². Регулярное движение по ней началось несколько позже, в полной мере в середине 1980-х годов. Проложенная по топографически крайне сложному маршруту, дорога имела в первую очередь военно-логистическое значение. Она широко использовалась в 1979–1989 годах для переброски предназначенных для моджахедов (борцов с правительственными войсками Кабула) оружия, снаряжения и других военных грузов из Китая. Впрочем, шоссе имело узкое полотно и в течение примерно полугода было закрыто для движения по погодным условиям (сход снежных лавин, заносы и обледенение).

Каким бы сложным ни было движение по Каракорумскому шоссе, его сооружение имело немалое символическое и практическое значение. Оно стало реальной связующей нитью между Восточной и Южной Азией, первой ласточкой возрождения южного маршрута Великого Шелкового пути, того самого, по которому в древности осуществлялись контакты между китайской и индийской цивилизациями и произошла миграция буддизма на восток.

Сооружение Каракорумского шоссе было воспринято Индией как стратегическая угроза, попытка «охватить» ее с северо-запада. Правительственные заявления и протесты индийской общественности не могли, однако, возыметь особого действия. С середины 1980-х годов ограничителем на пути дальнейшего повышения роли

шоссе стало, как ни странно, поведение пакистанского руководства. Военный диктатор страны генерал М. Зия-уль-Хак совершил в 1984 году ознакомительную поездку по нему. Он посетил главные города Синьцзяна Кашгар и Урумчи и, будучи весьма набожным мусульманином, попросил китайские власти открыть давно закрытые местные мечети. Полагают, что, пойдя навстречу пожеланиям своего тогдашнего союзника в борьбе с СССР, китайские власти открыли «ящик Пандоры». Разумеется, были и другие причины, приведшие к некоторой либерализации внутреннего режима в СУАР, но результатом их действия стало несомненное возрождение ислама в регионе. Китайские власти поэтому постарались «задвинуть заглушку на дымоходе», в который могла превратиться дорога, ведущая из охваченных «исламистским угаром» Пакистана, Афганистана и Кашмира. Лишь в 1993 году перевал Хунджраб был открыт для пограничной торговли. Объемы перевозимых через него грузов еще в начале 2000-х годов считались равными всего 1–3 млн долл. Только после отмеченного выше поворота в политике Исламабада в «исламистском вопросе» Каракорумское шоссе начинает более активно использоваться в целях развития как приграничной, так и организованной торговли между КНР и Пакистаном.

Объем товарооборота между Китаем и Пакистаном на протяжении долгого времени оставался небольшим. Торговля осуществлялась в основном морем с большим дефицитом для Пакистана, который ввозил потребительские товары из Гонконга (с 1997 г. эти товарные потоки учитываются в статистике и отдельно, и как китайские). К 2001 году стоимость товарооборота достигла 1 млрд долл., а за последующие годы возросла в несколько раз. Например, в 2004 году она увеличилась до 2,4 млрд долл., а в 2005-м на 80%, до 4,26 млрд долл. (по данным китайской статистики, которая не вполне совпадает с пакистанской). В 2006 году торговля увеличилась, по данным за первый квартал, на 42%²³. Развитию взаимной торговли способствовали меры по снижению тарифов и других торговых барьеров после вступления Китая в ВТО в ноябре 2001 года. Постепенное снижение пошлин происходило на фоне начавшихся в середине 2000-х годов переговоров сторон о введении режима свободной (беспошлинной) торговли.

Итак, в начале XXI века Китай сделал особый акцент на развитие торгово-экономических отношений и кооперацию не только с Индией, на что обычно обращают главное внимание при анализе

ситуации в Восточной и Южной Азии, но и с Пакистаном. Пекин трижды предоставлял возможность президенту Пакистана генералу П. Мушаррафу совершать официальные государственные визиты в КНР — в 2002, 2003 и в феврале 2006 годов. В 2004 году Китай посетил пакистанский премьер Ш. Азиз. Китайские руководители посещали Пакистан реже и обычно совмещали эти поездки с визитами в Индию. Весной 2001 и 2005 годов в Пакистан приезжали премьеры Государственного совета КНР Чжу Жунцзи и Вэнь Цзябао. Во время визита последнего две страны подписали Договор о мире, дружбе и добрососедстве, а также соглашения о сотрудничестве в области обороны, политической, торговой и экономической сферах²⁴.

Несмотря на предоставление Вашингтоном Пакистану в том же году статуса главного союзника США вне НАТО (по борьбе с терроризмом), Китай продолжил развитие с ним многообразного военно-технического сотрудничества. Сторонами налажено совместное производство самолета JF-17 (класса американских F-16), а также двух современных фрегатов на стапелях Карачи. Кроме того, производятся поставки китайской военной техники в Пакистан, в том числе еще трех фрегатов, самолетов-истребителей и другого вооружения²⁵.

Несомненное стратегическое значение как для Китая, так и для Пакистана, имеет сооружение порта Гвадар. Там, по некоторым американским сведениям, возможно, и недостоверным, уже разместились китайские станции слежения (в частности, гидроакустический пост). Они позволят КНР наблюдать за военно-морской активностью США в Аравийском море, у входа в Оманский и Персидский заливы, а также за активностью ВМС Индии и их совместными с американцами маневрами.

Общая стоимость строительства в соглашении, подписанном в 2001 году двумя правительствами, оценивалась в 1,16 млрд долл. Китайская сторона согласилась участвовать в финансировании как первой, так и второй фазы сооружения порта, обеспечив до 80% расходов. Начавшиеся в марте 2002 года работы уже к началу следующего года дали результаты. Углубление дна в бухте Гвадар позволило принимать морские суда с грузом для строительства портовых сооружений. В 2004 году к причалам Гвадара смогло пришвартоваться крупное судно из Китая, доставившее тяжелое портовое оборудование. По данным на 2006 год, китайская сторона истратила на постройку трех многофункциональных причалов

около 200 млн долл., а пакистанская — 50 млн (около 3 млрд пакистанских рупий)²⁶.

Создание Гвадара дает Пакистану возможность при развитии портовой военной инфраструктуры отнести дислокацию своих морских сил на 460 км от Карачи (главной военно-морской базы) и на 500 км от берегов Индии. Это уменьшает опасность блокады флота индийцами, как это было в период войны 1971 года. Угрозы заблокировать пакистанский ВМС в Карачи раздавались и во время последнего пакистано-индийского конфликта 1999 года.

Военно-стратегическими целями отнюдь, впрочем, не исчерпываются на данном этапе оживленные двусторонние контакты между Китаем и Пакистаном. Им призвано содействовать открытие генерального консульства Китая в Карачи и соответствующего пакистанского представительства в Шанхае. Прямые китайские инвестиции в пакистанскую экономику в конце 2004 года оценивались в 4 млрд долл. С помощью Китая в Пакистане сооружалось свыше 100 объектов, на которых трудились около трех тысяч китайских менеджеров, специалистов и строителей. К началу 2006 года число китайских фирм в Пакистане выросло до 360, и они составили, по некоторым подсчетам, более половины всех иностранных компаний²⁷.

Трудности с реализацией проектов

Вместе с тем работы по сооружению Гвадара затянулись. Это объяснялось, главным образом, двумя обстоятельствами — беспокойной обстановкой в провинции Белуджистан, где находится порт, и недостаточной эффективностью пакистанских фирм-подрядчиков, связанной в немалой степени с коррумпированностью чиновников и медлительностью бюрократической машины.

Белуджистан с момента зарождения Пакистана в 1947 году представлял собой для него болевую точку. Расположенная к западу от нижнего течения Инда (исторической области Синд) пустынная территория, являясь топографически частью Иранского нагорья, и в культурно-историческом плане тесно связана с персо-афганским миром. Ареал расселения белуджских племен ныне охватывает не только Пакистан, но также юг Афганистана (провинцию Гильменд) и запад Ирана (остан Систан и Белуджистан).

Движение за более широкую самостоятельность (реальную автономию), пройдя ряд этапов, с конца 1970-х годов утратило силу

и популярность, возродившись только в начале нынешнего столетия. Эпицентром борьбы на новом витке стала область расселения крупного белуджского племени бугти. С 2003 года там, с согласия или по инициативе харизматического вождя племени, видного государственного и политического деятеля Пакистана Акбара Хана Бугти (не раз занимал посты губернатора и главного министра провинции), началась борьба с властями, в центре которой стоял вопрос об арендной плате (ренте) за использование природного газа, добываемого в провинции, прежде всего в округе Дера-Бугти. Промышленная разработка находящегося там богатейшего в Пакистане газового месторождения Суи велась с 1955 года. От него нити газопроводов протянулись в Карачи, Лахор, Исламабад и другие центры Синда и Панджаба (центральных провинций страны). Лишь в последнюю очередь газопровод провели в главный город провинции Белуджистан Кветту, а на ее нужды до последнего времени тратилось всего 6% объема добываемого газа²⁸.

Обострение борьбы вылилось в серию терактов — покушений на правительственных чиновников, взрывы газопроводов, обстрелы из гранатометов административных зданий, дорог и т. п. Власти в ответ ввели в провинцию дополнительные контингенты войск, развернули оперативно-розыскную и контртеррористическую деятельность. Эти меры, возымев определенное действие, в то же время увеличили масштабы недовольства и внутреннего сопротивления. Ведущую роль в оппозиционных кругах по традиции играют левые организации, прежде всего Белуджский фронт освобождения, Национальная народная партия и др. Из тактических соображений определенные элементы среди них могли, как полагают, координировать свои действия с исламистами — вновь поднявшими голову с того же примерно времени талибами и *Аль-Каудой*²⁹.

Предметом общего недовольства для оппозиционных групп, действующих в Белуджистане, стало сооружение порта Гвадар, а также других объектов с китайской помощью (в частности, шоссейной трассы, которая соединит Гвадар с Карачи). Такая реакция объясняется не тем, что местные политические силы выступают против экономического подъема региона. Они возражают против методов его достижения, утверждая, что он не дает положительных результатов коренным жителям провинции в виде рабочих мест, отчислений в бюджет провинции, увеличения в нем расходов на социальные нужды, возможностей для развертывания деловой деятельности бе-

луджскими бизнесменами и найма белуджей на работу в административно-управленческий аппарат. Собственно, это классический вариант недовольства местного населения экономическими переменами, которые приносят более существенные плоды чужакам, пришедшим людям, а не им. Все это накладывается на память о накопившихся за годы существования Пакистана обидах и оскорблениях, на отчуждение по отношению к иноязычным выходцам из Карачи и Панджаба, которые воспринимаются нередко как новые колонизаторы, наконец, на нежелание традиционных племенных вождей «идти в ногу со временем», лишаться привилегий, которые им дает бесправие зависимого от них населения.

В результате инициированные центральными властями «мега-проекты» по развитию Белуджистана (помимо Гвадара, к ним относится строительство сети шоссейных дорог, гидроэнергетических объектов и др.) вызвали вместо одобрения волну террористических атак. Работающие в провинции китайские специалисты несколько раз становились их жертвами — в мае 2004 года по дороге в Гвадар были убиты трое и ранены девять китайцев (всего там работало тогда 450–500 китайских строителей). В октябре того же года в Кветте террористы совершили новое нападение на китайских инженеров. В начале февраля 2006 года в Гвадаре были убиты еще трое китайских специалистов. Упомянутый выше визит П. Мушаррафа в Китай состоялся почти сразу после этого инцидента. Одной из его целей стало сгладить негативное впечатление от теракта и убедить китайскую сторону не сбавлять темпы сотрудничества с Пакистаном³⁰.

В тот же момент обострилась проблема нарушения сроков завершения начальной стадии работ по сооружению Гвадарского порта. Согласно договоренностям, строительство трех первых причалов должно было закончиться в начале 2006 года. Однако пакистанские подрядчики не справились с выполнением работ в срок. В качестве доводов, объясняющих задержку, приводились объективные данные об интенсивном заиливании дна в бухте и необходимости проведения дополнительных землечерпательных работ. Китайская портово-инженерная компания, строящая Гвадар, как позже выяснилось, собиралась предъявить счет пакистанскому правительству за невыполнение в срок (задержку в восемь месяцев) обозначенного в контрактах объема строительства на сумму в 1,6 млн долл. Штраф должен был компенсировать потери, связанные с вынужденным

простоем компании, которая не могла приступить ко второй фазе строительства. Визит Мушаррафа, по всей видимости, помог снять остроту этой проблемы³¹.

Преодоление сложностей

Следует иметь в виду, что условная дуга, соединяющая Синьцзян с Аравийским морем через территорию Пакистана, является не единственным направлением, которое Китай может, в принципе, избрать для решения упомянутой выше проблемы обеспечения безопасности своих поставок нефти из Ближнего Востока и Африки. Помимо юго-западной, пакистанской, дуги существует несколько иных гипотетических направлений. Одно из них — центральное — это выход из Тибета к Бенгальскому заливу через Непал, Индию и Бангладеш. Оно, однако, слишком сложно в топографическом отношении и на обозримую перспективу просто нереально. Другим — южным (юго-восточным) — направлением служит путь из южных провинций Китая через Мьянму к Бенгальскому заливу и Андаманскому морю. В стадии проектировки остается маршрут от Куньмина (южная провинция Юннань) до Ситугэ на мьянманском побережье Бенгальского залива. При разработке этого пути возможны как кооперация с региональными партнерами, в частности Индией (известна Куньминская инициатива сотрудничества Китая, Индии, Мьянмы и Бангладеш), так и самостоятельные действия, которые в Индии могут быть восприняты как попытка обойти ее с другого, противоположного пакистанскому, фланга. Для того чтобы, в частности, предупредить такое развитие событий, Дели конкурирует с Пекином за влияние на военное правительство Мьянмы³².

Еще одним вариантом избежать «ловушки» Малаккского пролива Пекину в 2004 году казался проект строительства крупного нефтеперерабатывающего завода на западной стороне тайландской части полуострова Малакка и сооружение «наземного моста», нефтепровода длиной в 220 км, дающего выход в Сиамский залив. Но резкий рост мировых цен на сталь и трубопрокат в 2005 году заставил отложить финансово-технологические расчеты, связанные с этим проектом³³.

По сумме вышеотмеченных причин юго-западное направление в китайской стратегии обеспечения энергетической безопасности осталось, судя по всему, предпочтительным. Надо к тому же заме-

тить, что в августе 2006 года в ходе операции по преследованию пакистанской армией группы белуджских повстанцев погиб Акбар Хан Бутти. Ожидавшейся вслед за тем вспышки ответных террористических действий не последовало, и обстановка в провинции стала более спокойной.

В этих условиях в ноябре 2006 года состоялся визит председателя КНР Ху Цзиньтао, который полностью оправдал надежды пакистанской стороны (хотя и на этот раз он совместил свою поездку с посещением Индии). Вопрос о неустойке за задержку в выполнении работ в порте Гвадар был закрыт. Стороны согласовали новые сроки завершения первой фазы строительства³⁴. Важным событием визита китайского руководителя стало подписание соглашения о создании режима свободной торговли между странами. Им предусматривается постепенное, в течение 3–5 лет, снижение тарифов (импортных пошлин) на большинство (50–70%) товаров. Предусматривается постепенное доведение в те же сроки преференций (нетарифных барьеров и налоговых скидок) на оставшиеся товары до половины их исходной величины. Вторая фаза соглашения предполагает введение свободной беспошлинной торговли на 90% товаров (т. н. тарифных линий). Причем речь в соглашении идет о торговле как потребительскими, так и производственными (инвестиционными) товарами³⁵. Одновременно с соглашением стороны разработали ряд мер для увеличения ввоза пакистанских товаров в Китай, с тем чтобы уменьшить дефицит Пакистана в двусторонней торговле.

Исключительно важно, что в ходе визита стороны подтвердили намерение начать осуществление работ по расширению полотна Каракорумского шоссе с 5–10 до 15–30 м. Принципиальное соглашение об этом (меморандум понимания) было подписано в июне 2006 года. Стоимость проекта, который будет, в основном, выполняться китайской корпорацией по строительству дорог и мостов, оценена в 794 млн долл. В качестве первой задачи корпорация займется сооружением нового участка дороги длиной в 335 км между перевалом Хунджраб и мостом Раикот вместо подлежащего затоплению участка в связи с сооружением плотины и гидроэнергетического комплекса Бхаша в округе Диамер пакистанских северных территорий³⁶.

Пакистанский президент озвучил идею строительства Каракорумской железной дороги. Однако китайская сторона сочла практически разрешимой на данном этапе лишь модернизацию желез-

нодорожного сообщения от конечного пункта Хавелиан на севере Пакистана до Синда с ответвлением на Гвадар³⁷.

Превратить высокогорную дорогу на всем ее протяжении в многополосное шоссе или построить в исключительно сложных топографических и климатических условиях железнодорожное полотно представляется задачами большой сложности. Однако постройка Цинхай-Тибетской железной дороги заставляет относиться к таким планам вполне серьезно.

Даже без учета расширения мощностей торгово-транспортного коридора между севером Пакистана и северо-западом Китая ожидается, что взаимная торговля увеличится к 2009 году почти вдвое — до млрд долл., а за следующие пять лет — до 15 млрд долл. при увеличении потока товаров, переправляемых через Каракорум³⁸.

Торгово-транспортный элемент формирующейся юго-западной дуги «Большой Восточной Азии» дополняется, подчеркнем еще раз, энергетической и стратегической составляющими. Гвадарский порт при осуществлении намеченных планов строительства в достаточно близкой перспективе будет иметь в общей сложности 12 причалов (морских терминалов). Из них три причала предназначаются для нефтеналивных судов. Танкеры и другие крупные морские суда (в том числе плавучие базы) смогут заходить в Гвадар благодаря намечаемому углублению дна до 14,5 м. Перегруженная на специальные грузовики и(или) железнодорожные цистерны сырая нефть далее продолжит путь по пакистанской территории вплоть до Китая³⁹.

Кроме того, планируется сооружение в ареале Гвадарского порта крупного нефтеперерабатывающего завода мощностью 10,5 млн т нефти в год. Китайская сторона уже выразила готовность участвовать в сооружении этого завода и, по сообщениям пакистанской печати, готова выступить с предложением об инвестировании в нефтехимический комплекс Гвадара до 12,5 млрд долл. Предусматривается, что в дальнейшем мощность завода будет расширена до 21 млн т, а строительство еще одного завода со временем увеличит перерабатывающие возможности промышленной зоны Гвадар до 30 и 40 млн т в год.

Перевозка наземным путем нефтепродуктов будет, несомненно, экономически более оправданна, чем транспортировка сырой нефти. Не менее перспективной, а технико-экономически, по-видимому, и более реальным представляется проект сооружения нефтепровода,

а также и газопровода по Каракорумскому маршруту (параллельно шоссе). При этом в печати упоминаются планы транспортировки нефти из Саудовской Аравии, строительство саудовско-китайского «транскаракорумского» нефтепровода. Официальные лица Пакистана делают предположения о возможности транспортировки по тому же маршруту нефти из Ирана и Африки⁴⁰.

Всем этим наметкам в начале 2007 года была придана, пожалуй, еще большая реальность в результате решения пакистанского правительства передать порт Гвадар в управление Международной администрации Сингапурского порта. Эта компания является крупнейшим оператором портовых объектов (20 в 11 странах, от Сингапура до Голландии). Компания согласилась вложить в строительство второй и третьей очереди Гвадарского порта 4 млрд долл. после того как вышеупомянутая китайская компания завершит сооружение первой очереди⁴¹.

Хотя Китай, по словам пакистанского премьер-министра Ш. Ази-за, не претендовал на дальнейшее освоение и управление портом (в противоположность, заметим, ранее достигнутым договоренностям), его заинтересованность в развитии Гвадара продолжает оставаться высокой, а влияние на ход и дальнейшую судьбу создаваемого на Макранском побережье Пакистана энергетического и экономического центра весьма значительным, если не решающим. Представляется, что выбор Сингапура был предварительно согласован с китайским руководством, и не исключено, что в ходе ноябрьского (2006) визита в Пакистан Ху Цзиньтао. В качестве кандидата на развитие и управление портом ранее фигурировала администрация порта Дубай, но Сингапур оказался более подходящей кандидатурой и для пакистанской, и для китайской стороны.

Возможности расширения юго-западной дуги

Торгово-транспортное и экономическое значение Гвадара, да и в целом пакистанского Белуджистана, не ограничивается лишь одним направлением на северо-запад в сторону Китая. Достаточно легко осуществимы планы соединения Гвадара шоссейными дорогами с Ираном и Афганистаном. Дорога от строящегося порта может быть проложена на северо-восток, параллельно пакистано-иранской границе. Она соединит порт с районом Саиндак, где обнаружены значительные запасы меди и золота. Концессия на их разработку, кста-

ти, уже получена китайскими компаниями. Транспортные пути от Саин-дака, соединившись с построенной еще в 1960-х годах шоссейной трассой, ведущей от Карачи к иранской границе, протянутся до иранского города Захедан и афганского Кандагара. Из Кандагара, по «круговому афганскому шоссе» (оно активно восстанавливается и реконструируется с иностранной, главным образом западной помощью), грузы из Гвадара наиболее коротким путем могут достигнуть Центральной Азии (Туркменистана и Узбекистана).

Вовлечение Ирана и Афганистана в широкую юго-западную дугу «Большой Восточной Азии» отвечает жизненно важным интересам Китая. Существенную часть сырой нефти, которую он импортирует из зоны Персидского залива, составляет иранская нефть (13,6% в 2004 г.). Пекин проявил заинтересованность в освоении новых месторождений, открытых в Иране, прежде всего Ядавара, запасы которого оцениваются в 2,7 млрд т нефти. Договоренность об участии Китая в этом проекте достигнута в 2004-м, а контракт подписан в 2006 году. Характерно, что наряду с государственной Китайской нефтехимической корпорацией (51% акций) в состав концерна вошли государственная нефтегазовая корпорация Индии (25%) и компания Шелл (20%). С 2009 года намечается добыча 7,5–15 млн т в год⁴². Еще одним перспективным проектом китайско-иранского сотрудничества является освоение крупнейшего газового месторождения Северный Парс. Величина сделки предварительно оценивается в 20 млрд долл.⁴³ Долгосрочные планы включают также строительство нефтепровода длиной в 386 км из Ирана на север в Туркменистан и Казахстан с подключением к казахстано-китайскому нефтепроводу. Этот путь, описывая широкую дугу, также позволяет избежать опасностей транспортировки энергоресурсов по морю».

Пекин, судя по всему, одобрительно относится к планам сооружения газопровода из Ирана через Пакистан в Индию. Этот проект находится в стадии согласования в течение ряда лет (со времен потепления в индо-пакистанских отношениях в 2003 г.). Стоимость строительства ныне оценивается в 7,5 млрд долл. Несмотря на внушительность расходов, правительства трех стран заявляют о готовности приступить к его осуществлению. Главным препятствием остается остракизм, которому подвергается Иран по инициативе США из-за его ядерной программы. Исламабад в начале 2007 года открыто отверг американское вмешательство в решение этого

вопроса. Вероятно, не без моральной поддержки со стороны Китая пакистанские должностные лица, вместе с индийскими, провели серию переговоров с иранской стороной по поводу сооружения газопровода. Пакистанцы и индийцы долго не могли договориться о цене поставляемого Ираном газа, но, в конце концов, компромисс как будто был найден⁴⁴.

В случае успеха трехстороннего — ирано-пакистано-индийского — сотрудничества в вопросе строительства газопровода оно может со временем перерасти в кооперацию с Китаем в этой области. Газовые магистрали можно проложить туда как из Индии, так из Пакистана.

Вместе с тем известно, что Индия и Пакистан конкурируют в области восстановления экономики Афганистана, да и в целом в программах интеграции региона от Индийского океана до центра Евразии. При этом Индия ориентируется на одни влиятельные в Афганистане силы, в основном представляющие север страны и преимущественно таджикскую элиту (Индия имеет прочные позиции в Таджикистане, являясь одной из немногих стран, располагающих там с недавних пор военно-воздушной базой), а Пакистан опирается на выходцев из пуштунского юга и юго-востока, хотя и среди пуштунов многие, в том числе президент Х. Карзай, настроенно, а иногда и резко критически относятся к действиям исламбадских властей.

В противовес проекту сооружения порта Гвадар и вертикали, ведущей от него в Центральную Азию, Индия помогает Ирану в строительстве расположенного у входа в Персидский залив порта Чахбахар. Планируется усовершенствование дороги, ведущей от него к Захедану с выходом далее на Афганистан (в Гильменд и Кандагар).

Несмотря на конкуренцию этих проектов, за которой просматривается и индийско-китайское соперничество, наличие различных путей, соединяющих Афганистан, а через него и Центральную Азию, с Мировым океаном не противоречит генеральным целям развития всего региона, который в перспективе можно себе представить и как широкую юго-западную дугу «Большой Восточной Азии».

Считается, что КНР менее многих других азиатских государств (тех же Пакистана и Индии) выиграл от новой ситуации, сложившейся в мире после 11 сентября 2001 года. Вместе с тем Пекин весьма оперативно откликнулся на призыв афганского руководства оказать ему помощь в восстановлении экономики страны. Помимо

субсидий, предоставленных им в первые месяцы после установления новой администрации в Кабуле, КНР выделила Афганистану кредит в 150 млн долл. и оказала иную поддержку, действуя как в рамках международных программ содействия Афганистану, так и самостоятельно⁴⁵.

Вместе с тем Китай, как и Россия, были оттеснены США и Западом от широкого участия в программах возрождения Афганистана. Известной компенсацией за это может служить тот факт, что к 2005–2006 годам обнаружилась недостаточная эффективность действий западного сообщества на афганском направлении. Это проявилось в первую очередь в усугублении проблем внутреннего развития страны. Союзникам не удалось снизить остроту наркопроблемы, т. е. зависимость афганского крестьянства от посевов опийного мака и экономики страны от производства наркотиков. На фоне неразрешенных социально-экономических проблем сельской местности, особенно на юге и юго-востоке Афганистана, произошла своеобразная регенерация движения талибов, радикальных исламистов, нашедших себе надежное укрытие в полосе полунезависимых пуштунских племен, относящейся по большей части к юрисдикции Пакистана.

В этих условиях афганское руководство сочло необходимым обратиться за содействием к Китаю. С одной стороны, Кабул добивался увеличения китайской помощи развитию, с другой — пытался оказать давление на Пакистан через его союзника и старшего партнера. Главным каналом для таких обращений стала созданная в июле 2001 года Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Основное назначение этой созданной преимущественно по инициативе Китая организации состоит в проецировании его мощи и влияния в западном, центральноазиатском направлении. Но с 2005 года, когда в нее в качестве наблюдателей были приняты Пакистан, Иран и Индия, организация получила и иное региональное измерение (южное и юго-западное). Оно усилилось в том же году, когда было объявлено о создании Контактной группы ШОС–Афганистан⁴⁶. Особое отношение к Афганистану проявляется в том, что Х. Карзай был единственным главой государства, который присутствовал в качестве почетного гостя на юбилейном саммите ШОС в Шанхае в июле 2006 года. В рамках контактной группы Пекин разработал серию мер по усилению своего участия в делах юго-западного соседа (Афганистан и КНР имеют общую границу малой протяженности в

районе Ваханского коридора, но путь из Китая в Афганистан может быть проложен только через пакистанскую территорию).

Если считать, что юго-западная дуга включает Пакистан и Афганистан, а также, в известной мере, и Иран, то ее значение для китайской внешнеполитической стратегии трудно переоценить. Успешная «разработка» этого направления позволила бы облегчить решение главной в настоящее время для Китая проблемы энергетической безопасности путем сооружения торгово-транспортных коридоров, расходящихся веером из северо-запада КНР и выводящих ее к Персидскому заливу и берегам Африки⁴⁷.

Подчеркнем, что реализация намеченных проектов сопряжена с немалыми сложностями. Однако настойчивость и одновременно взвешенность, которую проявляет Пекин при их продвижении и осуществлении? заставляет полагать, что в обозримой перспективе часть из них и, возможно, даже значительная, будет воплощена в жизнь. Вместе с тем нужно учитывать, что раздвижение границ «Большой Восточной Азии» на юго-запад потребует много времени, а успех зависит от разнообразных привходящих обстоятельств.

Здесь необходимо заметить, что китайские шаги по региональной интеграции не единственная попытка такого рода. Во многом похожи усилия США, главного, как считается, стратегического антагониста Китая. В отличие от Пекина, который предпочитает не афишировать планы, продвигаясь по-восточному, шаг за шагом, Запад прямо заявляет о намерениях, стремясь обеспечить им максимально широкую огласку и поддержку. В данном случае речь идет об идее «Расширенной Центральной Азии».

Южно-центральноазиатское направление американской геополитики

Хотя концепция «расширенной, или Большой Центральной Азии» привлекла внимание лишь относительно недавно, сама она, по существу, переживает второе рождение. Интерес к проекту Центральноазиатского макрорегиона впервые появился в начале 1990-х годов, после распада СССР⁴⁸. Однако международная и региональная ситуация тогда быстро изменилась, и новорожденная идея была оставлена и основательно забыта. Главные изменения, напомним, были связаны с несостоявшимся разворотом новых тюркских государств Центральной Азии в сторону Турции, поражением исламо-де-

мократического альянса в ходе гражданской войны в Таджикистане и глубочайшим кризисом в Афганистане после отстранения от власти прокоммунистического режима М. Наджибуллы. Столкнувшись с неблагоприятно складывающейся обстановкой в регионе, США ослабили внимание к нему и снизили материальные затраты, необходимые для поддержания безопасности и развития.

Положение вновь стало меняться после событий 11 сентября 2001 года и осуществления контртеррористической операции в Афганистане. Внимание США и выступившего в основном на их стороне мирового сообщества оказалось переориентировано на районы, ведущие в самый центр Азии. При этом в поле действия американской военной машины и союзных с ними государств — членов НАТО попал не только Афганистан, но и соседние с ним страны Центральной Азии.

Ввиду такого положения конструирование «Большой Центральной Азии» снова обрело актуальность. Если при первом своем рождении оно мотивировалось задачами продвижения США и Европейского Союза в центр Азии с запада, минуя ослабленную Россию, а в определенных рамках и с ее участием, то при втором оно в существенно большей мере полагается на собственные силы США и предполагает движение с юга, со стороны Индийского океана. Соответственно, если в начале 1990-х «Расширенная Центральная Азия» мыслилась как ареал вокруг новых независимых государств региона, то в середине 2000-х — как регион вокруг Афганистана.

По мысли основного автора концепции Ф. Старра, «новый мировой регион» включает шесть «суверенных государств»⁴⁹. Влиятельный американский аналитик предложил создать постоянно действующую программу «Партнерство для сотрудничества и развития в рамках Расширенной Центральной Азии», учредив в Кабуле пост специального посланника президента США по ее осуществлению. В апреле 2006 года там прошла достаточно представительная международная конференция, обсудившая перспективы сотрудничества в рамках такого региона⁵⁰.

План-проект включает в себя многие элементы, которые не могут вызвать возражений и с точки зрения вполне автономно действующих членов международного сообщества. Программа партнерства предполагает участие в ней как всех государств макрорегиона, так и сопредельных с ним стран, прежде всего Пакистана, но также Ин-

дии и Турции. Не исключена при определенных обстоятельствах и кооперация с Ираном.

Подчеркивая, что программа ориентирована на совместные действия с коалицией стран — непосредственных участников борьбы с талибами — и усилия по возрождению Афганистана, Ф. Старр призывает и Россию, и Китай присоединиться к ней, утверждая, что она не противоречит их интересам, существованию в континентальной Азии других интеграционных проектов и таких международных организаций, как ШОС и СНГ.

Со времени обнародования идеи (март 2005 г.) и проведения конференции весной следующего года в регионе произошли события, ставящие реализацию задуманного под большой вопрос. Имеются в виду критика действий руководства Узбекистана со стороны США и западного сообщества за подавление антиправительственных выступлений в Андижане в мае 2005 года, переориентация Ташкента на преимущественные связи с Россией, укрепление его контактов с Китаем, решение Ташкента о прекращении действия соглашения об аренде американцами авиабазы в Ханабаде. После смены власти в Киргизии в начале 2006 года позиции американцев ослабли и в этой стране. Неясна и направленность перемен во внешней политике Туркменистана после смерти в декабре 2006-го бессменного авторитарного лидера С. Ниязова.

Несмотря на эти перемены, в Вашингтоне не отказались от стремления к усилению своих позиций в центре Азии, как и на всем Ближнем и Среднем Востоке. При этом заметную роль там отводят мероприятиям, направленным на привлечение возможно большего числа членов международного сообщества к иницилируемым американцами проектам. Среди этих широких международных проектов выделяется выдвинутая в 2004 г. на совещании «Большой восьмерки» в Сияйленде идея сотрудничества развитых стран с регионом «Расширенной Северной Африки и Ближнего Востока», а также предложенный американскими сенаторами в том же году законопроект о «Большом Ближнем Востоке и Центральной Азии». В том же раду стоят структурные изменения, произведенные в конце 2005 года в Госдепартаменте США — изъятие пяти стран Центральной Азии из ведения Бюро по европейским и евразийским делам и создание Бюро по Южной и Центральной Азии во главе с помощником государственного секретаря Р. Баучером.

Повторим, что усилия дипломатии и военных США концентрируются на Афганистане. Исторически эта страна, которую иногда в литературе называют «сердцем Азии», представляла собой, как правило, буферную или промежуточную зону между крупными соседними державами и заморскими империями. Хорошо известно ее значение буфера в период «большой игры» в Азии в XIX веке между Англией и императорской Россией. Сходное положение страна занимала после окончания Второй мировой войны между США, унаследовавших у Великобритании геополитическую эстафету, и СССР. Все это время Афганистан оставался изолированной, «замкнутой на суше» страной, с ограниченным выходом к морю через Пакистан и Иран. С первой из этих стран у Афганистана имелись политические осложнения, обострение которых несколько раз прерывало жизненно важные для него торговые каналы. Из-за ряда факторов ограниченным для афганской стороны оставался и выход на север в сторону советских республик Средней Азии.

Попытка подстегнуть работу «сердца» Азии, предпринятая «коммунистическим» режимом Афганистана, не привела к желаемому результату. Прямое содействие Москвы вызвало острую реакцию ее геополитических соперников, что способствовало погружению страны в пучину междоусобной войны, из которой она пытается выйти, опять же с помощью извне, только спустя почти четверть века.

За последовавшие после разгрома талибов годы Афганистан добился некоторых успехов в политической и экономической областях. Произошла внешняя стабилизация режима, проведены демократические выборы президента и парламента, иными словами, создана политическая система. Благодаря существенной для ее масштабов иностранной помощи в Афганистане имел место, по данным национальной и международной статистики, устойчивый экономический рост. ВВП страны вырос по сравнению с 2001 годом почти вдвое.

Несмотря на недостаточную для быстрого и всестороннего подъема сумму предоставленных, а главное, эффективно израсходованных иностранных средств⁵¹, Афганистану удалось добиться определенных результатов в социально-экономической сфере. В стране, в частности, в основном сложилась система современных дорог, восстанавливается, как выше отмечалось, «круговая автодорога» между основными центрами юга, юго-востока, запада и северо-запада страны — Кабулом, Кандагаром, Гератом и Мазари-Шарифом. На

это уже истрчено 1,45 млрд долл.⁵² Действует, хотя и нуждается в серьезной реконструкции, туннель Саланг, соединяющий север и юг страны. Улучшено состояние и налажено движение по автодороге, соединяющей северо-восток Афганистана, главный город афганского Бадахшана г. Файзабад, с Кабулом.

Торгово-экономические связи Афганистана с соседями по Центральной Азии представляются достаточно ограниченными, хотя и имеют тенденцию к расширению. Об этом можно судить, в частности, по афгано-узбекской торговле. Если в 2002 году товарооборот между странами не превышал 62 млн долл, то в 2004-м он вырос до 130 млн, а в 2005-м (за 11 мес.) составил 155 млн долл. Известно также, что возросли объемы торговли Афганистана с Туркменистаном. Росту торговли между Афганистаном и Таджикистаном будет способствовать строительство новых мостов через разделяющую их реку Пяндж. Летом 2007 года закончится сооружение с помощью американцев моста значительной пропускной способности (1 тыс. автомобилей в день) в районе порта Шерхан (Шерханбандар)⁵³. При содействии международного исмаилитского фонда Ага Хана сооружены мосты, соединяющие две части горного Бадахшана (таджикскую и афганскую).

Увеличение торговли между Афганистаном и его северными соседями связано с заметным экономическим подъемом в Центральноазиатском регионе. Рост макроэкономических показателей там в значительной мере объясняется улучшением условий торговли на мировых рынках для сырьевых стран, особенно поставщиков энергоносителей. Вместе с тем свою роль сыграл и заметный на фоне достаточно скромных размеров местных экономик приток внешних ресурсов по различным каналам⁵⁴.

Если для бедного экспортным сырьем Афганистана первый фактор не может служить ориентиром с точки зрения перспектив его экономического роста, то второй фактор подъема экономик центрально-азиатских стран служит обнадеживающим знаком. Беда, однако, в том, что обострение ситуации с безопасностью в последние два года привело к дальнейшему перевесу расходов на военные цели в общей сумме выделяемых Афганистану средств⁵⁵.

Планы регионального и межрегионального взаимодействия

В разрабатываемых американскими, а также европейскими экспертами планах сотрудничества в рамках «Расширенной Центральной Азии» (нужно заметить, что Ф. Старр возглавляет изучающий эту проблематику объединенный центр, созданный на базе Университета им. Дж. Хопкинса и Упсальского университета в Швеции) особое внимание уделяется роли Пакистана как примыкающей к Афганистану стране-интегратору. Естественными преимуществами Пакистана является его географическое положение, исторически сложившаяся по этой причине роль главного проводника товаров и грузов для Афганистана. Исламабад при этом — традиционный стратегический партнер США, в 2005 году получивший статус его главного союзника за пределами НАТО (по борьбе с терроризмом). В США многим хотелось бы «замкнуть» регион Центральной Азии на Пакистан, превратить его главный порт Карачи в отправную точку для движения грузов в сторону Индийского океана и от его побережья вглубь материка.

Однако на пути реализации таких планов и наметок стоят уже упоминавшиеся проблемы взаимоотношений между Пакистаном и Афганистаном, связанные как с наследием прошлого, так и со столкновением реальных (а по сути, как всегда воображаемых) национальных интересов. Афганистан считает себя обделенным историей, которая могла бы позволить ему самому иметь выход к морскому побережью через населенные пуштунами и белуджами западные районы Пакистана. А тот, в свою очередь, старается убедить Афганистан смириться с геополитической реальностью и признать, вслед за мировым сообществом, проходящую по труднодоступной горной стране «линию Дюранда» законной границей между двумя государствами⁵⁶.

Несмотря на обиды и претензии, в развитии отношений между двумя странами после 2001 года наступил качественно новый этап. Имея за спиной США, а также Китай, Пакистан оказывает помощь в восстановлении афганской экономики (на Лондонской конференции 2006 г. по содействию Афганистану он обещал выделить на эти цели 150 млн долл., лишь немногим меньше, чем Индия). Более 70 тысяч пакистанцев трудятся сегодня в Афганистане (в одном Кабуле — 40 тысяч). Пакистан уверенно занимает место лидера в торго-

вом обороте Афганистана. На него, по данным за 2005 год, приходится 24% экспорта и 25,5% импорта страны⁵⁷.

С Пакистаном связан один из главных проектов, призванных соединить Афганистан с Центральной Азией. Это сооружение газопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан с возможным продлением его в Индию. Проект возник еще в середине 1990-х годов, пользовался поддержкой правительств Туркмении и Пакистана и заинтересовал ряд компаний, прежде всего американскую «Юно-кал» и аргентинскую «Бридаc». Тогда, кстати, намечалось и доленое участие в проекте российского Газпрома (10%). После 1998 г. реализация проекта была заморожена, и интерес к нему появился вновь только после отстранения от власти талибов. Было подготовлено технико-экономическое обоснование (ТЭО) и состоялись многочисленные раунды переговоров между чиновниками Туркменистана, Афганистана и Пакистана. В 2005 году Азиатский банк развития согласился выделить 1 млрд долл. на сооружение Трансафганского газопровода (ТАГ), и оно должно было начаться в конце того года, но так и не началось.

Причина задержки, по-видимому, в том, что отношения между Афганистаном и Пакистаном с 2005 года заметно ухудшились. Кабул обвиняет Исламабад в недостаточно эффективной борьбе с талибами на своей территории. С ухудшением политической конъюнктуры отчасти, видимо, связана и принципиальная нерешенность некоторых важнейших вопросов строительства Трансафганского газопровода. Так, не найдены основные инвесторы в строительство и будущие владельцы-операторы. Ориентировочная стоимость проекта увеличилась, между тем, с 2 млрд долл. более чем вдвое. Неясным остается вопрос и о его экономической обоснованности. У экспертов имеются сомнения относительно реальных запасов доступного для добычи природного газа. По ТАГ, согласно расчетам, должна осуществляться транспортировка топлива с туркменского месторождения Довлета-бад. Его оценочные запасы — 1,8 трлн кубометров газа. При пропускной мощности трубы в 30 млрд в год их хватит на 60 лет. Но независимая экспертиза, подтверждающая эти расчеты, не проведена. Велика также общая протяженность трубопровода — около 1,5 тыс. км. Из них по территории Туркменистана нужно проложить 170 км, Афганистана — 830 км и Пакистана — 400 км. Самый протяженный участок трубопровода пролегает,

как видно, по наиболее беспокойному из государств — участников проекта.

Сделать южный путь для туркменского газа реальным могли бы три обстоятельства — улучшение ситуации со стабильностью и порядком в Афганистане и соседних с ним районах Пакистана, заинтересованность Индии в получении туркменского газа через территорию Пакистана, а также интерес Китая к отводу газа через Пакистан на север по транскаракорумскому пути. По некоторым сведениям, Пекин делает долгосрочные расчеты на прокладку пяти трубопроводов, газовых и нефтяных, через Каракорум.

Помимо трубопроводных вертикалей, способных соединить макрорегионы «Расширенной Центральной Азии» и «Большой Восточной Азии», их могут объединить также линии электропередачи. Проектировки такого рода появились еще раньше трубопроводных. Таджикистан и Киргизия относятся к числу весьма богатых гидроресурсами стран мира. Производство электроэнергии в этих республиках превосходит в настоящее время их потребности. Между центральноазиатскими государствами происходит перераспределение энергии в рамках созданной еще в советское время объединенной энергосистемы. Начатое в 1980-х годах сооружение двух новых крупных гидропроектов — Рогунской и Сангтудинской ГЭС — должно было обеспечить электроэнергией растущие мощности Южнотаджикского промышленного района. Однако к 1993 году работы на них (доведенные в Рогуне чуть ли не до половины) были остановлены из-за отсутствия финансовых средств. К ним удалось вернуться только в начале 2000-х годов. В октябре 2004-го между таджикским правительством и крупнейшей российской частной компанией «Русский алюминий» (РУСАЛ) было подписано соглашение о долгосрочном сотрудничестве. Первым объектом совместной деятельности выбрано завершение строительства Рогунской ГЭС, плотина которой станет самым высоким сооружением такого рода в мире (335 м). К 2010 году планируется ввод в эксплуатацию двух агрегатов общей мощностью 4 тыс. МВт. В апреле 2005 года началась реализация проекта по строительству Сангтудинской ГЭС-1. Партнером правительства Таджикистана выступает государственная корпорация РАО «ЕЭС Россия». Сооружение электростанции мощностью 670 МВт планируется завершить в 2009 г., и строительные работы идут полным ходом⁵⁸.

Появление к 2010 году двух новых гидроэнергетических объектов в Таджикистане предполагает увеличение потребления электроэнергии как в «узком» центральноазиатском регионе, так и в его расширенном варианте. Нет сомнения, что Таджикистан сможет удовлетворить энергетические потребности Северного Афганистана, а скорее всего, и страны в целом. Более того, электроэнергию из Таджикистана можно будет экспортировать в Пакистан, т. к. ввод новых крупных энергетических мощностей там намечен на период после 2010–2012 годов.

Транспортировка электроэнергии из Центральной Азии на юг представляет собой в нынешних условиях технически вполне разрешимую задачу. Кроме Таджикистана, возможности для вывоза электроэнергии имеет также Киргизия. Причем, как и Таджикистан, республика в перспективе сможет экспортировать электроэнергию и своим менее богатым гидроресурсами соседям по Центральной Азии, и в Южную Азию через территорию Китая. Планы прокладки линий электропередачи вдоль Каракорумского шоссе разрабатывались еще в начале 1990-х годов, и с вводом в строй новых ГЭС в Киргизии они могут пригодиться.

Надо отметить, что середина 2000-х годов станет, возможно, поворотным этапом в реализации планов передачи электроэнергии из Центральной Азии в южном направлении, хотя речь пока идет о небольшом количестве электроэнергии. Так, по некоторым сведениям, Афганистан уже начал закупать электроэнергию в Таджикистане и даже Туркмении, а Узбекистан приступил к строительству линии электропередачи в северные районы Афганистана. В мае 2006 года четыре страны — Пакистан, Афганистан, Таджикистан и Киргизия — договорились в Исламабаде о строительстве высоковольтных линий электропередачи, одна из которых пройдет от Кабула до Пешавара на северо-западе Пакистана⁵⁹.

Еще одна важнейшая сфера региональной и межрегиональной кооперации — транспорт и связь. Тут выделяется несколько отраслей, и в первую очередь железные дороги. Афганистан принадлежит к одной из немногих стран мира, где железнодорожное сообщение, по существу, отсутствует (небольшая ветка построена лишь на севере в районе пограничного с Узбекистаном речного порта Хайратон). На пограничные с Афганистаном территории выходят железнодорожные пути двух центральноазиатских государств — Узбекистана и Туркменистана. Ашгабат делает особый упор на развитие своей

железнодорожной сети. Национальной программой предусматривается прокладка более 2 тыс. км новых линий, из которых четвертая часть уже проложена. С 1996 года действует международная железнодорожная ветка Теджен — Серахс-Мешхед, соединяющая Туркмению с Ираном. Планируется сооружение железнодорожного моста через Амударью, который откроет еще один путь для транзитных товаров, в Узбекистан и Таджикистан, а через Термез — в Афганистан. Мост соединит правобережный участок железной дороги с остальной железнодорожной сетью Туркменистана и откроет перспективу соединения севера и юга «Расширенной Центральной Азии» с помощью железных дорог или комбинированно, с использованием наряду с ними автодорожного транспорта.

Автодорожное строительство уже фактически стало одной из ведущих областей экономического возрождения Афганистана и региональной кооперации. Имеются планы соединения автомобильными дорогами всего огромного региона, представлять ли его как расширение Центральной Азии или как продолжение на юго-запад Восточной Азии. Главными линиями соединения смогли бы быть маршруты между Казахстаном и Узбекистаном, с одной стороны, Афганистаном и Пакистаном — с другой, при обязательном участии Китая. Собственно, именно китайская автодорожная сеть — Каракорумское шоссе с его ответвлениями в сторону Таджикистана (Памира) и Киргизии (в Ферганскую долину и долину р. Нарын) и делает возможными такие проектировки.

Существует несколько маршрутов, ведущих из Центральной Азии на юг, однако все они пока напоминают тонкие ручейки, не способные по ряду причин в обозримом будущем трансформироваться в широкие потоки. Западный вариант нового «Шелкового пути» начинается в узбекской столице Ташкенте, включает центр Северного Таджикистана Худжанд, таджикскую столицу Душанбе, административный центр Горно-Бадахшанской области Таджикистана Хорог, далее через перевал Кульма (открытый в 2004 г.) по китайской территории до соединения с Каракорумским шоссе. Восточный вариант пути из Ташкента пролегает через узбекский Андижан и киргизский Ош (оба города расположены в Ферганской долине), далее минуя Иркештам на границе с Китаем по дороге на Кашгар в Синьцзяне, где начинается Каракорумское шоссе⁶⁰.

Наиболее реальным пока оказалось соединение Пакистана не с Узбекистаном, а с Казахстаном. В декабре 2006 года первый груз

из Пакистана достиг крупнейшего казахстанского города Алма-Ата, проделав путь по территории сначала Китая, затем Киргизии по дороге, соединяющей ответвление Каракорумского шоссе с киргизской границей в районе перевала Торугарт, ведущего в долину Нарына. Соглашение о транзите между четырьмя странами было подписано еще в 1995 году. Пакистанские бизнесмены собираются наладить вывоз из Казахстана продовольственного зерна, хлопка, химикатов и других товаров. Освоение этого маршрута позволит Казахстану и Киргизии вывозить свои товары в Пакистан, а через его морские порты в другие страны⁶¹.

Следует еще раз подчеркнуть, что растущий экономический потенциал Китая создает сильное поле регионального и межрегионального взаимодействия вокруг него. В соответствии с традиционным геополитическим мышлением, распространенным в Китае, его воздействие на окружающие страны и народы воспринимается как модель благожелательного (и покровительственного) сотрудничества «срединной державы» с поясом соседних и смежно расположенных государств. Мало того, границы между ближним и дальним зарубежьем в традиционных представлениях китайцев сильно размыты, т. к. вся заграница воспринимается, по сути, как единое целое⁶².

Между тем, экономическое развитие Китая в начале XXI века характеризуется, среди других, следующими двумя особенностями. Наличие значительных масс дешевой и дисциплинированной рабочей силы в сочетании с современными техническими и технологическими достижениями позволяют КНР осуществлять трудно решаемые в рамках какой-либо иной социально-политической и национальной системы проекты транспортного строительства в тяжелых и экстремальных условиях. Это открывает пути для освоения горного и высокогорного массива в Восточной и Центральной Азии (Тибета, Памира, даже Гималаев).

Вторая особенность состоит в зависимости Китая от импорта энергоресурсов. На данном этапе его экономика ощущает нехватку нефти, но в близкой перспективе КНР, по всей вероятности, станет и нетто-импортером природного газа, который способен заменить нефть и нефтепродукты в качестве энергетического источника.

Обе эти черты делают актуальными и жизненно важными планы Пекина по освоению материкового «околокитайского» пространства, которое богато залежами нефти и газа. Кроме использования

нефтегазовых месторождений к западу (Центральноазиатско-Каспийский регион) и северо-западу от него (Западно-и Восточносибирский ареалы), определенные перспективы сулит и сооружение энерготранспортных коридоров из Синьцзяна на юго-запад к наиболее качественным и дешевым по стоимости энергетическим богатствам зоны Персидского залива.

Создание энергетического коридора — важнейший, но не единственный аргумент в пользу представления о наличии юго-западной дуги формирующейся «Большой Восточной Азии». Помимо энергетики существенной является и торгово-транспортная составляющая маршрута из Синьцзяна к Аравийскому морю. Если намечаемое расширение Каракорумского шоссе удастся успешно реализовать, высокогорная трасса превратится в достаточно мощную (но все же, по-видимому, не круглогодичную) артерию, соединяющую центр Евразии с Мировым океаном.

Немаловажное значение освоение Макранского побережья Пакистана имеет и с точки зрения геополитических и военно-стратегических интересов КНР. Оно позволяет Пекину обозначить свое присутствие вблизи Персидского залива, Красного моря и Африканского Рога, бросив тем самым вызов доминированию США и их союзников в районе, кардинально важном с точки зрения безопасности исключительно значимых для КНР морских путей. Играть роль и мотивы конкуренции с Индией, наращивающей военно-морскую мощь в северной акватории Индийского океана, особенно в свете вероятного стратегического ее блокирования с США, Израилем, европейскими странами.

Весьма любопытно, что китайские (не афишируемые) намерения по «обустройству» юго-западной дуги «Большой Восточной Азии» на данном историческом этапе не вступают, как кажется, в противоречие с американскими планами «Расширенной Центральной Азии», или «Большого южно-центральноазиатского пространства». Это объясняется тем, что США и их союзники по НАТО берут на себя «черновую» работу по утверждению гражданского порядка и безопасности во внутренних районах широкого пояса от Центральной Азии — на севере, до Афганистана и Пакистана — на юге. Основную часть сил и средств Запад расходует в Афганистане именно на эти цели, не уделяя, по-видимому, необходимого внимания подъему экономики и решению социальных задач. Не исключено, что через три-четыре года, создав в этой стране национальную армию и

убедившись в ее возможностях поддерживать относительный мир и порядок, США выведут оттуда основную часть своих вооруженных сил, предоставив другим государствам и международным корпорациям продолжить экономическое освоение афганского рынка и его природных ресурсов. При таком гипотетическом варианте Китай, скорее всего, будет иметь преимущества перед другими глобальными и региональными игроками.

Политика обеспечения стабильности и условий для мирного существования людей, борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в полной мере отвечают и интересам России. Для Москвы выгодно поддержать такое вмешательство внешних сил, которое не направлено на прямое или косвенное ее вытеснение с геополитического и геоэкономического поля Центральной Евразии (Центральной Азии и Южного Кавказа). Именно этот регион может считаться на обозримую перспективу частью ее расширенной региональной системы, «Большой России». По ряду причин интересы России неотвратимо сдвигаются с запада на восток Евразии и ориентируют ее региональную (евроазиатскую) политику в сторону юга и юго-востока. При этом у России есть два фланговых направления — южное (кавказско-иранское) и восточное (дальневосточно-китайское). Между ними располагается центральное (сибирско-центральноазиатское). Все они взаимосвязаны, различаясь по конкретным характеристикам.

На центральном направлении Россия сталкивается с проектами-конкурентами, американским и китайским. Исход этой конкурентной борьбы трудно предугадать. Дьявол, как известно, кроется в деталях, и успех той или иной программы зависит не от аналитической красоты и совершенства, но от эффективности систем (политических, экономических, социальных), приводящих ее в действие.

На данном этапе все геополитические и геоэкономические межрегиональные проекты не кажутся взаимоисключающими. Они укладываются в представления об открытом регионализме, скорее дополняют и взаимодействуют, сопрягаются друг с другом, чем входят в противоречие. Взаимоналожение макрорегиональных конструкций результате которого в выигрыше должны оказаться все (хотя и неодинаковым). Модель такой конкуренции в сотрудничестве, соревновании на эффективность, соответствует представлениям о многосторонней «кооперационной безопасности» в противовес безопасности коллективной, лидерской⁶³.

В конце заметим, что процесс экономического преобразования материковых просторов Азии находится все еще в первоначальной стадии. Хотя теоретические наработки в этой области существуют давно, а конкретные проекты и меморандумы о понимании относятся к началу — середине 1990-х годов. Все же, несмотря на объективные трудности стяжения регионов и формирования в этой части мира политико-экономических макропространств, продвижение к ним, очевидно, продолжится. Но не следует ожидать быстрых результатов. Нельзя также исключить и длительные приостановки, вызванные комбинированным воздействием разнообразных научно-технических, экономических и политических факторов.

Примечания

¹ EIA Country Briefs China 2006. URL: <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/chma/html>

² См.: *Воскресенский Л.Д.* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006, с. 26–28, 48–49.

³ См.: *Boyer A.L.* Recreating the Silk Road: The Challenge of Overcoming Transaction Costs // *China and Eurasian Forum Quarterly*. 2006. Vol. 4. № 4, p. 71–96.

⁴ *Ху Аньган.* Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2005. № 1, с. 46; *Кондрашова Л., Ма Вэнъице.* КНР: выбор региональных приоритетов // Там же, с. 82–83, 88.

⁵ *Lam W.* The Qinghai-Tibet Railway: China's New Instrument for Assimilation // *The Jamestown Foundation, China Brief*. Vol 6, 11 (2006, July 5). URL: <http://www.jamestown.org>

⁶ У. Лэм утверждает также, что как партийный секретарь Тибетского автономного района Ху Цзиньтао руководил подавлением антиправительственных выступлений в Лхасе в марте 1989 г. // *Ibid.*

⁷ *Кондрашова Л., Ма Вэнъице.* КНР: выбор региональных приоритетов, с. 91.

⁸ *The World Fact Book: China*. URL: <http://www.worldfactbook> updated at 8 February 2007; *Hirst C.* China's Global Quest for Energy. Washington, 2006. A Report for the US Government, PDF Format, p. 3. URL: <http://www.iags.org>; *Norling N.* Russia's Energy Leverage over China and the Sinopec-Rosneft Deal // *China and Eurasia Forum Quarterly*. Vol. 4. № 4, p. 32. В то же время надо иметь в виду, что доля нефти в структуре первичных источников энергии, потребляемых экономикой КНР, согласно последним данным, составляет 22%, природного газа — 3%, а основная часть приходится на уголь — 69% // *EIA Country Briefs China*.

⁹ См.: Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. М. : Просвещение, 2004, с. 868.

¹⁰ См. интервью с тогдашним главой НК ЮКОС М. Ходорковским, который, судя по всему, был одним из главных инициаторов «китайского» проекта (Эксперт. 2000. № 3, с. 23); см. также: *Norling N. Russia's Energy Leverage over China*, p. 33–34.

¹¹ *Ibid.*, p. 32.

¹² *Резникова О.Б.* Китай и Центральная Азия: асимметрии экономического взаимодействия // Евразия: современные проблемы развития / Отв. ред. А.А. Рогожин. М. : ИМЭМО РАН, 2005, с. 81–84; *Hirst C. China's Global Quest for Energy*, p. 5.; *Guo Hue tang. The Energy Security in Central Eurasia: the Geopolitical Implications to China's Energy Strategy* // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2006. Vol. 4. № 4, p. 130; *Xuanli Liao. Central Asia and China's Energy Security* // *Ibid.*, p. 65.

¹³ *Ibid.*, p. 5–6. В ходе визита Н. Назарбаева в Москву в апреле 2006 г. получила подтверждение информация о том, что Россия готова подключиться к казахстано-китайскому проекту, переводя конкурентные отношения с Казахстаном в партнерские. См.: *Лаумулин М.* Газпром как ТНК и страны Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2006. № 5, с. 49; о западном направлении в энергетической политике КНР см.: *Томберг И.* Центральная Азия и Каспийский регион: новый этап «большой энергетической игры» // *Центральная Азия и Кавказ*. 2006. № 5, с. 31–33.

¹⁴ *Hirst C. China's Global Quest for Energy*, p. 3.

¹⁵ См.: *Белокреницкий В.Я.* Энергетическая безопасность Северо-Восточной Азии: проблема террористических и нерегionalных политических рисков // *Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии* / Под общ. ред. и рук. чл.-кор. РАН А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2007, с. 517–536.

¹⁶ *Hu Shisheng. China's South Asia Policy and its Regional* // *Major Powers and South Asia*. Islamabad, 2004, p. 306–310.

¹⁷ Пик китайско-пакистанского сотрудничества в ядерной и ракетной областях пришелся, по-видимому, на 1980-е — начало 1990-х гг. В 1993 г. Китай подписал Договор о ядерном нераспространении, а в 1996 г. прекратил подземные ядерные испытания. Взяв на себя такие обязательства, он был вынужден более осторожно относиться к передаче секретов ядерного оружия и производства баллистических ракет Пакистану, стремясь не давать поводов для острой критики Вашингтоном. Можно предположить, что после этого Пакистан перенес центр тяжести своих усилий по получению доступа к ракетным технологиям с Пекина на Пхеньян, и именно северокорейский прототип позволил пакистанским военным совершить удачный запуск первой в Южной Азии ракеты средней дальности в апреле 1998 г.

См., в частности: Ядерное противостояние в Южной Азии / Под ред. А. Арбатова и Г. Чуфрина. М.: Московский центр Карнеги, 2005, с. 17–22.

¹⁸ О подъеме сепаратистского движения в СУАР см., напр.: *Dillon M.* Xinjiang: Ethnicity, Separatism and Control in Chinese Central Asia. Durham: East Asian Studies, University of Durham, 1995, p. 17–34. По сравнению с рубежом 1980–1990-х гг. ситуация с безопасностью в Синьцзяне в начале XXI века явно улучшилась, чему способствовали и экономический подъем, и ослабление сил экстремистов и сепаратистов, и наличие в регионе 200-тысячной китайской армии. См.: *Niazi T.* The Ecology of Strategic Interests // *China and Eurasia Forum Quarterly*. Vol. 4. № 4, p. 111.

¹⁹ См.: *Замараева Н.А.* Пакистанский порт Гвадар в региональной стратегии Китая. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/12-11-06.htm>; *Chaturvedi R.R.* Interpreting China's Grand Strategy at Gwadar // *Peace and Conflict*. 2006. Vol. 9. № 3. March, p. 4–5.

²⁰ *Lamb A.* The Asian Frontiers. Melbourne; Canberra: Cheshire for the Australian Institute of International Affairs, 1968, p. 95; *Hafeez M.* Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics. L.: Macmillan, 1994, p. 103–104.

²¹ Dawn. 1977. April.

²² *Мукимджанова Р.М.* Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики. М.: Научная книга, 2005, с. 84.

²³ *Aneja U.* Pakistan-China Relations. Recent Developments (Jan-May 2006) // *IPCS Special Report 26*. New Delhi, p. 6.

²⁴ Pakistan, China Sign Treaty of Friendship // Dawn. 06 April 2005. URL: <http://www.dawn.com>; 'Friendship Enters New Qualitative Stage': Musharraf-Wen Meeting // Dawn. 07 April 2005.

²⁵ *Niazi T.* Thunder in Sino-Pakistan Relations // *The Jamestown Foundation China Brief*. 2006. Vol. 5–6. March 02.

²⁶ См.: *Замараева Н.А.* Пакистанский порт Гвадар в региональной стратегии Китая; *Ramachandran S.* China's pearl in Pakistan's waters // *Asia Times Online*. March 4. 2005. URL: <http://www.atimes.com>

²⁷ PM outlines incentives for Chinese investors // *The News International*. December 18. 2004. URL: <http://www.thenews.com.pk>; Pakistan an emerging economic hub, says Musharraf // Dawn. February 24. 2006.

²⁸ *Haider Z.* Baluchis, Beijing, and Pakistan's Gwadar Port / *Z. Haider* // *Georgetown Journal of International Affairs*. Winter-Spring 2005, p. 97.

²⁹ *Ibid.*, p. 100–101; Pakistan: The Worsening Conflict in Baluchistan. — *International Crisis Group Asia Report*. 2006. № 119. September 14. URL: <http://www.crisisgroup.org>

³⁰ *Ramachandran S.* China's Pearl Loses its Luster // *Asia Times Online*. Jan. 21. 2006; China to Bolster Security Cooperation // Dawn. 2006. February 20.

³¹ «All-weather» Pakistan—China friendship // People's Daily Online, 22 February 2006. URL: <http://english.peoplesdaily.com.cn>

³² *Шилин А.А.* Стратегический баланс в Южной Азии. М.: Научная книга, 2004, с. 168–169.

³³ *Hirst C.* China's Global Quest for Energy, p. 13.

³⁴ *Mustafa K.* Delay in Gwadar Port Project Causes \$500 m. Loss // The News International. 2007. January 4.

³⁵ Islamic Republic of Pakistan People's Republic of China Free Trade Agreement. URL: <http://www.pakistanlink.com.pk>

³⁶ Editor-in-Chief. A Very Important Friendship // The News International. 2006. November 26.

³⁷ *Idem.* Railways Progress: Musharraf // The News International. 2006. December 19.

³⁸ China Interested in Himalayan Pipeline // The News International. 2006. October 24.

³⁹ *Fazl-e-Haider S.* Gwadar and Oil Politics / S. Fazl-e-Haider // Dawn. 2007. January 15.

⁴⁰ Pak-China to Discuss Road Projects // The Nation. 2006. Match 16. URL: <http://www.thenation.com.pk>; *Fazl-e-Haider S.* Gwadar and oil politics.

⁴¹ Port of Singapore to Operate Pakistan's Gwadar Port // Xinhua, People's Daily. 26,12,2006; Singapore to Run Gwadar Port Management // The News International. 2007. January 11.

⁴² *Maleki A.* Iran and China: Dialogue on Energy // Harvard University. 2006. May 15. URL: <http://www.bcsia.ksg.harvard.edu>, PDF Format, p. 30; *Guo Xuetang.* The Energy Security in Central Eurasia, p. 123–124.

⁴³ Iran sees China gas deal taking year to sign // Reuters News. 2007. February 12. URL: <http://www.uofaweb.uzalberta.ca>

⁴⁴ Pakistan, India will Resist Pressure: Iran; Gas Pipeline Project // Dawn. 2005. September 30; IPI Deal Close, Says Aziz // Dawn. 2007. February 19.

⁴⁵ *Chu Shalong.* Tsinghua University, Beijing. China and Peacebuilding and Reconstruction of Afghanistan // Manuscript. 2002. September.

⁴⁶ Протокол Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан о создании Контактной группы ШОС–Афганистан, ноябрь 2005 г. См. официальный сайт ШОС.

⁴⁷ О значении таких коридоров говорит тот факт, что, по данным на 2004 г., доля государств Залива в нефтяном импорте Китая равнялась 45%, а стран Африки — 29%. *Afrasiabi K.* China's Energy Insecurity and Iran's crisis, p. 2.

⁴⁸ См., например: *Canfield R.L.* Restructuring in Greater Central Asia: Changing Political Configuration Asian // Survey. 32:10 (October 1992),

р. 875–887; *Belokrenitsky V.Y.* Russia and Greater Central Asia // *Asian Survey*. 33:12 (December 1993), p. 1093–1108; Центральноазиатский макро-регион и Россия / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 1993.

⁴⁹ *Starr S.F.* A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors. March 2005. URL: <http://www.silkroadstudies.org>, p. 17; см. также: *Starr S.F.* A Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*. 2005. July-August.

⁵⁰ Kabul Conference on Partnership, Trade and Development in Greater Central Asia. April 1–2. 2006.

⁵¹ Обещанная иностранная помощь Афганистану составила 13 млрд долл., из них на целевые проекты выделено 4 млрд. По другим данным, суммарные военные расходы США и НАТО в Афганистане с 2002 г. составили 82,5 млрд долл., а на мирные цели было израсходовано в 11 раз меньше — 7,3 млрд. См.: *Аверков В.* Направления реконструкции Афганистана, 9,3,2006, at: afghanistan.ru; *Suri S.* Taliban taking once again, September 6, 2006. URL: <http://www.antiwar.com/ips/suri.php7articled-9657>

⁵² *Boyer A.L.* Recreating the Silk Road, p. 76.

⁵³ *Kuchera J.* Washington to Make Diplomatic Push for Greater Economic Integration in Central, South Asia, 2,16,07. URL: eurasianet.org

⁵⁴ *Жуков С.В.* Центральная Азия: восстановительный рост 1996–2004 гг. // *Евразия: современные проблемы развития*. М.: ИМЭМО РАН, 2005, с. 32.

⁵⁵ Так, в январе 2007 г. президент Дж. Буш обратился в конгресс США с запросом о дополнительных расходах, связанных с Афганистаном. Из общей суммы 10,6 млрд львиная доля в 8,6 млрд долл. предназначалась на обучение и снаряжение афганской армии и силовых структур. См.: *US unveils plan to stem Taliban tide* // *The News International*. 2007. January 26.

⁵⁶ Названная по имени секретаря по иностранным делам при вице-короле Британской Индии сэра М. Дюранда, линия была установлена в 1893 г. как постоянная граница между англо-индийскими владениями и территорией, находившейся под контролем зависимого от англичан эмира Кабула. С 1930-х гг. уже независимый Афганистан оспаривает ее законность.

⁵⁷ 70 тысяч пакистанских рабочих в Афганистане. 26,12,2005. URL: <http://www.afghanistan.ru>

⁵⁸ Независимая газета. 2006. 14 декабря.

⁵⁹ Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5, с. 9.

⁶⁰ Подробнее см.: *Князев А.А.* Северо-восток Афганистана и сопредельные страны: перспективы экономического сотрудничества // *Афганистан в начале XXI века*. М., 2004, с. 57–66; *Мукимиджанова Р.М.* Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики, с. 167–168.

⁶¹ First Pakistani container reaches in Almaty via Karakoram Highway, December 06, 2006. URL: <http://www.pakistanlink.com.pk>

⁶² *Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г.* Китайский и российский факторы в Центральной Азии: традиционные вызовы и новые возможности // Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2004, с. 389–390.

⁶³ О модели такой системы безопасности см: *Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность, с. 110.

МЕЖДУ ИНДИЙСКИМ МОЛОТОМ И АФГАНСКОЙ НАКОВАЛЬНЕЙ*

Географически Пакистан зажат между Индией на востоке и Афганистаном на западе. Происходящее ряд последних десятилетий ухудшение внутривнутриполитического положения в стране вызывает сомнения относительно ее будущего. Превращение Пакистана в провальное государство (*failed state*) опасно с нескольких точек зрения. Во-первых, угрозой применения ядерного оружия либо самим руководством, либо радикалами-исламистами, захватившими контроль над всем комплексом или его частью, достаточной для производства «грязной бомбы» (радиологического оружия). Во-вторых, распространением экстремизма в виде идеологии, массового движения, террора и диверсий. В-третьих, увеличением потока мигрантов, а также вывоза наркотиков и оружия. В четвертых, обострением ситуации в южной части Евразии, перспективой распада государственных образований и превращения ареала в зону острых и долговременных международных конфликтов.

Идея Пакистана и ее воплощение

Тревога за будущее страны заставляет обратиться к ее истокам. Они весьма необычны. Пакистан не имеет прямых исторических прецедентов и четко выраженного этнического стержня. Страна появилась в августе 1947 г. путем предоставления Лондоном ей и Индии прав независимых доминионов. Этот акт завершил борьбу индийцев за освобождение от колониальной зависимости. Движение за образование отдельного от новой Индии государства с мусульманским большинством возглавляли партия Всеиндийская

* Международные процессы / Гл. ред. А. Богатуров. Том 9. № 2, май-август 2011, с. 102–111.

мусульманская лига и ее бесспорный лидер, «великий вождь», как называют его в Пакистане, М.А. Джинна.

Тактика Джинны строилась на том, что Индию населяют представители двух наций — индусов и мусульман. Хотя мусульмане были в явном меньшинстве (четвертая часть населения), они, по его мнению, могли рассчитывать на равное к себе внимание со стороны англичан. При этом Джинна отражал опасения мусульманской элиты оказаться в будущем независимом государстве оттесненной индусами на задворки. Лондон по существу согласился с такого рода подходом и тем поощрял тенденции на раскол или на образование рыхлого, раздираемого внутренними противоречиями государства¹. Для мусульманских масс и средних слоев главное состояло в защите исламской идентичности.

В намерения Джинны не входило создание государства с абсолютным преобладанием мусульман. Однако в результате массового обмена населением между Индией и Пакистаном, последовавшего за разделом, доля немусульман в Пакистане стала незначительной. Особенно сильно она сократилась в западной части страны, которая в конце 1971 г. после создания Народной Республики Бангладеш на месте её восточной провинции, образовала Пакистан в современных границах, простирающихся от Гималаев до Аравийского моря и охватывающих бассейн реки Инд и ее притоков.

Трансформация Пакистана в чисто мусульманскую страну сопровождалась изменениями в составе ее политической элиты и привела к провозглашению в соответствии с Конституцией 1956 г. первой в мире Исламской Республики. Ислам стал восприниматься как главное основание государства, его *raison d'être*.

Впрочем, исламская идентичность не позволила сохранить страну в первоначальном ее «двукрылом» виде. Теория Джинны о существовании в Индии единой нации мусульман не прошла испытания временем. Ей на смену пришло более емкое и ортодоксальное представление о солидарности мусульман, а с ним вместе и теории очищения ислама, возврата к его фундаментальным основам, к религии праведных предков (*салаф-ас-салахин*).

Превращение из страны индийских мусульман в республику исламского типа не изменило опасений по поводу намерений Индии, особенно после неудачи в первой войне с ней 1947–48 гг. в оспариваемой области Кашмир. Страх усилился из-за того, что на первых порах в арабомусульманском мире к Пакистану отнеслись весьма

скептически. Оставшись один на один с Индией, Пакистан нашел выход в союзе с США и резком усилении с их помощью вооруженных сил.

Таким образом, страх перед соседом породил крупную армию, руководство которой узурпировало власть в стране в конце 1958 г. Это был первый из череды военных переворотов, до сих пор во многом определяющих характер политического режима страны. Перевооружившись, Пакистан попытался взять реванш за поражение в первой кашмирской войне и в 1965 г. развязал вторую, в которой также не добился успеха. Ничейный результат, зафиксированный декларацией, подписанной руководством двух стран в Ташкенте в январе 1966 г., вскоре выявил капитальный проигрыш Пакистана и подготовил вышеупомянутый его раскол на два государства после поражения в третьей войне с Индией.

Хотя Пакистан стал по числу жителей наполовину меньше, его армия не сократилась, а выросла благодаря усилиям поставленного военными во главе страны яркого политика З.А. Бхутто и потребовала новых сфер деятельности. В 1974–77 гг. правительство Пакистана развернуло боевые действия против повстанцев в обширной, контролируемой племенами провинции Белуджистан. Выступавшая под левыми лозунгами оппозиция получала поддержку извне, главным образом из Ирака, и оказала ожесточенное сопротивление. Белуджская война, в которой Исламабаду активно помогал шахский Иран, оказалась одним из узлов в конфликтной сети, начинавшей опутывать широкий ближневосточный регион и прочно втянувший в нее Пакистан.

Пакистанские корни афганской проблемы

Конец 1970-х годов отмечен подъемом политического ислама на всем Ближнем Востоке. Антишахская революция в Иране завершилась победой происламских сил во главе с имамом Хомейни и его идеологии неошиизма. На рубеже двух десятилетий исламисты дали о себе знать в Египте, Ираке, Судане и Сирии. Левый прокоммунистический и правый религиозный радикализм столкнулись в Афганистане. Причем корни этого противостояния уходят в значительной мере в пакистанскую почву, где уже с начала десятилетия наблюдался рост как умеренных, так и радикальных происламских настроений.

В 1975 г. пакистанские военные с согласия премьер-министра Бхутто предоставили убежище бежавшим из Афганистана после

неудачи антиправительственного путча Г. Хекматъяру, Б. Раббани и А.Ш. Масуду. В Пакистане они, по некоторым сведениям, прошли инструктаж под руководством Общевойсковой разведки (ОВР; *InterService Intelligence, ISI*), а затем перебрались обратно в Афганистан². Утвердившийся в апреле 1978 г. левый режим Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) был для них еще менее приемлем, чем правление центриста М. Дауда, против которого они подняли мятеж. Сопrotивление официальным афганским властям началось в период внешне благоприятных отношений между ними и руководством Пакистана, еще до ввода советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г.

Между тем в Пакистане исламизм активно вышел на авансцену политической борьбы в 1977 г. во время подготовки к проведению парламентских выборов. Против правящей Пакистанской народной партии (ПНП) Бхутто выступила объединенная оппозиция, основу которой составляли умеренные исламисты из партий *Джаммаат-е ислами* (ДИ, Исламское общество) и *Джамият-е улема-е ислами* (ДУИ, Сообщество исламских богословов). Потерпев неожиданно тяжелое поражение на выборах в марте того года, оппозиция обвинила власть в массовых подтасовках и парализовала жизнь в стране. Объявленные премьер-министром срочные меры по введению исламских порядков не спасли его от военного переворота в июле и казни в апреле 1979 г. Генералы, возглавляемые начальником штаба армии М. Зия уль-Хаком, совершив государственный переворот, некоторое время заигрывали с политиками-исламистами, предоставляя им места в кабинете министров. В октябре 1979 г. генерал Зия уль-Хак, занявший пост президента, объявил о запрете политической деятельности и введении исламской формы правления. За этим последовала активная фаза исламизации по сути всех сторон жизни общества. Возросшая исламизированность пакистанского общества до сих пор остается фундаментальным фактом его состояния³. Исламские преобразования в Пакистане способствовали идеологической консолидации противников режима НДПА в Афганистане. В 1980-х годах в Исламабаде и Пешаваре, главном городе северо-западной, пуштунской провинции страны, прочно обосновались штаб-квартиры семи афганских партий *муджахедов* (борцов за веру). Они координировали действия боевых групп в Афганистане, распределяли между ними оружие и боеприпасы. Лидерам *муджахедов* помогала, часто оттесняя их на задний план, пакистанская армия, в основном через Общевойсковую разведку,

которая увеличила свои ряды и приобрела с тех пор особо важное значение. В директорате ОВР было создано специальное афганское бюро, в распоряжении которого находились склады с оружием и амуницией, поступавшими главным образом из США, Египта и КНР⁴. Не менее значительную роль в афганских делах Пакистан сыграл и после окончания борьбы за власть между левыми и правыми силами. Еще в большей степени, чем муджахеды, афганские *талибы* были порождением эры Зия-уль-Хака и пакистанских властей. Генерал в 1988 г. погиб в авиакатастрофе, которая была, очевидно, актом возмездия, но основы его стратегической линии сохранились и при смене режима с военного на гражданский. Они состояли в укреплении позиций в Афганистане, а при благоприятном раскладе и в Центральной Азии. Цели военных на их языке заключались в создании «стратегической глубины» обороны от Индии, но за этим скрывалось желание в первую очередь привязать к себе Афганистан.

В конце апреля 1992 г. казалось, что эта задача достигнута. В Кабуле утвердилась власть *муджахедов* — ставленников Исламабада. Но среди победителей начались распри, которые пакистанцам прекратить не удалось. К тому же, ни одна из претендовавших на власть партий-группировок не торопилась с признанием Пакистана в качестве покровителя и благодетеля.

Наиболее близким к пакистанским военным традиционно был Хекматъяр, возглавлявший *Хезб-е ислами* (Исламскую партию). Однако именно он повел себя исключительно жестко в борьбе с противниками из числа бывших союзников — *муджахедов*. Весной 1994 Г. Хекматъяр подверг Кабул невиданным до того разрушительным обстрелам. Город опустел, а страна оказалась поделена между враждующими «военными лордами».

Именно в это время пакистанское министерство внутренних дел обнаружило новую опору среди афганцев. Ей оказались представители молодого поколения, получившие за годы войны религиозную подготовку в лагерях для беженцев. Талибы (ученики и выпускники *медресе*) составили костяк первых отрядов новой группировки. Выступив под лозунгом борьбы за объединение страны и установление в ней законов *шариата* (исламского права) они привлекли на свою сторону многих муджахедов в основном из числа пуштунов, населяющих южные провинции страны. Пакистанская армия и ее разведка вскоре оценили потенциал движения *Талибан* (мн. число на яз. пушту от *талиб*) и оттеснили министерство внутренних дел от кураторства за ним⁵.

Осенью 1996 г. талибы овладели Кабулом, превратив главный город юга страны — Кандагар — во вторую столицу провозглашенного ими Исламского Эмирата. Исламабад неизменно поддерживал режим, но был вынужден смириться с определенным отдалением от него талибов, у которых появился признанный лидер Мулла Омар. Пакистанцы к тому же не одобряли появление у талибов союзника и спонсора в лице У. бен Ладена, руководителя подпольной арабской организации *Аль-Кауда* (Основа), не скрывавшего приверженности к актам террора и насилия в борьбе с Западом, Израилем, да и остальным миром, критика и противника королевского дома Саудовской Аравии.

Верность бен Ладену привела к разгрому талибов вскоре после осуществленных *Аль-Каудой* терактов в США 11 сентября 2001 г. Талибы не оказали серьезного сопротивления силам американо-британской коалиции и отрядам Северного альянса, состоявшим из муджахедов — северян, главным образом таджиков, узбеков и др. Руководство Пакистана, к тому времени вновь военное, возглавляемое генералом П. Мушаррафом, было вынуждено в последний момент отказаться от поддержки талибов, чтобы не быть обойденным Индией с афганской стороны и не испортить отношения с США.

Подвесной мост пакистанской государственности

Союз с Америкой не раз становился главной внешней опорой Пакистана. Первый брак по расчету, а отчасти и любви, длился с 1954 до 1965 г. «Предательство» Вашингтона, отказавшегося поддержать Пакистан в войне с Индией, привело к «разводу», который позволил США ограничиться лишь демонстрацией поддержки Исламабада в критический момент раскола страны 1971 г. Конфликт с участием советских войск в Афганистане в 1980-х годах способствовал новому сближению двух государств, причем на этот раз это был брак исключительно по расчету, завершившийся к рубежу двух десятилетий. Третье «бракосочетание» с трудом переносящих друг друга партнеров длилось с 2001 г и, вполне вероятно, закончится в ближайшее время.

К числу двух других внешних опор пакистанского подвесного моста относятся Китай и Саудовская Аравия. Ориентация на Пекин ясно обозначилась в 1962 г. после пограничной войны, в которой Китай нанес ощутимое и обидное поражение Индии. Классический вариант дружбы с соседом соседа обеспечил «всепогодное»,

как называют его в Поднебесной, сотрудничество КНР с Пакистаном. Однако в конце XX столетия классическую геополитику потеснила неклассическая геополитика экономической конкуренции и сотрудничества. В рамках новой парадигмы произошло сближение Китая и Индии, многократный рост их взаимной торговли. Пекин изменил свою позицию по Кашмирскому вопросу и не поддержал Пакистан в четвертой войне (мини-войне) с Индией в мае-июле 1999 г.

Опора на Саудовскую Аравию, как это ни покажется странным, учитывая фактор исламской солидарности, появилась позже двух других. Лишь с утверждением Фейсала ибн-Сауда во главе королевства в 1964 г. Эр-Рияд стал оказывать явное предпочтение Пакистану перед Индией. И только после революции нефтяных цен в начале 1970-х годов и превращения СА в богатое нефтедолларами государство дружба с королевством превратилось в в крайне необходимую для Пакистана.

Разрушение несущих внешних опор грозит обрушением моста пакистанской государственности и явно страшит его правящую элиту. Однако общественное мнение подтачивает ставку на США. Первый фактор широкого недовольства, охватившего страну в последние годы связан с участием пакистанской армии в войне с афганскими талибами, которых в Пакистане редко воспринимают критически в отличие от *Аль-Каиды*.

Руководство страны, очевидно, дало согласие на применение нового оружия, беспилотных самолетов, против скрывающихся в горах экстремистов из *Аль-Каиды* и их союзников, в том числе появившихся в 2004 г. пакистанских талибов, однако американцы, по распространенному в Пакистане мнению, злоупотребляют этим согласием. Из-за ракетных обстрелов с беспилотников гибнут не только боевики, но и мирные жители. Несмотря на пакистанские протесты, использование беспилотных самолетов при нынешней администрации США постоянно возрастало вплоть до сентября 2010 г., когда за месяц было совершено более 20 вылетов⁶. В начале 2011 г. отношения между Пакистаном и США обострились вследствие убийства американцем Р. Дэвисом двух пакистанцев на улицах Лахора. Американец, как оказалось, работал на ЦРУ и, чтобы спасти его от суда, родственникам убитых выплатили более 2 млн долл.⁷ Несмотря на законность практики уплаты «кровавых денег», в Пакистане испытали чувство национального унижения. Оно еще более усилилось после ликвидации американским спецназом бен Ладена

2 мая 2011 г. Вашингтон не поставил в известность о готовящейся операции своих союзников по борьбе с терроризмом и объявил на весь мир, что он несколько лет спокойно жил недалеко от столицы Пакистана в г. Абботабад, где располагается главная военная академия страны. После всего произошедшего власти Пакистана были вынуждены отреагировать — более 200 американских военных инструкторов спешно покинули страну, контакты между ЦРУ и ОВР оказались заморожены⁸.

Особенностью момента является то обстоятельство, что накрывшуюся американскую опору Исламабаду нечем заменить. Китай не хочет заступать на место США из стратегических соображений, а также потому, что китайские инженеры и специалисты пострадали от террора пакистанских исламистов в 2006–2007 гг. Пекин прекратил оказание помощи в сооружении порта Гвадар на Аравийском море. Саудовская Аравия крайне заинтересована в поддержке Вашингтона в условиях кризиса в соседних арабских государствах и конкуренции с Ираном. Далекая Россия скорее конкурент за деньги, которые США тратят на снабжение своей группировки в Афганистане.

Слабое государство, сильное общество

Слабость внешних опор сочетается с эрозией внутренних основ пакистанского государства. Но, по мнению ряда наблюдателей, это не является отличительной его чертой, а сохранение традиций жесткого общественного порядка восполняет недостаток обеспечиваемой государством управляемости⁹. Локальные социумы, жизнь в которых регулируется не столько законом, сколько понятиями о праве сильных и договоренностями между ними, не избежали перемен под воздействием новых экономических и социальных реалий, но сумели к ним во многом приспособиться.

В истории Пакистана, заметим, не было периода, когда бы ни происходил рост экономики, подстегиваемый, правда, экстенсивным, демографическим фактором. Наблюдалась быстрая урбанизация за счет переселения сельских жителей, а также временная и постоянная миграция за рубеж. Благодаря переводу средств, заработанных за границей, произошло некоторое улучшение бытовой инфраструктуры, увеличилась численность средних слоев с повышенными, хотя еще и очень низкими по мировым меркам доходами.

Несмотря на увеличение разрыва между богатыми и бедными, пакистанское общество ныне в целом деполитизировано. Хотя доля

молодежи в возрасте 15–24 лет превышает 20%, образуя «бутор» на возрастной пирамиде, молодые люди в массе своей равнодушны к политике. Они озабочены собственным будущим и своим благополучием. 38% пакистанцев, согласно опросам, хотели бы эмигрировать, причем в мегаполисах, подобно Карачи, их удельный еще выше¹⁰. По всей видимости, катастрофа Пакистану вряд ли грозит в близком будущем. Социальные контрасты приглушены. Этнический сепаратизм дает о себе знать только в Белуджистане, да и там имеет ограниченное распространение.

Отметим, что эволюция Пакистана следует логике 10–11-летних циклов¹¹. Очередной седьмой цикл начался в стране в 2008 г. с переходом власти от военных к политикам, победившим на всеобщих выборах.

Представляется вероятным, что нынешнее коалиционное правительство, где тон задает ПНП, осененная именем двух мучеников — казненного основателя партии З.А. Бхутто и убитой в 2007 г. его дочери, дважды премьер-министра Беназир Бхутто — сумеет довести страну до очередных выборов в 2013 г. Не исключено, что катаклизмы начнутся после них, тем более что взрывоопасной тогда может стать ситуация в соседнем Афганистане, который скорее всего покинет большая часть американских и натовских войск. Население Пакистана приблизится к тому времени к 200 млн человек, а количество пресной воды на человека опустится существенно ниже критической отметки в 1000 кубометров. Свою роль могут сыграть природные катаклизмы, наподобие наводнения лета 2010 г., когда вода смыла целые деревни, затопила города, нанеся ущерб почти 20 миллионам.

Заключение

Напоследок вернемся к особенностям положения Пакистана в регионе. Позиция Индии в этом ракурсе имеет критическое значение. Ее во многом определяют военные приготовления Пакистана при сохранении там стержневой роли армии, а также угроза терроризма, исходящего оттуда. Согласно некоторым данным, Пакистан догнал или даже обошел Индию по числу ядерных боезарядов, наращивает силу ракетных войск. Крупные террористические акты в Индии, периодически совершаемые исламистами из Пакистана при попустительстве, а то и посредничестве военных кругов, надолго отравляют атмосферу двусторонних отношений. Индия считает

вопрос о Кашмире в основном закрытым, в то время как Пакистан настаивает на его нерешенности. Все большую остроту приобретает проблема дележа воды между двумя странами. В Индии с опаской наблюдают за ослаблением либеральных настроений в Пакистане, наступлением исламо-национализма.

Ответ Индии на новые теракты и провокации с пакистанской стороны может стать угрозой для выживания Пакистана, хотя, по мнению большинства аналитиков, она скорее проиграет, чем выиграет от его коллапса. Перспективам Пакистана угрожает и развитие ситуации в Афганистане. В случае успеха примирения между нынешней властью и талибами и продолжения на этой основе «исламизированной модернизации», он превратится в магнит для части пакистанских пуштунов. Однако и провал нормализации в Афганистане сулит неприятности для Пакистана. Общий для них пуштунский ареал рискует в еще большей степени погрузиться в раздоры и конфликты, превратившись в серьезную угрозу внутренней безопасности. Попытка продвижения Пакистана в Афганистан с целью закрепления там своего влияния вызовет обострение пакистано-индийских отношений. Пакистан рискует попасть между двух огней, провалиться в зазор между соседями.

Такой вариант чреват опасными последствиями, о которых упоминалось во введении к статье. Представляется, что укрепление Пакистана как государства и органичная модернизация пакистанского общества были бы выгодны всем международным игрокам, включая Россию. Надо иметь в виду, что возможное сокращение присутствия США в Афганистане и прилегающем регионе, неминуемо «придвинет» Россию к нему, сделает необходимой лидирующую роль в борьбе с проистекающими отсюда рисками и опасностями.

Москва в последнее время справедливо уделяет больше внимания взаимодействию с Исламабадом в двустороннем и многостороннем формате. Традиционными стали встречи президентов России, Пакистана, Афганистана и Таджикистана, а также контакты в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Желательно не только расширение российского участия в восстановлении афганской экономики, но и инвестирование средств в базовые отрасли пакистанского национального хозяйства, такие как металлургия, прокладка трубопроводов, сооружение линий электропередачи,

атомная энергетика и т. п. России нужно, как представляется, стремиться к параллельному развитию отношений с Индией и Пакистаном. Можно, в частности, предложить посреднические услуги по Кашмиру и развивать стратегическое сотрудничество с обоими государствами.

Примечания

¹ Подр. см.: *Белокреницкий В.Я.* Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов // Британская империя в XX веке. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010, с. 270–294.

² *Davis A.* How the Taliban became a military force // W. Maley, ed. *Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban.* Lahore: Vanguard, 1988, p. 44.

³ *Arif Hasan.* The Unplanned Revolution. Karachi: Oxford University Press, 2008, p. x-xii et al.; *Воробьев В.В.* Правление Мухаммада Зия-уль-Хака и его влияние на развитие Пакистана // Восток. 2011. № 1, с. 81–92.

⁴ О деятельности афганского бюро ОБП в 1983–88 гг. подробно рассказал его бывший глава бригадный генерал М. Юсаф. См.: *Yousaf, Mohammad & Adkin, Mark.* Afghanistan. The Bear Trap. The Defeat of a Super Power. Barnsley: Leo Cooper, 2001.

⁵ *Ahmed Rashid.* Pakistan and the Taliban / W. Maley, ed. *Fundamentalism Reborn?* Op. cit., p. 72–89.

⁶ Gilani stresses Pak role for Afghan settlement: Musharraf approved drone reconnaissance // Dawn. Karachi, 23 Oct. 2010. Accessed at <http://www.dawn.com>

⁷ US-Pakistan relationship increasingly strained // Dawn, Karachi, March 18, 2011. Accessed at: www.dawn.com

⁸ Washington to reduce military presence in Pakistan // The Nation. Islamabad, 30 May 2011. Accessed at: www.pakistanpapers.com

⁹ См.: *Lieven, Anatol.* Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011.

¹⁰ *Arif Hasan.* The Unplanned Revolution. Op.cit., p. xxxviii.

¹¹ См.: *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2008; О циклах см.: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. Дубна, 2006.

ВОЙНА В ГОРАХ. ТАЛИБЫ И ПАКИСТАНО-АФГАНСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ*

Название «талибы» и «талибан», т. е. ученик и ученики-мусульмане, ищущие, прежде всего, духовного, внутреннего знания, с 90-х годов прошлого века стало самоназванием радикально настроенных афганских исламистов. Первые отряды «учеников», созданные в Пакистане, проникли в южные районы своей страны осенью 1994 г. Вскоре они превратились во внушительную силу, испытав и победы, и поражения в боях с господствующими на юге и западе Афганистана силами *муджахедов* (борцов за веру). Братоубийственная война между различными муджахедскими группами, которые в конце апреля 1992 г. оккупировали Кабул, прервав 14-летнее правление светских, промосковских сил, позволила талибам укрепиться. В ноябре 1994 г. они овладели столицей южного Афганистана городом Кандагаром, в сентябре 1995 г. главным городом запада страны — Гератом, а в сентябре 1996 г. столичным Кабулом. После этого началась короткая эра Исламского Эмирата Афганистан во главе с «командующим правоверными» (*амир-ал-моминин*) Муллой Омаром, закончившаяся в 2001 г.

Пуштунский пояс и Линия Дюранда

Начнем с того, что два соседних государства на стыке Южной, Центральной и Западной Азии превратились ныне в тесно связанный между собой регион, где происходят бои, совершаются теракты, гибнут и получают тяжелые ранения мирные люди, боевики и военнослужащие. Ареал небезопасности охватывает далеко не всю территорию двух государств.

* Азия и Африка сегодня / Гл. ред. А.М. Васильев. 2012. № 2, с. 24–27

Относительно спокойная обстановка сохраняется в исторической области Афганского Туркестана на севере страны, в ее центре и на западе в районах, прилегающих к иранской границе. Более или менее безопасно и в равнинных районах Пакистана, в провинциях Панджаб и Синд. Но Карачи остается ареной кровавых разборок, очередной пик которых пришелся на вторую половину прошедшего года. Наиболее тревожная ситуация на протяжении последних лет наблюдалась в зоне соприкосновения двух государств, в приграничной области, образуемой отрогами Гиндукуша и прилегающими к горной гряде нагорьями. Зона населена племенами пуштунов (афганцев), которые традиционно гордятся своей независимостью от внешних сил.

На протяжении длительного времени существования горного пояса безопасность в нем нарушалась в основном лишь по причинам внутреннего свойства — борьбы между племенами и внутри племен. Между тем, по предложенной М.А. Конаровским удачной периодизации, этот регион к началу текущего столетия пережил пять этапов «Большой игры» на Среднем Востоке¹. На первом из них, связанном с соперничеством Британской и Российской империй в конце XIX — начале XX века, и возникла современная пограничная зона, вследствие того, что внешние для горских племен силы прочертили границу, разделившую их страну примерно пополам. Раздел осуществили афганский эмират (к тому времени зависимый от англичан в проведении внешней политики и получающий от них ежегодные субсидии) со столицей в Кабуле и англо-индийская империя с главным городом (до 1911 г) в бенгальской Калькутте. Соглашение о пограничной линии протяженностью почти в 2,5 тыс. км. было подписано осенью 1893 г. в Кабуле эмиром Абдур Рахман Ханом и сэром Мортимером Дюрандом, англоиндийским секретарем по иностранным делам. За ней в дальнейшем закрепились название «линия Дюранда». Уточнение границы и подписание отдельных соглашений по четырем ее участкам осуществляли специально созданные смешанные комиссии в 1894–95 гг., одновременно с делимитацией границы между северными областями Афганистана и российскими владениями в Средней Азии².

Отмеченная на картах линия размежевания не нарушила свободу передвижения внутри полосы пуштунских племен. Они стремились сохранить традиционный уклад жизни и привычные способы добывания средств к существованию — набеги на равнинные

поселения, грабеж торговых караванов и получение отступного за пропуск товаров. Война в горах, точнее на подступах к ним, между англо-индийской армией и ополчениями племен (*лашкаррами*), временами обострялась (в конце 1890-х и в 1920–30-х годах), но не носила характера конфликта, затрагивающего весь приграничный ареал.

Спокойной в зоне пакистано-афганского приграничья она оставалась и на протяжении всего предпоследнего этапа «Большой игры» (1978–2001 гг.), когда у власти в Кабуле находились сначала «коммунисты» из Народно-демократической партии Афганистан (НДПА), а потом исламисты (*муджахеды* и *талибы*). Впрочем, в отдельные годы (1989 и 1998) ситуация в приграничной зоне обострялась в первом случае, в связи с наступлением муджахедов со стороны Пакистана на позиции сил кабульского правительства (битва за Джелалабад), а во втором — из-за авиационных ударов США по позициям укрывшейся под крылом талибов в приграничных горах *Аль-Кауды*.

Лишь на последнем этапе, начавшемся с вторжения американско-британских войск в Афганистан осенью 2001 г., спокойствие и безопасность в приграничном ареале, прежде всего с пакистанской стороны, были серьезно и надолго нарушены.

Талибы переходят границу

Причина в том, что ополчения афганского движения Талибан, потерпев поражение в прямой схватке с иностранным десантом, который активно и действенно поддержали вооруженные отряды Северного альянса, в основном непуштунского по этническому составу, предпочли сдать города, «раствориться» в сельской местности, а затем через горы и пустыни перейти на территорию Пакистана. По оценкам, поток беженцев в 2001–2002 гг., хотя и был на порядок меньше, чем в конце 1970-х — 1980-е годы (3–3,5 млн), но составил все-же примерно 300–400 тыс. человек³.

Падение талибского режима произошло быстро — через два месяца после терактов в США 11 сентября 2001 г. талибы оставили Кабул, а в декабре свою южную столицу — Кандагар. Последнее крупное столкновение между окруженными талибами и коалиционными войсками произошло в феврале 2002 г. в долине Шах-и-кот к востоку от пограничного города Гарdez⁴.

Основная масса талибов и их иностранные союзники (арабы, чеченцы, узбеки и др.) осели по преимуществу в ряде округов, официально именуемых политическими агентствами Территории племен федерального управления (ТПФУ). Верхушка *Талибан*, включая Муллу Омара, по общему мнению, расположилась в предгорной части Северо-Западной пограничной провинции (с 2010 г. — провинции Хайбер—Пахтунхва) и в северных округах провинции Белуджистан, где большинство населения оставляют пуштуны. Главный город этой провинции Кветту и его окрестности, талибы вскоре, почти не таясь, превратили в свою новую столицу. Здесь обосновались их лидеры с семьями и расположилась штаб-квартира. Мулла Омар возглавил совет из 10 человек, получивший название *Талибская шура* (совет) Кветты⁵.

Борьба с талибами: начальный этап

В отличие от первой волны беженцев, наводнивших пакистанский пуштунский пояс в конце XX в., новые переселенцы из Афганистана состояли из хорошо вооруженных людей, привыкших устанавливать свои порядки. Миллионы афганских беженцев первой волны были желанными гостями Пакистана и беспрепятственно прошли через горную пограничную область, чтобы расположиться за ней в предгорьях и на равнинах в неплохо оборудованных лагерях для беженцев, созданных на деньги ООН и других международных организаций. Массированная гуманитарная поддержка, а также помощь США и Саудовской Аравии, а по — существу всего западного и исламского мира, сделали пребывание беженцев периода нахождения советских войск в Афганистане мало обременительным для местного населения. Оно было даже выгодным для них, поскольку финансовая подпитка извне стимулировала спрос на местную продукцию и дала возможность для различного рода бизнеса, в том числе и весьма прибыльного — по производству наркотиков (гашиша и героина) и изготовлению стрелкового оружия.

Иная ситуация сложилась в начале 2000-х годов. Талибы не могли беспрепятственно и в массовом порядке перебираться через горы в равнинные районы Пакистана. Правительство этой страны, включившись в «глобальную» войну с терроризмом, объявило талибов вне закона, участвуя под давлением США и при участии американских спецслужб в поимке лидеров талибов и особенно их союз-

ников из *Аль-Каиды*⁶. Оседая в агентствах ТПФУ, а также в горных округах Сват и Дир нынешней провинции Хайбер–Пахтунхва, они вступали в конкуренцию с местным населением за скудные источники существования.

Вместе с тем, пакистанские власти с самого начала вели «двойную игру». Помогая в борьбе с международным терроризмом (*Аль-Каидой* и другими экстремистскими организациями) они часто не препятствовали деятельности талибов, относясь к ним как к братьям-пуштунам, близким по политико-идеологическим взглядам. Обустройству талибов в пуштунском поясе содействовала победа блока происламских партий под названием *Муттахида маджлис-е амаль* (Объединенный фронт действия) на выборах 2002 г. Получив большинство мест в собрании СЗПП исламисты сформировали провинциальное правительство, находившееся у власти вплоть до конца 2007 г. «Двойная игра» распространялась и на ТПФУ, однако тесные связи талибов с *Аль-Каидой* затрудняли проведение политики благоволения к ним.

Двойственность и противоречивость подходов к талибам и связанным с ними группировкам четко выявилась после того, как пакистанская армия и пограничный корпус, набираемый из местных жителей, в 2002 г. вступили на территорию ТПФУ и установили контроль над основными путями сообщения и населенными пунктами. Боевые операции против экстремистов чередовались с перемириями, преследуя цель закрепить в горах свое присутствие. По некоторым сведениям, в 2005 г. пакистанские вооруженные силы подвели к афганской границе в районе ТПФУ 75 тыс. войск, а с противоположной стороны американцы совместно с афганскими правительственными войсками сосредоточили около 25 тыс. военных⁷.

Таким образом, линия Дюранда фактически впервые в истории оказалась реально демаркированной, на ней началось строительство и оборудование блокпостов. Пакистанское правительство в 2006 г. предложило Кабулу установить заборы и ограждения вдоль горной границы, однако предложение Исламабада было отвергнуто.

Между тем в тылу у пакистанской армии в агентствах Южный и Северный Вазиристан стали действовать местные проталибские силы. Действия армии против боевиков-исламистов активизировались ранней весной 2004 г. после серии опасных покушений на жизнь президента Пакистана генерала П. Мушаррафа 11 и 25 декабря 2003 г. В апреле 2004 г. в долине Шаххаи между сторонами

было заключено перемирие, которое соблюдалось всего несколько месяцев. Войска были вынуждены отступить ввиду дефицита специально подготовленных подразделений, изощренной тактики боевиков, их лучшему знанию местности, а также поддержки со стороны значительной части местного населения.

К 2006 г. начавшаяся в 2002 г. войсковая операция под кодовым названием *аль-мизан* (весы) завершилась по инициативе губернатора тогдашней Северо-Западной пограничной провинции, через которого федеральный центр осуществляет управление территорией племен. Вероятно, это произошло вследствие договоренностей между Исламабадом, точнее армейскими его кругами, с одной стороны, талибами, *Аль-Каудой*, а также местными пуштунскими исламистами, с другой. Не случайно, возможно, именно в 2005 г., как теперь известно, Усама бен Ладен разместился с семьей в городе Абботабад, где расположена Национальная военная академия Пакистана.

Усиление небезопасности и новый этап борьбы с терроризмом

Весной 2006 г. началось хорошо подготовленное наступление афганских талибов на юге Афганистана. Опорной базой для него служила пакистанская территория. Город Кветта удобно расположен для руководства диверсионно-террористическими и боевыми операциями, как в южных, так и в восточных областях Афганистана. При этом на юге, в провинциях Гильменд и Кандагар, Кветтская шура действовала самостоятельно, опираясь на поддержку в племенах дурранийской группы, а на востоке (в районах «Лойя, т. е. Большой, Пактии»), активность проявляли главным образом союзники «кветтских талибов» из сети Хаккани (муджахедской группировки во главе с Дж. Хаккани) и *Хизб-е ислами* (Исламской партии Г. Хекматъяра), имевшие оплот в ряде гильзайских племен. Сеть Хаккани опиралась на родное для руководящего ею семейства афганское племя дзадран, а боевики Исламской партии — на племена из афганской провинции Кунар.

Одновременно с оживлением действий в Афганистане нарастало напряжение в трайбалистской полосе Пакистана. С 2004 г. США начали налеты на опорные пункты талибов и их союзников с помощью беспилотных летательных аппаратов, ставших широко из-

вестными под английским названием *дрон* (трутень). С их помощью шел ракетный обстрел объектов в горной местности. Он со временем стал достаточно эффективным, поражая нужные цели благодаря содействию местных жителей, которые тайно подбрасывали в места, где собирались лидеры боевиков, специальные ориентиры для самонаводящихся ракет. Расправа афганских и местных талибов с «коллаборационистами» резко обострила внутреннюю обстановку в полосе племен. К тому же, часть ракет попадала мимо цели, что приводило к гибели мирных жителей. Женщины и дети погибали и при попадании в цель, т. к. собрание боевики проводили в домах и жилых постройках.

При этом традиционная верхушка племен ориентировалась, как правило, на войска и правительство, хотя и учитывала реальное соотношение сил в местах их постоянного расселения и сезонных перекочевков. Между тем, более молодые и открытые внешнему миру члены племен, чаще всего, из «младших» кланов (*кашары* в отличие от *машаров*) были более склонны к поддержке оппозиции к властям — именно они становились лидерами проталибских сил⁸.

К числу такого рода людей относится первая заметная фигура среди пакистанских исламистов-боевиков 29-летний Нек Мухаммад из племени ахмадзайских вазиров, а также пришедший на смену Нек Мухаммаду после его гибели в результате атаки дронов Бейтулла Масуд (из соседнего традиционно конкурирующего племени масуд, мехсуд или махсуд). Последний провозгласил в декабре 2007 г. создание пакистанского движения талибов (*Техрик-е талибан-е Пакистан*, ТТП), Фактически местные талибы появились раньше, а ТТП была т.н. «зонтичной» организацией для координации действий отдельных ячеек, возникших почти во всех политических агентствах ТПФУ. К ТТП примкнула и организация *Техрик-е нифаз-е шариат-е Мухаммади* (ТНТТМ), созданная еще в 1994 г. в Свате мауланой Суфи Мухаммадом. Действия ее боевиков возглавлял после 2001 г. зять Мауланы по имени Фазлулла.

Резкое обострение обстановки во всем пуштунском поясе Пакистана имело место после инцидента с Красной мечетью, комплексом молитвенных и семинарских зданий в центре Исламабада. Мечеть с засевшими там боевиками-исламистами и не успевшими покинуть ее учащимися была штурмом взята войсками по приказу президента-генерала Мушаррафа в июле 2007 г. В результате погибло свыше 100 человек. Исламисты ответили серией терактов, се-

рзным образом нарушив безопасность пуштунского северо-запада страны. За этим последовало совершенное, как считается, боевиками Б. Масуда, убийство лидера Пакистанской народной партии бывшего премьер-министра Беназир Бхутто (27 декабря 2007 г.) и новая волна террора, охватившая ТПФУ и район Свата тогдашней СЗЗП летом — осенью 2008 г.

Новые гражданские власти страны, утвердившиеся после выборов 18 февраля 2008 г., под воздействием общественного мнения пошли на заключение соглашения с исламистами из ТНШМ о введении законов шариата (*низам-е адль*) на территории Свата. Заключенное в феврале 2009 г. оно не оправдало ожиданий правительства и общественности, т. к. исламисты нарушили его дух и букву, прибегли к жестким мерам по ущемлению прав женщин, ввели неоговоренные в соглашении правила и запреты, захватили контроль не только над Сватом, но и над соседним округом Бунер, открыв себе путь на Исламабад и Пешавар.

В начале мая 2009 г. правительство, вновь опираясь на сложившееся общественное мнение, отдает приказ армии о наступлении на позиции талибов и исламистов. Кампании 2009 и 2010 гг. под кодовыми названиями *рах-е-раст* (правильный путь) и *рах-е-хак* (путь истины) и *рах-е-ниджат* (путь освобождения) оказались куда более эффективными, чем предыдущие. Боевики были быстро оттеснены из Бунера и Свата в горы, от них были очищены основные населенные пункты Южного и Северного Вазиристана. Военные операции сопровождались не только многочисленными жертвами среди боевиков, военнослужащих, полицейских и мирных жителей, но и перемещением сотен тысяч людей из районов предполагаемых боев в безопасные места. Наличие сотен тысяч «внутренних беженцев» дорого обходилось и в финансовом, и в гуманитарном отношении. Но при всех издержках вяло текущего конфликта пакистанские талибы и их союзники, были «взяты в клещи», с севера и юга. В ходе операций и налетов дронов были убиты Б. Масуд и лидер узбекских исламистов Т. Юлдашев. Боевые группы сумели сохранить позиции лишь высоко в горах в агентствах Северный Вазиристан, Куррам, отчасти Моманд и Баджаур, главным образом на границе с Афганистаном, а также за ней в горных районах афганских провинций Хост, Нангархар и Кунар. Хотя и ценой значительных жертв, Пакистану удалось к 2011 г. нормализовать ситуацию во всей пуштунской приграничной полосе⁹.

Бои в Афганистане

Быстрые и решительные успехи, которых добились в Афганистане в 2001–2002 гг. США и союзники Вашингтона, по НАТО, сыграли с ними злую шутку. Посчитав талибов разгромленными, американцы в марте 2003 г. начали войну в Ираке. Увязнув в ней, они не уделили должного внимания афганской ситуации. Поставленное ими правительство президента Х. Карзая приступило к осуществлению реформ и «нации-строительству», но не смогло избежать при этом обычных пороков нашего времени — коррупции, nepотизма и бюрократической неповоротливости. К тому же, официальная американская организация по оказанию экономической помощи (USAID), страдала от недостатка средств и внимания к своей деятельности. Малоэффективными оказались и многочисленные неправительственные организации. Постепенно разрасталась проблема кризиса сферы местного управления, Кабул не мог установить, а нередко и терял установленный контроль за властью на местах. В проблему для Х. Карзая и его американских советников превратилось урегулирование разногласий между «военными лордами» разных регионов и областей, конфликты между «северянами»-непуштунами и пуштунами, с одной стороны, и трения внутри этих групп, с другой.

Как выше уже отмечалось, весной 2006 г. боевые отряды талибов проникли на юг Афганистана с целью выбить иностранные и правительственные войска из Кандагара, и вступили с ними в ожесточенные бои. Американские, канадские и британские части увидели перед собой уже другого противника — он воевал не мелкими группами, а достаточно крупными соединениями, хорошо вооруженными и лучше знакомыми с местностью. Боестолкновения, в которых иностранцы понесли существенные потери, продолжались до конца 2006 г. и возобновились в следующем году¹⁰.

Хотя ввиду эффективной поддержки с воздуха, иностранные части и подразделения Афганской национальной армии (АНА) одерживали верх в прямых столкновениях, талибы действовали изобретательно, используя самодельные взрывные устройства, прибегая к взрывам самодельных устройств, засадам, ночным атакам и т. п. С 2007 г. неуклонно увеличивалось число терактов, совершенных смертниками. Эту тактику талибы (не без сомнений и разногласий) позаимствовали у *Аль-Каиды*. Как и предрекали арабские исламо — экстремисты, в частности, А. аз-Завахири, тактика оказалась

весьма эффективной — потери правительственного лагеря и иностранцев резко возросли¹¹.

Заключение

Таким образом, первый относительно спокойный этап войны с талибами в Афганистане, сменился в середине 2000-х годов существенно более жестким и кровопролитным. В 2009 г. новая администрация США объявила о планах значительного увеличения своего воинского контингента — более чем на 40 тыс. до почти 100 тыс. человек — с целью стабилизировать ситуацию и передать ответственность за поддержание мира и порядка правительству дважды избиравшегося на пост президента (в 2004 и 2009 гг.) Х. Карзая. Вывод основной части вооруженных сил США и НАТО намечен на 2014 г., но может произойти и раньше, особенно если удастся договориться о дележе властных полномочий между ныне правящими в Афганистане кругами и их противниками — талибами. Гласности были приданы сведения о начальных контактах между представителями американской администрации и талибами в Катаре. Правительство в Кабуле также заявило о желательности переговоров. Х. Карзая и его окружение испугала, судя по всему, перспектива оказаться обойденными Вашингтоном. Те же страхи испытывают в Исламабаде. Там поддержали инициативы по мирному урегулированию в соседней стране, но предупредили об их малой эффективности без участия и поддержки с пакистанской стороны.

Исходя из представленного в статье обзора событий и фактов, с этими предупреждениями можно согласиться. Ведь на пакистанской территории находятся основные тыловые и тренировочные базы афганских талибов. Именно в приграничных районах талибы получили возможность не только переждать период после поражения, но и набраться сил и средств для возобновления активных боевых действий. Считается очевидным, что Пакистан проявлял двойственность, обусловленную сложной расстановкой сил в политической элите и неопределенностью общественных настроений. С одной стороны, он помогал США бороться с *Аль-Каидой* и другими исламскими экстремистами, а с другой, не выпускал из рук контакты с афганскими противниками американцев, позволяя им вооружаться, вести пропаганду, получать финансовые средства от

благотворителей и «баронов» бизнеса по незаконному обороту наркотиков — героина, гашиша, конопли, в больших количествах производимых в южной части Афганистана.

Козырной картой в руках Исламабада остается и положение в горном пуштунском поясе. Там располагаются тыловые базы наиболее бескомпромиссных противников США и Запада — отряды Г. Хекматъяра и Дж. Хаккани. Именно от них исходили в последнее время главные угрозы безопасности для Кабула и всего столичного округа. Скорее всего, на их счету осуществленное летом 2011 г. убийство бывшего афганского президента таджика Б. Раббани, назначенного Х. Карзаем на пост председателя созданного для примирения с талибами Совета мира. Действуя через посредников, Пакистан может и серьезно помешать мирному процессу и способствовать ему при условии, что будут учтены его интересы. Ввиду того, что армия и силы правопорядка смогли обеспечить относительное затишье в зоне пакистано-афганского приграничья, способность Исламабада оказать давление на афганских экстремистов, безусловно, усилилась. Соответственно с этим увеличилась политическая роль Пакистана в процессе афганского урегулирования. Намечающаяся его «регионализация», т. е. рост значения региональных игроков по сравнению с глобальными (США, Европой) и макрорегиональными (Россией, Китаем), заставляет соседей Пакистана (Индию, Иран), внимательно следить за его намерениями и действиями. Весьма непростоим является отношение к Исламабаду в Афганистане, и причина тому, в частности, в контроле Пакистана за горными подступами к югу и востоку страны.

Примечания

¹ *Конаровский М.А.* Афганистан: Deja vu, что дальше? // Восток. 2011, 6, с. 10.

² *Janjua M.Q.* In the Shadow of the Durand Line: Security, Stability and the Future of Pakistan and Afghanistan. Publishes M.A. Thesis. Monterey: Naval Postgraduate School, 2009 [Electronic version].

³ *Ibid.*, Ch.3.

⁴ *Jones S.G.* In the Graveyard of Empires. America's War in Afghanistan. N.Y.: Norton, 2010, pp. 95–98, 101–108.

⁵ *Rashid A.* Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. L.: Penguin Books, 2009, p. 247, 250.

⁶ С помощью Пакистана, в первую очередь Объединенной военной разведки (*ISI*) были в первые годы после перемещения талибов и союзных с ними сил арестованы и переданы американцам такие видные члены *Аль-Каиды*, как Халид Шейх Мухаммад (главный обвиняемый в терактах в США 11 сентября 2001 г.), Абу Фарадж ал-Либи, Абу Зубейда и др. *Jones S.G.* In the Graveyard of Empires, p. 264. По словам бывшего ответственного сотрудника ЦРУ, Пакистан помог обезвредить 600–700 активных экстремистов // CIA paid millions of dollars to ISI since 9/11: Report, Times of India. 16 November 2009, <http://timesofindia.indiatimes.com/article/show/msid-5235067,prtpage-1.cms>

⁶ *Janjua C.M.* In the Shadow of the Durand Zone, Ch.4.

⁷ FATA — A Most Dangerous Place. Meeting the Challenge of Militancy and Terror in the Federally Administered Tribal Areas of Pakistan. Center for Strategic and International Studies, Wash., January 2009 [Electronic version]

⁸ Подр. см.: *Замараева Н.А.* Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг. // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказ и Центральной Азии. М., 2012, с. 190–195. По подсчетам индийского портала по терроризму в Южной Азии, всего в Пакистане за 2003–2011 гг. погибло около 37 тысяч человек, из них наибольшие потери приходятся на террористов и боевиков — 22 тыс. Кроме того, погибли свыше 11 тыс. мирных жителей и почти 4 тыс. военнослужащих и сотрудников сил безопасности. Пик в 12 тыс. пришелся на 2009 г. (из них свыше 8 тыс. боевиков). В 2010 г. потери составили 7,5 тыс., а в 2011 г. — 4 тыс. человек. *Haider M.* The killing fields of Pakistan [Electronic version].

⁹ *Ibid.*, p. 393–399; *Jones S.G.* In the Graveyard of Empires, p. 210–215.

¹⁰ *Ibid.*, p. 293–294. Последние достаточно крупные боестолкновения в Афганистане пришлось на 2009 г. Тактика талибов в основном изменилась — они перешли к организации терактов и накоплению сил. См: *Cordesman A.* The War in Afghanistan: The Real Lessons of the Attack on Kabul, September 14, 2011, The CSIS Burke Chair Publication, e-mailed by the author, p. 1.

¹¹ *Ibid.*, p. 293–294. Последние достаточно крупные боестолкновения в Афганистане пришлось на 2009 г. Тактика талибов в основном изменилась — они перешли к организации терактов и накоплению сил. См: *Cordesman A.* The War in Afganistan: The Real Lessons of the Attack on Kabul, September 14, 2011, The CSIS Burke Chair Publication, e-mailed by the author, p. 1.

АФГАНО-ПАКИСТАНСКАЯ ГРАНИЦА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОПРОСА*

Вопрос об афгано-пакистанской границе приобрел на современном этапе значительную актуальность. Афганистан с последней четверти XX в. попал в полосу внутренней неустроенности и военных действий с участием внешних сил, превратившись в одну из горячих точек региональной и мировой политики. Вслед за ним дестабилизация и кризис охватили соседний Пакистан. Афгано-пакистанские отношения с самого начала, т. е. с момента появления Пакистана на политической карте мира в 1947 г., не были равными. Одним из осложняющих моментов был отказ Афганистана признать легитимной их совместную границу. К тому же, хотя граница еще в конце XIX в. была не только делимитирована, т. е. проведена на карте, но и демаркирована на местности, местное население из-за отсутствия строгого пограничного режима и ввиду родственных связей между жителями по разные от нее стороны фактически не соблюдала границы, которая оставалась прозрачной, пористой. Это обстоятельство усиливалось сложной в топографическом и природно-климатическом отношении местностью, по которой пролегает граница, и тем, что она разрезает сплошной и широкий пояс расселения единого в культурно-историческом и этно-племенном отношении пуштунского, а также белуджского населения.

До 1970-х годов неурегулированность вопроса о границе оставалась проблемой двусторонних связей. Интернационализация внутриафганского конфликта, произошедшая в конце 1970-х и в 1980-е годы придавала международный характер вопросу об афгано-пакистанской границе. С 2001 г., не теряя этого своего значения, вопрос

* Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / Отв.ред. Д.В. Стрельцов. МГИМО (У) МИД России. М.: Аспект пресс, 2013, с. 229–251.

о границе приобрел иное наполнение. Прежде чем перейти к его обсуждению и рассмотреть перспективы решения вопроса, попробуем разобраться в его истории и выявим этапы формирования региональной и глобальной ситуации, связанной с ним.

Надо отметить, что рассматриваемой здесь теме посвящена обширная литература. Среди отечественных авторов ее касались видный историк Ю.В. Ганковский, его ученик Л. Темирханов и некоторые другие авторы. В последнее время Ю.Н. Паничкин активно занимается разработкой проблематики афгано-пакистанских отношений и в том числе границы между ними¹. Зарубежная литература представлена работами историков разных поколений и эпох. На современном этапе большой интерес к ней проявляют специалисты из Пакистана, а также Индии, США и ряда других государств.

У проблемы афгано-пакистанской границы есть общие для подобных коллизий и особенные черты. Нет смысла разбирать, в чем они состоят. Читатели книги смогут легко их оценить, сравнив рассматриваемую в данной главе проблему с другими вопросами, появившимися в поле зрения авторов монографии.

Линия Дюранда

Граница между Афганистаном и Пакистаном до сих пор чаще всего называется линией Дюранда по имени секретаря по иностранным делам в кабинете вице-короля Британской Индии сэра Мортимера Дюранда. К началу 1890-х годов рубежи английских владений на северо-западе Индии в основном сложились, но к их окончательной формализации англичане не могли приступить из-за нежелания «железного» эмира Афганистана Абдур Рахман Хана связывать себя нелегкими обязательствами. Став в 1880 г. правителем Кабула при прямой поддержке англичан и победив в следующем году соперников из своего клана, Абдур Рахман за последующие 10–12 лет утвердил свою власть на территории, принадлежавшей его деду Дост Мохаммад Хану (1826–1842, 1842–1863) и дяде Шер Али Хану (1863–1978). Кроме того, он расширил владения за счет завоевания горной северо-восточной области язычников — кафиров (неверных) и превращения ее в Нуристан (страну света). Несмотря на получение ежегодных дотаций от англо-индийских властей и обязательств согласовывать внешние дела с ними (полунезависимый статус Афганистана установился в результате второй англо-афганской войны

1878–1881 гг.), эмир не отказывался от тайной поддержки антибританских выступлений восточных пуштунов, т. е. тех этнических афганцев или пуштунов, чья политическая судьба (в результате ослабления и распада созданной в 1747 г. афганской империи Дуррани) оказалась связана с государственными образованиями к востоку от горной системы, протянувшейся с северо-востока на юго-запад от Гиндукуша до Сулеймановых гор. Поначалу таким было государство сикхов во главе с Ранджит Сингхом, войска которого в 1834 г. овладели центром восточных владений афганцев Пешаваром, а с 1849 г., после завоевания сикхских владений англичанами — Британская Индия.

Согласно традиционной афганской и советской историографии, пойти на соглашение с англичанами по поводу границы заставила Абдур Рахмана угроза войны, неприкрытое давление на него со стороны Калькутты (резиденции вице-короля Британской Индии). Пакистанские авторы обращают главное внимание на выгоды, которые получал эмир в результате согласия на предложения англичан в виде закрепления своих позиций в горной полосе и увеличения ежегодных субсидий. Соглашение о делимитации границы между английскими и афганскими владениями было подписано в Кабуле 12 ноября 1893 г. эмиром и Дюрандом после переговоров, длившихся шесть недель. Британская делегация, в соответствии с достигнутой заранее договоренностью, привезла с собой карту с намеченными на ней границами. Она отвечала основным постулатам тогдашней пограничной политики Лондона. Все основные горные проходы (Хайбер, Куррам, Ходжак) оставались под контролем британских гарнизонов. Разграничительная линия в горах обычно пролегалa несколько западнее главного водораздела, что позволяло англичанам контролировать вершины как командные высоты. Эмир пытался утвердить свои права на контролируемые британцами пуштунские по населению северо-восточные районы Читрала, долины горных рек Сват и Баджаур, но затем отказался от этого, как и контроля от области Вана (т. е. территории племен вазиров и масудов). В ответ на эти уступки и само согласие с проведением границы англичане согласились увеличить ежегодную дотацию эмиру в полтора раза, с 1,2 млн. до 1,8 млн. рупий².

Демаркация границы стала результатом работы четырех комиссий. Первая из них определяла рубежи на местности от Гиндукуша до р. Кабул. Самая важная с афганской точки зрения ко-

миссия возглавлялась главнокомандующим кабульской армией, а с британской — комиссаром области Пешавар, входившей тогда в провинцию Панджаб. Камнем преткновения здесь стал район Моманд. Названный по населявшим его горским племенам, на карте Дюранда он разделялся на две части. Эмир возражал против разделения, но англичане настаивали, т. к. моманды занимали левый берег реки Кабул, который те хотели использовать в будущем для прокладки вдоль русла реки железной дороги. Из-за разногласий эмир не давал согласие на демаркированную по английскому предложению границу, оставив вопрос неурегулированным³. Демаркация этого участка была произведена много позднее и закреплена в соглашении 1921 г. между Англией и независимым Афганистаном⁴.

Вторая комиссия занималась демаркацией участка к югу от р. Кабул. Двусторонняя комиссия успешно завершила работу к концу 1894 г. Но в начале следующего года была образована еще одна дополнительная комиссия по демаркации в районе Вана. Работа по демаркации завершилась к началу 1896 г. без возражений со стороны эмира. Все эти три комиссии занимались демаркацией в зоне преимущественного расселения пуштунов.

Четвертая комиссия работала в зоне белуджских племен. К лету 1896 г. работа по протяженной границе от Даманда через Чаман до границы с Персией была полностью завершена, что было немалым достижением, т. к. граница была протяженной и проходила по труднодоступной и малонаселенной гористой и пустынной местности⁵.

Афганский эмир с неохотой шел на уступки и давал одобрение результатов работы комиссий, используя, в частности, то обстоятельство, что М. Дюранда, знатока афганской проблематики, вскоре после подписания соглашения, перевели в Персию. Хотя эмир по соглашению обязался не вмешиваться в дела восточных пуштунов, он нередко нарушал обязательства и тайно подталкивал пограничные племена восточных пуштунов на антибританские выступления. Первые мятежи охватили район племен масудов и вазиров, а также области Баджаур и Читрал в 1894 и 1895 гг. А в 1896 и 1898 гг. расположившиеся у подножий гор колониальные гарнизоны, укомплектованные в основном сикхами, вели напряженные бои с боевыми ополчениями пуштунских племен момандов, мамунов, оракзаев, африди и др.

Угрозы для безопасности со стороны восточных пуштунов подтолкнули англичан к созданию своего рода «зоны отчуждения».

В 1901 г. по инициативе вице-короля лорда Керзона из провинции Панджаб была выделена населенная в основном равнинными пуштунами Северо-Западная пограничная провинция, а в полосе горских племен образована цепь политических агентств. При этом крупные колониальные гарнизоны были выведены оттуда, а все судебные дела стал решать английский политический агент на основании принятых тогда же Уложений о преступлениях на границе (Frontier Crimes Regulations), не замененных полностью до настоящего времени.

Линию Дюранда как границу между своими и англо-индийскими владениями признавали в дальнейшем все афганские правители — факт, который в большинстве афганских и «проафганских» публикациях начисто отрицается. В 1905 г., через четыре года после смерти Абдур Рахмана, соответствующее соглашение подписал новый эмир Хабибулла, а в 1919 г. при восшествии на престол — король Аманулла. Положения о границе содержали мирный договор, подписанный после третьей, успешной для афганцев войны с англичанами в августе того же года, а также англо-афганский договор 1921 г., подтверждавший независимый статус Афганистана. В 1930 г. новый король Надир Шах письменно подтвердил свое согласие с линией Дюранда. Лишь после убийства Надира в 1932 г. и вступлении на престол его малолетнего сына Захир Шаха не было заключено письменных соглашений⁶.

Коллизия вокруг границы

Во время Второй мировой войны Кабул был верен нейтралитету, дружественному на этапе после нападения Германии на СССР как Лондону, так и Москве. Предчувствуя уход англичан из Индии, кабульские власти с 1944 г. стали прощупывать почву для усиления своих позиций за счет СЗПП. В 1945 г. афганское правительство Хашим Хана (дяди короля) обратилось к английским властям с просьбой разрешить полосе племен и СЗПП присоединиться к Афганистану после окончания колониального правления. Англичане отказались рассматривать это предложение⁷.

Возникновение спора вокруг линии Дюранда непосредственно связано с передачей власти в Индии от англичан к национальным силам. У власти в СЗПП вплоть до августа 1947 г. находилось коалиционное правительство во главе с провинциальным отделением

Индийского Национального Конгресса. Руководивший процессом раздела колониальной Индии на два независимых доминиона (Индию и Пакистан) вице-король Л. Маунтбеттен организовал в СЗПП референдум с целью решения вопроса о присоединении провинции к одному из двух создаваемых государств. Он отказался включить в вопрос, решаемый посредством референдума, пункт об образовании независимого Пуштунистана. Харизматический лидер пуштунского отделения ИНК Гаффар Хан и его брат Хан Сахиб, возглавлявший правительство провинции, призвали своих сторонников к бойкоту референдума. В результате свыше 95% принявших в нем участие избирателей (эта категория определялась последним колониальным законом об управлении Индии 1935 г.) проголосовали за присоединение к Пакистану. Против принятого на этом основании решения протестовали и сторонники Гаффар Хана, и Кабул.

Афганистан был единственной страной мира, выразившей в сентябре 1947 г. несогласие с принятием Пакистана в состав ООН. Правда, к концу года отношения между Кабулом и Карачи (первой столицей Пакистана) улучшились. Официальная афганская делегация в декабре приехала в новую страну и была принята ее первым генерал-губернатором, «отцом-основателем» пакистанской нации М.А. Джинной⁸. Стремясь укрепить свои позиции среди горских пуштунских племен правительство Пакистана объявило о выводе регулярных частей из зоны племен (Вазиристана) и предоставлении, как и прежде, полной свободы во внутренних делах, а также сохранении дотаций и других льгот⁹.

Впрочем, колониальная система политических агентов осталась неизменной (английских чиновников постепенно заменили пакистанские) В то же время линия Дюранда в районе зоны племен оказалась по существу без «подпорок» со стороны армейских частей, а пограничный режим соблюдался лишь на главных проходах, прежде всего Хайберском, через который шел основной поток пассажиров и грузов.

Между Гаффар Ханом и пакистанским правительством вслед за коротким примирением последовал новый этап обострения отношений, закончившийся арестом и осуждением лидера пуштунов и многих его сторонников по обвинению в предательстве интересов нового государства. Кабул выступил с протестами против преследований и поддержал сепаратистские выступления Гаффар Хана, а также Факира из Иши, религиозного лидера, который в 1930–40-х

годах поднял племена вазиров и масудов на восстание против англичан, используя поддержку германской и итальянской агентуры. С 1948 г. Факир оставаясь в горах Вазиристана начал борьбу с атаковавшими его частями пакистанской армии и авиации. Война шла под лозунгом создания «свободного Пуштунистана». В 1950 г. Факир из Ипи провозгласил себя «президентом Пуштунистана». Вскоре после этого его движение было подавлено пакистанской армией¹⁰.

Налеты пакистанской авиации на позиции повстанцев неоднократно вызывали официальные протесты Кабула. В знак протеста против них и подтверждение своей политики по поддержке сторонников Пуштунистана Кабул организовал проведение традиционной для пуштунов «Лояя джирги» («Великого собрания»), а официальная афганская делегация объявила на Генеральной ассамблее ООН в 1949 г. о непризнании линии Дюранда законной границей с Пакистаном. От этой позиции не отступало впоследствии ни одно правительство Афганистана, и с этого заявления начинается отсчет времени по существованию пограничного спора.

Пакистанская сторона не согласилась с афганской позицией, и ее поддержала основная часть международного сообщества. Точка зрения Пакистана нашла подкрепление в Венской конвенции 1961 г. о договорах. В ней отмечалось, что при образовании новых государств на месте прекративших свое существование установленные границы остаются в силе. В результате на картах мира линия Дюранда, несмотря на несогласие Афганистана, продолжает обозначаться как признанная международным сообществом граница между ним и Пакистаном.

Между тем, соблюдение ее на местности было весьма условным — где-то она была плохо демаркирована, а где-то совсем не демаркирована, т. е. не снабжена соответствующими знаками. Границу беспрестанно нарушали местные жители, контрабандисты, перебежчики. Свободный переход границы способствовал в отдельные периоды углублению кризиса в отношениях между двумя соседями, ибо позволял антиправительственным элементам из одной страны перебираться и находить убежище в пределах другой. Кризисы в афгано — пакистанских отношениях имели место в 1955, 1961–63 и 1973–75 гг.¹¹

Наиболее существенное значение для современного состояния вопроса имел последний кризис. В начале 1973 г. центральными властями в Пакистане были отправлены в отставку губернаторы и

правления двух пограничных с Афганистаном провинций — Белуджистана и СЗПП. Конфликт между федеральным центром во главе с премьер-министром З.А. Бхутто и провинциальными администрациями объяснялся расхождениями по поводу автономных прав провинций. Разгон местных правительств во главе с леводемократическими сторонниками большей провинциальной автономии вызвал восстание против властей ряда белуджских племен, прежде всего марри и менгал, ввод армейских частей в Белуджистан и кровавое подавление восстания с иранской помощью. Шах Ирана предоставил вертолеты и снаряды для бомбежек позиций повстанцев. После пика военных столкновений летом 1974 г. предводители восстания Хайр Бахш Марри и другие, перейдя линию Дюранда, укрылись в Афганистане.

Там летом 1973 г. произошел бескровный государственный переворот. Король Захир Шах, непосредственно управлявший страной с 1963 г., был низложен (и остался в эмиграции) двоюродным братом М. Даудом, провозгласившим себя президентом Республики Афганистан. Госпереворот был поддержан левыми силами Афганистана (членами Народнодемократической партии). Дауд, возглавлявший правительство страны в 1963–73 гг., был известен как антипакистански настроенный пуштунский националист. Линия Дюранда в результате его прихода к власти превратилась на время в пористую границу между враждебно друг к другу настроенными режима в соседних странах.

В 1975 г. бывшие губернаторы и главные министры Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистана были обвинены в осуществлении политического теракта и отданы под суд военного трибунала. Летом того же года в Афганистане был раскрыт заговор происламских оппозиционных сил. Его руководители, ставшие в будущем хорошо известными Б. Раббани, Г. Хекматъяр и Ш.А. Масуд, бежали через линию Дюранда в Пакистан и прошли, по некоторым сведениям, военную подготовку в лагерях пакистанской армии и разведки.

В 1976–78 гг. отношения между странами улучшились. Пакистанская сторона ставила вопрос о признании границы легитимной, и афганский президент М. Дауд посетив Исламабад в марте 1978 г. накануне своего свержения, как будто, собирался это сделать¹². Однако ни администрация Дауда, ни сменившие его в результате кро-

вавого переворота в апреле 1978 г. «коммунисты» (лидеры НДПА) на деле не захотели пойти навстречу пакистанским предложениям.

Афганский конфликт и линия Дюранда

После ввода советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г. неурегулированность вопроса о границе и ее легкая проходимость стали плюсом для Исламабада. Охрана границы силами армии Народно-Демократической Республики Афганистан и советскими частями оказалась делом весьма затратным и затруднительным. По распространенному среди советских военных специалистов в Афганистане мнению, чтобы перекрыть границу надо было бы иметь полумиллионную армию, в то время как максимальная численность группировки, задействованной для операций в стране не превышала 120 тыс. человек¹³.

С середины 1978 г через линию Дюранда стали переходить десятки тысяч беженцев. Поначалу их поток состоял не только из пуштунов приграничного востока и юга страны. Политика НДРА в области аграрноземельных отношений напугала угрозой коллективизации и экспроприации зажиточные слои деревни севера и запада страны (часть из них были потомками «раскулаченных» в 1930-е годы и басмачей). В 1979 г. после мятежа в Герате в марте и последовавших за его подавлением репрессий поток увеличился. В дальнейшем массы беженцев состояли главным образом из пуштунов, вытесняемых из приграничной зоны мерами по установлению в ней новой власти и борьбой с оппозицией, получавшей поддержку из Пакистана. Кроме того, ухудшение экономической ситуации в Афганистане, рост безработицы, перебои с наличием продовольствия в городах, заставили миллионы афганцев бежать в Иран (опять же зачастую через линию Дюранда и пакистанскую территорию) и Пакистан. К началу 1981 г., по данным ООН, в этих двух странах оказалось уже 3,7 млн беженцев. К 1992 г. их число возросло до 6,7 млн человек, причем свыше 5 млн располагались в Пакистане и на 82% состояли из пуштунов¹⁴.

В Пакистане с помощью Комиссии ООН по делам беженцев была организована сеть лагерей, главным образом в СЗПП, близ границы с зоной племен, преобразованной к тому времени конституционно в Территорию племен федерального управления (ТПФУ). В лагерях раздавались пайки для беженцев, создавались мини-

мально приемлемые условия для выживания, что служило дополнительным стимулом для бегства из Афганистана. Именно там, с помощью религиозных партий влиятельных при правлении генерала М. Зия-уль-Хака, пришедшего к власти путем военного переворота в июле 1977 г., сложилась сеть *медресе* (религиозных школ), воспитанники которых составили основу движения *талибов* (ищущих истинное знание), которое в междоусобной войне установило в 1994–1998 гг. контроль над большей частью Афганистана.

Пакистанское военное руководство сумело извлечь крупные выгоды из сложившейся в регионе в 1980-х годах международной обстановки. Получая сначала относительно небольшую, а затем (с 1982 г.) все более значительную финансовую и военную помощь из США и Саудовской Аравии, Исламабад превратил свою страну в «прифронтовое государство», ведущее, по сути, войну с соседним Афганистаном. Пакистанская военная разведка координировала и направляла действия афганских диверсионных групп, которые легко переходили линию Дюранда, главным образом в зоне племен (ТПФУ) и атаковали посты и базы афганских правительственных войск и советской 40-й армии. Столица СЗПП — Пешавар стал главным местом отдыха и лечения *муджахедов* (борцов за веру). Отсюда они отправлялись совершать вылазки через границу, находившуюся от Пешавара на расстоянии двух-трехчасовой поездки на автомобильном транспорте. Там же было образовано временное правительство *муджахедов* после заключения при посредничестве ООН четырехсторонних (Афганистан, Пакистан, СССР, США) Женевских мирных соглашений в апреле 1988 г. и планировались неоднократные попытки утвердить его власть в Афганистане.

В апреле 1992 г., уже после гибели в авиационной катастрофе Зия-уль-Хака и вывода советских войск, обосновавшиеся в Пакистане оппозиционные афганские партийные группировки и контролируемые ими боевые отряды сумели, наконец, войти в Кабул и провозгласить создание Исламского государства. У Пакистана, казалось, появилась возможность добиться у своего соседа признания границы, однако вопрос об этом поставлен, судя по всему, не был. К тому же, вскоре между победителями-исламистами началась борьба за власть и развернулись кровопролитные боевые действия, не прекращавшиеся по существу вплоть до конца десятилетия. В его середине Пакистан оказал поддержку талибам, победившим с его помощью соперников в междоусобице, но и от их правительства,

объявившего об образовании Исламского Эмирата Афганистан, Исламабад не смог добиться легитимизации границы.

Граница на современном этапе

Террористические акты, осуществленные в США 11 сентября 2001 г. исламистами из Аль-Каиды, спровоцировали новый виток событий в Афганистане. Обвинив талибов в предоставлении укрытия лидерам террористов и не получив от них согласия на их выдачу, США и их британские союзники (затем и другие члены НАТО) по существу оккупировали страну, хотя первоначально и очень малыми военными силами. Они использовали свое подавляющее преимущество в военной технике, а также поддержку афганских противников талибов из «Северного альянса» во главе с пуштунами, главным образом таджиками и узбеками. Освобождение страны от талибов завершилось быстро, и уже в конце 2001 г. в Кабуле утвердилась власть нового переходного правительства, состоявшего из представителей основных этносов страны во главе с пуштуном из рода потомственных афганских правителей Х. Карзаем. Последовавшее затем провозглашение Исламской Республики Афганистан увенчалось избранием Карзая президентом на всеобщих выборах 2004 г.

После терактов 11 сентября Пакистан, где с 1999 г. у власти вновь находились военные, под давлением США отказал правительству талибов в признании и поддержке, предоставив существенную логистическую помощь в войне против них. Поворот на 180 градусов принес Исламабаду немалые дивиденды. Между ним и Кабулом установились внешне дружественные отношения. Но в реальности их отравляла двойственная позиция Пакистана по талибам, и вопрос о линии Дюранда вновь не занял места в повестке дня двусторонних контактов.

Отметим, что сохранение легко пересекаемой границы позволило талибам в конце 2001 и начале 2002 гг. перебраться на пакистанскую территорию. Правительство генерала П. Мушаррафа официально, разумеется, не давало разрешения на переход границы, но ничего и не предпринимало против него. Не возражали на первых порах и американцы с союзниками, т. к. это обстоятельство ускорило конец власти талибов, которые предпочли не оказывать

серьезного сопротивления, но сохранить ряды, скрывшись в соседней стране.

Терроризм и проблема пакистано-афганского приграничья

Весной 2006 г. отсидевшиеся в Пакистане и укрепившие свои силы талибы начали наступление на позиции правительственных афганских войск и его иностранных союзников на юге страны, легко перейдя через линию Дюранда на белуджском ее участке. Еще ранее активизировались их действия в горах на востоке страны. Там они и их союзники из группировок Дж. Хаккани и Г. Хекматъяра переходили линию Дюранда под видом местных жителей. Среди горских пуштунов ТПФУ нашлось, к тому же, немало сторонников афганских талибов и их предводителя Муллы Омара, бывшего главы исламского режима *Талибан*. В горах пакистано-афганского приграничья уже в 2004 г. образовались группы местных талибов, которые в 2007 г. объединились в Пакистанское движение талибан (*Техрик-е талибан Пакистан*). Рыхлое образование, состоящее из отдельных боевых групп, действующих в различных агентствах ТПФУ, сумело развернуть кровопролитную диверсионно-террористическую войну против пакистанского правительства, его армии и силовых структур. Наибольший размах их активность приобрела в 2007–2009 гг. Пакистанские талибы установили контроль над большинством горных селений в таких важных в стратегическом отношении агентствах, как Северный и Южный Вазиристан (прежняя область Вана или Вазиристан). Из пакистано-афганского приграничья они совершали нападения и террористические вылазки в глубь пакистанской территории. Особенно страдали от них городские центры СЗПП, а среди объектов атак главными были представители пакистанской армии, нерегулярных пограничных частей и полиции (в Пакистане утверждают, что за время «войны с глобальным терроризмом» там погибли более 25 тыс. человек, в т. ч. военные и полицейские, в то время как в Афганистане погибло 8,5 тыс. местных жителей¹⁵.)

Одновременно с оживлением террористической активности в Пакистане резко возросла она в те же годы и в Афганистане. В ответ на успешные действия талибов, США вместе с союзниками по НАТО стали наращивать численность войск. Иностранный контингент увеличился за 2001–2011 гг. менее чем с 10 до примерно

150 тыс. человек. Хотя решительного перелома в войне с талибами добиться не удалось, отдельные успехи союзников позволили разработать объявленный американским президентом Б. Обамой план по поэтапному сокращению количества иностранных войск и полном выводе боевых частей к 2014 г. План Обамы и подписанное им в мае 2012 г. с президентом Х. Карзаем соглашение предусматривает предоставление крупных ежегодных дотаций афганскому правительству, обучение и боевую подготовку афганских сил безопасности и передачу им ответственности за порядок в стране.

Проблема границы на современном этапе предстает несколько ко иначе, чем на предшествующих. Если в годы советского военного присутствия незащищенность и проходимость линии Дюранда была выгодна Пакистану, муджахедам и поддерживавшим их США, Саудовской Аравии, другим государствам антисоветской коалиции, в том числе КНР, то в нынешней обстановке проницаемость границы стала проблемой для действующих со стороны Афганистана боевых частей США и НАТО. После 2001 г. боевые части США и части афганской армии расположились на линии Дюранда, стараясь охранять границу от инфильтрантов. Пакистанская армия стала вводить в агентства ТПФУ свои крупные боевые подразделения. Вместе с ними «экстерриториальность» ТПФУ нарушили иррегулярные пограничные части, набираемые преимущественно из местных жителей. Пакистанская армия провела в 2004–2006 гг. операцию *аль-мизан* («итог»), введя войска в агентства Южного и Северного Вазиристана. К концу десятилетия пакистанские армейские части в полной мере обосновались на границе в зоне племен (в период борьбы с СССР они контролировали только основные проходы) и по различным сведениям во всей этой зоне (ТПФУ и прилегающие к ней районы) постоянно располагались 120–140 тыс., причем только в ТПФУ еще в 2007 г, пакистанская армия расквартировала 75 тыс. военных¹⁶.

О наличии цепи укрепленных блок — постов вдоль высокогорной части линии Дюранда свидетельствует инцидент, произошедший в ноябре 2011 г. Американские боевые самолеты, подлетев вплотную к границе, по ошибке в ночных условиях расстреляли блок-пост пакистанской армии, убив 24 военнослужащих и ранив еще несколько десятков. Инцидент вызвал исключительно резкую реакцию Пакистана и на долгое время отравил отношения между двумя странами. Одним из оснований реакции Исламабада было то,

что самолеты нарушили пакистанское воздушное пространство. Из всего этого следует, что линия Дюранда даже в ее самой труднодоступной части охраняется с обеих сторон и служит реальной границей между двумя государствами. Несмотря на отказ от юридического признания, Кабул вынужден соглашаться с тем, что активность его частей вместе с подразделениями иностранных союзников исходит из наличия демаркированной и международно признанной границы. Впрочем, сам по себе этот факт не снимает проблемы, так как она связана со всей ситуацией в регионе и в будущем еще может сыграть существенную роль.

Линия Дюранда и проблема Белуджистана

Нередко линию Дюранду ассоциируют с высокогорной ее частью, проходящей в зоне проживания афганских и пакистанских горских пуштунских племен, но на самом деле, как следует из истории ее формирования, она является всей границей протяженностью около 2,5 тыс. км. Примерно 1 тыс. км отделяет афганские провинции Нимруз, Гильменд и Кандагар от пакистанского Белуджистана. Последний является крупнейшей по территории (43%) пакистанской провинцией с самым небольшим (около 7%) населением и очень малой его плотностью¹⁷.

Белуджистан давно известен как отдельная область, лежащая между историческими Индией и Персией. В результате первой англоафганской войны (1839–1842 гг.), хотя и закончившейся поражением английской экспедиционной армии, правители Калата, главного белуджского княжества, ранее признававшие сюзеренитет Кабула, попали в зависимость от британской Индии. В 1876 г. англичане захватили Кветту и северную часть области Белуджистан, ранее находившуюся под верховной юрисдикцией Кабула и населенную в основном не белуджами, а пуштунами. Несколько позднее англичане образовали небольшую провинцию Белуджистан с центром в Кветте.

В 1947 г. хан Калата объявил о присоединении княжества к Пакистану, но его младший брат поднял мятеж, стремясь отстоять независимость. Мятеж был подавлен, а княжество Калат и вассальные по отношению к нему три другие белуджские владения по реформе 1955 г. влились в состав единой провинции, охватившей всю западную часть тогдашнего Пакистана. Спустя 15 лет провинцию

расформировали, и появился донныне существующий Белуджистан, чье население на две трети состоит из белуджей (вместе с признающими с ними единство брагуями), а на треть — из пуштунов.

Движение за более широкую и реальную автономию Белуджистана получило толчок после образования провинции и вызвала отмеченную выше войну пакистанской армии против белуджей в 1973–1977 гг. и новое вооруженное противостояние в 2003–2006 гг. После гибели лидера последнего восстания, вождя племени бугти Акбар Хана (он, кстати, как и многие другие племенные вожди, входил в состав пакистанской элиты и не раз занимал посты губернатора провинции и сенатора) движение перешло в стадию затяжной латентной борьбы. Основные ее координирующие центры вместе с политическими лидерами, в том числе и наследниками Акбара, находятся за пределами Пакистана, а члены оставшихся в стране групп после совершения актов террора и саботажа или по подозрению в их подготовке находятся в тюрьмах, застенках спецслужб, скрываются, либо числятся среди пропавших без вести (обычно оказываются расстрелянными или умершими под пытками).

Крайне напряженная обстановка вокруг Белуджистана объясняется тем, что в отличие от пуштунов, среди которых непопулярен лозунг выхода из состава Пакистана, у белуджей он находит одобрение. Большинство из них компактно населяют южный массив провинции, широкой полосой выходящий к Аравийскому морю и имеющий удобные бухты Гвадар, Пасни, Сонмиани и др. Самая западная из них бухта Гвадар с помощью Китая была в 2000-х годах превращена в глубоководный порт Гвадар. Он расположен недалеко от Ормузского пролива (выхода из Персидского залива), и является по ряду позиций соперником иранского порта Чахбахар, недавно построенного на иранском берегу залива при помощи Индии.

Линия Дюранда и пакистано-иранская граница, вместе с тем, отделяют пакистанскую часть «страны белуджей» от ее исторической афганской и персидской территорий. Среди белуджей в Иране, как и в Пакистане, сильны сепаратистские настроения, стремление создать отдельный «Свободный Белуджистан». В начале 1970-х годов эти планы активно поддерживал Ирак, и их не менее серьезно воспринимали как угрозу в Иране.

Белуджский участок линии Дюранда имеет и ныне не только региональное, но и глобальное значение. Тегеран нередко обвиняет США и Израиль в проведении подрывной деятельности среди иран-

ских белуджей, в помощи им при совершении терактов на западных окраинах страны. Тегеран обвиняет и Исламабад в толерантности к партии иранских белуджей под названием *Джундалла* (Армия Аллаха). Ее лидеры, по иранским данным, скрываются в Карачи, среди многочисленной белуджской общины города, и в Кветте, готовя теракты и добывая деньги контрабандой наркотиков.

Заключение

Таким образом, вопрос об афгано-пакистанской границе сохраняет немалое значение в нынешней геополитической обстановке¹⁸. Он имеет, как выше отмечалось, две стороны — юридическую, связанную с признанием линии Дюранда в качестве легитимной границы афганской стороной, и фактическую, т. е. реальную ее обустроенность и охраняемость. Юридическая неурегулированность вопроса связана со сложившейся инерцией, а также отчасти с политическими видами и расчетами на будущее. Некоторые силы в Афганистане, особенно среди пуштунских националистов, и соответствующее их настроению общественное мнение продолжают по традиции рассчитывать на создание по ту сторону линии Дюранда автономного или полностью независимого Пуштунистана. При этом они, очевидно, не хотели бы присоединения Пуштунистана к Афганистану, а рассчитывают на установление особых отношений с Пуштунистаном, который в единстве с Белуджистаном может обеспечить Кабулу выход к Аравийскому морю и Индийскому океану. Есть и другие планы, такие как создание «Большого Пуштунистана» и дружественного ему Белуджистана.

Такими гипотетическими планами и надеждами отчасти объясняется, по всей видимости, появление в афганской печати на пушту версии о том, что соглашение о линии Дюранда заключалось на срок в 100 лет, и ее правомочность, следовательно, истекла в 1993 г. Эта версия, хотя и проникающая иногда на страницы серьезных исследований, не имеет никакой документально-правовой основы.

Вторая сторона вопроса не является напрямую связанной с первой, т. к. охраняемость, целостность границы остается проблемой во многих случаях, даже тогда, когда юридических коллизий нет. Разве что, спорность вопроса иногда подталкивает заинтересованную сторону к фактическому ее обустройству. Однако сделать охраняемой линию Дюранда на всем ее протяжении, как свидетель-

стует исторический опыт, исключительно сложно. Такая операция заняла бы много лет и потребовала бы больших средств. Впрочем, Пакистан, по ряду сведений, предлагал афганской стороне в 2006 г. начать укрепление и минирование границы с тем, чтобы редотвратить ее переход террористами с обеих сторон. Однако Кабул резко отменил это предложение¹⁹.

Впрочем, с помощью новейших технических средств (наблюдений с воздуха при помощи беспилотных летательных аппаратов, известных по английскому названию, как дроны) охрана границы становится задачей более разрешимой. Необходима, конечно, достаточно четкая демаркация границы с помощью опознавательных знаков и блок-постов. Дроны, как известно, оказались довольно эффективным оружием против террористов. Их использование ВС США в основном против пакистанских талибов началось с 2004 г., но широко развернулось в 2007–2010 гг. Оно вызвало острое возмущение в Пакистане, ввиду нарушения беспилотниками воздушных границ независимого государства. Как выяснилось позднее, часть из них действительно пересекала афгано-пакистанскую границу, но другая часть базировалась в самом Пакистане. После еще одного грубого нарушения пакистанского воздушного пространства американцами с целью убийства лидера *Аль-Каиды* Усамы бен Ладена в мае 2011 г., дроны были выведены с аэродрома Шамси в Белуджистане.

Подводя итоги, следует заметить, что подвешенность вопроса об афгано — пакистанской границе бывает временами выгодна то одной, то другой стороне. На руку Пакистана была ее прозрачность, проходимость в 1978–1992 гг., и позднее в период борьбы талибов за власть в Афганистане. Кажется, что на современном этапе (с 2001 г.) такая особенность границы Пакистану только вредит. Но из-за двойственности его политики в отношении Афганистана, сохраняющихся среди ее правящих кругов сторонников поддержки афганских талибов и ставки на них с целью не допустить усиления влияния Индии в Афганистане, проницаемость линии Дюранда не всеми воспринимается как недостаток. Правящая в Пакистане олигархия, среди которой видное место занимают армейские генералы (действующие и отставные), заинтересована в утверждении своей стратегической гегемонии на западном направлении с тем, чтобы использовать ее в противостоянии на восточном, против Индии. По-

этому Пакистан на данном этапе, как представляется, не возражает против нынешнего состояния вопроса о границе.

Вопрос, однако, имеет значение не только для двух стран, но и для их соседей и союзников. США и Запад, как думается, хотели бы добиться от Кабула признания линии Дюранда де-юре, чтобы обеспечить для двух соседних государств условий для развития тесных дружественных связей. Иран, по-видимому, не заинтересован в таком развитии событий, ибо это означало бы решение, устраивающее США и сокращающее остроту противоречий между Афганистаном и Пакистаном, что сужает для Тегерана поле для маневра. Политика Индии в этом вопросе двойственна — официально она заинтересована в признании линии Дюранда Кабулом, но неофициально может считать это опасным укреплением позиций Исламабада на его западном и северо-западном направлениях.

Сложность мирового, регионального и двустороннего расклада сил не позволяет уверенно прогнозировать ситуацию с линией Дюранда. Скорее всего, она сохранится в качестве юридической проблемы еще длительное время. Что касается реальной границы, то это в основном будет зависеть от общего положения в Афганистане и Пакистане. Укрепление гражданских режимов и демократических сил в этих странах вызовет рост доверия между государствами и укрепление границы и пограничного режима, а разбалансировка обстановки в обеих или одной из двух стран приведет к ослаблению границы, сделав еще более неопределенными перспективы ее юридического признания.

Примечания

¹ Ганковский Ю.В. Народы Пакистана. (Основные этапы этнической истории) М.: Наука, 1964, с. 216–217; Темирханов Л. Восточные пуштуны. Основные проблемы новой истории. М.: Наука, 1987, с. 78–93; Паничкин Ю.Н. Образование Пакистана и пуштунский вопрос. М.: Научная книга, 2005, с. 39–41 и др.

² Темирханов Л. Указ. соч., с. 81–82; Janjua M.Q. In the Shadow of the Durand Line: Security, Stability, and the Future of Pakistan and Afghanistan. Monterey, Ca., 2009, p. 18–20 (Electronic version).

³ Ibid., p. 23–25.

⁴ Demarcation surveys on the Durand Line // Wikipedia. Retrieved on September 18, 2012.

⁵ Janjua M.Q. In the Shadow of the Durand Line, p. 26–27.

⁶ Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective. (Documents 1955–1979) // Ed. Mehrunnisa Ali. Karachi: Oxford University Press, 1990, p. 62–69 et.al.; *Malik H.* Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics. L.: Macmillan, 1974, p. 75.

⁷ *Janjua M.A.* In the Shadow of the Durand Line, p. 28–29

⁸ Quaid-i-Azam Mahomed Ali Jinnah Speeches As Governor-General of Pakistan 1947–1948. Karachi, S.a., p. 38–39.

⁹ *Ibid.*, p. 132–134.

¹⁰ *Райков А.В.* Факир из Ипи — борец за свободу Вазиристана // Восток.1995, № 3, с. 90–91.

¹¹ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003, с. 80, 86, 98, 104–107.

¹² *Riedel B.* Deadly Embrace. Pakistan, America, and the Future of the Global Jihad. Wash.: Brookings, 2011, Ch. 2 (Electronic version).

¹³ Частное мнение из записей бесед автора.

¹⁴ Data Source: UNHCR, cited in: *Janjua M.Q.* In the Shadow of the Durand Line, p. 60. Figure 9. Afghanistan Refugees, 1979–2007.

¹⁵ *Riedel B.* Deadly Embrace. Ch. 5.

¹⁶ *Riedel B.* Deadly Embrace, Ch. 5; *Janjua M.Q.* In the Shadow of the Durand Line, p. 76.

¹⁷ Pak Population increased by 46,9% between 1998 and 2011 // *The Indian Express*, Mar. 29 2012.

¹⁸ Характерна в этом смысле представительная международная дискуссия, организованная Американским институтом афганских исследований: *The Durand Line: History, Consequences, and Future.* Report of a Conference Organized in July 2007 in Istanbul, Turkey (Electronic version).

¹⁹ *Janjua M.Q.* In the Shadow of the Durand Line, p. 74.

ПАКИСТАН И АФГАНСКИЙ КРИЗИС*

Исламскую Республику Пакистан нередко относят к числу осевых в мировой политике. Она находится на стыке трех регионов — Южной, Центральной и Западной Азии и принадлежит с исторической точки зрения индийскому ареалу, а с религиозной — исламскому широтному поясу от Гибралтар до Синьцзяна. Хорошо известна роль, которую сыграл Пакистан в недавней истории соседнего Афганистана. В 80-х годах, после ввода туда советских войск, он стал для Вашингтона главным участником в опосредованной войне (*proxy war*) с Москвой. Следующее десятилетие ознаменовалось собственными инициативами Исламабада на афганском направлении. С середины 90-х годов Исламабад поддерживал движение Талибан. Добившись военных успехов в немалой степени благодаря Пакистану, талибы стремились ослабить зависимость от него. Они нашли еще одну опору в лице арабских радикалов и боевиков из *Аль-Каиды*, но связь с ними усилила их международную изоляцию и привела к разгрому. Пакистан же, присоединившись в последний момент, осенью 2001 г., к антиталибскому фронту, вновь превратился в партнера — посредника Запада.

Выполняя эту роль на протяжении полутора десятилетий, страна оказалась еще теснее, чем раньше, втянута в воронку афганского кризиса. Вместе с тем произошло усиление политических и оперативнотаكتических возможностей Исламабада на афганском направлении. Это хорошо увязывалось с традиционным нацеленностью Пакистана (прежде всего его военных кругов) на противостояние с Индией путем создания прочного тыла, “стратегической глубины”¹.

* Мировая экономика и международные отношения / Гл. ред. А.В. Рябов. 2016. Том 60. № 3, с. 73–79.

По завершении вывода из Афганистана американских и натовских войск (полного или почти полного) позиции Пакистана во внутриафганском конфликте, скорее всего, возрастут, как, впрочем, и опасности, которые таит в себе вовлеченность в него. Одна из них связана с антагонизмом между Пакистаном и Индией, чьи военные, в частности ракетно-ядерные потенциалы, продолжают быстро увеличиваться, в то время как внешнеполитические интересы зачастую сталкиваются, проявляясь, в том числе, в соперничестве за влияние на Афганистан. Другая угроза обусловлена глубокой разделенностью пакистанского общества, наличием в нем межэтнических, межконфессиональных и межрегиональных трений и разломов².

Демографический протуберанец

По последнему в колониальной Индии цензу 1941 г., население областей, сегодня составляющих Пакистан, равнялось всего 28 млн человек. После образования в 1947 г. двух независимых государств на месте бывшей британской колонии произошла массовая миграция населения, и Пакистан в его нынешних границах (тогда — западный Пакистан, на месте восточного в 1971 г. образовалась Республика Бангладеш) в итоге получил дополнительно около 2 млн человек. С 32–36 млн на рубеже 40–50-х годов прошлого века его народонаселение увеличилось до 190–210 млн к середине 2010-х, то есть выросло в шесть раз менее чем за 70 лет. Среднегодовые темпы прироста составили едва ли не рекордные в мире, во всяком случае, в Азии, 3,0%.

Пакистанское население быстро возрастало не только в первые десятилетия после Второй мировой войны, когда подобное наблюдалось почти повсеместно в Третьем мире, но и в дальнейшем, когда темпы демографического роста многих стран Азии заметно снизились. В Иране, например, после взлета 80-х годов ежегодный прирост упал ныне до 1,5%, в ряде арабских стран — до 2% и менее, в Индии между переписями 2001 и 2011 гг. составил 1,8%³.

Перепись населения в Пакистане в последний раз была проведена в 1998 г. За 17 лет между переписями 1981 и 1998 гг. демографический прирост составил в год 2,7%, а численность жителей увеличилась с 84 до 132 млн человек. За предшествующий период между переписями (1972–1981) прирост равнялся 2,9%. Логично было предположить, что он и далее будет снижаться. О том же говорили

общемировые тенденции и специальные выборочные обследования, проводившиеся в стране. По оценкам пакистанских ведомств, темпы демографического роста снизились до 2,0 или даже 1,5% в год⁴.

Проведение очередной переписи намечалось на 2008 г., затем ее перенесли на 2009 г., но реально приступили весной 2011 г. Следует отметить, что переписи в Пакистане требуют не только немалых финансовых и административных затрат, но и сопряжены, как правило, с острыми политическими коллизиями, ввиду того, что от их результатов в существенной степени зависит распределение средств, поступающих из центра субъектам федерацииⁱ. Кроме того, они служат основанием для определения избирательных округов, в которых по мажоритарной системе проводятся парламентские выборы.

В 2011 г. завершили только первый тур переписи — пересчитали домохозяйства. Спустя год в печать просочились неофициальные и весьма неожиданные результаты. Согласно им, население в 2011 г. выросло до 192 млн человек, увеличившись за 13 лет на 47% (среднегодовой прирост — 2,8%)ⁱⁱ.⁵ Итоги переписи, тем самым, поставили под сомнение оптимистические расчеты официальных демографов. Из опубликованных данных следовало, что численность людей возрастала сильнее в бедных и окраинных регионах страны — в Белуджистане (почти в полтора раза), на территории пуштунских племен и высокогорном севере. Менее всего число домохозяйств и число жителей увеличились в крупнейшей, наиболее богатой и политически доминирующей провинции Панджаб (на 24%). Это обстоятельство, по всей видимости, и воспрепятствовало доведению переписи до конца. Признание ее данных официальными снизило бы долю Панджаба в населении страны с почти 60 до

ⁱ Согласно действующей конституции, Пакистан является федеративной республикой, состоящей из четырех провинций — Панджаба, Синда, Хайбер-Пахтунхва и Белуджистана, а также Территории племен федерального управления, поделенной на семь агентств, и столичного округа Исламабад. В качестве ассоциированных с Пакистаном областей учитываются также область Гилгит-Балтистан и республика Азад (свободный) Кашмир. Их принадлежность Пакистану оспаривает Индия, претендующая на все бывшее индийское княжество Джамму и Кашмир, фактически разделенное между двумя соседними государствами.

ⁱⁱ Вместе с контролируемыми Пакистаном областями Джамму и Кашмира его население оценивалось переписью в 197 млн человек.

55%, что могло сказаться на объеме получаемых провинцией федеральных субсидий.

Проведенные в мае 2013 г. парламентские выборы принесли безоговорочную победу партии Пакистанская мусульманская лига Н. Шарифа [ПМЛ(Н)], пользующейся наибольшей поддержкой в Панджабе. Новое правительство отменило данные 2011 г. и объявило о проведении переписи в 2016 г. спустя 18 лет после переписи 1998 г., когда та же партия стояла у власти. Впрочем, нет уверенности, что перепись состоится в намеченные сроки, поскольку, по сообщениям печати, график выделения средств на нее уже нарушен⁶.

Между тем, неофициальным данным переписи 2011 г., как представляется, в целом можно доверять. Самыми быстрыми темпами растет в таких странах, как Пакистан, население окраинных, менее развитых и по преимуществу сельских районов, где выше бедность и нищета, неграмотность женщин, сильнее их приниженное положение при распространенности ранних браков и стремлении семей иметь перешагнувших детский возраст сыновей.

В таком случае Пакистан предстает исключением, неким протуберанцем на солнце демографических явлений. Вместо относительно низких и снижающихся показателей роста он демонстрирует почти неизменные во времени, существенно более высокие, чем средние по нынешним стандартам темпы, выводящие его в число наиболее населенных стран мира. При сохранении наблюдаемых темпов роста к 2025 г. население Пакистана перешагнет порог в 250 млн, а к 2030 г. — 300 млн человек. Обойдя Индонезию, он переместится с шестого на пятое место в мире и станет крупнейшей мусульманской страной. Экстраполяция нынешних тенденций (даже с корректировкой в сторону некоторого понижения скорости роста) выводит Пакистан к середине нынешнего столетия на четвертое место, вплотную за США⁷.

В реальность таких прогнозов трудно поверить, однако эффект демографического протуберанца сказывается на социально-экологической ситуации уже сегодня. Количество потребляемой пресной воды в расчете на человека за почти семь десятилетий существования Пакистана сократилось с 5 тыс. куб. м до менее 1 тыс. куб. м. Мало того, потепление мирового климата грозит ему пагубными последствиями. Ускоренное таяние ледников в Гималаях, от которых

питается в основном водная система страны, может привести уже в среднесрочной перспективе к долговременной засухе. Бедствия от наводнений, от которых Пакистан особенно пострадал в 2010 г., а затем в меньшей степени в течение ряда последующих лет, могут показаться не слишком губительными по сравнению с теми, что принесет установившаяся надолго засушливая погода.

Плюсы и минусы глобализации

На протяжении первых десятилетий самостоятельного существования Пакистан следовал классическим образцам индустриализации, которая осуществлялась за счет эксплуатации деревни в условиях искусственно завышенного валютного курса и защищенного тарифными и нетарифными барьерами внутреннего рынка. С 60-х годов ускорились техническая модернизация сельскохозяйственной сферы. В следующем десятилетии началась массовая миграция трудовых ресурсов на богатый нефтедолларами Ближний Восток. Наступившая в конце XX в. эра глобализации, открытости национального хозяйства “мировым ветрам”, принесла Пакистану как плюсы, так и минусы⁸.

К позитивным сторонам глобализации можно отнести круто возросшие перечисления средств от пакистанцев, работающих за рубежом. Они стали особенно быстро возрастать с 2000 г. В 2013/14 фин. г. поступления по банковским каналам превысили 14 млрд долл. США и, как отмечает С.Н. Каменев, “имеют явную тенденцию к дальнейшему росту”⁹. Основная часть переводов приходится на тех, кто работает в “ближнем зарубежье”, прежде всего в Саудовской Аравии и других нефтедобывающих арабских странах. За счет сбережений “гастарбайтеров”, существенно повысились вложения в недвижимое и движимое имущество в Пакистане (землю, дома, средства сельхозмеханизации, личный автотранспорт). Серьезное увеличение мобильности трудоспособного населения, вызвало, по выражению А. Хасана, “незапланированную социальную революцию”¹⁰. Дело в том, что от возросшей мобильности выиграли представители низких кастовых (наследственных) профессий — ремесленники и другие неземледельцы, которые легче расставались с деревней и обладали определенными трудовыми навыками, помо-

гавшими найти работу в городских мастерских, фабричном секторе и за рубежом.

Выезду из сел способствовала стремительно распространившаяся тракторизация земледелия, преимущественно пахотных работ. Техническое переоснащение сопровождалось монетизацией, подрывом натуральных, обменно-бартерных связей и почти полным, в основной зоне орошаемого земледелия, разрушением традиционной сельской общины, державшейся на системе отношений, известной в литературе по Индии как *джаджмани*, а по Пакистану (Панджабу) — *сейпи*ⁱⁱ.

В то же время под влиянием глобализации замедлились темпы расширения ориентирующейся на самодостаточность индустриальной базы. Построенный в 70–80-х годах с помощью СССР металлургический комбинат полного цикла (близ Карачи) так и остался до сих пор единственным такого рода предприятием. Вслед за металлургией стали буксовать машиностроение, транспортная и энергетическая инфраструктура. Хроническая нехватка электроэнергии превратилась в подлинное бедствие крупных городов, таких как почти 20-миллионный Карачи, десятимиллионный Лахор и др. Произошедшее в основном по вине властей запоздание с вводом в действие масштабных гидроэнергетических сооружений тяжело отразилось не только на городской, но и всей производственной инфраструктуре.

Выход из положения Пакистану пока дает та же глобализация. Многие отрасли обрабатывающей промышленности выживают за счет импорта полуфабрикатов, другие ориентированы преимущественно на экспорт. Сложилась своего рода верхний и нижний ярусы экономики. Первый из них, состоящий из технически современных капиталоемких производств, связан с наднациональным, мировым движением капитала и товарообменом; второй, традиционный и полутрадиционный, — с местными товарно-денежными потоками, дополняемыми остатками бартерных связей.

ⁱⁱ Суть системы состоит в неравноправном положении неземледельческого населения сельской общины (ремесленников и разнообразных «слуг») и неравноправном для зависимых представителей неземледельческих каст натуральном взаимобмене товарами и услугами.

Пакистан довольно активно участвует в мировой торговле и движении капитала. Товарооборот (при крупном хроническом дефиците) достиг 70 млрд долл. и составляет немного более четверти ВВП по официальному обменному курсу. Суммарные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в экономику страны превысили 24 млрд долл. (65-е место в мире)¹¹. При этом приток инвестиций колеблется в широких пределах. В 2014–2015 (2014/15 фин. г.) гг. он составил 700 млн долл., что почти на миллиард меньше, чем в предшествующем финансовом году¹². Пакистанский крупный бизнес вывозит капитал за границу, хотя объемы зарубежных инвестиций невелики (около 1,5 млрд долл.). Все это свидетельствует о встроенности экономики в глобальные рынки, но, как и для других многонаселенных государств Азии, преобладающее значение для Пакистана имеет внутреннее производство и замкнутый в национальных границах товарообмен¹³.

Парламентско-военный режим

Экономическим ярусам во многом соответствуют политические. На верхнем этаже действует хорошо отлаженный, имеющий давние политические корни и традиции механизм центральной власти¹⁴. Его юридические основы закреплены в конституции 1973 г., учредившей парламентскую республику. 20-я поправка к конституции, принятая в 2010 г., вернула конституции изначальную суть. До этого в течение длительного времени она была искажена поправками, инициированными военными правителями, путем придания институту президентства главенствующего положения. Правление военных вводилось и отменялось в стране четыре раза, и еще чаще, с учетом полувойенных режимов, менялась степень участия верхушки вооруженных сил, прежде всего сухопутных войск (армии), в управлении страной.

Последний раз армия была близка к абсолютной власти в 1999–2002 гг. По истечении трех лет прямого правления военных режим преобразовался в военно-парламентский во главе с генералом П. Мушаррафом в качестве президента. Кризис режима в 2007–2008 гг. закончился упомянутым выше возвращением к парламентской форме правления. Однако согласие военных на “уход

в тень” было обусловлено сохранением за ними функции гарантов стабильности и порядка.

После победы на выборах 2008 г. кабинет министров возглавила Пакистанская народная партия (ПНП), основанная в конце 60-х годов ярким политиком из Синда З.А. Бхутто. Его казнь после военного переворота 1977 г. и гибель в результате теракта второго лидера ПНП, дочери Бхутто Беназир, создали партии ореол гонимой защитницы справедливости. Что не помешало А.А. Зардари, овдовевшему мужу Б. Бхутто, не только находиться в течение пяти лет на посту президента, избираемого голосами парламентариев, но и прослыть одним из самых быстро разбогатевших людей в стране. Поляризация общества за время правления ПНП возросла, а массовое недовольство усилилось. Однако, благодаря способности правительства к компромиссу, удалось избежать возврата к военному правлению.

На выборах 2013 г., как отмечалось выше, уверенно победила ПМЛ во главе с Навазом Шарифом. Казалось, что опытный политический деятель, в третий раз занявший пост премьер-министра, получит, наконец, всю полноту власти. Но, несмотря на уход с поста начальника штаба армии в отставку влиятельного генерала А.П. Кияни и его замену другим выходцем из Панджаба генералом Рахилом Шарифом (однофамильцем премьера), военная корпорация сохранила за собой явные и тайные рычаги воздействия на политический процесс. Летом и ранней осенью 2014 г. она безучастно смотрела на проведение оппозицией массовых акций протеста. Главный оппонент премьер-министра, лидер *Техрик-е инсаф* (Движения за справедливость, ДС) Имран Хан выступил с обвинениями в грубых нарушениях при проведении выборов и потребовал нового голосования. ДС, совместно с Пакистанским народным движением во главе с богословом Т.аль-Кадри, окружило официальные здания в Исламабаде толпами манифестантов и парализовало деятельность правительства. Это заставило Н. Шарифа искать защиту у военных.

Власть в стране приобрела после этого, как представляется, полувойенный, парламентско-военный характер. Политика в отношении Индии и Афганистана ныне, судя по всему, “делается” в штаб-квартире сухопутных войск. Особое положение занимает ар-

мия и во внутривнутриполитических делах. Причем эта ее роль возросла на гребне войны против террора. Пакистанская армия в июне 2014 г. развернула в горах агентства Северный Вазиристан, на территории пуштунских племен, крупномасштабную операцию под названием *Зарб-е-азб* (Разящий удар, или Меч Пророка) и объявила об уничтожении к началу осени около 1 тыс. боевиков, входящих, по-видимому, и в “сеть Хаккани”, наиболее дееспособную афганскую группировку, воюющую на стороне талибов. Ввиду отказа военных допустить на место событий журналистов и наблюдателей, трудно проверить точность официальной информации. Скорее всего, боевые отряды враждебных Кабулу боевиков были вытеснены на афганскую территорию и укрылись там.

Ущерб от армейских операций был, видимо, серьезным для пакистанских талибов — противников Исламабада. Талибские организации в Пакистане возникли под влиянием афганских “собратьев” и серьезно укрепились за последнее десятилетие¹⁵. Обрушившийся на них армейский удар может объяснить их жесткий ответ в декабре 2014 г. Нападению боевиков подверглась привилегированная школа в Пешаваре, где обучались дети военнослужащих. Число погибших учащихся и их наставников превысило, по официальным данным, 150 человек, а на деле, возможно, было существенно больше. Трагедию в Пешаваре иногда называют “вторым Бесланом”. Реакция пакистанских властей была острой и незамедлительной. Парламент одобрил правительственный План действий против террора, принял поправку к конституции, которая санкционирует учреждение военных судов, пока, правда, временное, на два года. За приговорами военных судов и отменой моратория на смертную казнь последовала волна казней через повешение в обычных и гарнизонных тюрьмах. Это вызвало в основном негативную реакцию в обществе, обеспокоенном ужесточением методов, к которым прибегает власть в борьбе не только с преступниками, но и политическими противниками.

Итак, верхние этажи власти в Пакистане занимает сегодня не только политическая, но и военная элита. Определенную роль в этом тандеме играют корпорация судей, представляющая собой специфическую ветвь госбюрократии, а также лишенная официальной иерархии, особенно в суннитском исламе, сословие богословов

(улемов) и авторитетных духовных лиц. Характерной Особенностью пакистанской политической (партийно-парламентской) элиты является высокая доля выходцев из потомственной земельной и трайбалистской (племенной) аристократии. В литературе по Пакистану их часто называют феодалами, хотя и особого, азиатского типа¹⁶. Во многом через эту феодальнотрайбалистскую элиту достигается органичная связь между высшими и низшими этажами политики. Потомственные земельные аристократы и вожди племен, подобно двуликому Янусу, обращены одной стороной к современному образованию, городу и глобальному миру, а другой — к архаике, сельским народным нравам и местным порядкам. Саму по себе такую двойственность нельзя считать чем-то исключительным, но в современном мире она нечасто встречается в таком относительно “неповрежденном” виде, как в Пакистане.

В то же время на нижних этажах политики в последнее время идут процессы, размывающие власть традиционных верхов. В 70-х годах по инициативе правящих кругов началась исламизация (или реисламизация) общества. Ислам в результате стал все больше использоваться как основа государственной идеологии и общественной нравственности. Это укрепило позиции разросшегося слоя улемов, а также проповедников фундаменталистского суннитского ислама. Исламские максималисты нередко сочетали проповеди с расправами над шиитами, которых они третируют как немусульман, и отдельными представителями умеренных школ и суфийских орденов. Преследованиям подвергались также пакистанские ахмадийцы (сторонники секты, признанной в стране неисламской), христиане и индуисты. Усиление радикалов осложнило межобщинную обстановку в заповедниках “феодализма” — сельских местностях южной провинции Синд, пустынном Белуджистане, на юге Пенджаба.

Пламя афганского конфликта

С рубежа 70–80-х годов Пакистан оказался “обожжен” пламенем гражданской междоусобной войны в Афганистане. От этого в первую очередь пострадали северо-западные и западные области страны, населенные по преимуществу пуштунами (афганцами), этнически родственными основной группе населения соседнего госу-

дарства. Численность беженцев, осевших в Пакистане, достигла к началу 90-х годов 3,5 млн, а к началу 2000-х годов — 5,3 млн человек¹⁷. Их размещение в специальных лагерях, осуществлявшееся властями при посредничестве ООН и благотворительных организаций, нарушило традиционный уклад жизни в трайбалистском поясе страны, где основным занятием продолжало оставаться отгонно-пастбищное скотоводство. Скудные возможности для выживания сократились, вызывая борьбу за пастбища и другие конфликты, которые отчасти загонялись внутрь благодаря сродству веры и обычаев афганских и пакистанских пуштунов.

Обширный пуштунский пояс (порядка 400 тыс. кв. км) накрепко связал судьбы двух соседних наций-государств, будучи сам разделен границей, которую Кабул не признает легитимнойⁱⁱⁱ. Связь двух “братьев-близнецов” омрачена не только этим весьма чувствительным для Исламабада моментом, но и другими взаимными обидами и претензиями.

Рискуя повториться, отметим, что в начале 90-х годов Пакистан, казалось, обеспечил себе преимущественные позиции в Афганистане. Он всеми силами содействовал победе *муджахедов* (исламистов первого призыва) над правительством левodemократического президента М. Наджибуллы. Из Исламабада в Кабул в апреле 1992 г. прибыли лидеры афганских партий, штаб-квартиры которых более десяти лет находились в Пакистане. Как полагали в Исламабаде, муджахеды в знак благодарности урегулируют, наконец, вопрос о границе, одновременно признав Пакистан “старшим братом”. Но между афганцами-победителями началась грызня, переросшая в затяжной кровавый конфликт. Попытки Исламабада примирить их не увенчались успехом. Тогда, как отмечалось выше, он сделал ставку на талибов, военнополитическую группировку, отпочковавшуюся от муджахедов. С 1996 по 2001 г. Пакистан оказывал всемерную поддержку движению Талибан в его борьбе с противниками,

ⁱⁱⁱ Официальный Афганистан, несмотря на смену режимов, неизменно настаивает, что проведенная англичанами в 1893 г. “линия Дюранда” была навязана силой и разделила “по живому” районы, населенные горскими пуштунами. О пуштунском вопросе, серьезно осложняющим отношения между Пакистаном и Афганистаном см.: *Москаленко В., Топычканов П.* Сила и слабость Пакистана. М.: Московский Центр Карнеги, 2013, с. 35–36.

состоящими в большинстве из непуштунов — таджиков, узбеков, хазарейцев, аймаков и др. Исламабад признавал (наряду с Саудовской Аравией и ОАЭ) власть талибов над Афганистаном, не считая с их крайне негативной международной репутацией.

Все эти “жертвы” были перечеркнуты осенью 2001 г., когда военные власти Пакистана решили поддержать антиталибскую коалицию во главе с США. Положение Пакистана, вновь ставшего партнером Запада по борьбе с силами, господствующими в соседней стране, отличалось на этот раз скрытой двойственностью. Исламабад стремился отделить борьбу с международными террористами в лице *Аль-Каиды* от действий в отношении талибов. После разгрома основных талибских сил, оказавших лишь слабое сопротивление иностранной коалиции и традиционным противникам — “северянам” (муджахедам непуштунского по преимуществу севера страны), талибы “растворились” среди местного населения и ушли через границу в Пакистан.

Учитывая сложившееся там общественное мнение и давние связи талибов с военными, в частности межвойсковой разведкой (*Inter-Service Intelligence*), неудивительно, что им был негласно оказан доброжелательный прием. Талибы обосновались в ряде опорных пунктов вдоль границы — в горной полосе племен и в предгорьях, где они тяготели к провинциальным центрам Кветте и Пешавару. В середине 2000-х годов, опираясь на пакистанский тыл, они перешли к активным наступательным действиям против вооруженных сил международной коалиции и правительственных афганских войск. Крупное усиление американо-натовской группировки в 2009–2012 гг. заставило талибов прибегнуть к тактике выжидания, проведению партизанских вылазок и периодических терактов. Отступление отрицательно сказалось на силе и единстве Талибан, но не подорвало его окончательно.

Осенью 2014 г. просматривались как наиболее вероятные три сценария развития ситуации в Афганистане¹⁸. Первый из них — благоприятный для кабульского режима и международной безопасности. Сценарий исходил из сохранения сложившейся тогда системы распределения командных ролей между президентом А. Гани и главой исполнительной власти А.Абдуллоем. Этот вариант

предполагал достаточно стабильное положение в сфере безопасности и улучшение экономического положения в стране.

Чтобы достичь этих целей, президент Гани предпринял шаги по установлению эффективного партнерства с правительством и вооруженными силами Пакистана. Его курс сложился под нажимом со стороны Вашингтона и вследствие позитивной оценки Кабулом предпринятых Исламабадом летом 2014 г. упомянутых мер по борьбе с талибами на своей территории. Определенные надежды порожидали в Кабуле и заверения Исламабада в поддержке переговорного процесса между афганскими властями и талибами.

Вплоть до лета 2015 г. казалось, что такой курс приносит плоды. Талибы согласились на переговоры с правительством через свое представительство в Катаре и воздерживались от активных боевых операций. Однако затем линия президента стала давать сбои. Переговоры в Катаре были сорваны, возобновились попытки талибов усилить свои позиции на местах. Руководство талибов во главе с муллой Мансуром, скрывавшее в течение более двух лет смерть муллы Омара (легендарного вождя талибов, провозглашенного ими в 1996 г. *амир аль-муминином*, то есть предводителем правоверных или главой всех мусульман) дало команду на активизацию действий. В конце сентября силы талибов окружили и взяли один из ключевых городов севера Афганистана — Кундуз. С большим трудом и при участии остающихся в стране американских военных^{iv} город удалось отбить, но в округах и уездах, прилегающих к нему, талибы сохранили преобладающие позиции. Одновременно началось их наступление на юге в “родной” для них провинции Гильменд и других районах расселения пуштунов. Согласно оценкам, на октябрь 2015 г., талибы захватили или оспаривали контроль почти над 20% округов (73 из 398). Только за октябрь они укрепились в 14 округах на севере, западе и юге страны¹⁹.

Второй из упомянутых выше сценариев — неблагоприятный, предполагающий возврат талибов к власти. В соответствии с ним,

^{iv} Неприятной осечкой для американцев стало нападение их авиации на единственный современный госпиталь в Кундузе, в котором работала известная международная организация «Врачи без границ». Президенту США Б. Обаме пришлось выражать сожаление в связи с инцидентом, а организация свернула свою деятельность в городе.

бои правительственных сил с талибами должны были начаться (и действительно начались) летом-осенью 2015 г. При этом относительно нормальная мирная жизнь, особенно в крупных городах, по этому прогнозу, должна сохраниться в течение двух-трех лет. Шансы на такой переходный период увеличились в связи с решением администрации США после событий в Кундузе растянуть по времени сроки окончательного вывода своих войск из страны и замедлить темпы сокращения военной и финансовой поддержки нынешнего афганского режима.

По еще одному неблагоприятному сценарию прогнозируется фактический распад Афганистана, талибанизация юга и востока страны, переход западных и центральных ее районов (шиито-хазарейских) под опеку Ирана и укрепление на севере сил, ориентирующихся на государства Центральной Азии (в первую очередь Узбекистан), тот же Иран, Индию и Россию. Реализация такого сценария будет означать углубление геополитического разлома, проходящего по Афганистану, и “заходящего” в определенной мере на Пакистан.

* * *

Последний сценарий представляется в данный момент наиболее вероятным. Для Афганистана он будет означать дальнейшую деградацию общественно-политической и экономической жизни с усилением региональных центров и фрагментацией, наметившейся еще в 1990-х годах²⁰. При этом верхние этажи власти, опираясь на внешнюю помощь, вероятно, смогут достаточно долго удерживать контроль над крупными городами. Опасность для них возрастет в случае еще большей радикализации исламистской оппозиции. Тревожным сигналом служит отмеченное уже сегодня появление в ее рядах сторонников действующего в Ираке и Сирии (Леванте) Исламского государства (ИГ, или ИГИЛ)²¹.

Перспектива “талибанизации” и даже “игилизации” омрачает и будущее Пакистана. Но в отличие от соседа его характеризует выраженная территориальная неравномерность развития, наличие более продвинутых в хозяйственном (аграрном и индустриальном) и социокультурном плане регионов, прежде всего северного и центрального Панджаба и городского Синда. Основная масса населения сосредоточена именно в равнинном поясе двух этих провин-

ций, пересекающем страну с севера на юг, по течению Инда и его притоков. Опираясь на экономически достаточно развитый центр, пакистанские правящие круги способны удерживать контроль над относительно редконаселенной периферией. Но демографический “всплеск” в окраинных районах вместе с обострением экологических проблем в земледельческом ареале могут создать в перспективе трудно разрешимые коллизии.

Роль Пакистана в продолжающемся афганском кризисе противоречива. С одной стороны, он выступает как сторона, способная помочь в урегулировании ситуации с безопасностью и укреплении нынешней кабульской власти. А с другой — Пакистан и сам часть зоны небезопасности и роста террористических сил^v. К этому добавляется двойственность политики правящего гражданско-военного тандема. Одна его часть, связанная с торгово-промышленными кругами, заинтересована в урегулировании споров с Индией, а другая — демонстрирует приверженность силовой политике, добиваясь сохранения военного паритета с экономически более мощным соседом.

В политике России в отношении Пакистана наметились некоторые подвижки. Связи с Пакистаном у СССР и современной России зависели чаще всего от отношений с Индией, ревниво следившей за российско-пакистанскими контактами. В Москве учитывали разницу в масштабе двух соперничающих в регионе государств и отдавали предпочтение Индии как более крупному и близкому “по духу” партнеру. На рубеже двух последних десятилетий Пакистан для России стал выходить из индийской тени, наметилось сотрудничество в четырехугольнике России, Пакистана, Афганистана и Таджикистана. Хотя “малая колесница” оказалась не слишком удачным проектом, двусторонние связи между Москвой и Исламабадом, безусловно, упрочились. В последние годы имели место контакты между руководством военных ведомств, проводились со-

^v Участие в войне с террористами на своей территории дорого обошлась Пакистану. По распространенным оценкам, с 2001 по 2013 г. в ней погибли около 50 тыс. пакистанцев, в том числе до 15 тыс. сотрудников сил безопасности (военнослужащих, членов полувоенных формирований, полицейских). См.: *Москаленко В., Топычканов П.* Сила и слабость Пакистана. М.: Московский Центр Карнеги, 2013, с. 45; *Shah, Aqil.* The Army and Democracy. Military Politics in Pakistan. Cambridge (Mass.), 2014. Fn. 45.

вместные военно-морские маневры, объявлено о продаже Пакистану небольших партий российских вертолетов и истребителей. После более чем 40-летнего перерыва в октябре 2015 г. подписан крупный двусторонний договор по сооружению госкорпорацией “Ростех” газопровода, соединяющего Лахор и Карачи²². Все это не означает, что Москва стала придавать меньшее значение отношениям с Индией. Летом 2015 г. на саммите в Уфе Россия одобрила вступление Индии и Пакистана в состав полноправных членов ШОС и выразила надежду, что это будет способствовать улучшению взаимосвязей между ними. Учитывая отмеченную в статье сложность ситуации, в которой находится Пакистан, содействие России в его экономическом росте весьма желательно. Оно может опосредованно способствовать смягчению остроты афганского кризиса и ослаблению давления исламского радикализма на Центральную Азию, а также Северный Кавказ и некоторые другие российские регионы.

Примечания

¹ Москаленко В., Топычканов П. Сила и слабость Пакистана. М., Московский Центр Карнеги, 2013, с. 38.

² Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств. Восток-Oriens, 2014, № 4, с. 5–20.

³ Белокреницкий В.Я. Демографические параметры и перспективы исламского мира и исламской цивилизации. Восточная Аналитика. Ежегодник 2013, с. 52.

⁴ Pakistan Economic Survey 2014–15. Islamabad, Government of Pakistan, 2015. Electronic version in PDF format. Statistical Annexure, Table 12,1, Table 12,10.

⁵ Khan A.S. Population shoots up by 47 percent since 1998//The News, March 29, 2012. Available at: www.thenews.com.pk; Cox W. Pakistan: Where the population bomb is exploding // <http://www.newgeography.com/content/002940...> Assessed 11,12,2012

⁶ Zaman F. Population census scrapped once again? Dawn. 01,09,2015. Available at: www.dawn.com

⁷ Более сглаженные расчеты темпов роста пакистанского населения предлагает А.В. Акимов. По «реальному» сценарию (с учетом ресурсных ограничений) население Пакистана превысит 300 млн человек лишь ближе к 2050 г. См.: Акимов А.В. Турция, Иран, Афганистан, Пакистан: перспективы демографического перехода и природные ресурсы для жизнеобеспечения и экономического развития. Мусульманское пространство

по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., Институт востоковедения РАН (ИВ РАН), 2012, с. 41.

⁸ Трактую глобализацию как продукт постиндустриального общества, К.М. Труевцев, на наш взгляд, справедливо разводит это понятие с “интернационализацией”, характерной для индустриальной фазы экономического развития и соответствующего ей типа международных отношений. См.: *Труевцев К.М.* Глобализация как политический процесс. Препринт. Высшая школа экономики, М., 2012, с. 3, 6–7.

⁹ *Каменев С.Н.* Экономическое развитие Пакистана. Макроэкономический анализ. М.: ИВ РАН, 2014, с. 200.

¹⁰ *Hasan, Arif.* The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-Economic Change in Pakistan. Karach: Oxford University Press, 2012.

¹¹ The World Factbook. Country Comparison. Stock of Direct Foreign Investment At Home; Abroad//[https://cia.gov/library/publications/world-factbook/rankorder/...](https://cia.gov/library/publications/world-factbook/rankorder/) Assessed 09,10,2015.

¹² 2014–15: Foreign direct investment shrinks // The Express Tribune // [http://tribunecom.pk/story/921703/...](http://tribunecom.pk/story/921703/)

¹³ Подробнее см.: *Каменев С.Н.* Экономическое развитие Пакистана. Макроэкономический анализ. М.: ИВ РАН, 2014, с. 160–187 и др.

¹⁴ См., например, *Шаумян Т.Л.* Политические системы стран Южной Азии. М., Красанд, 2014, с. 86–107.

¹⁵ См., например, *Чекризова О.П.* Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX — начале XXI вв. М.: ИВ РАН, 2015.

¹⁶ *Zaidi, S. Akbar.* Issues in Pakistan’s Economy. Second Edition Revised and Expanded. Karachi, Oxford University Press, 2011, p. 12–22.

¹⁷ Pakistan. 2015 UNHCR country operations profile. Overview // <http://www.unhcr.org/pages/49e487016.html>

¹⁸ *Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.ИВ РАН, 2014, с. 190–198.

¹⁹ *Roggio B.* Taliban overruns district, loses control of 2 others in the Afhhan north // The Long War Journal, October 28, 2015. Available at: www.longwarjournal.org

²⁰ *Rubin B.* The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse of the International System. New Haven: Yale University Press, 1995.

²¹ *Akbar A.* From TTP to IS: Pakistan’s terror landscape evolves//Dawn, May 17, 2015. Available at: www.dawn.com; AFP. Growing presence of IS in Afghanistan // Dawn. May 25, 2015.

²² *Каменев С.Н.* Российско-пакистанское сотрудничество: сегодня и завтра. 27,10,2015//www.times.ru

РАЗДЕЛ II

ЮЖНАЯ АЗИЯ

ПРИЧИНЫ РАЗДЕЛА КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ. ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА ЗА ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ*

Раздел колониальной Индии, произошедший одновременно с уходом англичан из колонии в августе 1947 г., был вызван комплексом причин. Нельзя обвинять в этом событии только британских колонизаторов, хотя немалую долю вины за раздел они, несомненно, несут. Столь же неверно возлагать всю ответственность на представителей мусульманского потока в движении за независимость от англичан. Вместе с тем именно они, разумеется, были главными сторонниками образования не одного, а двух государств. Косвенно виноваты в разделе и лидеры основной политической силы, олицетворяющей национально-освободительное движение — Индийского национального конгресса. Разумеется, они настаивали на передаче власти в руки одного общеиндийского руководства, но при этом недостаточно учитывали глубину раскола между различными общественнополитическими течениями, сложившимися в стране к периоду после окончания второй мировой войны.

I

В первой части статьи остановимся на некоторых моментах исторического развития, которые привели к тому, что Индия после длительного периода европейского господства обрела независимость, но одновременно с этим была расчленена на два государства, одно из которых в дальнейшем (в 1971 г.) разделилось еще раз. Ныне на месте прежней, управляемой британцами территории существуют

* Новейшая история стран Азии и Африки / Научный редактор и составитель С.Б. Дружилловский. МГИМО (Университет) МИД России. МГИМО-Университет, 2008, с. 40–67.

три страны — Республика Индия с более чем миллиардным населением, в основном индусским (на 83%), Исламская Республика Пакистан, чье население, (почти 160 млн человек) на 97% состоит из мусульман, и Народная Республика Бангладеш, где почти 90% жителей, численностью превышающей 130 млн, — также мусульмане.

Из отмеченного следует, что раздел произошел по религиозному принципу — Пакистан образовали те области колониальной Индии, в которых большинство населения принадлежало к широкой, внутренне гетерогенной (неоднородной), но осознающей перед лицом внешнего мира свое единство общине мусульман. Поэтому подоплеккой раздела явилось существование на обширной территории исторической Индии (более 4 млн кв. км) отдельной крупной группы мусульманского населения, отличающейся от большинства — индусов или индуистов, носителей более ранних религиозных представлений, связанных с культурой появившихся на индийском северо-западе в конце II тысячелетия до н. э. арийских племен, а также с еще более древними местными традициями.

Появление ислама в Индии обычно относят к началу VIII в. н. э. Войска арабского халифата захватили область Синд на западе региона, где до того правили индусы. Однако широкое распространение ислама началось позднее, особенно активно с XII–XIII вв. Господство мусульманских правителей в Индии (тюрок, персов, афганцев) продолжалось на протяжении почти всего II тысячелетия. С 1206 г. столицей индийских султанов стал Дели, а с 1526 г. он превратился в главный город падишахов из династии Великих Моголов, выходцев из Ферганской долины в Средней Азии. С середины XVIII в. Индия стала ареной соперничества европейских держав — Англии и Франции, а к концу того столетия основная ее часть попала под контроль английской Ост-Индской торговой компании. Формально власть Моголов упразднили только после подавления продолжительного антиколониального восстания 1857–1859 гг. Тогда же политический контроль Ост-Индской компании сменился властью короны, и началась почти столетняя эпоха «британского раджа», имперского правления Объединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Хотя мусульмане, ряды которых постепенно пополнялись за счет местного населения, составляли не более пятой части жителей, их представительство в высших слоях местного общества в середине XIX века было если не преобладающим, то паритетным с немусуль-

манским, прежде всего индусским. Помимо индусов, видное место занимала община сикхов, а также представители парсов (иранского происхождения) и христиан (англо-индийцы). Немусульмане раньше и лучше приспособились к британским колониальным порядкам, и к концу столетия оттеснили мусульман на задний план.

Это вызвало у представителей мусульманской общины чувство протеста. Английские власти, исходя из своих интересов, поддерживали мусульманскую элиту и предоставили ей в начале XX века льготы политического характера. В 1906 г. они согласились с инициативой образования Всеиндийской мусульманской лиги как общественно-политической организации, отдельной от функционировавшего с 1885 г. Индийского национального конгресса, а в 1909 г. по первому акту о выборах в представительные органы выделили мусульман-землевладельцев в особую избирательную курию.

Последовавшее в годы первой мировой войны и сразу после нее объединение почти всех политических сил Индии с целью добиться от англичан наибольших уступок в плане самоуправления вызвало затяжной кризис в рядах Мусульманской лиги. Из него она стала выходить только в 1937 г. вслед за проведением выборов в законодательные собрания провинций. Победа на них представителей Конгресса (ИНК) парадоксальным образом благоприятно отразилась на Лиге, которая смогла сплотиться и повести борьбу за создание самостоятельного государственного образования.

В результате единый поток национально-освободительного движения распался на общенациональный, в котором принимали участие и многие видные деятели-мусульмане, и мусульманский. Первый поток возглавляли лидеры Конгресса. Среди них выделялся М.К. Ганди — махатма (великая душа). Его харизма проистекала из следования религиозно-этической системе индуизма. В целях борьбы за освобождение Индии Ганди (1869–1948) использовал принципы ненасильственного сопротивления властям и добился впечатляющих успехов. Другим бесспорным лидером Конгресса с конца 1920-х годов был Джавахарлал Неру (1889–1964). Под его руководством партия добилась упомянутых выше побед на провинциальных выборах.

Во главе мусульманского потока стоял еще один выдающийся представитель поколения политиков, стремившихся к независимости Индии — Мухаммад Али Джинна (1876–1948). В годы второй мировой войны Джинна сумел воспользоваться выгодной ситуа-

цией, созданной длительным тюремным заключением руководства ИНК и укрепил позиции и авторитет Мусульманской лиги. В 1940 г. на ее сессии в Лахоре (провинция Панджаб) была принята резолюция, призывающая к образованию после ухода англичан двух мусульманских государств на северо-западе и востоке Индии. С того времени обретает популярность название Пакистан («страна чистых»). В 1946 г. требованием Лиги становится создание единого Пакистана, состоящего из двух территориальных ареалов, западного и восточного.

Итак, подоплекой раздела обширной и важнейшей для Англии колонии на юге Азии (исторически сложившегося региона под названием Индия) явилась культурно-религиозная неоднородность населения, а базовым фактором — формирование особого движения в рамках борьбы за политический суверенитет, которое поставило перед собой целью получение независимости в рамках государства, где мусульмане не составляли бы меньшинства.

Помимо этого, свою роль сыграла и политика колонизаторов на завершающем этапе их господства. С учетом отмеченного выше раскола в антиколониальном движении, раскола, к которому они без сомнения приложили руку, а также в силу ряда других обстоятельств, ведущие британские политики и высшие чиновники занимали различные позиции по вопросу о том, как и когда уходить из Индии и кому передавать власть. Консервативная школа (и одноименная партия) вплоть до последнего исходила из тезиса о неподготовленности условий для передачи власти (некоторые ее представители считали, что Англия будет управлять Индией еще лет тридцать). Она акцентировала внимание на противоречиях между интересами различных религиозных общин, стремилась сохранить решающее, а в идеале полное, влияние Лондона в индийских делах с помощью игры на культурно-политической разобщенности Индии.

Либеральная школа, и представляющая ее в то время как ведущая сила лейбористская партия, опиралась на мнение о готовности индийской общенациональной элиты взять на себя функции непосредственного управления страной. Она рассматривала Индию в качестве по преимуществу единого политического целого, которое образовалось на определенной исторической основе благодаря прогрессивной колониалистской деятельности Великобритании.

Придя к власти летом 1945 г., лейбористское правительство К. Эттли приняло решение о возможно более быстром уходе из

Индии. Его желание расстаться с бременем забот по управлению колонией сочеталось со стремлением сохранить прочные связи и симпатии в среде местных политиков и тесную межгосударственную ассоциацию. Формой связи с метрополией была к тому времени уже опробованная модель преобразования колонии в независимый доминион.

Действия английских администраторов в Индии в 1946–1947 гг. определялись, таким образом, желанием лейбористского кабинета министров осуществить передачу властных полномочий с наименьшими потерями для своего престижа и с учетом сложившейся в колонии политической реальности. Итогом этих усилий было сохранение относительного единства Индии, то есть недопущение ее раздробления на множество государственных образований, но с разделом на два доминиона.

Угроза трансформации Индии в рыхлое государственное образование или ее распада на ряд слабых, искусственных формирований осознавалось и руководством ИНК. Создание Пакистана стало ими рассматриваться как меньшее из зол. Особенно напугал их план «балканизации», который в середине мая 1947 г. выдвинул вице-король лорд Л. Маунтбэттен. Проект предусматривал предоставление провинциям, частям провинций, однородным по религиозному составу жителей, и полунезависимым княжествам права объединения в группы, что привело бы к появлению целого ряда территориально-политических единиц. Занимавший с сентября 1946 г. пост главы правительства колониальной Индии, президент Конгресса Дж. Неру категорически отверг «план Балканы», получивший до того одобрение в Лондоне. Вероятно, это предложение и было рассчитано на то, чтобы заставить ИНК примириться с мыслью о разделе. Во всяком случае, уже к концу мая индийские националисты согласились с планом образования двух независимых доминионов. 3 июня 1947 г. он был обнародован, а 18 июля английский парламент единодушно, т. е. при согласии консервативной оппозиции, одобрил законопроект о предоставлении Индии независимости.

Решение об уходе было без сомнения вынужденным шагом и получило полную поддержку в истерзанной войной Англии. В Индии англичане также теряли почву под ногами и торопились снять с себя ответственность. Однако для значительной части индийского населения скоропалительный раздел обернулся трагедией. Ведь компромисс между лидерами Конгресса и Мусульманской лиги

удалось достичь благодаря решению о двойном разделе, не только Индии, но и двух ее важнейших и плотно населенных провинций — колыбели британской Индии Бенгалии на востоке и житницы страны Панджаба на северо-западе.

Для раздела Панджаба и Бенгалии была создана специальная комиссия во главе с английским судьей. Его решение было объявлено 17 августа уже после церемонии провозглашения независимости Пакистана (14 августа) и Индии (в полночь с 14 на 15 августа). К пакистанскому, западному Панджабу отошли области и округа с преимущественно мусульманским населением (согласно переписи 1941 г.), а к восточному Панджабу — с индусским и сикхским большинством. В отдельных случаях судье приходилось нарушать этот принцип и учитывать иные соображения. Таким же образом был произведен раздел Бенгалии.

Начавшийся после объявления о новых межгосударственных границах массовый переезд немусульман в Индию, а мусульман в Пакистан скоро превратился в ад для тех, кто был вынужден покидать родные места. Накалявшаяся в течение длительного времени обстановка розни и вражды между представителями религиозных общин вылилась в погромы, бесчинства и разбой. В ходе перемещения людских масс (главным образом пешком и в железнодорожных составах) погибло, по разным оценкам, от полмиллиона до двух миллионов человек. Часть беженцев, прежде всего женщины и дети, оказались разлучены с родными, обречены на унижение, домашнее рабство и нищенское существование. Всего в ходе «двойного раздела», растянувшегося почти на десятилетие (последняя крупная «вспышка» миграции пришлась на зиму 1949–50 г. и охватила в основном Бенгалию) место жительства поменяло 14–18 млн человек.

Межобщинные столкновения и бесчинства осложнили отношения между возникшими независимыми доминионами. Хотя разрыв между ними был далеко не полным. Сохранялись связи представителей политических элит двух государств. Связующим звеном выступали и занимавшие на первых порах ответственные посты англичане, нанятые на службу новыми властями. Некоторые лидеры независимой Индии продолжали считать раздел явлением временным и рассчитывали на «воссоединение» страны на базе примирения с мусульманами. К ним относился в первую очередь Махатма Ганди. После решения о разделе он посвятил себя кампании по предотвращению расправ и погромов. Во многом благодаря его уси-

лиям удалось избежать крупных жертв в Бенгалии осенью 1947 г. Ганди также настаивал на справедливом отношении к Пакистану при разделе финансов и решении имущественных вопросов. Эта его позиция вызвала озлобление индусских фанатиков. Один из них убил М.К. Ганди в январе 1948 г.

Решение о разделе Индии формально касалось только Британской ее части, т. е. той, которая управлялась непосредственно англо-индийской администрацией во главе с вице-королем. Но эта часть по территории едва превышала половину колонии. Другая часть состояла из полунезависимых индийских княжеств, которые подчинялись не англо-индийской администрации, а непосредственно короне, и вице-король выступал по отношению к ним как ее представитель. В соответствии с договорами между наследственными правителями и британской короной первые пользовались независимостью в делах внутреннего управления, но обязывались следовать советам представителей Великобритании во всех вопросах, касающихся внешних сношений. На деле назначаемые вице-королем политические агенты оказывали большое влияние на политику князей в целом. Но стремясь к порядку и стабильности, агенты, как правило, не препятствовали тому, что в княжествах сохранялись средневековые обычаи и институты.

Большинство княжеств управлялись князьями-индусами и население в них состояло из немусульман. Располагаясь в центральной части Индии, они территориально и политически примыкали к индийскому доминиону и без осложнений присоединились к нему. Исключение составили расположенные в середине региона, на Деканском плато, княжество Хайдерабад и на его западе княжество Джунагадх. Их правители-мусульмане объявили о желании остаться независимыми, либо присоединиться к Пакистану. Большинство населения не поддержало правителей. Опираясь на это, новые власти Индии включили княжества в ее состав путем ввода войск с последующим заключением договора с *низамом* (князем) Хайдерабада и проведением референдума в Джунагадхе.

Противоположной была ситуация в крупнейшем по территории и самом северном княжестве Джамму и Кашмир. Население там почти на 80% состояло из мусульман, а правителем был индус. Он попытался добиться для своего княжества независимого статуса, которое в принципе то могло получить, но без прав доминиона. Логика развития ситуации не благоприятствовала реализации таких

планов. Консолидация власти в двух государствах не могла не вызвать спора между ними по поводу Кашмира. Он разгорелся уже в конце октября 1947 г. и привел к первой индо-пакистанской войне, длившейся до окончания 1948 г. Результатом перемирия стал раздел бывшего княжества на части, контролируемые Индией и Пакистаном. На индийской стороне осталось три четверти населения и там по конституции Республики Индия, вступившей в силу в январе 1950 г., был образован единственный ее штат с мусульманским большинством. Хотя штату Джамму и Кашмир предоставили некоторые особые привилегии и статус, вопрос о широкой автономии или выходе из Индийского союза исключался. Под контролем Пакистана осталась лишь четверть населения бывшего княжества.

Неудовлетворенный таким решением спора, Пакистан на протяжении всех последующих лет требовал его обсуждения на различных международных форумах, прежде всего в ООН, которая в период между 1948 и 1971 гг. приняла целый ряд резолюций, рекомендующих проведение референдума по вопросу о принадлежности бывшего княжества Индии или Пакистану. Последний до сих пор считает Кашмир главной спорной проблемой в отношениях с Индией. В 1965 г. по его инициативе произошла вторая индо-пакистанская война, а в 1999 г. еще один вооруженный конфликт (подробнее о нем ниже). С 2003 г. идет процесс улучшения отношений между двумя странами. В его ходе обсуждается и кашмирская проблема. Хотя перспективы нахождения окончательного варианта ее решения, приемлемого для обеих сторон, представляются малореальными, существует возможность заморозить конфликт и, отложив его в сторону, развивать плодотворные двусторонние взаимосвязи.

II

Вторая часть статьи посвящена развитию Индии после достижения независимости. Прошедший с момента ее обретения почти 60-летний период можно разделить на три крупных этапа, каждый протяженностью примерно 20 лет. Первый из них начинается с конца 40-х и завершается в конце 60-х годов. Рубежом между вторым и третьим служит конец 80-х — начало 90-х годов прошлого века.

Главной проблемой первых лет эволюции было становление государственности. В течение двух с половиной лет вплоть до 26 января 1950 г. Индия имела статус независимого доминиона, входящего

в состав британского Содружества наций. После вступления в силу конституции она превратилась в республику без выхода из Содружества. Конституция действует до сих пор, хотя в нее внесено более ста поправок. В соответствие с ней страна является парламентской демократией, имеющей унитарно-федеративный характер. Она состоит из относительно автономных штатов и союзных территорий, которые, однако, образуются по решению центральных органов власти и не имеют права покинуть федерацию.

К 1956 г. сложилась современная сеть штатов на этнолингвистической основе. Они были созданы путем преобразования бывших британских провинций и полунезависимых княжеств. Число штатов в середине 50-х годов равнялось 14, а к настоящему времени увеличилось вдвое. При этом был ликвидирован особый статус княжеств (их правители получили определенную компенсацию) и присоединены колониальные владения Франции (главное из них — Пондишери) и Португалии (Гоа).

Основу политической системы составляет парламент, нижняя палата которого «Лок сабха» (Народное собрание) избирается прямым тайным и всеобщим голосованием на срок в пять лет. На тот же срок взрослое население штатов (первоначально старше 21 года, ныне — 18 лет) избирает свое законодательное собрание. Последние участвуют в формировании верхней палаты парламента «Раджья сабха» (Совет штатов). Члены центрального парламента и местных законодательных собраний образуют коллегия выборщиков президента республики. Он избирается также на пятилетний срок, выполняет в основном церемониально-символические функции, но в сложные переходные периоды может активно вмешиваться в политический процесс.

В ходе первых выборов в парламент и собрания штатов, которые состоялись в 1951/52, 1957 и 1962 гг., утвердилась многопартийная система. В то же время победу на этих выборах неизменно и с большим отрывом от остальных партий одерживал Национальный конгресс. Центральное правительство Индии с 1947 г. вплоть до смерти в 1964 г. возглавлял лидер ИНК Дж. Неру.

Стремясь обеспечить свободу внешнеполитического маневра и укрепить самостоятельность в экономическом развитии, Индия обратилась к опыту пятилетних планов СССР и с середины 1950-х годов приступила при его поддержке к проведению курса на форсированную индустриализацию, создание базы тяжелой промыш-

ленности. Успех второго пятилетнего плана (1955–1960), привел к тому, что задания третьего плана оказались завышенными. Форсированное развитие индустрии «опередело» эволюцию аграрной сферы и вызвало кризисные явления в середине 60-х годов. Курс на замещение импорта товарами местного производства, ориентация на самодостаточность национальной экономики имели результатом замедленную интеграцию в общемировые хозяйственные процессы. Доля Индии в мировой торговле падала.

Вместе с тем, престиж Индии в мире был при Неру весьма велик. Основами ее внешней политики были антиколониализм и антирацизм, т. е. поддержка борьбы азиатских и африканских народов за независимость от господства европейцев с их высокомерным отношением к населению в колониях и зависимых странах. Кроме того, Дели решительно выступал за мир, против угрозы всеобщей войны и распространения атомного оружия. В 1955 г. в Бандунге (Индонезия) прошла конференция 29 азиатских и африканских стран, в подготовке которой Индия сыграла ключевую роль. Дж. Неру воспринимался в мире как бесспорный лидер освободившихся государств, не желающих слепо следовать в фарватере политики сильнейших в экономическом плане государств Запада — США и Англии. Индия добилась немалой самостоятельности при проведении внешней политики, что проявилось в период Корейской войны (1950–1953), Суэцкого кризиса 1956 г. и ситуации на Ближнем Востоке в 1957–1958 гг. В 1961 г. на конференции в Белграде Индия выступает в качестве одного из основателей Движения неприсоединения.

Однако с конца 1950-х годов нарастают и трудности в осуществлении избранного Индией под руководством Дж. Неру курса. Они связаны с неудачей в ориентации на союз с Китаем. Умозрительные представления творцов индийской внешней политики о родстве двух великих государств-цивилизаций Востока — Индии и Китая — разбились о конфликт по поводу пограничных территорий и вопрос о судьбе Тибета. После возникшего там антикитайского восстания бежал в Индию духовный глава тибетцев-буддистов Далай-лама XIV. После этого, с весны 1959 г., отношения двух великих соседей неуклонно ухудшались. Это привело осенью 1962 г. к пограничной индийско-китайской войне. Китайская армия одержала полную победу. Горечь поражения бросила Индию на какое-то

время «в объятия» США и Англии, но не привела к отказу от самостоятельной и сбалансированной внешней политики.

После смерти Неру на фоне внешнеполитических и экономических неудач (голода в отдельных штатах в 1965–1967 гг.) резко обострилась борьба внутри ИНК, который остался ведущей политической организацией, несмотря на ослабление позиций на выборах 1967 г. Хотя дочь Неру, Индира Ганди, возглавила правительство еще в начале 1966 г., ей удалось утвердиться в качестве бесспорного лидера партии и страны только после раскола в партийных рядах в 1969 г., сдвига политики организации влево от центра и убедительной победы возглавляемого ею Конгресса на внеочередных выборах в начале 1971 г.

Второй период развития суверенной Индии ознаменовался сохранением некоторых прежних и появлением новых тенденций. В экономической области государство как и ранее ориентировалось на создание в значительной степени самодостаточного национального хозяйства, прибегая к поощрению импортозамещающих отраслей. Национализация крупнейших коммерческих банков и страховых компаний в 1969 г. усилила государственный контроль над экономикой. Быстро создавался мощный госсектор в промышленности за счет направления туда бюджетных ассигнований на цели развития. Смешанная государственно-частная экономика стала воплощением социал-демократической модели, получив название индийского социализма.

Исключительно важное значение для дальнейших судеб Индии имел успех «зеленой революции», обеспеченный повышением урожайности главных продовольственных культур, прежде всего пшеницы и риса. Применение высокоурожайных семян, а также увеличение количества поливной воды, рост используемых минеральных удобрений и средств защиты растений, наряду с повышением трудоинтенсивности земледельческих работ, помогли решить сразу две «вечные» проблемы Индии — голода и хронической сельской неполной занятости.

В 1971 г. Индии удалось кардинально решить крупную задачу в области региональной внешней политики. Она воспользовалась слабостью пакистанского военного режима и, оказав содействие борьбе восточнобенгальских националистов за отделение от Пакистана его восточного «крыла», добилась устранения угрозы своей безопасности, до того исходившей как с запада, так и с востока

Южноазиатского субконтинента. Военно-политический успех объяснялся достижениями в области укрепления вооруженных сил. Особую роль при этом сыграла помощь СССР, который не только продавал оружие, но и содействовал созданию развитого ВПК.

Столкнувшись с превращением КНР в державу, обладающую ядерным оружием (первый взрыв китайцы произвели в октябре 1964 г.) Дели пересмотрел политику в ядерной области. Он отказался присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, вступившему в силу в 1970 г., и провел подземное испытание ядерного устройства в мае 1974 г. Но после смены правительства в 1977 г. Индия публично отказалась от работ по созданию атомной бомбы.

Замене правительства ИНК на кабинет его противников, объединившихся в *Джаната парти* (Народную партию), предшествовало ухудшение экономической и социальной ситуации в стране. Усилившийся госсектор ограничил инициативу крупного частного капитала, а сам утратил эффективность из-за бюрократизации и коррупции. Неблагоприятные внешние условия, отчасти связанные с независимым внешнеполитическим курсом, усугубили положение в крупных городах, привели к выступлениям организованных в тред-юнионы рабочих и служащих. Пытаясь справиться с социальной и политической оппозицией, руководство ИНК во главе с И. Ганди прибегло в 1975–1977 гг. к беспрецедентным для Индии «чрезвычайным» мерам авторитарно-централистского характера. Имел место фактически отказ Индии от системы буржуазно-либеральной демократии (при всей ее индийской и даже общевосточной специфике) в пользу модели авторитарного парламентаризма. Характерно, что вслед за введением чрезвычайного положения парламент принимает поправку к конституции, провозглашающую Индию «суверенной, демократической, светской, социалистической республикой» (поправка действительна до сих пор).

Осуществленные в годы «чрезвычайного положения» репрессии против противников режима заставили их замолчать и затаиться. Внешнее спокойствие, видимо, обмануло правительство, на которое к тому же оказывалось давление извне, со стороны западных государств и общественных кругов. Национальный конгресс пошел на проведение выборов в марте 1977 г., а проиграв на них, признал свое поражение. Однако правление первого неконгрессистского кабинета министров было недолгим. Распад коалиции летом 1979 г.

привел к проведению досрочных выборов в самом начале следующего года и возвращению к власти Конгресса и И. Ганди.

80-е годы XX века для независимой Индии были в целом нелегким десятилетием, изобилующим драматическими коллизиями. Они происходили в основном из-за стремления отдельных политических сил к автономии и сепаратизму. Противоречия между сикхами и индусами в индийском штате Панджаб (Пенджаб) вылились в вооруженную борьбу за создание сикхского государства Халистан. Центральное правительство в 1984 г. было вынуждено отдать приказ о штурме цитадели сепаратистов, святыни сикхов, Золотого храма в г. Амритсар. Результатом была гибель экстремистских лидеров и большого числа их сторонников. Ответом сикхских радикалов было убийство премьер-министра И. Ганди в октябре того же года, за которым последовала волна массовых погромов сикхов в Дели и ряде других городов севера Индии.

Сын Индиры, Раджив Ганди, «унаследовав» бразды правления в ИНК, привел старейшую партию к новой беспорной победе на внеочередных выборах декабря 1984 г. Новое правительство, продолжая использовать сильные стороны традиционного для ИНК курса, добилось некоторых успехов на внешнеполитическом поприще и внутри страны. Началось, в частности, движение к нормализации обстановки в Панджабе. Зато на юге Индии Раджива ждала неудача. В 1987 г. он согласился на ввод индийских регулярных частей в Шри Ланку в надежде, что они помогут местному правительству справиться с сепаратизмом тамильских экстремистов, но просчитался. Через три года завершилась эвакуация с острова последних индийских солдат (их численность на пике операции достигала 50 тысяч), а позже, в разгар предвыборной кампании 1991 г., Р. Ганди погиб от рук тамильских мстителей за акт вмешательства.

Во второй половине 80-х годов Индия сделала несколько шагов по пути реформирования централизованной госкапиталистической системы хозяйствования, проявила заинтересованность в развитии контактов с Западом в области передовой техники и технологии. Однако, несмотря на увеличение темпов экономического роста, на очередных выборах 1989 г. ИНК потерпела второе поражение. Этому предшествовал еще один раскол в ее рядах и громкие скандалы с обвинениями высших правительственных чиновников в коррупции.

На втором этапе экономико-политической эволюции Индии ее образ морального лидера «третьего мира», символа демократиче-

ской Азии несколько потускнел, зато укрепился авторитет умеющей постоять за себя нации. На рубеж 80–90-х годов приходится начало третьего, текущего периода в развитии Индии. Смена веков происходит из-за глобальных перемен, распада СССР, отказа Дели от военно-стратегической опоры на Москву и постепенной переориентации на связи с Западом, в первую очередь США.

Разразившийся в 1991 г. валютный кризис (истощение золотовалютных резервов) сопровождался ухудшением всех макроэкономических показателей и подготовил почву для принятия программы либеральных преобразований. На протяжении 1991–1996 гг. федеральное правительство контролировалось вновь победившим на выборах, но, уже далеко не бесспорно, Индийским национальным конгрессом. С именем министра финансов в том кабинете министров, Манмоханом Сингхом (с 2004 года возглавляющим индийское правительство) связывают переход от политики относительной изоляции от мирового рынка к интеграции в него путем снижения протекционистских импортных пошлин и других мер защиты внутреннего рынка. Экономический курс намечал также денационализацию и поощрение частных иностранных инвестиций. Результаты новой экономической политики начали сказываться уже в 1993 г. За последующие четыре года существенно выросли размеры иностранных инвестиций, стабильными темпами, на уровне 6% прироста в год, увеличивался национальный доход, заметно вырос экспорт.

На фоне экономических реформ в 90-е годы наблюдались заметные подвижки в социальной сфере, повышение статуса традиционно низких кастовых групп, особенно на севере страны, в самом сердце индуистского массива. В социополитическом плане это нашло отражение в выходе на первые роли в управлении ряда штатов (прежде всего крупнейшего в стране — Уттар-Прадеш) представителей верхушки сельских и полугородских слоев, в таком явлении, как «кастеизация» (борьбе расслоившихся по кастовому признаку сил и организаций), а также в растущей специфичности ситуации в разных штатах и регионах страны, углублении полицентризма и регионализма, усилении религиозного, в первую очередь индуистского, фундаментализма.

Следствием всех этих процессов был «патовый» результат очередных всеобщих выборов 1996 г., формирование коалиционного правительства меньшинства, смена премьер-министра в 1997 г., новый политический кризис и еще одни, четвертые по счету, внеоче-

редные выборы февраля-марта 1998 г. Наибольшего успеха на них добилась партия индуcского национализма *Бхаратия джаната парти* (БДП, Индийская народная). Созданное ей коалиционное правительство приступило к выполнению предвыборных обещаний сделать Индию ядерной державой. В мае 1998 г. оно отдало приказ о проведении подземных испытаний пяти ядерных боезарядов. Добившись своих целей, индийское правительство объявило о моратории на проведение новых испытаний и пошло на улучшение отношений с соседями — Китаем и Пакистаном.

Отношения с последним, впрочем, обострились по его вине. В мае-июле 1999 г. между двумя государствами разгорелся вооруженный конфликт в Кашмире. В локальной мини-войне погибло более 1 тыс. военнослужащих. Не приведя к каким-либо подвижкам на линии контроля в спорной территории, она завершилась моральной и политической победой Индии, которая еще раз подтвердила свое право на контроль над большей частью области Джамму и Кашмир. Между тем, положение в ней с конца 1980-х годов было беспокойным, массовые волнения сменились актами террора и саботажа, размещением на территории штата армейских частей и сил безопасности. Жертвами затяжного конфликта стали десятки тысяч мирных жителей, тысячи боевиков, боровшихся под лозунгами защиты ислама и самоопределения кашмирского народа, а также служащих армии и частей специального назначения.

Террористическая борьба, поддерживаемая из Пакистана, усилилась осенью 2001 г., что привело к новому опасному противостоянию двух обладающих ядерным оружием государств Южноазиатского региона в мае-июне следующего года. Здравомыслие их руководителей и давление мирового сообщества помогли разрядить обстановку. Весной 2003 г. начался процесс поиска «способа существования», разрешения спорных вопросов путем проведения регулярных двусторонних переговоров на разном уровне вплоть до самого высокого. Хотя он не завершился достижением договоренностей по крупным проблемам, прежде всего кашмирской, передышка укрепила позиции Индии в регионе и мире.

Еще одним содействующим этому фактором были нарастающие успехи в экономической области. Азиатский кризис 1997–1998 годов почти не затронул Индию. Победа возглавляемой БДП коалиции Национальный демократический альянс на внеочередных выборах осенью 1999 г. обеспечила внутривнутриполитическую стабиль-

ность (очередные выборы состоялись в 2004 г.) и непрерывность либерального социальноэкономического курса.

Достижением правительства, возглавляемого А.Б. Ваджпаи, нужно признать качественное изменение отношения к Индии со стороны США. Проведение ядерных испытаний омрачило американо-индийские связи лишь на короткий срок. Дели сумел продемонстрировать Западу возросшую военно-технологическую мощь, доказав одновременно, что его политика носит независимый характер, вполне предсказуема, исходит из национальных интересов, которые хорошо согласуются с императивами глобализации.

Нужно подчеркнуть, что при правительстве А.Б. Ваджпаи усилились вместе с тем тенденции укрепления индийско-российских и индийско-китайских взаимосвязей. Отношения между Индией и Россией отличались совпадением внешнеполитических курсов, доверительностью контактов на высшем уровне, однако страдали известной асимметричностью. В сфере торговли и экономики главную роль играли поставки российских вооружений, в области научно-технического сотрудничества лидировали ВПК двух государств, а также атомная энергетика — началось строительство с российской помощью АЭС в Куданкуламе на юге страны. Объем взаимной торговли (помимо военотехнического сотрудничества) оставался на уровне не выше 1,5 млрд долл. в год.

Торговля между Индией и Китаем за первые четыре года XXI века, напротив, стремительно выросла — с 2 до 15 млрд долл. Существенно сблизились и внешнеполитические позиции двух азиатских гигантов. Им удалось разрешить ряд проблем, долгое время омрачавших двусторонние отношения (Пекин по сути признал присоединение княжества Сикким к Индии, состоявшееся в 1975 г.), а некоторые спорные темы (Тибет, неурегулированность границы) стороны решили не актуализировать.

Несмотря на несомненные успехи, достигнутые Индией за шестилетний период правления БДП, избиратели не оказали ей достаточной поддержки на выборах апреля-мая 2004 г. Неожиданную победу одержал Индийский национальный конгресс, который возглавляла вдова бывшего премьер-министра, итальянка по происхождению Соня Ганди. ИНК впервые выступал на выборах в коалиции с рядом других партий, возглавив Объединенный прогрессивный альянс. Для образования правительства ОПА потребовалась поддержка коммунистических партий, чьи позиции

традиционно сильны в крупных штатах востока и юга Индии (прежде всего в Западной Бенгалии и Керале). Возглавивший кабинет М. Сингх продолжил внешнюю политику своего предшественника, что свидетельствует о сложившемся в Индии общенациональном консенсусе по главным внешнеполитическим проблемам.

В то же время внутренняя политика нового правительства характеризуется более заметным популизмом, стремлением удовлетворить запросы и потребности не только среднего класса, но и более широких слоев в городе и деревне. Именно их недовольство привело к поражению правительства БДП, и кабинет ИНК стремится к проведению социально ориентированного курса внутри страны.

Двумя главными проблемами современной Индии считаются бедность и коррупция. Экономические успехи помогли несколько уменьшить распространенность нищеты. Тому же давно содействует полная обеспеченность страны продовольствием. На первый план в проблеме бедности вышла другая ее сторона — нехватка работы и недостаток денежных средств у широких слоев населения. Что касается коррупции, то Индия принадлежит к числу одной из самых затронутых ею стран мира. Проблема широко обсуждается в СМИ, ее занимаются законодатели и суды, но существенно ослабить масштабы этой социальной болезни не удается.

Несмотря на эти, а также некоторые иные недостатки, встроенные в экономическую и социальную сферы, прогресс Индии представляет собой один из самых заметных феноменов международной жизни рубежа веков и тысячелетий. Стране удалось добиться стабильного экономического роста на протяжении более 15 лет — в 1990–2003 гг. среднегодовой прирост составлял 5,8%, в 2000–2004 гг. — 6,2%, а в 2005 г. — 7,6%. Заметно изменился не только привычный замедленный темп роста экономики, но и ее характер. Если два первых цикла независимого развития прошли под знаком ориентации на потребности главным образом внутреннего рынка, то последний цикл отличается повернутостью вовне. Как следствие этого, доля Индии в мировой торговле, упавшая с 2,5% в конце 40-х годов XX в. до 0,5% к началу 90-х, выросла до 1% в середине 2000-х. Руководство страны ставит задачу довести в ближайшие годы удельный вес индийской внешней торговли до 2% общемировой.

Хотя Индия по-прежнему принадлежит к группе низкодоходных государств (менее 700 долл. на душу), размеры ее валового внутрен-

него продукта достигли в 2005 г. 720 млрд долл. При учете почти в пять раз более высокой покупательной способности индийской валюты на внутреннем рынке, по сравнению со способностью доллара США на американском рынке, подушевой доход оценивается в 3,4 тыс. долл., а ВВП — в 3,7 трлн долл. По такой методике Индия выходит на 4-е место в мире по экономическим масштабам, хотя нельзя не отметить присущие таким подсчетам ограничения. Впрочем, далеки от идеала и сравнения на базе обменного курса валют, так как они не учитывают низкую стоимость индийской рабочей силы — фактор, повышающий конкурентоспособность.

Особенно заметно он сказывается в сфере электронных технологий, прежде всего в разработке и применении компьютерных программ (*software*). Участие Индии в международном разделении труда в этой области проявилось в середине 90-х годов XX в. Опираясь, в том числе, на применение труда индийских программистов, инженеров и менеджеров США добились успехов в развитии информационных технологий. В Индии были созданы свои аналоги высокотехнологического сектора ИТ. Лидеры мирового бизнеса в этой отрасли, в первую очередь компания Б. Гейтса «Майкрософт», вложили немалые средства в поощрение индийского образования и подготовку квалифицированных кадров. С конца 90-х годов стоимость информационно-технологической продукции и связанных с ее эксплуатацией услуг возрастала по экспоненте. В 2005 г. она достигла 36 млрд долл.; из этой суммы на экспорт пришлось почти 24 млрд. Вклад сектора электронной информации в ВВП Индии поднялся до 4,8%.

Менее заметны успехи Индии в других высокотехнологичных отраслях, хотя и там за последние годы она добилась немалых достижений. Узким местом остается производственная инфраструктура, а также энергетика, зато продвинутой является сфера услуг, в первую очередь банковских и страховых. В целом Индия может сохранить высокие темпы продвижения вперед, опираясь на достаточно прочный и сбалансированный социально-экономический фундамент. Внутренние опасности для нее кроются в отставании с реформами, засильем бюрократии, усилением коррупции. Извне ей угрожает нестабильность по всему периметру ее границ — в Бангладеш, Непале, Шри Ланке, наконец, в Пакистане. Эта «стена нестабильности» может серьезно осложнить прогресс Индии, усугубив внутривнутриполитические проблемы в пограничных, окраинных районах, таких как Кашмир, северо-восточные штаты и др.

III

В третьей части статьи рассматриваются основные особенности развития Пакистана, который также как и Индия в 2007 г. будет отмечать 60-летие. В отличие от нее, Пакистан характеризуют не 20-летние, а 10–11-летние циклы внутри-и внешнеполитической эволюции. Первый из них, с 1947 до 1958 года, был временем национально-государственной интеграции и первых опытов демократического правления. Унаследованная от колониальных времен смешанная, авторитарнодемократическая форма правления в различных вариациях сохранялась на протяжении всех этапов развития Пакистана. На первом из них в ее рамках решалась проблема интеграции княжеств Белуджистана (обширной области на юго-западе современного Пакистана, который тогда был одной из двух его территориальных частей), разрабатывалась конституция, которую удалось принять только в 1956 г. В соответствии с ней страна стала называться Исламской Республикой и долгое время оставалась единственной в мире, где ислам занял положение государственной религии.

Страх перед Индией, стремление не утратить право на самостоятельное существование заставили Пакистан следовать в глобально-политических делах иной, чем Индия, дорогой. Сначала это был курс на культивирование отношений преимущественно с мусульманскими государствами Ближнего Востока, а с середины 50-х годов, под влиянием отказа Индии присоединиться к политике США по сколачиванию антикоммунистических блоков, ведущей составляющей внешней политики стало участие в них и наращивание военного потенциала.

В результате этих подвижек усилилась политическая роль армии, ее место в правящих кругах. Внутри страны нарастала волна протестов против «проимпериалистической» политики властей. Наряду с другими факторами это подорвало социальную стабильность, способствовало правительственной чехарде и перманентному политическому кризису. Осенью 1958 г. власть перешла в руки военных, которые объявили об отмене конституция и введении чрезвычайного положения. Президентом страны стал главнокомандующий армией, генерал (с 1959 г. — фельдмаршал) М. Айюб Хан.

Второй этап, с 1958 по 1969 гг., был в целом одним из наиболее благоприятных в экономическом развитии страны. Режим Айюб

Хана провел назревшие аграрные реформы и, опираясь на поддержку западных государств, прежде всего США, и международных организаций (МБРР) сумел начать успешную реализацию комплексной программы развития бассейна Инда путем сооружения ирригационных и гидроэнергетических объектов. Использование достижений агробиологической науки способствовало повышению урожайности зерновых и технических культур. Правящий режим в то же время предоставил значительную свободу действий предпринимателям и стимулировал вложения частного капитала в промышленность, главным образом текстильную.

Развитие экономики сопровождалось усилением социальной и региональной неравномерности, что послужило фоном для обострения политической борьбы. Авторитарный режим, возглавляемый военной бюрократией, использовал методы непрямой демократии для легитимации власти. Они состояли в избрании населением органов местного самоуправления, члены которых выбирали на альтернативной основе президента и парламент. Система, получившая название «основы демократии», вводилась второй конституцией 1962 г.

Война с Индией в августе-сентябре 1965 г. серьезно подорвала силы режима, лишив его прежней военной и экономической поддержки со стороны США. В конце 1968 г. в стране начался политический кризис, который в марте следующего года привел к отставке Айюб Хана, демонтажу прежней системы управления и утверждению у власти генералитета во главе с А.М. Яхья Ханом. Новому режиму пришлось отказаться от методов непрямой демократии.

В конце 1970 г. в Пакистане прошли первые всеобщие выборы в национальный парламент. Они обнажили глубину противоречий между элитой и массовыми слоями западной и восточной части страны. В Восточном Пакистане победила партия *Авами лиг* (Народная лига), выступавшая за создание конфедерации, либо реальное перераспределение властных полномочий в пользу представителей восточной провинции (бенгальцев). Консолидированное голосование за «Авами лиг» сделало ее по итогам выборов численно преобладающей силой в парламенте. Переговоры с военными и победившими в западной части политическими лидерами зашли в тупик, и 26 марта 1971 г. в столице восточнопакистанской провинции Дакке провозгласили создание Бангла Деш (страны бенгальцев). За этим последовала расправа пакистанских военных над «изменниками»,

аресты и расправы. Продолжавшиеся несколько месяцев репрессии привели к бегству почти всей политической элиты в Индию. Туда же стали перемещаться через по сути неохраямую границу массы мирных жителей, прежде всего индусов, спасающиеся от погромов и расправ пакистанских военных и полицейских, а также отрядов из говорящих не на бенгали, а на урду мусульман-беженцев времен раздела Индии.

Внутриполитический кризис в Пакистане завершился в конце 1971 г. попыткой правящего военного режима решить проблему силовым путем. Война с Индией закончилась для него полным поражением. 16 декабря почти 100-тысячная пакистанская армия сдалась индийской, заодно с которой действовали восточнобенгальские «силы освобождения». Капитуляция означала раздел просуществовавшего почти 25 лет государства и образование на месте его восточного «крыла» Народной Республики Бангладеш.

Проиграв индийцам не только на восточном, но и на западном фронте (в частности, в Кашмире) пакистанская военная верхушка предложила пост президента лидеру крупнейшей политической партии З.А. Бхутто. Ему удалось достаточно быстро улучшить моральнополитический климат в стране и заключить мирное соглашение с Индией (в Симле в июле 1972 г.).

Внутри страны режим Бхутто пошел на свертывание либеральных преобразований предшествующего десятилетия, сделал акцент на поощрение госсектора. Во внешней политике он проводил достаточно самостоятельную от Запада политику, продолжил сближение с Китаем, которое началось еще в начале 60-х годов вслед за ухудшением индийско-китайских отношений, усилил ориентацию на разбогатевшие под влиянием повышения мировых цен на нефть ближневосточные мусульманские государства. Предпринимались им также попытки вернуться к расширению связей с СССР, прерванному из-за индийско-пакистанской войны 1971 г., и в экономической области они увенчались определенными результатами.

В 1973 г. парламент Пакистана одобрил третью, ныне действующую конституцию парламентского типа. Бхутто стал премьер-министром, но не смог долго удержаться у власти. Вторые парламентские выборы в марте 1977 г., как и первые, привели к политическому кризису. Патовой ситуацией воспользовались военные вновь захватившие власть в начале июля. Бывший премьер был обвинен в организации политического убийства и казнен в апре-

ле 1979 г. Возглавивший режим генерал М. Зия уль-Хак в течение двух с половиной лет играл в демократию, обещая провести новые выборы, но затем объявил о запрете политической деятельности и введении исламских форм и норм правления.

Таким образом, третий этап в развитии Пакистана, с 1969 по 1977 или 1979 гг., отмечен исключительным драматизмом борьбы за власть, расколом страны, частой сменой режимов власти при общей неудаче демократического эксперимента, замедленными темпами экономического и социального развития.

Следующий этап, был прерван гибелью в авиакатастрофе Зия уль-Хака в августе 1988 г. Первые годы военного правления проходили под знаком кампании по исламизации всех сторон жизни — политической (создание вместо парламента совещательного органа — *маджлис-и шура*), экономической (введение исламских налогов — *заката* и *ушра*), юридической (расширенное применение норм шариата), образовательной (введение обязательных предметов по исламу в школах, колледжах и университетах) и бытовой (запрет танцев, занятий йогой, обязательное совершение *намаза*, молитвы, во время работы государственным чиновниками и т. п.). Диктаторские установления достаточно сильно изменили строй жизни и мыслей значительных слоев населения, в первую очередь городского, до того испытывавшего воздействие демонстрационного эффекта западной культуры, а также сохранившего элементы синкретической, общеиндийской традиции.

Режим Зия уль-Хака в полной мере воспользовался выгодным геополитическим положением страны в связи с начавшейся в соседнем Афганистане междоусобной войной. Проходя под идеологическими лозунгами, она втянула в себя, с одной стороны, СССР, который поддержал силы, пришедшие там к власти в апреле 1978 г., а с другой, США, мусульманский мир (Саудовскую Аравию, Египет) и КНР. Преследуя свои цели, они объединились в борьбе против военного участия Москвы в афганских делах (с декабря 1979 г.). Пакистан превратился в «прифронтовое государство», предоставив право убежища беженцам из Афганистана (свыше 3 млн человек) и военно-политическим группировкам, объявившим *джихад* (священную войну) «коммунистам», правившим страной из Кабула. Пакистан в результате получил значительную военно-техническую помощь из США, финансовую поддержку Саудовской Аравии и оружие из Китая.

Благоприятная для Пакистана в период правления Зия уль-Хака внешняя обстановка позволила стране экономически развиваться довольно высокими темпами. Однако за фасадом успехов углублялись неблагоприятные социальные процессы — коррупция, криминализация бизнеса, разрастание неконтролируемой государством теневой сферы производства товаров и услуг, в частности образовательных. Исламизация сверху привела к усугублению противоречий внутри мусульманского сообщества — между суннитами и шиитами, а внутри суннитов — между последователями различных идейных и правовых школ и направлений. Соседство с охваченным войной Афганистаном создало целый класс посредников, торговцев оружием и наркотиками, массовый слой коррумпированного чиновничества, в том числе в структуре военной бюрократии. Разложение общества, начавшееся при Зия уль-Хаке, сдерживалось условиями военного и чрезвычайного положений. Эти условия несколько смягчились после декабря 1984 г., когда власть провозгласила генерала переизбранным на пятилетний президентский срок по итогам организованного ей референдума. В 1985 г. состоялись выборы в парламент на непартийной основе. У Пакистана появился демократический фасад, правительство, ответственное перед парламентом. Политическая жизнь оживилась после возвращения в страну из эмиграции весной 1986 г. до того преследуемой властями дочери З.А. Бхутто Беназир.

Гибель Зия застала военных врасплох. Они предпочли на этот раз передать власть в руки гражданской бюрократии, которая организовала четвертые всеобщие выборы уже на партийной основе. В конце 1988 г. по их итогам было сформировано правительство Б. Бхутто, ставшей первой женщиной премьером в мусульманской стране. Однако измененная в годы военного режима конституция не позволила кабинету министров пользоваться полнотой власти. Наряду с ним ею обладала гражданская бюрократия, группирующаяся вокруг президента Г. Исхак Хана, и армия.

Противоречия внутри «треугольника» привели к смещению правительства, роспуску парламента и новым выборам. Военные активно вмешались в расстановку политических сил и способствовали победе на выборах партии Пакистанская мусульманская лига, наследующей «линию Зии», хотя и не во всем. Премьер-министром стал выдвигенец погибшего диктатора Н. Шариф.

Весь четвертый период в истории Пакистана, с 1988 по 1999 гг., отмечен борьбой корпоративных групп, военной, бюрократической

и политической, и как следствие этого — частой сменой кабинетов после внеочередных выборов. В 1993 г. к власти возвращается кабинет Б. Бхутто, а в 1997 г. — ее сменяет Н. Шариф. Роспуску парламента и внеочередным выборам всякий раз предшествовал трехмесячный период правления переходного кабинета, так что на посту временных премьер-министров побывало еще четыре человека.

Несмотря на демократические декорации, авторитарный характер власти сохранялся, однако она не смогла справиться с многочисленными внутренними проблемами. Исключительно неблагоприятным было положение в крупнейшем, более чем 10-миллионном городе Карачи. Различные группировки, созданные на этнической и религиозной (сектантской) основе ожесточенно боролись между собой, заставляя власти вводить в город не только полувоенные формирования, но и армейские части. В провинции Панджаб, особенно в Лахоре и в округах к западу от него, развернулась жестокая война между боевыми группировками суннитов и шиитов. В начале 1998 г. после расстрела собравшихся на кладбище шиитов центр города на несколько дней перешел под контроль манифестантов. За один тот год число погибших в провинции в межсектантских разборках приблизилось к 1,5 тыс. человек.

Десятилетие 90-х было временем низких темпов экономического роста, который происходил на фоне сохраняющегося высокого прироста населения и увеличения удельного веса его молодых, наименее устроенных в жизни и наиболее беспокойных людей. Среднегодовые темпы роста экономики снизились до 3,7, а доходов на душу населения — до менее 2%. Скопление людей в городах, в том числе «сельских», лишенных промышленности, вело к социальной апатии и консервации традиционных взглядов и настроений. На этом фоне наблюдался подъем религиозной пропаганды, увеличилась роль ислама в общественном сознании и государственной идеологии. Осенью 1998 г. Н. Шариф добился одобрения нижней палатой парламента законопроекта, провозглашавшего шариат высшим законом страны. Однако сенат (верхняя палата) не успел его одобрить.

С рубежа десятилетий, вследствие вывода советских войск из Афганистана, выгоды геополитического положения Пакистана уменьшаются. В Вашингтоне начинают уделять все больше внимания его амбициям в ядерной области. Начатая еще в 70-х годах программа создания ядерного оружия опиралась на незаконные технологические заимствования и помощь Китая. Стремясь предотвратить превращение Пакистана в ядерную державу, США в

1990 г. прекратили программу военно-экономического содействия. Это однако не остановило Исламабад, который сделал еще больший акцент на связях с военно-промышленным комплексом Китая и Северной Кореи. В мае 1998 г. спустя две недели после индийских ядерных испытаний, Пакистан провел свои. Введенные США и Японией санкции больно ударили по экономике страны и способствовали усугублению ее тяжелого состояния.

В октябре 1999 г., понимая неминуемость столкновения с военными, разногласия с которыми выявились в ходе проигранной мини-войны в Кашмире, Н. Шариф попытался сместить главу военной иерархии, начальника штата армии Первеза Мушаррафа с его поста. Однако премьер просчитался, был арестован, вскоре осужден на пожизненное заключение, помилован и выслан из страны. Военные вновь стали управлять страной непосредственно и смогли за прошедшие семь лет существенно улучшить ситуацию. Идя по стопам таких своих предшественников, как М. Айюб Хан, П. Мушарраф провел ряд либеральных реформ, взялся за борьбу с коррупцией, сумел покончить с массовыми проявлениями анархии и беззакония.

Успеху способствовала и международная обстановка. Атака террористов на объекты в США 11 сентября 2001 г. и объявленная Вашингтоном война с укрывателем террористов режимом Талибан в Афганистане позволила Мушаррафу отказаться от поддержки Кабула. Более того, Пакистан оказал ценное содействие силам антиталибской коалиции. Сделав правильный выбор на западном для себя, афганском направлении, Пакистан попал в тяжелую ситуацию на восточном, индийском. Исламистские организации усилили террористическую активность в Кашмире, а также в других районах Индии, что подвигло ее на оказание серьезного давления на Пакистан. Противостояние двух ядерных держав в мае-июне 2002 г. привлекло всеобщее внимание, но не привело к конфликту. Вслед за наступившей разрядкой с весны 2003 г. начался процесс двусторонних переговоров, который к 2006 г. позволил существенно улучшить климат как пакистано-индийских взаимосвязей, так и многосторонних отношений в Южной Азии.

Генерал Мушарраф был избран президентом на референдуме в апреле 2002 г. В октябре того же года состоялись восьмые всеобщие выборы. С большим трудом пропрезидентской партии, той же Пакистанской мусульманской лиги, но носящей имя основателя государ-

ства М.А. Джинны, удалось сформировать правительство в центре. В двух западных провинциях (СЗПП и Белуджистане) к власти единолично или в коалиции пришли умеренные исламисты. В твердой оппозиции правительству находятся партия Б. Бхутто (сама она находится за границей, будучи заочно осуждена пакистанским судом по обвинению в коррупции) и партия Н. Шарифа. Обе эти партии считаются светскими, хотя в их идеологии (особенно у последней) есть явные исламские элементы. Исламисты играют роль балансира. Благодаря их поддержке в конце 2003 г. парламент утвердил результаты референдума об избрании Мушаррафа президентом на пятилетний срок (2002–2007).

После преодоления последствий тяжелой засухи в начале 2000-х годов экономическое положение Пакистана улучшилось, наблюдаются стабильно высокие темпы роста (7–9% в год). В отличие от Индии, страна еще не нашла свою нишу в международном разделении труда, но она также уделяет внимание прогрессу в телекоммуникационном секторе, старается вкладывать деньги в образование. Порядок и стабильность привлекли внимание международных инвесторов, которые в 2005 г. вложили в пакистанскую экономику 3 млрд долл. Повышение цен на нефть, серьезно нарушающее баланс внешней торговли, в существенной мере компенсируется переводами инвалюты пакистанцами, работающими за рубежом, главным образом в арабских странах Залива (Саудовской Аравии, Омане, ОАЭ, Кувейте и др.)

Несмотря на позитивные сдвиги во многих сферах жизни, обстановка в целом далека от гармонии. На границе между Пакистаном и Афганистаном в горном районе, населенном независимыми племенами пуштунов, находятся базы международных террористов из *Аль-Каиды* и афганских экстремистов из движения Талибан. В 2003–2006 гг. пакистанская армия предпринимала неоднократные попытки установить эффективный контроль над этим районом, имеющим особый административный статус, но они не увенчались полным успехом. С 2003 г. резко обострилась ситуация в зоне расселения белуджских племен (провинция Белуджистан). Там по сути началась диверсионная война под руководством традиционных вождей, требующих, чтобы центральные власти учли интересы местных жителей и поделились с ними плодами усилий по модернизации экономики провинции.

Таким образом, Пакистан, как и Индия, добился в целом весьма заметных экономических и социальных достижений после об-

ретения страной независимости. Однако бедность и нищета, безработица и неграмотность, отсутствие перспектив и социальная дискриминация различного рода по-прежнему характеризуют жизнь основной части населения. Особую остроту этому придает роскошь и расточительство верхушки общества, главным образом традиционной по происхождению и консервативной по убеждениям и взглядам на жизнь. Все это создает почву для общественно-политической нестабильности и вызывает нервную реакцию властей. Роль армии во властных структурах остается преобладающей, хотя это обстоятельство вызывает раздражение и критику со стороны других групп интересов.

IV

Закljučая обзор темы, хотелось бы подчеркнуть, что хотя комплексные причины привели к расколу единой политической общности, какой являлась колониальная Индия, образование двух независимых государств (с последующим расколом одного из них) не перечеркнуло значение другого важнейшего обстоятельства — появления суверенных политических формирований в Азии, на плотно населенном юге континента. Стабильный и ускоряющийся прогресс Индии привел к формированию одной из крупнейших экономик мира, сбалансированной в общественно-политическом отношении державы, глобального лидера в ряде сфер материального и нематериального производства. Независимость благоприятно отразилась и на развитии Пакистана, когда-то более отсталой, периферийной части колониальной Индии. Он превратился в шестую по величине населения страну мира с гипертрофированным военно-промышленным комплексом и динамичной, «выплескивающейся» за его границы рабочей силой. Оба государства играют заметную и возрастающую роль в международных отношениях. Тому способствует не только обладание ими ракетно-ядерным оружием, но и важное геополитическое положение на стыке Ближнего и Среднего Востока, Центральной и Восточной Азии. Индия в начале XXI столетия стала ведущим самостоятельным игроком в мировой политике, великой державой, о статусе которой приходилось только мечтать ее основателям. Поддержание мира в регионе, а тем более урегулирование индийско-пакистанских отношений способствовало бы обретению Индией еще большего политического веса и авторитета в глобальных делах. А Пакистан мог бы укрепить свое положение одного из главных действующих лиц в мусульманском мире.

КОНФРОНТАЦИОННАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В ЮЖНОЙ АЗИИ*

Удивительно, насколько быстро меняются в современном мире привлекающие его темы и события. Три-четыре года назад ситуация в Южной Азии, где в очередной раз обострились противоречия между «вечными» соперниками, Индией и Пакистаном, пользовалась большим вниманием аналитиков. Оно подогревалось тем, что оба государства в 1998 г. провели подземные испытания ядерного оружия, продемонстрировали наличие у каждой баллистических ракет, часть из которых была поставлена на боевое дежурство. Наличие ракет и ударной авиации делало практически возможным в Южной Азии применение ядерного оружия в региональном (локальном) вооруженном конфликте.

Но с 2003 г. в отношениях между Дели и Исламабадом началась разрядка, которая отодвинула на задний план опасения предшествующих лет. В результате, сегодня стали в основном спокойно и «буднично» воспринимать мысли о потенциальной нестабильности в регионе и о нерешенных спорах, по-прежнему разделяющих две его ведущие страны. Неясно, однако, сколь долго продлится это спокойствие. Ключевой вопрос: носит ли смягчение противоречий сугубо кратковременный или более постоянный характер? По-прежнему очевидно, что сложно найти взаимоприемлемый вариант «глубокого» разрешения кашмирской проблемы, лежащей, по мнению большинства специалистов, в основе индийско-пакистанского противостояния. Можно ли предположить в такой ситуации, что конфронтация в Южной Азии перешла, наконец, в фазу хронического, вялотекущего процесса, при котором составляющие его

* Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. МГИМО (У) МИД России. М.: 2008, с. 227–247.

источник противоречия будут угасать, не получая формального разрешения, но и не мешая расширению двусторонних связей? Поиску ответа и посвящена предлагаемая статья.

Динамика конфликта

История противостояния начинается, по сути, с появления на карте мира в августе 1947 г. Индии (Индийского Союза) и Пакистана. Добившись от Лондона статуса независимых доминионов в результате хотя и запланированного, но поспешного ухода Великобритании из главной для ее заморской империи колонии, оба молодых государства встали на путь консолидации власти. В результате размежевания Пакистан как государство оказался состоящим из двух крупных территориальных массивов, не соприкасавшихся между собой: Западного Пакистана (современный Пакистан) и Восточного Пакистана (современная Бангладеш).

Наиболее острые проблемы возникли между Индией и Пакистаном по вопросу определения судьбы самого крупного (свыше 200 тыс. кв. км) индийского княжества под историческим названием «Джамму и Кашмир». Надо заметить, что число такого рода княжеств, в основном независимых во внутренних делах, но находившихся в прямых договорно-вассальных отношениях с британской короной, приближалось в те годы к 600. Все это множество больших и малых княжеств формально не считалось частью колонии «Британская Индия», которая была едина в административном отношении и управлялась непосредственно англо-индийской колониальной властью. Заметим, что британские владения на юге Азии, объединяемые названием «Индия», включали территорию не только современных Индии, Пакистана и Бангладеш, но и Бирмы (Мьянмы), выделенной в отдельную колонию лишь в 1936 г.

При этом большинство населения собственно Индии (без Бирмы), около 80%, проживало как раз в Британской Индии, а земли княжеств, составлявшие почти половину всей индийской территории, представляли собой преимущественно периферийные и редко населенные районы. Джамму и Кашмир был типичным такого рода образованием с числом жителей по переписи 1941 г. 4 млн человек (1% от общего народонаселения Индии). Причем 77% жителей были мусульманами, в то время как наследным правителем княжества (махараджей) являлся индус¹.

Если бы область не имела «особого», княжеского, статуса, то при отказе Великобритании от колоний в Индостане и связанном с этим новым территориальном размежевании она, скорее всего, отошла бы к Пакистану, ибо решающим при разделе территорий был принцип конфессиональной принадлежности большинства местного населения. Такой принцип раздела в первую очередь касался непосредственно Британской Индии. Формально суверенные княжества должны были сами определить свою судьбу.

Махараджа княжества Джамму и Кашмир принял решение присоединиться к Индии, что в октябре 1947 г. вызвало обострение ситуации в княжестве и на его границах. Возник вооруженный конфликт с участием на первых порах нерегулярных формирований со стороны Пакистана (ополчений пуштунов) и регулярных индийских частей, которых были переброшены по воздуху из столицы Индии Дели в Сринагар, главный город княжества².

Конфликт вокруг княжества омрачил и без того натянутые отношения между Индией и Пакистаном, общая напряженность которых была следствием взаимных претензий в связи с кровавыми событиями, которыми сопровождалось размежевание между Индией и Пакистаном. Во многих пограничных районах прежде единого административно-политического пространства Британской Индии мусульмане и индусы проживали совместно. После образования двух отдельных государств возникли потоки вынужденных переселенцев. Спасаясь от грабежей и насилия, мусульмане из Индии двинулись на территорию Пакистана, а навстречу им устремились бежавшие из Пакистана в Индию индусы и сикхи. Говоря современным языком, в регионе происходила крупномасштабная «этническая чистка», которая исковеркала судьбы 14–16 млн человек, включая сотни тысяч или даже миллионы погибших в ходе происходивших в обеих странах погромов и связанных с ними бедствий.

В итоге бурных событий 1947 г. крупное по территории княжество Джамму и Кашмир уже к ноябрю этого года фактически распалось. Занимающая в нем центральное место и населенная мусульманами живописная долина Кашмира вместе с прилегающими районами в результате боевых действий досталась Индии. У нее же оказался контроль над индусской на две пятых областью Джамму и восточным тибетско-буддийским Ладакхом.

Большая часть населенной мусульманами области Пунч к западу от Джамму была занята войсками Пакистана. На этой терри-

тории была провозглашена символическая власть «правительства Свободного Кашмира» (*Азад Кашмир*). В состав Пакистана фактически была включена и территория обширной горной области Гилгит, мусульманское население которой подняло мятеж против махараджи-индуса, сформировало собственные полурегулярные части и объявило о присоединении к Пакистану³.

Военные действия на территории бывшего княжества велись до декабря 1948 г. Индийское правительство во главе с Дж. Неру согласилось на проведение референдума в княжестве для решения вопроса о его принадлежности и пошло на интернационализацию конфликта, передав жалобу на действия Пакистана в ООН. Первая индийско-пакистанская война относится к разряду конфликтов низкой интенсивности. В ходе длившихся почти полтора года боев погибло немногим более тысячи военнослужащих. 1 января 1949 г. стороны согласились с резолюцией СБ ООН и объявили о прекращении огня, а в июле того же года подписали соглашение о перемирии.

Усилия ООН через назначаемых ей посредников организовать референдум успехом не увенчались. Слишком велики были различия в подходах сторон к его организации. Первый раунд борьбы за Кашмир был выигран Индией; она получила районы бывшего княжества, населенные не только индусами, но и мусульманами. Три четверти кашмирского населения попали под юрисдикцию Индии. В составе Индийского Союза, в стратегически важном районе у границ с Пакистаном и Китаем появился индийский штат Джамму и Кашмир, населенный преимущественно мусульманами. В соответствии с введенной в действие в январе 1950 г. конституцией Республики Индия ему был предоставлен особый статус (закреплен в ст. 370 и ряде других статей). Пакистанская сторона считала итоги раздела княжества несправедливыми и сохраняла надежды на реванш, силами и средствами для которого она, однако, не обладала.

Вторая крупная проблема в индийско-пакистанских отношениях связана с водопользованием и разделом речных вод для целей ирригации. Благодаря сооружению в конце XIX — начале XX в. разветвленной системы плотин и каналов значительные участки земли в исторической провинции Панджаб до индийско-пакистанского размежевания обрабатывались с помощью вод пяти притоков Инда. Два из них, Джелам и Чинаб, как и сам Инд, пересекали земли бывшего княжества Джамму и Кашмир. После событий 1947–1948 гг. головные сооружения ряда плотин, построенных на

трех других реках — Рави, Беасе и Сатледже — оказались на территории индийской части Пенджаба. Весной 1948 г. правительство индийского штата Восточный Пенджаб перекрыло снабжение водой каналов, орошающих поля в пакистанской провинции Западный Пенджаб. Конфликт удалось разрешить мирно, но Пакистану показали, насколько велика его зависимость от соседа.

Временные соглашения по поводу воды действовали до 1960 г., а затем их заменил Договор о развитии бассейна реки Инд, который имел целью разделить ресурсы Инда и его притоков так, чтобы вода трех восточных рек использовалась Индией, а трех западных — Пакистаном. В реализации проектов на пакистанской территории, предусмотренных Договором, согласилась участвовать и Индия. В том же году, который можно считать первым успехом в развитии двусторонних отношений, тогдашнюю столицу Пакистана город Карачи посетил индийский премьер-министр Дж. Неру. Пакистан предлагал Индии заключить «пакт об обороне» Индостана, но это предложение было отвергнуто. На пути сближения стояла проблема несхожести идеологических и внешнеполитических интересов двух государств.

Страны-соседи одновременно похожи и различны. Генетически и в языковом отношении Пакистан (тогдашний Западный Пакистан) был продолжением Северной Индии, а Восточный Пакистан (удаленный на 1500 км от западного) представлял собой мусульманскую часть исторического «ядра» Британской Индии — провинции Бенгалии.

Религия в середине прошлого века казалась многим политикам явлением отмирающим. Индуизм легко мирился со светскими политическими порядками. Секуляризм имел приверженцев и среди мусульман, но ислам был теснее связан с политикой и идеологией. Индуизм и ислам оказались в основном закрытыми друг для друга системами верований и представлений. Они олицетворяли разные способы и формы самоидентификации в историческом и международно-политическом пространстве. Индуизм ориентировался на местную культурную почву, наследие оригинальной индостанской традиции; ислам в культурном смысле тяготел к арабо-мусульманскому наследию, «смотрел на Аравию»⁴.

Помимо культурно-религиозных факторов, на различия в природе государств влияла разная структура общества. В Индии оно было более городским и относительно слабо иерархичным, а традицион-

ная элита — менее связанной с землевладением (представителям высшей касты брахманов предписывалось не владеть землей). Руководящие позиции в Индии заняли представители политического класса, генетически связанные в основном со средними и верхними буржуазными слоями.

Пакистанское общество сложилось как типично «феодалное», его элиту составили по преимуществу выходцы из традиционной земельной аристократии. Иерархическая социальная структура, имеющая основанием бесправные сельские низы и кочевые племена, способствовала формированию «верхушечного» политического сообщества. Главную роль в нем стала играть гражданская и военная бюрократия.

При всех различиях оба государства были надэтническими (многонациональными)⁵. Понимая свою политическую уязвимость и угрозы сепаратизма в условиях многообразия этнических и религиозных групп, населяющих обе страны, индийская и пакистанская элиты ориентировались на идеи сильного единого государства. Речь шла не только о военной мощи, хотя она имела большое значение. Руководители обеих стран делали акцент на идеях «особой миссии», апеллировали к исторической памяти, особенностям культуры и менталитета. Большое внимание придавалось участию в различных международно-идеологических проектах.

В 1954 г. Пакистан заключил договор о взаимной обороне с США, благодаря которому началось перевооружение и рост численности его армии. Индия в середине 1950-х гг. сделала акцент на развитие тяжелой промышленности и не уделяла много средств и внимания своим вооруженным силам. Возможно, поэтому осенью 1962 г. они потерпели обидное поражение в пограничной войне с КНР. После этого военные расходы Индии выросли почти в два раза. Наполовину увеличилось и количество военнослужащих.. Политическая роль армии не изменилась, но сама армия в результате принятых мер стала более боеспособной.

В 1965 г. Индии пришлось отражать наступление Пакистана, начато им в Кашмире. Вторая индийско-пакистанская война прошла классические фазы подготовки (апрель-июль), скрытых и ограниченных территорией Кашмира столкновений (август), открытой войны, перенесенной Индией за пределы Кашмира (сентябрь), хотя противостояние и не приобрело тотальный характер. Крупномасштабные, впрочем, бои завершились с некоторым военно-позици-

онным и политико-пропагандистским выигрышем для Индии. Заключенное при посредничестве СССР в январе 1966 г. Ташкентское соглашение на время закрыло кашмирский вопрос как главный в индийско-пакистанском противостоянии. На первый план выдвинулась проблема Восточного Пакистана.

С середины 1960-х гг. Пакистан вступил в полосу неудач, в то время как обстановка в Индии, наоборот, постепенно стабилизировалась. После смерти Дж. Неру в 1964 г. на роль признанного лидера нации выдвинулась его дочь И. Ганди. В стране происходила консолидация общества при опоре в экономике на сильный государственный сектор. Продолжилось усиление военной мощи государства. Все это помогло Индии использовать в 1971 г. острый внутривнутриполитический кризис в Восточном Пакистане и поддержать военным путем сторонников его отделения и создания государства бенгальцев-мусульман.

Начатая на этот раз фактически по инициативе Индии третья война с Пакистаном была самой масштабной и значительной по результатам. Капитуляция восточнопакистанской армии 16 декабря 1971 г. привела к появлению нового государства в Южной Азии — Бангладеш. Индийско-пакистанская война велась и на западном фронте, в частности, в Кашмире, где Индия также добилась серьезных успехов. Существует мнение, что если бы не давление, оказанное на Дели Соединенными Штатами и Советским Союзом, сам факт существования Пакистана как независимого государства мог оказаться под сомнением. Индийские политики, правда, настаивали, что намерений вести войну «до победного конца» в 1971 г. они не имели.

По заключенному в июле 1972 г. двустороннему соглашению в Симле (индийский штат Химачал-Прадеш) Индия согласилась отвести войска с территорий Пакистана, которые она заняла в ходе военных действий. Договоренности открыли возможность для возвращения на родину захваченных в плен пакистанцев (более 90 тыс.). Вместе с тем, в 1972 г. в Кашмире новая разделительная линия между Пакистаном и Индией была проведена с изменениями в пользу Дели по сравнению с условиями 1949 г.

Как нередко бывает, вслед за успехом Индия вступила в полосу спада, хотя и не столь глубокого, как в Пакистане. Поддержка Бангладеш стала для индийской стороны тяжелой ношей, что отразилось на внутривнутриполитической обстановке. Возможно, перенапряже-

ние Индии было связано и с программой мирного использования ядерной энергии, которая несколько неожиданно обернулась проведением в мае 1974 г. испытания индийского ядерного устройства. Хотя индийское правительство официально заявило после этого о том, что Индия не имеет ядерного оружия и не собирается его создавать, фактически она поставила себя в крут потенциальных ядерных держав, что не могло не вызвать резонанса как внутри страны, так и за ее пределами.

Между тем введение правительством И. Ганди чрезвычайного положения в Индии в 1975 г., вызванное обострением внутренней ситуации, показало, что даже устоявшиеся демократические порядки не гарантируют отсутствие внутренних кризисов. Преодолев кризис, вызвавший введение чрезвычайного положения, Индия в 1977 г. вернулась к проведению всеобщих выборов. Партия Индийский национальный конгресс во главе с И. Ганди потерпела на них первое поражение. Но уже через три года на новых внеочередных парламентских выборах в самом начале 1980 г. она вновь победила.

Потеряв восточную часть страны в 1971 г., Пакистан в интересах консолидации общества усилил пропагандистские акценты на идеях построения «сильной державы» и укрепления исламской идентичности. После поражения от Индии военные, правившие с 1958 г. непосредственно или окольным путем, опираясь на парламент, избранный коллегией выборщиков, передали власть гражданским лицам. Место у государственного руля занял лидер сильнейшей политической партии «нового Пакистана» в границах бывшей западной провинции З.А. Бхутто. В 1973 г. Пакистан обрел конституцию парламентского типа, хотя это не устранило, как оказалось, решающего влияния генералитета на политическую жизнь страны. Военные остались главными арбитрами в вопросах власти. В 1977 г. они совершили государственный переворот, свергнув и впоследствии казнив бывшего премьер-министра З.А. Бхутто. В стране был установлен жесткий авторитарный режим исламского типа.

С началом афганской войны, после ввода в Афганистан советских войск, резко выросла роль Пакистана в военно-политической стратегии США. Пакистан стал ключевым игроком в региональной ситуации, поскольку именно через него стала поступать из стран Запада и исламских государств помощь афганской оппозиции (муджахедам), которая вела борьбу с правительством в Кабуле и поддерживавшими его советскими войсками. В эти годы произошло пере-

вооружение пакистанской армии за счет кредитов и техники США, субсидий Саудовской Аравии и поставок технологий и вооружений из Китая. У Пакистана появились американские самолеты F-16.

В те годы КНР и Советский Союз были стратегическими соперниками, а Пакистан рассматривался в Пекине как союзник против СССР. В такой ситуации пакистанское руководство, не встречая противодействия со стороны США, смогло получить доступ к китайским технологиям производства ядерного оружия, а также существенно повысить уровень технологической оснащенности своей ядерной промышленности за счет осуществления крупных контрактов с канадскими и западноевропейскими фирмами на закупки ядерных реакторов и обогащенного атомного топлива. В 1986 г. глава военного руководства Пакистана генерал-президент М. Зия уль-Хак косвенно, но достаточно внятно заявил о том, что фактически Пакистан в состоянии стать ядерной державой.

Десятилетие 1980-х прошло под знаком военно-политического усиления Пакистана. Для ослабления Индии он предоставил свою территорию под тренировочные лагеря сепаратистов-сикхов из соседнего Панджаба. После расправы над ними в 1984 г. сикхи подготовили и осуществили убийство И. Ганди. Последовавшая затем широкая волна сепаратизма стала ослаблять единство Индии по всему периметру ее центральной, эндогенной части — на северо-востоке, прежде всего в Ассаме, юге (там он сопрягался с тамильским сепаратизмом на Шри-Ланке) и северо-западе, где вспыхнуло движение за создание сикхского государства Халистан в Панджабе.

Сепаратизм захватил и мусульманский Кашмир. В 1989 г. там началось восстание, в котором на первых порах принимали участие достаточно широкие слои населения. Их недовольством воспользовался Пакистан, переправивший из Афганистана, откуда к тому времени только что ушли советские войска, несколько тысяч участников афганского джихада, так или иначе связанных с Кашмиром. Усилия Индии по подавлению мятежа в Кашмире привели весной 1990 г. к состоянию крайней напряженности в отношениях с Пакистаном. Мог разгореться еще один конфликт в неблагоприятный для Индии момент вероятного превосходства Пакистана в ядерной области⁶.

Пакистан, однако, по-видимому, не был готов начать крупномасштабную войну против Индии, а сближение Москвы и Вашингтона на волне «нового политического мышления» и стремление найти

развязки в региональных конфликтах в тот период предвещали высокую вероятность их совместного давления на Исламабад с целью недопущения вооруженного конфликта в Южной Азии. Воинственность Пакистана уменьшилась и после гибели в авиакатастрофе в 1988 г. Зия уль-Хака. Наступивший затем в стране недолгий период парламентской демократии (до 1999 г.) в целом был отмечен состоянием глубокого экономического и общественного кризиса.

Индия, напротив, столкнувшись с угрозой сепаратизма в середине и конце 1980-х гг., болезненно пережившая острые проявления периода правления «семьи Ганди», стала обнаруживать стремление к определенной внутренней консолидации. Обстановка в стране после парламентских выборов летом 1991 г. стабилизировалась, вслед за чем началась полоса национального подъема. К середине 1990-х гг. восстание в Кашмире было подавлено. Одновременно в стране тайно была активизирована ядерная программа военного профиля.

В мае 1998 г. Индия провела подземные испытания ядерного оружия. В отличие от Пакистана, индийское ядерное оружие было создано в основном на собственной научной и экспериментальной базе. При этом Индия, которая никогда не присоединялась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г., заявляла, что она не несет международно-правовой ответственности за принятое ей решение о взрывах. США и Япония ввели против Индии экономические санкции за нарушение режима нераспространения, от которых она пострадала незначительно. Вслед за Индией и Пакистан, который также не подписывал ДНЯО, после двухнедельных колебаний провел собственные испытания ядерного оружия, доказав, что его заявления о наличии оружия — не бравада. Введенные против него экономические санкции ударили по Пакистану сильнее.

Почти одновременный прорыв Индии и Пакистана в мае 1998 г. к статусу «нелегальных ядерных держав» вызвал дискуссии в кругах политиков и экспертов о возможных последствиях новой ситуации в Южной Азии. Теоретически вероятными представлялись сценарии как встречной эскалации конфликта, способного приобрести в новых условиях ядерное измерение, так и канализации застарелого индийско-пакистанского противостояния в русло конфронтации по правилам советско-американского противостояния, каким оно было на протяжении большей части второй половины XX в.

Похоже, что колебания существовали и в Дели, и в Исламабаде. Первым их попытался преодолеть Пакистан, по инициативе его премьер-министра Н. Шарифа были предприняты шаги для примирения с Индией. Оно состоялось в феврале 1999 г., когда в главном городе пакистанского Панджаба Лахоре была подписана индийско-пакистанская Декларация о мире и добрососедстве. Напряженность в двусторонних отношениях стала ослабевать.

Однако пакистанские военные не разделяли миролюбия своего премьера. Они спровоцировали конфликт на демаркационной линии в Кашмире. В мае-июне 1999 г. там шли бои между регулярными частями Пакистана и Индии — погибло более тысячи военнослужащих. По сути дела состоялась четвертая по счету индийско-пакистанская война, оказавшаяся первой в мировой истории ограниченной войной между ядерными державами.

Внешняя среда не способствовала разрастанию конфликта. Ведущие страны мира были крайне озабочены фактом распространения ядерного оружия и возлагали ответственность за это в одинаковой степени на обе державы. Настроения пакистанских военных не находили поддержки ни у Китая, ни у США. Под давлением, главным образом, Вашингтона правительство в Исламабаде отдало приказ об отводе войск за линию контроля. Армия повиновалась неохотно, назревал очередной конфликт между ней и политическим руководством. Премьер Шариф попытался опередить события, объявив в октябре 1999 г. о смещении начальника штаба армии П. Мушаррафа, но проиграл. Генералы арестовали самого премьера, и в четвертый раз в Пакистане пришли к власти военные.

Последующие два года ситуация в Южной Азии оставалась стабильной, но умеренно напряженной. Индия и Пакистан не провоцировали друг друга, но и не делали шагов к разрешению застарелых противоречий. Вспышки противостояния не происходило в значительной мере в силу перемен в конфигурации интересов ведущих внешних держав в отношении Индии и Пакистана. Существенное значение для США стало приобретать то обстоятельство, что Индия в известном смысле могла служить ограничительным рубежом распространения экстремистских разновидностей исламской идеологии в Азии как раз в тот момент, когда стала возрастать опасность усиления влияния этой идеологии на политику Пакистана.

События 11 сентября 2001 г. и начатая Вашингтоном всемирная кампания по борьбе с терроризмом, имеющая антиисламские кон-

нотации, объективно была выгодна Индии, которая получала шанс подорвать традиционные представления американских политиков о выгодности для США ориентации на поддержку Пакистана в региональных делах.

Однако генерал П. Мушарраф, заняв пост президента Пакистана летом 2001 г. был достаточно предусмотрителен и пытался отмежеваться от экстремистов исламского толка, прежде всего *Аль-Каиды*. Поддержав в 2001 г. США в их борьбе против афганских талибов, Исламабад подтвердил свою ориентацию на союз с Вашингтоном и не дал Индии девальвировать свою роль в американской политике. Одновременно пакистанская сторона прибегла к тактике избирательного и ограниченного силового давления на Индию в Кашмире, отчасти с целью переключения на Индию внимания местных экстремистов, которые в ином случае могли сосредоточить внимание на борьбе с самим П. Мушаррафом, которого исламисты посчитали недостаточно «патриотичным», а некоторые из них попросту занесли его в список предателей и так называемых «ближних врагов».

Как бы то ни было, в Кашмир из Афганистана через пакистанскую территорию были снова переброшены боевики пакистанского и кашмирского происхождения, которые устроили серию терактов. Их действия вышли за пределы Кашмира — 13 декабря 2001 г. было совершено нападение на здание индийского парламента в Дели. Индия обвинила Пакистан в поддержке террористов и сосредоточила на границе с ним полумиллионную армию. Сначала в январе, а затем в мае-июне 2002 г. (после еще одного «громкого дела» террористов) мир снова наблюдал опасное противостояние двух соперников. К тому моменту их вооруженные силы были оснащены эффективными средствами доставки ядерных боезарядов, прошедших испытания.

Сдержанность политического и военного руководства двух государств, вкупе с давлением мировой общественности, в частности, руководства России и американской администрации, конфликта удалось избежать. Осенью 2002 г. Индия начала отвод войск от границы, а через полгода вступила в переговоры с Пакистаном, который незамедлительно поддержал обе инициативы.

Пять из шести «туров» последовательных чередований конфликта и разрядки в отношениях между Индией и Пакистаном обнаруживают закономерность: в основе каждой новой конфронтации лежит силовое превосходство той страны, которая в предшествующий

период уделяла больше внимания военному строительству и вышла на позицию реального или видимого преобладания. В 1998 г. обе страны перешли планку, за которой их регулярные «пробы сил» способны перерасти в региональный ядерный конфликт. Обе вспышки конфронтации после 1998 г. носили кратковременный характер и не были сопряжены для обеих сторон с большими потерями. В целом по сравнению с серединой прошлого века, конфликт обнаруживает тенденцию скорее к затуханию, чем к разрастанию, однако потенциальная цена риска подобного разрастания резко увеличивается ввиду ядерного статуса обеих стран.

Особенности современного этапа

Нынешний этап их отношений характеризуется общим превосходством Индии и происходящим на этом фоне улучшением двусторонних связей. Осенью 2003 г. по предложению Пакистана стороны объявили о прекращении огня в зоне соприкосновения войск в Кашмире (до этого артиллерийские перестрелки происходили постоянно). В январе 2004 г. на очередном саммите СААРК (Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии) в Исламабаде состоялась встреча между тогдашним премьер-министром Индии А.Б. Ваджапай и президентом П. Мушаррафом. После этого уже в феврале стартовали комплексные двусторонние переговоры, имеющие восемь тематических «дорожек».

Линия на развитие диалога была закреплена после смены правительства в Дели. Индусско-националистическую коалицию по итогам всеобщих выборов в аттреле-мае 2004 г. сменил парламентская коалиция во главе с партией Индийский национальный конгресс. Ставший премьер-министром Индии М. Сингх несколько раз встречался с П. Мушаррафом и главой пакистанского кабинета Ш. Азизом. Регулярные контакты продолжились на уровне министерств иностранных дел. Несмотря на все это, прогресс, достигнутый в ходе двухлетних усилий, нельзя признать прорывом⁷.

Существует некое структурное подобие между современным этапом отношений и периодом 1947–1953 гг., первым периодом индийского преимущества. Как тогда, сегодня на повестке стоят, главным образом, три проблемы: кашмирская, водная и самоидентификации, — хотя содержание их, понятно, видоизменилось.

Ядро кашмирской проблемы по-прежнему заключается в неопределенности ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир, протекающей из борьбы трех групп политических сил. К первым относятся партии, участвующие в выборах. В сентябре-октябре 2002 г. в штате прошли свободные выборы в местное законодательное собрание, на которых потерпела поражение неизменно побеждавшая с 1951 г. Национальная конференция. К власти пришла коалиция из Народно-демократической партии и Индийского национального конгресса. Новое правительство ослабило гнет репрессий, освободило из тюрьмы некоторых видных оппозиционеров. Несколько улучшилась экономическая и социальная обстановка. Однако противоречия остаются как между участниками правящей коалиции, так и между ней и оппозицией⁸.

Второй источник сложностей — полулегально действующие партии, обычно бойкотирующие выборы и выступающие в защиту одного из двух способов решения проблемы бывшего княжества: предоставление ему независимости или присоединение к Пакистану. Основная часть партий (более 20) объединена в «зонтичную» организацию Всепартийная конференция свободы (*хурриет*). В 2003 г. в ней оформился раскол на умеренных и радикалов. Некоторые умеренные силы, например, Фронт освобождения Джамму и Кашмира, не входят во Всепартийную конференцию. Представители умеренной части оппозиции готовы вести переговоры с правительством в Дели, радикалы считают их бесперспективными. И те, и другие требуют подключения к переговорному процессу Пакистана, но расходятся в оценке его политики.

Часть радикалов поддерживает контакты с представителями организаций третьего рода — нелегальной вооруженной оппозицией. Та строится вокруг Объединенного совета джихада, в который входят представители почти 20 организаций (хотя реальную силу имеют не более 10), во главе с *Хезб-ул муджахедин* и *Техрик-ул муджахедин* (соответственно, партией и движением джихадистов)⁹.

Таким образом, на субструктурном уровне межгосударственного конфликта вокруг Кашмира, условно, возвышается «голова», обращенная к Дели, и «ноги», уходящие в пакистанскую почву. Причем связь с Пакистаном не метафорическая, а вполне реальная. Так, глава Объединенного совета джихада С. Салахутдин и некоторые другие его руководители родились в Пакистане и оттуда направляют деятельность боевых формирований.

После 2003 г. активность террористов пошла на спад. Индийские источники отмечают снижение их инфильтрации через линию контроля (чему способствуют и возведенные на некоторых ее участках заграждения). Удар по экстремистам нанесла и природа. Эпицентр разрушительного землетрясения в октябре 2005 г. пришелся на район Музаффарабада, где располагаются основные лагеря беженцев из индийской части Кашмира (по оценкам, там находилось около 20 тыс. человек) и существующие на их базе центры подготовки диверсантов¹⁰.

На уровне структуры конфликта (межгосударственном) позиции остаются несовместимыми, хотя наметились тенденции к их сближению. П. Мушарраф еще в конце 2003 г. заявил, что его страна при определенных условиях может отойти от поддержки резолюций ООН о проведении плебисцита как основы решения кашмирского вопроса. В дальнейшем, особенно активно с весны 2005 г., он выдвигал еще ряд предложений: о демилитаризации индийской и пакистанской частей Джамму и Кашмира, придании им автономного статуса с правами самоуправления при совместных гарантиях со стороны Индии и Пакистана. Исламабад подчеркивает, что не собирается «предавать» интересы кашмирцев, настаивая на их праве участвовать в переговорах о судьбе бывшего княжества.

Дипломатическое наступление Пакистана заставило Индию реагировать. В Дели несколько раз проходили встречи руководителей федерального правительства с умеренными членами оппозиции. Эту инициативу проявило правительство Ваджпай в начале 2004 г. Следующий кабинет, наряду с продолжением такого рода контактов, разрешил большинству деятелей полуполигальной оппозиции пересекать границу с Пакистаном и принимать участие в контактах там на любом уровне и в любом формате. К представителям полуполигальных сил добавились и лидеры легальной оппозиции. Контакт между сторонами способствовало открытие пяти пропускных пунктов на линии контроля и существующее уже более года регулярное (раз в месяц) автобусное сообщение между Сринагаром и Музаффарабадом [административным центром самопровозглашенной республики «Азад Джамму и Кашмир» (АДК)].

Расширение диалога между представителями общественных и политических кругов не снимает разногласий на официальном уровне. Индийская сторона настаивает, что, хотя кашмирский вопрос и обсуждается в ходе переговоров с Пакистаном, судьба Джам-

му и Кашмира решена окончательно и ревизии не подлежит. Министерство внешних сношений в Дели время от времени выступает с заявлениями, что считает своими не только АДК, но и северные территории, контролируемые Пакистаном (область Гилгит-Балтистан). Одновременно Индия, как и ранее, дает понять, что ее удовлетворило бы сохранение статус-кво, т. е. нынешний раздел Кашмира по линии контроля. При этом она считает, что к такому решению оба государства пришли еще в 1972 г., заключив соглашение в Симле. Официальная позиция Пакистана иная. Он не согласен на раздел по линии контроля, выступает против ее легитимации на постоянной основе и разрешения тем самым спорной проблемы.

Что касается вопроса о водопользовании, то здесь Исламабад крайне заинтересован в упрочении контроля над той частью Кашмира, которая ему фактически принадлежит. Через нее, как отмечалось, поступает основной объем воды для орошения полей, а сокращение ее количества может вызвать крупные бедствия, способно до предела обострить противоречия между провинциями, прежде всего Панджабом и Синдом. Последней, расположенной в нижнем течении Инда, в нынешних условиях воды хронически недостает. В результате ее обширные районы страдают от эрозии почвы. Количество воды в расчете на душу населения сократилось в Пакистане с 5,6 тыс. кубометров в 1947 г. до 1,2 тыс. — в 2005 г. и быстро приближается к критической отметке в 1 тыс. кубометров¹¹. Население за это время выросло вчетверо — с 36 до 160 млн человек, и не менее двух его третей прямо или косвенно зависит от земледелия.

Договор о бассейне Инда 1960 г. сыграл большую роль в жизнеобеспечении страны. Индия, надо отдать ей должное, ни разу не нарушала Договор. Однако и она нуждается в источниках воды для ирригации и энергетики. Хотя количество воды на душу населения уменьшилось там в целом менее драматически (с 5 тыс. кубометров в 1950 г. до 1,8 тыс. — в 2005 г., при увеличении населения втрое — с 350 до 1100 млн человек), чем в Пакистане, на севере Индии тоже сложилась острая ситуация. Воды не хватает, и ее, помимо Джемму и Кашмира, делят еще три индийских штата — Панджаб, Харьяна и Химачал-Прадеш.

Противоречия между соседними странами связаны с реками Джелам и Чинаб, которые Индия может перекрыть, построив в штате Джемму и Кашмир плотины и отведя часть воды для орошения полей. К строительству плотины Вуллар на Джеламе Индия при-

ступила еще в 1980-х гг., но после протестов со стороны Пакистана заморозила строительство. В рамках начатого в 2004 г. переговорного процесса страны ведут торг по поводу соответствия строительства положениям Договора 1960 г.

Исламабад не возражает против сооружения Индией плотины Баглихар на реке Чинаб, но при условии, что она будет использована лишь как гидроэнергетический комплекс. Вопрос о ней (завершение строительства намечалось на 2004 г.) стороны согласились передать на рассмотрение Всемирного банка. Если банк решит его не в пользу Индии, она будет поставлена перед нелегким выбором. Очевидно, что проблема использования ограниченных запасов воды может стать в будущем как причиной, так и следствием ухудшения двусторонних отношений. Вместе с тем имеются и перспективы сотрудничества в этой области, возможности заключения договоренностей по поводу совместного пользования ограниченным водным ресурсом.

В политико-психологическом плане конфликт по-прежнему связан с самоидентификацией обеих стран. «Противостояние между Индией и Пакистаном, в конечном счете — это конфликт идентичностей. Он сводится к тому, кто мы такие и кем мы хотим быть как народ. На поверхности он кажется спором о том, что мы желаем иметь — или территорию, или воду, или что-то еще. Причина, почему нам не удается достичь соглашения о долевом разделе оспариваемого, в том, что мы смешиваем вопрос, что хотим иметь, с тем, кем хотели бы быть»¹². Слова индийского политолога С. Васлекара схватывают, как представляется, глубинный смысл конфликта. Причем самоидентификация как Индии, так и Пакистана меняется с течением времени, хотя некоторые из отмеченных выше главных особенностей «самоощущения наций» остаются неизменными,

Пакистан борется за выживание как «отколовшееся» государство, не имеющее столь естественных исторических корней, как Индия¹³. Средний класс Пакистана хотел бы, чтобы страна вошла в мировое и региональное сообщество, но его элита боится потерять при этом институциональный базис. Пока она не почувствует себя в безопасности от поглощения или раздробления Индией, она будет использовать вражду с ней как способ мобилизации масс и консолидации общества¹⁴.

У Индии, в отличие от Пакистана, нет проблем с идеалами внутриполитического устройства, там сложился консенсус относитель-

но плюралистического, светского и демократического характера страны. Однако она еще не решила, какую роль призвана играть в мире. Если Индия хочет лидировать в глобальном масштабе, ей необходимо переступить через региональные рамки, проявив «благородство» к соседям, и Пакистану в первую очередь. Она должна стремиться к союзу с ним, а также с Бангладеш и Афганистаном. При этом в Дели сознают, что создание «большой Индии» возможно лишь на базе технологического рывка и процветающей экономики.

Двойственные перспективы

Современное состояние международной среды в большой степени благоприятно для Индии. Отчасти это объясняется собственными ее достижениями. Экономический подъем с начала 1990-х гг. привел к двукратному увеличению ее национального дохода и дохода на душу населения. Хотя по последнему показателю Индия остается в группе низкодоходных стран, она смогла, наконец, обойти Пакистан, а ее средний класс, составляя 15–20% от населения, превысил 200 млн человек. В результате Индия стала крупным сегментом мировой торговли. По импорту нефти она вышла на одно из первых мест в мире и вступила в конкурентную борьбу за гарантированную долю в мировом потреблении углеводородного сырья. В начале XXI в. Индия перешла в разряд государств — экспортеров капитала. Накопленные зарубежные инвестиции индийских компаний в 2005 г. приблизились к 10 млрд, а нефтегазовые — к 3 млрд долл.¹⁵ Существенно вырос не только общий товарооборот, но и экспорт промышленных, в том числе высокотехнологичных, товаров — главным образом продуктов программного обеспечения (их стоимость увеличилась с 2 млрд долл. в 1999 г. до 24 млрд в 2005 г.).

Индия неожиданно, по-видимому, даже для себя, превратилась из «золушки» мировой политики в «принцессу». За ней стали активно «ухаживать» США и другие развитые страны, и это вторая причина лучшего для нее состояния внешней среды. Вместе с тем, такой сдвиг не лишен опасностей, ибо обостряет ее конкуренцию с Китаем, изолирует от привычного круга партнеров в развивающемся мире, ставит под сомнение привилегированные связи Индии с Россией.

Китай остается главным соперником Индии в Азии. Стремясь не допустить усиления Дели в международных делах, Пекин блокирует

ет получение Индией (и Японией) места среди постоянных членов СБ ООН, старается оттеснить ее на периферию процесса экономической интеграции в Восточной и Юго-Восточной Азии. Ревниво относятся в Китае и к наметившемуся сближению Индии с США. Пекин выступил с резкой критикой американо-индийского соглашения от 18 июля 2005 г., открывающего дорогу к сотрудничеству с Дели в мирной атомной области государствам-членам Группы ядерных поставщиков.

Все это не мешает процессу постепенного расширения индийско-китайского взаимодействия. Объем торговли между Индией и КНР вырос за последние годы многократно, достигнув почти 20 млрд долл. Индийские и китайские интересы не только сталкиваются в энергетической области, но в отдельных точках совпадают.

Вместе с тем, между Индией и Китаем не исключены осложнения. Пекин усиливает свое влияние на Южную Азию, поддерживая в Непале, Бутане, Бангладеш и Шри-Ланке силы, ориентированные на ограничение влияния Индии. Активно укрепляет свои позиции в Мьянме, стремясь с ее помощью закрепиться в районе Бенгальского залива. Сохраняет Китай и традиционный курс на особые отношения с Пакистаном. Через пакистанскую территорию, используя построенное еще в 1970-х гг. Каракорумское шоссе и строящийся ныне глубоководный порт Гвадар, Пекин намерен выйти к «устью» Персидского залива.

КНР, как упоминалось, оказала Исламабаду решающую помощь в развитии ракетно-ядерной программы. Наряду с США, Китай вооружал Пакистан. Сам спектр индийско-пакистанского ядерного противостояния оказался бы в значительной степени не полон без учета китайского фактора. Не случайно его анализ в аналитических работах справедливо проводится в тройственном контексте Индия — Пакистан — Китай¹⁶.

КНР имеет непосредственное отношение к проблеме Кашмира. На большинстве карт бывшего княжества в его границы включены части территорий, которые с традиционной точки зрения Китая должны принадлежать ему. В 1963 г. Пакистан и КНР заключили соглашение о границе, которая временно, до окончательного решения кашмирской проблемы, устанавливалась по согласованной линии, совпадающей с очертаниями зон фактического контроля.

Между КНР и Индией такого рода соглашения нет. Стороны оспаривают принадлежность обширной области Аксай-Чин, при-

мыкающей к Ладакху. Спор вокруг нее является частью неурегулированной погранично-территориальной проблемы. В 2003 г. во время визита премьера Ваджапаи в Пекин стороны договорились не акцентировать эту проблему, но она может в любой момент вновь стать камнем преткновения.

Возможное обострение индийско-китайского спора может активизировать и индийско-пакистанское противостояние. Следует иметь в виду, что Индия и Пакистан продолжают наращивание военной мощи. При этом Индия оглядывается на Китай, который на протяжении последних лет (с 1996 г., кроме 2003 г.) увеличивал военные расходы на 10% в год. Дели рывком поднял военный бюджет в 2004–2005 г. на 28%. Военные расходы достигли 17 млрд долл., а в дальнейшем — 20 млрд, превысив военные расходы Пакистана в пять раз¹⁷. Индия стала одним из крупнейших покупателей передовой зарубежной военной техники. В ближайшие годы на закупку только современных ударных самолетов Дели потратит до 10 млрд долл. Причем впервые акцент делается на приобретение не российского, а западного, по большей части американского, вооружения¹⁸.

Хотя Индия и Пакистан после 1998 г. соблюдают мораторий на проведение испытаний ядерного оружия, они продолжают наращивание ракетно-ядерного потенциала. Третью своих ядерных реакторов Индия относит к разряду военных. Продолжаются испытания баллистических ракет, в первую очередь Пакистаном. Можно согласиться с тем, что вывод из истории ядерного соперничества в Южной Азии пока остается неопределенным. Привнесение ядерной компоненты, по всей видимости, делает широкомасштабный вооруженный конфликт менее вероятным, однако не невозможным. А в случае если он развернется, обмен ядерными ударами представляется весьма возможным¹⁹.

Определенную роль при этом способна сыграть неподготовленность общественного мнения в обеих странах к осознанию опасностей ядерной войны. Опросы общественного мнения, проведенные в 1999–2002 гг., показали, что до половины населения не знали о проведенных в их странах ядерных испытаниях, плохо представляли, в чем состоит опасность ядерных взрывов, не слышали о радиоактивном облучении и вреде для генофонда. Причем в неведении пребывала даже часть образованных людей²⁰.

Несмотря на опасности дестабилизации и возможного в более отдаленной перспективе нового кризиса в отношениях между Индией и Пакистаном, тенденции развития ситуации в краткосрочной перспективе достаточно благоприятны. Конфликт, как представляется, перешел из острой в хроническую фазу. Даже кашмирская проблема может быть в принципе разрешена в условиях роста взаимного доверия между государствами и отказа от навязывания друг другу окончательных решений.

Следует учитывать появление у старых соперников ряда общих целей и интересов в сфере безопасности, торгово-экономического и межнационального сотрудничества. Особое значение приобретает в плане замораживания конфликта сотрудничество между двумя государствами в энергетической области, в реализации проектов сооружения газопровода из Ирана в Индию через Пакистан, а также трансафганского газопровода из Туркменистана в Пакистан и Индию²¹.

Весьма успешно в противовес прессингу США идут переговоры о реализации первого из этих проектов. В начале 2007 г. участники проекта, стоимость которого сейчас оценивается в 7,3 млрд долл., договорились о цене, по которой Иран будет поставлять газ Пакистану и Индии, и примысли решение о начале прокладки трубопроводов по территории Ирана и Пакистана²².

К числу общих проблем относится также борьба с наркотиками и контрабандой, а также с нарушениями сухопутной и морской границ. Перекрытие каналов для контрабандной торговли товарами и сокращение торговли через третьи страны способно увеличить в несколько раз взаимную торговлю. За последние годы она и так значительно выросла, существенно превысив 1,5 млрд долл. При этом торговля сводится с большим положительным сальдо для Индии, несмотря на то что Пакистан отказывается пока снизить ввозные пошлины на многие товары и их группы. Торговля фактически уравнивается незаконным вывозом товаров (скота, мяса и др.) из Пакистана в Индию.

Заметным достижением нужно считать ратификацию парламентами обоих государств многостороннего соглашения о зоне свободной торговли в Южной Азии (в рамках СААРК). Оно предполагает постепенное снижение таможенных пошлин между государствами

региона с полным их упразднением к 2016 г. Ратификация договора Пакистаном означает его согласие на предоставление Индии статуса наибольшего благоприятствования в торговле. Этот статус Индия предоставила Пакистану еще в 1995 г.

На сотрудничество в торгово-экономической и гуманитарной областях нацелены решения о пяти линиях автобусного движения (две из них в Кашмире), железнодорожном сообщении, открытии генконсульств в Мумбай и Карачи. Обсуждается вопрос о паромной (морем) связи между этими крупнейшими городами двух стран.

При благоприятном развитии событий можно рассчитывать также на решение застарелых спорных проблем — демилитаризации подходов к леднику Сиачин, вблизи которых велись бои в 1999 г., демаркации границы в районе Сир-Крика на границе между Синдом и индийским полуостровом Катхиавар.

Нынешний переход индийско-пакистанского противостояния в хроническую фазу не гарантирует полного окончания их длительного конфликта. Но определенные надежды на это дает отмеченное выше изменение в соотношении вооруженных сил. И дело не только в том, что Пакистан стал заметно слабее, главное — он потерял уверенность в наличии преимуществ перед Индией в политико-стратегической области. Осознание неспособности бросить ей вызов заставляет, как думается, руководство Пакистана отказаться от поиска средств для разыгрывания «кашмирской карты», а она пока единственное, что «спасает» напряженность в отношениях с Индией и делает «незаменимой» власть военных

Примечания

¹ Княжество Джамму и Кашмир, как и многие другие наследственные владения, напоминало по структуре русскую матрешку: центральную его часть, владение махараджи, окружало кольцо завоеванных им областей, часть из которых сохраняла княжеский статус.

² См.: *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003, с. 74–75, 160–162.

³ *Lamb A.* Kashmir: A Disputed Legacy, 1846–1990. Oxford University Press, 1992, p. 133–141.

⁴ *Burke S.M.* Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1974, p. 7–21; *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan. New Delhi: Oxford University Press, 2005, p. 34–37.

⁵ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и методологии политическую анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002, с. 253–254.

⁶ Белокреницкий В.Я. Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: Учеб. пос. / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002, с. 421.

⁷ Indo-Pak Composite Dialogue 2004–05: A profile. Institute of Peace and Conflict Studies Special Report 12. New Delhi: February 2006.

⁸ India/Pakistan Relations and Kashmir: Steps Toward Peace. ICG Report № 79. Brussels, 2004, p. 4.

⁹ Waslekar S. The Final Settlement: Restructuring India-Pakistan Relations. Mumbai: Strategic Foresight Group, 2005, p. 12–13.

¹⁰ По заявлению министра внутренних дел Индии, инфильтрация диверсантов через линию контроля в 2005 г. сократилась по сравнению с предшествующим годом на 54 %, а число терактов — на 22 %; количество погибших в индийском штате Джамму и Кашмир за три месяца 2006 г. составило 103 человека. В 2003 г. погибло около 3000 человек, что означает семикратное снижение уровня противоборства. См.: www.satp.org/satporgtp/countries/india/states/jandk/timelme/index.htm.

¹¹ Waslekar S. Op. cit., p. 55.

¹² Waslekar S. Op. cit., p. 3.

¹³ Популярное ныне в Пакистане обоснование идентичности нации через укорененность в традициях бассейна Инда. См.: *Ahsan A.* The Indus Saga and the Making of Pakistan. Lahore: Nehr Ghar Publications, 2001.

¹⁴ См.: *Cohen S.P.* Op. cit., p. 120–121, 294–296; *Rudnitsky A.* Understanding Nuclear Pakistan: Global, Regional and Domestic Dimensions // *World Affairs*. Autumn 2005. Vol. 9. № 3, p. 46–57.

¹⁵ Шахматов А. Индия: Внешнеэкономический рывок в условиях хозяйственного подъема. См. на сайте Фонда стратегической культуры: www.fondsk.ru.

¹⁶ См.: Ядерное противостояние в Южной Азии / Под ред. А. Арбатова, Г. Чуфрина. М.: Московский центр Карнеги, 2005; *Perkovich G., Mathews J.T., Cirincione J., Gottemoeller R., Wolfsthal J.B.* Universal Compliance: A Strategy for Nuclear Security. Wash., D. C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005, p. 159–169.

¹⁷ О соотношении сил между Индией и Пакистаном см., например: *Сотников В.И.* Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. М.: Научная книга, 2003; *Шилин А.А.* Стратегический баланс в Южной Азии. М.: Научная книга, 2004.

¹⁸ *Srivastava S.* Indian jet purchase hangs on nuclear deal // Asia Times Online. www.atimes.com (13,04,2006).

¹⁹ Ядерное противостояние в Южной Азии, с. 27.

²⁰ *Hoodbhoy P., Mian Z.* The India-Pakistan Conflict — Towards the Failure of Nuclear Deterrence. www.gakushuin.ac.jp/~881791/hoodbhoy/Deterrence.pdf. Несомненную опасность представляет и получившая хождение среди военных кругов в Индии концепция «ограниченной войны» с Пакистаном. Ее критику см.: *Tarapore A.* Holocaust or Hollow Victory: Limited War in Nuclear South Asia. www.ipcs.org/IRP06.pdf.

²¹ Это отмечает, в частности, Н.А. Симония. См.: *Симония Н.* Нефть в мировой политике // Международные процессы. Сентябрь-декабрь 2005. Т. 3. № 3 (9), с. 7.

²² IPI Deal close, says Aziz, wvsw.dawn.com/2007/02/19/top5.htm.

ЮЖНАЯ АЗИЯ 2012 – 2020: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ РОССИИ*

Республика Индия, вторая по численности населения страна мира, представляет собой стержневой, центральный компонент Южной Азии. На северо-западе она граничит с Пакистаном. На индийских картах, где вся область Джамму и Кашмир обозначена как принадлежащая Индии, она имеет общую границу и с Афганистаном. На северо-востоке, вдоль Гималайских гор, ее соседями являются, помимо Китайской Народной Республики (Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные районы), небольшие региональные государства Непал и Бутан, южнее — Бангладеш и обычно относимая к Юго-Восточной Азии Мьянма. Островные государства Шри Ланка и Мальдивы можно считать «морским» продолжением Южноазиатского региона.

Наиболее значим для России с геополитической точки зрения — северо-западный региональный сегмент, включающий Пакистан и Афганистан и выводящий на Центральную Азию — регион, особо важный для нас, пограничный с Сибирью и Урало-Поволжьем. Основные российские перспективы видятся в стратегическом взаимодействии с Индией, торгово-экономическом сотрудничестве с другими государствами региона, а риски, обусловлены вероятной дестабилизацией обстановки на северо-западе Южной Азии, способной «перекинуться» на центральноазиатские республики.

Вторая группа рисков связана с обострением отношений между Индией и Пакистаном, в предельном варианте, военной конфронтацией с не исключенным в принципе применением ядерного оружия. Еще одна угрожающая сфера — гуманитарно-экологическая.

* Внешняя политика России 2000–2020. Научное издание в 3 томах. Том 1. Российский совет по международным делам / Главный редактор И.С. Иванов. М.: Аспект пресс, 2012, с. 165–178.

Помимо стихийных катаклизмов и катастроф, сюда можно отнести проблему пиратства в северной акватории Индийского океана.

Перспективы Индии

В соответствии с опубликованными прогнозами на ближайшие 20 лет, экономика Индии будет увеличиваться в среднем на 7–7,5% в год. Ее доля в мировом ВВП (валовом внутреннем продукте) увеличится с 5,4% в 2010 г. до 7,2% в 2020 г. ВВП Индии составит свыше 8 трлн долл. (в ценах 2009 г.) по паритетам покупательной способности (3-е место в мире) и около 3 трлн. по курсу валют (6-е место)¹. Быстрый экономический рост будет со стороны спроса обеспечен как ростом платежеспособных потребностей населения и производственного сектора, так и увеличением внешнего рынка для индийских товаров и услуг.

В структуре экспорта продолжится рост доли высокотехнологичной продукции, прежде всего информационно-коммуникационной сферы. Индия увеличит отрыв от многих развивающихся государств в области развития электроники и особенно компьютерного «мягкого продукта», в программировании и услугах, связанных с использованием мировой «электронной паутины». Еще больших размеров достигнет «аутсорсинг», оказание по Интернету дешевых и квалифицированных услуг работающих в Индии «на экспорт» специализированных компаний (крупнейшие — Тата консалтенси, Инфосис, Випро и др.). Продолжится наблюдающийся с 2000 г. быстрый рост информационно-технологического (ИТ) сектора. Доля ИТ в экспорте товаров и услуг возрастет с 18% (70 млрд долл.) в 2012 г. до, вероятно, 30% в 2020 г. В целом в экспорте увеличится удельный вес высоко-и среднетехнологичных товаров: моторов и генераторов, телефонной аппаратуры, научно-измерительных приборов, лекарственных препаратов, медицинской техники, химикатов, машин и оборудования².

Прорыва можно ожидать в аэрокосмическом комплексе, связанном с Оборонным промышленным комплексом (ОПК). В энергетической области возрастет доля атомной энергетики и других нетрадиционных видов энергии, но прогресс не будет иметь, в силу ряда причин, кардинальный характер — доля атомной энергии в общем энергопотреблении вырастет ориентировочно с 4 до 6–7%³. Исключительные задачи Индии предстоит решить в отраслях мате-

риальной инфраструктуры — строительстве автомобильных дорог, развитии портового хозяйства, газификации и электрификации страны. Не будет преодолен дуализм экономики, ее разорванность на организованный сектор, в том числе наиболее крупный корпоративный (частный и государственный), и нерегулируемый сектор предпринимательства и рынка труда.

Существенно увеличится численность населения, несмотря на некоторое снижение ежегодных темпов его прироста до примерно 1,5% (с 1,7% в период между переписями 2001 и 2011 гг.)⁴. К 2020 г. в Индии будет проживать свыше 1,35 млрд чел., примерно на 150 млн больше, чем в 2012 г. Возрастет доля бедных, которая, по разным критериям, составит 25–40% (свыше 300–500 млн человек). Сохранится неграмотность, охватывающая примерно треть всего населения и около половины женского. В то же время дальнейшему совершенствованию подвергнется сфера высшего и специального образования, система подготовки и отбора кадров на фирмах и в ходе производственного процесса, обмен специалистами между Индией и высокоразвитыми экономиками⁵.

Мало сомнений, что вырастет разница между доходами богатых и бедных, увеличится разрыв между качеством и стандартами жизни в городах, особенно крупнейших городах-мегаполисах, таких как Дели, Мумбаи (Бомбей), Колката (Калькутта), Ченнаи (Мадрас) и др., и в сельской местности. Полюса роста и современных стандартов жизни в полной мере сложатся в информационно-технологических лидерах — городах Бангалоре (индийской Кремниевой долине), Хайдерабаде, Пуне и др. Продолжится расширение разрыва между более богатыми западными штатами страны (Махараштра, Гуджаратом) и более бедными восточными — Бихаром, Джархкандом, Ориссой, Западной Бенгалией и др. На этом фоне властям вряд ли удастся полностью справиться с террористическими группировками маоистов-наксалитов. Может обостриться внутриполитическая ситуация как на юге страны, в штатах Андхра-Прадеш и Тамилнад, так и на севере, в штате Джамму и Кашмир. Уровень внутреннего противостояния, тем не менее, не станет критически высоким и не подорвет консолидированности индийской нации.

Кооперация России и Индии.

Сложности внутренней политической архитектуры Индии могут сказаться на сотрудничестве в такой, казалось бы, перспек-

тивной отрасли, как ядерная энергетика. Пример сопротивления части местного населения, находящегося под воздействием определенных общественно-политических сил, вводу в эксплуатацию АЭС в Куданкуламе (штат Тамилнад) показывает, что сотрудничество в области мирной ядерной программы даст менее существенные результаты, чем рассчитывали обе стороны. К 2020 г., надо полагать, завершатся работы по сооружению АЭС «Куданкулам» (мощностью 4000 МВт), в начальной или продвинутой стадии будет находиться сооружение двух других согласованных АЭС.

Значительно увеличатся к концу 2010-х годов взаимные инвестиции. Индия к тому времени превратится в экономику с достаточно крупными капиталовложениями за рубежом. В России она расширит свое участие в нефтегазовом секторе (Сахалинских проектах), в индустриальной и сервисной (банковской и страховой) сферах. Стороны продвинутой по пути согласования и реализации проектов использования природных и минеральных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Российские компании, вероятно, вложат средства в нефте- и угледобычу, сооружение тепло- и гидроэлектростанций, добычу газа на шельфе Бенгальского залива, в металлургию (индийскими планами предусмотрено многократное увеличение производства стали). Российские фирмы, возможно, окажут содействие в строительстве метрополитенов и аэропортов в ряде городов, развитии портового и речного хозяйства, модернизации железных дорог. Двустороннее сотрудничество в сфере гражданской авиации увенчается созданием новых пассажирских лайнеров. Значительные результаты принесет совместная работа частных и государственных организаций в передовых научно-технических областях.

Эти достижения будут достигнуты в условиях жесткой конкурентной борьбы за право выхода на рынок Индии и сотрудничества с ее фирмами. Российской стороне придется отказаться от прежних стереотипов об Индии как о «нации-ученике» и признать за ней статус обладателя передового опыта и эффективных знаний в ключевых для современной индустриально-информационной эры отраслях. Большое значение для России будет иметь использование индийского опыта подготовки и отбора кадров, внутрифирменной организации и ведения бизнеса.

Перспективным, но и достаточно проблематичным может оказаться взаимодействие в традиционно наиболее успешной воен-

но-технической области. Требования индийской стороны к качеству и надежности закупаемой в России военной техники будут возрастать. Недостатки в этой сфере, новые задержки с выполнением крупных заказов, таких как работы по переоборудованию и модернизации тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Горшков», названного индийцами «Викрамадитья» («Победоносный»), могут повлечь за собой отказ от ряда наработанных схем закупки и использования российского вооружения. Скорее всего, произойдет дальнейшая диверсификация источников пополнения и усиления арсенала индийских ВС, частичная переориентация Индии с советско/российских на американо-европейские стандарты. Вместе с тем, абсолютное преимущество РФ в сфере военных поставок сохранится. Хорошие перспективы сохранит совместная экспериментально-конструкторская и производственная деятельность. Она охватит, в частности, область совершенствования и расширения диапазона действия крылатых ракет «Брамос», разработку истребителей пятого поколения на базе экспортной версии истребителя Т-50. Завершится создание многоцелевого военно-транспортного самолета, модернизация индийских истребителей СУ-30МКИ и МиГ-29. Россия поставит индийским ВМС боевые корабли и подводные лодки, в том числе атомные. На вооружение ВВС поступят партии усовершенствованных военно-транспортных вертолетов МИ-17. Индия, по всей вероятности, не откажется от использования и совместного развития российской навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, пойдет на реализацию других совместных проектов в космической области.

Большие перспективы открылись бы перед Россией в случае успеха в наращивании тоннажа и модернизации торгового и военно-морского флотов. Индийский океан имеет сегодня и сохранит в будущем первостепенное значение для транспортных путей, соединяющих богатый нефтью Ближний Восток (а также Африку) с Китаем, Японией и всей Тихоокеанской Азией. На него ныне приходится 50% мировых контейнерных перевозок и более 70% мировых перевозок нефтепродуктов⁶. Стратегическое значение Индии и государств, образующих «морское продолжение» Южной Азии к 2020 г. серьезно возрастет и укрепление связей с ними органично впишется в программу обеспечения национальных интересов России на дальних рубежах.

Перспективы Бангладеш, Непала, Шри Ланки и возможности сотрудничества с Россией

Народная Республика Бангладеш — крупнейшее по населению государство мира из входящих в число самых бедных по душевому доходу. В дельте великих рек Ганга и Брахмапутры сложилась аграрная (рисопроизводящая) «экономика существования», давшая возможность выживать большому числу людей на территории в 145 тыс. кв. км Бангладеш относится к восточному, наименее развитому сегменту Южной Азии, ее население может вырасти к 2020 г. до 180 млн человек. Несмотря на исключительную плотность (уже сегодня это более 1000 чел. на 1 кв. км) и крайне низкие доходы основной массы населения, средняя ожидаемая продолжительность жизни в стране неуклонно растет, превышая ныне 69 лет. Маловероятно, что в прогнозный период ситуация существенно изменится, но потепление климата может вызвать опасные для страны последствия в виде разрушительных наводнений. Бедность обуславливает низкую цену рабочей силы и делает Бангладеш привлекательной для иностранного капитала. Иностранцы и местные предприниматели вкладывают средства главным образом в производство готовой одежды, где трудятся по преимуществу молодые женщины. Дешевая продукция из Бангладеш вывозится в США и Европу по установленным для страны квотам.

Острой для Бангладеш проблемой является нехватка электроэнергии. Россия в 2011 г. подписала соглашение о строительстве в Рушпуре, недалеко от столичного города Дхака (Дакка), АЭС мощностью в 2000 МВт. Окончание стройки намечено на 2016 г. В период до 2020 г. РФ может также принять участие в освоении богатых угольных и газовых месторождений, сооружении тепло-и гидроэлектростанций, модернизации главного порта страны — Читтагонга.

«Возвращение» России в Бангладеш произойдет вполне возможно одновременно с оживлением ее контактов с другим давним партнером — Шри Ланкой. Окончание длившейся четверть века (1983–2009) гражданской войны открывает перед шриланкийской экономикой определенные перспективы. Однако травма повлекшего тяжелые жертвы подавления вооруженного сопротивления представителей тамильского меньшинства еще долго будет негативно сказываться на жизни в стране. Можно прогнозировать расшире-

ние торговли России с Шри Ланкой и ее участие в программах инфраструктурного развития.

Менее болезненно завершилась многолетняя борьба экстремистов в крайне бедном высокогорном Непале. Леворадикальные повстанцы (маоисты), активно выступавшие в 1996–2008 гг. против правительства, были не разгромлены и ликвидированы, как случилось с боевиками в Шри Ланке, а влились в политическую жизнь страны, победили на выборах и одно время возглавляли правительство государства, преобразовавшегося из королевства в республику. Для России возвращение в Непал может быть связано, прежде всего, с содействием в освоении гидроресурсов.

Пакистан и Афганистан. Перспективы, возможности и риски

Экономика Пакистана, по одной из оценок, будет увеличиваться в среднем на 4–5% в год, произойдет повышение места страны в мире по производимому ВВП, формирование среднего класса и сокращение бедности⁷. Такой взгляд представляется слишком оптимистическим, учитывая исключительно быстрый демографический рост и нарастающие экологические проблемы. По предварительным результатам последней переписи, число жителей в Пакистане между 1998 и 2011 гг. в среднем возрастало на 3,5% в год⁸. Такой темп более чем на полтора процентных пункта выше распространенных оценок. При его сохранении число жителей между 2012 и 2020 гг. увеличится с 198 до 250 млн человек. Даже если темпы роста окажутся менее драматичными, экономическая эволюция Пакистана будет отягчена перенаселенностью и возрастающей нехваткой пресной воды. Уже сегодня на одного человека в Пакистане приходится менее 1000 кубометров воды (такой уровень считается критическим). Стране угрожает социо-экологический кризис, способный вызвать катастрофу в засушливые годы.

Грамотность в Пакистане охватывает несколько более половины жителей (всего треть женщин) и положение в будущем вряд ли заметно изменится. Несмотря на определенное развитие, которое получило в Пакистане высшее образование, в том числе техническое, он, в отличие от Индии, не нашел высокотехнологичную нишу в мировом разделении труда. Спрос на услуги ученых, инженеров и техников предъясвляет главным образом военно-промышленный,

особенно ракетно-ядерный комплекс. Большинство выпускников пакистанских университетов и колледжей стремится уехать за границу. Возникновение сильного среднего класса в недалекой перспективе представляется проблематичным.

Вместе с тем, Пакистан вряд ли распадется на несколько государств и сумеет сохранить контроль над окраинными областями⁹. Но вероятен дальнейший сдвиг его внутривнутриполитической оси в сторону радикального «исламо-национализма», чреватый превращением страны в очаг экстремизма во всем мусульманском ареале. Затрудненный рост экономики и политическая разбалансировка может привести к новому витку жесткого противостояния с Индией при паритете с ней в ракетноядерном вооружении. Триггером возможного конфликта окажется терроризм и обострение кашмирской проблемы.

С целью уменьшить региональную напряженность и сбалансировать свою политику в Южной Азии Россия, очевидно, усилит экономическое взаимодействие с Пакистаном, поможет ему, в частности, в сооружении ниток газопровода из Ирана и Туркмении. Предусмотренное первоначальными планами строительство трубопроводов ИПИ (Иран–Пакистан–Индия) и ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия) может реализоваться лишь к концу прогнозного периода или позднее. Россия, вероятно, примет участие в реализации проекта CASA-1000 по передаче излишков электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана в Афганистан и Пакистан. Не исключено осуществление и иных проектов сотрудничества, в частности, расширение метзавода близ Карачи, а также взаимодействие в сфере безопасности с растущим использованием потенциала ШОС (Шанхайской организации сотрудничества) и «Душанбинской четверки» (Россия, Таджикистан, Афганистан, Пакистан).

Будущее Афганистана, где с 2001 г., после разгрома сил исламского движения Талибан, обосновались войска США и их союзников по НАТО (Англии, Канады, Голландии, Франции и др.), ныне связано с планами Вашингтона и Брюсселя до конца 2014 г. передать полную ответственность за поддержание безопасности и порядка национальным афганским силам (армии и полиции). Сокращая свое военное присутствие в Афганистане, Запад надеется избежать

стратегического поражения от исламских экстремистов, опираясь на программы международной экономической поддержки.

Экономическое восстановление Афганистана после десятилетия кровавой междоусобной войны дало определенные результаты. Однако из-за «возрождения» талибов, произошедшего на территории Пакистана в середине 2000-х годов, процесс замедлился. При этом обнажились негативные спутники стимулируемого извне роста экономики — разбазаривание поступающих средств еще на «подступах» к Афганистану, хищения и злоупотребления внутри страны. Вызванное присутствием иностранцев и медленными переменами к лучшему недовольство населения усилило позиции талибов и оппозиционно настроенных сил.

Развитие событий после передачи полномочий по обеспечению порядка в руки нынешних афганских властей может развиваться по двум основным сценариям. Первый из них — **конструктивный** — состоит в сохранении существующих форм государственности при проведении президентских и парламентских выборов, экономическом росте, сокращении производства наркотиков. На первых порах порядок будет во многом обеспечиваться присутствием остаточного контингента американо-натовских войск. При этом возможно произойдет некоторое увеличение представительства во властных структурах пуштунов, прежде всего из числа бывших талибов, примирившихся с нынешним руководством. В то же время администрация в Кабуле не будет активно вмешиваться в дела непустунских регионов на севере, в центре и на западе страны.

Второй сценарий — **катастрофический** — исходит из провала попыток сохранить равновесие и стабильность в государстве, если не на первых этапах после передачи полномочий по обеспечению правопорядка местным силам, то на более поздних, когда численность иностранных войск еще более сократится, а объемы помощи уменьшатся. Тогда (после 2016–17 гг.) может развернуться разъедающая порядок борьба за власть, ведущая к реваншу талибов и фактической фрагментации и дезинтеграции страны.

Катастрофический сценарий угрожает безопасности и стабильности в Центральной Азии. Он неминуемо вызовет там подъем происламских сил и настроений, усилит вовлеченность стран региона в дела Афганистана и приведет, возможно, к обострению противоре-

чий между ними. Усугубятся проблемы наркотрафика и связанной с ней коррупции, а также иной криминальной деятельности. Не исключено появление в регионе беженцев из Афганистана, формирование неспокойного приграничного пояса.

Обострение ситуации в Южной Азии и ее разбалансировка в ЦА относится к числу серьезных опасностей для России. Она будет стремиться уменьшить их мерами противодействия военно-политическим угрозам, терроризму и религиозному экстремизму, используя двусторонние механизмы кооперации и взаимодействуя с международными структурами, в первую очередь региональными, такими как ШОС и ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности)¹⁰.

Возможности и риски для России в целом уравниваются друг друга. Можно ожидать некоторого увеличения к 2020 г. значимости Южноазиатского вектора в спектре ее региональной политики за счет, прежде всего, связей с Индией, а также Афганистаном и Пакистаном в контексте широкой стратегии безопасности в континентальной Азии.

Примечания

¹ Стратегический глобальный прогноз 2030 / Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011, с. 406, 461–462, 465, 472.

² India's International Trade. A Tech Segregated Perspective; India clocks \$ 69,7 billion IT exports during FY 2011–12 (Electronic versions).

³ Стратегический глобальный прогноз 2030, с. 407.

⁴ Census pegs India's population at 1,2 bnV/www.indianexpress.com/story-print/769703/Agencies Posted Online Thu Mar 31 2011.

⁵ Training: the secret of India's high-tech success (Electronic version).

⁶ Стратегический глобальный прогноз 2030, с. 256.

⁷ Стратегический глобальный прогноз 2030, с. 410–411.

⁸ Khan F.S. Population shoots up by 47% since 1998 // The News. Lahore, March 29, 2012 (Electronic version).

⁹ О вероятности потери контроля см.: Мир вокруг России 2017. Контурь недалекого будущего. М.: СВОП, 2007, с. 146.

¹⁰ Подр. см.: Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011, с. 453–454.

**SOUTH ASIA'S WESTERN TRIBAL REGION:
LIMITS TO KNOWLEDGE***

Introduction

South Asia is commonly considered a region which includes seven countries: India, Pakistan, Bangladesh, Nepal, Sri Lanka, Bhutan and the Maldives. Afghanistan, though it has recently become (since 2006) a full member of the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC), does not usually constitute a part of the region. Because of that, Pakistan in this paper is usually treated as the western-most country of the region, and the South Asian tribal area is confined to the territories of this country inhabited by the Pashtun (Pushtun) and Baluchi (Balochi) tribes.

Strictly speaking, as both the Pashtun and Baluchi belts extend from Pakistan westward to Afghanistan and Iran, the western boundary of South Asia should be drawn somewhere there. But in this logic a doubt arises of whether this tribal territory belongs to South Asia at all. Topographically, the South Asian western border belt can be easily identified as coinciding with the Indus plains while the hilly and desert tracts to the west from the plains belong to another geographical and cultural region which can be named West or South-West or even Mid-West Asia. And then a broad tribal area of some 800 000 square kilometers emerges as the habitat of the Pashtun and Baluchi tribes encompassing a large area of Pakistan plus the southern and eastern provinces of Afghanistan and the Iranian province (ostan) of Seistan and Baluchistan.

* EXEMPLAR. The Journal of South Asian Studies Association. Vol. 2. No 1. Spring 2013, p. 15–28.

Notwithstanding this observation, I would concentrate chiefly on Pakistan's tribal areas, touching upon only few issues pertaining to Afghanistan, particularly its Pashtun region. It should be mentioned that, historically, the center of the Pashtun tribal area was located in Afghanistan and, geopolitically, both territories have recently become very closely tied while on the ground the Pashtun region often overlaps the contemporary state frontiers. As for the Baluchi area its demographic center lies in Pakistan and is discussed by me chiefly in respect to the situation in this country. To be precise, the Baluchi area is constituted not only by Baluchi but also by the Brahui tribes. The Brahuis constitute a separate population from the linguistic point of view but identify themselves fully with Baluchis.

Summing up, the tribal belt of a bigger South Asia consists of two intertwined parts, an extended Pashtun and Baluchi territories. I will not deal with the Kashmiri north-western part of the region which has its own composite structure and specific features.

It should be mentioned in parenthesis that certain elements of tribal, agnatic, patrilineal system (married women retain affiliation with the parent's clan) exist among almost all ethnic quasi-primordial groups inhabiting the western areas of extended South Asia, be it the *biradaris* among the Jats and Rajputs of the Punjab, the Sindhi clans, or the Tajik *avlods*. But it is manifested and maintained most clearly by the tribes belonging to the Pashto and Baluch (Baloch and Brahui) speaking communities.

As in this paper the region is confined chiefly to the area inhabited traditionally by the Pashtuns and Baluchis of Pakistan, a clear-cut picture may be helpful on regard to the constituent parts of the area. Administratively it consists of two provinces, that is, Baluchistan (Balochistan) and the former North-West Frontier Province which was renamed as Khyber-Pakhtunkhwa (KP) in 2010. Of especial interest is the middle belt of the Pashtun territory called the Federally Administered Tribal Area (FATA). It is comprised of the most hilly rugged region inhabited by the so-called independent tribes and divided into seven Political Agencies, namely (moving from north to south) Bajaur, Mohmand, Khyber, Orakzai, Kurram, North Waziristan and South Waziristan.

The topicality of the problem discussed in the paper seems obvious as from the scholarly point of view it is one of the few more or less intact tribal zones in Asia. The Pashtun tribal system is probably

the largest and most coherent in the world. Pashtun tribes since long attracted intense attention and curiosity while their origin is now widely discussed and debated in connection with their putative Jewish roots.

From the practical or political point of view the region is of profound importance these days as it continues to be the safe haven of militants and religious extremists, the major hotbed of internal conflict and international military and peace-keeping operations.

The paper is divided into three parts. In Part I the main sources of our knowledge about the tribes and tribal areas are briefly mentioned and discussed. Part II is dedicated to certain issues of the inadequate knowledge which we have about the tribal areas and the contemporary state of affairs there. Part III further elaborates some problems which the present day scholarship faces with understanding social and political realities in the region and deals predominantly with the Pakistani areas and the Pashtun and Baluchi nationalism there.

Knowledge

About the history of Pashtuns and Baluchis (of the latter to a lesser degree) we know presumably a lot. There exists the two centuries tradition of studying the tribal societies of the region by the outside observers. The process began in the very beginning of the nineteenth century with the pioneering work by a high ranking British colonial administrator Mountstuart Elphinstone 'An Account of the Kingdom of Caubul' (1) That was a treatise prepared after his visit to Afghanistan at the head of the first mission to the court of the Kabul ruler Shah Shuja, and contained a description of major tribes inhabiting the country, some notes on the history of Afghanistan and the areas (the Tartary) to the north of the boundaries of the Kabul Emirate. It is of interest that the account of the tribes mentioned in the book resembles to a considerable extent the concurrent and the present day nomenclature of major tribes and their places of living

In the 1820s the director of the Asian Museum in St Petersburg Dr. Bernhard Dorn translated from Persian the work compiled by a chronicler at the court of the Mughal emperor Aurangzeb named Nimatullah *Makhzan-i-Afghani* (History of Afghans). The book contained the putative genealogy of Afghans (Pashtuns) beginning with the legendary ancestor of all Afghans Kais bin Rashid and the lineages

of the tribes traced to his four sons. In the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth century a contribution to the knowledge of the Pashtun and Baloch borderlands was made by a number of colonial officers and professionals like H.W. Bellew, T.L. Pennell et al.².

In the second half of the twentieth century after the creation of Pakistan some social anthropologists and ethnographers started their work in the region. The major contribution was made by a Norwegian Dr. Fredrik (Frederick) Barth who published his oft-quoted study of the Pashtuns of Swat in 1959 and several articles on the Pathan-Baluchi boundary in the first half of the 1960s³.

A decade later another anthropologist became widely known who was a Pakistani Akbar S. Ahmed. He began his research being a Political Agent in the Tribal Areas. The most important work published by him in 1980 was based on the studies of the Mohmand tribe occupying territory on both sides of the Durand Line. Before that, he published a number of articles and books on the Pashtuns or Pathans (a synonym widely used in India and elsewhere) of the border region⁴. Some works of importance were after that written by European specialists like Richard Tapper, Bernt Glatzer and others, though they were to a considerable extent based on the secondary material⁵. One of the few exceptions is the field study of Pakistani Pashtuns by an American anthropologist Charles Lindholm done in late 1970s⁶. Generally the conditions were not favorable for conducting field research in the border regions of Pakistan and Afghanistan in the 1990s and 2000s. Some field work was made after the end of the Taliban rule in 2001 although the bulk of the research was mainly restricted to interviews and observations by scholars or journalists. To prove this point I shall quote from the preface to the 2007 edition of the American Tribal Analysis Center publishing studies done by the Peshawar University Area Study Center: 'Swat, for example, has become so dangerous that Frederick Barth's studies only could be repeated at the risk of the investigator's life'⁷. Similar conditions exist in the Federally Administered Tribal Areas (FATA) and beyond the frontier, known as the Durand line, in Afghanistan.

Let me pass now to mention very briefly what we do know about the Pashtun tribal system. It is acephalous, democratic in a primitive, primordial sense. All 'real' Pashtun grown up males treat themselves as equal, the respect is paid traditionally to the elderly wise men, the white bearded, *speen giri*, but these elders are not usually leaders in all matters and for all purposes, as the influence and power are shared

and the Jirga of the elders or of all the male members in a smaller tribal community is the decision maker or arbiter based on the oral traditions known in a codified way as *Pashtunwali* or *Pakhtunwali*⁸. The code is complex and varies, to some extent, from one locality to another but the major principles are *badal* — revenge, vendetta, *melmastia* — hospitality, and *nanawati* — pardoning an offender in case he accepts the guilt and damage done⁹. The overpowering principle is *gairat*, honor, associated closely with the dictum of male integrity and independence, and female chastity and modesty.

The most important political institution among the Pashtun tribes is Jirga as an assembly, a party, which meets for consultation. The Jirgas assemble in a hujra (village guest house) or a village mosque or in an open field outside the village.

The Jirga exercise both judicial and executive roles to settle all disputes concerning the distribution of land, properties, blood feuds etc.¹⁰.

Two types of Pashtun tribes are usually singled out. **Nang** (meaning honor) type correspond more to hill tribes observing strictly the ideal Pashtun code of behavior. They mostly inhabit the genuine present day core of the Pashtun region, that is, FATA and the adjacent Afghan border territories. Another **qalang** (tax or tributary) type is characterized as not strict in *doing Pashto*. The *qalang* tribes are commonly despised by the *nang* tribes as they are dependent on non-Pashtun social environment, pay taxes and accept regular subsidies, thus being not independent from an outside authority. The *qalang* tribesmen reside chiefly in the so called settled districts of the frontier province of Pakistan (Khyber-Pakhtunkhwa) and in the similar parts of Afghanistan conducive for combining sheep and goat breeding with agriculture, partly irrigated, in the plains and river vales.

The *qalang* communities may be characterized as being in an initial stage of detribalization. They are the main source for partly or wholly detribalized Pashtun living in small and larger towns, aspiring for education and work in the outer world, actual and potential emigrants forming part of the temporary labor force working in the non-Pashtun areas of Pakistan and abroad mainly in the Gulf.

While the mountainous Pashtuns are patriarchal and primordially democratic, building up their organizational structure from below to above, the great masses of Pashtuns residing in the plains and vales between the mountain ranges have to a greater extent lost their

primitively democratic nature. Since the formation of the Afghan tribal empire-state in the middle of the eighteenth century the Afghans are loosely divided into two big tribal confederacies of a centralized nature, namely the Durrani (originally Abdali) and Ghilzai¹¹.

Associated with sometimes rather vague remnants of these entities and partly superseding them there exist now more than 50 big tribes, each divided into subtribes, clans and sub clans. The total number of all these entities in both Pakistan and Afghanistan is estimated to be around 400. Among well known tribes, I can mention, for example, such mountainous independent tribes as Afridi, Mohmand, Mehsood, Wazir, Zadzi, Zadran, Mangal, Shinwari etc. Self-identity and integrity of these tribes are based on the perceived genealogy but as an exception to this rule we have tribes or groups of tribes named after localities like Wardak, Khosti or Khostwal in Afghanistan, Marwati, Bunerwal in Pakistan¹².

In the studies of Baluchis the scholarly tradition is not so deep and extensive. The most important contribution to the field in the contemporary (post Second World War) period was made by a known American anthropologist Sylvia Matheson as well as by R.N. Perhson and P. Titus¹³.

Unlike the Pashtuns, the Baluchi tribes are cephalous or autocephalous, organized from above to bottom in a hierarchical manner. The highest level is *tuman* led by a tumandar or Nawab. Tumans are divided into clans, *paras* led by a chief (*mukadam*). Paras are further divided into sub clans (divisions) called *palis* (*phallis*) and led by a headman, sometimes named *wadera*. Palis may be divided into big family groups led by an elder, who may be known as *motabar*. Tribe, clan or division heads are often referred to as Sardars¹⁴.

Tuman is a separate tribe. The total number of them has been changing with the passage of time and, according to some sources, is now equal to 24. The most known are the Bugti and Marri (Baluchi) tribes. They are the largest tribes with deep traditions of resistance to the outside authority, whether British or Pakistani. On the other hand, we have the Raisani, Jamali, Magsi tribes of a traditional proauthority inclination of their elite.

In between the northern (eastern by dialect) Baluchi tribes of the so-called Suleimani group (residing traditionally in the region adjacent to the Takht-i-Suleiman or Suleiman range) and the southern (western by dialect) tribes called Makrani, or coastal, we find Brahui

tribes occupying the central parts of the Baluchistan province. Their language is Dravidian, therefore they inherit the language of the Dravids once inhabiting the entire India. Physically (anthropologically) they are considered to be of Turko-Iranian extraction. The Brahuīs, as mentioned above, identify themselves as Baluchis. The family of the former Khan of Kalat, who supervised other princely states in Baluchistan (Kharan, Makran and Las-Bela), was Brahui by mother tongue. Many Baluchis and Brahuīs are bilingual or trilingual. They often use Seraiki as their household language. The most populous Brahui tribe is Mengal. Its leaders used to play a vanguard role in the Baluchi national movement.

Several Baluchi tribes are found in the southern provinces of Afghanistan (Nimroz, Helmand) They are mostly nomads preserving traditional way of living. In comparison with the rather miniscule Afghani Baluchis, the Iranian Baluchis are greater in number and importance. Some of the Baluchi tribes, like Naushervani, live on both sides of the Pakistani-Iranian border.

A significant difference between the Pashtun and Baluchi tribal systems lies in the customs of adoption studied by F. Barth and some other anthropologists. This distinction was known to the first generation of researchers. In a review published as far back as 1912, A. Baines wrote: "Amongst the Pathans the tribe is more closely knit, and the bond is kinship in the male line. As amongst the Baluch, however, strangers are admitted to qualified membership, tending, in time, to be treated, by fiction, as kinship"¹⁵. The difference can be easily explained by the dissimilarities in the habitat and ways of earning means for survival. The Pashtuns usually were cautious in taking responsibility for those seeking their constant protection, although with the expansion of their writ and power the number of so called '*hamsaya*' (literally, 'living under one's shadow') had been on increase. What mattered for the Baluch was their fighting strength. The biggest Baluchi Marri tribe (tuman) included into their ranks the clan of Bijarani well known for being of Pashtun origin. Through the liberal policy of absorbing and adopting, the Marris have grown to be one of the most powerful tribes among the Baluchis¹⁶.

Inadequate knowledge

The present day demographic picture is one of the major elements of inadequate knowledge. And its importance lies in the projection of

the numbers of people on politics, primarily on the most demanded assessment of the strength and perspectives of the Pashtun nationalism. The lack of established and widely accepted figures is compensated by certain estimates and guesses. The most important fact following from the analysis of them is that the majority of the Pashtuns reside now not in Afghanistan but in Pakistan. It was not so until the 1960 and 1970s. The faster demographic growth in Pakistan due largely to the effect of the huge man-made irrigation system in the Indus Valley and comparatively better living conditions affecting the death rates in two countries resulted in the faster growth of overall population in Pakistan and its Pashtun population as well. According to the latest estimates about 180 million people reside permanently in Pakistan and 30 million in Afghanistan. The Pashtun population constitutes around 15% of the Pakistani population or 27–28 million.

There are different assessments of the percentage which constitute the Pashtuns in Afghanistan. The most accepted guess for the Pashtun population of Afghanistan is 40–42% which gives the figure of 12–13 million. The correlation is exactly 2 to 1 in favor of Pakistan while the overall number of Pashtuns comes up to be around 40 million¹⁷.

The majority of the Pashtun (proper Afghan) population in Afghanistan is settled in the south (Durrani tribes) and the east of the country (Ghilzai tribes). Some Pashtuns traditionally reside in the south-west, near Herat (the Durrani clan of Nurzai etc.) and some in the northern part, mainly in the province of Kunduz.

In Pakistan around 4 million inhabit the FATA (2,5% based on the data of the latest population census of 1998) and about 18 million reside in the former North-West Frontier now Khyber-Pakhtunkhwa province (according to the 1998 census, 13% of the total Pakistani population live in this province out of whom 75% are Pashtuns). Approximately 5 million of Pashtuns inhabit the northern region of Baluchistan province, and 3–4 millions are found in some major cities especially in Karachi, the biggest city (megapolis) of the country. Karachi can be considered nowadays to be the largest Pashtun city in the world¹⁸.

The number of Baluchis together with Brahuīs in Pakistan exceeds 10 million. Out of this population about 7 million reside in the province of Baluchistan while the rest can be found in the southern districts of Punjab and in the rural and urban Sind. The largest and oldest Baluchi settlement in the city of Karachi is Lyari, along the banks of the river close to the central quarters of the megapolis¹⁹. A considerable number

of Baluchis some 2–3 millions reside in Iran and less than a million, presumably, in Afghanistan.

According to L.Rzehak, the distinction between Pashtun and Baluch in Afghanistan, is sometimes very smooth. Some groups are referred to as Afghan-(Pashtun)-Baluch. These are splinter groups of Pashtun origin which were incorporated into Baluchi tribal organizations or, alternatively, groups of Baluch origin adopted by Pashtuns²⁰.

Apart from demography and precise location of the tribes, not adequately known are the contemporary living conditions in the tribal region of South Asia. We can only guess about the conditions on the ground as they seem to be thoroughly disturbed by the events of the recent more than 30 years of uninterrupted internecine war complicated by the presence of foreign troops. Well known is the fact that the production of poppy has become a considerable, in many cases decisive source of income for the peasantry of the Pashtun south of Afghanistan, primarily the provinces of Helmand and Kandahar. Another factor of significance for such parts of the region as the FATA and neighboring territories of Pakistan was migration in search of temporary work to the Middle East.

The restoration of the norms of life prevailing in Afghanistan before the April (Saur) 1978 revolution which had led to abrupt and rude social upheaval and years of hardship and internal displacements, was slow since 2001 and uneven in different regions of the vast and topographically highly fragmented country. The process of returning home from exile was far from complete and an estimated 1,5 million of Afghans (predominantly Pashtuns) are still in Pakistan with the majority among them living in the FATA²¹.

The life in major cities and commercial towns under the official Kabul authorities and their outside (US and NATO) protectors had restored rather quickly, and acquired definite new modern features. While rural living conditions continue to be largely determined by archaic forms of production and administered by traditional local forces and old domineering groups of interest overlaid and challenged by growing networks of radically pro-Islamic, fundamentalist Taliban and the like minded forces which rely upon income from drug production, various other illicit activities and money of donors and supporters from outside.

The military impasse for the allied forces in Afghanistan made them think of prospects of a retreat²². Since 2009, when the US administration announced plans to withdraw the bulk of its combat

troops from Afghanistan, the Taliban, headed by the former head (*Amir-ul-Momineen*) of the Islamic Emirates of Afghanistan (1996–2001) Mullah Omar seemed to bide time in the expectation of the withdrawal of the foreign forces. By 2012, they seemingly agreed to talks with the US representatives which can be a good or bad signal for the future of the country as it might lead to gradual reconciliation and consolidation of the nation or to the new stage of fratricidal war.

One of the most important questions in connection with local communities is the extent to which the tribal system still holds. It can be ascertained from some recent publications that, although the tribal organizational and value systems retain their significance, many things have changed. Foremost is the diminished power and influence of the elders, of *maliks* and *knans* (both elected and ‘official’ selected by the state authorities) in many parts of the tribal region. It is especially true of the Pashtun areas in southern and eastern Afghanistan and in the adjacent parts of Pakistan, the FATA, in particular.

The elder’s power was based (a) on the traditional practice of landownership, and thus, their leading position in the economic sphere coupled with material advantages of relations with the outer ‘big state’ authorities, (b) on the place they occupied in the councils — *jirgas*— which had the tools to administer internal judicial affairs and to settle problems with neighbors and (c) on the commanding positions in the tribal *lashkars* (militia, fighting brigades). In recent decades certain parts of the tribal region had most probably underwent profound changes in all the three aspects. Firstly, the importance of the traditional landownership has decreased because it was undermined by the waves of migration and internal displacements. Simultaneously, market relations have been on the rise and arable land seem to acquire growing market value, and it often can be sold not only to those who belong to the same kinship group as it was in many places before. A more or less lucrative poppy cultivation can be one strong factor behind the actual liquidation of the traditional system of collective ownership of land with remnants of the centuries old custom of regular exchanges of land plots between different branches and families (*wesh*).

Secondly, the tribal areas seem to experience the fragmentation of control between the state (Pakistani and Afghan) and the local forces struggling against it. In the ensuing fight, the power of tribal elders was not only challenged by the younger leaders, military commanders linked with pro-Islamic radical groups but they and their families

were the first to suffer losing life and property²³. A tough and life costly skirmishes between the militants (Taliban) and tribal lashkars occurred. Jirgas and lashkars among the tribals remain traditional institutions of varying importance and status. Their significance seems to be the utmost in places where relations between neighboring tribes are further complicated by the sectarian tensions like in the Kurram agency of FATA where the Turi tribe totally and Orakzai partially are Shiite.

Thirdly, the traditional tribal structure of authority was undermined by the influx of the new money both from the jihad sources and the drug trade²⁴. Certain adverse influence on the preservation of traditions was cast by the migration of young tribesmen to the rich Middle Eastern countries which began in the 1970s. On the whole, it seems that while certain cultural and ideological traditions have continued little changed, the tribal Pashtun and, to a lesser degree Baluch society, has in some respects changed quite radically. To conclude, the tribal system plays an important role in isolated and remote places while giving way during the last three decades to a new shape and structure in the more economically and culturally advanced zones.

Demanded Knowledge

The above mentioned relationship between the traditional and non-traditional power brokers is part of the most urgently needed knowledge both politically and geopolitically. The problem can be formulated as one of the relations between the tribal system and 'warlordism' coupled with Islamic radicalism.

There is an ascertained fact that tribal elders are not the group from which warlords (military commanders) are recruited. The same is true about the rank and file militants. The militants, including primarily the Taliban, belong as a rule to the so called *kashars* (the young, the poor, and those belonging to minor lineages). The social and generational gap partly explains the extent of militancy and warlordism in the tribal areas and the mass support of the younger people aspiring to play greater role in social, economic and political life. The elders or traditional leaders are known as the *mashars* and, on the contrary, try to preserve the status-quo, especially if they are linked to the mafia of transporters and traffickers²⁵.

This does not exclude the phenomenon of the support provided by certain tribes and tribal groups to the militants. For example, Jalaluddin Haqqani's network is known to have the support base among his native Zadran tribe and some other tribes residing in so called Loya Paktiya (big Paktiya) consisting of the Afghanistan provinces of Paktiya, Paktika and Khost and the North Waziristan agency of the FATA²⁶. The Tehrik-e Taliban Pakistan (TTP) which is a rather loose network of Pashtun radicals formed in December 2007 has roots primarily with the tribesmen and kinsmen of their regions. In the FATA agencies of North and South Waziristan they belong mainly to Mehsuds and Wazirs, especially Ahmadzai Wazirs. The same is true about separate chapters of TTP in the central and northern parts of FATA and of Swat and Buner districts in KP province. Militancy does not coincide strictly with tribal allegiances but relies upon personal ties, although rooted more often than not, in the common tribal background. Islamic extremists and militants of TTP and other groups are pulling young people who are not only ambitious but commonly also unemployed. Desperate economic conditions explain to a great extent the spread of militancy and religious fever.

As an example, the Mohmand chapter of the TTP has gained significantly due to the disappointment felt by ordinary tribesmen and some tribal chiefs in the efforts of the Pakistani state to improve their life. This contributed to the growth of support of militant (*Salafi*) groups in the Agency. It is remarkable, however, that the majority of the Mohmand tribesmen, who are utterly uneducated and deprived of the access to such facilities as clean drinking water, seem to retain the belief that the Pakistan federal government was the only force capable of alleviating their poverty²⁷.

Related to this is the question of the link between the Pashtun extremism and professional clerics. To what extent radicalism of Pashtuns can be attributed to the role of Islamic professionals and practitioners. Traditionally there were four religious layers in the Pashtun society: firstly, the Saints, or mystics of Sufi orders (*pirs*, *akhunds*) and shrine keepers; secondly, the Sayyeds, claiming to be descendants of the Arabs, relatives and first followers of the Prophet; thirdly, educated religious teachers (*maulavis*) at *madrassas* and seminaries; fourthly, *mullahs*, priests in mosques including small village mosques. The religious judges, *kazis* or *kadies*, can be added but in many cases the presence of clerics in a region was negligible. Among

them the ideological extremism or fundamentalism (salafism) could most easily be found among the teachers in religious schools and clerics in general having received training in such well known centers of the Deobandi Sunni sect, as Dar-ul-Uloom Haqqaniya in Akora Khattak, and among those trained abroad.

It should be mentioned that village mullahs were often treated in their communities at par with servants (*kamin*). The higher social status was enjoyed by the Sayyeds and the Saints, the holy men of spirit and spiritual knowledge who several times in history spearheaded social and political protest movements. The present day extremism is only partly linked to individuals with a religious background. In Islam, everyone can become a preacher and enjoy religious authority gaining followers. Therefore radical Islamists may emerge from a nonreligious background and in reality they did emerge thanks to the policy which began in the 1980s of sending young tribals to Saudi Arabia and Persian Gulf countries for religious education. On return many of them opened their madrassas in which young tribesmen were indoctrinated to participate in jihad. The spread of Jihadist Salafi ideology was a direct result of such practices²⁸.

One more issue of great practical importance is the current state and future prospects of Pashtun nationalism as an ideology and a movement. It's worth recollecting that the slogan of Free or Independent Pashtunistan was raised twice in the 1940s. At first it was used in the period before the referendum in the North-West Frontier Province of British India in July 1947 which was to decide the fate of the Province, whether it joined India or Pakistan. The secular Pashtun nationalists, affiliated with the Indian National Congress, put forward the demand to include the third option in the referendum, that is, the creation of an independent Pashtunistan. The proposal was rejected by the British authorities and the idea of sovereignty for the NWFP was marginalized after the creation of Pakistan. There was, however, one exception. The Fakir of Ipi, popular among the tribes of Waziristan and known as acknowledged leader of the anti-British movement in the 1930s, picked up the banner and in January 1950 proclaimed himself 'President of Pashtunistan'. His initiative had the backing of the Afghan royal court in Kabul and the support of jailed Ghaffar Khan. The separatist movement in the Pashtun tribal belt was suppressed by attacks of the Pakistan air force, and died out soon with the normalization of Pakistan-Afghan relations and incorporation of the Pashtun leaders,

including Abdul Ghaffar's brother Khan Sahib, in the political elite of Pakistan²⁹.

Since then, the Pashtunistan movement became one of the political currents for greater provincial autonomy represented by the party headed by Abdul Ghaffar's son and grandson. In the 1970s, it made alliance with the pro-Islam parties popular largely in the remote parts of the province but more often was opposed to them. In 2002, the Islamist bloc of parties (*Muttahida Majlis-e Amal*, meaning the United Front of Action) had won the provincial elections under the military regime of General Musharraf and remained in power in the province till the elections of 2008, when the Awami National Party, led by Ghaffar's grandson Asfandiyar Khan, won the majority and formed the government.

In the rivalry of secular and religious Pashtun nationalisms the tribal regions tilted to the latter. It became quite evident since the rise of the Taliban in Afghanistan and later on after the birth of the Pakistani Taliban. As mentioned in the 2009 review of the situation in FATA, the Taliban have instrumentalized cultural symbols to mobilize the tribals. Pashtun nationalism has been replaced by Islamic nationalism. The Taliban have been fighting for a truly Islamic Pakistan against the rulers of the country which made 'Pakistani soldiers American proxies'³⁰.

It can be observed that separatist trends in this process have been effectively curbed and an integrant variety installed on the basis of an ideal Pakistani Islamo-nationalism as a platform for expansion based upon the unity of Pakistani and Afghan Taliban. This unity is especially significant against the background of the prevalence of mild forms of regionalism among Pashtuns of the Pakistani plains and cities. Ethno-nationalism which combines Pashtun solidarity and Islamist ideology is, of course, the most dangerous for stability of the Punjabi-dominated Pakistan. But the menace seems to me not acute as the Punjabi elite since the 1980s or, perhaps, much earlier had tried to incorporate into its ranks the Pashtun elite and had surely succeeded in this. The backbone of the present Pakistani integrity is the collusion or the union of the Punjabi and Pashtun elites.

A different story emerges from the analysis of the Baluch nationalism. It started as a separatist movement right since the formation of Pakistan with Khan of Kalat's refusal to join the new state. The revolt of his brother in 1948 was crushed by the Pakistani

forces which occupied the princely state. The army was brought into Baluchistan again in 1973 and remained there fighting the armed rebellion of the tribes, mainly Marri, till 1977. In 2003 the army again invaded the province facing a new rebellion, this time of the Bugti tribe. It remained there even after the tribal chief Nawab Akbar Khan Bugti died in the midst of the army attack in August 2006. The insurgency after that went underground being politically represented by a string of anti-Pakistan separatist parties headed by representatives of tribal elite and urban middle class³¹.

The influence of secular and leftist ideology in Baluchistan was quite strong in the 1970s and continues till now though in a marginalized proportion. It is largely a thing in the past though not totally forgotten or left behind. The ideology of a left-wing nationalist movement has given way to a more Islamized nationalism. The transformation was not only the fallout of the events in Afghanistan and of the fact that the Afghan Taliban headquarters are widely considered to be in or near the provincial capital Quetta, but also due to the growing importance of the sectarian, Sunni-Shia rivalry and disturbances caused by it. The Baluchi Sunni militant group named 'Jundallah' ('The soldiers of Allah') has surfaced and become responsible for the subversive acts committed in Iran. Although known mainly for that, it is rumored to have links with the Taliban and Al-Qaeda thus adding the Islamist colour to the previously non-religious, partly separatist and partly autonomist activities. The tribal system among the Baluchis remained to a greater extent unchanged because of the slow rate of economic growth of the province in comparison with other provinces of the country and the lowest level of socio-economic advancement.

Conclusion

The Western region of South Asia is presently the most volatile and unstable part of the former Indian subcontinent. This, to some degree, can be explained by the tribal structure of the society there. In spite of the centuries long tradition of studying the Pashtun and Baluchi tribes much remains to be explored and analyzed as the situation in this regard is nevertheless changing while at the same time many features remain intact.

The most recent history of both Pakistan and Afghanistan is connected with the Islamic movement of Taliban. The short period of

their rule in Afghanistan, dating from 1994–96, ended in 2001, when the coalition forces of the USA and the UK invaded the country by air and with the help of the local Northern Alliance ousted the Taliban from Afghanistan to Pakistan. Certain parts of the latter country became the safe haven for the defeated but not disorganized, physically or morally disarmed Talibs.

The revival of the movement started in 2003 after the US invaded the Saddam Husein's Iraq. In 2005–07, the Taliban returned to the southern parts of Afghanistan and their allies had reestablished their presence in the eastern provinces bordering the mountainous regions of Pakistan. Finding no way to defeat the Taliban once again, the new US President Barack Obama in December 2009 announced the decision to pull out the American troops from Afghanistan, leaving behind only military instructors and training teams to continue to build the Afghanistan national army and the Afghan police. It seems that in addition to the instructors and trainees some forces would be stationed in Afghanistan to protect the key elements of modern civil and military infrastructure (airbases, bridges, arsenals etc.) The decision was fully supported by the American allies in NATO, some of whom were even more eager to withdraw as soon as possible. The disengagement and troop's pullout had actually begun in the end of 2011 and its active period is earmarked to finish by the end of 2014.

Notes

¹ The full name of the second edition of the book is: 'An Account of the Kingdom of Caubol and its dependencies in Persia, Tartary, and India, comprising a view of the Afghaun nation, and a history of the Douranee monarchy'. London, 1819 (the first edition appeared in 1815).

² About the book by Bernhard Dorn see: *Glatzer B.* The Pashtun Tribal System. Ch. 10 in *Concept of Tribal Society*. New Delhi: Concept Publishers, 2002, p. 268–269; *Bellew H.W.* The Races of Afghanistan being a brief account of the Principal Nations inhabiting that country. Calcutta, 1880; *Pennell T.L.* Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier. Karachi, 1975 (Reprint of the original London edition, 1909);

³ *Barth F.* Political Leadership among Swat Pathans. L.: Athlone Press, 1959; *Barth F.* Ethnic Processes on the Pathan-Baluch Boundary. Weisbaden, 1964; *Barth F.* The system of social stratification in Swat, North Pakistan // *Aspects of Caste in South India, Ceylon and North-West Pakistan*. Cambridge, Cambridge University Press, 1960.

⁴ *Ahmed A.S. Millennium and Charisma Among the Pathans: A Critical Essay in Social Anthropology.* London: Routledge & Kegan Paul, 1976; *Ahmed A.S. Pukhtun Economy and Society: Traditional Structure and Economic Development in a Tribal Society.* London: Routledge & Kegan Paul, 1980.

⁵ *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan* / R. Tapper, ed. N.Y., 1983, Introduction, p. 1–82; *Glatzer B. Is Afghanistan on the brink of ethnic and tribal disintegration? // Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban* / W. Maley, ed. Lahore: Vanguard Books, 1998, p. 167–181; *Oberson J. Khans and Warlords: Political Alignment, Leadership and the State in Pashtun Society.* Bern, Institute for Ethnology, University of Bern, 2002 etc.

⁶ *Lindholm Ch. Generosity and Jealousy. The Swat Pukhtun of Northern Pakistan.* N.Y.: Columbia University Press, 1982.

⁷ *Tarzi S. Jirga System in Tribal Life.* Tribal Analysis Center. Published by Area Study Centre, University of Peshawar, April 2007, p. 1, Preface // accessed at: www.tribalanalysiscenter.com

⁸ *Ibid.*, p. 3–5.

⁹ See the above mentioned sources and also the most recent comprehensive review paper: *Rzehak L. Doing Pushto. Pashtunwali as the ideal of honourable behaviour and tribal life among the Pashtuns // Afghanistan Analysis Network. AAN Thematic Report, March, 2011 [Electronic version].*

¹⁰ *Tarsi S. Jirga System, p. 2.*

¹¹ The emerging of the state system based on the Afghan tribal big social entities serving as a blueprint for the statist military-political groupings has been studied by a number of scholars in the twentieth century belonging to different schools of thought. A distinguished place among them is occupied by the Soviet Marxist School represented by scholars like I.M. Reysner, Y.V. Gankovsky, L.R. Gordon-Polonskaya, V.A. Romodin etc. See, in particular, Gankovsky's almost forgotten masterpiece 'Imperiya Durrani' (The Durrani Empire) published in 1958 (Moscow: Nauka).

¹² For the mythological genealogy of the Pashtun tribes, complex links between them and historically recorded migrations see the classical work by Olaf Caroe, the last British Governor of the Indian NWFP: *Caroe O. The Pathans, 550 B.C — 1957 A.D.* Karachi, 1975 (originally published in London, 1958). On the contemporary composition and habitat of different Pashtun tribes one may refer to some of the aforementioned works and also several sources in Russian like: *Basov V.V. Plemennoi faktor v politicheskikh protsessah sovremennogo Afganistana (The tribal factor in the political processes of the contemporary Afghanistan) v knige: Afghanistan: problemy voyny i mira.* Moskva, 2000 (in the book: *Afghanistan: Problems of war and peace.* Moscow, 2000), p. 91–93, 102–103. Also: *Satsaev E.B. Pushtuny Afganistana i Pakistana.* Rukopis

deponirovana v INION. (The Pashtuns of Afghanistan and Pakistan. A Manuscript deposited in the Institute for Social Sciences (INION) in Moscow, in 1988).

¹³ *Matheson S.* The Tigers of Balochistan. Karachi: Oxford University Press, 1967; *Perhson R.N.* The Social Organization of the Marri Baluch. Chicago: Wenner-Fren Foundation, 1966; Marginality and Modernity: Ethnicity and Change in Post-Colonial Balochistan / P. Titus, ed. Karachi: Oxford University Press, 1996.

¹⁴ The Baluch and the Brahui and their Rebellions. Tribal Analysis Center. Williamsburg, 2009 [Electronic version], p. 10.

¹⁵ Ethnography (Castes and Tribes) by Sir Athelstane Baines. Encyclopedia of Indo-Aryan Research. Strasburg: Karl J. Trubner, 1912 [Electronic version] p. 9.

¹⁶ *Barth F.* Ethnic Processes on the Pathan-Baluch Boundary. A reprint in: Newsletter of Baluchistan Studies, № 7. Fall 1990, Rome, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, p. 75.

¹⁷ The author can refer to his article published in Russian at the website www.afghanistan.ru (see the label Obshchestvo (The Society) entitled 'Grani pushtunskoy tsivilizatsii' ('Characteristics of the Pushtun civilization') based on the earlier larger version 'Pushtuny Afganistana i Pakistana' (The Pashtuns of Afghanistan and Pakistan) published in the book 'Afganistan na perehodnom etape' (Afghanistan at the stage of transition) Moscow: Institute of Oriental Studies, 2002, p. 39–68.

¹⁸ Based on the census data quoted in: *Lieven A.* Pakistan. A Hard Country. L.: Penguin Books, 2011, p. 518–519.

¹⁹ For the up-to-date story of the growing population of Karachi see: *Hasan A.* The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socioeconomic Change in Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2009,

²⁰ *Rzehak L.* Doing Pashto. [Electronic version], p. 6. The author, who graduated from Leningrad (now St-Petersburg) University in 1985, works in Germany and combines the access to literature in Russian, German and English as well as in Dari and Pashto with linguistic and anthropologic fieldwork in Afghanistan in 1988 and between 2002 and 2010. The fieldwork by L. Rzehak can be considered as exceptional and made possible in the periods when the official authorities, backed by the presence of the foreign troops, were in control of the urban centers in the tribal areas.

²¹ FATA — A Most Dangerous Place. Meeting the Challenge of Militancy and Terror in the Federally Administered Tribal Areas of Pakistan. Center for Strategic and International Studies, Wash. , January 2009 [Electronic version], p. 1.

²² *Dorransoro J.* Afghanistan. En quite d'un accord politique. Wash., Carnegie Endowment, 2010, p. 9–19.

²³ More than 600 tribal maliks in FATA have been assassinated by the militants // FATA — A Most Dangerous Place, p. 6.

²⁴ *Lieven A.* Pakistan. A Hard Country, p. 429.

²⁵ FATA — A Most Dangerous Place, p. 22.

²⁶ *Gopal A., Mahsud M.N., Fishman B.* The Battle for Pakistan. Militancy and Conflict in North Waziristan // New America Foundation, April 2010 [Electronic version], p. 4–6.

²⁷ *Khan R.* The Battle for Pakistan. Militancy and Conflict in Mohmand // New America Foundaton, April 2010 [Electronic version], p. 1.

²⁸ *Mahsud M.K.* The Battle for Pakistan. Militancy and Conflict in South Waziristan // New America Foundation, April 2010 [Electronic version], p. 1, 3.

²⁹ *Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N.* A Political History of Pakistan 1947–2007. Karachi: Oxford University Press, 2012, p. 323.

³⁰ FATA — A Most Dangerous Place, p. 28.

³¹ *Harrison S.* Pakistan's Baluch insurgency // Le Monde Diplomatique. October 2006//<http://mondediplo.com/2006/10/05baluchistan>

РАЗДЕЛ III

МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК

РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛОВ*

Под миром ислама обычно имеют в виду ряд взаимосвязанных категорий. Во-первых, мусульманское население планеты, людей разных стран, регионов, континентов, объединенных принадлежностью к исламу по факту рождения, а также верой в Аллаха (Бога), божественные истины и основанные на них законы (шариат). Во-вторых, страны, где большинство населения составляют мусульмане, а ислам является государственной религией или одной из основ официальной идеологии. В-третьих, все государства, где мусульмане имеют определенное общественное влияние (формы автономии, политические права, партии и организации, СМИ и т. п.), а также международно-политический статус (например, участие в Организации Исламской конференции).

Историческая ретроспектива

Все три дефиниции в определенной мере подходят для целей статьи. К тому же на протяжении почти тысячелетнего начального периода существования ислама они, по существу, совпадали. Ибо мусульмане, за редким исключением, проживали в странах своего политического господства. Только с началом Нового времени, в середине 2-го тысячелетия н. э., появились очаги проживания мусульман на территории неисламских государств. К ним в первую очередь относилась Россия (Великое Московское княжество, Царство Московское), присоединившая к своим владениям в середине XVI столетия мусульманские области в Поволжье и Приуралье (Казанское и Астраханское ханства, земли башкир), а несколько позже — татарскую Сибирь.

* Восток (Oriens) / Гл. ред. В.В. Наумкин. 2008, 3, с. 95–110.

Российская империя исторически сложилась как первый, а до поры и единственный, государственный организм, включающий в себя представителей столь устремленной к политическому доминированию религии, как ислам. Лишь позднее, главным образом в XVIII в., в период создания заморских колоний в Азии, такого рода анклав мусульманского населения появляются в пределах господства европейцев, прежде всего англичан и голландцев.

В России в XVI–XIX вв. государством осуществлялась то относительно более, то менее активная политика распространения христианства, обращения мусульман в православие. Английские правители Индии, где номинально, вплоть до 1858 г., сохранялась верховная власть мусульманских правителей из династии Великих Моголов, также поощряли усилия христианских миссионеров, но те были направлены в первую очередь на обращение приверженцев языческих культов (анимистов) и отверженных (неприкасаемых) в рамках системы брахманского индуизма. При этом наблюдалось соперничество между исламским и христианским прозелитизмом, а также между ними и индуизмом¹.

Уникальность российского опыта взаимоотношений с мусульманским миром состоит не только в отмеченном обстоятельстве. Испытав, в отличие от других европейских политических образований, господство мусульман (после того как в Золотой Орде утвердился ислам), Московская Русь вступила в непрерывную борьбу с исламским миром, который с середины XV в. обрел мощного лидера в виде Османской империи. Противостояние военных держав, Российской и Османской, в течение двух столетий шло с переменным успехом. Лишь в XVIII в. Московскому царству, преобразовавшемуся в Российскую империю со столицей в Санкт-Петербурге, удалось приступить к последовательному давлению на позиции Османов, а также Персии в Причерноморье, Крыму, на Кавказе и в Прикаспии¹.

ⁱ Автор современной монографии по истории Британской империи Н. Фергюсон отмечает, что английские власти в Индии долгое время не разрешили миссионерскую деятельность, и только с 1820-х гг. она получила определенное распространение [*Ferguson N. Empire. The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. N.Y.: Basic books, 2002, p. 112–114*].

Нужно заметить, что рубежи Российской империи при Петре I и его ранних преемниках в наибольшей степени, пожалуй, напоминали границы современной России. Она уже владела огромными просторами Сибири и Дальнего Востока (за исключением Приморского края), контролировала значительную часть Причерноморья и Северного Кавказа, имея в то же время весьма неглубоко уходящие в сторону Европы западные территории.

Если взглянуть на демографические размеры тогдашней России, то в пределах империи в 1722 г., по данным первой ревизии податного населения, проживало 14 млн человек. К 1762 г. (времени воцарения Екатерины II) число жителей увеличилось до 19 млн². Существуют и более высокие сводные оценки численности населения России: 17,5–20 млн человек в 1700 г., 20–26 млн — в 1750 г.³ Такие показатели выводили Россию в число лидеров среди государств Европы. Самой населенной была там Франция (21–22 млн в середине XVIII в.). Между тем как на Британских островах проживало 10 млн, в пределах Габсбургской империи (с центром в Австрии) — 18 млн, на территории США — около 2 млн человек, примерно столько же в Голландии и Швеции, 6 млн — в Пруссии. Общее число жителей вышеперечисленных стран и территорий составляло в 1750 г. порядка 85 млн человек, а все европейское (по происхождению) население приближалось к 100 млн.

Оценки общей численности населения планеты на середину XVIII в. колеблются в широких пределах от 630 млн до 960 млн человек⁴. Следовательно, доля Европы (вместе с Сибирью и Северной Америкой) равнялась 10–16%. Основная часть жителей тогдашнего мира (как и ныне) приходилась на Азию, прежде всего Китай и Индию. Беря за наиболее достоверную оценку общемировой численности средние цифры в 700–720 млн человек, следует отнести на счет Китая примерно 300, а Индии — 170–200 млн человек. В остальных регионах (кроме Европы) проживало приблизительно еще 100 млн человек.

Что касается исламского ареала, то оценки численности жителей в его пределах затруднены, помимо общих причин, традиционным пренебрежительным отношением мусульманских правителей

к численности своих подданных, а также их склонностью к преувеличенным, иногда фантастическим цифрамⁱⁱ.

По ряду современных оценок, в первый период расцвета исламского мира, эпоху Багдадского халифата (750–1258) в его пределах насчитывалось более 30 млн человек (максимум 50), свыше одной десятой мирового населения (11–13%)⁵.

На протяжении последующего периода, вплоть до начала XV в., исламский мир испытал крупные демографические потери, вызванные набегами и разрушениями монголов (Чингисхана и его потомков, в первую очередь Хулагуидов) и наследников их власти в Иране и Средней Азии (Тамерлана), а также тяжелыми эпидемиями бубонной чумы и холеры. Большое влияние оказал также сдвиг торговых путей с суши на море и упадок земледельческой культуры при господстве степняков-кочевников⁶.

Доля мусульман в составе общемирового населения понизилась, но не слишком значительно, так как одновременно сократилась, согласно большинству оценок, и общая численность мирового населения, в частности европейского, испытавшего в середине XIV в. ужасы “черной смерти” (население Земли на 1200 г. оценивается в 360–450 млн, а на 1400 г. — в 350–374 млн)⁷.

Новый исламский подъем связан с возвышением Османского бейлика (государства тюрок-сельджуков в Малой Азии) и расширением границ их империи в XV–XVI вв. Османская империя распространила свою власть на значительную часть юго-восточной Европы, северной и северо-восточной Африки, западной и юго-западной Азии. Численность жителей в ее пределах на пике османского господства в 1500–1700 гг. можно определить в 20–30 млн человек (из них предположительно до 5 млн человек, или более того, составляли немусульмане, главным образом христиане)⁸. При этом весь исламский мир был, разумеется, шире Османской империи. К нему

ⁱⁱ Весьма колоритно в связи с этим выглядит речь Мустафы Кемала Ататюрка на заседании Великого национального собрания Турции в 1923 г. Говоря о великой тюркской нации, он провозгласил, что она насчитывает «свыше ста миллионов душ». Численность арабского народа он оценил также в «сто миллионов душ» (цит. по: *Медведко Л.И.* Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? М.: Кучково поле, 2003, с. 480). Между тем совокупное число тюрок и арабов в начале 1920-х гг. составляло максимум 50–60 млн человек.

относились шиитский Иран, Афганистан и Средняя Азия с общей численностью мусульман в их пределах порядка 10–15 млн человек, а также Могольская Индия, где мусульманское население составляло, исходя из ретроспективных оценок, около пятой части общего населения, следовательно, приблизительно 20–30 млн человек (при общем количестве жителей в Индостане 100–150 млн человек). Ислам распространился к тому времени на значительной части островной и полуостровной Юго-Восточной Азии и там, опять же на основе ретроспективной аналогии, проживало, по всей видимости, около 10–15 млн мусульман. Наконец, в Африке за пределами Османской империи насчитывалось, очевидно, еще не менее 10 млн мусульман. Таким образом, их численность в мире в течение 200 лет могла колебаться, медленно повышаясь, в пределах от 70 млн до 90 млн человек⁹.

Большинство оценок, сделанных историками-демографами, свидетельствуют об отсутствии заметного роста населения Земли между 1500 и 1650 г. Более того, расчеты на середину XVII в. (470–545 млн) ниже, чем на его начало (545–579 млн)¹⁰. Удельный вес мусульман в общемировом населении в 1650 г., вероятно, равнялся 13–19%, но к 1700 г., учитывая существенное повышение оценок общей численности жителей планеты до 600–679 млн, опустился до 12–17%.

Демографический потенциал исламских держав, учитывая господство Османской империи в Греции и на Балканах, а главное Могольской империи в Индии, можно оценивать в XVI–XVII вв. существенно выше — власть ислама распространялась примерно на 35–40% мирового народонаселения. Два этих столетия считаются последним периодом расширения политического могущества ислама, самым крупным по степени охвата территории и населения. Вместе с тем в это время произошел и “великий раскол” исламского мира на суннитскую (во главе с Османской империей) и шиитскую ветви, политически восторжествовавшую в Персии.

Последующие два века (XVIII и XIX) были периодом заметного сокращения размеров исламского мира как с точки зрения относительной численности приверженцев религии, так и с позиции силы и влияния мусульманских держав. Особенно существенно пострадала власть мусульман в Индии. После смерти падишаха Аурангзеба

в 1707 г. империя Великих Моголов неуклонно клонилась к закату. Ее столица Дели в 1739 г. была взята и разграблена иранскими войсками Надир Шаха Афшара. После этого держава фактически распалась, уступив контроль над западом и северо-западом Индостана правителям из среды индуистов (маратхам и раджпутам), а также сикхам. К концу XVIII в. преобладающей силой на субконтиненте стали англичане, установившие над ним полный реальный контроль в 1818 г., а формальный — в 1858 г.

После неудачной попытки взять Вену в 1683 г. Османскую империю преследовала серия неудач в войнах с Австрийской империей и Россией. В XVIII в. Турция распрощалась с контролем над Крымом и северным Причерноморьем, а в первой половине XIX в. уступила русским власть над западным Кавказом.

Начиная с Карловицкого договора 1699 г. неуклонно слабел контроль Стамбула над югом Европы. В 1829 г., после поражения в войне с Россией, Англией и Францией, Османская империя (Высокая Порта) предоставила самостоятельность, а затем и независимость Греции, признала автономию Сербии и Дунайских княжеств.

Персидская шиитская империя Сефевидов, зажата между суннитскими державами (Османской, Могольской империями и государством Шейбанидов в Средней Азии), смогла не только выстоять, но и пережить заметный подъем в XVI–XVII вв. Однако в первой половине XVIII в. она оказалась резко ослабленной политически и экономически. Прекращение династии в 1736 г. открыло дорогу завоевательной политике Надир Шаха, а вслед за его смертью — попыткам консолидации и борьбе за верховенство. В результате в самом конце XVIII в. к власти пришли тюркские правители Каджары. На восточных окраинах Персии в середине века образовалась военно-племенная афганская империя Дуррани, занявшая место буфера между ней и Индией. С севера Персии угрожало наступление России в направлении восточного Кавказа, и, потерпев ряд поражений, Персия была вынуждена отказаться от претензий на него.

С середины XIX в. Персия оказалась в тисках двух европейских империй, британской, установившей косвенный контроль над Афганистаном, и российской, укрепившейся не только на Кавказе, но и в Средней Азии. В конце XIX — начале XX в. империя Каджаров,

сохранив формальную независимость, попала под экономическую власть Британии и России, которые разделили ее на сферы влияния.

Сходная участь постигла в тот период и Османскую империю, которая, несмотря на предпринятые в 1839–1876 гг. реформы (Танзимат), также оказалась в финансово-экономической зависимости от Европы. Резко ослабили ее позиции в Северной Африке. Франция в 1830-х гг. установила контроль над Алжиром, а в 1870-х — над Тунисом. Англия с 1882 г. оказывала решающее воздействие на политику Египта, оставшегося формально в составе Порты. Отступление исламского мира под натиском европейского в XVIII–XIX вв. было повсеместным. Помимо отмеченного, оно происходило в западной и восточной Африке, на островах Индийского океана, от Мадагаскара до Индонезийского архипелага и в полуостровной части юго-восточной Азии (в Малайе).

К середине XVIII в. под власть России попали значительная часть заволжской Великой степи (казахской, в царское время ее называли киргизской или киргиз-кайсацкой), а также Алтай и Семиречье. Одновременно с востока мусульман теснил Китай (Цинская империя). Он установил контроль над монгольской Джунгарией и Восточным Туркестаном, преобразовав их в наместничество Синьцзян (Новая граница). Новый этап наступления Российской империи на мусульманские государства в Средней Азии начался в 50–60 гг. XIX в. Воспользовавшись враждой между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством, царские войска разбили их поодиночке. Бухара, а также Хивинское ханство стали протекторатами России, а Кокандское ханство было ликвидировано. В первой половине 1880-х гг. после подавления вооруженного сопротивления туркмен под контроль России перешли туркменские земли Закаспия.

Тенденции последних столетий

Численность мусульман на протяжении XVIII–XIX вв. росла медленнее, чем в мире в целом. Это было следствием ослабления их политической власти и кризиса, который испытала традиционная экономика в пустынных, степных и гористых ареалах расселения мусульман. Сказался также завершившийся к тому времени перенос основных путей мировой торговли с суши на океан. Став доминирующей, морская компонента обмена товарами, услугами и

идеями отразилась на общем состоянии мусульманских сообществ, привела их к закрытости и самоизоляции.

Своего демографического надира (низшей точки) мусульманский мир достиг на рубеже XVIII–XIX вв. По данным переписи, проведенной во время вторжения войск Наполеона в Египет там насчитывалось всего 2,5 млн человек¹¹. По скорректированным оценкам, население “страны Нила” в 1800 г. равнялось 3,5–4 млн, в когда-то многонаселенном Ираке (Месопотамии) проживало от 1 млн до 1,5 млн человек, во всей Аравии не более 5, в Иране — 6 млн, в Турции (Анатолии) — 9 млн, а во всей Османской империи — 24 млн человек¹². По другим данным, в начале XIX в. в Египте насчитывалось 4–4,5 млн человек, в Сирии, включая Горный Ливан и Палестину, — 1,2–1,5 млн, в Аравии и Ираке — 3,5–4,3 млн человек, в странах Магриба (Марокко, Алжир и Тунис) — 7 млн человек. Общее население арабских стран составило от 16 до 20 млн¹³.

На протяжении XIX в. в исламском ареале наблюдался неровный, но в целом нарастающий экономический и демографический рост. Подключение Северной Африки, Ближнего Востока и южных районов Азии к более развитой европейской международно-политической системе, расширение торговли между Европой и Азией создали общие условия для начавшегося подъема. Особенно ускорился межконтинентальный товарообмен после ввода в эксплуатацию построенного в 1869 г. Суэцкого канала. Вовлечению мусульманских стран Азии в мировые (европейские) политико-экономические процессы способствовало широкое применение новых средств коммуникации и связи — телеграфа, пароходного сообщения и железных дорог. Это вовлечение носило в основном принудительный характер, являясь результатом расширения прямого и косвенного контроля европейских империй, прежде всего Британской. Реакция мусульманского мира на процесс подчинения была троякой. Во-первых, “сверху” предпринимались попытки модернизации, копирования европейских образцов в экономической и других сферах, во-вторых, “снизу” поднималось активное неприятие такой политики, формировались движения в защиту традиционных ценностей и происходили выступления под лозунгами джихада. Наконец, как бы “сбоку”, при участии представителей средних образованных слоев предпринимались усилия по примирению новаций и традиции, закладывались основы исламской реформации и возрождения.

**Население России и мусульманского мира
(ретроспективные оценки, млн человек)**

Год	Россия ¹	Большая Россия ²	Центральная Евразия ³	Ближний Восток и Африка	Средний Восток и Южная Азия ⁴	Юго-Восточная Азия	Мусульманский мир ⁵
1700	11–16	14–20	4–6	30–35	40–45	11–17	85–103
1750	14–21	17–26	5–7	30–33	45–50	14–19	94–109
1800	17–27	26–42	5–7	36–40	50–56	17–21	108–124
1850	33–42	56–70	8–10	40–46	60–67	23–28	131–151
1900	69–71	135–139	10–12	58–66	80–92	33–40	181–210
1950	101–102	180–181	13–15	106–112	142–153	69–72	330–352
2000	143–146	290–295	50–54	475–522	516–554	206–214	1247–1344

Примечания:

- ¹ население в границах РФ,
- ² население в границах императорской России и СССР (для 2000 г. — гипотетическое),
- ³ мусульманское население в Закавказье (Южном Кавказе) и Средней (Центральной) Азии,
- ⁴ в Средний Восток включены Турция, Иран, Афганистан,
- ⁵ не считая мусульман России, Китая, стран любых континентов, не вошедших в состав выделенных в таблице регионов.

Источники: *Вяткин А.Р.* Юго-Восточная Азия: демографический анализ. М.: Наука, 1984, с. 15; Демографическая модернизация России // Под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006, с. 16–17, 446, 503, 520; *Козлов В.И.* Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969, табл. 12, с. 240–241; *Мусульманский мир в средние века и в новое время.* Казань, 1996, с. 164–165; *Петров В.В.* Народонаселение Индии. М.: Наука, 1978, с. 63, 98; *Население СССР,* с. 21; *Энциклопедический словарь России.* С.-Петербург: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург), 1898. Репринт Лениздат, 1991, с. 75–76; *Carr-Saunders A.M.* World Population. Past Growth and Present Trends. Oxford: Clarendon, 1936, p. 42, 280; *Clark C.* Population Growth

and Land Use. L.: Macmillan, 1968, p. 64; *Davis K.* The Population of India and Pakistan. Princeton: Princeton University Press, 1951, p. 17, 25–26; Historical Estimates of World Population // www.popin.org/pop1998/worldhist.htm; *McEvedy C., Jones R.* Atlas of World Population. L.: Penguin books, 1978, var. pp.; *Michaletos I.* The Islamic Population Bomb // Serbianna. Views and Analysis. PDF Format, p. 2–3; Muslim Population Statistics. Institute of Islamic Information and Education // www.iiie.net/node/55 Muslims in India // www.censusindia.net/religiondata/summary%20Muslim.pdf

Если в середине XIX в. число мусульман в мире, вероятно, лишь несколько превышало 100 млн человек, то в начале XX столетия оно было уже в два раза больше (при среднегодовых темпах прироста около 1,2%) На исламский мир, согласно наиболее распространенным оценкам, приходилась в 1900 г. примерно девятая часть человечества (11–13%), т. е. 180–210 млн человек (см. табл. 1).

С середины XVIII в. Россия утверждается в качестве важной составной части европейской международно-политической системы, растет ее торгово-экономическое взаимодействие с Европой. Одновременно начинается бурный рост народонаселения. Между 1750-ми и 1850-ми гг. население империи выросло в 3,5–4 раза — с 17–25 до 68–70 млн человек¹⁴. Увеличение было связано как с территориальной экспансией (Польша, Финляндия, Кавказ), так и с высокой рождаемостью и внушительными темпами естественного роста населения. Уже после 1850 г., когда фаза территориальной экспансии осталась в основном позади, численность подданных империи возросла вдвое за полвека, составив в 1897 г. (согласно первой переписи и без учета зависимых государств Средней Азии) 129 млн человек¹⁵.

Темпы поступательного естественного движения населения оставались в России исключительно высокими (среднегодовой прирост 1,7%) вплоть до Первой мировой войны. Современники, в частности, военный министр генерал А.Н. Куропаткин, известный ученый и общественный деятель Д.И. Менделеев, ожидали, что в середине XX в. ее население достигнет 400 млн, а в конце столетия превысит 550 млн человек¹⁶. Однако этим прогнозам не суждено было сбыться — вместо роста наступил этап демографического опустошения.

Первые крупные людские потери (свыше 2 млн солдат и офицеров) Россия понесла на полях мировой войны в 1914–1917 гг. За следующие три года, вследствие сокращения территории, Гражданской войны, эпидемий и вынужденной эмиграции, население

государства сократилось с 171 млн до 132 млн человек. На демографической судьбе СССР и его центральной части, нынешней России, в дальнейшем тяжело сказались голод 1920–1922, 1932–1933, 1946–1947 гг., массовые политические репрессии, пик которых пришелся на 1937 г., наконец, огромные людские потери во время Второй мировой войны. Общее число преждевременных смертей за первую половину XX в. оценивается в диапазоне 50–65 млн, еще примерно 11–15 млн потерь составил эффект несостоявшихся рождений¹⁷.

В послевоенный период население СССР и России (РСФСР) росло достаточно быстрыми темпами. За 1950–1989 гг. первое увеличилось с 179 млн до 288 млн, а второе — с 101 до 147 млн человек¹⁸. Одной из главных причин была пониженная смертность из-за достаточно молодой структуры населения, сложившейся под воздействием испытаний, которые перенесло в предшествующий период среднее и старшее поколение. Значение имели и успехи в области медицины и здравоохранения, особенно большие в борьбе с эпидемиями и снижении детской и материнской смертности. Пронаталистская политика государства и соответствующие ей настроения в обществе привели к повышенной рождаемости и высоким темпам роста населения в 1950–1960-х гг. Процесс демографической модернизации (спад рождаемости вслед за сокращением смертности) стал проявляться позднее и оставался малозаметным. Увеличение народонаселения в РСФСР и СССР продолжалось, а временами (в середине 1980-х гг.) под влиянием целенаправленной политики государства кривая рождаемости шла вверх.

В 1990-е гг. ввиду постарения населения выявился имевший место подспудно режим суженного воспроизводства. Произошедшее в то десятилетие резкое падение рождаемости усугубило положение. Действуя вместе, два явления вызвали существенную убыль населения. Оно сократилось со 148,5 млн в 1990 г. до 145,6 млн человек в 2000 г. Уменьшение было бы куда более значительным (порядка 7 млн), если бы оно не компенсировалось притоком населения из стран ближнего зарубежья (бывших союзных республик)¹⁹.

Мусульманский мир в первой половине XX в. продолжал испытывать давление со стороны более развитых государств Европы. В результате Первой мировой войны распалась его главная опора и многовековой символ — Османская империя. На ее месте возникло национальное турецкое государство (в 1923 г. в Турции отменили

султанат, а в следующем году — халифат). В соседней Персии на смену империи Каджаров пришла новая монархия Пехлеви, ориентирующаяся на глубокие исторические корни (с этим связано официальное переименование страны в 1927 г. в Иран).

Распад Османской империи позволил арабам активизировать борьбу за обретение национального суверенитета. Главным препятствием на этом пути были усилившие свои международные позиции Великобритания и Франция. Египет в 1922 г. преобразуется в королевство, но англичане сохранили рычаги воздействия на него: военные базы и контроль над Суэцким каналом. В конце 1920-х от власти англичан, впрочем, ускользает исторический и религиозный центр исламского мира — Аравия, объединенная, вопреки им, под властью Ибн Сауда. В следующем десятилетии Англия предоставляет формальную независимость Ираку и ослабляет контроль над другим Хашимитским королевством — Трансиорданией. Антиколониальные настроения охватывают арабские земли, находящиеся под протекторатам Франции, — Сирию и Ливан.

Среди мусульман Индии в период между мировыми войнами боролись две тенденции — в поддержку общендийского национализма и за создание отдельного государства для мусульман. Сторонники национализма на базе религиозной идентичности смогли в итоге расколоть страну и создать Пакистан, первую в истории исламскую республику. Это произошло уже после окончания Второй мировой войны, когда началось обвальное крушение колониальной системы, позволившее исламским народам обрести “второе дыхание”. На Ближнем Востоке уже в первые послевоенные годы формируется система арабских государств. К востоку от него, помимо Пакистана, независимость обретает мусульманская Индонезия, а с некоторым временным лагом — Малайзия.

Вместе с тем с точки зрения демографии исламский мир в середине XX в. еще не представлял собой исключительно крупный массив. По ориентировочным оценкам, численность мусульман в мире составляла в 1950 г. 330–350 млн человек, или 13–14% мирового населения, ненамного больше, чем в начале века (см. табл. 1).

Во второй половине прошлого столетия в мире происходит демографический взрыв за счет стремительного роста населения в менее развитых регионах, к числу которых относится исламский. Скачкообразное увеличение численности имело место из-за крутого снижения смертности, ставшего возможным благодаря использованию

достижений медицинской науки и здравоохранения, и сохранения рождаемости на традиционно высоком уровне.

Численность последователей пророка Мухаммада в мире в 1950–2000 гг. росла исключительно быстрыми темпами, (см. табл. 1) Любопытно, что за 300 лет соотношение между населением России и мусульманского мира, взметнувшись вверх, вернулось к исходному положению. И в 1700-м, и в 2000 г. оно равнялось приблизительно 1:10, между тем как в 1850-м и особенно в 1900 г. составляло 1:3, а если взять Большую Россию в начале и середине XX в., то и менее 1:2. Особенно благоприятно демографо-политическое положение России (Российской империи) по отношению к мусульманским государствам было в 1900 г.

Внезапный прорыв в численности, достигнутый мировым мусульманством за последние 100 и особенно 50 лет, подтверждается не только теми данными, что использованы при составлении табл. 1. Ведущие эксперты в области конфессиональной статистики Д.Б. Барнетт и Т.М. Джонсон оценивали численность мусульман в мире на 1970 г. в 553 млн человек, или 15,3% мирового населения. В последующие десятилетия, по их расчетам, продолжилось заметное увеличение удельного веса мирового мусульманства — к 1980 г. он достиг 16,5%, в 1985 г. — 17,1, а в 2000 г. — 19,2–19,5%. Общее число мусульман в последнем году XX в. они полагают равным 1188 млн человек, что почти втрое больше, чем в 1950 г.²⁰

Если в середине века каждый седьмой-восьмой житель планеты принадлежал статистически к миру ислама, то в его конце уже каждый пятый. Темпы среднегодового прироста числа мусульман во второй половине столетия равнялись 2,6–2,7%, превосходя почти на 10 пунктов соответствующий показатель для населения мира в целом (1,8%). Существуют и более высокие оценки численности последователей пророка Мухаммада на рубеже XX-XXI вв. Нередко наиболее достоверной считается цифра в 1,3 млрд человек. На 2005 г. число мусульман в мире оценивается также и в 1,4 млрд, а их доля в мировом населении — уже в 22%. Ряд исламских исследовательских центров и электронных порталов публикуют сведения о том, что количество мусульман достигло к концу XX в. 1,5 млрд человек и даже более того. Впрочем, беглое ознакомление с методикой подсчета показывает тенденцию к необоснованному преувеличению. Так, удельный вес мусульман в Индии, по некоторым такого

рода данным, равняется 16,2%, в то время как по результатам переписи населения Индии 2001 г. их доля составляла 13,4%²¹.

За последние три десятилетия XX в. не только сильно выросло мусульманское население мира, но и укрепилось влияние ислама на мировые процессы. В 1969 г. состоялась первая конференция на высшем уровне исламских государств в столице Марокко г. Рабате. Конференция привела к созданию общеисламской межгосударственной ассоциации с центром в Саудовской Аравии под названием Организация Исламской конференции. За 30 лет число членов ОИК увеличилось с 25 до 57, а число жителей в странах-участниках достигло к 2004 г. 1328 млн человек²².

Заметим, что число мусульман в мире и суммарная демографическая мощь крупнейшей исламской международно-политической организации оказываются весьма близкими, хотя, разумеется, субстрат оценок в двух этих случаях различен поскольку в населении стран-членов ОИК достаточно велика доля немусульманского населения, в то время как большое число мусульман проживает за пределами региона, образуемого участниками этой организации. Небезынтересен вытекающий отсюда вывод, что численность немусульманских меньшинств в исламских государствах примерно равна численности мусульманских меньшинств в неисламских странах.

Упомянутые выше оценки специалистов по конфессиональной статистике дают, кстати, представление о динамике изменения числа людей, принадлежащих к разным группам с точки зрения их веры и самоидентификации. Из этих данных следует, что под влиянием идей секуляризма и социализма число так называемых нерелигиозных людей в мире за XX в. резко увеличилось. Если в 1900 г. оно едва превышало 3 млн, то к 2000 г. выросло до 768 млн человек. Атеистов в начале века насчитывалось всего 226 тыс., а в конце уже 150 млн. При этом наиболее быстро количество приверженцев светских религий и нерелигиозных убеждений возрастало в период между 1900-ми и 1970-ми гг.²³

Таким образом, если в течение двух первых третей XX столетия наиболее быстро возрастала нерелигиозная часть населения земли, то в 1970–2000 гг. существенно быстрее других росла мировая мусульманская община, и этот рост сопровождался подъемом как про-и панисламских, так и исламистских движений и идеологий.

Известно, что сила и распространенность той или иной идеологии и производных социально-политических движений зави-

сит, помимо прочих условий, от величины референтной группы, т. е. класса, людских масс, к которым апеллирует любая идеология. В марксистских терминах этой группе соответствует понятие “класс в себе”, а в либеральной политологической науке — категория групп интересов неассоциативного или неассоциированного типа²⁴. Многим читателям вряд ли стоит напоминать о предпринимавшихся в советской науке попытках расширить численность рабочего класса, промышленного пролетариата за счет иных категорий наемного труда. Все это диктовалось стремлением подкрепить веру в “пролетарскую идеологию” указанием на значительный и постоянно растущий слой людей как в развитых, так и в развивающихся странах, которые могут “отозваться” на ее аргументацию. Та же закономерность наблюдается, по всей видимости, и в отношении идеологии исламизма. Чем больше приверженцев ислама, тем более обоснованными представляются претензии и ожидания ее создателей и адептов. В этом, вероятно, и заключается одна из важнейших видимых связей между международной демографией и мировой политикой.

Мусульманское население России

Как выше отмечалось, Россия — единственная страна мира, где мусульманское меньшинство появилось пять веков назад, в самом начале Нового времени. В XIX в. к основным ареалам расселения российских мусульман (Поволжье, Приуралье, Крым) добавились горские Северо-Кавказские районы, Восточное Закавказье, а также Центральная Азия (Западный Туркестан и Закаспийский край). Согласно первой переписи населения 1897 г., в пределах Российской империи проживало 11,2 млн мусульман (8,7%)²⁵. К этой цифре надо добавить сплошь мусульманское население не охваченных переписью Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Оценки численности жителей в двух этих зависимых государствах условны, так как местные правители отказывались от подсчетов, но в сумме население там составляло, по-видимому, от 1,5 млн до 3 млн человек²⁶. Таким образом, имея 13–14 млн мусульман, императорская Россия концентрировала в своих пределах на рубеже XIX–XX вв. 6–7% мирового мусульманства. По мнению некоторых авторов, число мусульман в царской России в начале XX в. превышало 19 млн чело-

век²⁷. Эта оценка не представляется чрезмерной, если речь идет не о самом начале столетия, а о кануне Первой мировой войны.

Вся первая половина XX в. была для мусульман “Большой России” периодом тяжелых испытаний и постепенного сокращения доли, а нередко и численности жителей. Характерно, что башкир, по переписи 1897 г. было 1,9 млн, а по переписи 1989 г. — менее 1,5 млн человек. Масштабным в период коллективизации конца 1920-х — начала 1930-х гг. было сокращение численности других степных народов, прежде всего казахов, частично эмигрировавших за пределы СССР. Численность казахов за 1916–1945 гг. сократилась на 45%²⁸. Сильнейший удар по демографическим позициям народов Северного Кавказа и татар Крыма нанесли их массовые гонения и переселения в конце Великой Отечественной войны²⁹.

Как и в мире в целом, демографический рост мусульман в СССР стал особенно заметен после 1970 г. Именно за два последних десятилетия существования Союза обнаружился “эффект ножниц” в сопоставительных темпах увеличения мусульманского и немусульманского населения. Относительное увеличение численности мусульман отчетливо сказалось на демографии советской Средней Азии. Преобразилась также демографическая картина Кавказа. По последней переписи советского периода 1989 г., доля русских равнялась лишь немногим более половины населения (52%). Доля мусульман составила 18,5% против 8,5% по переписи 1937 г.³⁰

Что касается собственно России, то этнические (статистические) мусульмане составляли в ней по переписи 1989 г. 11,8 млн человек, или около 8% населения. Учитывая повышенные темпы естественного роста мусульманского населения и миграционный эффект, Госкомстат ожидал, что в 1999 г. доля мусульман увеличится до 9%, а их численность превысит 13 млн. Опираясь на результаты переписи населения 2002 г., официальные лица оценили численность мусульман в 14,5 млн человек. Мусульманином оказался каждый десятый постоянный житель России³¹. Налицо, таким образом, тенденция к плавному повышению удельного веса российских мусульман, но они все еще составляют сравнительно небольшое меньшинство, хотя и крупнейшее среди других конфессиональных групп.

Постоянно проживающие в современной России мусульмане распадаются на три большие группы. Первая и самая крупная состоит из жителей Поволжья и Приуралья — татар (5,5 млн по переписи 2002 г.) и башкир (1,6 млн). Вторая представлена народами Се-

верного Кавказа. Самыми многочисленными среди них являются чеченцы (1,4 млн). Вместе с родственными ингушами (412 тыс.) их число приближается к 2 млн. Из других этнических групп выделяются компактно проживающие в Дагестане аварцы (757 тыс.), даргинцы (510 тыс.), лезгины (412 тыс.), а также кабардинцы (520 тыс.), кумыки (423 тыс.) и карачаевцы (192 тыс.) Численность этнических мусульман на Северном Кавказе по переписи в сумме равнялась 5,3 млн человек. Третью группу образуют представители этносов Центральной Азии и Закавказья. Самые многочисленные из них — казахи (655 тыс.) и азербайджанцы (621 тыс.), а общее число превышает 1,5 млн человек. Следует к тому же отметить, что 1,5 млн постоянных жителей России не указали национальность в переписном листе и, видимо, за их счет число мусульман, по официальной оценке, выросло еще примерно на полмиллиона³².

Кроме постоянного населения, подлежащего переписи, в России насчитывается большое число временно находящихся на ее территории мусульман, приехавших легально или нелегально. Их численность, согласно позднейшим оценкам, достигает 4–5 млн человек, при этом наиболее многочисленны среди них ныне азербайджанцы (1,5 млн) и таджики (1 млн)³³. Вместе с временными жителями численность этнических мусульман в России начала XXI в. составляет почти 20 млн человек и на этих цифрах, не без основания, ввиду необходимости заботиться о нуждах всех верующих, настаивают исламские духовные лидеры³⁴.

Демографическое будущее России и исламского мира

Анализ, проведенный в Центре демографии и экологии человека (ЦДЭЧ) Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН показал, что тенденции к сокращению населения России имеют долговременный характер. Как и в других экономически развитых странах, рождаемость в ней на протяжении большей части XXI столетия, по всей видимости, не превысит уровня, необходимого для расширенного воспроизводства. По среднему, наиболее вероятному прогнозу естественного движения населения, число жителей в России снизится к 2025 г. до 125 млн, к 2050 г. — до 98 млн, а к 2100 г. — до 64 млн человек. Как и в большинстве других расчетов на перспективу, демографами ЦДЭЧ намечены низкий и высокий варианты, исходящие из разной оценки будущих коэффициентов рождаемости (показатели смертности рассчитываются в одном ва-

рианте). Согласно высокому варианту, число жителей в России будет неуклонно сокращаться до 130 млн в 2100 г., а низкому, — до 20 млн человек³⁵.

В целом сопоставимые результаты получены Отделом народонаселения ООН. В 2050 г. российское население по среднему варианту ООН должно составить 108 млн, по высокому — 130, а по низкому — 89 млн человек³⁶.

В обоих случаях речь идет о воспроизводстве населения без учета миграции. Приток населения из-за рубежа способен в принципе изменить ситуацию. В ЦДЭЧ были произведены расчеты сценария стабилизации численности населения России на отметке 144 млн человек (принятой для 2000 г.) Они показали, что для сохранения численности на неизменном уровне необходимо, чтобы миграция составляла в среднем в год 879 тыс. человек в период с 2000–2024 гг. и 1222 тыс. в течение 2025–2049 гг. Иными словами, необходимо, чтобы она в сумме дала приток в 22 млн человек за первую четверть XXI в. и 30 млн — за вторую. При этом авторы прогноза полагают режим воспроизводства одинаковым для коренных жителей и мигрантов, что представляется не слишком реалистичным. Более логично было бы предположить более высокую рождаемость у прибывающего населения. Но и без учета этого обстоятельства при миграции, способной стабилизировать численность населения, около половины россиян уже в середине столетия окажутся мигрантами и их потомками.

Следует согласиться с авторами этих прогнозных расчетов, что стабилизационный сценарий вряд ли намечает благоприятную перспективу. Не решая вопросы, связанные с ускоренным экономическим развитием, он создает массу социальных проблем. Вместе с тем без умеренной иммиграции России тоже не обойтись. Она оправдана в силу сложившихся социально-экономических условий. Однако иммиграция до последнего времени служила по большей части каналом пополнения числа временных и нелегальных жителей страны. При этом она состояла в основном из мусульман — выходцев из Средней Азии и Закавказья.

Что касается постоянной миграции, то она была относительно невелика. Ведущие отечественные демографы отмечают направленный, по существу, против въезда населения на легальной и постоянной основе курс государственный политики РФ на протяжении почти всех лет ее существования, особенно с середины 1990-х гг.³⁷ С середины нынешнего десятилетия в политике появились новые

моменты, которые могут создать условия более благоприятные для приезда в страну и оседания там нового населения.

Таблица 2

**Мусульманское население России
(оценки на перспективу, млн человек)**

Год	Население, средний вариант А*	Население, высокий вариант Б*	Мусульмане, постоянные жители**	Процент мусульман, вариант А	Процент мусульман, вариант Б
1990	147,7	147,7	12,0	8,1	8,1
2000	147,4 (145,6)	147,4	14,1	9,6 (9,7)	9,6
2005	144,0	144,0	15,2	10,6	10,6
2015	136,5	140,0	17,8	13,0	12,7
2025	128,2 (125)	135,6	20,9	16,3 (16,7)	15,4
2050	107,8 (98)	130,0	31,1	28,9 (31,7)	23,9

Примечания:

* расчеты ООН, в скобках ЦДЭЧ.

** при неизменном приросте на 1,6% в год; наблюдался в период между переписями 1989 и 2002 гг.

Источники: Демографическая модернизация России // Под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006, с. 441, 503; World Population Prospects. The 2006 Revision Population Data Base//<http://ESA.un.org/unpp/p2kOdata.asp>

Расчеты на перспективу роста численности и удельного веса мусульман — постоянных жителей России приведены в табл. 2. Из нее следует, что каких-то драматических изменений в конфессионально-этническом составе населения не должно произойти при сохранении тех темпов увеличения численности мусульман, которые характеризовали период 1990-х и начало 2000-х гг. Но вместе с временно находящимися в РФ мусульманами общее их число уже в недалекой перспективе может приблизиться к 30 млн человек.

Усиление процессов иммиграции (на постоянной и временной основе) способно превратиться в существенный аспект не только внутренней, но и внешней политики России. Оно может отразиться на ее отношениях с ближним мусульманским зарубежьем. Потребуется, видимо, немалое политическое искусство, чтобы справиться с проблемами, вытекающими из комплекса явлений, за которым стоят тенденции к росту доли и массы мусульманского населения России и неизбежному, в том или ином объеме, расширению слоя приезжающих в страну мусульман.

Демографическое будущее исламского мира представляется в виде распускающегося цветка. Согласно последнему, 2006 г., обзору ООН мировых демографических перспектив, величина мирового населения на 2000 г. оценена в 6124 млн человек, что выше (на 64 млн) предшествующей оценки в публикуемых каждые два года обзорах. Более быстрым, как ныне предполагается, будет и рост мирового народонаселения в первой половине XXI столетия. К 2050 г. по среднему варианту прогноза численность жителей на земле достигнет 9,2 млрд а не 8,9 млрд, как демографы ООН полагали ранее³⁸.

Основная масса нового пополнения людей придется на менее развитые регионы и самые бедные и недостаточно быстро развивающиеся (временами и деградирующие) страны. Численность населения в менее развитых регионах, по данным на начало XXI в., возрастает в шесть раз быстрее, чем в развитых, а в наименее развитом регионе (49 стран) — почти в десять раз быстрее. Такого рода диспропорции скорее всего сохранятся и приведут, с одной стороны, к почти неизменной величине жителей (в основном за счет иммиграционного эффекта) в 30 экономически развитых государствах, включая Россию (на них ныне приходится 1,2 млрд человек), а с другой — к разрастанию демографических масштабов прочих стран с 5 млрд до 8 млрд человек.

В связи с тем, что ни одна мусульманская страна в соответствии с трактовкой, принятой для целей демографического обзора ООН, не относится к развитому региону, отмеченные выше тренды в полной мере относятся к исламскому миру. Хорошо известно, сверх того, что из развивающихся стран мусульманские демонстрируют наиболее высокие темпы роста населения. Не касаясь здесь подробно причин такого рода положения, отметим лишь сильные в исламском ареале традиции многодетности, а также обычаи замужества вдов и поли-

гамии. Культурно-цивилизационные, освященные религией правила в сочетании с некоторыми экономико-социальными факторами объясняют повышенную упругость исламских обществ к процессам демографической модернизации.

Между тем показатели смертности, по прогнозам ООН, будут неуклонно снижаться и в менее развитых регионах, в том числе исламском. Несмотря на воздействие эпидемии ВИЧ/СПИДа, смертность будет убывать во всех странах, включая наиболее страдающие от нее африканские. Средняя продолжительность жизни (величина дожития при рождении, т. е. исходя из существующих на данный момент коэффициентов смертности) будет практически универсально неуклонно возрастать. Причем это коснется даже таких бедных много и плотно населенных государств, как Бангладеш. Там уже в начале XXI в. средняя продолжительность жизни и мужчин, и женщин превысила 60 лет, а в ближайшие десятилетия должна подняться до 70–75 лет. По прогнозам, которые кажутся сейчас почти невероятными, численность населения в этой стране в середине века превысит 250 млн человек, что означает повышение средней плотности примерно до 2 тыс. человек на 1 кв. км³⁹.

Снижение смертности вызовет постарение населения и новые крупные проблемы для менее развитых государств. Одновременно будет нарастать их демографический вес. Но возрастная пирамида и средний возраст жителей будут изменяться в сторону превращения этих стран в более “солидные”, способствовать преодолению “молодежного горба” (доли людей в возрасте 15–25 лет). Тому же будет способствовать прогнозируемое монотонное снижение рождаемости в большинстве менее развитых государств, в том числе и мусульманских.

По данным религиозной статистики, число мусульман в мире в конце XX и начале XXI в. увеличивалось быстрее, чем какой-либо другой включенной в нее категории мирового населения — их среднегодовой прирост равнялся 2,1% по сравнению с 1,3% христиан, 0,8% — нерелигиозных людей. Если допустить, что относительная разница темпов роста в ближайшие четверть века не изменится, то удельный вес мусульман на планете к 2025 г. вырастет до 23% (по сравнению с 20% в начале прогнозного периода), христиан сократится до 30% (с 33%), а их соотношение изменится с 37:63 до 43:57. Численность мусульман вплотную приблизится к 2 млрд человек. По другим оценкам, мусульмане к 2025 г. составят 30% мирово-

го населения, в то время как христиане — 25% (соотношение для 2000 г. — 30% христиан и 19% мусульман)⁴⁰.

В середине текущего столетия, по некоторым расчетам, доля мусульман в мире составит 35%, что будет абсолютным рекордом в истории ислама⁴¹. Интересно, что близким к этому был удельный вес европейцев в мировом населении в период между Первой и Второй мировыми войнами⁴².

Согласно среднему варианту прогноза Отдела народонаселения ООН, суммарное население девяти самых крупных и влиятельных мусульманских государств — Египта, Турции, Ирана, Саудовской Аравии, Пакистана, Бангладеш, Индонезии, Малайзии и Нигерии — перевалит в 2050 г. за отметку в 1,5 млрд человек. Все они, за исключением Саудовской Аравии и Малайзии, превзойдут или почти сравняются по населению с Россией. Ей скорее всего придется смириться с потерей высокого места в мировой демографической иерархии, хотя она по-прежнему будет входить в число 15, в крайнем случае 17, наиболее населенных государств. В дополнение к этому демографически усилившийся мусульманский мир будет широкой полосой обрамлять Россию с юга и юго-запада. Население пяти государств Центральной Азии к середине века увеличится до 76 млн человек (с 56 млн в 2000 г.). А в мусульманском Южно-Центрально-азиатском регионе (пять государств ЦА плюс Иран, Афганистан и Пакистан) будет насчитываться 550–600 млн человек — почти вдвое больше, чем в 2000 г. и в шесть раз больше, чем в 1950 г.⁴³

Не только Россия, согласно прогнозам, столкнется с проблемой сокращения демографического потенциала. Она станет “головной болью” для многих стран Европы и Японии. Из крупных экономически развитых государств лишь в США ожидается неуклонный рост населения с перспективой достижения уровня в 400 млн человек к 2050 г. (285 млн в 2000 г)⁴⁴.

Общая судьба, по-видимому, предполагает взаимный учет опыта в смягчении остроты как экономических, так и политических следствий происходящих сдвигов. Что касается демографического веса России на мировой арене, то его, вероятно, необходимо принимать во внимание при планировании долгосрочной внешнеполитической стратегии.

Заключение

Проведенный анализ исторических и футурологических трендов с достаточной очевидностью показывает динамику изменений демографических и геополитических параметров России в сопоставлении с исламским миром. В настоящее время налицо явное возрождение мирового мусульманства, которое, преодолев весьма длительный демографо-политический кризис, более полвека назад вступило в фазу стремительного количественного роста.

Вместе с тем международно-политический вес государств и ассоциаций исламского характера представляется не вполне соответствующим этим тенденциям. Причина, возможно, состоит в фундаментальном изменении основ мировой политики, которая ныне в существенно большей степени зависит от экономического и научно-технического потенциалов, чем от демографического. Определяющее влияние экономики в международных делах считается отличительной чертой современной, постколониальной истории мира⁴⁵. Вступившая на путь экономического подъема Россия способна много выиграть от такого рода перемен.

Но хотя для представлений о решающей роли экономики, базирующейся на инновациях и научных достижениях, как кажется, есть все основания, нельзя не учитывать вариативность (полисценарность) будущего и не замечать тенденции, способные серьезным образом исказить инерционный контур будущей мировой политики. Среди них видное место занимает отмеченное выше рассогласование процессов увеличения демографического веса исламского мира и сохранения за ним в целом подчиненного, в чем-то приниженого положения в международных делах.

Можно наметить благоприятный и неблагоприятный сценарии эволюции мировой ситуации и положения России в связи с этим обстоятельством. Первый из них, исходя из неизменности относительного веса ислама в мировой политике, базируется на предположении о постепенном сокращении темпов роста мусульманского населения. Такое допущение не является беспочвенным. Неясно, однако, насколько это замедление будет значительным и каким образом оно будет сочетаться с трендами для России и мира.

Сокращение рождаемости, являясь ключевой переменной, зависит от комплекса экономических и социокультурных причин. Упрощая, можно утверждать, что до тех пор, пока на фоне роста доходов

и урбанизации не произойдет заметных перемен в распространении образования среди женщин и их занятости работой вне дома, трудно ожидать решительного отказа мусульманского общества от традиционных установок на многодетность. Впрочем, определенные коррективы в динамику рождаемости могут быть внесены под воздействием информации (демонстрационного эффекта) и доступности современных средств планирования семьи.

Второй, неблагоприятный сценарий демографических изменений (при неизменности ролей в мировой политике) предполагает увеличение разрыва в людском потенциале стран ислама и мира в целом, включая Россию. Его осуществление будет, по-видимому, означать растущее напряжение между мировым мусульманством и внешней для него средой. На этом фоне возможно усиление позиций радикальных исламистов, обострение проблем религиозного экстремизма и терроризма. Исламистская волна может еще раз захлестнуть российские берега. И в этом случае исключительную важность приобретет способность России договариваться с умеренными силами в исламе, находить компромисс, одновременно не допуская уступок экстремистам и опираясь на поддержку широкой коалиции международных сил.

Примечания

¹ *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., РОССПЭН, 2004, с. 90–91; *Ревякин А.В.* История международных отношений в Новое время. М.: РОССПЭН, 2004, с. 54–56.

² Энциклопедический словарь России. С.-Петербург: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург), 1898. Репринт Лениздат, 1991, с. 75.

³ *Козлов В.И.* Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969, с. 240–241; *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y.: Vintage books, 1987, p. 99.

⁴ *Петров В.В.* Народонаселение Индии. М.: Наука, 1978, с. 24, 26–28; Historical Estimates of World Population // www.popin.org/popl998/worldhist.htm

⁵ *Sachs J.D., Shabsigh G.* Economic Development and the Muslim World. Cambridge (Mass). 1974, p. 7.

⁶ *Петров В.В.* Народонаселение Индии. М.: Наука, 1978, с. 116–119.

⁷ Historical Estimates of World Population // www.popin.org/popl998/worldhist.htm

⁸ *Issawi Ch.* The Middle East Economy: Decline and Recovery. Princeton: Princeton University Press, 1995, p. 79; *McEvedy C., Jones R.* Atlas of World Population. L.: Penguin books, 1978, p. 137.

⁹ История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI–XVIII вв. М.: Восточная литература, 1999. Т. III, с. 171; Мусульманский мир в средние века и в новое время. Казань, 1996, с. 58–61; *Kennedy*, 1987, p. 11; *McEvedy C., Jones R.* Atlas of World Population. L.: Penguin books, 1978, p. 145, 153, 155, 163, 183, 195, 198, 221, 227.

¹⁰ Historical Estimates of World Population // www.popin.org/pop1998/worldhist.htm

¹¹ The Economic History of the Middle East, 1800–1914. Chicago: Chicago University Press, 1966, p. 3.

¹² *Issawi Ch.* The Middle East Economy: Decline and Recovery. Princeton: Princeton University Press, 1995, p. 91, 117; *McEvedy C., Jones R.* Atlas of World Population. L.: Penguin books, 1978, p. 137, 147, 151, 227]

¹³ История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI–XVIII вв. М.: Восточная литература, 1999. Т. IV, с. 68–69.

¹⁴ *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М.: Дело, 2005, с. 436.

¹⁵ Энциклопедический словарь России. С.-Петербург: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург), 1898. Репринт Лениздат, 1991, с. 76.

¹⁶ *Сидорова М.М.* Геополитическая дилемма России в конце XIX — начале XX в. М.: МГУ; Макс пресс, 2003, с. 25, 27.

¹⁷ Демографическая модернизация России / Под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006, с. 399–401, 437–438, 442.

¹⁸ Демографическая модернизация России / Под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006, с. 173–174; 443, 447.

¹⁹ Демографическая модернизация России / Под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006, с. 447; *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое будущее России и миграционные процессы // www.unesco.ru/files/docs/shs/rybakovskii.pdf, с. 5.

²⁰ Annual Table of World Religion, 1900–2025 / By D.B. Barnett and T.M. Johnson // www.wnrf.org/cms/statuswr.shtml; *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Touchstone, 1997, p. 65.

²¹ Muslim Population Statistics. Institute of Islamic Information and Education // www.iiie.net/node/55; Muslims in India // www.censusindia.net/religiondata/summary%20Muslim.pdf

²² *Белокреницкий В.* Исламский мир и Россия // Азия и Африка сегодня. 2007. № 5, с. 33.

- ²³ Annual Table of World Religion, 1900–2025 / By D.B. Barnett and T.M. Johnson // www.wnrf.org/cms/statuswr.shtml
- ²⁴ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. М.: Аспект пресс, 2002, с. 129–135.
- ²⁵ Энциклопедический словарь России. С.-Петербург: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург), 1898. Репринт Лениздат, 1991, с. 86.
- ²⁶ Лавров М.В. Туркменистан. География и история края. М., 1914, с. 179–180; Логофет Д.И. Бухарское ханство. М., 1911, с. 114.
- ²⁷ Мусульманский мир в средние века и в новое время. Казань, 1996, с. 178.
- ²⁸ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995, с. 230.
- ²⁹ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995, с. 234–236.
- ³⁰ Тульский М. Ислам в неисламском мире // Независимая газета. 29,09,2001, с. 7.
- ³¹ Интервью с В. Зориным. Каждый десятый россиянин — мусульманин // Независимая газета. 11,11,2003.
- ³² Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Национальная принадлежность и владение русским языком // www.gks.ru/PEREPIS/t5/htm
- ³³ Малашенко А. Ислам для России. М.: РОССПЭН, 2007, с. 10
- ³⁴ Там же, 2007.
- ³⁵ Демографическая модернизация России / Под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006, с. 503.
- ³⁶ World Population Prospects. The 2006 Revision Population Data Base// <http://ESA.un.org/unpp/p2kOdata.asp>
- ³⁷ См.: Переведенцев В.И. Россия: демографический аспект иммиграционной проблемы // Полития. 2005. № 1; Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // www.unesco.ru/files/docs/shs/rybakovskii.pdf
- ³⁸ World Population Prospects. The 2006 Revision Population Data Base// <http://ESA.un.org/unpp/p2kOdata.asp>
- ³⁹ World Population Prospects. The 2006 Revision Population Data Base// <http://ESA.un.org/unpp/p2kOdata.asp>
- ⁴⁰ Annual Table of World Religion, 1900–2025 / By D.B. Barnett and T.M. Johnson // www.wnrf.org/cms/statuswr.shtml; Muslim Population Statistics. Institute of Islamic Information and Education // www.iiie.net/node/55

⁴¹ *Michaletos I.* The Islamic Population Bomb // Serbianna. Views and Analysis. PDF Format, p. 3.

⁴² *Cipolla C.M.* The Economic History of World Population. Harmondsworth: Penguin books, 1964, p. 102,104; *Woytinsky W.S.* *Woytinsky E.S.* World Population and Production. Trends and Outlook. N.Y.: The Twentieth Century Fund, p. 395.

⁴³ Демографическая модернизация России / Под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006, с. 520; World Population Prospects. The 2006 Revision Population Data Base//<http://ESA.un.org/unpp/p2kOdata.asp>

⁴⁴ World Population Prospects. The 2006 Revision Population Data Base// <http://ESA.un.org/unpp/p2kOdata.asp>

⁴⁵ Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М., 2001, с. 10–11.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И РАСХОДЯЩИЕСЯ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ СРЕДНЕ-ЗАПАДНОЙ АЗИИ*

Понятие «глобализация» стало широко использоваться относительно недавно, в 90-х годах прошлого столетия. Обычно под ним подразумевается процесс стяжения и сопряжения мирового экономического, политического и культурного пространства, усложнение и уплотнение гуманитарных связей, рост обмена капиталом, товарами, научно-техническими изобретениями и инновациями, развитие средств связи и коммуникаций. Наряду с процессами, нивелирующими местные особенности глобализации, в современном мире имеют место противоположные тенденции к обособлению, сохранению специфических моделей существования и эволюции. Они находят отражение в явлениях национально-государственной изоляции (полной или частичной, избирательной) и автаркической или полуавтаркической регионализации.

В примыкающей с юга к Кавказу и Центральной Азии Средне-Западной Азии регионализация имеет глубокие исторические корни. Можно считать, что процесс формирования региональной подсистемы начался там после Первой мировой войны с распадом Османской империи и созданием турецкого национального государства, а также с преобразованием Персидской империи в Иран и обретением полной независимости Афганистаном после третьей англо-афганской войны. Накануне Второй мировой войны стремление региональных государств к взаимодействию привело к заключению в Тегеране в 1937 г. Саадабадского пакта с участием в нем помимо Ирана, Турции, Афганистана также Ирака¹.

* Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. Институт востоковедения РАН. М.: Крафт+, 2012, с. 12–35.

Стремление государств региона к обособлению было прямо обусловлено конкуренцией внерегиональных держав за контроль над их пространством. Долгое время существовавшая разделенность этого пространства на северную часть, находящуюся в сфере влияния Российской империи, а затем — на некоторое время — Советской России, и южную, британскую часть во второй половине 1930-х гг. была нарушена проникновением новых действующих на мировой арене держав, прежде всего нацистской Германии, а также фашистской Италии и милитаристской Японии. Активные действия будущих союзников по мировой войне продолжались в регионе относительно недолго и состояли в укреплении экономических связей, но главное — в деятельности политической агентуры, стремившейся перетянуть на свою сторону правящие в молодых государствах региона элиты или найти союзников среди оппозиции к ним. Деятельность японской агентуры, имевшая как антисоветский, так и антибританский характер, велась главным образом лишь в Афганистане и прекратилась после 1939 г., когда в Токио решили сосредоточить главные усилия на восточном и юго-восточном направлениях экспансии и искать ключи к Британской Индии со стороны моря и региона ЮВА². Действия германской разведки и ее агентуры заняли более продолжительный период времени. Немцам в Афганистане помогали итальянцы. Определенную работу германский абвер и другие специальные службы развернули в Иране и Турции. Им удалось склонить на свою сторону иранского правителя Реза-шаха³.

Вторая мировая война отложила планы формирования региональной подсистемы. Турция долгое время оставалась нейтральной и одно время склонялась к союзу с Германией, но избежала опрометчивого шага, наученная горьким опытом Первой мировой войны. Иран — после короткого сопротивления в августе 1941 г. — позволил войскам СССР и Великобритании, а позднее и США расположиться на своей территории (до окончания войны). После войны сначала Турция, а затем Иран встали на сторону западных держав в начавшемся противостоянии с СССР. Нейтральную позицию в период холодной войны занял Афганистан, у которого появился региональный партнер и соперник в лице Пакистана — возникшего на месте колониальной Индии нового государства. В середине 1950-х гг. Турция, Иран, Пакистан и Ирак образовали при участии США и Англии Багдадский пакт — одно из звеньев в цепи анти-

советских военно-политических блоков, протянувшихся от Европы до Дальнего Востока. После переворота в Ираке в 1958 г. и выхода Багдада из пакта он был преобразован в СЕНТО (Организацию Центрального Договора, под «центром» имелся в виду регион Центрального Востока и американского центрального командования).

Вплоть до 1955 г. Вашингтон не оставлял попыток склонить Афганистан к участию в региональном союзе. Более того, строил планы наведения прочных мостов между Афганистаном и Пакистаном. Американская дипломатия не учла глубину противоречий между соседями по региону. У Афганистана имелись свои приоритеты, он стремился воспользоваться наличием пуштунского (афганского) населения в Пакистане и пуштунским национальным движением для усиления своего влияния на территории к югу от своих границ, вплоть до побережья Аравийского моря. По существу Кабул поддерживал идею создания на пакистанском северо-западе пуштунской автономии — Пуштунистана⁴.

Вслед за послевоенным восстановлением экономики СССР и стабилизацией сферы его контроля и влияния в Восточной Европе и на Дальнем Востоке началась эра активной политики Москвы на южном направлении. Она позволила Кабулу сбалансировать свой курс развитием контактов с «великим северным соседом». Оставшись вне блоков и региональных пактов, Афганистан занял привычную для себя позицию буфера между геополитическим севером и югом Евразии.

Внешнеполитическое сходство мусульманских стран по периметру границ Кавказа и Средней Азии было в 50–60-х гг. выражено весьма слабо. Турция связала себя с Западом через задействованность в политике на Балканах и в Восточной Европе. Она вступила в Организацию Североатлантического договора (НАТО) вместе с Грецией, несмотря на наличие между ними спорной кипрской проблемы. Пакистан был «пуповиной» связан с Индией, сразу после образования вступив с ней в спор по поводу принадлежности Кашмира — области на севере индостанского субконтинента. Иран был в чем-то подобен Афганистану, но его отличал выход к Мировому океану через Персидский залив и наличие крупных открытых и разрабатываемых нефтяных месторождений.

Исходный уровень социально-экономического развития

Геополитическая «разбросанность» региона, где явно выделялись западный, срединный и восточный сегменты, сочеталась с близостью уровней его социально-экономического положения. В первые годы после окончания войны у четырех стран региона, так же как и у примыкающего к нему курдского ареала Сирии и Ирака, было много общего. Об этом свидетельствуют, в частности, суммарные данные о показателях национального дохода (см. табл. 1).

Таблица 1

Национальный доход на душу населения в 1950 г.

Страна	По обменному курсу в текущих ценах, долл. США*	По обменному курсу в ценах 1970 г., долл. США**	По обменному курсу в ценах 1975 г., долл. США***
Афганистан	40		126
Пакистан	60	105	119
Иран	85	200	408
Турция	105	220	314

Источники:

* Оценки, приводимые в разных изданиях 1950 гг.; о них см. статью автора в: Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана. М., 1997, с. 43, а также статью автора в: Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001, с. 21.

** Ганковский Ю.В. Предисловие — Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока. М., 1981, с. 3.

*** Болотин Б.М., Шейнис В.Л. Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования. 1950–1985 годы. М., 1988, с. 344–349.

Вместе с тем, по степени развития экономики, сфер образования и культуры они уже тогда несколько отличались друг от друга. Население Турции в 1950 г. равнялось 20–22 млн человек. Каждый третий житель был грамотным, половина детей школьного возраста посещала школу, насчитывалось 10 высших учебных заведений. В городах проживало 18% жителей (в Стамбуле — менее 1 млн человек). Турция того времени — это еще в полной мере аграрная страна. Сельское хозяйство давало приблизительно 85% всей про-

дукции (материального производства без услуг). Но политика модернизации, начатая Атаатюрком в 1923–1938 гг., принесла определенные плоды. Сложилась разветвленная сеть железных дорог протяженностью около 7,7 тыс. км, добыча угля превысила 4 млн т в год, а выплавка чугуна и стали — 200 тыс. т. Имелась крупная пищевая и текстильная промышленность, на фабриках производилось 160–180 млн м тканей⁵.

Иран по количеству населения несколько уступал Турции — 16–17 млн человек. В его городах, так же как и в турецких, проживало менее 20% жителей, но грамотность была ниже, равняясь 19–20%. Число учебных заведений высшего типа было вдвое меньше турецких. Модернизационные усилия межвоенного периода (правление Реза-шаха Пехлеви) привели к появлению современной для своего времени пищевой и текстильной промышленности. При скромных объемах добычи угля (200 тыс. т в год) Иран являлся крупным поставщиком нефти и нефтепродуктов на мировом рынке. В 1950 г. добыча сырой нефти достигла пика для первого послевоенного периода — 32,3 млн т. Она осуществлялась на средства британского капитала (Англо-Иранской нефтяной компании), а ее переработка производилась на крупнейшем в мире нефтеперерабатывающем заводе в Абадане мощностью около 18 млн т сырой нефти в год⁶. Из-за наличия нефтяного комплекса доля аграрного сектора в производимой продукции была в Иране существенно меньше, чем в Турции — порядка 70%.

Население Пакистана (в современных границах, тогда западно-го «крыла» государства) на рубеже 40–50-х гг. прошлого столетия было почти вдвое многочисленнее, чем в Иране и Турции, составляя, по разным оценкам, 32–36 млн человек. Экономика страны носила ярко выраженный аграрный характер. На сельское хозяйство приходилось около 90% производимой материальной продукции. В городах проживало 18% жителей, а доля грамотных равнялась всего 10%⁷.

Запасы пригодной для орошения пресной воды были у Пакистана больше, чем у его западных соседей, что и дало возможность уже в колониальный период создать там один из самых обширных в мире ареалов ирригационного земледелия. Получил развитие железнодорожный транспорт. К 1947 г., моменту образования страны, имелась разветвленная, хотя и маломощная, предназначенная во многом для военно-стратегических целей, сеть железных дорог протяженностью 8,5 тыс. км⁸.

Афганистан уже в рассматриваемый период в экономическом отношении отставал от соседей. Сказались его замкнутое, не имеющее выходов к морю географическое положение и роль «ничейной земли», заповедной нейтральной зоны, отведенной ему «большой игрой» Британской и Российской империй в Азии. Импульсивная попытка модернизации хозяйства и политической сферы, предпринятая королем Амануллоу в 1920-х гг., закончилась неудачей⁹.

Хозяйство Афганистана отличалось преобладанием чисто аграрной специализации со значительным удельным весом кочевого скотоводства. В городах, главными функциями которых были управление и торговля, проживало 10–12% населения, составлявшего около 10 млн человек. Плотность населения была чуть выше иранской (650 тыс. кв. км — площадь Афганистана, при иранской территории равной 1630 тыс. кв. км), вдвое меньше, чем в Пакистане (800 кв. км), и приблизительно вдвое ниже турецкой (780 тыс. кв. км).

Расходящиеся траектории развития

Как следует из табл. 1, Турция в 1950 г. по величине душевого дохода превосходила Афганистан лишь в 2–2,5 раза, хотя и тогда западные страны региона (Турция и Иран) имели более высокие экономические показатели, чем восточные (Афганистан и Пакистан).

Через 30 лет, в 1980 г., разрыв заметно увеличился. Агрегатные показатели экономического развития Турции и Ирана были уже в 3–5 раз выше, чем у Афганистана и Пакистана (см. табл. 2).

Таблица 2

Национальный доход на душу населения в 1980 г. (долл. США в ценах 1975 г.)

Страна	Доход по обменному курсу	Доход по паритету покупательной способности
Афганистан	121	423
Пакистан	221	662
Иран	1124	1783
Турция	766	2089

Источник: Болотин Б.М., Шейнис В.Л. Указ. соч., с. 354–357.

Нужно отметить, что развитие всех четырех стран региона в первые два десятилетия после окончания Второй мировой войны носило сходные черты. Утвердилась смешанная многоукладная система форм собственности и хозяйствования. Государство выступало в роли инициатора преобразований в экономике, прежде всего в аграрной сфере, проводя реформы и используя элементы планирования. Основным источником средств для развития индустриальных секторов было собственное сельское хозяйство. За счет разницы в ценах создавались условия для перелива вложений из аграрной в индустриальную сферу, росли государственные ассигнования на цели образования, социального обеспечения, жилищное строительство. Темпы роста экономики на протяжении первых трех десятилетий были достаточно стабильными, хотя и умеренными. Их поддерживал высокий демографический рост, одновременно «съедавший» часть приращения национального дохода.

Влияние внешнего фактора в наибольшей степени отразилось на эволюции Ирана, который как крупный экспортер нефти в 1970-х гг., после «революции цен» на нее, стал обладателем значительных валютных ресурсов. Поражение шахского режима в 1979 г. помогло провести их «стерилизацию» путем самоизоляции исламского Ирана и его вступления в войну с Ираком. Флуктуация цен на энергоносители в 1970–1980 гг. стала подоплекой катаклизмов в политической эволюции Турции, Пакистана и Афганистана.

В те же два десятилетия произошло более активное втягивание стран Средне-Западной Азии во внешний для них процесс через участие в конфронтации двух международно-политических лагерей, условно говоря, Североатлантического и Восточноевропейского. Окончание этой борьбы на рубеже 1980–1990-х годов привело для одних государств региона — Афганистана и Пакистана — к снижению роли внешнего фактора, а для других — Турции, а отчасти и Ирана — к его усилению ввиду большей втянутости в единую рыночную и торговую систему мира. Усиление глобализационных процессов особенно глубоко затронуло страны региона с конца 1990-х и в 2000-е годы, вызвав в целом ускорение экономического роста и социальных перемен, сопровождавшееся одновременно резким внутререгиональным размежеванием.

В результате по сравнению с первым послевоенным тридцатилетием скорость увеличения разрыва между региональными государствами за второе тридцатилетие повысилась примерно вдвое.

В табл. 3 приведено сравнение показателей четырех государств за 1950, 1980, 2008 и 2009 гг. по валовому национальному продукту (ВНП) или доходу (ВНД) на душу населения в системе подсчета по официальному курсу обмена национальных валют на валюту США. Из нее видно, что в Афганистане за последние 30 лет он вырос менее чем в 3 раза, в Пакистане — в 4,5 раза, в Иране — в 4 раза или даже менее того, в Турции — округленно в 11–12 раз. При этом надо учитывать, что сравниваются данные Всемирного банка в текущих ценах и расчеты Б.М. Болотина и В.Л. Шейниса в долл. 1975 г., что завывает исходную базу. Разрыв между странами региона к исходу первого десятилетия XXI века увеличился существенно по сравнению с 1980 г. Афганистан отстал от Пакистана втрое, от Ирана — в 10 раз, а от Турции — почти в 30 раз. Отставание Пакистана от Ирана уменьшилось, но произошло это, очевидно, из-за особенностей подсчета ВНП в 1980 г., зато разрыв с Турцией у Пакистана вырос с 3,5 до 9 раз.

Таблица 3

**Рост душевых показателей за шесть десятилетий
(долл. США, по официальному курсу обмена валют в ценах 1975 г.)**

Страна	1980 г.*	2008 г.**	2009 г.***
Афганистан	121	330	
Пакистан	221	980	1000
Иран	1124	3540	4530
Турция	766	9340	8720

Источники:

* *Болотин Б.М., Шейнис В.Л.* Указ. соч., с. 344–349, 357–359.

** World Development Report 2010 // www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.

*** GNI per capita, Atlas method (current US\$) // [http://data/worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD](http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD)

Если взять за основу сравнения показатели в начальный период (1950 г., см. табл. 1, столбец 2), то увеличение дохода по всем странам за 60 лет будет весьма значительным, но кратность прироста сильно расходится. В Афганистане доход увеличился в 9 раз, в Пакистане — в 16 раз, в Иране — в 42 раза, а

в Турции — в 90 раз. Нужно при этом учитывать многократное падение покупательной способности доллара за послевоенный период. Из-за этого динамика роста национального дохода всех государств региона на самом деле была существенно меньше.

Более умеренным по сравнению с ростом номинальных (по обменному курсу) доходов представляется прогресс за шесть десятилетий при расчете национального дохода по паритету покупательной способности валют (см. табл. 4 и график на рис. 1).

Таблица 4

**Рост душевых показателей за шесть десятилетий
(долл. США по ППС)**

Страна	1950 г.*	1980 г.*	2008 г.**
Афганистан	479	423	1092
Пакистан	382	662	2700
Иран	733	1783	10 840
Турция	701	2089	13 770

Источники:

* *Болотин Б.М., Шейнис В.Л. Указ. соч., с. 344–349, 357–359.*

** World Development Report 2010 // www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.

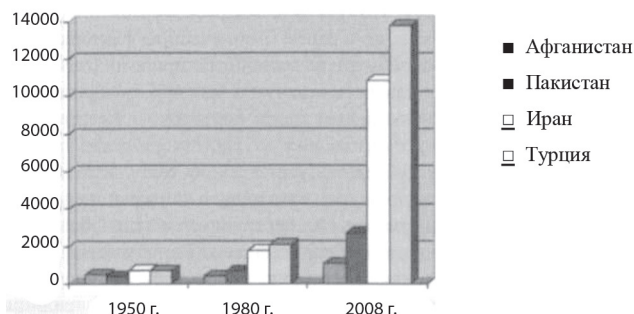

Рис. 1. Рост душевых показателей за шесть десятилетий
(долл. США по ППС).

Как следует из используемых данных, в Афганистане доход на душу населения вырос примерно в 2,5 раза, в Пакистане — в 4, в Иране — в 5, в Турции — в 7 раз. Оценки за 1950 и 1980 гг. далеко не идеально сопоставимы с данными за 2008 г. Вместе с тем, душевые показатели дают возможность представить «веер траекторий», все более расходящихся к концу рассматриваемого периода.

Согласно данным Всемирного банка о душевом доходе в системе ППС за 2008 г., четыре страны региона четко распадаются на две группы. Первую составляют Турция и Иран с доходами округленно в 14 тыс. и 11 тыс. долл, в год на человека, а вторую — Пакистан и Афганистан с показателями 3 тыс. и 1 тыс. долл.¹⁰ Если в начальный послевоенный период разрыв составлял максимум 2–2,5 раза, то ныне он увеличился до 3–4 раз при сравнении с Пакистаном и до 11–14 раз при сопоставлении с Афганистаном.

За счет чего образовались эти ножницы расходящихся траекторий? По всей видимости, главным обстоятельством был уже отмеченный выше внешний фактор. На его значение при анализе моделей экономического роста Ирана, Турции и Египта обратил внимание, в частности, М. Алехин¹¹. Рассматривая быстрое развитие Ирана и Турции в 2000-х гг., он убедительно показал, что основным стимулом роста были внешние факторы. В турецком случае они сводились главным образом к иностранным прямым инвестициям и работе на внешний рынок товаров и услуг, в том числе туристических, а в иранском — к потоку доходов от экспорта нефти. Между тем национальная производительность труда увеличилась ненамного, а внутренние факторы, как двигатели развития, были в Турции и Иране существенно менее значимыми, чем у других растущих экономик (США, Франции, Южной Кореи).

Распространяя подход, основанный на использовании модели Г. Хофстеда, на четыре рассматриваемые в статье государства, следует, видимо, еще раз подчеркнуть, что объединяющим моментом для их прогресса, и не только в 2000-х гг., но и ранее, были внешние факторы, связанные с втянутостью в мировой модернизационный процесс (глобализацию), а различались они по степени достигнутых на этом пути успехов. Различия могут быть объяснены целым рядом факторов — международно-политических, природно-ресурсных и культурно-исторических.

Обстоятельный и углубленный учет этих обстоятельств представляет собой отдельную сложную задачу, выходящую за рамки

нашего анализа. Для начала можно лишь указать на достаточно очевидный факт, что более глубинные районы, расположенные дальше от Европы и морских путей, подвергаясь менее интенсивному воздействию извне, в большей степени сохраняли не затронутые современной модернизацией традиционные черты и сферы экономической, социальной и культурной активности и демонстрировали более высокую сопротивляемость внешнему влиянию. Велико в то же время было, очевидно, и значение таких факторов, как эффективность политики правящих кругов, подготовленность населения к переменам, его социально-организационные особенности и политико-психологические черты.

Современный уровень дифференциации

По аналогии с исходными характеристиками по странам посмотрим, как изменились показатели их развития за прошедшие с первого послевоенного периода шесть десятилетий.

Население Турции увеличилось за это время вчетверо, до примерно 80 млн человек в 2011 г. Причем если на первых порах оно росло весьма быстрыми темпами — около 2,5% в год, то в последнее десятилетие темпы снизились до 1,3–1,5%. Грамотность населения выросла с трети до 87%; у мужчин она достигла 95%, а у женщин (по оценке 2004 г.) — 80%¹². Число государственных университетов увеличилось до 53¹³. Достижением Турции в области образования является стопроцентный охват начальным образованием всех детей соответствующего возраста. Это говорит о том, что даже на крайнем востоке страны (в курдских по преимуществу областях Восточной и Юго-Восточной Анатолии) сельские дети получили возможность посещать школу. Доля городского населения на рубеже первого и второго десятилетия XXI столетия составляла почти 70% против менее одной пятой в середине XX века. Резко снизились такие показатели, как детская и младенческая смертность, увеличилась до 72 лет средняя продолжительность жизни (мужчин до 70, женщин — до 74). Коэффициент суммарной рождаемости (фертильность) снизился до 2,2 деторождений, рождаемость на 1000 человек упала до 19 в год, при смертности равной шести. Турция вплотную приблизилась, таким образом, к странам, совершившим демографический переход (низкая планка смертности и рождаемости).

Экономический прогресс Турции за 60 лет послевоенного развития был значительным. Турецкая экономика из аграрной по преимуществу превратилась в индустриально-аграрную с развитой сферой услуг. Особенно быстро экономика Турции развивалась в первое десятилетие нынешнего столетия после преодоления кризисных явлений 1999 и 2001 гг. Государство в этот период сумело добиться макроэкономической стабилизации, опираясь на сложившиеся с 1990-х гг. под воздействием последовательно проводившейся политики либерализации сильный частный банковский сектор, крупный фондовый рынок с центром в Стамбуле, приток капитала извне и открытость экономики. Впервые в современной истории страны удалось побороть традиционный бич турецкой экономики — галопирующую инфляцию, ввести и обеспечить устойчивость турецкой лиры, ставшей свободно конвертируемой. Инфляция к концу десятилетия снизилась до менее 5%. Хотя мировой кризис не обошел Турцию стороной и ее ВВП снизился в 2009 г. на 4,7%, экономика быстро преодолела кризисные явления, продемонстрировав в следующем году рост в 7,3%¹⁴.

Изменения в области инфраструктуры коснулись главным образом автодорожного и авиационного сообщения. Суммарная длина автодорог с твердым покрытием превысила 300 тыс. км. Количество аэродромов с бетонированной взлетно-посадочной полосой достигло 90. Железнодорожная сеть за шесть десятилетий по протяженности почти не изменилась, а из 8,7 тыс. км железных дорог только несколько более 2 тыс. электрифицированы. Вместе с тем, в последние годы проложены первые линии скоростного железнодорожного сообщения (Анкара–Эскишехир) и намечено сооружение новых магистральных путей. Торговый морской транспорт насчитывал, по данным на 2009 г., 645 кораблей, и по этому показателю страна занимала 18-е место в мире. Производство и потребление электроэнергии приблизилось к 200 млрд кВт/час в год. Весьма большой оставалась зависимость Турции от ввоза сырой нефти: из примерно 32 млн т потребляемой нефти страна производила только около 3 млн т. Значительные объемы (около 7,5 млн т в 2008 г.) Турция реэкспортировала, т. е. пропускала через свою территорию по трубопроводу Баку–Тбилиси–Джейхан. Потребление природного газа составляло в 2009 г. 32 млрд куб. м; при этом производство составляло лишь 1 млрд, остальная часть импортировалась в значитель-

ной степени из России по трубопроводу «Голубой поток» (по дну Черного моря)¹⁵.

Заметный прогресс достигнут в текстильной отрасли, где была сосредоточена примерно треть всех занятых в обрабатывающей промышленности. По-прежнему крупную долю составляли пищевые отрасли, претерпевающие постепенную модернизацию. За последние два десятилетия значительно выросло производство и сборка легковых и грузовых автомашин, другого транспортного оборудования и в целом машинотехнической продукции¹⁶.

Существенная часть товаров турецкого индустриального производства (готовая одежда, продукты питания, текстиль, металлоизделия, автомобили) шла на экспорт, главным образом в Европу, но также и в некоторые соседние страны, в частности Иран. Импорт, однако, преобладал над экспортом. В 2010 г. дефицит сальдо текущего платежного баланса составил почти 40 млрд долл., увеличившись с 14 млрд в 2009 г. Виной тому — возросший уровень цен на энергоносители. С торговым дефицитом связан значительный внешний долг — 270 млрд долл. Величина прямых иностранных инвестиций снизилась со 174 млрд долл., в конце 2008 г. до 85 млрд долл., на 31 декабря 2010 г. стоимость золотовалютных резервов равнялась 78 млрд долл. (17-е место в мире)¹⁷.

Нужно еще раз отметить существенный скачок, совершенный Турцией за послевоенные годы, особенно за последние три десятилетия и в наибольшей степени за первые 10 лет XXI века. Начав с почти такого же низкого старта, что и остальные страны Средне-Западной Азии, Турция построила одну из ведущих экономик мира, находящуюся по объему ВВП в первой двадцатке (17-е место по ВВП в системе ППС и 19-е — по номинальному ВВП) и закономерно вошедшую в Группу 20 экономически наиболее развитых государств.

Сельское хозяйство Турции оставалось слабым звеном. На него приходилось менее 10% ВВП при занятости в 30%. Это означает, что производительность труда в сельской экономике, куда, помимо земледелия, входят скотоводство, рыбное и лесное хозяйства, была втрое ниже, чем общенациональная. На треть сельских жителей приходилась основная масса людей, проживающих ниже национальной черты бедности, а к таковым официальная турецкая статистика относила 17% жителей. На 10% самых бедных в Турции лю-

дей приходилось менее 2% национального дохода, а коэффициент Джини (неравномерность в распределении доходов) превышал 40.

Несмотря на трудности подсчета, очевидным представляется увеличившийся разрыв между наиболее продвинутыми западными районами страны и ее отсталыми восточными ареалами. Как отмечает Н.Ю. Ульченко, «разброс регионов Турции по уровню социально-экономического развития весьма велик»¹⁸. При этом средние показатели характеризовали два срединных физико-географических района страны, наибольший уровень развития отмечался в двух западных районах (Мраморноморском и Эгейском), наиболее территориально приближенных к Европе, а три региона к северу, востоку и югу от центра относились к отстающим. Особенно велико было отставание Восточной и Юго-Восточной Анатолии, причем за 2000-е годы по среднедушевому доходу оно возросло¹⁹.

В определенном смысле сходные результаты развития имеет еще одна страна региона — Иран. Удивительны некоторые совпадения в темпах изменения демографических и ряда экономических показателей двух соседних государств. Число жителей Ирана, отставая немного от показателей Турции в начальный период, выросло более чем в четыре раза — до 77 млн человек. Причем более ускоренными темпами, по сравнению с турецкими, иранское население увеличивалось в начальные периоды, особенно в 1970–1980-х годах, а в последние десятилетия скорость приращения уменьшилась вдвое и оказалась к концу 2000-х гг. ниже турецких показателей (коэффициент фертильности 1,8 против 2,2). Примерно такие же, что и у Турции, показатели характеризовали соотношение городского и сельского населения. В иранских городах проживали, по оценкам на конец 2000-х гг., примерно 70% населения. При несколько более высоких, чем в Турции, показателях детской смертности средняя продолжительность жизни составляла 70 лет, уступая турецкому показателю два года.

Агрегатные экономические параметры Исламской Республики Иран в конце рассматриваемого периода, как и в его начале и на промежуточных этапах, за редким исключением²⁰, несколько уступали турецким. По данным международной статистики (Всемирного банка, МВФ, ЦРУ США и др.), которые чаще всего опираются на национальные подсчеты, величина ВВП Ирана в системе ППС достигла в 2010 г. 864 млрд долл., и по нему он занимал 19-е место в мире, следуя почти вплотную за Турцией с ее 958 млрд. Одна-

ко номинальный ВВП Ирана (по валютному курсу) равнялся лишь 338 млрд долл., уступая первому показателю в 2,6 раза (разница в расчетах между доходом в ППС и доходом по обменному курсу в случае Турции равна всего 0,5 раза). Так как оба показателя — обменновалютный и покупательный — имеют определенное значение, можно считать, что Иран в целом недотягивает до уровня средневысоких по доходам государств. Его душевой доход по ППС равнялся 11 тыс., а номинальный ВНД на душу населения — лишь 4300 долл. США²¹.

Своеобразной оставалась отраслевая структура иранской экономики. Как и в начальный период, она имела перекося в сторону индустриальных отраслей за счет гипертрофированной роли добычи и экспорта нефти. Добыча нефти увеличилась во второй половине 2000-х гг. вслед за возросшей мировой ценой на «черное золото». В кризисный 2009 г. она равнялась 211 млн т (4,2 млн баррелей в день). Экспорт превысил 100 млн т и давал 80% экспортной выручки. Вслед за сырой нефтью в структуре вывоза следовали нефтехимия и химия. Хотя зависимость от нефти экономики Ирана велика и оставалась таковой на протяжении всех шести десятилетий развития после Второй мировой войны, доказанные нефтяные запасы громадны, составляя около 7 трлн т²².

По запасам природного газа (29,6 трлн куб. м) Иран занимал второе место в мире, тогда как по нефти — третье. Производство газа в 2008 г. оценивалось в 200 млрд куб. м, хотя экспорт был незначительным. Между тем превышение товарного экспорта над импортом — отличительная черта иранской экономики. По оценкам на 2010 г., экспортная выручка составила 80 млрд долл., а импортные расходы равнялись 60 млрд. При этом положительное сальдо текущего платежного баланса равнялось 10 млрд, что свидетельствует о значительных объемах перевода средств за границу²³.

В отличие от турецкой, иранская экономика относилась к числу по преимуществу автаркических, замкнутых на себя и находилась под плотным контролем государства. После исламской революции в Иране 1978–1979 гг. огосударствление высших этажей национального хозяйства было едва ли не абсолютным. С 1990 г. началась частичная либерализация, Иран полуоткрылся для мирового рынка капиталов, так как остро нуждался в обновлении технико-технологической базы. Однако далеко продвинуться по этому пути ему не удалось из-за сопротивления как внутренних сил, заинтересо-

ванных в самоизоляции страны, так и внешних, прежде всего США, которые в середине 1990-х гг. ввели эмбарго на торговлю с Ираном, а затем и санкции против компаний, инвестирующих в иранскую нефтегазовую отрасль²⁴.

Сохранение исламского характера режима власти и директивно-административной системы управления экономикой не препятствовало существованию мелкого и среднего частного предпринимательства. Однако наибольшей поддержкой государства пользовались кооперативная и общественная формы собственности. Только в 2001 г. Центральный банк Ирана одобрил создание первого частного банка. Затем были образованы еще два банка с участием государственного капитала. При этом частные банки должны были соблюдать исламские принципы деятельности²⁵.

Несмотря на антилиберализм господствующей в ИРИ идеологии, неравномерность в распределении доходов оказалась там в конце 2000-х гг. не менее выраженной, чем в Турции. На низшие по доходам 10% домохозяйств в 2005 г. приходилось 2,6% национального дохода, а коэффициент Джини равнялся 44,5. С этим показателем Иран оказался на 45-м месте в мире (из примерно 200)²⁶. По доле инвестиций он вышел на 28-е место, что свидетельствует о «рециклировании» государственного дохода в новые капиталовложения. Высокая инфляция в 2009 и 2010 гг. (14 и 11%) явилась следствием роста цен на импортные товары (металл, продукты питания, оборудование и т. п.) в условиях растущего внутреннего спроса и недостаточного предложения. Производство и потребление электроэнергии достигло, как и в Турции, примерно 200 млрд кВт/час.

Внимание государства к вопросам народного образования привело к увеличению грамотности взрослого населения в Иране за шесть десятилетий примерно втрое. Еще в 1991 г. она составляла 66%, а в 2006 г. выросла до 82%. Неграмотность среди женщин старше 15 лет в начале XXI века была еще близка к четверти, но охват детей школьным обучением достигал 90%.

Сельское хозяйство в Иране хронически отставало, как и в Турции. На него приходилось, по оценкам на 2009 г., 11% ВВП и 25% занятых. На индустриальные сектора выпадало 46% вновь добавленной при переработке стоимости (ВВП) и 31% занятой рабочей силы. Разница между производительностью труда в сельскохозяйственных и индустриальных отраслях была хоть и значительной, но все же не такой большой, как в Турции. Это отражало, по-видимому,

продуктивный характер некоторых аграрных отраслей Ирана, таких как рыболовство (по производству черной икры страна занимала одно из первых мест в мире) и садоводство (первое место по производству фисташковых орехов).

На сферу услуг, неперемногого спутника и побочного продукта развитой экономики, в Иране в отличие от Турции приходилось менее половины ВВП. Значительны, по оценкам, были размеры безработицы. В 2008 г. международная статистика относила к безработным 10, а в 2010 г. — 15% рабочей силы, сосредоточенной главным образом в городах²⁷.

Порайонные различия в Иране были в целом не менее существенны, чем в Турции. Основная масса населения сосредоточена на относительно небольшой площади (300–400 тыс. кв. км, 20–25%) в западной части страны. Наиболее развитыми в индустриальном отношении традиционно являлись западно-центральные районы, вокруг столицы — Тегерана, а также Исфахана²⁸. Обширная восточная часть заселена весьма редко. За десятилетия, прошедшие после Второй мировой войны, сельское население, резко сократившись относительно (с 82 до 32%), увеличилось абсолютно с 15 до 25 млн человек. Значительная часть прироста пришлась на отсталые и редконаселенные районы, которые имеются не только на востоке, но и на западе страны, в Курдистане, Луристане и некоторых других областях.

Пакистан за годы существования проделал значительную эволюцию от аграрной окраины колониальной Индии до аграрно-индустриальной страны. Доходы на душу населения остались, впрочем, низкими. При этом число жителей увеличивалось быстрее, чем в Иране и Турции, достигнув — по оценкам на 2010 г. — примерно 180 млн человек (более чем в пять раз за шесть десятилетий)²⁹. Долгое время остававшийся почти рекордным коэффициент фертильности (6–7 деторождений в среднем на женщину) снизился до 4. Темпы прироста в 2000-х гг. сократились до 2% в год. Вместе с тем, ежегодно население увеличивалось более чем на 3 млн человек (на 10 млн каждые три года).

При этом большинство жителей (65%) проживало в сельской местности. Таким образом, соотношение между городским и сельским населением в этой стране было обратным по сравнению с Турцией и Ираном. Грамотность оставалась также существенно ниже, даже по официальным данным — всего 54%, а по международным

оценкам на 2005 г. — 50%. Особенно низка она среди женщин (около трети). Причем если почти все мальчики (93%) получали начальное образование, то среди девочек доля посещающих начальную школу составляла, по данным на 2005 г., 77%. Среди стран, по которым имеются оценки, Пакистан занимал первое место по числу лиц женского пола, не посещавших школу (свыше 4 млн. 200 тыс.). Его отличал один из самых низких уровней грамотности молодых женщин и девушек в возрасте 15–24 лет: оценки находились в пределах 53–59%³⁰.

Средняя продолжительность жизни в Пакистане, по данным за 2008–2009 гг., была на 5–7 лет ниже, чем в Турции и Иране (65–67 лет), при существенно более высокой младенческой смертности. Значительная часть населения не могла пользоваться чистой питьевой водой и канализацией.

Национальный доход Пакистана за время суверенного развития вырос многократно и достигал, по оценке на 2009 г., 162 млрд. долл. в текущих ценах по обменному курсу. По этому показателю он уступал Ирану в два раза, а Турции — в 5,5 раза. По национальному доходу в системе ППС показатель Пакистана был втрое выше, на 2008 г. оценивался в 450 млрд долл., что было лишь в 1,7 раза меньше иранского (770 млрд долл.), и в 2,3 раза — турецкого (1017 млрд долл.)³¹.

Основой пакистанской экономики оставалась аграрная сфера, хотя на нее приходилось лишь 20% ВВП при 53%, выпадающих на услуги. Добавленная стоимость в индустриальных секторах (обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, строительстве и инфраструктуре) с рубежа XXI века опережала стоимость в сельском хозяйстве. По данным на 2008 г., она равнялась 27% ВВП. Строго говоря, Пакистан переместился в категорию индустриально-аграрных экономик. Однако основная часть обрабатывающей промышленности (20% ВВП) приходилась на текстильную и пищевую отрасли, которые базируются на производимом в земледелии сырье (хлопке, пшенице, сахарном тростнике, масличных культурах и т. п.).

Производительность сельского хозяйства Пакистана была достаточно высокой, так как примерно 80% обрабатываемых площадей принадлежали к категории орошаемых (ирригационная территория равнялась 180 тыс. кв. км, или 18 млн га). Расширение искусственно орошаемых площадей относится к одному из самых

впечатляющих достижений в экономической эволюции Пакистана. Именно оно позволило относительно безболезненное пятикратное увеличение населения, причем число жителей в сельской местности возросло с 30 до 120 млн человек, т. е. на 90 млн за шесть десятилетий. В аграрной сфере было занято около 45% рабочей силы, что говорит о вдвое более низкой производительности по сравнению с другими сферами. Но разрыв в этом отношении — по сравнению с ситуацией в Иране и Турции — был существенно меньше.

Увеличивающаяся часть легкой промышленности Пакистана перешла на обработку привозного сырья — шерсти, искусственного волокна и т. п. Зависимость от импорта усиливалась недостаточным прогрессом добывающих отраслей. Производство главного энергетического сырья — природного газа, хотя и многократно выросло, превысив в последние годы 30 млрд куб. м, все же отставало от потребностей и непосредственно в газе как первичном источнике энергии, и в электричестве (на газотурбинных ТЭС производилась наибольшая часть электроэнергии). Добыча своей нефти составляла менее четверти от импорта, превышавшего 15 млн т в год. Производство электроэнергии приблизилось к 100 млрд кВт/час в год, но потребности домохозяйств и экономики были много выше. Поэтому в конце 2000-х гг. наблюдались хронические перебои со снабжением электроэнергией крупных городов и промышленных центров.

Транспорт и инфраструктура развивались в период независимо-сти менее быстрыми темпами, чем другие индустриальные сектора. Протяженность железнодорожных путей по сравнению с начальным периодом почти не выросла (8,1 тыс. км), а техническое переоснащение было едва заметным. Быстро развивалось авиационное сообщение и автодорожный транспорт. Невысокими были темпы создания собственного торгового флота. Лишь в 2000-х гг. началось и осталось незавершенным сооружение второго после Карачи порта Гвадар на побережье Аравийского моря³².

Весьма продвинутым можно считать военно-промышленный комплекс Пакистана. Создававшийся в условиях конфронтации с Индией и войны в Афганистане, ВПК был призван удовлетворять постоянно растущие запросы вооруженных сил. Ремонт и сборка самолетов, танков, бронетехники, артиллерии и стрелкового оружия были освоены на ряде оборонных предприятий, сосредоточенных главным образом в северной предгорной части страны. Потребности ВПК вызвали к жизни строительство, главным образом с по-

мощью КНР, заводов тяжелого оборудования, металлургических предприятий и т. п.

Вплоть до начала второго десятилетия нынешнего столетия Пакистан оставался единственным мусульманским государством, обладающим ядерным оружием. Подземные испытания прошли в 1998 г. По оценкам на 2010 г., он располагал 60–110 ядерными боезарядами, а также самолетами и ракетами для их доставки, причем как баллистическими ракетами радиусом действия до 2,5 тыс. км, так и крылатыми самонаводящимися. Создание с опорой на иностранные образцы и секреты ракетно-ядерного комплекса явилось немалым достижением Пакистана. Однако втянутость в вооруженные конфликты против Индии за Кашмир (спорную область на севере индостанского субконтинента) и на стороне дружественных для Пакистана сил в Афганистане привела к тяжелым последствиям для социального и экономического развития страны. Среди них — отягощенная военным фактором структура экономического роста, проблема миллионов афганских беженцев, расширение криминального и полукриминального бизнеса, усугубление коррупции и беззакония, низкая привлекательность местного рынка для иностранных инвестиций и т. п.

За прошедшие шесть десятилетий развития существенно углубились межрегиональные различия. По достигнутому уровню выделяется зона орошаемого земледелия в бассейне реки Инд и ее притоков, северная часть крупнейшей провинции Панджаб (вокруг столичного Исламабада) и южная область Синда (район главного порта и мегаполиса Карачи). Крайние районы по границам с Индией, Афганистаном и Ираном остались слаборазвитыми, полуизолированными. Относительно редкое население этих горных и пустынных местностей состоит главным образом из представителей различных пуштунских и белуджских племен.

Вследствие ряда причин Афганистан выпадал из общего ряда государств Средне-Западной Азии, являя собой пример неудавшейся модернизации. Прогресс по сравнению со временем после окончания Второй мировой войны был крайне незначительным. Страна осталась в высшей степени слаборазвитой, отсталой в экономическом и социально-демографическом отношении. Крайне замедленная эволюция объясняется географическими факторами — замкнутостью страны на суше без выходов к морю; топографией — горным и гористым ландшафтом, преобладанием непригодных к обработ-

ке земель; историческими обстоятельствами — идущей с конца 1970-х гг. гражданской междоусобной войны, отягощенной вмешательством внешних сил — региональных и глобальных.

Количество жителей в Афганистане увеличилось примерно в три раза, до 30 млн человек. Большое число афганцев бежали из страны на том или ином этапе ее недавней истории и осели главным образом в Пакистане и Иране, но также в Индии, Центральной Азии, России, Европе и США. Между тем естественный прирост населения, по последним данным, был еще очень велик — 2,4% в год, при коэффициенте фертильности равном 5,4 и высокой смертности детей (вдвое выше пакистанской). Городское население на конец первого десятилетия XXI века составляло только 23%, грамотность среди женщин была менее 15%, а всего населения — менее 30%. Низким был процент жителей, имеющих доступ к чистой воде и канализации. Средняя продолжительность жизни оценивалась в 45 лет, на 20 лет меньше, чем в Пакистане³³. Образование получали меньшинство детей, особенно мало распространено женское, даже начальное образование. По всем этим параметрам Афганистан находился в группе немногих заповедных стран Азии (сопоставим с Непалом) и целого ряда государств Тропической Африки.

Относясь по классификации ООН к категории наименее развитых государств, валовой национальный продукт Афганистана в системе ППС равнялся, по оценкам на 2008 г., 30 млрд долл., а на душу населения приходилось чуть более 1000 долл.; ВВП по номиналу оценивался в 9,8 млрд долл., а душевой доход — в 340 долл. По удельным показателям Афганистан уступал соседнему Пакистану примерно вдвое³⁴.

Экономику Афганистана отличало, по данным международной статистики, преобладание аграрного сектора — 31%, хотя доля промышленности достигла 26%. Несогласованно с этими данными выглядят сведения о структуре занятости, содержащиеся в государственном плане развития на 2008/09 г. — 79% в сельском хозяйстве, 6% в промышленности и 16% в сфере услуг³⁵. Незанятое население оценивалось в этом документе в 35%, а доля населения за национальной чертой бедности — в 36%. Согласно другим оценкам, она равнялась 42%³⁶. При достаточно высоких темпах роста экономики в конце 2000-х гг. (в реальном выражении по обменному курсу) сохранялись значительная инфляция и огромный дефицит платеж-

ного баланса. Стоимость афганского экспорта в 2009 г. равнялась 547 млн долл., а импорта — 5,3 млрд долл.³⁷

Исключительно малопродвинутой оставалась производственная инфраструктура. На протяжении всего рассматриваемого периода Афганистан принадлежал к странам, не имеющим железных дорог, если не считать короткого пути, проложенного в конце 1980-х гг. от границы с Узбекистаном до пограничного Хайратона. Только в последние годы началось железнодорожное строительство, ограниченное, впрочем, продлением ветки от Хайратона до Мазари-Шарифа. Количество аэропортов выросло за период после изгнания талибов в 2001 г. до 46, а протяженность автодорог с твердым покрытием превысила 13 тыс. км. Однако в целом реконструкция сделала только первые шаги.

Слабым местом оставалась энергетика. Производство и импорт электроэнергии вместе составили в 2009 г. лишь 285 млн кВт/час. К обрабатываемым площадям относилось только 12% общей площади, из них 34% (2,7 млн га) орошалось. Низкая продуктивность земледелия сочеталась с выращиванием на значительных площадях (на пике в 2007 г. она равнялась почти 200 тыс. га) опиумного мака, неприхотливой и высокодоходной культуры³⁸. Производство из мака опиатов (главным образом героина), а также гашиша из конопли превратило Афганистан в источник огромных доходов для наркодельцов и связанных с ними экстремистских политических сил (талибов и т. п.). Одновременно оно вызвало распространение наркомании. Число наркоманов в Афганистане, по оценкам, увеличилось до 1,5 млн человек. Незаконный вывоз наркотиков превратился в крупную проблему для соседних стран и регионов, в том числе для России и Европы.

Внутрирегиональные разломы и регионализация

Выделяемый здесь регион Средне-Западной Азии достаточно удален от основных морских путей, занимает срединное, промежуточное положение между Европой на западе, Индией (Южной Азией) на востоке, Центральной Евразией (Кавказом и ЦА) на севере и Юго-Западной Азией в узком смысле (Месопотамия, Восточное Средиземноморье и Аравийский полуостров) на юге.

Внутренним, эндемичным ареалом региона являются топографически возвышенные и высокогорные, аридные и редконаселен-

ные области. Из общей его площади примерно в 3,3 млн кв. км (с учетом 100 тыс. кв. км курдских районов Ирака и Сирии), сопоставимой, кстати, с территорией Индии, на эту зону приходится, по грубым прикидкам, около 3 млн кв. км. Остальные приблизительно 300–400 тыс. кв. км представляют собой низменные и равнинные районы повышенной плотности населения, достаточно развитого поливного и орошаемого земледелия, а также городской экономики, связанной с внутренней и внешней торговлей.

Внутреннее ядро региона исторически складывалось как ареал распространения т. н. горской экономики³⁹. В ее основе лежало пастушеское (пасторальное), отгонно-перегонное скотоводство, сочетающееся с анклавным земледелием. В социально-политической сфере этому соответствовало господство оседло-кочевых племен, в большей или меньшей степени приспособленных для «труда войны» — междоусобиц, грабежа и набегов.

В эндемичной части региона выделяются три крупных ареала распространения такой экономики и соответствующей ей культуры — курдский, белуджский и пуштунский. Все три пересекают государственные границы. Курдский ареал, захватывая значительную часть Турции, а также Ирана, заходит на смежные районы Ирака и Сирии. Белуджский пересекает рубежи трех государств — Пакистана, Афганистана и Ирана, а пуштунский — двух — Афганистана и Пакистана. Кроме этих кроссгосударственных имеется ряд внутригосударственных клано-племенных ареалов, например лурско-бахтиарский в Иране, хазарейский в Афганистане, западнопанджабский в Пакистане⁴⁰.

Внутрирегиональные разломы и образуемые ими смежные пространства создают как проблемы в отношениях между государствами региона, так и стремление к их совместному решению. Последнее служит одной из основ регионального взаимодействия. После Второй мировой войны оно формировалось в условиях противостояния двух политико-идеологических систем и привело к участию трех из четырех государств региона в западном блоке СЕНТО. Ирак в 1955–1958 гг. также принимал участие в блоковой политике США, а Афганистан оказался в стороне от нее. В рамках СЕНТО в 1964 г. оформилась организация Региональное сотрудничество ради развития (РСР) в составе Турции, Ирана и Пакистана. Несмотря на некоторый прогресс в реализации отдельных совместных проектов, РСР оказалась маложизнеспособной организацией. В 1979 г., по

инициативе ставшего исламским Ирана, она, как и СЕНТО, прекратила существование, но в 1985 г. возродилась под названием Организация экономического сотрудничества (ОЭС). С 1992 г. в ее состав вошли, помимо трех государств-основателей, Афганистан, а также все шесть постсоветских республик с мусульманским большинством. После активизации в начале 1990-х гг. ОЭС вступила в фазу рутинного существования, ограниченного главным образом регулярными встречами дипломатов и экспертов. Турция и Иран не смогли вдохнуть подлинную жизнь в деятельность организации из-за слабости своей финансовой и материально-технической базы. Исламская Республика Иран к тому же придерживалась политики автаркического регионализма, а планы регионального сотрудничества были более ориентированы на проекты в Каспийско-Черноморском ареале и нацелены на взаимодействие с Европой и Россией⁴¹.

Вместе с тем, тенденции ряда последних лет состояли в усилении мощи и влияния как Турции, так и Ирана. Турция в конце 2000-х гг., после успешного правления умеренно исламской Партии справедливости и развития, стала занимать все более самостоятельную позицию во внешних делах, стараясь дистанцироваться от прямого и безоговорочного следования в фарватере решений, принимаемых США и другими странами Запада. Она, в частности, заняла благоприятную для Тегерана позицию по вопросу о его ядерной программе и превратилась в одного из важных торгово-экономических партнеров Ирана. Хотя Анкара представлена в Международных силах содействия безопасности в Афганистане, она отказалась участвовать в военных операциях там. Турция старалась играть самостоятельную роль в вопросе афганского урегулирования, проведя ряд трехсторонних встреч на высшем уровне с руководством Афганистана и Пакистана⁴².

В 2011 г. благодаря волне оппозиционных выступлений в ряде арабских государств (Бахрейне, Саудовской Аравии) возросла региональная роль Ирана. Тегеран прилагал усилия в целях восстановления экономики смежных с иранскими районов Афганистана (Герата, Хазараджата и др.). Несмотря на противодействие США, Ирану удалось продвинуться по пути осуществления проекта прокладки трубопровода для экспорта природного газа в Пакистан с возможным в перспективе продлением ветки в Индию. Важным элементом межрегионального взаимодействия может стать сооружение трубопровода из Туркменистана в Афганистан и Пакистан.

Афганистан превратился в эпицентр декларируемого приложения региональных и глобальных сил, стремящихся к восстановлению его экономики и обеспечению условий для быстрого и стабильного роста. Большое участие в реконструкции Афганистана принял Пакистан. Несмотря на ревнивое отношение к такого рода активности со стороны Индии, Исламабад в принципе согласился на создание коридора для афгано-индийской торговли через пакистанскую территорию. Пакистан активно снабжал своего северо-западного соседа товарами и продовольствием, предоставляя портово-транспортные пути для провоза основной части ввозимых и вывозимых грузов.

Таким образом, официальные связи государств Средне-Западной Азии приобрели в конце первого десятилетия XXI века достаточно устойчивый и в целом возрастающий характер. Этому способствовал, в числе других факторов, феномен расходящихся траекторий развития.

Заключение

Постулируя эту особенность мусульманского пояса к югу от границ Кавказа и Центральной Азии, нужно иметь в виду, что увеличение межстрановых разрывов наблюдается и в общемировом масштабе, так как рост повсюду предполагает неравномерность. В 1960 г. соотношение между душевым доходом пяти самых богатых и пяти самых бедных государств мира составляло 30:1, в 1990 г. — 60:1, к 2000 г. — 74:1⁴³, а в начале 2010-х гг., наверное, 90:1, т. е. разрыв вырос за послевоенный период, грубо говоря, втрое. В Средне-Западной Азии расхождение увеличилось тоже приблизительно втрое, но неравномерность оказалась примерно в 10 раз меньше, чем в мире в целом, главным образом из-за отсутствия в его составе наиболее развитых и богатых государств.

Если тенденция к расхождению траекторий сохранится, то, вероятно, вместе с увеличивающимся перепадом будет возрастать взаимодействие между более и менее развитыми странами региона, и на этой основе произойдет усиление регионализации. Иными словами, экономически и политически более сильные державы — Турция и Иран, но не только они, а и другие, принадлежащие к Западной или Юго-Западной Азии (прежде всего Саудовская Аравия), станут в будущем оказывать еще более заметное воздействие на эволю-

цию менее развитых государств, прежде всего Афганистана. Уже сегодня это многообразно проявляется в политической области, а в перспективе такое станет ощутимо и в экономической сфере. Произойдет своего рода регионализация глобализации, рост влияния, условно, ближнего зарубежья, соседей и их соседей, государств, принадлежащих к географически смежному, сплошному пространству. К нему, кстати, до определенной степени принадлежит и Россия, соединяясь с ним через Кавказ и Центральную Азию.

В какой-то мере такая тенденция устроила бы дальнейшее зарубежье, разумея под ним Запад (США и ЕС), ибо совпадает с его намерением, не совсем, впрочем, твердым и решительным, сократить масштабы своего военно-политического присутствия в регионе, переложив решение его острых проблем на местные силы.

Примечания

¹ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений 1918–1939 гг. М., 2006, с. 437–438.

² СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010, с. 218.

³ См.: Иран и Вторая мировая война. М., 2010.

⁴ Malik H. Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–1992. N.Y., 1994, с. 83–85.

⁵ Новоселов Н.А. Турция и Иран. М., 1952, с. 14, 16–17, 28–34; Новичев А.Д. Турция. Краткая история. М., 1965, с. 246–247.

⁶ Современный Иран: справочник. М., 1957, с. 182–184; Победина М.П., Цыбульский В.В. Афганистан, Иран, Турция. М., 1961, с. 94.

⁷ Пакистан: справочник. М., 1966, с. 31, 45.

⁸ Там же, с. 327.

⁹ Black C.E., Dupree L. et. al. The Modernization of Inner Asia. N.Y, 1991, с. 220–222.

¹⁰ World Development Report 2010 // www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.

¹¹ См.: Алехин М. Роль производительности труда в обеспечении устойчивости роста ВВП (на примере Ирана, Турции и Египта) // Иран и исламские страны. М, 2009, с. 153–170.

¹² CIAWorldFactbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tu.html>

¹³ EuroEducation.net // <http://www.euroeducation.net/prof/turkco.htm>

- ¹⁴ CIAWorldFactbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tu.html>
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Economy of Turkey. From Wikipedia // www.wikipedia.com
- ¹⁷ CIA WorldFactbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tu/html>
- ¹⁸ *Ульченко Н.Ю.* Экономическая география Турции. М., 2008, с. 149.
- ¹⁹ Там же, с. 173.
- ²⁰ См. статью Н.М. Мамедовой в данной книге.
- ²¹ World Development Report 2010 // www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.
- ²² Energy Information Administration. Iran. Profile // <http://www/eia.doe.gov/emeu/cabs/Iran/Profile.html>
- ²³ CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>
- ²⁴ *Ульченко Н.Ю., Мамедова Н.М.* Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М., 2006, с. 213.
- ²⁵ Там же, с. 241.
- ²⁶ CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См.: *Цуканов В.П.* Неравномерность регионального развития Ирана. Экономика и политика (60–70-е годы). М., 1984; Современный Иран. Справочник. М., 1993.
- ²⁹ CIAWorldFactbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/pk.html>
- ³⁰ Salient Features of Pakistani Economy. Source: Pakistan Economic Survey // http://www/finance.gov.pk/finance_economic_survey.aspx; Literacy rate, youth female Data // <http://www.worldbank.org/indicator/SE.ADT.1524.LT.FE.ZS>; Children out of school, primary, female/Data // <http://www.worldbank.org/indicator/SE.PRM.UNER.FE>
- ³¹ World Development Report 2010 // www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.
- ³² «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. М., 2010, с. 222–229.
- ³³ CIAWorldFactbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/af/html>

³⁴ World Development Report 2010 // www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.

³⁵ CIA WorldFactbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/af/html>

³⁶ Afghanistan at a Glance // <http://www.data.worldbank.org/country/afghanistan>

³⁷ Окимбеков У.В. Доклад в постпринте.

³⁸ Afghan Opium Survey 2010. UN Office on Drugs and Crime // [www/unodc/.../Afghanistan_opium_survey/pdf-file](http://www.unodc.org/afghanistan_opium_survey/pdf-file)

³⁹ *Гайдар Е.* Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005, с. 171–189.

⁴⁰ См.: *Жигалина О.И.* Этносоциальная эволюция иранского общества. М, 1996; *Западная Азия: этнополитическая ситуация.* М., 1993.

⁴¹ См.: Роль и место Ирана в регионе. М., 2007.

⁴² Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. М., 2010, с. 213–227.

⁴³ «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. М., 2008, с. 71.

СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В МУСУЛЬМАНСКОМ АРЕАЛЕ К ЮГУ ОТ ИСТОРИЧЕСКИХ РУБЕЖЕЙ РОССИИ*

В мусульманском ареале к югу от России, вдоль южных границ Центральной Евразии (Кавказа и Центральной Азии), располагаются четыре независимых государств и одно автономное — Северный район Ирака, Иракский Курдистан. Все они отличаются республиканской формой правления. За ней, однако, скрываются разные сочетания элементов демократии и автократии в реализации властных полномочий, а Существующие формы государственного управления демонстрируют немалое своеобразие:

— парламентская система в Турции находится под прессом многолетнего (с 2002 г.) пребывания у власти происламской Партии справедливости и развития. Монополия одной партии угрожает сути избирательной парламентской системы с ее конкуренцией и сменяемостью законодательной и исполнительной властей; осложняет положение наблюдающаяся в обществе раздвоенность в идеологической сфере (между европеизмом и исламизмом) и в этнической политике в связи с курдским вопросом;

— в Иране с конца 1970-х годов утвердилась исламская демократия, где парламентская выборная система сочетается с верховным лидерством духовного вождя (*рахбара*) и конституционно закрепленным авторитетом представителей высшего слоя шиитских богословов. Президентско-парламентская форма правления обеспечивает через выборы определенный контакт с населением, заодно

* Авторская часть Предисловия (написано совм. с Н.Ю. Ульченко) к книге: Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке / Отв.ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014, с. 9–18.

освобождая духовных лидеров от прямой ответственности за действия правительства.

— в курдском районе Ирака действует местная демократическая система, имеется свой парламент и автономное правительство, но при этом наблюдается концентрация власти в руках традиционной кланово-племенной элиты. Там нарастает недовольство авторитарной и коррумпированной системой дележа власти между двумя центрами местных политических сил («дуополией»);

— в Афганистане с конца 2001 г. установлен демократический по форме режим правления, опирающийся на поддержку иностранных войск (США и НАТО). Режим контролирует ситуацию далеко не на всей территории и теряет популярность среди населения. Вооруженная оппозиция, представленная свергнутыми правителями (талибы и их союзники), готовится к новому этапу борьбы за власть, который наступит после предстоящего в ближайшие годы вывода американско-натовских боевых частей;

— Пакистан с 2008 г. переживает период парламентского правления, но ситуация осложнена тяжелой экономической ситуацией и участием вооруженных сил страны в «глобальной войне с терроризмом». Длительное неблагополучие в обеспечении личной и общественной безопасности усиливает силовые элементы во внутренней политике режима.

Из далеко не полного перечня характерных черт господствующих в регионе режимов власти, следует, что главная их общая характеристика — выраженный авторитаризм, иерархическая форма устройства власти, господство властной «вертикали». Можно, видимо, утверждать, что какую бы «политику» (политический организм), мы ни взяли на всем мусульманском Востоке, структура власти в ней будет иерархична и в той или иной степени репрессивно-авторитарна.

Разумеется, на Западе (и в целом вне исламского мира) тоже господствует иерархия, так как без определенной централизации ни одна система власти не устоит и не будет эффективной. Однако наряду с вертикалью власти в странах классической, либеральной демократии существует и «горизонталь». Иными словами, политическая инициатива направлена не только из единого центра на места, но идет и в обратном порядке, от ряда локальных центров в единый, федеральный. К тому же, имеет место полноценная обратная связь

со стороны общества на принимаемые государством решения, что создает замкнутый политический контур¹.

Недостаточность тесных обратных связей между социумом и политией сочетается с отсутствием или слабым распространением федерализма на мусульманском Востоке. Это создает трудно преодолимые преграды на пути решения острых проблем внутренней, этнической политики. Редкое исключение в этом ряду представляет собой Пакистан, но оно есть прямое следствие длительного колониального правления.

Согласно теории государства, предложенной В.В. Ивановым², государственные образования в самые разные эпохи управлялись олигархиями. Опираясь во многом на теоретические положения К. Шмитта, он утверждает, что различие форм государственного устройства (монархии, республики разного вида) имеет ограниченное значение, ибо во всех случаях речь идет о фасаде власти, а не ее сути. Характеризуя юридические особенности государственного правления и устройства, автор подчеркивает принципиальную роль государственного суверенитета и вклад в его обеспечение реальных носителей власти в лице правителей, олигархической элиты.

Следует согласиться, что один человек (монарх) не может управлять единолично, без помощников и посредников, даже маленьким государством, поэтому чистой монархии как власти одного — нет. Не бывает и чистой демократии, ибо за всякой властью в республике стоит не народ, не население, но группа предводителей или представителей народонаселения. Причем в современных условиях это группа людей, имеющих разнообразные интересы — экономические, социальные и собственно политические.

Для характеристики современного государства существенное значение имеет, как представляется, теоретическая схема, разработанная Л.С. Васильевым³. Оставаясь в рамках предложенного им в качестве «несущей конструкции» всеобщей истории противопоставления Востока и Запада, попробуем задаться вопросом, в какой степени власть рождает собственность на современном мусульманском Востоке, до какой степени действует там феномен «власти-собственности», отличающий Восток, как архетип, от Запада. Понимая, что идеальные типы и образы конкретной реальности в полной мере несопоставимы, заметим, тем не менее, что на примере современного мусульманского Востока, видимо, можно выявить отличную от западной форму взаимодействия между властью и собственностью.

Если на Западе собственность как бы предшествует власти, овладевает ею, чтобы «прописать» такие законы, которые обеспечивали условия для накопления богатства и капитала, то на Востоке справедливо обратное — власть «предшествует» собственности, обладатели власти получают возможность диктовать условия (легальные и нет), способствующие их обогащению. Хотя грани между восточным и западным историческим опытом ныне во многом стерты, вследствие взаимопроникновения культур и их гибридизации, но не исчезли вовсе. А потому отмеченное различие может быть использовано для интерпретации некоторых процессов, происходящих в странах Востока, в том числе мусульманского его ареала.

В качестве примера можно указать на обогащение генералитета и старшего офицерства Пакистана. Армия в этой стране по традиции является одним из самых демократичных государственных институтов. Ряды военных пополняются за счет людей скромного достатка, а продвижение по службе в значительной степени зависит от заслуг. Однако вследствие господствующей роли ВС в системе управления, верхушка военных получила доступ к источникам обогащения. Земельные участки и городская недвижимость продаются отставным и действующим военным чинам на льготных условиях, государственные пустующие земли, пригодные к обработке, распределяются бесплатно или за символическую плату. Верхушка военных превратилась в результате в едва ли не самую крупную прослойку владельцев недвижимости⁴. Такого рода примеры, видимо, можно умножить.

Одна из особенностей государства на Ближнем и Среднем Востоке кроется в составе политической элиты, которая «налагается», пересекает по касательной, кланово-семейные группы традиционно высокого происхождения и социального статуса. «Аристократические» родственные группы составляют в ряде стран и областей региона (Курдистане, Афганистане, Пакистане) заметную часть правящей верхушки, в то время как для Турции и Ирана это уже не столь характерно.

Затронем далее некоторые вопросы, связанные с гражданским обществом. Это термин одновременно старый и новый. Историческими своими корнями он уходит, как и многие другие общественно-политические явления, в Древнюю Грецию. В европейский век просвещения и абсолютизма он получил противоположные оценки в классических философских трудах — по преимуществу негатив-

ные у Г. Гегеля, позитивные у Э. де Ваттеля, И. Канта и др. В XIX в. понятие использовалось достаточно широко, но с наступлением XX в. оно было забыто, обретя новую жизнь только в конце прошлого столетия, накануне и особенно после окончания «холодной войны».

Что такое гражданское общество? Существуют различные его определения, но большинство сводится сегодня к тому, что это так называемый «третий сектор», объединяющий неправительственные и некоммерческие структуры. Он состоит из добровольных ассоциаций граждан, рядовых жителей той или иной страны, находясь между семьей и государством и объединяя самостоятельных свободных лиц, мужчин и женщин, преследующих свои профессиональные, гендерные, гуманитарные и другие цели и интересы, главным образом благотворительные и антидискриминационные.

Необходимо различать два аспекта функционирования организаций ГО:

— политизированный и неполитизированный. Они связаны с характером отношений между гражданским обществом и современным государством. В первом случае акцент делается на противостоянии, оппозиционности гражданского общества по отношению к олигархическому государству, во втором — на взаимодействии и сотрудничестве общественных и государственных институтов. В широком смысле гражданское общество является важной составной частью политического процесса, поскольку его организации участвуют в борьбе конкурентов за обладание властью, стараются влиять на власть через массовые акции, манифестации, опираясь при этом на информационные механизмы и технологии. В более специальном, узком смысле, гражданские организации не участвуют в этой борьбе, стремятся к решению собственно общественных проблем, выступая как группы социальных инициатив⁵.

Существенная часть гражданских организаций связана с локальными сообществами, еще одним понятием, содержания которого мы здесь коснемся. Под ними обычно подразумевают территориально маркированные общности этнического (культурно-языкового), кланово-племенного и соседско-родственного типа. Многим мусульманским странам Востока свойственны также этноконфессиональные общины и чисто религиозные общности типа суфийских орденов,

братств, адептов религиозных школ, последователей того или иного проповедника и вероучителя.

На общинно-религиозном фундаменте строятся чисто политические организации — парламентские партии, а также непарламентские, которые напоминают социал-демократические «партии нового типа» в царской России с неременным личным участием в текущей работе и строгой дисциплинарной ответственностью. На той же основе зиждятся сугубо гражданские ассоциации, ставящие такие, например, цели как совершенствование системы образования, просвещения и воспитания, расширение общинных (коммунных) услуг, благотворительности, взаимопомощи и вспомоществования.

Часть локальных сообществ носят, как отмечалось, семейно-родственный, клановый характер. Речь, в частности, идет о традиционных соседско-родственных общинах земледельцев, кочевых и полукочевых скотоводческих племенах, городских, квартальных общинах (*мухалла*). Локальные сообщества и общины формируют несомременный сегмент гражданского общества, он отсутствует в странах давно утвердившегося буржуазного порядка и являет собой как бы не вполне гражданский, добуржуазный элемент. Чем он шире, тем больше специфика гражданского восточного общества, его отличия от западных образцов.

Даже в Турции, наиболее близко соприкасающейся и исторически, и в современную эпоху с Европой, наблюдается определенный дуализм гражданского общества. Там при этом, с одной стороны, воспроизводятся и возрождаются его вполне традиционные элементы, а с другой, традиционные религиозные учреждения (вакфы) трансформируются в современные по целям и практической деятельности финансовые инструменты — трастовые фонды⁶.

Ввиду того, что проблематика гражданского общества пока еще недостаточно отражена в наших исследованиях и публикациях (заметное исключение представляют собой лишь работы П.В. Шлыкова по Турции⁷) попробуем конспективно охарактеризовать особенности гражданского общества в мусульманских странах к югу от границ Кавказа и Центральной Азии.

Отметим, в первую очередь, что несмотря на продвинутость Турции по развитию институтов ГО по сравнению с другими странами рассматриваемого мусульманского региона, турецкий гражданский

сектор существенно отстает от «третьего сектора» государств «старой» Европы. Он уступает как по величине и полноте структуры, так и с точки зрения разнообразия и значимости целей, а также влияния на государство и на общество в целом. Вместе с тем, за последние десятилетия число организаций турецких ГО существенно выросло. В 2000 г., их насчитывалась, по оценкам, 61 тыс., а к в 2011 г. — уже почти 90 тыс. (рост на 44%) Членами этих организаций являются 7,4 млн человек. По другим сведениям, число ГО в Турции равно 154 тыс., из которых 86 тыс. — ассоциации, почти 60 тыс. — кооперативы, 150 профсоюзов и около 10 тыс. — фонды (вакфы) и торговопромышленные палаты. Согласно последнему докладу Турецкого фонда «третьего сектора», в министерстве внутренних дел страны зарегистрировалось 92 463 ассоциации и 4603 фонда, В докладе отмечается неблагоприятная в целом политическая среда для деятельности ГО, ограничительные юридические рамки и несоблюдение закона, крайне небольшое участие ассоциаций турецких граждан в процессе принятия значимых для общества политических решений⁸.

При сравнении с Англией, Францией и особенно Германией Турция проигрывает по количественным и качественным показателям. В Англии насчитывается 873 тыс. гражданских организаций, во Франции — 800 (по другим сведениям — 1,5 млн), а в Германии — около 2 млн. Кстати, в США показатели существенно ниже, чем в Западной и Северной Европе⁹. Охват населения Турции неправительственными организациями также существенно отстает от Европы, особенно Западной и Северо-Западной. В наибольшей мере это касается добровольцев, подлинно гражданских активистов. Велика, к тому же, неравномерность распространения гражданских организаций — они действуют главным образом в крупнейших городах и на европейском западе стране. Анатолия, особенно Восточная и Юго-Восточная, а это по преимуществу курдские регионы, сильно отстает.

Расцвет гражданского общества в Иране пришелся на период пребывания на посту президента М. Хатами в 1997–2005 гг. При следующем президенте (М. Ахмадинежаде) начались гонения на представителей ГО и в целом на гражданские свободы¹⁰. Особенно усилились они вслед за президентскими выборами 2009 г. Тем

не менее, если в Иране и существует тоталитарное государство, то иранское общество тоталитарным не назовешь. В стране сохраняется живое и своеобразное гражданское общество, хотя гражданская активность в существенной мере вытеснена из публичной в частную сферу, под кров дома и неформальных ассоциаций. Значительным влиянием, судя по всему, пользуются заграничные общества и организации, оказывающие определенное воздействие на настроения общества внутри страны.

Несмотря на нехватку конкретного материала, можно, видимо, говорить о существенном дуализме иранского ГО, наличии в нем традиционного и архаичного сегментов, особенно распространенных на окраинах страны¹¹. Большое значение имеет преобразенный, трансформированный традиционный сектор. Во многом, судя по всему, благодаря осуществленному таким путем «модернизирующему традиционализму» Ирану удалось решить несколько важных проблем, в частности, ликвидировать низкую грамотность и просвещенность женщин. В 1978 г. грамотность среди женщин равнялась 38%. Распространение при исламском режиме традиционалистского, с соблюдением религиозных и национальных обычаев, способов обучения, позволило поднять уровень образования молодых женщин. В последнее время он достиг 97%, а с этим, очевидно, напрямую связано крутое снижение рождаемости. Иран, по последним данным, демонстрирует самые замедленные среди мусульманских стран мира темпы демографического прироста — 1,5% в среднем в год.

Ситуация в Иракском Курдистане, как отмечалось выше, отличается так называемой дуополией, наличием двух центров силы в лице М. Барзани, возглавляющего курдскую автономию, и Дж. Талабани (президента Ирака). Группирующиеся вокруг них семейно-клановые олигархии, как считается, договорились о дележе власти в Курдистане (Барзани не оспаривает господствующие позиции Талабани в г. Сулеймании и примыкающей к нему области, а Талабани — господство Барзани в главном городе автономии Эрбиле и его окрестностях). Гражданское общество притесняется, как и в других районах проживания курдов (в Турции, Иране, Сирии), но существует, пытаясь балансировать между властью и непарламентской оппозицией. Последний взрыв гражданской оппозиционной активности в Иракском Курдистане пришелся на февраль-март

2011 г. Выступления были подавлены решительно и жестко, хотя и без пролития большой крови¹².

В Афганистане гражданское общество возникло в основном после ликвидации власти талибов в 2001 г., но не было полной новацией. Правительство Талибан в 2000 г. приняло законоположение, регулирующее и ограничивающее узкими рамками деятельность неправительственных организаций, появившихся еще в 1980-х — начале 1990-х годов. Значительная их часть была создана в лагерях беженцев и городах Пакистана, а также других стран. Новая власть заменила талибское уложение на новое, предоставив свободу действий различным гражданским организациям, в том числе тем, что связаны с международными организациями по защите прав человека, содействию в экономическом развитии, созданию сети школ, особенно для девочек и т. п. В 2004 г. общее число зарегистрированных НПО равнялось 1,1 тыс., а 2010 г — несколько превышало 3 тыс., из них, 1,5 тысячи зарегистрировалось в Министерстве экономики, а 1,7 тыс. — в Министерстве юстиции. В 2010 г., как показало специальное обследование, безопасность, атаки со стороны талибов, превратились для НПО в главную проблему¹⁴.

Для афганского гражданского общества в высшей степени характерен отмеченный выше дуализм — наличие современного и досовременного сегментов вследствие большого удельного веса сельского и полугородского населения, сохранения во многих регионах традиционного общества. Традиционный сегмент ГО состоит, прежде всего, из локальных деревенских советов (*шурра*), племенных сходок (*джирга*), клерикальных учебно-просветительских и благотворительных организаций.

Пакистан отличает тот же дуализм, особенно на окраинах страны, в северо-западных и западных районах, пограничных с Афганистаном и Ираном. Традиционный сектор ГО занимает весьма значимые позиции и в масштабах всей страны, доминирует в количественном отношении, при включении в него таких организаций, как частные зарегистрированные медресе. Число последних выросло за 2000-е годы примерно в полтора раза с 10–12 тыс. до 16 тыс. Но современный сегмент в последние десятилетия развивался тоже достаточно динамично.

Сопоставление данных по странам — дело довольно трудное и далекое от точности. По оценкам на 2000 и 2002 гг. в Пакистане насчитывалось 50–60 тыс. неправительственных организаций. Если считать, что к концу десятилетия число НПО выросло в полтора раза (как и медресе), то количество всевозможных гражданских организаций увеличилось до 80–90 тыс., оставаясь вдвое ниже, чем в Турции (по максимальной для нее оценке). Насколько справедлив такой подсчет, сказать трудно, но на первый взгляд он не кажется неожиданным с учетом, во-первых, более чем двукратной разницы в населении в пользу Пакистана и численности жителей в пакистанских крупных городах в 35–45 млн человек.

Впрочем, важнее количественных сопоставлений другая заметная в Пакистане тенденция — усиление роли и значения традиционалистского сектора или сегмента гражданского общества. Его можно назвать порождением самобытного модернизирующего традиционализма или традиционалистского модернизма. Именно он растет там быстрее других, и этот сегмент, по всей видимости, быстро увеличивается также в Турции, Иране, Афганистане, в курдских районах и арабских странах. В этом находит отражение процесс исламизации и «индигенизации» (укоренения в местной почве) гражданской активности широких слоев населения.

Примечания

¹ Об обратных связях и замкнутой политической системе по принципу кибернетического «черного ящика» см., например, в кн.: Категории политической науки / Под ред. А.Ю. Мельвиля. М. 2002, с. 134–135.

² *Иванов В.* Теория государства. М., 2010.

³ Основные положения его теории нашли отражение в недавно завершенном 6-томном труде: *Васильев Л.С.* Всеобщая история. М., 2012.

⁴ См. об этом в частности: *Jalal A.* Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi, 2007.

⁵ *Шлыков П.В.* Общество социальных инициатив: трансформация гражданской активности в Турции в 1990-х и 2000-х годах // Турция в период правления Партии справедливости и развития. М., 2012, с. 19–46.

⁶ *Шлыков П.В.* Ваффы в Турции второй половины XX — начала XXI вв.: трансформация традиционного института // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. М., 2011, с. 64–98.

⁷ В дополнение к вышеупомянутым см: *Шлыков П.В.* Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность // Восток, 2009, № 1, с. 109–121.

⁸ Turkey Civil Society Report 2012. TUSEV, Sept. 2012 (Electronic version).

⁹ Turkey's civil society organizations increase by 44 percent in 10 years // <http://www.todayszaman.com/news>; Turkish 'civil society' far behind European average, says CHP-Humyet Daily News/3/16/2011.

¹⁰ Attack on Civil Society in Iran. Arseh Sevom Report 2005–2010 // www.arsehsevom.net.

¹¹ См. например: Civil Society in Iran: The Case of the Tribes// Foundation for Iranian Studies // <http://fis-iran.org/en/irannameh/volxiii/civil-society-tribes>; Iran Rooyan: Civil Society Fact Sheet (Electronic version).

¹² Kurdistan Parliament of Iraq and civil society set road-map to improve cooperation // <http://reliefweb.net> (Electronic version).

¹³ USAID 2011 Afghanistan Civil Society Assessment (Electronic version); *Winter E.* Afghan Civil Society. London School of Economics (Electronic version).

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИЗМА И НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВ НА ВОСТОКЕ, В ИСЛАМСКОМ МИРЕ (ПРИМЕР ПАКИСТАНА)*

Концепции национализма используются в современной науке в разных аспектах и в рамках различных дисциплин. В западной литературе национализм трактуется с позиций политической этнологии и социальной антропологии, сравнительной политики, политической географии и политической экономики, цивилизационной парадигмы и стратегической геополитики. В отечественной литературе тоже представлены так или иначе такие подходы к национализму. Ведущие позиции в изучении национализма занимают этнографы и этнологи (В.А. Тишков и др.)¹. В рамках исследования сравнительной политологии и комплексного мирового регионоведения вышла серия работ под редакцией А.Д. Воскресенского, где представлена трактовка национальных особенностей политических систем и политической культуры стран Востока². Примечательны книги В.С. Малахова по национализму как политической идеологии и Ф.А. Попова по сепаратизму³. Что касается политэкономического, международно-политического и цивилизационного подходов, то он представлен большим числом работ на тему глобализации и наций — государств⁴.

Государственный (гражданский) и этнический национализмы

Наиболее существенным и общепризнанным моментом, который отличает использование термина «национализм» в обширнейшей литературе по этому вопросу, является различие между его государственным (гражданским, гражданско-территориальным) и этниче-

* Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015, с. 15–34.

ским вариантами. Как отмечают В.А. Тишков и В.А. Шнирельман, анализируя историю развития этого понятия в период после Второй мировой войны, «гражданский национализм», основанный на понятии «народа» как территориального сообщества и понятии «нации» как многокультурной политической общности, считается нормой в современную эпоху. Из этой аксиомы исходит вся международно-правовая практика⁵. Вместе с тем, в определенных исторических условиях этнический национализм, в рамках которого не «демос» (население страны), а «этнос» (население, связанное не со страной как общей территорией, а с происхождением как основой общей культуры) выступают субъектом идентификации⁶. При этом очевидно коренное противоречие между связанными с государственным и этническим национализмами основополагающими принципами — нерушимостью границ суверенного, признанного мировым сообществом государства и правом наций на самоопределение.

Стремясь найти выход из концептуальной двойственности в трактовке понятия национализм, вышеназванные авторы предложили «забыть об этносе», отказаться от данной категории анализа, сосредоточившись на государстве и этничности. При этом ими выделяются два типа национализма гражданский, политический, и культурный, этнический, или, добавим, этнорелигиозный, а также нации двух типов: нация-государство и нация-этническая общность. Отметив возможность такого терминологического компромисса, авторы отдают предпочтение определению национализма как идеологии и основанной на ней политической практике, **«...которые базируются на том, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств...»** (курсив В.Т. и В.Ш.)⁷. Иными словами, они и подобранный ими авторский коллектив капитальной монографии «Национализм в мировой истории» сделали акцент на понятии нации-государства и национализма государствообразующего типа, хотя отдельные ее статьи и посвящены этнонационализму⁸.

Этнический (этноконфессиональный) национализм получил большее отражение в другой более поздней книге той же во многом группы авторов «Этничность и религия в современных конфликтах». В ней главный упор сделан на конфликте, партикулярному национализму уделяется лишь относительно небольшое внимание, нет развернутого анализа этого явления, раскалывающего суще-

ствующие государства и нацеленного на создание новых наций-государств⁹.

Подданнический национализм на Востоке

Хотя как эти, так и многие другие отечественные и зарубежные исследования по национализму учитывают особенности регионов, культур и цивилизаций, они обычно отличаются стремлением к универсализации. Феномен и идеология современного национализма в обеих его формах — государственной и этнической — возникли, как известно, в Западной Европе в Новое время и с тех пор «прокидываются» на остальной мир без принципиальных поправок. Между тем в отечественной историко-философской литературе сложилась традиция противопоставления, дуализма Запада и Востока, возникла еще в XIX в., в России в трудах славянофилов и западников, преломилась в XX в. через призму особого азиатского пути эволюции в раннем и позднем советском марксизме, и достигла нашего времени, благодаря работам, условно, неопочвенников (А.С. Панарина, А.Г. Дугина и др.) и востоковедов-дихотомистов. Последние видят всеобщую историю через противопоставление Запада как «социальной мутации», т. е. отклонения от общей нормы. Притом, что эту общую норму олицетворяет Восток, «мировая деревня». В наиболее полном и завершенном виде концепция представлена работами китаиста по первой своей специальности Л.С. Васильева — см. его двухтомную неоднократно переиздававшуюся книгу-учебник «История Востока» и 6-томную Всеобщую историю, а также трудами автора концепции социоестественной истории (СЭИ) Э.С. Кульпина (Кульпина-Губайдуллина)¹⁰.

Подход к проблемам современного развития мира с позиций различий между Востоком и Западом становится ныне все более распространенным. Опираясь, по существу, на те же в основе своей наблюдения и заключения, А.Д. Воскресеенский и его коллеги разработали весьма изощренный набор аргументов, обосновывающих глубокую специфику политической культуры, политической системы и политического процесса на Востоке. Особенности восточной политики они объясняют господством государства над обществом, доминированием государственной и общественной собственности, отсутствием гражданского общества, а также безличных социальных взаимоотношений, защиты прав собственности, справедливости,

равенства¹¹. Особенно важно, что равные права и равное уважение не предоставляются меньшинствам разного рода, в том числе женщинам, а также этническим и религиозным маргиналам.

Характерно, что отечественные политологи используют разработки западных ученых, публиковавших свои работы еще в 1970-х годах (Л. Пай), а также современных авторов (Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст), предложивших концепцию обществ с естественным и ограниченным доступом населения к политическим благам (восточных), и обществ открытого социально-политического доступа (западных). Эти разработки свидетельствуют о вышедшем на видное место интересе мировой науки к незападным, прежде всего, восточным обществам, попыткам специалистов расширить понимание исторической эволюции за счет учета культурно-цивилизационной и макрорегиональной особенности.

Распространяя вышеотмеченные подходы на изучение наций и национализма, легко заметить, что и государственный, и этнический национализм в восточном варианте имеет принципиальные отличия от западного. Связаны они не столько с культурой и историей, сколько с социологией, социальной зрелостью общества, степенью его социально-экономического развития. Национализм на Западе возник с подъемом среднего класса, городских средних слоев и сформировался как *гражданский*, между тем как в остальном мире, не исключая, естественно, ареал исламской религии и исламизированной культуры, господствовал *подданнический* национализм, связанный с безусловной подчиненностью общества носителям власти, с принижением положения средних торговых-предпринимательских слоев.

Согласно Л.С. Васильеву и разделяющим его мнение авторам, исторически выработались две модели сочетания власти и собственности: на Западе — власть, зависимая от собственности, а на Востоке — собственность, зависимая от власти; там сложилась «власть-собственность»¹².

В государствах Востока не было и нет граждан, а есть подданные. Это подданные старых империй, патримониальных (самодержавных) государственных образований, и современных, существующих в наше время «национальных государств». Для Запада характерен другой тип государства, где имеется гражданское общество, которое заставляет власть считаться с ним и, более того, формирует и контролирует ее. При этом крупные частные интересы в современных

условиях, промышленный и финансовый капитал все более довлеют над властью, образуя с ней определенный синтез, своего рода «собственность-власть». Вместе с тем, в западном ареале, служащем основой «мирового города», гражданское общество как множество разнообразных элементов — профессиональных, добровольных, локальных, церковных и прочих союзов и ассоциаций — сохраняет свободу и самостоятельность. Подчеркнем, что западная и восточная модель нации-государства — суть идеальные типы. В реальной (пусть и умозрительной) действительности между ними пролегает континуум подтипов, тяготеющих к одному из них.

Более того, в сегодняшнем мире наблюдается тенденция к конвергенции и гибридизации. Западные сообщества размываются притоком носителей иной, восточной традиции. Восточные государства становятся более «городскими» (не только чисто демографически, но социокультурно и экономически), более открытыми внешнему миру и подверженными его «разлагающему» влиянию. Но в предельном случае, в идеале, различия остаются. В конкретной действительности открытость или, лучше сказать, приоткрытость восточного, особенно исламского, общества ведет, как правило, к его отталкиванию от Запада, стремлению утвердить свою культуру и ее мировую значимость, а в сердцевине общественной жизни — тяготением к традиционным основам, фундаменту, регрессивной архаике.

Прежде чем перейти от общих рассуждений к конкретным примерам, затронем еще один теоретический аспект. В работах Э.С. Кульпина немалое значение придается предложенным К. Юнгом в начале XX в. понятиям коллективное бессознательное и безличностное общественное бессознательное¹³. Хотя «бессознательное» трудно поддается строгим дефинициям, оно сохраняет свое эвристическое значение и находит отражение в популярных ныне категориях исторической памяти и национального менталитета. Такая терминология, не апеллируя к «темной сфере» человеческой психики, служит для обозначения стержня, константы общественной, национальной самоидентификации. Для нас важно при этом то, что коллективное бессознательное, национальный идентитет, как правило, различны на сегодняшнем Западе и Востоке.

Если на Западе (в Западной Европе, США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии) интегральное (тоталитарное, мобилизующее массы) сознание (и подсознание) оттеснены на обочину общественной психологии (менталитета), то в других странах и регионах (на

Востоке) тотальность остается в центре национального самосознания, или легко может быть актуализирована, чтобы занять место в нем. Ключевую роль в мобилизации играет государство, обладающее наиболее широкими и мощными средствами воздействия через целенаправленную информацию (пропаганду), а также, в случае необходимости, и с помощью контроля над информационным полем, включающим киберпространство. Впрочем, в нынешнюю технологическую эпоху национальное государство, особенно не доминантного, а зависимого типа, вынуждено делить сферу контроля над информацией с внешними и внутренними конкурентами и противниками. Отсюда сложности в проведении мобилизационной политики теми незападными государствами, которые недостаточно сильны с точки зрения экономической и информационной самостоятельности. Но такая слабость может быть до определенной степени преодолена опорой на феномен коллективного бессознательного, на объединяющую массы людей историческую память и общий национальный менталитет.

Характерно при этом, что менталитет может опираться как на узкую этническую основу, так и на более широкий суперэтнический (этнорегиональный, этнотерриториальный) базис. Иначе говоря, на Востоке может наблюдаться тотально националистическая мобилизация как на надэтнической, в том числе конфессиональной (этно-или суперэтно-), так и на собственно этнической основе.

Исламский вариант восточного национализма

Известно, что с доктринальной точки зрения понятия ислам и национализм предстают несовместимыми. Ислам по идее отрицает национализм, считая нацию-государство временной и преходящей формой человеческого общежития. Хотя различия между людьми перед лицом Аллаха (этнические, расовые, культурные и др.) не признаются существенными для верующих, в главной книге ислама, Коране, упоминаются существовавшие в истории народы и отведенная им через пророков миссия. Однако после конечного пророчества Мухаммада разница между народами стирается, и проповедь *асабийя* (племенной и любой другой солидарности, в том числе, этнической и национально-государственной) отвергается в пользу универсальности, всеобщности, во имя преодоления всех границ между людьми.

Следует заметить, что национализм как современная идеология, также как и исламизм или панисламизм, возникли как реакция на колониальное господство европейцев и потому отношения между идеологиями национализма и исламизма, как подчеркивает З.И. Левин, были одновременно тесными и противоречивыми¹⁴. Возникнув на волне антиколониального возрождения обе идеологии (исламизм, да и собственно ислам, который нередко приравнивается к идеологии или самодостаточной основе для нее), сосуществовали и конкурировали друг с другом. При этом многие исламисты, или, по терминологии того же автора, исламские максималисты признавали трактовку национализма как синонима патриотизма, любви к родине, и допустимость борьбы за государство как защитника мусульман от покушений иноверцев¹⁵. Допуская «национализм ислама», исламисты «классического» периода, призывали в то же время не останавливаться на укреплении «национальных квартир», но всегда иметь в виду конечную цель построения «исламского государства» как стирающего, перекрывающего все национальные, государственные границы.

По этой причине либерально настроенные проповедники в странах с мусульманским меньшинством полагают, что нации (народы) не должны в принципе «обладать» государством, а формирование последних не должно строиться на базе таких мотивов и эмоций, как страх, гнев и чувство притеснения (виктимизации) со стороны других наций. Постулируя такие положения, либералы признают вместе с тем, что национализм и национальные государства в современном мироустройстве — это реальность, а для изменения такого положения, требуется не только осознание присущих ему угроз и изъянов, но и выработка новых представлений о значении жизни, роли человека и человечества. Ислам, по их мнению, как нельзя лучше подходит для решения задач гуманизации и глобализации, поскольку проявляет терпимость к другим религиям и защищает интересы меньшинств через принципы мультикультурализма¹⁶.

Консервативно и ретроградно ориентированные исламские теоретики, исходя из тех же положений, призывают к преодолению пороков современности путем копирования образцов идеального прошлого, порядков времен Пророка и двух первых после его смерти поколений мусульман (*ас-салаф ас-салих*). Именно салафизм, и ряд других течений в рамках ислама, оказывается на практике трудно совместимым с национализмом. Исламский воинствующий

(максималистский) фундаментализм, выступая против светского и ограниченного этнотерриториально исламского национализма, отвергает не только его, но и порождаемые им современные социально-политические институты¹⁷.

Сущность такого национализма, как отмечает, например, М. Моаддель, состоит в провозглашении ислама единственной основой легитимности и источником законной власти, достижении единства религии и политики при исламском правлении, поощрении нетерпимости к другим верованиям, помимо ислама, утверждении превосходства мужчин, введении ограничений на вовлеченность женщин в общественную сферу и отрицании западной культуры как упадочнической, декадентской¹⁸.

Помимо максималистских форм политического ислама, получивших распространение на Большом Ближнем Востоке (прежде всего в Ираке и Сирии, а также в Афганистане, Пакистане, Йемене, Ливии, ряде других афро-азиатских государств и в отдельных регионах, например, на Кавказе) существуют более умеренные его разновидности. Умеренные типы политизированного ислама развивались параллельно и в тесной взаимосвязи с радикальными. Более того, первоначально именно умеренные течения задавали тон в ислаимизме. Выступая за возрождение величия ислама и «халифат» как «великую родину мусульман» умеренные исламисты не отвергают, как мы уже отмечали, патриотизм и национализм, поскольку они служат укреплению режимов власти, при которых создаются благоприятные возможности для проповеди идеалов ислаимизма¹⁹.

Если эти различия между умеренными и радикалами (максималистами) можно считать инструментальными, т. е. касающимися путей достижения единой цели, то некоторые другие отличия выявляются из отношения к реальным проблемам. Так, умеренные исламисты не отрицают, принципиально и тотально, западную по происхождению, господствующую в сегодняшнем мире культуру-цивилизацию. Они признают научные, технические и некоторые социальные достижения неисламского мира. Социальный вопрос связан главным образом с более либеральным отношением к положению женщин в обществе, допустимости их образования, работы вне дома и профессиональной деятельности. Умеренные сторонники исламской идеологии акцентируют отмеченную выше роль территориального национального государства как защитника мусульман, гаранта их престижа и достойного положения среди других

наций в мире, а также устроителя внутренних исламских порядков, способствующих созданию условий для соблюдения правил и норм, приличествующих мусульманам²⁰.

Именно такая программа действий лежала в основе главных идейно-религиозных течений, возникших в мусульманской среде в колониальный период, на этапе ослабления и распада системы колониализма. Существенно, что умеренно-исламистские движения в период между мировыми войнами XX века на первых порах в целом проигрывали в популярности светским, вполне либеральным идеологическим направлениям. Однако к концу периода исламская окрашенность антиколониальных движений в странах с преобладающим или большим присутствием мусульман в населении заметно усилилась. После окончания Второй мировой войны она приобрела еще более выраженный характер.

Антиколониальный национализм отличался естественной государственноцентричностью. Национальное освобождение виделось как создание «своего» процветающего и мощного государства, где преимущественное положение займут представители местных, «национальных» элит. В арабском мире эти настроения и ожидания осложнялись наличием панарабизма, окрашенного по преимуществу в светские тона. Иной характер массовые политические движения против власти заморских колонизаторов, видимо, и не могли принять, хотя представления о значимости целей достижения процветания и могущества, очевидно, не были одинаковыми у выразителей отдельных национально-освободительных сил. Государственноцентризм объяснялся отмеченными выше особенностями восточного общества (подчиненным положением средних слоев), а также наследием и образцами колониальной власти, которая имела заметные черты восточного авторитаризма, управляя во многом бесконтрольно, самочинно и возвышаясь над местными верхами и зарождающимся буржуазно-рыночным обществом.

Пакистанский национализм и особенности пакистанской нации

Пример Пакистана представляется весьма типичным для исламского мира. Говоря об особенностях пакистанского национализма, следует указать на его неглубокие социальные корни, малую представленность в его фундаменте убеждений и ожиданий средне-

го класса. Северо-западные районы британской империи в Индии, на месте которых возник Пакистан в современных границах, относились к числу наименее продвинутых в социально-экономическом отношении индийских регионов. На это обстоятельство не раз обращалось внимание в зарубежной и отечественной литературе²¹.

Но к окончанию колониального периода на территории, сформировавшей Пакистан, появилось городское предпринимательство, товарное земледелие, а также очаги новой социальной инфраструктуры (образования, медицины) и обслуживающие их профессиональные слои²². Формирование средних городских слоев и переселение в города в период после раздела 1947 г. представителей такого рода групп из более развитых регионов Северной и Центральной Индии создали условия для складывания достаточно представительного гражданского общества. Именно в его недрах укоренились ростки пакистанского национализма с присущим ему априори восточным, подданническим своеобразием. Оно было усилено обстоятельствами рождения Пакистана как доминиона, генерал-губернаторства, возникшего в муках раздела, расчленения Индии, на фоне страданий миллионов людей.

Консолидация новой нации происходила в условиях начавшихся межобщинных столкновений в Кашмире, споров с Индией из-за него и военных действий там. Хотя масштабы боев между воинскими частями пакистанской и индийской армий в 1947–1948 гг. были невелики, они оказали существенное воздействие на пакистанское общественное мнение, приучая его к вере в доблесть собственных войск и необходимость соединения гражданской власти и военной силы. Весьма скоро к гражданско-военному союзу постарались присоединиться религиозные политические деятели, «открывшие» для себя страну для проповеди исламского национализма и превращения ее в теократию или в «государство ислама»²³.

Наконец, важнейшей особенностью не только национализма мобилизационного типа, но и новой нации стало соединение власти и собственности в социально близком сегменте общества. Этому процессу способствовал уход колонизаторов и ослабление созданного ими состоятельного слоя, состоявшего из английских предпринимателей средней руки и местных посредников-компраторов. Ему благоприятствовал также рост политической роли и общественной значимости гражданских администраторов и военных чинов, происходивших из образованной части земельной и городской аристокра-

тии, прослойки владельцев крупной недвижимой собственности (в колониальный период из наследуемой, признаваемой по обычаю и традиции, она превратилась в правовую, регистрируемую и защищаемую в суде частную собственность). Переехавшие в западную часть тогдашнего Пакистана семейства купцов и торговцев составили еще одну группу престижа и влияния, достаточно сплоченную, поскольку происходили они в основном из соседней с Синдом области Гуджарат и принадлежали к членам давно сложившихся и влиятельных гуджаратских мусульманских торговых каст²⁴.

На формирование и эволюцию пакистанского национализма мощное воздействие оказал государственный патернализм. Население внезапно появившегося государства оказалось в сильнейшей зависимости от государственного аппарата и его политики. При этом на нижнем ярусе общественной пирамиды продолжали действовать традиционные, закрепленные в колониальный период механизмы саморегулирования — деревенские и городские советы и органы власти на местах (чиновники низшего ранга, старосты и старейшины). На верхнем социальном ярусе, который образовался во многом заново, по причине массовой замены немусульманского городского населения мусульманским, государство с самого начала довлело над обществом. Экономическая система, утвердившаяся в Пакистане, как и в большинстве других освободившихся от колониализма стран Азии и Африки, получила в литературе название государственного капитализма. Государство вращивало и поощряло частный национальный капитал, и при этом само занималось как регулированием рынка, так и участием в его функционировании, которое на бумаге ограничивалось законодательно, но регламентировалось на практике, как правило, традиционным, характерным для восточного общества путем.

Со временем в Пакистане, как и в других странах Востока, появились госкорпорации в базовых отраслях экономики, во главе которых были поставлены чиновники общего профиля. Коммерциализация деятельности госсектора сопровождалась широко распространившейся коррупцией — оказанием государственных услуг представителям частного сектора за определенную плату (взятку, откат). Значительные масштабы приобрел государственный рэкет, то есть, вымогательство денег под незаконными предлогами. К этому надо добавить прямое казнокрадство, разворовывание средств

из казны, и систематическую неуплату, а также неполную выплату налогов на доходы и прибыли²⁵.

Различного рода воровские и коррупционные схемы и разрастание вследствие этого теневой, нелегальной экономики, можно считать прямым результатом функционирования системы «власть-собственность», иными словами, сочленения властных полномочий и привилегий в сфере отношений собственности.

В Пакистане азиатский госкапитализм оказался тесно сопряжен с гипертрофированной ролью вооруженных сил и частными интересами военной корпорации. Военный деловой комплекс превратился в своего рода государство в государстве, пользующееся особыми льготами и привилегиями. Созданные военными фонды («Фауджи фаундейшен», «Бахриа», «Шахин», Армейский благотворительный фонд и др.) приобрели значительные финансовые активы и заняли видное место в корпоративном бизнесе²⁶.

Привилегированное положение военной бюрократии закреплено идеологически. Одной из опор пакистанского национализма с самого начала стал постулат о доблести и несокрушимости вооруженных сил. Непосредственно связан с этим пропагандистским тезисом другой краеугольный камень насаждаемого государством национализма — заверения о поддержке Пакистаном права «народа Кашмира» на самоопределение. Официальная пропаганда навязывает мысль о том, что население индийской части бывшего княжества Джамму и Кашмир в случае плебисцита, о возможности проведения которого заговорили после первой пакистано-индийской войны конца 1940-х годов, выскажется за присоединение к Пакистану²⁷.

Для пакистанского варианта восточного национализма характерны также еще две особенности — склонность к возведению на пьедестал политических лидеров и соединение патриотизма, чувства любви к родине, с исламом. Первая черта приводит к персонализации или персонализации представлений о власти, наделянии особенными свойствами политических лидеров. М.А. Джинна получил от соратников титул *каид-и азам* (великий вождь) еще до образования государства, а Учредительное собрание Пакистана на первой сессии в августе 1947 г., приняло решение об обязательном добавлении этого почетного титула к его имени. «Наследовавшего» ему мантию Лиакат Али Хана называли *каид-и миллат* (вождь нации), а З.А. Бхутто — *каид-и авам* (вождь народа). «Отцами нации» становились на время их правления и другие ее руководители, па-

мять о которых, как правило, не исчезает из поля общественного сознания после их смерти или отставки²⁸.

Что касается второй особенности, то она проявляется многообразно, в частности, через закрепленное в конституции название Исламская Республика и прописанные в конституции различные нормы, превращающие ислам, по сути, в государственную религию. Рассуждая гипотетически, пакистанский национализм может принять в будущем крайние исламистские формы. В случае «талибанизации» страны, то есть победы в ней сил радикального ислама, республика трансформируется в исламское государство с вытекающими отсюда тяжелыми последствиями для внутренней безопасности и обстановки в регионе. Взятый в сумме этих особенностей, актуальных и виртуальных, пакистанский национализм предстает ярким порождением «власти-собственности» в ее исламской ипостаси.

Следует, кроме того, подчеркнуть, что внешний, номинальный демократизм существующей политической системы скрывает факт подчиненного, сублимированного положения частного капитала по отношению к власти. Беспомощность даже крупного бизнеса перед государством ярко проявилась в начале 1970-х годов, когда правительство З.А. Бхутто провело национализацию свыше 30 предприятий в ключевых отраслях промышленности, всех компаний по страхованию жизни, коммерческих банков и других частных учреждений. Фирмы и торговые дома, которым принадлежали эти заведения, и в зарубежной, и в нашей литературе поспешили отнести к разряду монополистических²⁹. Однако «монополисты» оказались не способны отстоять свои права, были вынуждены терпеть колоссальные для себя убытки. Многие из них предпочли уехать из Пакистана, переведя остатки своего бизнеса и капитала в другие страны. Оставшийся в Пакистане крупный частный бизнес пошел на сделку с бюрократией, превратившись в «олигархов», зависящих от благоволения властей. Образование тандема власти-собственности на примере Пакистана выглядит, может быть, более наглядно, чем в других странах, но тенденции к сращиванию частного и государственного (корпоративно-государственного) секторов имеют на Востоке более или менее универсальный характер

При этом за государством в этом симбиозе сохраняется несомненный приоритет. Борьба за власть превращается в условиях коррумпированного госкапитализма борьбой за деньги, собственность и капитал. Характерно, что деловые организации Пакистана послед-

ний раз заявили о себе в качестве отдельной общественно-политической силы в 1993 г. Тогда они выступили на стороне своего «собрата», потомственного промышленника Н. Шарифа. Будучи первым премьер-министром из числа крупной городской буржуазии, Шариф вступил в конфликт с президентом (высшей гражданской бюрократией) и армией, и несмотря на поддержку «коллег по цеху», проиграл³⁰.

В дальнейшем частный капитал нашел более приемлемым для себя встраивание в систему отношений власти-собственности. Одним из результатов этого (возможно, не самым существенным, но наглядным) явилось то, что, по оценкам некоторых независимых источников, вторым по размерам собственности человеком в Пакистане в конце 2000-х годов был тогдашний президент А.А. Зардари, принадлежащий, как и его жена, бывший премьер-министр Б. Бхутто, убитая в 2007 г., к потомственным крупным землевладельцам. По приводимым данным, Зардари располагал собственностью в 1,8 млрд долл., будучи владельцем большого числа сахарных заводов и другой собственности в агропромышленной сфере. На четвертом месте в том же списке находился нынешний премьер-министр Н. Шариф, который вместе с братом Шахбазом, сегодня главным министром Пенджаба, имел активы величиной в 1,4 млрд долл. Считается, и вероятно, не без оснований, что оба семейства преуспели благодаря сочетанию контроля над властью и собственностью³¹.

Поскольку в природе отношений власти с собственниками в Пакистане не наблюдалось за последние десятилетия существенных подвижек, элита страны оставалась по основному своему составу по существу неизменной.

Власть, несмотря на формальную демократию, сохраняла во многом персоналистский характер, опираясь, применяя терминологию М. Вебера, не столько на рациональные процедуры, сколько на традиции и личную харизму³².

Заметим, вместе с тем, что власть-собственность не остается единственной формой власти на современном Востоке. В более продвинутых странах, в том числе в такой, как Пакистан (по данным на 2014 г. занимает 27-е место в мире по величине валового национального продукта), она дополняется властью рынка и закона, но опять же до определенного предела. Перерождение в либерально-демократическую общественно-политическую структуру требует длительного времени, и остается открытым вопрос, способна ли в

принципе восточная, в частности, пакистанская власть-собственность к такой метаморфозе.

Анализ развития Пакистана как характерного примера восточного капитализма и связанного с ним национализма, будет неполным, если не упомянуть о проявлениях на его почве этнического национализма, тоже весьма специфического, отличного от классических образцов, известных по Европе конца XIX — начала XX в.

Сложная этнорегиональная структура Пакистана с самого начала порождала разговоры о возможном распаде страны. Тем более, что процесс национальной консолидации, занявший первые два десятилетия в истории страны, был осложнен сепаратистскими выступлениями в Белуджистане и пуштунских землях³³. Отличительной чертой этносепаратизма был его по большей части регрессивный характер, проявлявшийся в социальном происхождении его лидеров (главным образом представителей господствующих на местах землевладельческих кланов и родов) и в идеологии, сочетающей популизм, нередко облаченный в левую фразеологию, с опорой на племенные традиции и феодальную автономию. Некоторые изменения произошли лишь в последнее время, когда сепаратистское движение в Белуджистане, например, приобрело немалое число сторонников среди нарождающегося среднего класса³⁴. Однако общая его слабость не позволяет рассчитывать на изменение регрессивной сути этнонациональных движений, смысл которых в борьбе за ту же власть-собственность, но в меньших территориальных масштабах.

Ответом на угрозы сепаратизма и его крайней формы сецессионизма, служит наблюдающаяся с 1970-х годов, то есть, со времени окончания первичной консолидации Пакистана, растущая панджабизация военной и гражданской элиты. Имеется в виду выдвижение на первые политические роли представителей численно преобладающей и материально экономически наиболее богатой этнической общности. Впрочем, о чистой панджабизации речь не идет. Скорее, наблюдается процесс усиления сплоченности общепакистанской элиты, где наиболее крупным компонентом всё в большей степени становятся панджабцы.

Заключение

Усиление с началом XXI века крайних форм фундаментализма и его антипода в виде этнического либо этноконфессиональ-

ного партикуляризма обостряет проблему будущего современных мусульманских политических образований. Наблюдаемые там центробежные тенденции разрушают государственные границы. Причем деструкция идет не по линии собственно этнических различий, а по водоразделу сектантского, этнического и этносектантского противостояния. На большом геополитическом пространстве между Египтом и Индией наблюдается феномен диффузии власти, ослабления государства как аппарата узаконенного насилия. Отчетливо выявляются два яруса политики: верхний ярус — государство и городское, открытое общество, и нижний ярус — низовая демократия (племенная, общинная) и сельское закрытое общество. Радикальная вооруженная оппозиция (подпольный исламский интернационал) действует на стыке нижнего и верхнего яруса. Боевые группы (Исламское государство, *Аль-Каида* и т. п.) стремятся к разрушению существующего порядка и добиваются немалых успехов, используя исторически сложившиеся трещины и разломы.

Вырисовываются три альтернативных варианта развития ситуации. Первый из них — дальнейшее «проседание» государств, усиление хаоса и междоусобицы, усложнение мозаики «теневых» территориально-политических формирований. Альтернатива этому варианту — ужесточение авторитарных режимов, демонстративный отказ от имитации западных моделей, формирование антизападных по идеологии, при этом сложных по реальным интересам региональных блоков и ассоциаций. Третий вариант — укрепление гибридных форм государственности, авторитарно-электоральных, имитационно демократических при экономическом росте на смешанной, в том числе интенсивной наукоемкой основе. Этот вариант не исключает постепенные и частичные социальные преобразования, учитывающие национальные традиции, особенности менталитета и политической культуры.

Примечания

¹ Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007;

² Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект пресс, 2011; *Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект пресс, 2007.

³ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.; Университет книжный дом, 2005; Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012.

⁴ Из последних работ см., напр.: Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток, 2014, 4, с. 5–20.

⁵ Национализм в мировой истории, с. 13.

⁶ Там же, с. 14.

⁷ Там же, с.24.

⁸ См. статью С.В. Романенко об этнонационализме в Югославии, с. 408–451.

⁹ Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012.

¹⁰ Васильев Л.С. Всеобщая история в 6 томах. М.: Университет книжный дом, 2012; Кульпин Э.С. Восток. Природа–технологии–ментальность на Дальнем Востоке. М., URSS, 2009.

¹¹ Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2014, с. 261–262, 269. Приведем для иллюстрации только одну цитату: «...в восточных обществах не было норм права, которые защищали частнособственнические отношения (римского права), там преобладала государственно — общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот», с. 261.

¹² Вот что пишет о выявлении этого феномена Л.С. Васильев: «Впервые этот термин был в моих работах предложен, а само понятие обосновано в начале 80-х годов. Корни его уходят в глубокую древность и сводятся к праву старшего в примитивно-первобытном коллективе перераспределять по своему усмотрению общее достояние группы. Вначале это еще не была власть... Однако со временем и по мере усложнения общества и начала процесса политогенеза ... обстоятельства изменились... Возникло четкое представление о власти, которая резко возвышалась, возвеличивалась, а затем и сакрализовала ее носителя. Сохранение такой власти ... предполагало борьбу за стабильность и противодействие в уже сложившемся государстве любому непредвиденному развитию, особенно в сфере экономики. Развивались ремесло и торговля, города богатели, де-факто возникала в конечном счете и частная собственность, но условий для появления буржуазии не было потому, что частная собственность рассматривалась как покушение на редистрибуцию всего достояния государства. Это и было нормой мировой деревни, общества восточного типа (курсив Л.В.), в кн.: Васильев Л.С. Законы эволюции и проблемы человечества. Научные доклады ВШЭ НИУ, 2011, с. 17–18.

¹³ *Кульпин Э.С.* Социоестественная история. От метода — к теории, от теории — к практике. Волгоград: Учитель, 2014, с. 197–207.

¹⁴ *Левин З.И.* Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1988, с. 3–9.

¹⁵ З.И. Левин прослеживает это отношение, прежде всего, на примере взглядов основателя ассоциации «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банни. Там же, с. 102–107.

¹⁶ *Imam Shakir, Zaid.* Scattered Pictures: Reflections of an American Muslim // http://www.newislamdirections.com/nid/articles/islam_and, pdf, p. 3–5.

¹⁷ «Исламизм — резюмирует З.И. Левин сущность фундаментализма в недавно вышедшей работе, — это идеология мусульманского максимализма, глобальный теократический проект с идеей провиденциальной избранности мусульман как спасителей человечества. Его социально-политический идеал — «государство ислама» (*Левин З.И.* Очерки природы исламизма. М.: ИВ РАН, 2014, с. 8). О развитии фундаменталистской концепции и политической практики см. также: *Сикоев Р.Р.* Панисламизм. Истоки и современность. М.: Аспект пресс, 2010.

¹⁸ *Moaddel, Mansur.* Modalities of National Sovereignty: Territorial Nationalism versus Islamic Fundamentalism in Muslim-Majority Countries // University of Michigan, PSR Research Report, www.psc.isr.umich.edu, pdf, p. 20

¹⁹ *Левин З.И.* Ислам и национализм, с. 91–119; он же. Очерки природы исламизма, с. 25–26. Мы здесь специально не употребляем ставшее с 2014 г. широко известным название Исламское государство (ИГ) или Исламское государство Ирака и Сирии (ИГИЛ), поскольку речь идет не только об этой вооруженной группировке, но и о других подобного типа организациях, прежде всего Аль-Каиде, Талибан, Аш-Шаабе и т. п. Их идеология и активизация рассмотрены в ряде других статей данного тома.

²⁰ Там же, с. 9–10; *Moaddel, Mansur.* Modalities of National Sovereignty, p. 22–23.

³² См. *Белокреницкий В.Я.* Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития. М., 1988, 54–61.

³³ Речь идет, прежде всего, об авторе концепции теодемократии А.А. Маудуди, известном теоретике-фундаменталисте и политическом деятеле, основавшем в 1941 г. в Индии партийную организацию Джамаат-и ислами (Исламское общество). Он не поддерживал движения за Пакистан, но, переехав туда в 1948 г. повел борьбу за трансформацию страны из светского мусульманского государства в исламское. См: *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003, с. 40–44, 212–218.

³⁴ См.: *Левин С.Ф.* Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970, с. 17–45.

³⁵ О хронической проблеме низкой собираемости налогов см., напр.: *Каменев С.Н.* Экономическое развитие Пакистана. Макроэкономический анализ. М.: ИВ РАН, 2014, с. 215–228.

³⁶ См.: *Siddiqi A.* Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi: Oxford University Press, 2007; *Nawaz S.* Pakistan's Security Complex // Pakistan — Consequences of Deteriorating Security in Afghanistan Stockholm, 2009, p. 15–31.

³⁷ *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003, с. 51–55.

³⁸ *Белокреницкий В.Я.* Персоналистский авторитаризм в Пакистане (к вопросу о политической культуре и режиме власти в восточном варианте) // Восток-Oriens. 2005, 6, с. 74–92.

³⁹ См., напр.: *White L.* Industrial Concentration and Economic Power in Pakistan. Princeton: Princeton University Press, 1974; *Левин С.Ф.* Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане. М.: Наука, 1983.

⁴⁰ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008, с.373.

⁴¹ Haq's Musings. Who Owns Pakistan? // <http://www.riazhaq.com/2007/12/who-owns-pakistan.html> Retrieved 22,02,2015, p. 8.

⁴² После крупнейшего немецкого социолога М. Вебера, как отмечают отечественные политологи, принято выделять три типа внутриполитического господства — рационально-легальный, традиционный и харизматический. См.: Категории политической науки. М.МГИМО, РОССПЭН, 2002, с. 109–112.

⁴³ См. *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М.: Наука, 1967.

РАЗДЕЛ IV

**ВОСТОК В ИСТОРИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ**

ВОСТОК В КОНЦЕ XX ВЕКА – НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ*

К рубежу XX и XXI столетий народы Азии и Северной Африки добились впечатляющих результатов в политическом, экономическом, социальном и культурном развитии. По сравнению с периодом после окончания Второй мировой войны, ставшего точкой отсчета современного этапа новейшей истории Востока, в их положении наметились существенные сдвиги. Колониальное и зависимое политическое состояние сменилось суверенным, подверженным неровно и своеобразно протекающим процессам демократизации; примитивное по большей части хозяйство уступило место экономике, сочетающей достаточно совершенные и эффективные приемы и способы производства с менее изощренными; вместо аграрной по преимуществу структуры экономики и соответственно почти абсолютному преобладанию деревенского населения утвердились различные формы сосуществования индустриальных и аграрных секторов, сельских и городских поселений; традиционная система общественной жизни с характерным для нее зависимым и приниженным положением женщин, а также представителей этнических и социальных меньшинств трансформировалась в систему с более высоким статусом традиционно зависимых групп и на этом фоне наметилось изменение ряда важнейших демографических показателей; почти сплошь неграмотное население сменилось поколением людей, обладающих не только навыками чтения и письма, но и достаточно высоким уровнем общих и специальных знаний, а узкая образованная элита пополнилась за счет выходцев из более широких слоев.

* История Востока. Том VI. Восток в новейший период (1945–2000 гг.) / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. Институт востоковедения РАН. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008, глава 29, с. 978–999.

Таковы некоторые основные итоги эволюции Востока за вторую половину XX века. В развитии наметившихся тенденций видятся благоприятные перспективы. При этом, однако, нельзя не замечать серьезных изъянов и ограничителей поступательного движения, способных затормозить или даже повернуть вспять развитие всех или части азиатских и североафриканских стран и народов.

Проблема Востока как региона

Для целей данной главы, как и всей монографии и многотомника, очертания или «наполнение» региона даны априори — это страны Азии и Северной Африки (Магриба). Между тем, в отечественной литературе последних лет встречаются иные трактовки понятия «Восток» и его «состава». Так, историк Л.С. Васильев включает в него все страны Азии и Африки. Экономисты и политэкономисты (Г.К. Широков, В.Г. Растянный и др.) чаще всего отождествляют Восток с развивающимися странами, исходя, из типологической представительности большинства восточных государств для совокупности развивающихся (менее развитых) экономик. Историк-экономист В.А. Мельянцева пользуется термином Восток или в расширительном (Азия и Африка) или в принятом здесь значении, а для обозначения стран Африки использует в последнем случае термин Юг. Близкой к этому во многом оказываются по «наполнению» регионы А.И. Неклессы, но они построены на иных, не историко-экономических, а экономико-типологических принципах — под глубоким Югом, например, он имеет в виду не государства Африки, а самые бедные и отсталые страны мира, находящиеся, по большей части там, но также в некоторых ареалах Азии и других континентов. Для политолога-геополитика К.С. Гаджиева, в регион Востока входит и Россия, так как он совмещает понятия «традиционного Востока» и Востока периода «холодной войны».

Такой разброс мнений заставляет искать основания для выделения региона в указанном выше виде. Что объединяет страны Азии и Северной Африки? По какому принципу или признакам их можно классифицировать как входящих в одну группу (не лишним будет заметить, что регион здесь в соответствии с международно-политологическим подходом понимается как набор, совокупность государств)?

Представляется, что Восток целесообразно трактовать как историко-географический и культурно-расовый регион. Два этих основания (и подлежащие им четыре признака) кажутся необходимыми и достаточными для его выделения.

Исторически наибольшие основания для того, чтобы называть-ся Востоком имеет Азия. Как отмечал академик В.В. Бартольд, понятия «Восток» и «восточный» (как предтечи современного употребления) впервые появляются у римских авторов (Помпея, Тацита). Под Азией они стали понимать часть света к востоку от Африки и Европы, при том что оба последних названия появились у греков и те Африку (Ливию) иногда присоединяли к Европе. В отличие от древности в средние века, после завоевания северных районов Африки арабами, «Восток» распространился далеко на запад, потеснив Европу и «отобрав» у нее Испанию. Это наступление ближнего (от Европы), мусульманского Востока в западном направлении сочеталось с его движением в сторону далеких стран, лежащих на восток от Аравии и достигаемых по большей части морским путем. Именно в период зрелой арабо-мусульманской экспансии (в первой половине 2-го тыс. н. э.) выделяемый нами регион, в наибольшей мере, пожалуй, обладал чертами геополитической цельности (в контексте тогдашней международной политики). Впрочем, и в дальнейшем он не потерял определенной общности с точки зрения межнациональной политики, экономики и культуры.

Географически регион имеет выраженную смещенность на юг, так как именно в южных районах Евразийского материка и на прилегающих к нему с юго-запада, юга и юго-востока полуостровных и островных территориях концентрируется преобладающая часть населения, находятся основные очаги восточных цивилизаций и наибольшее число государственных образований, в том числе крупнейшие — Индонезия, Индия, Египет и др. Однако на востоке региона — прежде всего, во всем Китае, Японии и корейских государствах — центр тяжести размещения населения и политико-экономического влияния несколько выровнен в пользу более умеренной природно-климатической зоны. Впрочем, морской климат делает условия обитания достаточно суровыми лишь на небольшом пространстве обитания жителей этих государств. «Северная дуга» Востока захватывает Монголию, Казахстан, отчасти Киргизию, и затем «уходит» в широтно более южный, но высокогорный, гористый и

пустынный ареал (остальные государства Центральной Азии, Афганистан, отчасти Пакистан, Иран, закавказские государства, Турция).

В культурно-цивилизационном отношении регион Востока отличается от других как место зарождения и наибольшего распространения трех современных мировых религий — христианства, ислама и буддизма. Они в сочетании с местными религиозными и религиозно — философскими системами образуют исламский, индо-буддийский и буддистско-конфуцианский ареалы, которые в свою очередь распадаются на несколько культурно-цивилизационных комплексов (арабо-, ирано-, тюрко-и индо-мусульманский, индуистский, тибето-буддийский, тхеравадо-буддийский, сино-конфуцианский, японский, индонезийско-малайзийский и т. д.). Конфессионально Восток отличается от Запада тем, что хотя он и является родиной христианства, единственной религии последнего, различные христианские церкви имели и имеют для Востока лишь периферийное значение (исключение составляют Филиппины и отчасти Республика Корея).

С господствующими религиями связаны не только богослужебный язык и священные тексты, но и вполне определенная традиция, находящая проявление в сфере духовной и материальной культуры, в этике и политике, в семье и быте, образцах поведения. Именно это в совокупности и создает основу заметных цивилизационных особенностей.

Рассматриваемый регион сохраняет также определенное геополитическое значение. Однако оно за последние полвека стало заметно меньше. После окончания Второй мировой войны вопрос о деколонизации занял одно из главных мест в повестке дня мировой политики. Восток представлял собой сердцевину колониального и зависимого мира. Освобождение от прямой и косвенной политической несамостоятельности протекало на протяжении всей второй половины XX в. в разнообразных формах и в различное время. Система старого колониального доминирования, в основном заморско-европейского, территориально-административного, уступила место новой системе косвенного (путем предоставления военно-экономической и организационно-консультативной помощи) преобладания двух конкурирующих центров силы, идеологического и экономического влияния. Ни один из них не принадлежал Востоку, но если США возглавили западноевропейско-атлантический блок, то СССР постарался встать во главе восточноевропейско-евразийско-

го объединения (не называя его таковым), включающего азиатские страны, прежде всего Китай. Смещенность второго блока на восток, связанная также с промежуточными историко-географическими и культурно-расовыми характеристиками Советского Союза, обусловили эмоциональный крен стран Востока в его пользу. Однако воспользоваться этим обстоятельством в полной мере Москва не смогла из-за экономической слабости и политико-идеологической догматичности. Добившиеся независимости народы Азии и Северной Африки попытались использовать ситуацию размежевания в индустриально более развитом мире для консолидации своих позиций, символом и апофеозом чего можно считать конференцию 1955 г. в Бандунге. Именно в тот исторический момент максимальной была геополитическая роль Востока в границах более или менее совпадающих с рубежами региона, выделяемого в данной работе.

С начала 1960-х гг. в связи с разладом в отношениях между Пекином и Москвой второй блок вступил в стадию полураспада, задержанного, впрочем, кризисными явлениями, охватившими «первый мир». В условиях примерного равенства сил двух глобальных держав и возглавляемых ими блоков возросла роль нейтральных, неприсоединившихся стран. Государства Азии и Северной Африки образовали ядро «третьего мира», а крупнейшие среди них, прежде всего Индия и Египет, выдвинулись в число его лидеров, став инициаторами создания Движения неприсоединения.

С рубежа 1960–1970-х гг. значение Востока как более или менее единого геополитического региона начинает неуклонно снижаться. Этому способствует его внутреннее размежевание, в частности, появление центров экономического преуспевания в лице богатых нефтью стран Аравии, и расширение ареала суверенных незападных государств за счет Африки и Океании. В последней трети XX в. усложнилась также политическая структура азиатско-североафриканского региона за счет увеличения более чем в полтора раза количества государственных образований преимущественно в районе Персидского залива, в Закавказье и в Центральной Азии.

Распад СССР не только «высвободил» новую группу азиатских государств, но и оттенил наметившиеся ранее изменения в геополитическом положении стран Востока. На заключительных этапах холодной войны они находились в зонах «пробы сил» между главными ее участниками. Такими были в 1960–1970-х гг. Ближний Восток и Индокитай, а в 1980-е гг. — «дуга нестабильности» на

участке от Йемена до Афганистана. По мере ослабления одной из сторон глобальной контронтации увеличивалась геополитическая роль региональных центров силы, целиком принадлежащих ареалу Азии и Северной Африки. К Китаю — первому из самостоятельных азиатских геоигроков — добавилась Индия, а также Иран, Ирак и Саудовская Аравия. В исламском мире с середины 1980-х гг. наметились контуры над-(или мета-) государственного радикального движения, типологически отдаленно напоминающего революцион-но-коммунистический интернационал.

Появление на Востоке нескольких центров силы и влияния — один из факторов, приведших к ослаблению геополитического значения Большого Восточного региона в качестве единого целого. Вторым фактором явилось уменьшение международной роли России, так как именно она, занимая сердцевинное положение в материковой Евразии, придает смысл «конструкции», состоящей из государств, расположенных по периметру ее южных сухопутных рубежей. Наконец, третий фактор состоит в размывании самой оппозиции Запад-Восток, ее наложении на дихотомию Север-Юг, связанную прежде всего с различием в уровнях экономического и социального развития.

Таким образом, итогом эволюции Востока к рубежу нового века можно считать убывание его отдельной геополитической роли, распад на ряд ареалов со странами-лидерами, имеющими свои цели и программы действий. В перспективе следует ожидать, скорее всего, лишь закрепления этих тенденций.

Внутренняя структура региона и его место в мире

Восток можно разбить на ряд субрегионов. Если мысленно двигаться с запада на восток, то первый из них, **Северная Африка (Магриб)**, включает пять государств — Марокко, Алжир, Тунис, Ливию и Египет. Помимо географической смежности их объединяет сходство природно-климатических и экологических условий (аридная и пустынная зона), «нарушает» которые до определенной степени лишь расположенная на востоке субрегиона долина Нила. С исторической точки зрения это ареал распространения арабо-мусульманской, а позднее османской государственности. Османское господство, довольно формальное на его последнем этапе, потеснил в XIX в. европейский колониализм, который долгое время суще-

ствовал в симбиозе с властью Порты (Турции) и лишь после Первой мировой войны стал доминирующей внешней силой. Безусловным единством отличается культурно-расовый состав населения, благодаря преобладанию во всех странах субрегиона арабов-мусульман, соседствующих по южной кромке ареала с африканскими, берберскими прежде всего, элементами.

Суммарные данные о состоянии субрегиона Северная Африка в конце XX в. (на 1995–2000 гг.) показывают, что его отличает относительно небольшая, вдвое меньше, чем среднемировая, плотность населения. Демографические размеры государств региона также вдвое меньше мировых. В субрегионе сосредоточено чуть более 2% мирового населения, а так как среднедушевые доходы (рассчитанные по курсу обмена валют к доллару США) примерно вдвое уступали глобальным, то на него приходилось лишь менее процента общемирового валового национального дохода (ВНД), т. е. суммы курсовых, или номинальных, национальных доходов. Еще меньше был взвешенный по населению показатель (из-за преобладания в общем населении Магриба доли Египта с его наименее высоким доходом). Между тем, средние для субрегиона доходы, подсчитанные по паритету покупательной способности (ППС) валют к доллару США ровно вдвое выше. Суммарный доход Магриба в общемировом доходе при этой системе расчета повышался до полутора процентов. Однако средневзвешенный показатель все же почти вдвое меньше среднемирового и немного уступал среднему (взвешенному по населению) для всего Востока.

Второй субрегион, **Юго-Западная Азия**, включает 12 государств, расположенных на Аравийском полуострове (юго-западном полуострове Евразии), а также к северу и востоку от него. В Присредиземноморье находится единственное неарабское государство субрегиона — Израиль, а также Ливан, Сирия и Иордания (статистические сведения об арабской палестинской автономии в большинстве международных изданий отсутствуют). Кроме занимающего Месопотамию Ирака и центральной по территории и местоположению Саудовской Аравии, в ареале насчитывается еще пять небольших государств Залива (Кувейт, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Оман) и более крупный по территории и населению Йемен. Субрегион отличает сходство исторической судьбы, связанной прежде всего с исламом, значительное этнорасовое единство, одинаковость экологических условий, отчасти нарушаемая лишь в райо-

нах, примыкающих к Средиземному морю, и в междуречье Тигра и Евфрата. Отличительной чертой малых государств Залива является значительный удельный вес эмигрантов из Южной Азии, Ирана, ряда арабских и африканских стран.

При похожей на Магриб средней плотности, жители субрегиона в большой степени рассредоточены по отдельным государственным образованиям. По доходу на душу населения Юго-Западная Азия, благодаря главным образом доходам от добычи и экспорта нефти и энергосырьевых продуктов, оказалась одним из самых благополучных субрегионов Востока. По номинальному доходу она совсем немного уступала, а по доходу на основе ППС даже превосходила в конце века Восточную Азию во главе с высокоразвитой Японией. Почти вдвое более высокий, чем среднемировой, уровень дохода (при обеих системах подсчета) обеспечивал создание в субрегионе около 2% всемирного дохода. Вместе с тем развитие составляющих его стран отличается неравномерностью — наряду с высокообеспеченными Израилем, Кувейтом, Катаром и ОАЭ имеются крайне бедные (Йемен) и довольно бедные государства (Сирия, Ливан, Ирак). И если взять взвешенные по населению показатели душевого дохода на 1999 г., то они оказываются лишь на среднемировом уровне, хотя и превышают средние для Востока примерно вдвое.

В третий субрегион — **Западную Азию** — включены Турция, Иран и Афганистан. Эти страны охватывают широкую полосу от проливов, разделяющих Европу и Азию (небольшая часть Турции находится в Европе) до отрогов Гиндукуша и восточной части Иранского нагорья, которые служили границей «исторической Индии». В отличие от только что рассмотренных субрегионов, Западная Азия характеризуется размытостью границ и разобцённостью на страновые сегменты. Турция, Иран и Афганистан сами по себе весьма сложны по историко-географическим и этнокультурным характеристикам. Объединяет их, до определенной степени, помимо географической смежности и известного природно-экологического сходства, переплетенность исторических путей развития, а также принадлежность к мусульманскому миру.

Субрегион оказывается достаточно населенным (самым большим из до сих пор рассмотренных) с весьма близкой к среднемировой плотностью населения. Турция и Иран по агрегатным показателям экономического развития весьма близки друг к другу. Афганистан сильно отстает и принадлежит по показателям национального до-

хода к самым бедным государствам мира. Доля подрегиона в мировом номинальном ВНД едва превышала в конце столетия процент при доходе на душу населения вдвое меньше среднемирового. Показатели дохода на основе ППС были существенно выше, они лишь на треть уступали среднеглобальным, а удельный вес в мировом доходе (с учетом валютных паритетов) превышал 2%.

Четвертый субрегион включает восемь постсоветских государств **Закавказья и Центральной Азии**. Географически они принадлежат срединному в широтном отношении материковому ареалу, а по сравнению с другими подрегионами находятся в северной части Евразии. Надо заметить, что три республики Закавказья, или Южного Кавказа, — Грузия, Армения и Азербайджан — нередко причисляются и сами себя относят (как Турция и Израиль) к Европе, участвуя в работе различных европейских организаций. Да и центральноазиатские государства во многих международных классификациях фигурируют вместе с Европой. Однако с учетом выше обозначенных четырех признаков все они в большей мере принадлежат Азии и Востоку.

Образуемый ими вместе с Центральной Азией подрегион оказывается самым небольшим по числу жителей, но благодаря огромной площади Казахстана территориально вполне сопоставим с другими. Субрегион отличает самая низкая плотность населения (почти втрое ниже мировой, хотя эта плотность — в случае вычета Казахстана — близка к последней: 49 чел. на кв. км по сравнению с 46, по данным на 1999 г.) и малое число жителей в среднем на страну. По номинальному ВНД ареал в конце XX века был в числе крайне бедных, но данные о подушевом паритетном доходе свидетельствуют о более высоком уровне жизни и экономического развития. Впрочем, и в этом случае средневзвешенный доход почти в два с половиной раза уступал среднемировым (2500 дол. против 6200) и был почти на треть меньше, чем на всем Востоке (3600 дол. в 1998 г.).

Страны **Южной Азии**, образующие пятый субрегион, представляют собой во многих отношениях наиболее компактную и однородную систему. Сказывается то, что три его основные государства — Пакистан, Индия, Бангладеш — немногим более полувека назад составляли части единой политической структуры — колониальной Индии. Физико-географическое, природно-климатическое и субстратно-культурное единство нарушается религиозным противостоянием. По субрегиону пролегает едва ли не наиболее ныне

значимая в геополитическом плане линия цивилизационного разлома — между индо-буддийским и мусульманским мирами. Индия, как центр субрегиона, единственная граничит со всеми другими составляющими его государственными образованиями, среди которых, помимо вышеназванных, два островных (Шри Ланка и Мальдивы) и два высокогорных (Непал и Бутан).

Южная Азия — один из двух самых населенных подрегионов Востока, где проживает более пятой части мирового населения. Это ареал с самой высокой плотностью (около 300 чел. на кв. км), превосходящей среднемировую в шесть раз и с самым низким на Востоке доходом на душу населения — номинальный доход в конце 1990-х годов составил около 450 долл. против почти 5 тыс. в мире. По объему номинального национального дохода, создаваемого в субрегионе (550 млрд долл.), он находился на уровне Юго-Западной Азии (475 млрд). Это составляло примерно 2% от всемирного ВНД, равного примерно 29 трлн долл. (1998 г.). Средний доход южноазиатских государств на основе ППС был в 4 раза выше, что отражает более высокую покупательную способность национальных валют на внутреннем рынке по сравнению с внешним. Соответственно более весомым (свыше 5%) являлся и вклад субрегиона в мировой ВНД (2 трлн из 36,6 трлн долл.).

В отличие от «естественного» южноазиатского подрегиона, **Восточная Азия** в природно-географическом отношении более разнообразна. Но, как и в Южной Азии, тут наблюдается значительное культурно-цивилизационное сходство и есть доминирующий центр — Китай, третья по площади и первая по населению страна мира. Благодаря нему субрегион в два-три раза превосходит территории других ареалов Востока (11,8 млн кв. км по сравнению с 3,1 млн в Западной, 3,7 млн в Юго-Западной Азии, 4,2 млн в Закавказье и Центральной Азии, 4,5 млн в Южной, столько же в Юго-Восточной Азии) Помимо КНР (в его базовые параметры международная статистика включает и Тайвань) в субрегион входят Монголия, два корейских государства и Япония. Если территориально центр рассматриваемого ареала несколько «смещен» на север, то демографически он тяготеет к югу, к тихоокеанскому побережью Евразийского материка (его полуостровной «дуге») и островам. В демографическом плане субрегион — бесспорный лидер не только Востока, но и всего мира. В нем сосредоточена почти четвертая часть жителей

земли при плотности (122 чел. на кв. км) в два с половиной раза выше среднемировой.

На крупнейшем архипелаге Восточной Азии расположена Япония — одно из самых богатых и экономически развитых государств мира. Благодаря этому номинальный доход на душу населения в субрегионе был к рубежу XX-XXI вв. почти вдвое выше среднемирового, а его удельный вес в глобальном продукте приближался к 20%. Подсчеты на основе ППС дают более низкие цифры опять же из-за Японии, валюта которой на внешних рынках имела более высокую покупательную способность, чем на внутреннем. Взвешенные по населению средние показатели при обеих системах подсчета значительно скромнее из-за огромного населения Китая, имеющего весьма низкие показатели душевого дохода. Средневзвешенный душевой доход для Восточной Азии в 1998 г. равнялся по номиналу примерно 4000, а по паритету 5300 долл., т. е. был заметно ниже, чем в мире, но выше, чем в целом на Востоке.

Седьмой субрегион — **Юго-Восточная Азия** — включает десять государств, расположенных на полуострове Индокитай (с включением в него Мьянмы) и «продолжающих» его островах и архипелагах. В отличие от двух подрегионов, о которых речь шла непосредственно выше, ЮВА не имеет бесспорного центра. Крупнейшее по площади и населению государство — Индонезия. Достаточно внушительны по этим показателям Мьянма (Бирма), Таиланд, Вьетнам и Филиппины. Остальные государства невелики по населению и территории, особенно Сингапур и Бруней.

Плотность населения в подрегионе (112 человек на кв. км) близка к восточноазиатской и более чем вдвое выше мировой. Средние доходы на душу населения (5300 долл.) и доход, рассчитанный на основе ППС (7000 долл.) превышали в конце века глобальные и общевосточные показатели, а средневзвешенные (1130 и 3250 долл. соответственно) заметно уступали им. Столь внушительная разница объясняется концентрацией основной массы населения в относительно бедных (Индонезия, Вьетнам) и крайне бедных государствах (Лаос, Камбоджа, Мьянма). В ЮВА создавалось лишь около 2% мирового номинального ВНД, но удельный вес дохода на основе ППС был существенно выше (4,5%).

Если брать Восток в целом, то на него, по данным на конец XX в., приходится 62% населения земного шара, т. е. примерно $\frac{2}{3}$ жителей планеты. При этом его площадь составляет лишь 28% земной

суши, а плотность в среднем в два с небольшим раза выше мировой. Восток отличается относительно небольшим числом государственных образований (всего четверть, из примерно 200 ровно 50) при том, что их средние размеры по населению более чем в два с половиной раза крупнее (74 млн чел. против 28 млн). Вклад стран Азии и Северной Африки в номинальный мировой ВНД (7,5 трлн. долл.) был равен четверти, а в глобальный доход с учетом паритета покупательной способности (13,1 трлн долл.) — больше $\frac{1}{3}$. Средние показатели как номинального дохода на душу населения, так и рассчитанного на основе ППС у стран Востока не дотягивали до мировых.

Таковы некоторые общие, главным образом экономические, итоги, достигнутые странами Востока к рубежу XXI в. и их положение на общемировом фоне. Ниже мы детальнее рассмотрим результаты политической, экономической, социальной и культурной эволюции указанных государств, которых они добились главным образом за вторую половину прошедшего столетия.

Достижения политического развития

После окончания Второй мировой войны на Востоке существовало лишь одиннадцать государственных образований с формальным правом самостоятельного решения основных вопросов внутренней и внешней политики. К ним относились королевство Египет, королевство Ирак, Саудовское королевство, имамат Йемен, Турецкая республика, Иранская монархия, Афганское королевство, королевство Непал, Монгольская республика, Китайская Республика и королевство Таиланд (Сиам).

Ни одно из названных государств не обладало возможностями для проведения вполне независимого внешнего курса, свободного от решающего влияния какой-то одной внешней силы. Отсутствие выбора — суть несвободы, сочетавшейся в данном случае с невысоким уровнем политического самосознания массовых и элитарных слоев. Эволюция в последующую эпоху происходила по трем главным линиям: борьба за достижение и укрепление национального суверенитета, за расширение прав населения в руководстве государством и за усиление влияния на принятие решений международного характера.

К концу XX в. общее число суверенных государств в выделенном нами регионе увеличилось с 11 до 50. Большая часть из вновь образованных государств (17) на момент окончания Второй мировой войны были английскими колониями. Кроме того, Ливия находилась в сфере двойной ответственности Великобритании и Франции. Наиболее «английскими» по политическому происхождению (т. е. «выросшими» из британской системы управления) были субрегионы Юго-Западной (семь государств), Южной (шесть) и Юго-Восточной Азии (четыре). «Выходцами» из французской зоны прямого и косвенного господства нужно считать восемь образований, главным образом в Северной Африке (три, а с Ливией четыре государства), Юго-Западной (два) и Юго-Восточной Азии (три). Советскими по происхождению безусловно являются восемь государств Закавказья и Центральной Азии. Кроме того, в зоне послевоенного контроля СССР образовалась КНДР. Из ареала политического господства США «вышли» три государства: Филиппины, единственное их старое колониальное владение, а также Республика Корея и Япония. Наконец, Индонезия, еще одно из освободившихся от внешнего подчинения государств, входила в состав заморских территорий Голландии.

Первая европейская колониальная держава на Востоке Португалия, сохранив свои владения дольше, чем многие другие метрополии, не «породила» ни одного государственного образования в рассматриваемом нами ареале. Крупные колонии вплоть до поражения во Второй мировой войне имела Япония, но непосредственно от нее эстафету государственности не несет какое-либо государство — ни обе Кореи, ни Тайвань (не признанный международным сообществом в качестве суверенного), ни временно оккупированные ею в 1940–1945 гг. некоторые страны ЮВА. Германия потеряла немногие свои колониальные позиции еще после Первой мировой войны, а Испания — и того раньше. Италия уступила контроль над Ливией после падения режима Муссолини в 1943 г.

На втором, вслед за суверенизацией, направлении политического развития, а именно демократизации, страны Востока также добились к рубежу веков немалых результатов. На последнюю четверть XX в. пришлось, по С. Хантингтону, «третья демократическая волна». Преобладание в мире демократической тенденции над авторитарной отразилось на эволюции практически всех стран Востока. При этом нужно иметь в виду два обстоятельства: нерав-

номерность в развитии процессов демократизации и в целом более позднее, запоздалое наступление демократической волны, проявления которой начали сказываться главным образом с конца 1980-х гг.

Если брать символическую власть, то к числу монархий в регионе в конце XX века можно причислить 14 государственных образований. Из них четыре являются абсолютными монархиями, и все они находятся на Арабском Востоке (крупнейшая — Саудовская Аравия). Среди десяти конституционных монархий выделяется Япония, страна с устоявшимися традициями и развитыми институтами парламентской демократии. Достаточно глубокие парламентские традиции имеет также королевство Таиланд. В остальных монархиях (иногда весьма своеобразных, таких как Федерация Малайзия, где король избирается на пять лет из числа наследственных правителей султанатов) к концу века ускорилось утверждение демократических институтов при сохранении сильных авторитарных тенденций.

Авторитарные режимы разного типа господствовали в семи государствах. Политический режим Ливии и Ирака нужно, очевидно, считать популистским, Мьянмы — военным, Туркмении — популистско-постсоциалистическим, КНР и Вьетнама — социалистическим с элементами плебисцитарной демократии, а КНДР — тоталитарно-социалистическим. Если исключить Афганистан, который в конце века был расколот на враждующие лагеря, то в остальных 30 странах преобладали демократические порядки. Но в значительной части из них они сочетались с авторитарными чертами популистского (Сирия), теократического (Иран), постсоциалистического (государства Центральной Азии) и военного типа (Пакистан). Впрочем, и в большинстве из оставшихся 23 государств не прекратилась борьба между демократическими и авторитарными тенденциями. К числу более или менее устоявшихся демократий можно отнести лишь меньшинство, состоящее из Индии, Японии, Турции, отчасти Египта и ряда средних и небольших государств.

Несмотря на сохраняющиеся и в демократических странах Востока элементы авторитаризма, еще раз подчеркнем успехи, достигнутые в целом на всех направлениях, характеризующих демократию как определенный режим власти. К их числу, согласно известным критериям, относятся выборность должностных лиц (включая самых высоких); свободные, честные и часто проводимые выборы; свобода

выражения мнений; альтернативные источники информации; автономия ассоциаций; всеобщие гражданские (политические) права.

Третью линию политического развития, рост влияния стран региона в международных делах, охарактеризовать и трудно, и легко. С одной стороны, Восток, бесспорно, стал играть существенно большую роль в мировой политике к концу века по сравнению с его серединой. Мало того что увеличилось число самостоятельных участников международно-политического процесса, возросли к тому же сила и влияние наиболее крупных государств региона, добившихся весьма больших или достаточно заметных успехов в экономике, военно-технической и культурной сферах. С другой стороны, конфигурация сил на мировой арене не претерпела существенных перемен. В экономико-политической области в конце XX в. по-прежнему господствовали государства Запада, к которым присоединилась пока лишь одна восточная страна — Япония. Символомизируют это лидерства ежегодные встречи руководителей семи экономически наиболее развитых стран. В конце 1990-х гг. их формат расширили за счет России.

В стратегическом (военно-политическом) отношении и на рубеже двух веков и тысячелетий в мире доминировали державы Запада, прежде всего США и их ближайшие союзники по НАТО, такие как Великобритания, Франция, Германия. Российская Федерация оставалась сильной в военном отношении державой, крупнейшей после США в ракетно-ядерной и космической областях. Хотя Китай имел самые крупные в мире вооруженные силы (2,6 млн чел. по данным на 1997 г.), их техническая оснащенность значительно уступала оснащенности сил западных государств и России. То же самое в еще большей степени характерно для достаточно многочисленных вооруженных сил Индии (1,3 млн) и других стран Востока.

Китай был первой и долгое время единственной ядерной державой Востока. В 1998 г. Индия, а вслед за ней Пакистан произвели подземные испытания ядерного оружия и де-факто вступили в ядерный клуб. К нему давно причисляют и Израиль, который воздерживается от испытаний имеющихся у него, по мнению экспертов, ядерных боезарядов. Все это, а также успехи в ракетной области, хотя и свидетельствуют о существенном прорыве, достигнутом ведущими азиатскими государствами в военно-технической сфере, не изменяет их в целом второстепенного статуса в стратегической области.

Решающее слово оставалось за Западом и в сфере глобальной ин-формационно-технической политики и в плане контроля за основными потоками мирокультурной, особенно научно-инновационной деятельности.

Несмотря на последние обстоятельства, прогресс в плане повышения роли Востока в глобальных делах был несомненен. Об этом свидетельствуют и привлекающие к себе время от времени повышенное внимание рассуждения о происходящем перемещении центра тяжести мировой политики в Азию и неизбежном ускорении такого процесса в XXI в.

Вместе с тем, далеко не все страны Востока оказывают существенное влияние на решение международных вопросов, а те, в свою очередь, имеют разное значение с точки зрения политического развития государств. Все это, впрочем, характерно для любой их группы и связано с целым набором обстоятельств (постоянных и меняющихся). Одними из главных являются демо-географические и военно-экономические размеры страны, от которых во многом зависят ее притязания и интересы. Другим фактором нужно считать втянутость в споры с соседями и региональные (межгосударственные) конфликты. Еще одно обстоятельство — исторически сложившиеся представления о миссии государства-нации, ее взаимосвязи с культурно-идеологическими процессами в мире и (или) в его крупных регионах.

Исходя из этих общих критериев государства Востока на рубеже веков распадались на несколько групп (кластеров). В первую входили Индия, Китай и Япония. Это страны, проводящие внешнюю политику глобального типа, принимающие участие в решении основной части проблем международных (межгосударственных) отношений и мировой политики. Они отличаются максимальной диверсификацией внешних связей, т. е. имеют политико-дипломатические отношения по существу со всеми государствами планеты и принимают участие в работе ведущих межгосударственных организаций, как всемирных (ООН, МВФ, ВБ, ВТО и т. д.), так и макро-(кросс-) региональных (АТЭК, форума АСЕАН и т. д.).

Вторую группу составляли 13 государств, втянутых в решение крупных глобально-региональных конфликтов и проблем. В их число входили и сами узловые, конфликтно-проблемные страны — Израиль, Ирак, Афганистан и КНДР. Остальные 9 государств этой группы были тесно взаимосвязаны (соседствуют) с первыми че-

тырьмя или же по культурно-идеологическим причинам (Саудовская Аравия) участвуют в решении связанных с ними проблем вместе с глобальными державами (к последним наряду с отмеченными выше относятся США, ведущие страны Европы и Россия). Для всех стран Востока второй группы характерны значительная диверсификация внешних связей в сочетании с их избирательностью (политико-идеологической).

На третьем, регионально-локальном уровне строили свою внешнюю политику 16 средних по населению и небольших стран региона, не являющихся субъектами (игроками) в глобально-региональных делах. Некоторые из них могли быть, однако, связаны с конфликтами, которые затрагивают одну из глобальных держав (как, например, Грузия была связана с Россией из-за Чечни), или находиться в конфликте друг с другом (Армения и Азербайджан). В силу этого они оказываются втянутыми в глобальные процессы или (что взаимосвязано) втягивают глобальные державы в решение своих проблем. Существенна для них диверсифицированность внешнеполитических связей, свидетельствующая об определенной зрелости, продвинутой политическом развитии.

К четвертой категории принадлежали оставшиеся 18 государств, главным образом небольших по совокупности демографических и военно-экономических признаков. Среди них — вышедшие к рубежу веков из полосы острых и затяжных кризисов Йемен и Камбоджа, а также такая довольно значительная по населению и ряду других параметров страна, как Филиппины. Эти государства характеризовала направленность внешнеполитических связей преимущественно на одного или двух глобальных и/или глобально-региональных игроков и несвязанность в конце прошлого века с крупными и острыми межгосударственными проблемами и конфликтами.

В целом же можно отметить, что степень диверсифицированности внешнеполитических связей стран Востока за вторую половину XX столетия многократно возросла. На первых порах они поддерживали контакты преимущественно с какой-либо из европейских метрополий или державой-победительницей в мировой войне. В годы холодной войны большинство государств ограничивало свои политически значимые связи с одной из двух систем биполярного мира, но по мере ее затухания Китай и Индия превратились в самостоятельные центры силы и влияния, а Япония обрела субъектность в качестве передовой и крупнейшей экономической державы. В по-

стбиполярном мире наблюдается дальнейшее расширение спектра отношений, установленных азиатско-североафриканскими государствами с внешними контрагентами.

Главные итоги экономической эволюции

К рубежу веков экономика стран Востока претерпела существенные изменения по сравнению с положением в середине прошлого столетия. Тогда почти повсеместно они характеризовались преобладанием аграрного сектора. Промышленность в отдельных странах (Иран, Ирак, Саудовская Аравия) была представлена такими по существу «первичными» отраслями, как нефтедобыча, а в сфере услуг («третичный» сектор) доминировала мелкая частная торговля. Спрос на произведенный в национальных рамках продукт определялся преимущественно потребностями личных и небольших частных хозяйств, в то время как норма сбережений, а с ней и темпы роста, оставались весьма низкими. Общий невысокий уровень производства лишь очень редко (портовые и островные государства) позволял иметь значительный экспортный коэффициент (отношение экспорта к ВВП).

К концу прошлого века сельское хозяйство потеряло значение преобладающей сферы в большинстве стран и регионов Востока. На нее в среднем приходилась пятая часть произведенного в Азии и Северной Африке продукта (добавленной стоимости). Причем только в трех субрегионах (Закавказье и Центральная Азия, Южная Азия и ЮгоВосточная Азия) в аграрном секторе производилось свыше 20% ВНП, а если брать не средние, а средневзвешенные (с учетом распределения населения) показатели, то это характерно лишь для первых двух субрегионов.

На индустриальные сектора, в которые включаются все отрасли промышленности, строительство и инфраструктура (электро-, водо- и га-зоснабжение), в целом по Востоку приходилось 34% ВВП, из них 19 — на обрабатывающую промышленность. Наиболее высокими эти показатели на рубеже веков были у Юго-Западной и Восточной Азии. А так как оба субрегиона относились к числу наиболее богатых для Востока, то это свидетельствовало о том, что «импульсы» от вторичных видов деятельности еще не «передались» там третичному сектору (торговля и услуги). Особенно явно такая тенденция видна при взгляде на средневзвешенные показатели для

Восточной Азии, в наибольшей степени отражающие особенности экономической структуры КНР.

При сравнении с аналогичными данными по развитым странам Запада бросается в глаза все еще весьма значительный на Востоке удельный вес сельского хозяйства. В структуре экономик шести государств (США, Канады, Англии, Франции, Германии и Италии) последняя занимала (по данным на 1998 г.) всего 2%. На индустрию в составе ВВП «шестерки» приходилось 34%, в т. ч. на обрабатывающую промышленность — 23, а на третичную сферу — 64%. Из последней цифры следует, что на Западе доход в торговле, финансах и других обслуживающих секторах давал до $\frac{2}{3}$ годового национального дохода, а на Востоке — менее половины. Иначе говоря, хотя за вторую половину XX в. имели место очевидные изменения в структуре ВВП стран Азии и Северной Африки, но она продолжала заметно отличаться от таковой в западных государствах.

Имеются отличия между странами Востока и Запада и по структуре спроса, или использования ВВП. Так, доля личного потребления в странах Азии и Северной Африки была несколько выше, чем в западных странах (68 против 62%), а государственных расходов — ниже (14 против 19%) Если же взять взвешенные по населению индикаторы, то разница в последнем случае окажется еще больше — 11 и 19%, свидетельствуя о меньших на Востоке конца XX в. относительных масштабах перераспределения доходов через государственные каналы. Вместе с тем, доля сбережений в Азии и Северной Африки в конце века оказалась такой же, как и на Западе, — 19%, а по средневзвешенному показателю — даже существенно выше — 28%. Особенно велик тут вклад Восточной Азии, главным образом Китая, и ЮВА.

Эта закономерность (опережающе расширенный, сберегающий, тип использования создаваемого на Востоке продукта) оставалась, судя по всему, характерной для всего последнего десятилетия XX в. Соответственно, темпы роста восточных экономик за 1990–1998 гг. составляли 5,2% в год, а средневзвешенные показатели из-за вклада наиболее крупных по населению стран (Китая и Индии) — 7,1%. Между тем как в шести развитых западных экономиках он равнялся в среднем 1,8%, при том что средневзвешенный показатель (за счет США) был несколько выше (2,2%).

Наименее представительным для Востока был субрегион, образуемый новыми государствами Закавказья и Центральной Азии.

Это было результатом преодоленного впоследствии глубокого кризиса, охватившего практически все постсоветское пространство. Экономика этих стран, по данным 1999 г., отличалась самым высоким удельным весом сельского хозяйства и наиболее низким — сферы услуг. Средняя доля внутренних сбережений там не достигала 10%, а в Грузии и Армении сохранялись ее отрицательные значения, которые были особенно велики в предшествующем 1998 году (в последней — минус 26%). По сравнению с Закавказьем почти все экономические показатели центральноазиатских государств были лучше. Однако за 1990–1999 гг. в среднем по всем странам субрегиона наблюдался не рост, а небольшое сокращение валового национального продукта.

Что касается других подрегионов, то наиболее скромными темпами росла экономика Северной Африки (3%), среднегодовые приросты в 4–5% характеризовали расширение ВВП в Юго-Западной, Западной, Южной и Восточной Азии. Самым быстрым (почти 7%) был средний рост в Юго-Восточной Азии, но средневзвешенный параметр был здесь ниже, чем Восточной Азии, где он достиг рекордного уровня в 10%, благодаря мощному рывку Китая. Немного меньше, чем в ЮВА, были и темпы средневзвешенного прироста в Южной Азии, в которой почти 6-процентный прогресс обеспечила Индия. При этом в отличие от Восточной Азии (т. е. Китая), быстрый экономический рост в Южной Азии (Индии) наблюдался при высоком удельном весе частного потребления и довольно низкой доле внутренних сбережений.

Страны Востока в конце XX в. отличал также достаточно высокий экспортный коэффициент. Он составлял примерно одну треть их ВВП. Этот индекс был особенно значителен для «морских» государств Юго-Восточной и Восточной Азии, а также для нефтедобывающих стран Юго-Западной Азии.

Интересно, что экспортный коэффициент (взвешенный) для государств мира с высоким подушевым доходом находился на более низком уровне (24%), а для «шестерки» наиболее развитых стран равнялся 27%. Средневзвешенный индикатор для последней группы государств (21%) практически полностью совпадал с таковым для всей группы государств Азии и Северной Африки.

Результаты в социальной области

В середине XX в. абсолютное большинство жителей Азии и Северной Африки проживало в деревнях, в условиях традиционного сельского быта. С этих позиций данные о ситуации в конце века выявляют существенные изменения. Перемены касаются не только места проживания (в сельской или городской местности), но и бытовых условий жизни, которые непосредственно влияют на распространенность многих болезней и продолжительность жизни. Такие базовые факторы здравоохранения, как современные средства санитарии (канализации) и наличие обеззараженной (чистой и безопасной) воды были едва доступны для большинства жителей стран Востока (особенно некоторых его субрегионов) в середине XX в., и потому так впечатляют перемены, произошедшие за вторую его половину.

Характерные сдвиги наблюдались и в составе самодеятельного населения стран Востока. Если в годы после окончания Второй мировой войны лишь незначительная часть женщин выходила на рынок труда, участвуя в производительной деятельности за пределами дома, то к концу века они стали составлять весьма существенную долю дееспособного населения. С этим, по всей видимости, в немалой степени связано снижение рождаемости и сокращение темпов роста населения.

В государствах рассматриваемого региона в среднем более половины населения к концу века проживало в городах (в соответствии с национальными критериями). Но с учетом общего числа жителей, т. е. согласно средневзвешенному показателю, в сельской местности по-прежнему сосредоточивалось большинство, более 3/5. При этом доля горожан уменьшалась в направлении с запада на восток. Они преобладали в Северной Африке, Юго-Западной и Западной Азии как в среднем по странам, так и в общем числе жителей. Промежуточное положение между западными и восточными субрегионами занимали страны Закавказья и Центральной Азии с равным количеством городского и сельского населения. В Восточной и Юго-Восточной Азии численность горожан в общей массе населения была заметно меньше — от $1/3$ до $2/5$ (в Китае — 32%) Но в первом из них, за счет высокой урбанизированности Японии (79%) и обоих корейских государств горожане в среднем составляли свыше $2/3$. Наиболее сельским подрегионом являлась Южная Азия, где к горожанам

в среднем причислялась только четверть жителей, а средневзвешенный показатель равнялся примерно 30% (в Индии — 28%).

Удельный вес женщин в рабочей силе к концу XX столетия в странах Азии и Северной Африки вырос до почти 40%. В западных субрегионах Востока этот индикатор был меньше, чем в восточных, но и там он не опускался ниже 25%. Наиболее интенсивный рост занятости женщин в западных, мусульманских ареалах наблюдался в последнюю четверть века, так как там еще в 1970-х гг. их экономическая активность была крайне низкой: 5–15%. Увеличение доли занятых женщин отразилось на их удельном весе в рабочей силе. В Саудовской Аравии, например, он в 1980 г. равнялся всего 8%, а к 1999 г. вырос до 16%, соответствующие показатели для Кувейта — 13 и 31%, Иордании — 15 и 24%, а Ирана — 20 и 27%. В целом в странах Западной, Юго-Западной Азии и Северной Африки он увеличился с 24 до 27%, оставшись на уровне немного меньшем, чем в Южной Азии (33%), и заметно более низким по сравнению с Восточной и Юго-Восточной Азией (44%).

Такой крайне важный для демографического роста показатель как суммарная рождаемость снизилась в странах Востока к рубежу веков до 3,0. Это означает, что среднестатистически на женщину детородного возраста (15–49 лет) приходится три рождения (еще 20–30 лет назад их число равнялось пяти-шести). Понижившаяся рождаемость обеспечивает расширенное воспроизводство поколений, но достаточно умеренными темпами. Коэффициент суммарной рождаемости по субрегионам колеблется от 2,0 в Восточной Азии до 4,1 в Юго-Западной Азии (соответствующие средневзвешенные показатели — 2,3 и 4,9).

Рождаемость в современную эпоху варьирования коэффициента смертности в относительно узких пределах служит главным дифференцирующим демографическим фактором. В западных субрегионах Востока она в целом заметно выше, чем в восточных. Будучи относительно небольшим для северного, Закавказско-Центральноазиатского подрегиона, этот параметр еще весьма значителен в южном (южноазиатском) ареале.

Между данными о доле женщин в самодеятельном населении и количестве у них детей наблюдается заметная корреляция, объясняющая в качестве конечной (или непосредственной) причины значительную часть различий в рождаемости. Положение женщин в обществе и сопутствующие этому обстоятельства социокультурного свойства в немалой степени определяли также разницу между тем-

пами роста населения в западных и восточных субрегионах Азии и Северной Африки.

Следует при этом отметить, что во второй половине XX в. почти во всех странах и субрегионах Востока наблюдалось снижение коэффициентов суммарной рождаемости (фертильности) и темпов прироста населения. Весьма заметными эти тенденции стали в последней четверти века, особенно в его последнее десятилетие. Те же тренды характеризовали демографическое развитие мира в целом, которое на две трети и определяла ситуация на Востоке. Так, по сравнению с 1970–1975 гг. коэффициент фертильности в мире уменьшился с 4,5 до 2,7, а среднегодовые темпы прироста населения упали с 2% в 1970 г. до 1,25% в 2000 г.

Из данных по странам Востока следует, что для региона в целом средневзвешенный показатель прироста на середину 2000 г. равнялся 1,4%, т. е. был несколько выше среднемирового. При этом он варьировался в широких пределах — от 2,7% в Юго-Западной Азии до 0,9% в Восточной Азии (в Китае этот показатель составлял 0,94, а в Японии — 0,18%). Без последнего субрегиона средневзвешенный индикатор равнялся 1,6%. В странах Северной Африки и Южной Азии прирост составил соответственно 1,8 и 1,7% (в Индии — 1,6%), в Юго-Восточной Азии — 1,6, а в Западной Азии и Закавказско-Центральноазиатском подрегионе — 1,3%.

Весьма значительно за последние десятилетия XX в. сократились масштабы такого явления, как младенческая (в возрасте до 1 года) смертность. Для Востока в целом характеризующий его показатель равнялся в 1997 г. 50 на 1000 благополучных (живых) рождений, между тем как в 1980 г. он был в 1,5 раза выше. В Турции, например, имело место его снижение с 109 до 40, в Иране — с 87 до 32, а в странах Южной Азии с 119 до 77 на 1000 рождений. В последнем субрегионе он и на рубеже веков оставался самым высоким, а рекордно низким он был в Восточной Азии, несмотря на то, что оба подрегиона, и демографически доминирующие в них Индия и Китай, относились к самым сельским (тут, возможно, следует напомнить, что используемые статистические данные относятся к категории официальных, т. е. предоставляются правительствами соответствующих стран).

Средняя продолжительность жизни (взяв показатель, рассчитанный для мужского населения, как более вариабельный) оказалась в конце века по существу во всех странах и субрегионах Востока весьма высокой. В целом по региону продолжительность жизни

(более строго, ожидаемая вероятность дожития при рождении) достигла у мужчин 66 лет. За этот рубеж она перешла в Восточной Азии, Юго-Западной Азии и в Северной Африке. Ни в одном подрегионе она не опускалась ниже отметки в 60 лет.

Стоит отметить, что рост средней продолжительности жизни происходил в большинстве субрегионов весьма быстрыми темпами в последние десятилетия прошедшего века. Так, еще в 1975–1980 гг. вероятность дожития в Саудовской Аравии равнялась всего 46 годам, в Иордании и Ираке — 54, в Турции — 55, в странах Южной Азии — 51, причем в Бангладеш только 42 годам. Такая же ситуация характерна и для стран Юго-Восточной Азии: в Лаосе она была 40 лет, в Индонезии — 46, во Вьетнаме — 48, в Индонезии — 50, в Таиланде — 55 лет. Лишь в Восточной Азии продолжительность жизни и в конце 1970-х гг. была выше: в Китае — 62 года, а в Японии уже в 1950 г. она достигла 58 лет. По неполным сведениям, относящимся к середине века, жизнь в странах Востока продолжалась в среднем примерно 40 лет. Так что прогресс, достигнутый за истекшие полстолетия, совершенно очевиден и весьма значителен.

На этом фоне неудивительно, что быстро улучшался, особенно в 1980–1990-е гг., такой индикатор здоровья и качества жизни, как процент населения, имеющего доступ к источникам обеззараженной воды. За 1982–1995 гг. во многих странах он увеличился почти вдвое: в Иране — с 50 до 90, в Индии — с 54 до 85, в Индонезии — с 39 до 65%. К концу века использовать чистую и безопасную воду могли $\frac{4}{5}$ жителей государств Востока.

При всех успехах на цели здравоохранения в 1990–1997 гг. государства Азии и Северной Африки выделяли относительно небольшие средства, составлявшие в среднем 2,2% их ВВП (средневзвешенный показатель — меньше 2%) Особенно невелико соотношение этих расходов к внутреннему продукту было в Южной и Юго-Восточной Азии.

По сравнению со странами Востока государства с высоким доходом расходовали на здравоохранение в 3 раза большую долю внутреннего продукта — 6%, а «шестерка» наиболее крупных и развитых стран Запада — даже 6,6%. Последние находились впереди и по таким показателям, как средняя продолжительность жизни мужчин — 77 лет (средневзвешенный показатель — 81 год) и по показателю детской смертности (в девять раз ниже). Коэффициент суммарной рождаемости в странах с высоким доходом и в государствах «западной шестерки» равнялся по данным на конец XX в. 1,7,

т. е. она была примерно вдвое ниже, чем в Азии и Северной Африке. По доле женщин в составе рабочей силы Восток не слишком отличался от Запада: 37–38 против 43–44%, а вот по удельному весу горожан разница была заметнее — в странах «шестерки» к городскому относилось $\frac{4}{5}$ (79%) жителей (против половины в странах Востока в среднем и $\frac{2}{5}$ по средневзвешенному индикатору). Вместе с тем, все большая часть городского населения мира принадлежит Востоку. К концу века она достигла почти половины (48,3%, или 1340 млн из 2773 млн человек).

Несмотря на то, что разница между Востоком и Западом в социальном развитии безусловно сохранилась, к концу века, как представляется, произошло «подтягивание» первого ко второму. Создается впечатление, что темпы догоняющей Запад эволюции стран Востока заметно ускорились в последней четверти века, особенно ближе к его окончанию.

Это не отменяет, конечно, того факта, что страны Азии и Северной Африки в целом и в среднем остаются менее богатыми, а также того, что весьма значительная часть их населения и на рубеже веков проживала ниже черты бедности, а широкий слой людей обитал в условиях глубокой нищеты. Так, по расчетам исследовательской группы Всемирного банка, ниже международной линии нищеты, определяемой в 1 долл. в день на основе ППС, проживало в Индии в 1997 г. 44% населения, в Пакистане в 1996 г. — 36%, в Бангладеш тогда же — 29%, в Китае в 1998 г. — 19%.

Вместе с тем в большинстве государств, по которым есть сопоставимые данные (а к таковым, заметим, относятся некоторые крупные страны из самых неблагополучных субрегионов) за последние десятилетия наблюдались определенные позитивные сдвиги. В Индии, определяющей «погоду» в Южной Азии, доля бедного населения, согласно оценкам, уменьшилась с 52% в 1973/74 г. до 30 в 1987/88 г., в Бангладеш за примерно тот же период — с 73 до 47%, а на Филиппинах за 1971–1991 гг. — с 52 до 45%.

При всей разноречивости и далеко не полной сопоставимости оценок бедности по странам (и даже в рамках одной страны вследствие изменения методов подсчета) выявляется общая тенденция, получившая развитие в 1990-х гг. По вполне сопоставимым данным, в Индии доля населения за национальной чертой бедности упала с 41% в 1992 г. до 35 в 1994 г., в Бангладеш — с 43% в 1991/92 г. до 36 в 1995/96 г., в Камбодже — с 39% в 1993/94 г. до 36 в 1997 г., в Иордании с 15% в 1991 г. до 12 в 1997 г., в Китае — с 6% в 1996 г.

до 4,6%. в 1998 г. Вместе с тем в некоторых странах она, наоборот повысилась: в Индонезии — с 16% в 1996 г. до 27 в 1999 г., в Марокко — с 13% в 1990/91 г. до 19 в 1998/99 г.

Уровень бедности по странам различных субрегионов, как видим, колеблется в широких пределах, объясняемых отчасти особенностями национальных (государственных) подходов. В странах западных субрегионов Востока он, как правило, не превышал 20%, а вот в северном подрегионе достигал (в кризисный для него период) величин, сопоставимых с южноазиатскими: в Казахстане — 34,6% (1996), в Киргизии — 40% (1993).

Социокультурная и научно-техническая эволюция

К моменту окончания Второй мировой войны уровень грамотности, общего образования и науки, а также технической оснащённости экономики, в том числе семейных хозяйств и частного быта, был весьма незначительным почти на всем Востоке. Исключение составляла Япония, однако она лежала в развалинах после разрушительных авиационных налетов и взрывов атомных бомб. В последующие десятилетия Азию и Северную Африку постепенно, но с нарастающей скоростью охватили процессы общественно-культурного и научно-технического реформирования.

Ниже мы рассмотрим некоторые итоги, которых добились страны и субрегионы Востока к концу XX в. и начнем с характеристики расходной части государственных бюджетов на цели образования, а также обороны, учитывая, что часть военных расходов связана с научно-технической областью и подготовкой высокообразованных кадров.

Что касается просвещения, то в целом по Востоку они равнялись 3% от ВВП, по данным за 1996 г. При этом наибольшими они были в государствах Юго-Западной Азии, Северной Африки и Закавказско-Центральноазиатского подрегиона (свыше 5%). Доля этих расходов в Южной и Западной Азии оказалась близка к средней для региона, а в Восточной и Юго-Восточной Азии — несколько меньше (взвешенные по населению значения соответственно 2,5 и 2,2%).

Интересно, что средний показатель расходов на эти цели в группе государств с высоким доходом равнялся 5,4%. В нее, впрочем, входит и Япония, и некоторые нефтеэкспортирующие государства Юго-Западной Азии. Однако отставание в этом отношении большинства стран Востока очевидно.

На военные цели государства региона тратили в 1995 г. 3,6% ВНД, причем относительно небольшие государства в среднем тратили больше, так как средневзвешенный показатель равнялся 2,7%. Высоким уровнем (почти 10%) выделялся субрегион Юго-Западной Азии, а повышенным — Северная Африка (около 5%). В других подрегионах показатель военных расходов находился на среднем и примерно одинаковом уровне, но внутри них наблюдались отклонения — в Южной Азии повышенная доля расходов отличала Пакистан, а в Западной Азии — Турцию.

Свидетельством технического прогресса как экономики, так и бытовой сферы является количество потребляемой электроэнергии. В соответствии с этим показателем в расчете на душу населения наиболее продвинулся восточноазиатский ареал, но главным образом благодаря Японии (свыше 7 тыс. кВт/ч согласно сведениям на 1995 г.). Из-за огромного населения Китая средневзвешенный индикатор для Восточной Азии оказался лишь немного больше, чем в целом по Востоку. По этому параметру вперед вышла Юго-Западная Азия, почти вдвое выше среднего он в субрегионе Закавказья и Центральной Азии (прежде всего благодаря Казахстану). Наиболее низкие средние показатели отличали Южную Азию (200–300 кВт/ч.), Северную Африку, а также Юго-Восточную Азию. По сравнению с развитыми, высокодоходными странами регион Азии и Северной Африки имел в 10 раз меньший средневзвешенный показатель — 865 против 8121 кВт/ч. Уступал он более чем вдвое и среднемировому индикатору — 2027 кВт/ч. Таким образом, научно-технический прогресс, неплохим индикатором которого является потребление электроэнергии, хотя, безусловно, и охватил в определенной мере страны Востока, но далеко еще не преобразовал всю ее экономику, быт и сферу информации.

Отставание в последней, хотя и несколько менее выраженное, чем в подушевом электропотреблении, видно из приводимых в международных статистических изданиях данных о количестве радиоприемников и телевизоров в расчете на душу населения. Радиоприемников в странах Востока, по данным 1996 г., было примерно в 6 раз меньше, чем в развитом мире, и менее чем вдвое по сравнению с миром в целом (182 против соответственно 1300 и 380 на 1000 чел.). Еще меньше разница в относительном числе телевизоров — 188 на 1000 жителей в Азии и Северной Африке, 664 — в наиболее богатом ареале и 280 — в общемировом масштабе.

При этом существенно отстает от средних для Востока показателей лишь один субрегион — Южная Азия. Ниже среднего они также для Юго-Восточной Азии и Северной Африки, а выше среднего для Закавказья и Центральной Азии, Юго-Западной и Восточной Азии (для последней даже с учетом величины китайского населения).

Новейшим показателем распространенности современных средств источников информации и уровня интернационализации информационных потоков служит доступ к мировой электронной «паутине», к сети Интернет. Два специальных обследования домонов (активных пользователей) этой сети показали, что между январем 1999 и январем 2000 г. их число в расчете на 10 тыс. жителей увеличилось на 60% (120 против 75). Для стран с наиболее высоким доходом этот показатель возрос с 470 до 777 (на 65%). В целом на Востоке соответствующий параметр в 2000 г. равнялся всего 10, а рост за год составил 59%. Отставание особенно очевидно в странах Северной Африки и Южной Азии. Несколько меньше оно в Восточной Азии, где высокий показатель Японии (208) не может компенсировать низкий Китая (0,57; последний, правда, вырос за год в 4 раза). Довольно широко распространен Интернет в отдельных странах Юго-Восточной Азии, в Малайзии и особенно в Сингапуре (452), а также Юго-Западной и Западной Азии (Кувейт, Турция, Ливан). Как Япония и Сингапур на востоке региона, Израиль занимает исключительное с точки зрения использования интернетовской сети положение на его западе (225).

Касаясь культурного развития, нельзя, конечно, обойти вопрос о грамотности и неграмотности населения. В начале рассматриваемого периода, т. е. в середине XX в., большинство жителей Азии и Северной Африки было неграмотным, не умело ни читать, ни писать. Даже в Индии, где колониальные власти предпринимали определенные усилия для расширения прослойки грамотного и образованного населения, неграмотным оставалось абсолютное большинство. Согласно первой после достижения независимости переписи 1951 г. неграмотными были 76% мужчин и 92% женщин.

Спустя полвека (по данным 1997 г.) ситуация заметно изменилась, хотя неграмотность не исчезла и остается уделом еще очень существенной доли женщин. Велико число неграмотных взрослых (старше 15 лет) в субрегионе Северной Африки, где они составляли треть (34%) среди мужчин и почти $\frac{2}{3}$ (59%) среди женщин. В ареале Юго-Западной Азии неграмотной была пятая часть (19%) мужского и более $\frac{2}{5}$ (43%) женского населения. В Западной Азии

(Турции и Иране) к числу не имеющих читать и писать принадлежал каждый пятый мужчина (21%) и две из пяти женщин (39%). Данных по грамотности в субрегионе Закавказья и Центральной Азии в индикаторах мирового развития практически нет — только для Таджикистана приводятся цифры в 1% неграмотных мужчин и 2% неграмотных женщин. Учитывая, что это государство относится по большинству показателей к категории наименее развитых в субрегионе, положение в нем в целом можно следовательно считать весьма благополучным.

В Южной Азии, наоборот, оно наименее благоприятно. Здесь неграмотными были 36% взрослых мужчин и 63% женщин — ситуация сравнимая только с североафриканской. Резко контрастировали с южноазиатскими реалиями данные по Восточной Азии. Там неграмотных мужчин было всего 8%, а женщин — 22%. Решающую роль при этом играет положение соответственно в Индии и Китае. Цифры по неграмотности среди мужчин Юго-Восточной Азии близки к восточноазиатским (7%), а для женщин ситуация даже лучше (15%).

В целом по Востоку средневзвешенный показатель неграмотности мужского населения равнялся 20%, а женского — 43%. Иными словами, неграмотен каждый пятый мужчина старше 15 лет и две из каждых пяти женщин.

По сравнению с данными об ареале стран мира со средними доходами (10 и 16%) эти цифры выше, а при сопоставлении с данными по Африке южнее Сахары (34 и 50%) — заметно ниже. Данные о неграмотности населения в богатых странах не приводятся, вследствие того, очевидно, что это явление там распространено незначительно.

Посмотрев на те же цифры под углом зрения грамотности населения, легко прийти к выводу, что в странах Востока к концу века большинство как мужского, так и женского населения стало уметь читать и писать. Это является безусловным достижением культурного развития региона во второй половине прошлого века.

Безусловно, резко вырос за этот период и уровень высшего и профессионального образования. Рост квалификации рабочей силы сопровождался расширением возможностей у масс людей осваивать культурные и информационные ценности. В целом мир Востока стал несравненно более интегрирован в общемировое культурно-информационное пространство

ВОСТОК В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ*

Динамика первых лет. Терроризм, демократия и безопасность

Начало XXI в. отмечено рядом крупных событий в истории человечества, в международной политике и мировой экономике. При этом Восток оказался в эпицентре большинства из сдвигов, произошедших на планете в первые годы нового века и тысячелетия. В первую очередь нужно отметить выход на передний план феномена международного терроризма, действующего под исламскими знаменами. Наиболее громко он заявил о себе 11 сентября 2001 г., когда группа исламистов-самоубийц, захватив местные пассажирские авиалайнеры, направила их на два высотных здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а также здание министерства обороны США в Вашингтоне. Протараненные здания-близнецы в Нью-Йорке оказались полностью уничтожены. Пентагон был разрушен частично. Жертвами террористических актов стали свыше трех тысяч человек, погибших в момент взрыва на самолетах и под обломками рухнувших строений.

Политический и психологический эффект от террора столь бес-прецедентного характера и масштаба (кадры катастрофы запечатлели фото и телекамеры) был огромным как в США, так и за их пределами. Администрация США не была подготовлена к борьбе со специфическим противником-невидимкой: часть экстремистов име-

* История Востока в шести томах. Том VI. Восток в новейший период (1945–2000 гг.) / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. Институт востоковедения РАН. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008, Заключение, с. 1000–1031.

ла американские паспорта, а другая легально проживала в стране. Вместе с тем, из 19 преступников, угнавших самолеты, как выяснилось позднее, 15 были выходцами из Саудовской Аравии, а ключевую роль в организации нападений сыграл, согласно общему мнению, саудовский миллионер Усама бен Ладен, лидер исламистской организации Аль-Каида. С 1996 г. он проживал в Афганистане и пользовался большим влиянием среди руководства радикально-исламского движения Талибан, которое к тому времени контролировало почти всю территорию страны.

Используя волну сочувствия в мире к постигшей США трагедии, Вашингтон сформировал широкую коалицию для борьбы с исламистской угрозой. В центре внимания оказался Афганистан, где скрывался бен Ладен. Афганские талибы, и до того возмущавшие мир своими действиями (геноцидом по отношению к шиитам-хазарейцам, грубой дискриминацией женщин, разрушением уникальных памятников культуры — статуй Будды в провинции Бамиан) отказались выдать своих арабских друзей и спонсоров. Это побудило Вашингтон развернуть войну для свержения талибов. Военные действия начались 7 октября 2001 г. Помимо США непосредственное участие в войне приняла Великобритания. Америку поддерживали другие члены НАТО, а также Россия и страны-соседи Афганистана, включая Пакистан и Иран.

Движение Талибан с момента своего возникновения в 1994 г. опиралось на Пакистан как на своего союзника и прочный тыл. Только Пакистан вместе с Саудовской Аравией и ОАЭ поддерживали с правительством в Кабуле официальные дипломатические отношения. Однако к лету 2001 г. между Исламабадом и Кабулом накопилось много проблем.

Администрация Пакистана во главе с генералом П. Мушаррафом не одобряла исламистский ригоризм талибов и участвовала в усилиях мирового сообщества по достижению согласия в Афганистане (переговорах под эгидой ООН делегаций шести соседних со страной государств, а также России и США). Поддержка талибов сочеталась в политике Исламабада с призывами к созданию коалиционного правительства с участием всех сил, в первую очередь тех, что сформировали военно-политическую коалицию Северный альянс (в отличие от пуштунов, составлявших костяк талибов, этот альянс опирался на поддержку второго по величине этноса страны

таджиков, а также узбеков и представителей других непешунских национальностей).

События 11 сентября поставили Исламабад в сложное положение. В стране, особенно на ее северо-западе, где компактное большинство составляют пуштуны, талибы и их идеология пользовались значительной популярностью. Пакистанские пуштуны симпатизировали своим «братьям», пуштунам-афганцам, воспринимая движение *Талибан* как органическое единство двух элементов — национального и религиозного. Выступить против талибов в этих условиях для правительства в Исламабаде было нелегко. Однако там не могли не понимать тяжелых последствий, к которым привела бы иная позиция. Экономика Пакистана в течение длительного времени развивалась низкими темпами. Будучи аграрной в своей основе, она серьезно страдала от поразившей регион в тот период сильнейшей засухи. Обострившаяся конфронтация с Индией после мини-войны с ней в 1999 г. грозила истощить скудные золотовалютные запасы и превратить страну в банкрота. В Исламабаде к тому же отлично представляли себе, что США непременно воспользуются поступившим от Индии предложением оказать им всемерное содействие в ходе возможных военных операций против талибов. Отказаться от солидарности с США, своим давним стратегическим партнером, означало бы для Пакистана пойти на почти самоубийственный шаг.

Исламабад в сложившихся условиях постарался уговорить руководство движения *Талибан* во главе с *амиром ал-муминин* (вождем правоверных) Муллою Омаром выдать американцам бен Ладена и его сообщников. Получив отказ, он постепенно свернул дипломатические контакты с режимом в Кабуле (то же самое еще до него сделали Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты) и с началом военных действий предоставил в распоряжение американских ВВС ряд авиабаз.

С осуждением террористических актов, осуществленных исламистами против США выступила и Исламская Республика Иран, которую нельзя было заподозрить в дружественных чувствах к Вашингтону. Впрочем, в конце XX в. антагонизм между Ираном и США, пошел на спад. Избрание в 1997 г. на пост президента либерального духовного лидера М. Хатами давало шанс существенно улучшить отношения между Тегераном и Вашингтоном, сильно испорченные со времен исламской революции 1978–1979 гг., когда американское

посольство было захвачено иранскими студентами, сотни сотрудников оказались заложниками, а дипломатические связи прерванными. Хотя ожидавшегося прорыва с приходом Хатами к власти не произошло, накал противостояния уменьшился, и осенью 2000 г. Иран в целом поддержал коалиционные действия против талибов. Позиция Тегерана во многом объяснялась их резко отрицательным отношением к антишиитскому движению *Талибан*, отеснившему от власти пользовавшуюся его поддержкой администрацию президента Б. Раббани.

Вслед за Россией о своем одобрении антитеррористической кампании объявили и в столицах новых независимых государств Центральной Азии. Наиболее прохладной была реакция Туркмении, которая сохраняла ровные отношения со всеми афганскими группировками. В то же время Узбекистан и Кыргызстан согласились на просьбу США о предоставлении им на правах аренды участков земли для сооружения и оборудования авиационных баз с целью использования в период борьбы с угрозой терроризма, исходящей из Афганистана. Такие базы оперативно создали в Ханабаде (Узбекистан) и киргизском Манасе.

Между тем, в Афганистане сопротивление талибов было в основном сломлено в течение первых трех недель после начала наземных операций. Если на юге страны против них действовали ограниченные силы западной коалиции, то с севера наступали состоявшие в основном из таджиков и узбеков отряды Северного альянса (признанный его лидер Ахмад Шах Масуд погиб в результате организованного *Аль-Каидой* диверсионного акта за несколько дней до терактов в Америке). 21 декабря 2001 г. талибы были изгнаны из Кабула, куда вошли войска северян и международные силы (американские и британские контингенты). Вместе с тем, боевые действия в ряде южных районов страны продолжались до начала 2002 г.

В начале декабря, еще до взятия Кабула, в Бонне прошла конференция антиталибских афганских сил, на которой приняли решение о создании временного правительства во главе с пуштуном Х. Карзаем. На ней было также объявлено о широкой программе разносторонней международной помощи в восстановлении Афганистана. Общие параметры последней определились на конференции в Токио в январе 2000 г. Приступившая после изгнания талибов к исполнению своих обязанностей временная администрация начала трудный процесс возрождения страны. Ее глава зимой и весной по-

сетил ряд государств, в том числе РФ. В июне 2002 г. собравшаяся в Кабуле *Лойя Джирга* (Народное собрание) избрала его президентом страны на два года.

Успешное завершение первой части антитеррористической операции в Афганистане не предотвратило кризис в отношениях между двумя соседними с ним государствами — Индией и Пакистаном. 13 декабря 2001 г. группа террористов-смертников совершила дерзкое нападение на здание индийского парламента в Дели. Этому предшествовала активизация подрывной деятельности исламистов в штате Джамму и Кашмир. Правительство Индии во главе с лидером Индийской народной партии (Бхаратия джаната парти) А.Б. Ваджпаи обвинило Пакистан в поощрении терроризма и отозвало для консультации своего посла (верховного комиссара) в Исламабаде. Отношения между двумя странами в который раз стали весьма напряженными. Через месяц после совершения теракта, в середине января 2002 г., президент Пакистана П. Мушарраф объявил о принятии мер по борьбе с исламским экстремизмом: были запрещены в общей сложности около 10 организаций, арестованы их лидеры, задержаны по обвинению в подстрекательстве к терроризму и незаконной деятельности ряд видных деятелей крупнейших происламских партий. Всего было задержано более 2 тыс. исламистов, некоторые из них осуждены в судебном порядке.

Одновременно значительное число пакистанцев были арестованы в Афганистане как участники движения Талибан. Они вместе с другими нерядовыми талибами из разных стран были переправлены на американскую базу в Гуантанамо на Кубе, где провели ряд лет в заключении.

Несмотря на принятые пакистанским руководством меры, напряженность в отношениях Исламабада и Дели сохранялась. Этому способствовали диверсионно-террористические вылазки в индийском Кашмире. К тому же, к апрелю 2002 г., когда в целях легитимации режима в Пакистане состоялся референдум, утвердивший Мушаррафа на посту президента, все происламские политические деятели были выпущены на свободу, а запрет на партийно-политическую деятельность «легальных исламистов» был снят.

Варварские теракты в мае того года в Джамму и Кашмире до предела накалили обстановку в Южной Азии. Индийское правительство выдвинуло к рубежам с Пакистаном новые части, приведенные в полную боеготовность. То же самое в ответ сделал Паки-

стан. Вдоль границы между двумя государствами к началу июня оказалась сосредоточена более чем миллионная масса войск и значительное число боевой техники. Противостояние грозило перерасти в войну, а так как обе страны за четыре года до этого, в мае 1998 г., провели подземные испытания ядерного оружия, то не исключалось, что локальная война может обрести ядерный характер.

Мировое общественное мнение было весьма обеспокоено возникшей в регионе напряженностью. Восток вновь стал эпицентром всеобщего внимания. Россия, Китай и ряд других государств постарались использовать состоявшееся в начале июня в Алматы (Казахстан) Сопровождение по взаимодействию и мерам доверия в Азии для примирения южноазиатских противников, учитывая, что и премьер-министр А.Б. Ваджапайи и президент П. Мушарраф приняли участие в его работе. Хотя их двусторонняя встреча не состоялась, усилия посредников, среди которых видную роль играл президент РФ В.В. Путин, возымели действие. Эффективно в том же направлении действовала и западная дипломатия, в частности, госсекретарь США К. Пауэлл.

Наступившая разрядка привела к решению Дели осенью 2002 г. начать отвод своих войск от границ Пакистана, а с апреля следующего 2003 г. по индийской инициативе, мгновенно подхваченной Пакистаном, стартовал переговорный процесс. Определенным прорывом ознаменовалась встреча между руководителями Индии и Пакистана в январе 2004 г. Она открыла собой этап оживленных контактов, договоренностей по частным вопросам, которые привели к заметному потеплению двусторонних отношений. Хотя к середине первого десятилетия нового века в решении главной спорной проблемы статуса Кашмира стороны не смогли продвинуться далеко, установленные по-литические и гуманитарные контакты отодвинули на задний план обеспокоенность по поводу безопасности в регионе.

В то же время, перманентно обостренной в начале XXI столетия оставалась ситуация на Ближнем Востоке. В палестино-израильских отношениях в 2000 г. наступил кризис. Длительный период переговоров, начатый договоренностями в Осло и Вашингтоне в 1993 г., которые должны были, казалось, привести к нахождению приемлемого для сторон компромисса, сменился новым витком насилия, второй палестинской *интифадой* (борьбой за победу). Характерной ее чертой стало широкое использование террористов-смерт-

ников (*шахидов*) сетью радикальных исламских организаций, прежде всего ХАМАСом и Исламским джихадом.

На террористические акты, жертвами которых стали сотни людей в Израиле, правительство во главе с лидером правого блока «Ликуд» А. Шароном, ответило жесткой и достаточно эффективной политикой ответных действий, попытками обезвредить непосредственных организаторов терактов, разрушить подпольную сеть экстремистов и каналы ее финансового и материального снабжения. Пережив свой пик в 2001–2002 гг., террористическая активность не прекращалась и в дальнейшем. Ответные действия израильских властей привели к серьезным потерям среди исламистов. Особенно тяжелой потерей было для них убийство духовного лидера ХАМАСа Шейха А. Ясина в марте 2004 г.

Переломным моментом для процесса урегулирования, судя по всему, явилась смерть харизматического лидера палестинцев Я. Арафата в ноябре 2004 г. В январе следующего года состоялись выборы главы Национальной администрации Палестины, на которых победил соратник Арафата Махмуд Аббас. Несмотря на такую преемственность, переговоры между Палестинской автономией и Израилем явно сдвинулись с мертвой точки. Этому способствовали как демократизация политической жизни в палестинских землях, о чем свидетельствовали всенародные выборы главы автономии и муниципальные выборы в обоих ее сегментах — на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, так и твердая позиция кабинета министров Израиля и персонально премьер-министра Шарона по вопросу о ликвидации еврейских поселений в Газе. Успех плана размежевания, который включает проведение четкой границы между израильскими и палестинскими землями, а также строительство Израилем стены на отдельных ее участках позволяло в принципе рассчитывать на разрешение одного из самых длительных международных конфликтов эпохи. Но на территории древней Палестины, а также в регионе и мире оставались весьма влиятельные силы, не заинтересованные в окончании конфликта.

Надо учитывать, что он выходит далеко за рамки узкой полоски земли в Восточном Средиземноморье, представляя собой по существу один из центральных узлов всей сети мировой политики. Поддержка Израиля со стороны США и развитых западных стран наталкивается на солидарность общеарабской и мусульманской общественности по одобрению борьбы палестинского народа за со-

здание своего государства на тех условиях, которые тот считает справедливыми. Палестино-израильское противостояние в начале XXI в. продолжало втягивать в свою орбиту широкий круг государств на Ближнем Востоке, прежде всего Ливан и Сирию, а также Иран и Саудовскую Аравию.

Исламская Республика Иран выступала едва ли не как самый последовательный борец за права палестинцев, поддерживая требования их наиболее радикально настроенных группировок о невозможности принципиальной договоренности с Израилем, незаконности его существования и необходимости войны с ним до конца. Иран при этом демонстрировал несогласие не только с фактом существования еврейского государства, но и с его ролью «пятой колонны» в регионе, креатуры США.

После завершения горячей фазы операции в Афганистане в США стали все большее внимание обращать на опасность, исходящую от режима С. Хусейна в Ираке. Действия иракского правителя давно воспринимались большинством правительств и обществ в мире весьма критически. Ему принадлежала инициатива развязывания в 1980 г. войны с Ираном, а в 1990 г. — нападения на Кувейт. Мировая общественность знала о репрессиях против курдского населения Северного Ирака, в частности, газовых атаках против него на заключительном этапе ирако-иранской войны. Разгром вторгшейся в Кувейт иракской армии силами США и их союзников в начале 1991 г. не привел к падению режима, но имел значительные для него последствия. Багдад оказался в положении международной изоляции и полностью потерял контроль над курдскими районами, которые смогли развиваться вполне автономно в соответствии с резолюцией ООН, принятой в 1992 г. Несмотря на международный ostrакизм, власть в Ираке прочно удерживал С. Хусейн. Иракская оппозиция, придавленная репрессиями и вытесненная за пределы страны, не была в состоянии не только свергнуть, но и серьезно пошатнуть его режим.

С конца 2002 г. США приступили к обработке общественного мнения у себя в стране и за рубежом с целью доказать необходимость и неизбежность отстранения С. Хусейна от власти. В качестве аргументов ими были использованы утверждения о наличии у Ирака химического и бактериологического оружия, стремления к разработке атомной бомбы и связях с террористами, в том числе *Аль-Каидой*. Действуя через ООН, США добились согласия этой

крупнейшей межправительственной организации с тем, что наличие оружия массового поражения в Ираке может представлять угрозу для международного мира. Сделанные после этого Багдадом уступки (согласие на проведение иностранных инспекций) не устроили Вашингтон, позицию которого поддержали в Лондоне и столицах ряда других стран-членов Совета безопасности. Вместе с тем Франция, Германия и ряд других европейских государств настаивали на целесообразности предоставить Ираку еще один шанс и выступили против планов применения силы против него. Против войны в Ираке были Россия и Китай, постоянные члены СБ с правом вето.

Неудавшиеся попытки американской администрации получить санкцию ООН на применение силы не заставили Вашингтон отказаться от планов свержения Хусейна. Ставка была сделана на формирование коалиции против Ирака, опираясь на двустороннее партнерство США и Великобритании. 18 марта 2003 г. администрация Дж. Буша-мл. предъявила Ираку ультиматум, потребовав добровольного отказа С. Хусейна от власти и выезда из страны, а на следующий день, вслед за отказом принять эти требования, началось вторжение вооруженных сил США и Британии в Ирак. Действия союзников были поддержаны изнутри, однако верные Хусейну войска оказали сопротивление. В начале мая война закончилась, нанеся стране немалый материальный урон. Особенно пострадал в результате атак с воздуха Багдад. В Ираке была установлена временная оккупационная администрация во главе с представителем США. В конце мая СБ ООН единогласно принял резолюцию о послевоенном восстановлении Ирака, что так или иначе означало одобрение постфактум предпринятой США и их союзниками военной акции.

Хотя скрывшегося С. Хусейна в декабре 2003 г. удалось обнаружить на территории Ирака, арестовать и впоследствии предать суду, попытки передачи власти в стране местным политическим силам и проведения демократических преобразований столкнулись с большими сложностями. В стране по существу началась партизанская война. Многие привлеченные к сотрудничеству с временной администрацией иракцы оказались жертвами диверсий и заказных убийств. Нормальная жизнь долго не налаживалась. Против крупного контингента сил США (свыше 160 тыс. человек) и их союзников выступили как сторонники свергнутого диктатора, так и новые претенденты на власть — шиитские радикалы во главе с М. Садром

и суннитские экстремисты, возглавляемые связанным с *Аль-Каидой* А.М. аз-Заркави. С начала 2004 г. усилились кровопролитные бои в суннитских районах и за контроль над шиитским городом аль-Фаллуджа. В сентябре того года потери вооруженных сил США в Ираке превысили одну тысячу убитыми и семь тысяч ранеными, а в октябре 2005 г. число убитых перевалило за две тысячи.

Несмотря на отчаянное сопротивление экстремистов и перенесение в Ирак тактики использования для совершения актов массового террора смертников-самоубийц, процесс передачи власти в руки демократически избранных представителей местного населения продолжался. Через год после окончания военной акции по свержению Хусейна было образовано временное иракское правительство во главе с А. Алауи. 30 января 2005 г. состоялись выборы в Национальное собрание, в которых приняли участие около 60% имеющих право голоса иракцев. В начале апреля того года Собрание избрало президентом страны одного из лидеров иракских курдов Дж. Талабани. Новым премьер-министром стал шиит И. Джаффари. Представитель суннитской общины занял пост спикера собрания.

Процесс урегулирования ситуации на этом не закончился. Ирак оказался фактически разделенным на три части в соответствии с преобладающим населением — курдский север, арабо-суннитский запад и арабо-шиитский юг. С целью консолидации нации на демократических принципах учета интересов меньшинств (в данном случае этнических и религиозных) был разработан проект конституции, вынесенный на всенародный референдум в октябре 2005 г. Он получил поддержку значительного большинства, хотя в двух суннитских провинциях его не поддержали. Согласно объявленным ранее правилам, этого оказалось недостаточно для отклонения проекта. С одобрением конституции Ирак вступил в новую фазу политического развития. В декабре 2005 г. в соответствии с ней состоялись новые парламентские выборы.

Определенный успех процесса демократизации жизни наблюдался в начале XXI в. и в некоторых других странах Ближнего Востока и Северной Африки. По сравнению со второй половиной 1990-х гг. значительно стабилизировалась социально-политическая ситуация в Алжире. Подавление исламистского экстремизма и возвращение этой самой крупной североафриканской страны к мирной жизни стали одной из главных причин поддержки, которую во второй раз на президентских выборах в апреле 2004 г. получил

А. Бутефлика. За него в условиях конкуренции проголосовало почти 85% пришедших на избирательные участки алжирцев.

В сентябре 2005 г. впервые в истории прошли альтернативные выборы президента и в Египте. За время своего почти четвертьвекового правления президент Х. Мубарак в первый раз пошел на проведение прямых выборов, причем его соперниками выступали представители оппозиционных партий. Как и ожидалось, действующий президент уверенно победил, получив поддержку около 90% избирателей. Однако в выборах приняли участие менее 30% имеющих право голоса. Хотя ряд особенностей организации выборов (неравные условия для агитации, отсутствие независимых наблюдателей) были подвергнуты критике со стороны международной общественности, сам факт их проведения признали шагом в позитивном направлении. Вслед за президентскими в Египте прошли парламентские выборы с участием многих партий и неявным присутствием таких запрещенных в стране радикальных организаций, как Братья-мусульмане. Последние получили заметную, но далеко не решающую поддержку электората.

Во многом похожие процессы происходили и в других странах и регионах мусульманского Востока, в частности, в Афганистане. С момента утверждения у власти администрации Х. Карзая в стране произошли немалые сдвиги. Начался процесс восстановления экономики. При этом в соответствии с решениями вышеупомянутой Токийской конференции от января 2002 г. международные организации и отдельные государства (США, Япония, Германия, Англия, Франция, Италия, Канада, Россия, Индия, Пакистан и др.) выделили значительные средства. Афганистану была оказана помощь в разминировании территории, ремонте дорог, строительстве новых автомагистралей, развитии авиасообщения, средств связи и т. п.

В ноябре 2003 г. временный президент Афганистана Х. Карзай утвердил Закон о политических партиях, а в январе следующего года конституционная *Лойя Джирга* приняла либеральную демократическую конституцию. Следствием стало создание многочисленных политических партий, появление сотен независимых периодических изданий, а также частного телевидения. Благодаря целенаправленным и щедро оплачиваемым усилиям, центральные власти постепенно смогли преодолеть наиболее одиозные последствия десятилетий войны и глубокой межрегиональной разобщенности. Фрагментарность, впрочем, не была полностью устранена, а

зависимость деревни от выращивания опийного мака — главный бич экономики — стала даже сильнее.

Вместе с тем, вооруженное сопротивление властям, которые опирались на регулярные силы США и международные миротворческие континенты, не приняло в Афганистане таких острых форм, как в Ираке. Хотя напасть на след и арестовать У. бен Ладена и Муллу Омара на протяжении первых лет после разгрома талибов так и не удалось, им пришлось уйти в глубокое подполье и ограничиться единичными вылазками.

В октябре 2004 г. в Афганистане прошли демократические выборы президента, на которых уверенно победил Х. Карзай. Через год, в сентябре 2005 г., состоялись выборы в парламент. В обоих случаях обошлось без массовых нарушений закона и заметного числа актов террора и устрашения. Рядовые афганцы продемонстрировали высокую активность, хотя выборы проводились на непартийной основе. В парламент избрали сторонников различных платформ и идейных взглядов. Среди выбранных оказались как умеренные талибы и муджахеды-исламисты, так и приверженцы светских и левых взглядов (коммунисты). Около 30% мест в нижней палате парламента получили женщины.

Успешное проведение выборов даже в очень бедных и мало подготовленных для демократии обществах продемонстрировало немалые способности азиатско-африканских государств к усвоению некоторых важных элементов демократического устройства. Вместе с тем, регулярное проведение свободных прямых и всенародных выборов даже на альтернативной основе есть условие необходимое, но недостаточное для утверждения либеральной демократии. Помимо выборов законодательной власти и подотчетности исполнительной ветви избранным представителям, ее атрибутами, как известно, является верховенство закона и независимость судебной системы. Фактический отказ или значительное ослабление принципов конституционализма остается главным отличительным свойством перенесенной на Восток системы представительного правления.

Другой особенностью восточной демократии можно считать наличие центра власти и влияния, находящегося вне представительного корпуса. Таким центром могут быть двор монарха, институты военной, бюрократической, партийной номенклатуры и т. п.

Еще одна специфическая черта восточной (азиатской) демократии обнаруживается в партийно-политической структуре. В отли-

чие от утвердившейся на Западе двухпартийности (коалиционной, многопартийной, или некоалиционной) на Востоке преобладает тяготение к центру при наличии в ряде стран фракционного деления и фракционной борьбы внутри единой правящей партии. Ее, как правило, создает и пестует вышеупомянутый всеильный, внепредставительный орган власти. Успех усилий по созданию по сути безальтернативной выборной системы опирается на глубокие традиции восточных политий, сильными общинными и государственными тенденциями в мировоззрении как средних слоев и образованного класса, так и особенно трудовых, низовых масс.

Итак, бинарность, разделение на две (или больше) противоборствующие, но и взаимосвязанные партийно-политические структуры (конкурирующие элиты) характеризует либеральную (западную) модель демократии. В большинстве восточных государств, особенно в мусульманских и конфуцианских ареалах, господствуют плебисцитарные эталоны с их ориентацией на единую господствующую структуру, на стройную монолитность.

При этом демократию восточного типа отличает нередко наличие двух систем представительства, парламентской и местного самоуправления. Последняя в наибольшей степени сохраняет признаки прямой, народной демократии, хотя формируется и контролируется господствующими на верхнем этаже общественными и политическими силами.

Вместе с тем, даже усеченная или формальная демократия на Востоке повышает степень внутренней стабильности и предсказуемости внешней политики, особенно если она эволюционирует в сторону дальнейшей демократизации.

К началу XXI в. подавляющее большинство наций-государств мира в целом демонстрировало достаточно высокую степень ответственного поведения на международной арене. Больше всего вопросов возникало по поводу немногих закрытых, находящихся в изоляции стран, которые США в начале 2002 г. причислили к разряду «неблагонадежных» (*rogue states*). Главная причина такой их характеристики — стремление к получению в свое распоряжение оружия массового поражения, прежде всего ядерного. Все они — Ирак, Иран и Северная Корея — оказались принадлежащими азиатскому континенту. Еще одна восточная (североафриканская) страна — Ливия — долгое время вызывала беспокойство у США и западного мира. В конце 2003 г. (уже после свержения

С. Хусейна) ливийский лидер М. Каддафи публично отказался от военной ядерной программы. Это резкое изменение его позиции позволило разоблачить подпольную сеть, занимающуюся торговлей технологиями и компонентами ядерного оружия. Центр сети находился в Пакистане, который еще в 1998 г., как упоминалось выше, провел подземные испытания ядерных устройств и с того времени считался фактически ядерной державой, хотя, как и Индия, не признанной в качестве таковой мировым сообществом.

Разоблачение подпольной агентуры, подрывающей основы режима ядерного нераспространения, остро поставило вопрос о надежности элементов государственной машины в ряде стран Востока с точки зрения их подчиненности правящим структурам, а также о возможности двойной игры со стороны этих структур. Так или иначе, но главное действующее лицо ядерного скандала, пакистанский ученый и администратор д-р А. Кадир Хан признал свою вину в подпольной торговле, был удален со всех общественно значимых позиций, но «прощен» президентом страны генералом П. Мушаррафом, учитывая заслуги того перед страной в области повышения ее обороноспособности.

Разразившийся в конце 2003 — начале 2004 г. международный скандал был вскоре замят, хотя в центре разоблачений находилась не только Ливия, куда «ядерные контрабандисты» уже отчасти поставили свой товар, но и Северная Корея. В ходе разоблачений вскрылись факты своего рода бартерного обмена между Пакистаном и КНДР, который позволил первому из названных государств получить баллистические ракеты, способные нести ядерное оружие, а второму — секреты производства этого оружия.

Надлежит отметить, что в конце 2002 — начале 2003 г. ситуация вокруг северокорейской ядерной программы приобрела угрожающий характер. Пхеньян заявил о своем праве иметь атомное оружие, разорвал соглашение с США от 1994 г, в соответствии с которым те помогали КНДР решить энергетическую проблему путем строительства АЭС на легководных реакторах, вышел из соглашения с Южной Кореей о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной. Северная Корея, кроме того, прекратила сотрудничество с МАГАТЭ и уведомила о предстоящем выходе из ДНЯО.

Северокорейский режим пытался выжать максимум из ситуации со своей ядерной программой. Хотя достоверных данных о наличии у него готовых ядерных боеголовок не было, мировое сооб-

щество не могло не отреагировать на прямую угрозу применения ядерного оружия, тем более что Пхеньян без сомнения обладал ракетами-носителями, способными поразить и Южную Корею, и Японию. В 2003–2005 гг. состоялись четыре раунда шестисторонних переговоров (КНДР, Республика Корея, Россия, США, КНР, Япония). Местом их проведения был Пекин, и Китай играл по сути роль главного посредника. Хотя переговоры закончились безрезультатно — КНДР заявила, что выходит из переговорного процесса — осенью 2005 г. она неожиданно изменила точку зрения и объявила об отказе от ядерных планов в обмен на экономическую помощь со стороны США и клятвенные заверения, что Северная Корея не подвергнется нападению с их стороны.

Не менее драматический и возможно более существенный для мировой и региональной безопасности характер приобрел вопрос о военной ядерной программе Ирана. Тегеран настаивал на своем праве развивать атомную энергетику и с этой целью заключил в 1995 г. контракт с Россией на завершение начатого еще в 1970-х гг. строительства атомной электростанции в Бушере. Международное сообщество в начале XXI в. было встревожено информацией о возможности использования проводимых в Иране работ в атомной области для производства высокообогащенного урана. В конце 2003 г. после инспекции МАГАТЭ стало ясным, что Исламская Республика Иран имеет потенциал для производства и накопления оружейного урана. Тогда же выяснилось, что комплектующие части для центрифуг на уранообогатительном комбинате были тайно поставлены Ирану из Пакистана еще в середине 1990-х гг. В конце 2005 г. в МАГАТЭ обсуждался вопрос о передаче дела об иранской ядерной программе на рассмотрение СБ ООН с последующим введением против Ирана жестких международных санкций.

Заканчивая краткий обзор основных международно-политических событий первого пятилетия XXI столетия, нужно подчеркнуть резкое усиление в этот период феномена международного терроризма, прежде всего под исламскими лозунгами, а также дальнейшее снижение «порога неприкосновенности» тех национальных государств, которые не вписываются в рамки общемирового демократического развития. Следует заметить, что такие государства принадлежат, как правило, региону Азии и Африки, и именно они привлекали внимание США и других экономически развитых и

мощных в военном отношении государств к проблемам их внутренней и внешней политики.

Ускорение экономического роста. Глобализация и регионализация

Экономика большинства стран Азии и Северной Африки в начале XXI в. развивалась высокими темпами. По данным Всемирного банка, среднегодовой прирост валового внутреннего продукта государств Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна с низкими и средними доходами в расчете на душу населения составил 7,5%. Причем главный вклад в этот исключительно высокий показатель (среднемировые темпы равнялись 2,5%) внесла КНР. Китайская экономика (даже без учета Гонконга) увеличивалась на 8,7% в год. Темпы роста ВВП большинства развивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии в начале нынешнего века повысились по сравнению с концом предыдущего. В 1997–1999 гг. сказывался эффект от болезненного, хотя и краткосрочного кризиса, пережитого экономиками крупнейших стран региона, прежде всего Индонезии, Республики Корея и Таиланда. В 2000–2004 гг. большинство ведущих государств региона демонстрировали прирост в 4–5%.

На втором месте по скорости наращивания своего внутреннего продукта оказалась Южная Азия — 5,8%. Основная заслуга принадлежала крупнейшей стране региона Индии, на которую приходится $\frac{4}{5}$ регионального продукта. Индийские темпы равнялись 6,2% в год.

Несколько медленнее увеличивался экономический потенциал региона Ближнего Востока и Северной Африки — 4,5%. Если дезагрегировать данные по региону, то наиболее быстро возрастал продукт, создаваемый в странах Западной Азии — Турции, Иране и Афганистане. Государства Северной Африки и Восточного Средиземноморья демонстрировали средние темпы роста. Несмотря на благоприятную для нефтедобывающих стран Аравийского полуострова и Персидского залива мировую конъюнктуру, скорость повышения их ВВП была довольно низкой: в Саудовской Аравии, например, — 3,4%, Кувейте — 2,4, и только в Объединенных Арабских Эмиратах, которые, кстати, принадлежат к категории высокодоходных стран, она составляла 6,9%.

Весьма резко возросли темпы экономического роста новых государств Центральной Азии и Кавказа. Туркменистан (18,3%), Армения (12,0%), Азербайджан (10,7%), Казахстан (10,3%) и Таджикистан (9,9%) оказались на первых местах в мире, что связано в основном с двумя обстоятельствами — во-первых, ростом экспорта нефти и газа в условиях повышенного спроса в мире на энергоносители, а во-вторых, низкой исходной базой, что было следствием исключительно низких, а в течение целого ряда лет отрицательных показателей экономической динамики в предшествующий период 1990-х гг. Восстановительный эффект и нефтяной фактор в меньшей степени сказались на Грузии (7,6%), Узбекистане (4,8) и Киргизии (4,5%). Но общий региональный доход восьми новых независимых государств вырос существенно, в основном компенсировав, однако не полностью, если сравнивать с 1990 г., столь же значительный срыв конца XX в.

В целом страны с низкими и средними доходами более чем в два раза опережали государства с высокими доходами по темпам прироста ВВП — 4,6% против 2,0%. Причем среди последних находилась Япония, вторая по размерам ВВП страна мира (во всех случаях речь пока идет о его измерении в долларах США по обменному курсу в твердых ценах, рассчитанных по применяемому Всемирным Банком методу Атласа). Темпы прироста Японии равнялись в начале XXI в. только 1,3%. К высокодоходным относятся также некоторые страны Персидского залива, в частности, ОАЭ (рубеж с которого начинается высокий подушевой доход находится на уровне, превышающем 9 тыс. долл. США). Эмираты (6,9%) были исключением в группе высоких по душевому доходу государств. Другие развитые и богатые страны развивались невысокими, хотя и устойчивыми темпами. При этом экономика только одного региона средне-и низкодоходных государств демонстрировала худший результат — Латинская Америка и Карибский бассейн (1,5%). У стран Африки южнее Сахары средний показатель равнялся 3,9%.

При сравнении данных по различным регионам следует учитывать разницу в темпах прироста населения. В развитых государствах она в целом существенно ниже, чем в развивающихся. Поэтому преимущество, которые последние имеют перед первыми в показателях роста ВВП, в ряде случаев нивелируется при оценке темпов роста подушевых значений экономического прогресса.

Вообще же, ситуация с опережающими развитие государства темпами роста экономики в менее развитых странах мира — явление вовсе не специфическое для начала XXI в. Подобного рода тенденции наблюдались по сути на всем протяжении развития мира после окончания Второй мировой войны. Если брать десятилетние периоды, то исключением в этом смысле была лишь декада 1980-х гг.

Отличительной чертой можно считать ускорение этого процесса и переход количественных показателей в качественные. Об этом, в частности, свидетельствует достижение рядом развивающихся, низкодоходных стран весьма значительных общих размеров, и появления у них передовых в технологическом отношении секторов экономики.

Особенно крупные масштабы приобрело национальное хозяйство Китая. Объем его ВВП с учетом экономики Гонконга в 2004 г. достиг 1,7 трлн долл. (без Гонконга — 1,5 трлн). С этим показателем КНР заняла шестое место в мире после США (12,1 трлн), Японии (4,8 трлн.), Германии, Англии и Франции (2,5–1,9 трлн). При этом на Китай пришлось 4,3% глобального ВВП. Если же оперировать данными о национальном продукте в системе паритета покупательной способности местной валюты, т. е. с учетом заниженности курса ее валюты и дешевизны рабочей силы, то экономика Китая уже в начале XXI столетия прочно обосновалась на втором месте в мире — 7,2 трлн долл. Обогнав Японию и все европейские страны, доля китайской экономики в этой системе расчетов составила 13% от общемировой, относительно ненамного уступая удельному весу Китая в населении планеты (20%).

Мало того, в ранжированном ряду крупнейших экономик мира по системе ППС за США три последующих места занимали азиатские страны — Китай, Япония (3,9 трлн) и Индия (3,3 трлн), а в число 15 лидеров входили также Республика Корея и Индонезия (1,0 и 0,8 трлн). На эти пять государств приходилось в сумме 39,2% (две пятых) совокупного ВВП лидирующих по этим показателям стран (16,2 трлн из 41,3 при общем показателе для мира в 55,8 трлн долл. США).

Исключительно быстро выросли объемы участия и доля государств Востока в международной торговле. Среди лидеров, в число которых сначала входила Япония, а затем и так называемые «азиатские тигры» (Южная Корея, Таиланд, Сингапур, Малайзия)

на рубеже веков на самом видном месте расположился Китай. За 25-летний период с конца 1970-х до середины 2000-х гг. объем внешней торговли КНР увеличился в 41 раз, в том числе экспорт — в 45, а импорт — в 38 раз. Мощный импульс внешней торговле дало вступление КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО) в конце 2001 г. По сравнению с 2000 г. внешнеторговый оборот Китая (вместе с Гонконгом) вырос к 2004 г. на 243% (почти в 2,5 раза). При этом доля Гонконга упала с 88 до 47%. За один только 2004 г. объем китайской внешней торговли (по стоимости) увеличился на 135%, с 850 млрд до 1,15 трлн долл. Страна сохранила традиционное положительное сальдо торгового баланса: экспорт равнялся 593, а импорт — 561 млрд долл. С этими показателями КНР, включая Гонконг (Сянган), занял третье место в мире вслед за США и Германией. Доля Китая в мировой торговле увеличилась с 5,9 в 2003 г. до 6,3% в 2004 г., причем в мировом экспорте она достигла 6,5, а в импорте — 6,0%.

Япония, длительное время занимавшая третье место в мире по внешнеторговому обороту к середине первого десятилетия XXI в. была оттеснена на четвертую позицию Китаем. Доля страны Восходящего солнца в мировом экспорте почти не уступала китайской (6,2%), а ее экспорт (565 млрд), несмотря на высокий обменный курс национальной валюты, более чем на 100 млрд превосходил по стоимости импорт (455 млрд долл.).

Из других стран Востока по участию в международном разделении труда отличались государства того же Тихоокеанского региона — Республика Корея с товарооборотом в 478 млрд, Сингапур (344 млрд), Малайзия (232 млрд), Таиланд (193 млрд долл.). Внешнеторговый оборот ведущих по населению стран Юго-Восточной и Южной Азии, Индонезии и Индии, был относительно невелик, соответственно 116 и 168 млрд долл. При этом Индонезия имела положительное, а Индия — отрицательное сальдо торгового баланса. В регионе Ближнего Востока и Северной Африки существенное положительное сальдо имели нефтеэкспортирующие страны, а серьезное отрицательное — Турция (экспорт — 63 млрд, а импорт — 97 млрд долл.).

Несмотря на то, что в международной торговле страны Востока, особенно к западу от Индокитая, не имели тех позиций, на которые они могли бы рассчитывать в соответствии с размерами национальных хозяйств (особенно исчисленных в системе ППС), роль

азиатско-североафриканских стран возрастала. Особенно велика она была в поставках основных энергоносителей на мировой рынок, прежде всего нефти и природного газа.

Это объясняется наличием в Юго-Западной, Западной и Центральной Азии крупных запасов углеводородного сырья. На страны Персидского залива приходится 65% мировых запасов нефти и 31% природного газа. Если к нему добавить прилегающий с севера Каспийский регион, то удельный вес такого ориентированного с юга на север «энергетического эллипса» (с Ираном, расположенным в самом его центре) равняется примерно 70% по запасам нефти и 40 — по газу.

Вместе с тем, потенциал региона вплоть до начала XXI века ис-пользовался неполно. В странах Юго-Западной Азии добывалось лишь около четверти сырой нефти, производимой в мире, и менее 5% природного газа. Экспортные поступления Саудовской Аравии (главным образом от вывоза нефти) за первые четыре года XXI в. выросли с 84 до 120 млрд долл., Кувейта — с 23 до 27, а Ирана — с 30 до 42 млрд долл. Эти данные свидетельствуют о том, что, несмотря на внушительные размеры мировой торговли энергоносителями, они далеко не определяли ситуацию в области глобального экспорта.

В 2000–2004 гг. существенно выросли доходы от экспорта ряда государств Каспийского региона, прежде всего Казахстана, с 9 до 20 млрд, Азербайджана и Туркменистана — в обоих случаях примерно с 2 до 4 млрд долл.

Нефть стран Залива (в числе главных экспортеров, помимо упомянутых, находились ОАЭ и Бахрейн) направлялась в основном на Дальний Восток. Там ее главными потребителями были крупнейшие после США государства-импортеры — Япония и Китай, а также Южная Корея.

Отдельные государства ЮВА, в первую очередь Индонезия, в начале нынешнего века заняли видные позиции как экспортеры первичных энергоносителей — сырой нефти и сжиженного природного газа. Основным направлением их вывоза стал северо-восток Азии, прежде всего Япония и Южная Корея.

Важной особенностью возросшей в начале XXI столетия втянутости стран Востока в международное разделение труда служило увеличение их участия в поставках на внешние рынки высокотехнологичной продукции. С одной стороны, это явилось следствием

политики ряда транснациональных корпораций по перенесению в развивающиеся государства отдельных элементов своей технико-технологической производственной базы. С другой же, результатом успехов, достигнутых этими государствами на пути повышения уровня образованности населения и квалификации рабочей силы. Сыграла свою роль и централизация капитала в развивающихся странах в руках государства. Она позволила ряду из них выйти на мировые рынки с конкурентоспособной высокотехнологичной продукцией, хотя, как правило, и не самого передового уровня.

Новым моментом стало участие ряда развивающихся государств Востока в развитии такой инновационной сферы, как информационные технологии. В первую очередь это касается Индии, которая превратилась в одну из ведущих стран мира по экспорту компьютерных программ (около 17 млрд долл. в 2004 г.).

Индия вывозила также более $\frac{1}{3}$ продукции своей электронной промышленности, т. е. она присоединилась к группе государств Юго-Восточной Азии, которые давно уже превратились в «сборочные цеха» по производству различных изделий бытовой и профессиональной электроники. В том же качестве в начале века все более выступал и Китай. Не случайно доля высокотехнологичного сектора в его промышленном экспорте возросла с 17% в 1999 г. до 27% в 2003 г.

Увеличение удельного веса стран Востока в мировом производстве товаров и услуг, торговле и движении капиталов, обмене техническими новинками и технологическими достижениями свидетельствует о тесном их включении в процессы глобализации. Под ними имеют в виду все более плотный охват экономическими, политическими, культурными и иными связями почти всех, в том числе удаленных уголков планеты, значительная часть которых приходится на Азию и Африку. Нельзя не видеть различных сторон глобализации и не замечать разные, иногда прямо противоположные подходы к самому этому феномену. Наряду с позитивными моментами, которые несет открытость внешнему миру новым участникам глобальных процессов, существуют и негативные, связанные с размыванием национальной самобытности. Кроме того, глобализация оказывает существенное влияние на социальное расслоение, одновременно выводя проблему неравенства и людского неблагополучия за рамки страны или региона, делая ее предметом обсуждения и политической борьбы на общемировом уровне.

Глобализация не является чем-то принципиально новым, она началась задолго до 1990-х гг., когда этот термин вошел в научный и публицистический оборот. Есть мнение, что первая волна глобализации (которой предшествовали многие другие, но лишённые современной научно-технологической составляющей) пришлась на конец XVIII — начало XIX в., а вторая — на рубеж следующих столетий. В таком случае мы наблюдаем третью волну, которая, в отличие от первых двух, достаточно глубоко затронула материковые, удаленные от морских путей просторы. Речь идет, в первую очередь, о сухопутном пространстве Азии, или Евразии, в меньшей степени — Африки.

Представляется, что в достаточно протяженной временной перспективе глобализация в еще большей степени захватит материковую Евразию, особенно ее центральную и северную части. При этом вслед за освоением природных ресурсов, прежде всего энергетических (нефти и природного газа), усилится использование человеческого потенциала. Все это позволит ускорить экономическое и социальное развитие таких страновых регионов, как Центральная Азия и Южный Кавказ. Еще более мощный импульс развитию могут получить российская Азия — Сибирь и Дальний Восток, а также северо-западные районы Китая и Монголия.

Вместе с тем, распространение во внутренней и северной Азии широкой глобализационной волны в среднесрочной перспективе способно вызвать крупные осложнения. Возможно появление реакции культурного отторжения, феномена консолидации и «закукливания» верхов, смещение политики тех или иных стран в сторону изоляционизма, с одновременным усилением там внутренней нестабильности, государственного произвола и общественных беспорядков. На этом этапе не исключено обострение борьбы различных внешних сил за контроль над ситуацией и нагнетание напряженности во всем евразийском «широком эллипсе».

То же самое, но с отставанием «на такт», может произойти в материковой, глубинной Африке. Менее вероятны явления разбалансировки в приморских районах, где силы глобализации действуют в наиболее благоприятной среде. Но и там возможны сбои и нестыковки, различного рода кризисы (финансовые, экономические, политические и даже военные), что может замедлить процесс трансформации мира в тесно и позитивно взаимосвязанный организм.

Особенно это касается промежуточного пояса Афразии (Северной Африки и расширенного Ближнего Востока), так как именно в нем сходятся характеристики как первого (континентального), так и второго (сухопутного) типов. Линия разлома протекает также и внутри крупнейших государств Азии и мира — Китая и Индии, что вносит дополнительную неопределенность в будущий ход глобализации.

Наряду с глобализацией в начале XXI в. широкое распространение получил процесс регионализации, создания различных межгосударственных объединений. Начавшись на Востоке сразу после Второй мировой войны с образования Лиги арабских государств, он спустя полвека привел к появлению целого ряда других межправительственных организаций. Некоторые из них включали только соседние и смежные государства, принадлежащие региону Восток. Наиболее успешным и наиболее устоявшимся из них надо считать АСЕАН (Ассоциацию наций Юго-Восточной Азии). Достаточно длительную историю существования имеют СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии) и ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). Более молодым и в целом мало эффективным оставалась ОЭС (Организация экономического сотрудничества), включающая Турцию, Иран, Пакистан, а также Афганистан и шесть постсоветских государств с преимущественно мусульманским населением. Еще меньше стаж у ШОС (Шанхайской организации сотрудничества), возникшей по инициативе Китая и России и объединившей еще четыре страны Центральной Азии (за исключением Туркмении).

Государства Востока составляли большинство не только в этих территориально-региональных объединениях, но и в межгосударственных организациях, действующих на иных основаниях, а именно общей идеологии в мирополитических делах (Движение неприсоединения), религиозной общности (Организация Исламской конференции), торговли и сотрудничества (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество).

Не перечисляя все проекты многосторонней дипломатии, в которых участвовали азиатско-африканские государства (совещания, регулярно проводимые встречи и форумы), следует подчеркнуть, что регионализм чаще всего способствовал глобализации. Вместе с тем, он мог выступать и как альтернатива ее господствующему типу. Последний определялся заглавной, иницирующей ролью Запада,

то есть наций Западной Европы и Северной Америки, к которым на правах экономически развитого и цивилизационно синкретического государства присоединилась Япония.

Положение России с этой точки зрения представлялось в начале XXI в. еще не до конца проясненным, хотя она и была участником «клуба восьми», неформального лидера в процессах глобализации. То же самое в определенной мере касалось Китая и Индии, готовых как к сотрудничеству с Западом, так и к оппонированию ему по ряду вопросов.

Нужно отметить, что после окончания холодной войны (уже с 1987–1988 гг.) военные расходы в мире стали снижаться, и к 1996–1999 гг. опустились с 1,2 трлн. до 800 млрд. долл. (в постоянных ценах 2005 г.). Затем суммарные ассигнования на военные цели начали новый подъем. Причем происходил он главным образом за счет США, хотя и государства Востока внесли немалую лепту. К 2004 г. затраты на оборону выросли в мире в полтора раза, почти до 1,2 трлн долл. Около половины из них пришлось на США (547 млрд). Остальные страны следовали за ними со значительным отрывом. По национальным данным, Китай, Япония и Индия тратили на оборону меньше, чем Великобритания и Франция. На столь же невысоком уровне были и расходы России. Однако ряд международных изданий, принимая во внимание особенности национального учета, ставили Китай на второе место в мире с 65 млрд долл., а Россию — на третье с 50 млрд. Японские расходы на силы самообороны оценивались в 42 млрд долл. Военные расходы Индии равнялись примерно 20 млрд долл. При этом они были меньше, чем затраты Южной Кореи и лишь несколько больше ассигнований Саудовской Аравии. Из субрегионов Востока наиболее быстро в конце XX — начале XXI в. вооружалась Юго-Западная Азия, где помимо Саудовской Аравии, в лидерах были Израиль (10 млрд долл. в 2004 г.), а также Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты и Катар (вместе около 8 млрд долл.).

Перспективы борьбы с бедностью и нищетой. Демографические тренды и прогнозы

В сентябре 2000 г., в канун наступления нового тысячелетия, Генеральная ассамблея ООН приняла ряд резолюций (тысячелетних), ставящих перед миром задачи в области развития. Отталкиваясь

от ранее принятых программ ООН, авторы резолюций определяли некоторые цели, достичь которые намечалось в течение 25 лет, начиная с 1990 г. Важнейшими среди них были резолюции по борьбе с бедностью и нищетой. Намечалось, в частности, сократить вдвое долю людей в мире, существующих на доход равный доллару США в день (в пересчете по покупательной способности местной валюты) и страдающих от постоянного недоедания (голода). Ставилась задача существенно сократить к 2015 г. численность бедных людей, чей доход в день не превышает двух долларов. Эти цели были одобрены как ориентиры также Всемирным банком, ВМФ и Организацией экономического сотрудничества и развития.

Большинство крайне бедного и голодающего населения проживало в Азии и Африке. В 1990 г. из 1276 млн человек с доходом менее доллара в день на эти страны приходилось 1195 млн, т. е. 93%. При этом в КНР насчитывалось 360 млн абсолютно бедных, еще 92 млн приходилось на другие страны Восточной Азии и бассейна Тихого океана. В Южной Азии было 495 млн нищих и голодающих (из них примерно 80% — в Индии), а в Африке южнее Сахары — 242 млн. В государствах Ближнего Востока и Северной Африки распространность этого явления была невелика (6 млн человек).

К 2001 г. наметился определенный прогресс в реализации намеченных целей. По сравнению с 1990 г. удельный вес абсолютно бедного населения во всех развивающихся странах сократился с 28 до 21%, а общая его численность в мире снизилась до 1,1 млрд человек. Успех был достигнут в основном благодаря КНР, где число крайне бедных уменьшилось вдвое, опустившись ниже отметки в 250 млн человек. Улучшение имело место и в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Из остальных регионов Востока только в Южной Азии произошло снижение до 431 млн, а в Черной Африке бедствующее население, наоборот, выросло до 313 млн человек. На 1 млн увеличилось число таких людей и на Ближнем Востоке.

На базе этих трендов предполагалось, что численность абсолютно бедного населения сократится к 2015 г. на полмиллиарда, до 600 млн человек. В Восточной Азии, главным образом за счет КНР, должно произойти драматическое сокращение размеров нищеты до 19 млн человек (в 1981 г., заметим, она охватывала почти 800 млн человек). Считается, что в Южной Азии, в основном благодаря развитию Индии, нищенствующее население сократится до 216 млн человек, что составит менее 20% жителей (по сравнению с

40% в 1990 г.). В субсахарской Африке оно стабилизируется на отметке 340 млн человек, при этом его удельный вес по сравнению с 1990 г. уменьшится с 45 до 23%. Именно Черная Африка, а не традиционный «узкий» Восток (Азия и Северная Африка) станет, согласно прогнозам Всемирного банка, сделанным в середине первого десятилетия XX в., главным местом сосредоточения крайне бедного населения планеты.

Согласно тем же представлениям, менее крутым, но также достаточно заметным должно быть сокращение размеров бедного населения, с доходом менее двух долларов США в день. Но надо учитывать, что распространенность в мире такого явления, как бедность, исключительно велика. К 2001 г. по сравнению с 1981 г. число бедных выросло с 2,4 до 2,7 млрд. и равнялось почти половине мирового народонаселения. В Китае, по данным обследованиям конца 1990-х гг., она охватывала 54% жителей, а в Индии — 86%. Оптимистические прогнозы в этом отношении основаны на трендах последних десятилетий XX и первых лет XXI столетия.

Вместе с тем, есть основания и для тревоги по поводу осуществимости целей рассасывания «болота бедности». Они связаны с возможностью различного рода кризисов и катаклизмов. Прежде чем обсудить некоторые из угроз и опасностей, посмотрим, на каком фоне они могут проявиться, т. е. каковы перспективы количественного роста населения Востока в течение достаточно длительного времени, вплоть до середины XXI в.

Нужно отметить, что прогнозные оценки демографической динамики считаются достаточно надежными. Известно, насколько высоко было качество перспективных оценок, выполненных в 1970–1990-е гг. ведущими демографическими организациями мира. Так, еще за 30 лет до наступления нового столетия, демографы правильно рассчитали как общие параметры увеличения населения, так и его величину к 2000 г., которая оказалась равной примерно 6 млрд человек. Прогнозные оценки, сделанные службой народонаселения ООН в 2000, 2002 и 2004 гг. сводятся к тому, что на протяжении первой половины XXI в. темпы роста населения в мире, скорее всего, будут неуклонно и достаточно решительно снижаться. В средний (наиболее вероятный) вариант прогноза ООН с каждым пересмотром оценок роста населения мира закладывались все менее высокие темпы прироста, соответствующие выявленным тенденциям. Текущий прирост народонаселения в мире в начале

XXI в. оценивался в 1,2% в год, что соответствовало прибавлению ежегодно 77 млн человек (на пике, в 1989–1990 гг., население планеты выросло на 87 млн). По этим расчетам ожидалось, что к 2050 г. на Земле будет проживать 8,9 млрд. человек.

Новые оценки, впрочем, не нарушали представлений о заметных различиях демографических процессов в более развитых и менее развитых регионах мира. На последние (ежегодный темп 1,5%) приходилось 98% всего прироста, в то время как население развитых регионов (куда ООН включает все страны Северной Америки и Европы, а также Японию, Австралию и Новую Зеландию) увеличилось лишь на 0,4% в год.

Сами высокими темпами, согласно прогнозам, должно расти число жителей в наименее развитых государствах, составляющих нижнюю подгруппу в группе менее развитых, развивающихся стран. В нее входили главным образом африканские государства, а также некоторые азиатские, такие как Афганистан, Бангладеш, Непал и др.

Для субсахарской Африки в целом характерны существенно более высокие темпы роста народонаселения. На них, впрочем, отрицательно сказывается распространение СПИДа. Из-за этой болезни заметно медленнее должно возрастать население ряда стран юга Африки, таких как Ботсвана, Лесото, ЮАР, Свазиленд. Влияние потерь от этой эпидемии особенно велико, как ожидается, будет в период до 2010–2015 гг., хотя и в дальнейшем сама эта болезнь и последствия от нее внесут заметные коррективы в демографические показатели многих стран Африки и растущего числа азиатских государств.

Замедление темпов демографического роста, связанное с сокращением рождаемости, приведет, согласно прогнозам, к быстрому старению населения в мире, в том числе и в странах Востока. Несмотря на невысокий уровень экономических и социальных показателей, характеризующих развивающиеся страны Азии и Африки, количество людей в старших возрастных категориях там быстро увеличивалось благодаря достижениям мировой медицины и средний возраст дожития (продолжительность жизни) к рубежу веков превысил 60 лет (исключение составляют наименее развитые страны, да и то не все: так, в наиболее крупной из них, Бангладеш, несмотря на нищету и бедность средняя продолжительность достигла 61 года). По прогнозам ООН, относящимся ко всем менее развитым

регионам, доля населения в возрасте 60 лет и старше увеличится с 8% в 2000 г. до 20% в 2050 г.

Скорость будущего демографического процесса на Востоке (в Азии и Северной Африке) оценивается на уровне несколько выше среднемирового (1,3%). При этом Востоку в середине XXI в. (как, впрочем, и в начале) будет принадлежать примерно две трети жителей планеты.

За ожиданием убыстренного роста населения стоят весьма разные прогнозы по странам и группам стран (субрегионам). Наиболее замедленным, судя по всему, рост будет в Восточной Азии (см. таблицу). Хотя в последнем году второго тысячелетия это был самый крупный демографический ареал, уже к 2010 г. он потеряет численное превосходство над Южной Азией, а с 2020 г. прочно займет второе место. В Китае, крупнейшем восточноазиатском государстве, темпы ежегодного прироста в ближайшие 20 лет, согласно оценкам демографической службы ООН и некоторых других организаций, опустятся до 0,7–0,5%, а между 2040–2050 гг. станут отрицательными (при продлении нынешних трендов). Население самой экономически развитой на сегодня страны Востока, Японии, должно, по прогнозам, уменьшиться на 3 млн чел. за первые 20 лет нынешнего века и еще на 22 млн за последующие 30 лет.

Таблица

Численность жителей стран Востока (исходные и прогнозные оценки по корректировке 2000 г., млн чел.)

Субрегионы	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2050 г.
Северная Африка	144,4	168,9	191,9	240,0
Юго-Западная Азия	101,1	133,3	170,7	298,7
Западная Азия	157,2	180,9	205,6	253,9
Закавказье и Центральная Азия	73,4	81,9	92,6	122,9
Южная Азия	1331,0	1544,5	1743,5	2174,3
Восточная Азия	1460,2	1564,3	1639,5	1653,5
Юго-Восточная Азия	533,6	618,8	696,8	840,4
Весь Восток	3800,9	4292,6	4740,6	5583,7

Наиболее высокими темпами должно увеличиваться население 12 стран Юго-Западной Азии — за первые 10 лет столетия на 2,8% в год, за вторые — на 2,5, а в последующем — на 1,9%. Это приведет к росту численности жителей региона втрое по сравнению с нынешним временем. Особенно быстро оно возрастет в главной нефтеэкспортующей стране — Саудовской Аравии, а также в самой бедной — Йемене.

В остальных субрегионах прирост колеблется в пределах 1,0–1,6% в течение двух первых десятилетий XXI в. и 0,6–0,9% в 2020–2050 гг. При этом максимальным на последнем, более по времени удаленном отрезке он должен быть в Закавказье и Центральной Азии (главным образом за счет последней). Достаточно быстрым ожидается демографический рост в странах Северной Африки (особенно Ливии и Египте), Юго-Западной Азии (Саудовской Аравии, Сирии, Иордании и Израиле), Западной Азии (при учете быстро растущего населения Афганистана), а также в Южной и Юго-Восточной Азии. Среди стран ЮВА будет, скорее всего, ускоренно расти численность жителей Индонезии и Филиппин, а также и небольших стран, причем не только беднейших, Лаоса и Камбоджи, но и процветающего Сингапура.

Несмотря на замедление темпов демографического роста в Индии и во всем южноазиатском регионе (включая и наиболее высокий по этому показателю Пакистан) инерционный момент и сохраняющаяся достаточно высокая рождаемость выдвигает, как уже отмечалось, относительно небольшой по площади ареал (4,3 млн кв. км., в три раза меньше Восточной Азии) в число безусловных демографических лидеров Востока. Индия, согласно большинству оценок, к 2040 г. (а может быть, и несколько раньше) опередит Китай, став самой многонаселенной страной мира. На пятом месте по количеству жителей закрепится Пакистан, в десятку первых по населению с рекордно высокой его плотностью войдет Бангладеш.

Главным фактором, обуславливающим относительно высокие показатели рождаемости и прироста населения Востока в XXI в., является инерционный момент, следствие сформировавшейся за вторую половину XX столетия молодой структуры населения. В основном именно это, несмотря на явную тенденцию к сокращению общего показателя рождаемости, обеспечит более быстрое, чем в мире в целом, расширенное воспроизводство населения.

Приведенные прогнозные оценки говорят о сложности задач, встающих перед государствами Азии и Северной Африки. Перемены, наблюдавшиеся в них во второй половине XX в., знаменовали начало разрешения таких узловых проблем, как повышение роли в международных делах, преодоление экономической и научно-технической отсталости, искоренение неграмотности, сужение зоны бедности, решение продовольственной проблемы и т. п. Демографическая инерция представляет собой вместе с тем существенный вызов. Если верить прогнозам, то за первые 10 лет XXI в. население Востока будет ежегодно пополняться примерно на 50 млн человек, в течение второй декады — на 45 млн, а на протяжении последующих трех десятилетий — приблизительно на 30 млн человек.

Хотя эти цифры, базирующиеся на приведенных в таблице оценках, подвержены, очевидно, ревизии в сторону некоторого уменьшения, это не меняет кардинальные тенденции. Такой феномен современности, как стареющее население ввиду удлинения средней продолжительности жизни, роста удельного веса лиц пожилого и нетрудоспособного возраста, весьма быстро охватывает и развивающиеся страны, в первую очередь государства Азии.

Другой важнейшей тенденцией нужно считать накопление в странах Востока «горючего материала» в виде молодого и достаточно образованного населения, вырванного из привычного микромира семьи и общины, ищущего применения своим силам и в большом числе случаев его не находящего. Сочетание двух демографических явлений — увеличение численности иждивенцев в возрасте старше 65 лет и рост «молодежного выступа», т. е. высокой доли людей в возрастных группах от 15 до 25–30 лет, служит подоплекой возникновения трудно разрешимых экономических, социальных и политических коллизий.

Чтобы справиться с грузом накопленных и нарастающих проблем, государствам Востока понадобится поддержание высоких темпов роста экономики. В течение второй половины XX в., особенно на протяжении последнего его десятилетия и в начале следующего столетия, им в целом удавалось сохранять высокие показатели экономической динамики.

В 1990–2004 гг. наиболее быстрыми темпы развития были в Восточной Азии. Средневзвешенные по населению показатели роста ВВП в субрегионе достигали 8,6%, а дохода на душу населения — 7,7%. Главный вклад в этот исключительный показатель

(соответственно более чем в три и шесть раз по сравнению с общемировыми) внесла Китайская Народная Республика, на которую приходится почти 90% жителей. Подушевой рост ВВП Японии превысил 1% в год, а Республики Корея — равнялся почти 5%.

На второе место среди субрегионов Востока вышла Южная Азия — соответственно 5,5 и 3,7%. Основная заслуга в этом Индии (почти 80% жителей). Ее экономика развивалась темпами, превышающими скорость перемен в соседних странах (5,8 и 4,1%), особенно заметными были индийские экономические успехи на фоне показателей Пакистана — 3,6 и 1,2%. Экономика Бангладеш развивалась темпами, близкими к среднерегionalным — 4,9 и 3,2%.

Показатели Юго-Восточной Азии несколько уступали южноазиатским: ВВП возрастал на 4,4% в среднем в год, а доход на душу населения — на 2,2%. На данных по ЮВА безусловно сказался кризис 1997–1999 гг. По мере его преодоления экономические показатели улучшились, а в 2005 г. темпы роста стран ЮВА превысили 5%. Крупнейшее из государств субрегиона — Индонезия (около половины жителей) — развивалось в 1990–2004 гг. темпами, более низкими, чем средние по нему, — 3,5 и 2,1%. Самыми крупными были достижения Социалистической Республики Вьетнам — прирост ВВП на 7,5%, а также Малайзии и Сингапура — 5,9 и 6,3%. Неплохими были также показатели Лаоса и Камбоджи, в которых шел процесс восстановления экономики после длительного периода разрухи и застоя.

Развитие в субрегионах к западу от Южной Азии в последние десятилетия XX — начале XXI в. было более медленным — в Западной Азии (без учета Афганистана) — 3,6 и 1,9% в год, в Северной Африке — 3,7 и 1,8%, а в Юго-Западной Азии — 4,0 и 1,1%. В последнем субрегионе быстрее, чем в других, росло население — на 2,1% в год. В крупнейшей по числу жителей стране ЮЗА Саудовской Аравии (около трети населения) темпы роста душевого ВВП оказались отрицательными (0,6%), а в Иордании — менее 1%. Невысокими темпами в условиях быстрого демографического увеличения развивались Израиль и Сирия (имели равные показатели прироста общего и душевого ВВП — 4,3% и 1,5%). Лишь экономика Ливана на выходе из глубокого кризиса возрастала заметным образом — на 4,6% и 3,0% в год.

Обращает на себя внимание известная рассогласованность экономических и демографических тенденций в Юго-Западной

Азии. Она свидетельствует о сохранявшемся кризисном фоне в этом ареале. Его отличает также наименьшая, по сравнению с другими субрегионами, внутренняя гомогенность с точки зрения агрегатных показателей, типа душевого дохода, энергопотребления и т. п. Причины этого нетрудно обнаружить в “молодости” самого процесса развития и модернизации экономики, всерьез начавшегося в большинстве государств, прежде всего в тех, что расположены на Аравийском полуострове, только с начала 1970-х гг. При этом темпы экономического роста за 1990-е гг. были весьма высоки, также как и достигнутые к рубежу веков средние показатели. Наблюдающаяся чересполосица по декадам (1970-е гг. — высокая скорость, 1980-е — низкая, 1990-е — опять высокая) свидетельствует о неустойчивости экономического тренда, связанной, по всей видимости, с узостью ресурсного нефтяного сектора развития. В начальные годы XXI в. ситуация здесь улучшилась, что объясняется, прежде всего, эффектом от повышения мировых цен на нефть, главный экспортный товар стран Аравии и Персидского залива.

Подводя итог анализу некоторых показателей экономической эволюции восточных и западных субрегионов Востока в конце XX — самом начале XXI в., следует заметить, что они развивались разными темпами — более высокими на востоке региона, более низкими на западе. Для первых в результате открывались достаточно благоприятные перспективы в экономической, социальной и культурной областях. Этого в целом нельзя сказать о вторых. Сложность процессов приспособления к реалиям быстро в научно-техническом отношении меняющейся действительности характеризовалась там периодическими сбоями и усугублением межстрановых различий.

Отрицательными были в 1990-е гг. экономические показатели и социально-демографические процессы в субрегионе Закавказья и Центральной Азии, на бывшем советском пространстве. Глубокий экономический кризис и спад в 1990–2000 гг., сменился подъемом в начальные годы XXI в. Он был вызван рядом факторов, основными из которых можно считать относительную политическую стабилизацию, эффект восстановления после социально-экономической деградации и такое важнейшее обстоятельство для богатых энергетическим сырьем стран, как повышение мировых цен на нефть и природный газ. Некоторые из стран субрегиона демонстрировали в 2000–2004 гг. рекордный по мировым меркам среднегодовой прирост ВВП (см. выше). Однако по сравнению с 1990 г. в половине

из восьми стран субрегиона объем ВВП оставался отрицательным (Грузия — 3,2%, Казахстан — 0,6%, Киргизия — 1,5%, Таджикистан — 3,5%). Суммарно для этой группы из восьми государств рост ВВП составлял 0,1%, а в расчете на душу населения он был отрицательным (0,7%). В крупнейшей стране субрегиона — Узбекистане (треть жителей) подушевой внутренний продукт снизился на 0,5%. Глубже всего было ухудшение этого показателя в Таджикистане (4,5%), а наилучшие параметры роста на фоне неуклонного (на 1,1% в год) сокращения народонаселения наблюдались в Армении (2,6%).

Подчеркнуто волнообразный характер эволюции в этом ареале Востока заставляет предположить, что и в дальнейшем развитие этой части рассматриваемого региона, да и других его сегментов будет происходить неравномерно, следуя как пульсирующему ритму движения отдельных обществ, так и колебаниям среды, регионального и глобального окружения, воздействующим на них извне.

Будущие циклы и ритмы эволюции

Пытаясь представить себе будущее развитие мира и такой его особой части, как Восток, аналитики и футурологи прибегают обычно к методу продления рядов, экстраполяции в будущее, на так называемый прогнозный период, трендов и тенденций, выявленных в результате наблюдения над прошлым. Существенным при этом является решение вопроса о величине «периода наблюдения», т. е. заключения о том, где начинается текущий исторический момент, в рамках которого оправдано использование линейных функций. Простая экстраполяция, как правило, усложняется за счет ввода различных условий и ограничителей, способных повлиять на линейный процесс.

Если не считать два других метода, а именно теоретической и эмпирической аналогии, когда ученый или эксперт признает развитие процесса в будущем аналогичным тому, что наблюдалось с другими объектами в прошлом, то продление рядов сохраняет приоритетное значение в прогнозировании. Впрочем, при долгосрочном прогнозировании принцип линейности (плавности) дополняется нередко принципом цикличности (волнообразности). Именно на этом основаны хорошо известные в экономической науке теории различных циклов конъюнктуры: сверхкоротких (сезонных), коротких (3–4-летних), средних (в 10–12 лет), длинных (25–50 лет) и

сверхдлинных, вековых. Если первые три вида циклов имеют наибольшее значение для целей собственно экономического анализа, то два последние, связанные с именами Н.Д. Кондратьева и Ф. Броделя, соотносятся с более широким классом социальных явлений, помогают выяснению взаимозависимости экономических, политических и культурных процессов.

Примечательна в связи с этим попытка В.И. Пантина, (вместе с коллегами) отталкиваясь во многом от идеи «кондратьевских циклов», обосновать циклически-волновой подход к постижению мировой истории и на этой базе заглянуть в будущее, вплоть до середины XXI в. и даже дальше¹. Автор исходит из того, что конъюнктура мирового рынка оказывает решающее влияние на социально-политические процессы и выдвигает в качестве периода наблюдения отрезок времени с начала VI в. н. э. Именно тогда (после трех веков кризиса Римской империи) зародилась, по его мнению, новая эра в развитии международного рынка с ее предполагаемой общей системой эволюционных циклов. В.И. Пантин выявляет три триады циклов, при этом каждый цикл проходит четыре фазы: структурного кризиса, технологического переворота, великих потрясений и революции международного рынка. Интуитивно-эмпирическим путем им выведена закономерность о стабильном времени протекания второй и четвертой фазы циклов (по 24 года) и неуклонно сокращающейся (на 12 лет) продолжительности первого и третьего циклов. Текущий девятый цикл (последний в третьей триаде) начался, согласно этим расчетам, в 1969 г. и, пройдя две первых фазы, в 2005 г. вступил в третью, великих потрясений. Она должна продлиться до 2017 г., после чего наступит фаза революции международного рынка, завершающаяся в 2041 г.

Не придавая абсолютного значения точности дат, следует отметить угаданную автором прогноза тенденцию нарастания напряженности в мире в 1995–2005 гг. и усиление роли Китая. Сбудутся ли предвидения относительно наступающих в фазе великих потрясений экономических кризисов и международно-политических конфликтов, вплоть до военных, сказать трудно. Некоторые из мрачных предсказаний в отношении развития мировой ситуации в начале XXI в. явно не сбылись. Однако намеченная им волнообразность проявилась, и в этом, как представляется, главное значение предпринятого отечественным автором эксперимента по объяснению хода мировой истории и предвидению будущего².

Более того, в рамки разработанной им схемы вполне укладываются некоторые представления о будущем, сформировавшиеся в середине первого десятилетия XXI столетия. Перегрев мировой экономики, исчерпание легко доступных и безопасно доставляемых к месту потребления энергетических ресурсов, сбой в работе таких «двигателей» мирового спроса и предложения, как макроэкономики США и Китая, могут нарушить предположения о плавном и нарастающем темпе экономического прогресса в период до 2015–2020 гг.

Следует заметить, что, согласно распространенным оценкам, повышательная фаза цикла Кондратьева в экономике США стартовала в начале 1990-х гг. и, следовательно, может завершиться после 2010 г. Экономика КНР растет непрерывно и исключительно высокими темпами на протяжении более четверти века и даже с учетом восстановительного эффекта после спада и провалов 1960–1970-х гг. не может, видимо, продолжаться без нарушений и перерывов бесконечно долго³.

В случае сохранения высоких темпов роста Китай уже вскоре после 2010 г. обгонит Японию по величине ВВП и прочно займет второе место в мире после США. КНР при этом превратится в ведущего импортера энергоносителей, даст импульс дальнейшему росту потребления не только нефти, но и в возрастающей пропорции природного газа. Столь же велико будет значение Китая в импорте обычных видов вооружений, в первую очередь, технологически сложных его образцов.

Параллельно с китайской весьма быстро, при удержании достигнутых темпов роста, будет расти экономика Индии. К 2030 г. она может превзойти по объему национальное хозяйство Германии и Японии и занять третью позицию в мире. Как и Китай, Индия превратится в одного из главных импортеров нефти и газа, а также вооружений. Причем в сфере высокотехнологичного военного производства она станет ведущим разработчиком новых образцов (оружия пятого поколения), действуя как самостоятельно, так и в сотрудничестве с США, Россией, странами Европы, Израилем.

В свете закономерностей волнообразного развития перспективы Индии выглядят даже более предпочтительно, чем Китая. Ее экономический подъем начался только на рубеже 1980–1990-х гг. и может продолжаться в течение еще длительного промежутка времени.

Как благоприятные могли бы быть оценены и тенденции эволюции других стран Южной и особенно Юго-Восточной Азии. Однако, помимо собственных, эндогенных факторов, на их развитии существенным образом скажутся факторы экзогенные, связанные с общемировой конъюнктурой. От них особенно сильно зависит развитие государств ЮВА и всего Восточно-Азиатского региона. Сбои в функционировании международного рынка неминуемо негативно отразятся на параметрах и качестве роста в этой части мира.

Что касается плотно населенных стран Южной Азии, то ограничителем здесь являются также некоторые внутренние обстоятельства, в частности, критическая ситуация с обеспечением воды для полива. Это в наибольшей степени касается Пакистана, который уже к 2010 г. может столкнуться с серьезной проблемой нехватки воды для бесперебойного функционирования своей самой крупной в мире единой системы ирригационного земледелия. Проблема увеличения объемов воды для сельского хозяйства может серьезно осложнить отношения Пакистана с Индией вследствие того, что обе страны рассчитывают на одни и те же водные ресурсы. Их во многом обеспечивают притоки Инда, пересекающие спорную область Джамму и Кашмир.

Повышение уровня мирового океана, вызванное потеплением климата, способно обострить гуманитарную и экономическую ситуацию в Бангладеш, а также на юге Индии, ее островных территориях, на Шри Ланке и в Индонезии. Скорее всего, обострятся в быстро растущих экономиках Восточной и Южной Азии проблемы больших городов и промышленных зон, загрязнение воздуха выбросами газов. Уже к середине 2000-х гг. на такие ведущие страны Азии, как Китай и Индия, приходилось соответственно 16 и 5% общего объема выбросов парниковых газов. Обе эти страны, как и некоторые другие государства Востока, в будущем, безусловно, столкнутся с необходимостью борьбы с грязными технологиями, экономии ресурсов, перехода от преимущественно экстенсивных к интенсивным способам производства.

Несомненно, еще более сложные проблемы встают перед государствами обширного и демографически быстро растущего исламского ареала. Главные из них связаны с потребностями диверсификации основ экономического роста, выходом за пределы преимущественного развития отраслей по добыче и экспорту нефти и природного газа. К такой задаче большинство из государств Залива и Аравий-

ского полуострова уже приступили, но успеха добились далеко не все. К тому же, диверсификация экономики, опираясь на капиталоемкие технологии, не меняет ситуацию в области занятости и не противостоит тенденции к ограниченному охвату людей высокодоходными занятиями.

Еще меньше достижений на счету у тех стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые лишены богатых природных ресурсов. В них обостряется проблема неполной занятости и низких доходов, что питает социальную базу недовольства молодежи, создает условия для появления в ее среде приверженцев экстремистских взглядов и участников террористических акций. При неизменных тенденциях такого рода трудно рассчитывать на ослабление в достаточно близком будущем позиций политических сил, опирающихся на исламизм как радикальную идеологию.

Фактором, который и в дальнейшем будет обострять ситуацию в многообразном, лишенном государства-лидера мусульманском мире, послужит сосуществование в его рамках различных школ, сект и направлений, в частности, наличие глубоких, хотя чаще всего подспудных коллизий между суннитами и шиитами, ориентирующимися соответственно на Саудовскую Аравию и Иран.

Напряженности на Ближнем и Среднем Востоке будет способствовать сохранение тенденций к укреплению национализма в качестве государственной идеологии в сочетании (а иногда и в противовес) с более широкими, опирающимися на религиозные идеи и представления, средствами политической мобилизации населения. Возможно, впрочем, и ослабление воздействия религиозных идеологий, но, скорее всего, через определенный промежуток времени, на очередном этапе расширения и углубления глобальной взаимозависимости.

Возвращаясь к перспективам экономического роста на Востоке, следует подчеркнуть, что отсутствие природных богатств служит как его ограничителем, так и стимулом. Пример успешного развития при отсутствии богатых естественных ресурсов дает Япония, а также Израиль. Исключительно важен при этом человеческий фактор, т. е. образованность и трудовая квалификация населения, его дисциплинированность и организованность. Большому числу стран Азии и Африки еще предстоит в полной мере ликвидировать отставание в сфере просвещения и специальной подготовки. Крупнейшее препятствие на пути экономического и социально-гуманитар-

ного прогресса создает коррупция, продажность чиновничества, а также политиков и законодателей. Взятничество и казнокрадство чаще всего поражают те национальные организмы, где сильны государственные ведомства, занятые одобрением деловых проектов, их регистрацией, выдачей разрешений и предоставлением льгот. Отсюда одно из базовых условий для антикоррупционных мер — сокращение контролирующих и регулирующих функций государства, либерализация его экономической политики. Однако проведению такого курса на современном этапе мешают тенденции к централизации власти и укреплению «государственнического» начала на Востоке (и не только там). Поэтому трудно ожидать в близком будущем значительных успехов в области борьбы с коррупцией, а также неэффективностью, связанной с nepотизмом, т. е. кумовством — родственным, клановым, земляческим.

В целом, не исключено, что в первые десятилетия XXI в. мир ожидает снижение темпов роста взаимобмена товарами, услугами, капиталами и людьми. Такое может произойти несмотря на то, что мировое сообщество в лице его ведущих межправительственных организаций — «группы восьми», ООН и ее специализированных учреждений, ВТО и других финансово-экономических институтов — предпринимают меры для установления режима наибольшего благоприятствования в торговле между странами, снижения тарифов, сокращения субсидий, препятствующих внешней торговле, а также для свободного перемещения капитала и облегчения миграционного режима. Специальные усилия предпринимаются с целью борьбы с контрабандой, нарушениями авторского права, подделкой патентов и торговых марок. К другим факторам, осложняющим поступательное развитие глобализации, относятся отмеченные выше демографические тренды, а именно, снижение темпов прироста населения в развитых регионах, рост населения в наименее благополучных, увеличение удельного веса неработающих, иждивенцев.

Противостоять тревожным проекциям способен, вероятно, лишь очередной прорыв в сфере высоких технологий, научных открытий, наукоемких производств и технико-технологических инноваций. Между тем опираться он должен на более широкий фундамент, охватывающий не только традиционно передовые, но и длительное время отстававшие общества. Отсюда значимость роли, которую в процессах будущей модернизации призваны сыграть страны Азии и Африки. Выходцы из них уже сегодня составляют значительную

часть занятых в высокотехнологичных отраслях США и Европы. Достаточно велик и будет увеличиваться вклад такого рода высокообразованных и эффективно работающих специалистов в экономику самих восточных государств. На видном месте среди них находится Япония, ставшая одним из лидеров мировой инновационной экономики. Заметны также достижения Республики Кореи, Сингапура и ряда других государств и территорий АТР. Можно считать, что к началу XXI в. во многом оправдались сделанные еще в 1970-х гг. предположения о том, что происходящий переворот в производительных силах с опорой на науку открывает перед странами Востока новые перспективы и возможности, которых не было прежде⁴. В полной мере оправданными можно считать и представления о встроенности определенных элементов национальных хозяйств восточных государств в мировые системы интеллектуальных мануфактур и фабрик⁵. Расширение сегмента современной, высокотехнологичной, трудо- и капиталоемкой экономики станет, вероятно, главной панацеей от многочисленных бед и препятствий, ожидающих мир в целом и страны Востока в частности в XXI в.

Преодоление ограничителей роста за счет возрастающей отдачи от творческих инноваций сможет, вероятно, противостоять и тенденциям к старению населения как на Западе, так и на Востоке, а также иным (отчасти до поры не явленным) угрозам и вызовам. Учитывая перспективу угасания стимулов роста, поступающих от западных сообществ, следует ожидать, что страны Востока приобретут некоторые черты и характеристики мирового «мотора развития».

Реализация таких ожиданий во многом, как представляется, связана с судьбами демократии на Востоке, процессами демократизации азиатско-африканских обществ. При этом речь не идет о прямых заимствованиях и копировании западных образцов. И демократия, и гражданское общество на Востоке будут иметь несомненно национальный и цивилизационный колорит. Базовыми, вместе с тем, остаются такие характеристики либерально-демократического сообщества, как, во-первых, независимость судебной власти от исполнительной, что в результате ведет к утверждению основ конституционализма, неукоснительного следования закону, в том числе в случаях, которые находятся в сфере, пограничной с политической; во-вторых, свобода слова и собраний, иначе говоря, независимость от властей пре-державных средств массовой информации и проявлений политической активности в условиях, когда в

государственном сообществе имеется конкуренция партий и других законно оформленных политических групп интересов, а на первых порах хотя бы конкуренция трансформирующихся традиционных политэлит; в-третьих, в обществе нет преобладания изоляционистских, ксенофобских, ретроградно-фундаменталистских настроений и идеологий, наблюдается стремление к кооперации и сотрудничеству с внешними контрагентами, открытому общению в рамках региональных и глобальных структур.

Еще одно существенное условие демократического развития — улучшение качества управления, борьба со злоупотреблениями тех, кто находится у власти. Одновременно это и повышение эффективности в противостоянии силам, бросающим вызов государству и обществу, прибегающим к противоправным, криминальным, насильственным действиям. Питательной средой для последних служит наличие теневых структур в финансовой и производственной сферах, в области предоставления услуг, в том числе образовательных. Слабость и рыхлость системы управления провоцирует разрастание подпольных структур, делает активным их проникновение в легально функционирующую политическую сферу, способствуя разрушению ее изнутри.

Важнейшие вопросы, на которые можно будет получить ответ лишь по прошествии, очевидно, ряда десятилетий относятся к перспективам эволюции, модернизации культуры восточных обществ, причем как культуры семьи и бытового общения, так и общественной, в существенной степени политизированной. Неочевидным является, до какой степени консерватизм, весьма свойственный восточным цивилизациям, обусловлен недостаточно развитой, не трансформировавшейся экономикой и социальной сферой, а до какой он является следствием самовоспроизводящейся системы, которую нельзя в базовых элементах изменить даже при условии успешных экономических преобразований. Неясно также, является ли формирование среднего класса необходимым и достаточным условием демократизации. Или, несмотря на появление буржуазии (частной предпринимательской верхушки), последняя будет опираться в обеспечении условий для своего бытия на «верхний класс», аристократию и бюрократию, т. е. выходцев из среды традиционной-привилегированной, землевладельческой и духовной элиты.

Под вопросом остается и рассасывание сельскохозяйственного комплекса, который обеспечивает занятость большинства населения. Если вклад аграрного сектора в национальный доход к началу текущего века уже опустился в большинстве восточных государств ниже отметки в 25%, то доля занятых в сельском производстве, прямо или косвенно зависящих от него, в наиболее населенных регионах и странах Азии, таких как Индия и Китай, не опустилась еще ниже 50%. А покуда большинство населения продолжает быть связанным с сельской экономикой, основанной на интенсивных способах его ведения, пусть в ряде звеньев и модифицированных, нет, видимо, возможности говорить о трансформации традиционности. И, следовательно, нет в близком будущем и перспектив для преодоления исконных черт в общественном и государственном устройстве.

Тенденции социального и экономического развития на обозримом этапе существенно связаны с процессами, происходящими в третичной сфере, в области оказания услуг индивидуальными лицами, частными предприятиями, общественными учреждениями и государственными органами. На сферу услуг к началу XXI в. в большинстве государств Азии и Северной Африки уже приходилось около или более 50% производимого в течение года национального дохода. В дальнейшем ее доля, видимо, повысится еще более из-за относительного сокращения производственной сферы под влиянием конкуренции на внутреннем и внешнем рынках.

Исключительно важным станет при этом качество «сервисизации» экономики, т. е. степень зависимости сферы услуг от современных либо традиционных, высоко-либо низкодоходных, городских либо сельских отраслей производства, областей жизни и быта. Самые значительные различия, как и ранее, будут, по всей видимости, наблюдаться между экономиками регионов и стран, обращенных в сторону внешнего мира, включенных в мировую торговлю, осуществляемую главным образом по морю, и хозяйствами «замкнутых на себя» районов и государств, расположенных в отдалении от морских и прибрежных зон. Водораздел по такому же принципу, как выше отмечалось, останется и внутри крупных государственных образований. Там может увеличиться перепад в уровнях развития приморских и «срединных», особенно горно-пустынных, трудно доступных местностей.

В первой половине XXI в., судя по всему, произойдет дальнейшее усиление внимания к континентально-материковым регионам, а в ареале Востока к ним относится прежде всего центр Евразии. Одним из главных экономических мотивов такого внимания будет освоение природных богатств, в первую очередь месторождений углеводородного сырья — нефти и природного газа. Центральные, внутренние районы азиатского континента могут все в большей степени оказываться ареной приложения сил крупнейших геополитических игроков, среди которых видное место займет Китай. Нельзя исключить, что сотрудничество на океанических просторах будет уравниваться конкуренцией на сухопутном пространстве, главным из которых станет «сердцевина мира» — континентальная Евразия.

Пространственный элемент геополитики получит, вполне вероятно, дальнейшее развитие. Помимо, условно, земельно-водного, он приобретет все более выраженное воздушно-космическое измерение. Причем активное участие в нем примут крупнейшие страны Востока, такие как КНР, Япония, Индия, а возможно, и державы следующего порядка — в первую очередь, Пакистан и Иран, оба Корейских государства, а также Малайзия и Индонезия.

Геополитические коллизии, вероятнее всего, будут иметь все более технологически сложный, интеллектуальный характер. Научные открытия двойного (мирного и военного) назначения в сочетании с аналогичными техникой и технологиями многократно усложняют содержание международно-политических процессов. Еще большую роль приобретет информация и, следовательно, контроль над средствами массового распространения новостей, в том числе и нарочито тенденциозных, политически мотивированных. Соответственно с этим усложнится внешнеполитическая деятельность государств, увеличится разнообразие проектов многосторонней дипломатии.

На смену возможному сокращению темпов углубления экономической и культурно-гуманитарной глобализации после 2020 г. может прийти новый этап. Революция международного рынка на базе научных и технических инноваций совпадет со снижением уровня конфликтности вследствие увеличения среднего возраста жителей планеты, сглаживания «молодежных выступов» в развивающихся регионах Востока, прежде всего в мусульманском.

Примечания

- ¹ *Пантин В.И.* Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.
- ² Дальнейшее развитие метода см: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. Дубна, 2006.
- ³ Многоаспектный анализ подстерегающих КНР опасностей содержит коллективная монография: Китай: угрозы, риски, вызовы развитию // Под ред. В.В. Михеева, М., 2005.
- ⁴ См: *Колонтаев А.П.* НТР и машинная стадия производства в развивающихся странах // Научно-технический прогресс и развивающиеся страны. М., 1976, с. 81.
- ⁵ *Растяжников В.Г.* НТР и проблемы стадий капиталистической эволюции в развивающихся странах Востока // Капитализм на Востоке во второй половине XX века. М., 1995, с. 276–296.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ТЕОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ*

В европейской философии и науке Нового времени постепенно сложились основные подходы к решению проблем государства и политики, в том числе и межгосударственной, международной. Четырью основными традициями, парадигмами можно считать консервативно-реалистическую, либерально-идеалистическую, радикально-социалистическую и иррационально-интегристскую. Три первые парадигмы философско-политической мысли находятся в зоне рациональных решений. Именно в их русле развивались впоследствии, уже в рамках специальной научной теории, главные направления анализа международных отношений и международной (мировой) политики — реализм, идеализм и радикализм. Четвертая традиция сложилась на базе не рациональных, но эмоциональных подходов и мистических, мифологизированных представлений. Начать характеристику этих парадигм (направлений) лучше всего с первой как наиболее крупной, исторически укорененной и до сих пор если не доминирующей, то самой влиятельной, причем не только и, может быть уже не столько, на Западе, сколько на Востоке.

В основе консервативно-реалистической традиции лежит представление о государстве, державе, империи как о главном элементе, несущей конструкции политического мира. Государство воспринимается в терминах силы, военного превосходства над другими. Ему, впрочем, соответствует также первенство в социально-политической сфере — лучшая из существующих система управления, в экономике — передовое и уверенно развивающееся хозяйство, и культуре — наиболее соответствующие реалиям времени мировоз-

* Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность: учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2015, гл. 1, с. 26–53. В авторской редакции.

зрение, мораль, этика, наука и искусства. Так как государство в Новое время (сначала в Европе, а потом и повсеместно) стали ассоциироваться с главной в нем, государствообразующей (как сегодня говорят, титульной) нацией, народом, этот подход в идеологическом плане выражает национализм.

Зародившись в качестве концептуального подхода в самом начале эпохи Модерна, а как умонастроение пронесенный, очевидно, через все века едва ли не всеми цивилизациями, своими истоками он уходит к «осевому времени», являясь в то же время частью достижений эры европейского Ренессанса, состоявшей в освоении наследия эллино-римской культуры и цивилизации.

Основная фигура-предтеча этой парадигмы — древнегреческий историк Фукидид, автор написанной в V в. до н. э. фундаментальной «Истории Пелопонесской войны в восьми книгах». Описывая перипетии многолетней войны между афинянами и лакедемонянами, Фукидид исходит из того, что главным аргументом в конфликте политических единиц может быть только сила. Могущество служит основным инструментом в отстаивании интересов государства. Кроме практических интересов, мотивами его действий выступают честь, с которой связаны амбиции, устремления, и страх, опасения за безопасность, само существование. Фукидид полагал, что насилие объясняется природой человека. Он отводил определенное место в межгосударственных отношениях правовым нормам и морали, но подчеркивал, что они отступают на задний план в периоды открытого конфликта. В исходных построениях Фукидида можно найти истоки не только классического силового реализма, но и смежного морально-правового подхода к решению межгосударственных проблем, очередь которого наступает в периоды мира.

Создателем государствоцентричной концепции в политической мысли Нового времени считается итальянец Н. Макиавелли (1469–1527). В эпоху существования небольших итальянских государств он выступал сторонником усиления наиболее крупных среди них, полагая, что в борьбе за усиление мощи государства правителю позволено использовать все средства, в том числе нарушать некоторые общепринятые нормы и моральные императивы (применять хитрость, обман и т. д.). Главный его труд на эту тему называется «Государь».

Вторым крупнейшим представителем классического реализма был английский мыслитель Т. Гоббс (1588–1679). Он жил в кро-

вавую и переломную для Англии эпоху революций и становления конституционной монархии и отразил в главном своем сочинении «Левиафан» убеждение в исходной эгоистичности и необузданности человеческой природы. Такое «естественное состояние» преодолевается в обществе людей созданием громоздкого механического аппарата — государства. Хотя оно и подобно библейскому чудовищу Левиафану, но государственный порядок все же лучше, чем анархия. Между тем, в отношениях между государствами продолжает царить дух анархии, «войны всех против всех» (*bellum omnium contra omnis*). Описанный им международный порядок вещей получил в политической литературе название «гоббсианского».

Весьма государствоцентричен в своих философско-исторических построениях немецкий мыслитель более поздней эпохи Г.В.Ф. Гегель (1770–1831). Ему свойственна достаточно жесткая трактовка международных отношений, при которой допускается война как средство разрешения противоречий между государствами. Видным представителем реалистической или реалистской парадигмы был его современник и соотечественник генерал К. фон Клаузевиц (1780–1831). В книге под названием «О войне» он, исходя из сводимости международных отношений к межгосударственным, настаивает на том, что война есть орудие государственной политики, являясь ее продолжением, способом достижения тех же целей, но иным путем, не мирным, а военным. Завершить этот ряд (далеко, впрочем, не полный) можно австрийским ученым Л. Гумпловичем (1838–1909), который давал весьма жесткую трактовку международной политики, сконцентрированной вокруг силовых имперско-государственных интересов.

К его времени относится, кстати, деятельность «железного канцлера» Пруссии и Германии О. фон Бисмарка, дипломатия которого ассоциируется с «*realpolitik*», реальной политикой, сдержанной и целеустремленной, направленной на усиление мощного национального государства, учитывающей свои и чужие возможности и возникающий отсюда баланс сил и интересов. Он, впрочем, был не первым, кто прославился искусством реальной политики — в XVIII в. среди европейских деятелей такого плана выделялся француз кардинал де Ришелье, а в первой половине XIX в. министр иностранных дел Австрии К. Меттерних.

Почти одновременно с консервативно-реалистической возникла и другая традиция в политической философии Нового време-

ни — либерально-идеалистическая. Как и первая, она связана с культурой Ренессанса, возрождения интереса к древней философии, а также развитием христианской мысли (Эразм Роттердамский, Ф. де Витория). Однако если реалистическая, государственническая парадигма имеют аналоги вне западной, возрожденческой традиции, то либеральное направление складывается именно и только на христианско-ренессансных основах.

Раньше других сложилась та разновидность либерализма, которая делает акцент на правовых нормах в отношениях между государствами, т. е. рассматривает государство как центральный элемент международных отношений, но исходит из предпочтительности мира перед войной и необходимости соблюдать определенные правовые нормы, по происхождению моральные и этические, как в периоды мира, так и в условиях войны. В русле этой разновидности второй традиции, которую как и первую называют классической или канонической, закладываются начала современной международно-правовой теории. Одним из ее первооснователей считается голландский юрист Гуго Гроций (де Гроот) (1583–1645). Современник Тридцатилетней войны, он обосновал в написанном на латыне фундаментальном труде «О праве войны и мира» взаимосвязь между законами, действующими внутри государства, и законами между государствами (всеми или большинством), без которых нет справедливости и не может быть действительной выгоды для государств в сфере их взаимодействия друг с другом.

Наряду с правовым направлением в развитии либеральной традиции появляется другая ее составляющая. Отталкиваясь от христианской идеи самоценности личности, она ставит в центр рассмотрения не государство, а индивидуума, и сообщество индивидов. Государство в русле этого мировоззрения отступает на задний план, предоставляя место обществу людей, принадлежащих одной нации, гражданскому обществу. Классический английский либерализм (Ф. Бекон, Дж. Локк и др.) формирует последовательный рационально-либеральный взгляд на внутреннюю политику, в основе которого лежат принципы конституционного правительства, суверенитета граждан, равного права для всех и разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную. Во внешней политике этому взгляду соответствует акцент не на имперско-государственных, а на торгово-экономических интересах. Несколько позднее, в конце XVIII — начале XIX в., в Англии он приводит к

возникновению классической политэкономии А. Смита, Д. Рикардо и др., где вопросы международной торговли и общения между народами посредством обмена товарами оказываются в центре внимания. В первой половине XIX в. эту линию завершают труды И. Бентама и Дж.С. Милля, во главу угла ставящие концепции потребительской полезности (утилитаризм) и свободы как возможности созидательного позитивного действия. Во внешней области английский либерализм, а вслед за ним французский, в целом западноевропейский и американский, выдвигал принципы свободы торговли, отмены государственных пошлин (тарифов), запретов и ограничений. В противовес либерализму как политэкономическому учению сложился меркантилизм, где главным выступали государственные интересы, а торговля, в том числе заморская, рассматривалась как способ обогащения государства и усиления его державной мощи. Поздним изданием меркантилизма, целенаправленной деятельности государства по созданию условий для догоняющего индустриального развития можно считать теоретический вклад немецкого экономиста Ф. Листа.

Итак, среди ответвлений либеральной парадигмы выделяются два — правовое и экономическое. Имеется и третье — пацифистское. Оно соприкасается с первыми двумя, делая упор на мире как неперемennom условии для утверждения морали и справедливости, а также благоденствия человечества через умножение его материального богатства. Ключевое значение имеет здесь фигура немецкого мыслителя И. Канта (1724–1804). Будучи последовательным философом-либералом, Кант рассматривал права человека как высшую, священную ценность, отрицал центральную роль государства и относился к войне как к преходящей стадии в историческом развитии. В работе «К вечному миру» (1797) он выдвинул идею о наступлении в будущем эпохи постоянного мира и появлении Лиги народов.

Третья парадигма — радикально-социалистическая — появляется несколько позже канонических. Ее истоки следует искать в двух направлениях мысли Нового времени — коммунистическом утопизме и руссоистском мифе о естественном порядке вещей на заре времен, когда люди были не «испорченны» цивилизацией. Умозрения французского философа Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) были противоположностью представлениям Гоббса о начальной стадии в развитии людей, отмеченной враждой, анархией, силой одних

и беззащитностью других. В противовес английскому мыслителю, Руссо отрицал справедливость существующих государственных устройств, был сторонником радикально нового «общественного договора», концепций «общей воли» и «народного суверенитета». Эти идеи, разделявшиеся в той или иной мере и другими французскими просветителями (Вольтером), существовали наряду с утопиями о бесклассовом, бессловном обществе. Последние появились, как и само слово «утопия» (т. е. несуществующее место) в начале современной эпохи в книге англичанина Т. Мора (1478–1535). Позднее у итальянца Т. Кампанелла (1568–1639) коммунистические идеи нашли яркое воплощение в образе «Города-солнце» — государства равных во всех отношениях людей. Радикально-революционный подход нашел воплощение в идеологии Французской революции 1789–1794 гг.: проектах якобинцев (Ж.П. Марата, М. Робеспьера), лидера социалистов (коммунистов) Г.Бабефа и др. После революционных бурь в первой половине XIX в. эта линия была продолжена в трудах идеологов социализма А. Сен-Симона, Ш. Фурье и англичанина Р. Оуэна. Свое наиболее полное теоретическое воплощение радикальная парадигма получила в трудах К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895).

Заметим, что если консервативная парадигма апеллировала прежде всего к сознанию аристократии как наследственных держателей государственной власти, а либеральная ориентировалась на самосознание среднего класса, буржуазии, то радикальный социалистический подход адресовался группам интересов, выступающим от лица рабочего класса, низших, обездоленных слоев. Теоретически он при этом преодолевал дихотомию государство-общество, ставя на ее место другую диалектическую пару: буржуазия-пролетариат. Место национализма в международных делах в соответствии с этой парадигмой занимал пролетарский интернационализм, который в своих крайних формах отрицал основополагающую роль нации-государства.

От первоначального неприятия статус-кво (сложившегося положения вещей) европейская социал-демократия, опиравшаяся на марксистские идеи, эволюционировала в сторону борьбы за его ревизию, защиту интересов рабочего класса реформистским путем. Но на исходе Первой мировой войны марксистский радикализм в лице большевизма победил в постимператорской России и стал основой мировой идеологии, бросившей вызов прочим идеологи-

ческим системам. В оценке степени ее фактического радикализма мнения расходятся, но очевидно, что она стала важнейшим инструментом политической консолидации на территории бывшей царской России и помогла превратить ослабленную Первой мировой и Гражданской войнами страну в исключительно сильную в военном отношении, могучую державу. Одновременно, социалистическая идеология позволила смягчить бремя тотального контроля государства над обществом, содействовала формированию своеобразного варианта гражданского общества в СССР и возникновению политикоидеологических течений ввне, которые приняли советский вариант развития за достойную альтернативу консервативно-либеральному западному пути.

Упадок радикально-социалистической идеологии, с последовавшим затем распадом Советского Союза, тяжело отразился на связанной с ней политико-философской парадигме. Хотя она осталась подспудно еще достаточно влиятельной в постсоветской России и имеет некоторое число сторонников на Западе и на Востоке, главным образом в лице неомарксистов и антиглобалистов, ее влияние с последних десятилетий XX в. резко пошло на убыль.

Еще раньше консервативно-либеральная философия в основном освободилась от соперничества и конкуренции со стороны четвертого подхода к решению проблем государства и международных отношений — иррационально-интегристского. Истоки этого течения, который можно назвать также консервативно-революционным, связаны с развитием философско-исторической мысли в Европе во многом под влиянием начавшегося в XVIII в. углубленного знакомства с культурой и наследием традиционного Востока. Впрочем, оформляется оно как общественно-литературное и политическое явление позднее и затрагивает в основном Германию и север Европы. В основе подхода лежали антитезы рациональности, идеи духа, сакральности (святости) власти и связанного с ней мира политики, а также мифы и мистика как европейско-дохристианские, так и восточные нехристианские.

В конце XIX и начале XX вв. в рамках этой парадигмы, опять же главным образом на немецкой и северо-европейской культурной почве, возникает такое направление в исследовании международных отношений, как геополитика. Оно далеко не всегда является мистикоиррациональным и потому не соответствует целиком одной парадигме. Геополитика базируется на двух концептах — сильно-

го государства и географическом пространстве как арене межгосударственной политики. Учет географического фактора — одна из вполне рациональных основ международно-политического знания. Основанная преимущественно на нем геополитика в сочетании с государственноцентричностью находит себе место главным образом в рамках консервативно-реалистической парадигмы. Однако вследствие того, что государство может выступать и как носитель либеральной, а также социалистической ориентации, геополитика может служить целям различных по содержанию международно-политических проектов. Она нередко соприкасается с геостратегией, идеологически нейтральной отраслью военно-политической науки, а также стратегической географией и логистикой.

Отцом геополитического анализа считают немца Ф. Ратцеля (1844–1904), который в своих сочинениях акцентировал значение пространства для политической мощи государств. Термин геополитика ввел в научный оборот его младший современник швед-германофил Р. Челлен (Келлен) (1864–1922). Он развивал взгляд на государство как на органическую систему, посвятив разным сторонам ее функционирования отдельные тома. Один из них, трактующий вопросы расширения государства в пространстве, и получил название «Геополитика». Вслед за органицизмом в геополитику проникает мистический дуализм.

Создателем геополитической теории, окрашенной в мистические тона, был немецкий офицер в отставке К. Хаусхофер (1869–1946). Он исходил из планетарного дуализма, постоянной борьбы «морских сил» (талассократии, власти моря) против «сухопутных» (теллурократии, власти земли) Эти идеи еще глубже разработал другой немецкий автор К. Шмитт (1888–1985) В трудах, вышедших в 1940-е годы и позднее, им противопоставлялась Суша, как традиционная власть с незыблемыми этическими принципами, и Море — власть современная, опирающаяся на текучие социально-юридические и этические нормативы. Шмитт также разработал теорию тотального врага, дуализма «друг-враг», а, кроме того, идею «большого пространства» (*Grossraum*) как принцип ненасытной имперской экспансии, развивая тем самым концепции своих предшественников о «жизненном пространстве» (*Lebensraum*), нехватке территории для динамичных государств-империй.

Геополитический иррационализм оказал немалое влияние на формирование идеологий немецкого национал-социализма, ита-

льянского фашизма и японского милитаризма, сочетаясь соответственно с расовым, этатистским и сакрально-властным национализмом. Интересно, что К. Хаусхофер, возможно, принимал участие в написании разделов гитлеровской «Майн кампф», хотя его представления не совпадали с расистскими взглядами Гитлера.

Разгром гитлеризма нанес сильнейший удар по геополитике. Немецкую ее школу после Второй мировой войны объявили псевдонаукой. Однако, как выше отмечалось, не вся геополитика отличалась мистицизмом и мессианством.

Параллельно с немецкой, развивались геополитические школы в Англии и Америке. В первой выделяется географ и политический деятель Х. Маккиндер (1861–1947). Для его политико-географических представлений характерен акцент на значении Евразийского материка, где центральное место занимала Российская империя, а затем СССР. Он широко использовал термин «Хартленд» («Сердцевина земли») для обозначения континентальной Евразии, а также другие пространственнополитические образы (географическая ось истории, мировой остров и т. п.). Американский адмирал в отставке А. Мэхен (1840–1914), обосновывал растущее геополитическое влияние морской мощи государств. Другой основоположник американской геополитики Н. Спайкмен (1893–1943), развивая и полемизируя с идеями Маккиндера, настаивал на исключительно важной роли, которую в мировой политике играет «Римленд» (Окраинная земля), южная кромка Евразии.

Едва ли не все построения, сделанные с геополитической точки зрения, носят на себе отпечаток времени, а иногда и прямого политического (внешнеполитического) заказа. Впрочем, такую характеристику можно приложить и к другим теориям международных (межгосударственных) отношений, которые в большом количестве стали появляться уже после окончания Второй мировой войны.

В послевоенное время основная часть специальных теорий в рамках политической науки (political science) стала разрабатываться в США. Становлению там политической науки, как и многих других академических общественных дисциплин, способствовали ученые, переехавшие туда в предвоенный период из Европы, прежде всего Германии и Австрии. Один из них, Г. Моргентау, стал признанным основателем американской школы реализма в науке о международных отношениях. В 1948 г. в свет вышла его книга «Политика между нациями. Борьба за власть и мир». Оставаясь строго в рамках

консервативнореалистической парадигмы, Моргентау сводил международные отношения к межгосударственным и считал государства однородными и преследующими свои эгоистические интересы. Задачами международной политики он считал обеспечение национально-государственных интересов. Трактруя их в терминах власти, мощи и влияния, он исходил из того, что интересы могут быть обеспечены мирными средствами при сохранении полной готовности для применения силы.

Другим видным теоретиком реалистической школы был М. Каплан, выпустивший в 1957 г. книгу «Системы и процессы в международной политике». Одним из первых применив системный подход к изучению международных процессов, Каплан выделил несколько видов многополярных систем. Наиболее стабильной он признал биполярную, основанную на равновесии мощи. Он же сформулировал шесть правил для ведения конкурентной международной политики. Примечательны для своего времени и с позиции его государства, которое выступало адресатом рекомендаций, два первых правила: а) расширять свои возможности (т. е. власть), но лучше путем переговоров, чем путем войны; б) лучше воевать, чем лишиться перспектив усиления возможностей. Еще одно правило гласило: не добивать побежденного противника, чтобы не создать вместо него нового, более сильного.

В том же году выпустил первую книгу молодой исследователь, выходец из среды эмигрантов Г.Киссинджер, впоследствии известный государственный деятель США. Она была посвящена вопросам ядерного оружия и предлагала отказаться от господствовавшей тогда доктрины массированного возмездия в пользу политики ядерного сдерживания. Как в академических работах (по политике и истории международных отношений), так и в практической деятельности Киссинджер неизменно высоко ставил стратегию баланса сил и поиска компромиссов.

Отражая сложившийся в реальности между США и СССР военно-политический баланс, американские авторы в 60-х годах прошлого века обращали внимание на анализ равновесных мировых систем. Характерной в этом плане можно считать книгу С.Козна «География и политика в разделенном мире». В ней в дополнение к категории «Римлянда», использованного, как отмечалось, еще Спайкменом для обозначения южной кромки (обода) Евразии, автор

ввел понятие «шаттербелтс» («разбитые пояса») для характеристики геополитического пространства Ближнего Востока и Индокитая.

Наряду с реалистической (реалистской) традицией в США и других западных странах получает определенное развитие и идеалистическая парадигма. Она находит отражение главным образом в трудах по международному праву и гарантиям безопасности, продолжая в этом отношении традиции предвоенных лет. Наиболее крупным представителем международно-правовой школы в Америке стал австриец по происхождению Х.Кельзен. Им, в частности, была обоснована доктрина о неизменности, преемственности границ в случае создания на месте распавшихся государств новых. Эта теория отличалась особой актуальностью в послевоенный период возникновения на месте колониальных империй молодых независимых государств и не потеряла значение вплоть до нынешнего времени.

В противовес реалистской философии войны, точнее мира на грани войны, несколько работ в послевоенный период издали идеалисты пацифистского и интернационалистского направления, исповедующие философию мира путем отрицания войны. Среди них можно выделить книгу Г. Кларка и Л. Сона «Достижение всеобщего мира через мировое право» (1958 г.)

Оставаясь на Западе в начальный период холодной войны в тени реализма, идеалистическая струя в большей мере находила отражение в Европе, прежде всего Англии и Франции, а также вне ее, в Канаде и Австралии. В Англии формируется влиятельная школа мягкого реализма или рационализма, виднейшими представителями которого считают Х. Булла («Анархическое общество», 1977) и Б. Бузана, автора теории региональных комплексов безопасности и небезопасности (*security and insecurity*).

Новое дыхание либерализм получает с 1970-х годов, после усложнения биполярной системы, наступившего в результате разрядки напряженности в отношениях между двумя супердержавами. В рамках идеалистической (идеалистской) парадигмы формируется новое направление — неолиберализм. Его основателями считают американцев Р. Кохейна и Дж. Наю, авторов идеи и редакторов книги «Транснациональные отношения и мировая политика» (1972). Неолибералы обращают главное внимание на деятельность неправительственных организаций, транснациональных, над-и кроссгосударственных сетей. Дж. Наю принадлежит также заслуга

введения в широкий оборот термина «мягкая мощь», под которой имеется в виду способность к убеждению, а не принуждению, акцент на силе позитивного примера, в конце концов, на идеологии.

Почти одновременно в рамках консервативно-реалистической парадигмы появляется школа неореализма или структурного реализма. Его основателем считается американец К. Уолтц, благодаря выпущенной им в 1979 г. книге «Теория международных отношений». Отличие неореализма от реализма состоит в акценте на структуру межгосударственных отношений, которая эволюционировала в сторону более сложной, многоэлементной, и сама стала фактором МО, хотя центральное место в них по-прежнему занимает государство и его «материальная» (военная) сила. Реализм подхода проявляется в этой школе также в повышенном внимании к проблемам безопасности, балансирования на грани войны, влияющим на государственную политику через реакции людей (страх) и общественное мнение.

Под влиянием изменившейся в первой половине 1980-х годов международной обстановки, «новое издание» холодной войны между США и СССР, вновь востребованными оказались геополитические построения на идеологически смешанной либерально-консервативной основе. В этом плане выделяется книга теоретика и практика американской внешней политики Зб. Бжезинского «План игры» (1986), где намечены основные подходы к решению задачи кардинального ослабления СССР и всего социалистического блока с выделением двух уязвимых для него геополитических направлений — восточноевропейского (Польша) и южноазиатского (Афганистан-Пакистан).

На последующем этапе новой разрядки и разрушения советско-социалистической системы знаковую роль сыграли статья (1989) и книга (1992) американского политолога Ф. Фукуямы, посвященные «концу истории». Под ним мыслилась окончательная победа либеральных (буржуазно-демократических) идей в политике и конец эпохи противоборства двух политико-идеологических систем — свободной, капиталистической и тоталитарной, коммунистической.

Далеко не оправданный оптимизм относительно окончания мировой глобальной конфронтации, попадающий без сомнения в разряд идеалистических, уравновешивался реалистическим песимизмом, которому помог придать новые силы С. Хантингтон. Он

опубликовал в 1993 г. вызвавшую живой отклик статью, а в 1996 г. книгу на тему столкновения цивилизаций. Преодолевая ограниченность подхода Фукуямы, который концентрировался на Советском Союзе и государствах Варшавского договора, Хантингтон сделал упор на новом аспекте международной политики — столкновении государств, принадлежащих различным цивилизациям, а также на цивилизационных разломах внутри отдельных государств (таких как Турция и Украина) и на границах между цивилизациями.

История в дальнейшем, как будто, оправдала подход Хантингтона при всей его идейной прямолинейности, ибо основные конфликты в последнее десятилетие XX и первые десятилетия XXI в. протекали именно на стыках политических культур и цивилизаций. Более того, главный вызов, брошенный Западу зародился в недрах исламской цивилизации. Следует признать, что Хантингтон постарался предостеречь общественное и государственное мнение в США против расширительного толкования им своих глобально-политических возможностей, подчеркивая то обстоятельство, что западная цивилизация не универсальна, а уникальна, и если другим цивилизациям суждено в долговременной перспективе приблизиться к ее объективно более совершенным порядкам, то грубыми насильственными методами принуждать их к этому не следует.

Американское руководство в начале XXI в. вряд ли прислушалось к этим предостережениям. Достаточно указать на вторжение ее войск в Афганистане в 2001 г. и развязанную Вашингтоном в 2003 г. войну в Ираке. Хотя США в 2009 г. вывели войска из Ирака и объявили о завершении в 2014 г. своего участия в боевых операциях в Афганистане, трудно сказать, в какой мере эти решения приняты под влиянием сентенций и рекомендаций, содержащихся в литературе по международным отношениям.

На стыке двух классических парадигм — консервативно-реалистической и либерально-идеалистической — с 1980-х годов в англоязычной литературе утвердилось новое направление, получившее название конструктивизм. Оно возникло не без влияния работ французских социологов и философов (П. Бурдьё, М. Фуко и др.), между тем как французская школа международных отношений продолжала развиваться в некоторой изоляции от американско-английского основного потока.

Ключевым для конструктивистов является понятие социальное (интерсубъективное) конструирование. Упрощая, речь идет о том.

что главное значение они придают смыслу, ценностям, идеальным конструктам, а не самим по себе материальным объектам и силам. С точки зрения теории мирополитических проблем на первый план для конструктивизма выступает роль культуры, создаваемой общими для людей идеями и интересами. Тем самым конструктивизм преодолевает индивидуализм, на котором строит основные положения, как неореализм, так и неолиберализм. Хотя существуют различные формы конструктивизма, наиболее серьезное значение имеет та из них, что занимается «социальным» осмыслением международной системы. Главный теоретик школы А. Вендт относит ее к категории «структурного идеализма». При этом основными элементами системы МО остаются государства, но их поведение интерпретируется не с материальных и индивидуалистических позиций (в пику неореализму), а социально и целостно с учетом решающего значения культуры мирового сообщества государств.

При сохранении радикальных ответвлений критика доминирующих направлений конструктивизмом со временем притупилась, и он стал респектабельной и едва ли не ведущей частью в консервативнолиберальном сегменте теоретического осмысления проблем современного мироустройства.

Выходя за рамки распространенных в западной литературе парадигм политической философии и идеологии международных отношений, отметим, что основные традиции политических философий и идеологий на Востоке (шире — Незападе) отличались авторитарной государствоцентричностью, консерватизмом и сугубым реализмом.

С втягиванием Востока в эпоху Модерна происходит формирование там как политико-философских течений, копирующих западные образцы, так и создаваемых в качестве их антитезы. После окончания Второй мировой войны освободившиеся страны Азии и Африки оказались охваченными идеологически двумя стихиями — национализмом и социализмом.

И то, и другое объединяло одно общее умонастроение — антизападничество. Что и понятно, так как на Востоке отторжение вызывал колониализм, как западное, прежде всего западноевропейское явление, по преимуществу английское и французское. Враждебность порождали также богатство и могущество США, которые господствовали хотя и иначе, чем классические колониальные державы, но при этом не менее прочно и жестко, основывая свое

доминирование на контроле за финансовыми ресурсами, средствами торговли и товарными рынками. Экономическое доминирование Запада над Востоком, получившее ныне вышедшее по большей части из употребления название неокOLONиализма, заставило последний искать выход в помощи другой глобальной силы, которую представлял собой социалистический лагерь во главе с СССР.

Социализм как идеология привлекал, к тому же, те группы интересов в освободившихся странах, которые связывали свое общественное положение и условия материального существования с государственным сектором. Привлекательность социалистической идеологии состояла и в том, что она легко могла быть использована в популистских целях для мобилизации широких трудовых масс, студенчества и молодой интеллигенции для борьбы с внутренними и внешними врагами.

Наиболее успешно амальгама национализма, граничащего с шовинизмом, и социализма прижилась в Китае, где она получила форму маоистской системы представлений, развитую руководителем китайской Компартии и председателем Китайской Народной Республики в 1949–1976 гг. Мао Цзэдуном.

Менее выраженным государственно-идеологический элемент был в Индии, добившейся независимости в 1947 г. В отличие от ряда других бывших зависимых стран, национализм в Индии «соединился» не с социализмом (коммунизмом), а с социал-демократией. Олицетворением индийского политико-идеологического пути стал первый премьер-министр Республики Индия Дж. Неру.

Мир ислама, в XX в. резко расширившийся демографически и культурно-политически, оказался с государственной точки зрения еще менее централизован, чем в предшествующие эпохи. В получивших после Второй мировой войны политический суверенитет государствах арабо-мусульманского Востока наблюдался заметный политико-философский и идеологический плюрализм — от особого, национального социализма на панарабской (общееарабской) основе в Египте до освященных религиозной традицией идеологий в Саудовской Аравии и ряде других государств. Националистический и антизападнический элементы в господствующих идеологиях были сильны почти во всех мусульманских странах. Левая, социалистически-коммунистическая альтернатива доминирующим в них идеям находила отклик в общественном сознании, но в целом она была ограничена рядом обстоятельств внутреннего (неприятием

светского мировоззрения), и внешнего порядка (недостаточной мощью той поддержки, которую Советский Союз и социалистический лагерь могли оказать в противостоянии Западу). Последнее имело для исламского, особенно арабского, мира повышенное значение в связи с проблемой Израиля — существования чуждого политически и культурно анклава в центре арабо-мусульманского ареала.

В первый послевоенный период в общественных кругах многих стран Востока (вне Китая и других социалистических государств Азии) достаточно заметной была борьба сторонников двух линий социальноэкономического развития — капиталистической и некапиталистической. Причем последняя, с начала 60-х годов, обрела, помимо просоветской, также прокитайскую внешнеполитическую ориентацию.

На втором этапе послевоенного развития (с 1970–80-х годов) ситуация в политико-философской и идеологической сферах стала другой. На передний план вышли представления, соответствующие религиозно-интегривстской парадигме. В наибольшей степени это коснулось исламского мира. Интегривстско-возрожденческие тенденции проявились в Саудовской Аравии, а отчасти и в других арабских странах Персидского залива, а также в Иране после их превращения в государства, богатые нефтедолларами (деньгами от экспорта нефти). В Иране в 1978–1979 гг. произошла политическая революция, завершившаяся приходом к власти представителей клерикальных кругов, духовных лидеров шиитского ислама. Волна исламизации прокатилась и по многим другим мусульманским странам, приведя к возникновению исламского революционаризма, джихадизма (борьбы с неверными). Поддержка антиизраильского сопротивления арабов, террор в качестве протеста против агрессивных антиисламских действий Запада и блокирующихся с ним сил, активная пропаганда идей исламского интегривзма (сплочения масс на базе «чистого» ислама и панисламизма) и фундаментализма (возврата к истокам, временам «праведных халифов») превратились в главное оружие интернационального движения, антисистемного с точки зрения сложившегося в мире международного порядка.

Тенденции формирования и особенности функционирования мировой системы международных отношений

Формирование мировой (планетарной) системы МО началось с эпохи Модерна (Нового времени) на рубеже XV–XVI столетий и сопровождалось подъемом Запада — христианской цивилизации западной Европы. Подъем Запада на первых порах был медленным. Он ознаменовался, с одной стороны, расширением европейской региональной системы морем через юго-восточные «ворота» Европы (Испанию и Португалию), а с другой, внутренним кризисом, вызванным религиозной реформацией. Первое явление усилило позиции католицизма, власть папы римского и позднейших императоров Священной Римской империи (Габсбургов), а второе, наоборот, ослабило эти позиции. Одним из результатов развернувшихся в центре Европы жесточайших религиозных войн как раз и стало государство нового типа, свободное от власти клира (католического духовенства и опирающихся на его поддержку монархов), а также свободная от давления Рима система государств.

В XVI–XVII вв. поэтапно сложилась европейская международно-правовая система современного типа. Ее принципы обозначил уже Аугсбургский мир 1555 г., фактически провозгласивший принцип «чья власть, того и религия» (*cuius regio, eius religio*). Завершение процесса связывают с Вестфальским миром, положившим конец Тридцатилетней войне в Европе между империей Габсбургов с центрами в Австрии (восточно-немецком государстве-рейхе) и Испании, католической Францией, протестантской Швецией и протестантскими немецкими княжествами (речь собственно идет не об одном, а о двух договорах, подписанных в 1648 и 1649 гг. в германской области Вестфалия, городах Мюнстере и Оснабрюке). Заметим, что в политологической литературе принято вести отсчет современной системы международных отношений именно с этого исторического момента и называть нынешний мир в широком смысле Вестфальским.

Вместе с тем, создание комплекса национально-территориальных государств в Европе и соответствующих ему международных отношений продолжалось и в дальнейшем. Имперско-католическая традиция некоторое время еще сильно давала о себе знать. Девятилетняя война 1689–1697 гг. и война за испанское наследство 1701–1714 гг., привели к тому, что в континентальной западной Европе установилось лидерство Франции, Голландии и Англии как государств, опирающихся на осознание национальной, а не религиозной общности.

За первые два с половиной столетия Нового времени (раннее Новое время) произошло существенное расширение мира, освоенного носителями европейской культуры. Испания и Португалия завоевали, разгромив оказавшиеся бессильными империи индейцев, Южную и Центральную Америку, а Голландия, Франция и Англия основали многочисленные колонии в северной части американского континента. В этот период португальцы, а затем голландцы и англичане, позже французы ограничились основанием торговых факторий и обустройством опорных баз в прибрежных зонах Индийского океана. Они поставили в значительной мере под свой контроль морские пути, проложенные вдоль его северной акватории, от Аравии и Восточной Африки до Индокитая и Индонезии, юга Китая и даже Японии.

К Семилетней войне середины XVIII в. (1756–1763) сложился костяк «мировых» государств, основных участников международно-политического порядка с центром в Европе. Помимо Франции и Англии, среди них были Голландия, Пруссия, Швеция, Австрия, Польша, Россия и Турция (Османская империя). Испания, Португалия и Дания также участвовали в европейской политике, однако их позиции из-за малочисленности населения, слабости и периферийности экономик были менее сильны. Основное внимание все они к тому же уделяли заморским владениям. Испания при этом ориентировалась в европейских делах в основном на Францию, Португалия на Англию, а Дания на Швецию.

Расширение географического пространства, втянутого в той или иной степени в европейскую систему МО, несколько опережало распространение ее ареала с точки зрения демографического веса. Население мира к 1750 г. достигло, по оценкам, 700–800 млн чел., из них на европоцентричный ареал приходилось, по-видимому, не более 150–200 млн чел.

Подлинно мировой войной с полным основанием называют череду военных кампаний 1798–1815 гг., инициатором которых выступала Франция под началом Наполеона. Франция при этом пыталась взять реванш за поражение от Англии в Семилетней войне. И хотя ей это не удалось, бурные события рубежа двух столетий дали толчок процессу крупных изменений в политической и общественной жизни мира.

На смену наполеоновской эпохе войн пришел период «долгого мира», последовавший вслед за созданием, по инициативе и при

активном участии российского императора Александра I, «Священного союза» — ареопага великих держав в составе России, Англии, Австрии, Пруссии, а позже и Франции. Подписанный на Венском конгрессе 1814–1815 гг. Акт о Священном союзе можно считать первой декларацией о мирном сосуществовании государств, предупреждающей против угроз их безопасности изнутри (внутренние потрясения, революции), а также извне, со стороны государств-нарушителей.

Учрежденный тогда европейский «концерт» послужил основанием Венской системы международного порядка. Он оказался в целом весьма жизнеспособным. Избежать крупной войны между участниками европейского концерта, включая Турцию, удавалось на протяжении почти 100 лет, до 1914 г., хотя мир между ними прерывался рядом значительных военных кампаний во второй половине XIX — начале XX вв. Несмотря на направленность Венской системы против подрыва стабильности «снизу», период ее существования ознаменовался подъемом движений национального освобождения на окраинах Османской империи, ростом числа суверенных государств в Европе, а также появлением новых независимых государств в Южной Америке.

«Долгий мир» в Европе дал ей возможность «рассредоточиться» по всему земному пространству, удаленному от относительного небольшого по площади ее территориального очага. Наподобие лавы, извергающейся из действующего вулкана, европейские власть, влияние, торговля, культура распространились на Азию и Африку (как до того на Америку) накрыв и преобразовав, в большей или меньшей степени, их самобытный строй. XIX век, особенно его вторая половина, был эпохой колониализма. Международная политика отражала и опосредовала процесс борьбы за раздел и передел мира. Вслед за охватом территории (географически) круто возросли и демографические параметры европоцентричной системы международных отношений.

На этот век приходится, к тому же, небывалый рост населения Европы. В 1850 г. число жителей в ней с учетом Российской империи равнялось 266 млн человек. К 1900 г. оно увеличилось на 50%, до 401 млн, а к 1913 г. еще на 17% до 468 млн такой рост не имел аналогов в предшествующий истории. Его можно считать первым демографическим взрывом, вызванным снижающейся смертностью, в том числе младенческой, за счет постепенного улучшения сани-

тарных условий, и сохранения на высоком уровне рождаемости. Все это имело место в условиях перетекания склонного к многодетности сельского населения в города (второй демографический взрыв произошел по сходным причинам после 1945 г., охватив главным образом страны Востока, т. е. Азию и Африку). Став фундаментальным фактором в жизни европейских обществ, рост населения подспудно отразился и на внутренней, и на внешней политике. Он способствовал усилению социально-классовых и международно-политических антагонизмов и подстегнул процесс колониальных захватов.

Вместе с тем оказалось, что противоречия, существовавшие между европейскими державами на дальних рубежах, не угрожали миру в той мере, в какой соперничество на ближнем геополитическом пространстве. «Пороховой бочкой», взорвавшей европейский покой, оказались Балканы. Убийство в Сербии австрийского эрцгерцога (наследника престола) Фердинанда вызвало летом 1914 г. неконтролируемую цепную реакцию, втянувшую в первую тотальную войну почти все государства Европы, включая четыре ее континентальные империи, а также Америку и Японию.

Первая мировая война оказалась очень кровопролитной — 8 млн погибших и 21 млн раненых на ее фронтах, плюс почти 7 млн. жертв среди мирного населения. На месте четырех империй — Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской — образовались новые нединастические государства. Победителями из войны вышли члены антигерманской коалиции-Англия, Франция, США, Япония, Италия и др. Они заставили Германию подписать в 1919 г. Версальский мирный договор. Россия, раздираемая гражданской войной, за год до этого вышла из мировой, заключив сепаратное мирное соглашение с Германией. К началу 20-х годов установилось послевоенное спокойствие, регулируемое рядом договоров, главными из которых, не считая Версальского, был Вашингтонский, подписанный в начале 1922 г. и посвященный военно-морским вооружениям и тихоокеанским проблемам.

В рамках Версальско-Вашингтонской системы МО, была создана Лига наций как организация, членами которой стали прежде всего европейские государства, страны Латинской Америки, доминионы Англии и еще колониальная тогда Индия. После подписанного в 1923 г. Лозаннского мирного договора в международное сообщество вошла Турция. Несмотря на неудачу Гаагской и Генуэзской мирных конференций, Германия и Советская Россия (СССР), сблизив-

пись между собой, в немалой степени восстановили свое участие в международных делах. США отказались от членства в Лиге наций, несмотря на то, что идея ее образования принадлежала их президенту В. Вильсону. В начале 1930-х годов Лига наций вступила в полосу кризиса — из нее вышли Япония, затем Германия и Италия. Правда, в 1935 г. в Лигу приняли СССР, но через четыре года исключили, протестуя против заключения им мирного договора с гитлеровской Германией.

Система мирных взаимосвязей оказалась в 1930-х годах подорванной главным образом в связи с острыми социальными конфликтами, охватившими передовые в промышленном отношении страны. Глубокий кризис 1929–1933 гг. привел в расстройство ведущие национальные системы хозяйствования и мировую экономику в целом.

В результате Первой мировой войны колониальная система претерпела существенные изменения, начался ее распад, принимавший причудливые формы преобразования зависимых территорий в руководимые метрополиями союзы и сообщества. Учрежденная Лигой наций система подмандатных территорий увеличила владения Англии, Франции и Японии за счет германских и османских. Под контролем европейского мира оказалась примерно половины земной суши и мирового населения. Население планеты к 1900 г. выросло вдвое по сравнению с 1750 г., достигнув 1600–1700 млн чел. В 1930 г. оно превысило 2 млрд, причем абсолютное его большинство приходилось на Евразийский материк, в том числе плотно населенную Европу.

Версальско-Вашингтонская система, в отличие от Венской, не положила начало новому «долгому миру». Время между Первой и Второй мировой войнами представляются многим историком лишь перемирием в непрекращающейся Тридцатилетней войне XX века. Вторая мировая война началась 3 сентября 1939 г. и закончилась ровно через шесть лет, 2 сентября 1945 г. Начавшись на западе Евразии, нападением нацистской Германии на Польшу, она закончилась на востоке, подписанием Японией, последней союзницей Германии, акта о капитуляции.

Наиболее кровавый период второй тотальной мировой войны (и шестой по условному счету войн, имеющих значение для Новой истории) пришелся на время с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г., который в нашей историографии принято называть Великой Отече-

ственной войной. В течение этих четырех лет тотальность военных действий, жертвы среди мирного населения, достигли максимума. Советский Союз, отразив нападение Германии и выйдя победителем в войне с ней, понес наибольшие человеческие потери. Их ныне принято оценивать в 26–27 млн человек. Всего же за годы Второй мировой из-за нее лишились жизни свыше 50 млн.

Война такой разрушительной силы, видимо, способствовала прочности послевоенного устройства. Другим существенным фактором, обеспечившим второй «долгий мир», продолжающийся уже почти 70 лет, было изобретение атомного оружия массового поражения. Перспектива войны без победителя ограничивает влияние военных кругов. В пользу мира действует и улучшение экономико-социальной ситуации в мире, связанное с переходом от индустриальной к постиндустриальной модернизации, усилением роли и значения среднего класса, состоящего из собственников, предпринимателей и специалистов.

Современный период «долгого мира» регулируется Ялтинско-Потсдамской системой договоренностей, достигнутых на встречах руководителей трех государств-победителей — СССР, США и Англии — в 1945 г. сначала в Ялте (в Крыму), затем в Потсдаме близ Берлина. Эти рамки определили условия существования разделенного на две части политического мира. Существует мнение, что система договоренностей исчерпала себя после окончания «холодной войны» между лагерем капитализма и социализма. Развал социалистической системы и распад СССР в 1989–1991 гг. действительно преобразовали международный порядок, однако представляется, что кардинальных изменений в нем не произвели. Глобальный международный порядок стал менее конфронтационным, изменился набор и относительный вес его основных участников, но главные договоренности и инструменты воздействия на процесс поддержания всеобщего мира остались.

Несмотря на ряд кровопролитных войн и конфликтов, одна только война на Корейском полуострове в 1950–1953 гг. унесла 4 млн человеческих жизней, общая обстановка после 1945 г. оставалась мирной, и это позволило человечеству добиться впечатляющих успехов в экономической, социальной, политической, да и культурной областях (хотя о прогрессе в последней единого мнения, очевидно, быть не может). В послевоенный период исключи-

тельно быстро возросло земное население. В 1950 г. оно составило 2,5 млрд. человек, в 1960 г. превысило 3 млрд, в 1974 г. — 4 млрд, в 1987 г. — 5 млрд человек. Иными словами, за 37 лет народонаселение увеличилось вдвое. Во второй половине 1980-х абсолютный годовой прирост достиг пика — около 90 млн чел., однако его темпы начали снижаться. Несмотря на это, численность мирового населения в начале второго десятилетия XXI в. превысила 7 млрд и вырастет по прогнозам до более 9 млрд чел. к 2050 г.

Существенно увеличилось также число независимых государств — членов Организации объединенных наций (ООН), наследницы Лиги наций. ООН была создана по решению международной конференции в Сан-Франциско в 1945 г. Первоначально число ее членов было чуть больше 60, затем, особенно заметно в период с середины 50-х до середины 60-х годов, организация расширилась за счет освободившихся от колониальной зависимости стран азиатского и африканского континентов, а также района Карибского моря и бассейна Тихого океана. Ныне в работе ООН участвуют 193 суверенных государства, причем некоторые из старейших (Швейцария) вступили в нее относительно недавно. ООН — это крупнейшая универсальная межгосударственная, межправительственная организация, ведущий элемент системы МО.

Кратко остановимся на некоторых существенных особенностях функционирования этой системы и внешней политики современных государств. Что касается МО, то следует выделить два обстоятельства.

Во-первых, основные цели системы заключаются в поддержании мира, безопасности и порядка. Вместе с тем, ей не чужды и задачи содействия справедливости и прогрессу. В 1948 г. ООН приняла Всемирную декларацию по правам человека. В ней провозглашаются основные либерально-гуманистические ценности — гражданские свободы и политические права для людей во всех странах мира и содержатся призывы покончить с расизмом, колониализмом, различными формами социальной дискриминации и эксплуатации.

Во-вторых, хотя все члены ООН равноправны и при голосовании в Генеральной ассамблее (она собирается на свою регулярную сессию раз в году обычно осенью в Нью-Йорке, где находится ее штаб-квартира) по одному голосу имеют все государства, как кар-

ликовые, так и гигантские по населению и экономическому могуществу. Все же демократический принцип в функционировании ООН сочетается с учетом реального влияния государств на международной арене. Существует Совет Безопасности ООН, состоящий из 15 членов. Пять его постоянных членов, состоит из государств, внесших наибольший вклад в победу во Второй мировой войне — Россия, США, Англия, Франция, Китай. Они имеют право вето — запрета на принятие неприемлемого для какого-то из них решения. Десять непостоянных членов избираются Генеральной ассамблеей на ротационной основе сроком на два года. Для избрания кандидатов страны-члены ООН подразделяются на пять регионов — Азию, Африку, Латинскую Америку и Карибский бассейн, Западную и Восточную Европу.

Действия правительств на глобальной сцене, какой являются ООН ее специализированные учреждения (такие как Международный валютный фонд, Всемирный банк и др), а также различные другие международные организации составляют одну из основных сторон внешнеполитической деятельности государств, которой профессионально занимаются политики и дипломаты.

Международная (внешняя) политика современных государств не ограничивается политико-дипломатической сферой. Более того, внешнеполитической деятельностью занимаются ныне не только официальные, правительственные учреждения, но и неправительственные компании, экономические, общественные, культурные, просветительские организации. Неофициальная дипломатия образует так называемую «вторую дорожку». Она может помочь первой, официальной, в осуществлении ее целей. Наиболее сильные государства, чье влияние доминирует в виднейших межправительственных и неправительственных международных учреждениях, могут использовать их в качестве инструментов своей политики.

Справедливо считается, что существует тесная взаимосвязь между внутренней и внешней политикой любого государства. Эту взаимосвязь, однако, не следует преувеличивать. Хотя задачи как внутренней, так и внешней политики, в конечном счете, едины, надо помнить о существенных особенностях двух политических областей. Во внутренней политике правительство сталкивается с оппозицией внутри национальной политической системы, оно стремится дока-

зать свою дееспособность с точки зрения обеспечения условий для нормального функционирования общества, поддержания в нем стабильности и порядка, обеспечения экономического и социального прогресса. Острой внутривнутриполитической проблемой обычно являются вопросы распределения доходов между территориями и районами, субъектами федерации в случае федеративного государственного устройства.

Область внешней политики иная. Здесь правительство стоит перед проблемами обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности. По традиции нередко считается, что и то, и другое находится под угрозой. Особенно много споров возникает с соседними странами по поводу прохождения границы, приграничных территорий, а иногда и целых областей. К погранично-территориальным разногласиям добавляется вопрос о проницаемости границы с точки зрения контрабанды наркотиков, оружия, а также ее нарушения подрывными, враждебными государству элементами. Наконец, еще одна возможная проблема между соседями — использование общими ограниченными природными ресурсами, прежде всего водными.

Вдоль государственных границ, таким образом, зачастую проходит зона перекрестных интересов. Одно государство может поддерживать силы, ведущие борьбу с соседом, поддерживать сепаратистские движения. Часть внешней политики государства, которую оно ведет для решения вышеназванных проблем можно считать региональной.

В отличие от нее глобальное измерение внешней политики связано с ролью, которую играет то или иное государство на международной арене в качестве члена системы мировых отношений. Сюда относятся его действия по обеспечению условий общей безопасности, разрешения кризисов и проблем, которые прямо не затрагивают интересы данного государства. Следовательно, можно говорить о двух сторонах внешней политики — глобальной и региональной, или глобальном и региональном измерении внешнеполитического курса. Надо иметь в виду, что эти две стороны соприкасаются и переплетаются друг с другом, изредка вступая в явный конфликт. Например, нерешенный пограничный спор мешает объединению усилий двух государств при решении вопросов глобальной политики. Неурегулированные территориальные разногласия могут пре-

пятствовать развитию взаимовыгодных экономических и культурно-гуманитарных отношений между соседями.

Внешняя политика государств и межгосударственные отношения распадаются на несколько подсистем. Основную из них формирует политико-дипломатическая деятельность, включающая контакты политиков на высшем и высоком уровнях, а также дипломатов, т. е. работников ведомств по обеспечению внешнеполитических контактов, в частности, представительств одной страны в другой. Главными институтами этой подсистемы являются обычно министерства иностранных дел или внешних сношений (в США — Государственный департамент) и дипломатические представительства за рубежом той или иной страны. Они, как правило, именуется посольствами и возглавляются послами, в течение определенного времени представляющими интересы своего государства (в рамках Британского содружества послы по традиции именуется высокими комиссарами). Кандидатура посла согласуется с руководством принимающей его стороны и, вступая в должность, он вручает верительные грамоты главе государства. Принципы и правовые нормы, регулирующие дипломатические отношений между странами определены в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.

Помимо двусторонней дипломатии, существует многосторонняя. Она заключается в участии того или иного государства в деятельности межгосударственных организаций, а также политическая деятельность высшего уровня, осуществляемая в многостороннем формате типа регулярных встреч глав государств. Многосторонняя политико-дипломатическая активность получила в период после окончания холодной войны особое значение. Она охватывает по существу весь мир, отражая как процессы глобализации (ООН и прочие мировые многосторонние органы), так и регионализации. Региональные организации разного плана и профиля подразделяют мир и объединяют страны на основании географической, исторической, религиозной, национальной, экономической и иной общности.

Второй подсистемой межгосударственных отношений нужно считать торгово-экономическую, связанную с деятельностью официальных торговых представительств одной страны в другой, сотрудничеством государственных и полугосударственных экономических корпораций, фирм и компаний, а также участием в работе различ-

ных межгосударственных экономических торговых, финансовых, научно-инновационных организаций и форумов.

В третью подсистему можно выделить военно-техническое взаимодействие. С одной стороны, она вплотную соприкасается, а в определенном смысле является частью технико-экономического и научно-технического сотрудничества, а с другой, примыкает и совпадает с политико-дипломатической подсистемой. В особенности это происходит в периоды обострения отношений двух государств с третьими странами или общей (ряда стран) тревоги по поводу безопасности. Сюда же надо отнести и взаимодействие спецслужб по сбору информации, в том числе доверительной и тайной, а также действия по предупреждению угроз национальным интересам и борьбе с международной преступностью, терроризмом, некоторыми другими нетрадиционными, как принято ныне говорить, вызовами безопасности (морским пиратством, взломом компьютерных сетей и т. д.).

Четвертую подсистему составляет деятельность по обеспечению культурно-гуманитарных контактов. Она включает, прежде всего, консульскую службу как часть дипломатической, состоящей в защите интересов граждан страны, находящихся на территории другого государства. Кроме того, в нее входит развитие связей между организациями и деятелями культуры и науки двух и более государств, помощь в проведении совместных акций типа фестивалей, музейных экспозиций, гастролей артистов, обмена учеными и другими профессионалами и т. п. В многостороннем, да и двустороннем плане к гуманитарным относится проблема беженцев, а также борьба с торговлей наркотиками, нарушениями прав человека путем обмана, насилия и т. д. При этом она соприкасается с третьей подсистемой через сотрудничество спецслужб.

Список литературы

- Алексеева Т.А.* Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 1 (14), 2014, с. 4–21.
- Белокреницкий В.Я.* Восток в мирополитических процессах. М.: ИВ РАН. Крафт+, 2010.

- Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект пресс, 2011.
- Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: РОССПЭН, 2002.
- Лебедева М.М.* Мировая политика. М.: Кнорус, 2011.
- Медяков А.С.* История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007.
- Системная история международных отношений в четырех томах 1918–2000 / Под ред. А.Д. Богатурова. Том третий. М.: НОФМО, 2003. Современные глобальные проблемы мировой политики. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект пресс, 2009.
- Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений. М.: Аспект пресс, 2008.
- Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.
- Brzezinski Zb.* Game Plan. A Geostrategic Framework for the Conduct of the US-Soviet Contest. Boston, 1986.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. L.: Penguin Books, 1992.
- Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Touchstone, 1997.
- Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ИСЛАМСКОГО МИРА*

Современную демографическую историю, т. е. период после окончания Второй мировой войны, можно разделить на три этапа — бурного увеличения населения в мире вообще и особенно в слаборазвитом, развивающемся ареале (конец 1940-х — начало 1970-х годов); замедления темпов роста как в развитых странах, так и в развивающихся (1970–80-е годы); дальнейшее падения темпов роста и даже сокращение населения в развитых странах и регионах и снижение скорости увеличения численности в менее развитых ареалах (1990–2000-е годы)¹.

Исламские страны (т. е. такие, где большинство или примерно половина населения — мусульмане) демонстрировали на первом этапе быстрые темпы прироста народонаселения, однако этот факт не привлекал к себе внимания на фоне послевоенного «бэби-бума» в США, менее выраженного, но сходного процесса в европейских государствах, а также стабильных темпов увеличения численности населения в СССР. Кроме того, мусульманские страны не выделялись из общей группы развивающихся государств, для которых была характерна исключительно высокая демографическая динамика.

Это явление, получившее название «демографический взрыв» или «взрыв популяционной бомбы», объяснялось двумя факторами — снижением смертности под влиянием прогресса в медицине и здравоохранении (введением препаратов пенициллиновой группы, использованием порошка ДДТ для борьбы с малярией, применением вакцин против заразных заболеваний и др.) и сохранением на прежнем, традиционно высоком уровне рождаемости при постепенном снижении младенческой и детской смертности².

Демографические темпы роста в мире достигли максимума в 1962–1963 гг., после чего началось их плавное падение. Вместе

* Исламский фактор в истории и современности. Институт востоковедения РАН / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульченко. Грант РГНФ № 10-01-16039д. М.: Восточная литература, 2011, с. 47–65.

с тем абсолютный прирост населения земного шара продолжал нарастать, увеличившись с 60–70 млн в год в начале 1960-х до 80–90 млн человек в конце 1980-х годов³.

В условиях быстрого демографического роста менее развитые государства уже в 1950-е годы стали проводить политику планирования семьи, ограничения рождаемости. Такого рода меры одобрялись практически всеми государствами, в том числе такими демографическими гигантами, как Китай и Индия, а также многими мусульманскими — в частности, Египтом, Пакистаном, Индонезией и др.

Волна исламизации, поднявшаяся в конце 1970-х годов, внесла коррективы в эти тенденции. Политике планирования семьи в ряде исламских государств, в частности в Исламской республике Иран, перестали уделять серьезное внимание, хотя и открыто пронаталистского курса не проводили. «Отец» исламского Ирана имам Хомейни известен как один из первых религиозных авторитетов, не возражавших против применения современных методов контрацепции⁴. Между тем молодая структура населения и без специальных мер государственного воздействия подняла рождаемость в том же Иране на исключительно высокий уровень — среднегодовые темпы прироста населения между 1980 и 1990 гг. достигли небывалых 3,5%⁵.

В Пакистане с конца 1970-х годов в связи с проведением кампании по исламизации власти по существу отказались от мер по поощрению ограничения рождаемости. Похожим образом поступили многие другие режимы в мусульманских странах.

На третьем, текущем этапе послевоенной демографической эволюции (с рубежа 1980–1990-х годов) происходит возрождение государственной поддержки программ по планированию семьи. А поощрение рождаемости в исламском ареале по большей части «опускается» с государственного уровня на общественный. Главную роль в пронаталистском курсе играют теперь представители сословия мусульманских богословов и священнослужителей (*улемы* и *муллы*), заинтересованные в сохранении традиционного сознания масс, неизменности семейно-бытовых установлений, прежде всего обычаев раннего и всеобщего замужества, в том числе выхода замуж вдов, традиций большой патриархальной семьи, малограмотности и узкого кругозора женщин. Традиционалистски настроенные круги опираются на поддержку политических и общественных организаций исламского направления, стремясь не допустить изменений в общественном сознании и структуре семейных отношений.

Факторы такого рода можно отнести к числу специфических для исламского мира.

В то же время среди мусульманских священнослужителей нет единого подхода к вопросам рождаемости и многодетности. Так, на состоявшейся в 1996 г. в Каирском исламском университете аль-Азхар конференции представители духовенства (сословия богословов) из 40 мусульманских стран приняли «Свод исламских правил планирования семьи». В нем, в частности, легализовалась практика применения современных средств контрацепции⁶. Надо, впрочем, принимать во внимание давнюю репутацию университета Аль-Азхар как проводника умеренной, либеральной линии в исламе, а также то, что Египет, раньше других столкнувшийся с проблемой перенаселения, одним из первых в арабо-мусульманском мире вступил на путь поощрения мер по сокращению рождаемости⁷.

И все же демографический потенциал мусульманского мира во второй половине прошлого и начале нынешнего столетия стремительно увеличивался. В связи с этим развернулись оживленные дебаты вокруг «исламской демографической бомбы». В периодических изданиях и на интернет-сайтах ныне публикуется немало аналитических и публицистических статей, посвященных этому феномену. Чтобы разобраться в нем и конкретнее представить себе демографическое будущее исламского мира необходимо, очевидно, дезинтегрировать относящиеся к нему данные по странам и регионам.

Исламские ареалы

Группирование мусульманских стран в территориально близкие регионы представляет собой эвристическую задачу, а ее решение не может считаться единственно возможным. Вместе с тем при неизбежной условности ряда выделенных в данной статье регионов основная их часть вполне привычна и определяется давно сложившимся геокультурным и геополитическим единством. При этом к мусульманским странам, как выше уже оговаривалось, мы отнесли такие, где доля мусульман на начало 2000-х годов превышала 45%, полагая, что в достаточно близком будущем она превысит в большинстве случаев половину.

Первый из выделенных нами ареалов — Центральная Азия. В него вошли пять новых постсоветских государств Закаспия и Азербайджан, располагающийся на западном берегу Каспийского моря. Из табл. 1 следует, что в середине XX в. население этого по преимуществу мусульманского ареала (единственное исключение

на тот момент — Казахстан) составляло в соответствии с данными Отдела народонаселения ООН 20,3 млн человек. За полвека число жителей выросло более чем втрое (среднегодовой прирост 2,3%). Особенно быстрым был рост населения в Таджикистане, Узбекистане и Туркмении (примерно в четыре раза, на уровне близком к 3% в год). Удельный вес региона в общемировом населении за 1950–2000 гг. вырос с 0,8 до 1,0%. Согласно прогнозным оценкам ООН (средний вариант), население к 2030 г. увеличится на 20 млн человек, а к 2050 г. всего на 5 млн. Это означает резкое снижение демографической динамики — среднегодовой прирост за 2000–2050 гг. должен составить всего 0,7%. Особенно медленно, как предполагается, будет расти население в Азербайджане и Казахстане. Место региона на демографической карте мира немного уменьшится.

Таблица 1

Центральная Азия*

Страны	%	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн человек				
Азербайджан	93	2,9	8,1	8,9	10,3	10,6
Казахстан	47	6,7	15,0	15,8	17,2	17,9
Кыргызстан	80	1,7	5,0	5,6	6,5	6,9
Таджикистан	95	1,5	6,2	7,1	9,6	11,1
Туркменистан	89	1,2	4,5	5,2	6,3	6,8
Узбекистан	88	6,3	24,8	27,8	33,9	36,4
Итого:		20,3	63,6	70,4	83,8	89,7

* Составлено по: Christian and Muslim Demographics: Facts and Maps. PDF 2 June 2007; <http://eau.un.org/unpp>.

Следующий регион составили четыре страны, расположенные в средне-западной части Азии. Самым западным государством в этом широтном ярусе является Турция (часть ее территории принадлежит европейскому континенту), а самым восточным — Пакистан. В середине прошлого века численность жителей в регионе равнялась примерно 133 млн, а в конце столетия она увеличилась до 302 млн (см. табл. 2), т. е. в 2,3 раза (среднегодовой прирост — около 1,7%). Наиболее быстро, в четыре раза, возросло число жителей Ирана, в 3,6 раза увеличилось пакистанское население. В Турции, согласно принятым демографами ООН оценкам, численность жителей выросла ровно втрое, а в Афганистане — в 2,5 раза. Нужно заметить,

что цифры за 1950 г. не являются единственными, встречаются и другие данные, по Пакистану— более низкие, а по Ирану — более высокие. Доля региона в мировом населении несколько уменьшилась за вторую половину прошлого столетия — с 5,2 до 4,9%.

Однако по прогнозу на первую половину нынешнего столетия демографический потенциал региона в мировом масштабе будет возрастать: к 2030 г. — до 6%, а к 2050 г. до 6,6%. Общее население Средне-Западной Азии (СЗА) увеличится вдвое (прирост 1,4% в год). Особенно быстро должно возрасти число жителей Пакистана — в 2,2 раза (1,7% среднегодового роста). Величина пакистанского населения к 2030 г. почти сравняется с числом жителей в Индонезии, а в 2050 г. страна перейдет с нынешнего 6-го на 4-е место в мире по демографическим показателям. Еще более высокие темпы в среднем прогнозе ООН покажет Афганистан — увеличение в 3,6 раза, при среднегодовых темпах в 2,6%. Население Ирана и Турции, почти одинаковое по величине, должно расти, напротив, существенно медленнее, особенно в 2030–2050 гг.

Таблица 2

Средне-Западная Азия*

Страны	%	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн человек				
Афганистан	100	8,1	20,5	29,1	50,7	74,0
Иран	98	16,9	66,9	75,1	89,9	97,0
Пакистан	97	41,2	148,1	184,8	265,7	335,2
Турция	99	21,5	66,5	75,7	90,4	97,4
Итого		87,7	302,0	364,7	496,7	603,6

* Составлено по: Christian and Muslim Demographics: Facts and Maps. PDF 2 June 2007; <http://eau.un.org/unpp>.

Пять мусульманских стран Южной и Юго-Восточной Азии сильно разнятся по масштабам. Доминируют Индонезия и Бангладеш, среднюю позицию занимает Малайзия, а Бруней и Мальдивы представляют собой островки в людском океане. Из данных табл. 3 видно, что в 1950 г. этот населенный преимущественно мусульманами ареал был достаточно крупным, а к 2000 г., увеличившись втрое, превысил почти на 70 млн человек Средне-Западную Азию. Согласно среднему варианту прогноза, к середине XXI в. там будет

проживать около 550 млн человек. Предполагается, таким образом, что рост будет менее быстрым, чем в СЗА (чуть ниже 0,8% в год), что приведет к небольшому снижению удельного веса региона в мировом населении — с 6,1 до 6,0%. Решающее значение на эти тенденции оказывает демографическое развитие Индонезии (прирост 0,7% в год) и Бангладеш (0,9%). Население Малайзии (более чем на треть немусульманское) должно увеличиваться быстрее (1,1%).

Таблица 3

Южная и Юго-Восточная Азия*

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн человек				
Бангладеш	88	43,6	140,8	164,4	203,2	222,5
Бруней	67	0,05	0,3	0,4	0,6	0,7
Индонезия	88	77,2	205,3	232,5	271,5	288,1
Малайзия	60	6,1	23,3	27,9	35,3	39,7
Мальдивы	100	0,05	0,3	0,3	0,4	0,5
Итого		127,0	370,0	425,5	511,0	551,5

* Составлено по: Christian and Muslim Demographics: Facts and Maps. PDF 2 June 2007; <http://eau.un.org/unpp>.

Наиболее многочисленным по составу является регион Юго-Западной Азии (ЮЗА) — 12 государств и территорий. В нем нет явного демографического лидера или лидеров. Население всех государств — арабское. Ареал является сердцем исламского мира, концентрируясь вокруг аравийских святынь, Мекки и Медины. В середине XX в. это был малонаселенный регион с 20 млн жителей (0,8% мирового населения). К 2000 г. число жителей увеличилось в пять раз до 100 млн, а удельный вес в мире вдвое (1,6%). Быстрыми темпами росло число жителей в религиозном магните региона, Саудовской Аравии, — в 6,5 раза. Население Иордании увеличилось в 10 раз. Но абсолютный рекорд побили небольшие государства Залива — численность граждан Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) увеличилась в 46 раз, Кувейта в 11, Катара — в 10 раз.

В первой половине XXI в. население региона продолжит быстрый рост, но замедляющимися темпами. К 2030 г. число жителей ЮЗА приблизится к 200 млн, а к середине века — к 250 млн человек. Темпы роста за пятидесятилетний период будут достаточно высоки (1,8% в год), но почти вдвое ниже, чем в предыдущее пя-

тидесятилетие (3,3%). Доля региона в населении планеты возрастет почти до 3%. Причем рекордсменами демографического роста окажутся наиболее бедные страны — Ирак, чье население вырастет до 64 млн, и Йемен — до 54 млн человек. Средними по количеству жителей странами мира станут также Саудовская Аравия (44 млн) и Сирия (37 млн человек).

Пятый регион включает восемь государств северо-востока и востока Африки. Исторически он был тесно связан с Юго-Западной Азией, составляя с ней по существу единое культурно-религиозное пространство, зону воздействия арабского центра ислама на африканскую периферию. В мусульманский регион Восточной Африки нами включена и Эфиопия, традиционный оплот восточного христианства на африканском континенте.

Таблица 4

Юго-Западная Азия

Страны	%	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн человек				
Бахрейн	98	0,1	0,7	0,8	1 1	1,3
Ирак	97	5,7	24,6	31,5	48,9	64,0
Иордания	95	0,5	4,9	6,5	8,6	10,2
Йемен	99	4,3	18,2	24,3	39,4	53,7
Катар	95	0,05	0,6	1,5	2,0	2,3
Кувейт	95	0,2	2,2	3,0	4,3	5,2
Ливан	70	1,4	3,8	4,3	4,9	5,0
Палестинские территории	99	1,0	3,2	4,4	7,3	10,3
ОАЭ	96	0,05	3,2	4,7	6,6	8,3
Оман	99	0,5	2,4	2,9	4,1	4,9
Саудовская Аравия	97	3,2	20,8	26,2	36,6	43,7
Сирия	88	3,5	16,5	22,5	30,6	36,9
Итого		20,5	101,1	132,6	194,4	245,8

* Составлено по: Christian and Muslim Demographics: Facts and Maps. PDF 2 June 2007; <http://eau.un.org/unpp>.

К началу XXI столетия страна с точки зрения религиозного состава населения оказалась поделена надвое между христианами и мусульманами. Отнесение Эфиопии к региону произведено с учетом достаточно быстрого увеличения там доли мусульман, которая к концу прогнозного периода почти наверняка превысит половину⁸.

Как следует из данных табл. 5, население Восточной Африки в середине прошлого века равнялось 60 млн человек (2,4% мирового). За вторую половину столетия оно увеличилось в 3,6 раза, достигнув почти 220 млн. Численность жителей в главной стране региона — Египте росла несколько медленнее, очевидно под воздействием государственной политики планирования семьи (в 3,3 раза, на 2,4% в год). Более высокими темпами увеличивалось количество жителей Судана, но разброс в темпах естественного движения населения по странам был в целом невелик.

Средний вариант прогноза по региону свидетельствует о сохраняющихся потенциях высокого роста: к 2030 г. население должно превзойти планку в 400 млн, а к 2050 г. — в 500 млн человек. Увеличиваясь в среднем на 1,8% в год, восточноафриканский мусульманский ареал почти догонит ареал Южной и Юго-Восточной Азии, отставая от него в 1950 г. более чем вдвое. Доля региона в планетарном населении последовательно возросла с 2,4% в 1950 г. до 3,5% в 2000 г., а в 2030 г. составит 4,9%, в 2050 г. — 5,7%. При этом скорость увеличения численности египтян должна замедлиться до 1,2% в среднем в год, но это замедление куда менее значительно, чем в случае с Турцией и Ираном, которые примерно равны по величине населения с Египтом в 2000 и 2010 гг. Повышенными для региона темпами будет возрастать численность жителей в самых бедных и крупных государствах — Судане и Эфиопии (в последней почти на 2% в среднем в год). Если прогноз ООН оправдается, эта мусульmano-христианская страна превратится в одну из самых населенных в мире. Вместе с похожим по конфессиональной структуре Суданом она образует смежный ареал более чем в 250 млн человек, а с Сомали почти 300 млн. В то же время рекордно высокими для региона являются как оценочные, так и прогнозные данные по полумусульманской Танзании.

Таблица 5

Восточная Африка*

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн человек				
Джибути	94	0,05	0,7	0,9	1,2	1,5
Египет	94	21,5	70,1	84,5	110,9	129,5
Коморские острова	98	0,2	0,6	0,7	1,0	1,2
Сомали	100	2,3	7,4	9,4	15,7	23,5
Судан	65	9,2	34,9	43,2	61,0	75,9
Танзания	45	7,7	34,1	45,0	75,5	109,5
Эритрея	48	1,1	3,7	5,2	8,1	10,8
Эфиопия	48	18,4	65,5	85,0	131,6	173,8
Итого		60,2	217,0	273,9	405,0	525,6

* Составлено по: Christian and Muslim Demographics: Facts and Maps. PDF 2 June 2007; <http://eau.un.org/unpp>.

Северная Африка является регионом существенно более однородным по религиозному составу населения. От Ливии до Западной Сахары, находящейся под управлением Марокко, его в основном населяют мусульмане арабо-берберского происхождения. За вторую половину XX в. число жителей в ареале увеличилось в 3,3 раза (см. табл. 6). По среднему прогнозу ООН, в текущем столетии темпы будут вдвое ниже, в среднем 0,9% в год, а между 2030 и 2050 гг. — только 0,5%. В мировом населении доля региона, повысившись с 0,9 до 1,3% между 1950 и 2000 гг., должна в дальнейшем сохраниться без изменений, что говорит о совпадении регионального демографического развития с общемировым. Самые высокие темпы роста в прошлом веке наблюдались в наименее населенных Западной Сахаре и Ливии, а наиболее низкие — в Тунисе.

Таблица 6

Северная Африка*

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн человек				
Алжир	99	8,8	30,5	35,4	44,7	49,6
Западная Сахара	100	0,05	0,3	0,5	0,8	0,9
Мавритания	100	0,7	2,6	3,4	4,8	6,1
Ливия	97	1,0	5,3	6,5	8,5	9,8
Марокко	99	9,0	28,8	32,3	39,3	42,6
Тунис	99	3,5	9,5	10,4	12,1	12,7
Итого		23,01	77,0	88,5	110,2	121,7

* Составлено по: Christian and Muslim Demographics: Facts and Maps. PDF 2 June 2007; <http://eau.un.org/unpp>.

Последний из выделенных здесь мусульманских регионов тоже африканский. Он состоит из десяти западно-и центрально-африканских стран, исламизация которых шла в основном через Северную Африку, начавшись после завоевания ее арабами в VII в. и существенно усилившись на рубеже двух тысячелетий⁹. Общее число жителей региона в середине XX в. не превышало 60 млн, а в конце века вплотную приблизилось к 200 млн человек (см. табл. 7). Прогноз Отдела народонаселения ООН состоит в том, что среднегодовые темпы прироста в XXI в., скорее всего, немного сократятся, с 2,4 до 2,0%. Это не помешает возникновению исключительно крупного демографически (5,6% жителей планеты в 2050 г.) и обширного географически по преимуществу мусульманского ареала. Особенно будет выделяться своей численностью бывший «невольничий берег» — Нигерия (почти 300 млн). Мусульмане там, впрочем, составляют лишь половину населения, как и в Буркина-Фасо, Гвинее-Бисау, Сьерра-Леоне и Чаде.

Интересно, что устойчивой корреляции между процентом мусульман и темпами демографического роста этих африканских государств между 1950 и 2000 гг. в целом не наблюдается, хотя в полумусульманской Гвинее-Бисау увеличение численности жи-

телей происходило существенно медленнее, чем в соседней почти полностью мусульманской Гвинее. В Нигере темпы были несколько выше, чем в Нигерии, зато в мусульманском Мали они уступали показателям Буркина-Фасо и Чада.

Таблица 7

Западная и Центральная Африка *

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн человек				
Буркина-Фасо	55	4,1	11,7	16,3	27,9	40,8
Гамбия	95	0,3	1,3	1,8	2,7	3,8
Гвинея	85	2,6	8,4	10,3	16,9	24,0
Гвинея-Бисау	45	0,5	1,3	1,7	2,5	3,6
Мали	90	4,3	10,5	13,3	20,5	28,3
Нигер	95	2,5	11,0	15,9	32,6	58,2
Нигерия	50	36,7	124,8	158,3	226,7	289,1
Сенегал	95	2,4	9,9	12,9	19,5	26,1
Сьерра-Леоне	60	1,9	4,2	5,8	8,9	12,4
Чад	54	2,4	8,4	11,5	19,0	27,8
Итого		57,7	191,5	247,8	377,2	514,1

* Составлено по: Christian and Muslim Demographics: Facts and Maps. PDF 2 June 2007; <http://eau.un.org/unpp>.

Данные о семи мусульманских регионах сведены в табл. 8. Из нее видно, что в середине прошлого столетия в них проживало около 18% населения планеты. К последнему году XX в. доля регионов выросла до 22%. Согласно среднему варианту прогноза ООН, ее увеличение продолжится: 23% — в 2010, 26% — в 2030 и 29% — в 2050 г. Таким образом, за столетие может произойти рост удельного веса населения стран и регионов с исламским большинством с менее 20 до почти 30%.

Таблица 8

Мусульманские ареалы*

Регионы	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
	млн.человек				
Центральная Азия	20,3	63,6	70,4	83,8	89,7
Средне-Западная Азия	87,7	302,0	364,7	496,7	603,6
Южная и ЮгоВосточная Азия	127,0	370,0	425,5	511,0	551,0
Юго-Западная Азия	20,5	101,1	132,6	194,4	245,8
Восточная Африка	60,2	217,0	273,9	405,0	525,6
Северная Африка	23,0	77,0	88,5	110,2	121,7
Западная и Центральная Африка	57,7	191,5	247,8	377,2	514,1
Итого	441,4	1322,2	1603,4	2178,3	2652,5
Население мира	2529,0	6115,0	6908,0	8308,0	9150,0
Мусульманские ареалы, %	17,5	21,6	23,2	26,2	29,0

* Составлено по: Christian and Muslim Demographics: Facts and Maps. PDF 2 June 2007; <http://eau.un.org/unpp>.

Характеризуя демографическую динамику исламского мира, необходимо обратить внимание на значительное число немусульман среди жителей выделенных регионов. Особенно значительно оно в Западной и Центральной Африке, а также в Восточной Африке. Только в этих ареалах немусульман в 2000 г. было почти 125 млн. Вместе с отдельными странами в других регионах (Казахстаном и Малайзией) количество немусульман превосходило 140 млн человек, или 11% населения. Но если подсчитать общее число мусульман в мире на 2000 г., то к получаемой за вычетом немусульман, проживающих в исламских ареалах, цифре в 1182 млн нужно прибавить около 15 млн мусульман в России, примерно столько же в Европе, где лидирует Франция (6 млн) и балканские страны, прежде всего Албания. Небольшое число мусульман живет в Новом свете, прежде всего в США.

Существенно пополняется общее число мусульман за счет Индии, где по данным переписи 2001 г. их доля равнялась 13,4%, а числен-

ность составляла 140 млн человек. Серьезно разнятся оценки количества мусульман в Китае. По используемым в этой статье данным ООН, их доля равна 1,5%, а численность около 20 млн человек. Однако есть и более высокие оценки в 60 и даже 90 миллионов. Отметая эти крайности, сделаем вывод, что вне мусульманского ареала в конце XX в. насчитывалось около 200 млн последователей пророка Мухаммада, а общая их численность приближалась к 1,4 млрд, человек, равняясь примерно 23% мирового населения.

Факторы ускоренного роста

Повторим, что приведенные данные свидетельствуют о заметном увеличении мусульманского «клина» в демографическом поле современного мира. В чем базовые причины этого явления? Прежде всего, очевидно, в том, что большинство мусульманских стран и регионов относится к числу менее богатых и индустриально развитых, более аграрных и традиционных. Этими общими характеристиками объясняются, как правило, различия между поступательными темпами естественного движения населения в более продвинутых с социально-экономической точки зрения и в отстающих районах на современном этапе истории. Традиционность, граничащая иногда с глубокой отсталостью, примитивностью, создает общий фон, способствующий сохранению высокой рождаемости, которая при снижающейся смертности в основном за счет внешнего воздействия в виде применения достижений медицины и здравоохранения и служит главной причиной «ножниц» между смертностью и рождаемостью¹⁰.

При этом нужно согласиться с тем, что каких-то особых исламских моделей регулирования рождаемости и отношения к репродуктивному поведению в устойчивом и значимом виде не наблюдается¹¹. Предписания ислама как религии на этот счет совпадают с ограничителями и нормами, вводимыми иными религиозными системами, в частности христианством, а также индуизмом, буддизмом, китайскими и другими народными верованиями, образующими корпус правил и обычаев, регламентирующий отношение к деторождению. А потому базовая причина ускоренного роста состоит, по всей видимости, в особом характере исламского микрообщества с его гендерной иерархией, т. е. подчиненным положением женщины в семье и более широком кровнородственном сообществе.

Зависимое положение женщин отличает, без сомнения, и иные, не только исламизированные традиционные общества. Известно также, что ислам на заре своего существования способствовал закреплению за женщинами определенных прав в плане наследования и возлагал на мужчин моральные обязательства по заботе о женщинах. Вместе с тем в отличие от таких религий, как иудаизм, христианство, индуизм, буддизм, ислам санкционирует полигамию, облегчает для мужчин процедуру развода и закрепляет за отцом в таком случае преимущественное право на воспитание детей¹².

К этому надо добавить ориентированность на всемерное расширение исламской культурно-религиозной среды. Помимо прозелитизма, она проявляется в обычае мусульман брать в жены немусульманок с обязательным принятием ими ислама и воспитание детей от таких браков в мусульманской вере.

В увеличении численности последователей пророка Мухаммада с самого начала присутствовал и сильный политический компонент.

Представители других религий, как известно, облагались мусульманскими правителями специальным налогом-данью (*джизией*), их переход в ислам поощрялся властями.

Ускоренный рост количества мусульман по сравнению с расово-этнически и социально-культурно близким ему немусульманским населением можно проиллюстрировать многими примерами. Весьма наглядно он выявляется, если взять данные по Южной Азии в границах колониальной Индии. Доля мусульман среди ее населения в 1870 — 1880-х годах не превышала 20%, к началу XX в. она перевалила одну пятую, а по переписи 1941 г. достигла 25%. К началу нынешнего столетия суммарное мусульманское население Индии, Пакистана и Бангладеш составляло уже 31%, а к 2050 г., при сохранении текущих тенденций, должно приблизиться к 45%. При этом удельный вес мусульман в Республике Индия, согласно переписи 1951 г., едва превышал 10%, а по переписи 2001 г. равнялся уже почти 14%. Нынешнее правительство Индии учредило специальный комитет по изучению социально-экономического и образовательного статуса мусульман с целью, в частности, выявления причин относительно более быстрого их роста. Комитет не пришел по этому вопросу к однозначным выводам, подчеркнув объективный и трудно корректируемый характер демографических процессов¹³.

Сочетание общих для традиционных развивающихся обществ и специфических факторов в общем виде, по-видимому, объясняет повышенную динамику роста мусульманского населения. При этом

многое зависит от конкретных стран и регионов, взаимодействия культурно-религиозных, социально-политических и эколого-экономических обстоятельств.

Прогнозируемая динамика

Так или иначе, но исламский мир в демографическом плане ожидает в наступившем веке, по всей видимости, дальнейший рост. При этом он внесет свой вклад в продолжающееся увеличение земного народонаселения, хотя, как уже отмечено, происходит оно будет медленнее, чем во второй половине XX в. (0,8% среднегодового прироста против 1,8%, см. табл. 8).

Основная масса нового пополнения людей (97%) придется на менее развитые регионы, самые бедные и недостаточно быстро развивающиеся (временами и деградирующие) страны. В середине текущего века в более развитых регионах будет проживать 1,27 млрд, а в менее развитых — 7,87 млрд человек¹⁴.

Численность населения в последних в начале XXI в. возрастет в шесть раз быстрее, чем в развитых, а в наименее развитых 49 странах почти в десять раз быстрее. Такого рода диспропорции приведут, с одной стороны, к почти неизменной величине жителей в 30 экономически развитых государствах, включая Россию (она увеличится лишь на 81 млн человек, да и то в основном, очевидно, за счет иммигрантов из менее развитых стран), а с другой, к разрастанию демографических масштабов отстающих в развитии государств и территорий с пяти до почти восьми млрд, человек.

В связи с тем, что ни одна мусульманская страна в соответствии с трактовкой, принятой для целей демографического прогноза ООН, не относится к развитому региону, отмеченные выше тренды в полной мере относятся к исламскому миру. Между тем показатели смертности по прогнозам ООН будут неуклонно снижаться и в менее развитых регионах, в том числе исламском. Несмотря на воздействие эпидемии ВИЧ/СПИДа смертность будет убывать во всех странах, включая наиболее страдающие от нее африканские. Заметим, кстати, что от этой эпидемии страдают главным образом южные, немусульманские страны континента.

Средняя продолжительность жизни (величина дожития при рождении, рассчитанная из существующих на данный момент коэффициентов смертности) будет практически универсально монотонно возрастать. Причем это коснется даже таких бедных плотно

населенных государств, как Бангладеш. Там уже в начале XXI в. средняя продолжительность жизни и мужчин, и женщин превысила 60 лет, а в ближайшие десятилетия должна подняться до ТО — 75 лет.

Снижение смертности вызовет постарение населения и новые крупные проблемы для менее развитых государств. Одновременно будет нарастать их демографический вес. Но возрастная пирамида и средний возраст жителей изменится в сторону превращения этих стран в более «солидные», с менее выраженным «молодежным горбом» (доли людей в возрасте 15–25 лет). Тому же будет содействовать прогнозируемое плавное снижение рождаемости в большинстве менее развитых государств, в том числе и мусульманских¹⁵.

В середине текущего столетия, по весьма правдоподобным прогнозам, доля мирового мусульманства должна будет составить 33%, т. е. мусульманином будет каждый третий житель планеты. Их общее число приблизится к 3 млрд, человек. К концу текущего столетия, т. е. к 2100 г., на фоне небольшого сокращения мирового населения доля мусульман может возрасти до 37%, а численность достигнет 3,3 млрд человек¹⁶.

Основными составляющими ускоренного роста исламского мира будут два процесса — замедленное по сравнению с другими частями человечества сокращение рождаемости и демографическая инерция, так называемый популяционный момент.

Заключение

Оценивая демографическое будущее исламского мира, необходимо учитывать вариативность прогнозов на длительную перспективу. Прогнозы Отдела народонаселения ООН, Бюро цензов США и других демографических организаций обычно состоят из целого спектра вероятностей, намечают наиболее низкие и высокие траектории, выявляя, как правило, средний вариант, считающийся самым надежным. Однако все прогностические оценки строятся на базе предположения о линейности грядущих явлений. Поэтому только если абстрагироваться от возможности нелинейных, турбулентных «возмущений» (скачков и катаклизмов), можно утверждать, что исламский мир продолжит наращивать свои абсолютные демографические параметры и удельный вес в мировом населении.

Оправдано ли считать эти тенденции тревожными для международного порядка и мирового развития? Представляется, что для этого нет оснований. Во-первых, потому что современный процесс

демографической эволюции не обходит исламский мир стороной. В мусульманских странах и сообществах происходит хотя и менее быстрое в целом, но неуклонное сокращение рождаемости. Измеряемая средним числом рождений на женщину в возрасте от 15 до 49 лет, она снизилась за последние четыре-пять десятилетий с 7–8 до 2–3 в таких странах, как Тунис, Алжир, Египет, Ливия, Марокко. По сравнению с 1975–1980 гг. в Иране число рождений к 2000–2005 гг. уменьшилось почти втрое. И в других мусульманских странах и регионах прослеживается пусть и не столь выраженная тенденция к определенному снижению.

Во-вторых, нужно учитывать раздробленность, разобщенность мира ислама, отсутствие в его составе явного лидера. Наличие многих центров притяжения, многополярность современной исламской цивилизации обостряет борьбу за лидирующие позиции, накладываясь на такие явные и скрытые противоречия, как соперничество суннитов и шиитов, арабов и неарабов, представителей соседствующих этносов, последователей различных сект и школ, сторонников разных идеологий и программ действий.

Наконец, в самом факте увеличения численности и удельного веса одной из существующих на земле мировых религий нет ничего необычного. На протяжении Нового времени по числу последователей в мире явно лидировали христиане, в первую очередь католики, сильнейшие позиции занимали представители китайских этнических верований, а также индуисты. В XX в. сотни миллионов причисляли себя к нерелигиозным людям. Изменения в структуре религиозной принадлежности населения мира не несут сами по себе чего-то априори негативного. Такой момент появляется лишь под действием сил, стремящихся разыграть карту «популяционной мощи».

Именно с этим связана идея «исламского наступления» и ответная задача его остановить. Очевидно, что и та и другая установка не учитывают сложной взаимосвязи между геодемографией и геополитикой. Демография составляет лишь фон, подоплеку политических процессов. Религиозно-демографический ресурс залегает «глубоко» и трудно поддается тотальной мобилизации.

Что касается региональных аспектов этноконфессионального ресурса, то он, безусловно, уже играет и будет в дальнейшем играть немаловажную роль в международно-политических процессах и конфликтах. Но и тут религиозная принадлежность остается одним из фоновых факторов далеко не решающего свойства.

Примечания

¹ Первый и второй этап демографического развития стран Азии выделил в свое время один из ведущих отечественных специалистов по демографии развивающихся стран Я.Н. Гузеватый (см. его книгу: Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980, с. 58–59). Он отмечал постоянно возрастающие темпы роста азиатского населения, среди которого лидировали мусульманские страны, по послевоенным десятилетиям — в 1940–1950 гг. население континента (без азиатской части СССР) возросло на 10%, в 1950–1960 — на 22%, в 1960–1970 гг. — на 25% (Трудовые ресурсы Востока. Демографо-экономические проблемы. М., 1987, с. 19).

² В современной историко-демографической литературе принято оперировать концепцией демографического перехода. В ней выделяются несколько этапов демографического развития. Первый из них — сочетание высокой рождаемости и смертности в традиционном обществе. Второй период, начавшись в ходе промышленной революции в Европе в XVIII в., затем распространился по всему миру в ходе модернизации неевропейских обществ. Его суть в снижении смертности за счет достижений социального и научно-технического характера при сохранении рождаемости на высоком уровне. Именно этот этап и соответствует взрывному процессу увеличения народонаселения. Третий период характеризуется сокращением рождаемости и снижением показателей демографического роста. Он означает завершение перехода от традиционно высоких показателей рождаемости и смертности к современному низкому. Четвертый этап наступает с ростом смертности вследствие старения населения и может вызвать замедление увеличения численности людей и ее сокращение (см., напр.: *Акимов А.В.* 2300 год: глобальные проблемы и Россия. М., 2008, с. 16–17).

³ World Population Growth Rate 1950–2050, Annual World Population Change (www.census.gov/ftp/pub/ipc/www/worldgr.gif).

⁴ *Шумилин А.* Демографической катастрофы не будет // Независимая газета. 21.05.1996.

⁵ Iran. Demographic Indicators: 1998 and 2010 (www.census.gov/irandemo.htm).

⁶ *Шумилин А.* Демократической катастрофы не будет. «Сенсационность» принятых в 1996 г. решений снижается, если учесть, что каирский шейх (духовный лидер местных мусульман) еще в 1937 г., а затем в 1953 г. разрешил пользоваться противозачаточными средствами, планировать семью «из-за высокого естественного прироста и падения дохода на душу населения». Мусульманские международные форумы и в дальнейшем не раз обращались к вопросам регулирования рождаемости. В 1971 г. в Рабате (Марокко) была проведена специальная конференция по планированию семьи, одобрявшая применение «безвредных и узаконенных контрацепти-

вов». *Сиверцева Т.Ф.* Семья в развивающихся странах Востока. М., 1985, с. 113, 114.

⁷ *Сиверцева Т.Ф.* Семья в развивающихся странах Востока, с. 128.

⁸ *Крылов А.* Эфиопия: древняя христианская страна быстро исламизируется // Независимая газета. 01,04,2009.

⁹ Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 1. М., 2002, с. 113–156.

¹⁰ Отмеченная выше книга Т.Ф. Сиверцевой — одна из немногих выполненных советскими демографами работ, где значительное место уделялось выявившимся к 1980-м годам особенностям влияния традиций и религий на семью и демографическое поведение в странах Востока. В традиционном варианте, пишет она, все религиозные системы не способствуют планированию семьи, но особенно поощряется многодетность в ареалах мусульманского вероисповедания (*Сиверцева Т.Ф.* Семья в развивающихся странах Востока, с. 114–115).

¹¹ *Karim M.S.* Islamic Teachings on Reproductive Health and Fertility Transition in Muslim-Majority Countries. Aga Khan University (mehtab.karim@aku.edu). Утверждения профессора Университета им. Ага Хана М.С. Карима об отсутствии каких-либо специфически исламских норм регулирования репродуктивного поведения согласуются с замечаниями Т.Ф. Сиверцевой, что традиционные средства регулирования рождаемости известны мусульманам давно, хотя распространения не получили; столь же мало отличается от установок других религиозных систем и отношение ислама к абортам (с. 113).

¹² Подробнее об этом см.: *Сиверцева Т.Ф.* Семья в развивающихся странах Востока, с. 17, 80–81, 113–115.

¹³ The Muslim Demography Of India: Sachar Committee Report (www.unirix.com).

¹⁴ Population. Medium variant 1950–2050 (www.popin.org).

¹⁵ О неуклонном распространении практики применения средств ограничения рождаемости в менее развитых государствах и ареалах, в том числе мусульманских, убедительно свидетельствуют собранные Бюро ценов США данные о применении различных методов контрацепции, относящиеся к последним двум десятилетиям XX в. Global Population Profile 2002. U.S. Census Bureau, PDF, Table A-13, Percent of Currently Married Women Using Contraception by Method.

¹⁶ World Population Prospects. The “Islamic Bomb” (www.freeworldacademy.com)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОГО МИРА (ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ)*

Дебаты вокруг исламской демографической бомбы относятся к числу наиболее острых и актуальных для современного мирового общественного мнения. В периодических изданиях и на интернет-сайтах публикуется немало аналитических и публицистических статей, посвященных относительно недавно замеченному экспертным сообществом и неожиданно возникшему в массовом сознании феномену исключительно быстрого роста мусульман и их доли в глобальном населении.

На протяжении ряда десятилетий второй половины прошлого столетия наибольшее внимание в мире привлекала проблема демографического взрыва, быстрого роста населения менее развитых, бедных регионов, утраивающий вид приобрел образ «популяционной бомбы»¹. Всеобщее внимание к экспоненциальному демографическому росту привлекла Бухарестская всемирная конференция по демографии, состоявшаяся в 1974 г. Свою роль сыграли и знаменитые доклады Римского клуба, в основе которых лежало убеждение и рабочая гипотеза об исчерпаемости природных ресурсов и лимитах, пределах экономического роста².

Острота восприятия демографического бума в конце XX века дальнейшем несколько снизилась, т. к. исключительно быстрый рост мирового населения сменился более умеренным. Тенденции к снижению рождаемости, охватившее практически весь мир, а также увеличение урожайности основных сельскохозяйственных культур сняли былую остроту с вопроса о том, может ли планета прокормить растущее население. В начале XXI в. на передний план мирового

* Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013. Российская академия наук / Отв. ред. академик В.А. Тишков. М.: Наука, 2014, с. 245–257.

общественного мнения вышли проблемы загрязнения окружающей среды, потепления климата, возможной нехватки водных ресурсов и др, лишь косвенно связанные с глобальным демографическим ростом.

Но в той же последней трети прошлого века после Исламской революции в Иране, выпадов радикального исламизма в Египте и Сирии, исламизации в Пакистане и антисоветского джихада в Афганистане в мировом общественном мнении формируется осознание иного феномена, также связанного с демографическими процессами — стремительного увеличения абсолютной и относительной численности мусульман³.

Впрочем, на количество приверженцев той или иной религии и связанной с ней цивилизации стали обращать особое внимание лишь в начале 1990-х годов в существенной степени под влиянием выдвинутой С.П. Хантингтоном идеи столкновения цивилизаций и ее широкого обсуждения. При этом главное внимание привлек к себе тезис американского политолога о «кровавой бахром» современной исламской цивилизации⁴.

Несколько позже концепция Хантингтона обрела в его сочинениях и отчетливые демографические параметры в виде динамики не только самих размеров цивилизационных комплексов, но и их геополитической (державной и имперской) мощи⁵.

Другой демографический аспект международно-политической проблематики связан с миграциями населения, и при их рассмотрении на рубеже двух столетий и тысячелетий на первый план также вышел исламский момент — анализу и оценке подвергся прежде всего феномен переселения мусульман в Европу и связанные с ним проблемы.

Вслед за мировой литературой по международной проблематике ситуация изменилась и в мировой исторической науке. Без сомнения, демографическая история давно утвердилась в качестве важнейшей вспомогательной дисциплины в рамках изучения всемирной истории, однако внимание привлекали чаще всего общие закономерности роста народонаселения и его этнические, а также страновые аспекты. Большое внимание традиционно привлекал экономический базис и экономические закономерности увеличения численности людей, связанные с ним вопросы землепользования, обмена между городом и деревней, развития производительных сил и т. п.⁶

Возросшее внимание к политическим и религиозно-цивилизационным моментам в демографической проблематике было, повторим, во многом связано с феноменом осознания растущей мощи ислама и исламского мира на волне начавшегося в последней трети XX в. религиозного подъема охватившего многие страны и континенты, усиления религиозного сознания и политической роли религий, в первую очередь ислама.

Касаясь в данной статье демографической истории исламского мира, попытаемся охарактеризовать, помимо того, тенденции более быстрого роста мусульман во второй половине XX в. и начале XXI в., а также перспективы демографического будущего мусульманского населения и государств, принадлежащих к исламскому (исламизированному) культурно-политическому ареалу.

Исторические тенденции

Нелишне, наверное, подчеркнуть, что ретроспективные демографические оценки отличаются большой условностью. Оценки численности населения планеты, в том числе мусульманского, колеблются в широких пределах. За почти 15 столетий существования ислама, как мировой религии, его политический и демографический «домен» пережил ряд этапов взлетов и падений.

По ряду современных оценок, в эпоху Багдадского халифата (750–1258 гг.) в пределах исламского мира насчитывалось более 30 млн., максимум 50 млн человек, что составляло немногим более одной десятой мирового населения (11–13%)⁷. В последующие два века мировое мусульманство претерпело крупные демографические потери, вызванные набегами и разрушениями кочевников-монголов и наследников их власти в Иране и Средней Азии, а также тяжёлыми эпидемиями бубонной чумы и холеры.

Существенное влияние оказал также сдвиг торговых путей с суши на море и упадок земледельческой культуры при господстве степняков-кочевников⁸.

Доля мусульман в составе общемирового населения понизилась, но не слишком значительно, так как одновременно сократилась, согласно большинству оценок, и общая численность мирового населения, в частности европейского, испытавшего в середине XIV в. ужасы «черной смерти» (население земли на 1200 г. оценивалось в 360–450 млн, а на 1400 г. — в 350–374 млн)⁹.

Новый исламский подъем связан с возвышением Османского бейлика (государства тюрок-сельджуков в Малой Азии) и расширением границ их империи в XV-XVI вв. Османская империя распространила свою власть на значительную часть юго-восточной Европы, северной и северо-восточной Африки, западной и юго-западной Азии. Численность жителей в ее пределах на пике османского господства в 1500–1700 гг., демографы и экономисты определяли в 20–30 млн чел.¹⁰ При этом весь исламский мир, если иметь в виду страны и государства, находящиеся в подчинении у мусульманских правителей, был, разумеется, шире Османской империи. К нему относились шиитский Иран, Афганистан и Средняя Азия с общей численностью мусульман в их пределах порядка 10–15 млн человек, а также Могольская Индия, где мусульманское население составляло, исходя из ретроспективных оценок, около пятой части общего населения, следовательно, приблизительно 25–30 млн человек. Ислам распространился к тому времени на значительной части островной и полуостровной Юго-Восточной Азии и там, опять же на основе ретроспективной аналогии, проживало, по всей видимости, около 10–15 млн мусульман. Наконец, в Африке за пределами Османской империи насчитывалось, вероятно, еще не менее 20–25 млн. мусульман¹¹.

Таким образом, численность мусульман в течение 200 лет, судя по всему, варьировалась, медленно повышаясь, в пределах от 85 до 115 млн человек. Удельный вес мусульман в общемировом населении колебался в широких пределах 12–19%. Что же касается державного исламского ареала, то он был значительно шире, охватывая всю многонаселенную Индию, часть христианских районов Европы и районы распространения христианства и примитивных культур в Африке и Юго-Восточной Азии.

Последующие два века были периодом заметного сокращения размеров исламского мира как с точки зрения относительной численности приверженцев религии, так и с позиции мощи и влияния мусульманских держав. Отступление державной мощи мусульманских государств под натиском европейских в течение XVIII–XIX вв. было повсеместным, а численность мусульман росла медленнее, чем населения мира в целом. Во многом такое положение было следствием кризиса, который испытала традиционная экономика в пустынных, степных и гористых ареалах расселения мусульман. Сказался также завершившийся перенос основных путей мировой

торговли с суши на океан и утрата арабскими купцами былых позиций в индоокеанической системе торговли. Захваченная европейцами морская компонента обмена товарами, услугами и идеями отразилась на общем состоянии мусульманских сообществ, привела их к оттеснению и самоизоляции.

Своего демографического надира (низшей точки) мусульманский мир достиг на рубеже XVII–XIX веков. По данным переписи, проведенной во время вторжения войск Наполеона в Египет, там насчитывалось всего 2,5 млн человек¹². По скорректированным оценкам, население «страны Нила» в 1800 г. равнялось 3,5–4 млн, в когда-то многонаселенном Ираке (Месопотамии) проживало от 1 до 1,5 млн человек, на Аравийском полуострове — не более 5, в Иране — 6 млн, в Турции (Анатолии) — 9 млн, а во всей Османской империи — 24 млн чел.¹³

На протяжении XIX в. в исламском ареале наблюдался неравный, но в целом нарастающий экономический и демографический рост. Подключение Северной Африки, Ближнего Востока и южных районов Азии к более развитой европейской системе, расширение торговли между Европой и Азией создали предпосылки для начавшегося подъема. Если в середине XIX века число мусульман в мире, вероятно, лишь несколько превышало 100 млн человек, то в начале XX столетия оно было уже в два раз больше (при среднегодовых темпах прироста около 0,7%). На исламский мир, согласно наиболее распространенным оценкам, в 1900 г. приходилась примерно девятая часть человечества (11–13%), или 180–210 млн чел.¹⁴

Мусульманский мир в первой половине XX века продолжал испытывать давление со стороны более развитых государств Европы. По окончании Первой мировой войны распалась его главная опора и многовековой символ — Османская империя. На ее месте возникло национальное турецкое государство (в 1923 г. в Турции отменили султанат, а в следующем году — халифат). В соседней Персии на смену империи Каджаров пришла новая монархия Пехлеви, ориентирующаяся на глубокие исторические корни (с этим связано официальное переименование страны в 1927 г. в Иран).

Распад Османской империи позволил арабам активизировать борьбу за обретение национального суверенитета и добиться значительных успехов на этом пути уже в период между мировыми войнами. Среди мусульман Индии на этом историческом этапе боролись две тенденции — в поддержку общеиндийского национализма

и за создание отдельного государства для мусульман. Сторонники национализма на базе религиозной идентичности смогли в итоге расколоть страну и создать Пакистан, первую в истории исламскую республику. Это произошло уже после окончания Второй мировой войны, когда началось обвальное крушение колониальной системы, позволившее исламским народам обрести «второе дыхание». На Ближнем Востоке в первые послевоенные годы завершается формирование системы арабских государств. К востоку от него, помимо Пакистана, независимость обретает мусульманская Индонезия, а с некоторым временным лагом — Малайзия.

Однако темпы роста населения в исламском ареале в первой половине XX века все еще едва превышали мировые (1,1 против 0,9%). По ориентировочным оценкам, численность мусульман в мире составляла в 1950 г. 330–350 млн человек, или 13–14% мирового населения, ненамного больше, чем в начале века.

Убыстрение роста с середины XX в.

Во второй половине прошлого столетия в мире происходит демографический взрыв за счет стремительного роста населения в менее развитых регионах, к числу которых относился и исламский. О феномене демографического взрыва уже шла речь выше. Повторим, что он охватил практически весь ареал, населенный мусульманами (исключение составили мусульманские республики СССР). Наряду с экономическими факторами ускоренное увеличение численности мусульман объяснялось рядом культурно-цивилизационных, социальных особенностей.

К концу века численность мусульман оценивалась существенно более высоко, чем в его середине. По наиболее распространенным оценкам мусульманское население выросло до 1,2–1,35 млрд чел. Отсюда следует, что мусульманская община (всемирная *умма*) за 50 лет увеличилась примерно в четыре раза, при среднегодовых темпах прироста равных 2,6%. Доля мусульман в мировом населении в результате возросла округленно в два раза до 20–22%. Если в середине столетия каждый шестой-седьмой житель планеты (а тогда их было приблизительно 2,5 млрд) принадлежал по факту рождения и вере к последователям пророка Мухаммеда, то через пять десятилетий к ним принадлежал уже каждый четвертый-пятый из населяющих землю 6 млрд человек.

В 2009 г. американский исследовательский центр Пью определил численность мусульманского населения мира в 1,57 млрд чел., что составило 23% от почти 7-миллиардного числа жителей планеты. Проведенная с помощью более 50 экспертов оценка считается весьма авторитетной, хотя и она не лишена неточностей, неизбежных при оценке таких показателей, как численность религиозной общины¹⁵.

Отметим, что современный ускоренный демографический рост в мире охватывает весь период после окончания Второй мировой войны. Его можно разделить на три этапа — бурного увеличения населения в мире вообще и особенно в слаборазвитом, развивающемся ареале (конец 1940-х — начало 1970-х годов); замедления темпов роста в развитых регионах и сокращения ежегодного прироста в развивающихся (1970–80-е годы); падения темпов роста и сокращение населения ряда развитых стран и регионов; снижение скорости увеличения численности в большинстве менее развитых ареалов (1990–2000-е годы).

Мусульманские страны (т. е. такие, где большинство населения — мусульмане) демонстрировали на первом этапе быстрые темпы прироста народонаселения, однако этот факт не привлекал к себе внимание на фоне послевоенного бэби-бума в США, менее выраженного, но сходного процесса в европейских государствах, а также стабильных темпов увеличения численности населения в СССР. Кроме того, мусульманские страны не выделялись из общего «клина» развивающихся государств, для которых после Второй мировой войны стала характерной исключительно высокая демографическая динамика.

Такая динамика объяснялась, как хорошо известно, двумя разнонаправленными сдвигами — снижением смертности под влиянием прогресса в медицине и здравоохранении (введением препаратов пенициллиновой группы, использованием порошка ДДТ, применением вакцин против заразных заболеваний и т. п.), и сохранением на прежнем, традиционно высоком уровне рождаемости при постепенном снижении младенческой и детской смертности.

Бурный рост населения обеспокоил мировую общественность, которая в послевоенный период складывалась заново в условиях постепенного преодоления политико-идеологической разделенности мира на два лагеря и культурно-политического раскола на отживающие свой век метрополии и колонии.

Осознание общих проблем способствовало совместному их обсуждению на форумах, обязанных своим появлением прямо или косвенно Организации Объединенных Наций. Одним из крупнейших такого рода мероприятий была уже упоминавшаяся всемирная конференция ООН по народонаселению в Бухаресте в 1974 г.¹⁶ К тому времени было известно, что темпы прироста достигли максимума в 1962–63 гг. (2,3%) после чего началось их плавное падение. Вместе с тем, абсолютный прирост населения мира продолжал нарастать, увеличившись с 60–70 млн в начале 1960-х годов до почти 90 млн в конце 1980-х годов¹⁷.

Рекомендации Бухарестской конференции были достаточно жесткими и неоднозначно воспринимались в разных частях мира. Однако меры по планированию семьи одобрялись на первом послевоенном этапе практически всеми государствами, в том числе такими демографическими гигантами, как Китай и Индия, а также многими мусульманскими — в частности, Ираном и Пакистаном.

Волна исламизации, поднявшаяся в конце 1970-х годов, внесла коррективы в эти тенденции. Режим имама Хомейни в Иране проводил в 1980-х годах, во время кровопролитной войны с Ираком, открыто пронаталистскую политику. В результате рождаемость там вышла на исключительно высокий уровень, а среднегодовые темпы прироста населения в 1987/88 г. достигли 3,9%¹⁸. Власти соседнего с Ираном исламского Пакистана по существу отказались от мер по поощрению ограничения рождаемости. Похожим образом поступили многие другие режимы в мусульманских странах.

На третьем, текущем этапе послевоенной демографической эволюции (с рубежа 1980–90-х годов) поощрение рождаемости в исламском ареале по большей части «спускается» с государственного уровня на общественный, хотя и государство нередко ее поддерживает. Главную роль в пронаталистском курсе играют теперь представители сословия мусульманских богословов и священнослужителей (*улемов* и *мулл*), заинтересованные в сохранении традиционного сознания масс, неизменности семейно-бытовых установлений, прежде всего обычаев раннего и всеобщего замужества, в том числе выхода замуж вдов, традиций большой патриархальной семьи, малой грамотности и узкого кругозора женщин. Такие факторы можно отнести к числу специфических для исламского мира.

В то же время их трудно иногда отделить от общих для менее развитых регионов черт хозяйства и уклада жизни — преоблада-

ния в составе населения сельских жителей, глубокой бедности и нищеты численно преобладающих слоев и классов как деревенского, так и сельско-городского общества. Такие условия существовали в Китае и Индии, большинстве стран Юго-Восточной Азии и Тропической Африки.

Вместе с тем, исламские страны неизменно оказывались среди лидеров демографического роста. При этом нужно согласиться с тем, что каких-то особых исламских моделей регулирования рождаемости и отношения к репродуктивному поведению нет¹⁹, а базовая причина ускоренного роста состоит, видимо, прежде всего в специфическом характере исламского микрообщества с его гендерной иерархией, подчиненным положением женщины в семье. Зависимое положение женщин отличает, без сомнения, и иные в культурно-цивилизационном отношении традиционные общества. Известно также, что ислам способствовал закреплению за женщинами определенных прав в плане наследования и возлагал на мужчин моральные обязательства по заботе за женщинами. Вместе с тем, в отличие от таких христианства, индуизма и буддизма, ислам санкционировал полигамию, облегчал для мужчин процедуру развода и закреплял за отцом преимущественное право на воспитание детей после развода.

К этому надо добавить ориентированность на всемерное расширение исламской культурно-религиозной среды. Помимо прозелитизма, она проявляется в обычае мусульман брать в жены немусульманок по происхождению с обязательным принятием ими ислама как условия выхода замуж и воспитание детей от таких браков в мусульманской вере.

В увеличении численности последователей пророка Мухаммеда с самого начала присутствовал и сильный политический компонент. Немусульмане, как известно, облагались исламскими правителями специальным налогом-данью (*джизией*), их переход в ислам поощрялся властями.

Ускоренный рост мусульман по сравнению с расово-этнически и социально-культурно близким ему немусульманским населением можно проиллюстрировать многими примерами. Весьма наглядно он выявляется, если взять данные об Индии в колониальное время и сравнить их с современным положением и проекцией на будущее. Доля мусульман среди населения контролируемой англичанами Индии, по-видимому, не превышала 20% в период проведе-

ния первых переписей в 1870–1880-х годах. Но к началу XX в. она перевалила за рубеж в одну пятую, а по переписи 1941 г. достигла 25%. К началу нынешнего столетия суммарное мусульманское население Индии, Пакистана и Бангладеш (стран-наследниц колониальной империи) составляло уже 31%, а к 2050 г., при сохранении текущих тенденций, приблизится к 45%. Доля мусульман в Республике Индия по переписи 1951 г. едва превышала 10%, по переписи 2001 г. превысила 13, а согласно переписи 2011 г. приблизилась к 15%. Для изучения вопроса о причинах растущей доли мусульман индийский парламент создал специальную комиссию, которая не пришла к однозначным выводам, подчеркнув объективный и трудно корректируемый характер демографических процессов.

Текущие перспективы

Согласно обзору ООН мировых демографических перспектив (2010 г.), величина мирового населения на 2000 г. оценена в 6 127 млн человек, что выше (на 67 млн) ряда предшествующих оценок. Более быстрым, как предполагается, будет и рост мирового народонаселения в течение всей первой половины XXI столетия. К 2050 г. по среднему варианту прогноза численность жителей на земле достигнет 9,3 млрд, а не 8,9 и 9,1 млрд, как демографы ООН полагали ранее. Согласно последнему пересмотру прогнозных данных 2012 г. ожидается, что в середине нынешнего столетия мировое население вырастет еще больше, до 9,55 млрд чел. и только после этого начнется заметная стабилизация его численности. За 100 лет между серединой XX и серединой XXI в. население земного шара может возрасти на 7 млрд чел.²⁰

Основная масса нового пополнения людей (6,5 млрд) придется на менее развитые регионы и самые бедные и недостаточно быстро развивающиеся (временами и деградирующие) страны. Численность населения в менее развитых регионах по данным на начало XXI века возрастает в шесть раз быстрее, чем в развитых, а в наименее развитом регионе (49 стран) почти в десять раз быстрее. Такого рода диспропорции, скорее всего, сохранятся, что приведет, с одной стороны, к плавно возрастающей численности жителей развитых государств, во многом за счет иммиграционного эффекта (в странах Европы, Северной Америки, Японии, Австралии и Новой Зеландии население вырастет с 1,2 до 1,3 млрд), а с другой, к разрастанию

демографических масштабов менее развитых регионов с менее 5 до 8,2 млрд человек.

В связи с тем, что ни одна мусульманская страна в соответствии с трактовкой, принятой для целей демографического обзора ООН, не относится к развитому региону, отмеченные выше тренды в полной мере относятся к исламскому миру. Хорошо известно, сверх того, что из развивающихся стран мусульманские демонстрируют наиболее высокие темпы роста населения. Не касаясь здесь подробно причин такого рода положения, отметим лишь сильные в исламском ареале традиции многодетности, а также обычаи замужества вдов и полигамии. Культурно-цивилизационные, освященные религией правила в сочетании с некоторыми экономико-социальными факторами объясняют повышенную упругость исламских обществ к процессам демографической модернизации.

Между тем, показатели смертности по прогнозам ООН будут неуклонно снижаться и в менее развитых регионах, в том числе исламском. Несмотря на воздействие эпидемии ВИЧ/СПИДа смертность будет убывать во всех странах, включая наиболее страдающие от нее африканские. Средняя продолжительность жизни (величина дожития при рождении, т. е. исходя из существующих на данный момент коэффициентов смертности) будет практически универсально монотонно возрастать. Причем это коснется даже таких бедных плотно населенных государств, как Республики Бангладеш, мусульманской по религии основной части населения. Там уже в начале XXI в. средняя продолжительность жизни и мужчин, и женщин превысила 60 лет, а в ближайшие десятилетия должна подняться до 70–75 лет²¹. По некоторым прогнозам численность населения в этой стране в середине века превысит 250 млн человек, что означает повышение средней плотности до 2 тыс. человек на 1 кв. км.

Снижение смертности вызовет старение населения и новые крупные экономические и политические проблемы для менее развитых государств. Одновременно будет нарастать их демографический вес. Но возрастная пирамида и средний возраст жителей будут изменяться в сторону превращения этих стран в более «солидные», способствовать преодолению «молодежного выступа» (чрезмерно высокой доли лиц в возрасте 15–25 лет). Тому же будет содействовать прогнозируемое монотонное снижение рождаемости в большинстве менее развитых государств, в том числе и мусульманских.

Обращаясь к религиозной статистике, легко заметить, что число мусульман в мире в конце XX и начале XXI вв. увеличивалось быстрее, чем какой-либо другой включенной в нее категории мирового населения — их среднегодовой прирост равнялся 2,1% по сравнению с 1,3% христиан, 0,8% — нерелигиозных людей. Если допустить, что относительная разница темпов роста в ближайшие годы сохранится, то мусульмане к 2025 г. составят почти 30% мирового населения, в то время как христиане — 25%. Соотношение в 2000 г. было противоположным — 30% христиан, и 19% — мусульман²². В середине текущего столетия, по ряду расчетов, доля мирового мусульманства составит не менее 35%)²².

Согласно среднему варианту прогноза Отдела народонаселения ООН, суммарное население девяти самых крупных и влиятельных мусульманских государств — Египта, Турции, Ирана, Саудовской Аравии, Пакистана, Бангладеш, Индонезии, Малайзии и Нигерии — перевалит в 2050 г. за отметку в 1,5 млрд человек. Все они, за исключением Саудовской Аравии и Малайзии, превзойдут или почти сравняются по населению с Россией. Ей, скорее всего, придется смириться с потерей высокого места в мировой демографической иерархии, хотя она по-прежнему будет входить в число 10, в крайнем случае, 12 наиболее населенных государств.

В дополнение к тому, демографически усилившийся мусульманский мир будет широкой полосой обрамлять Россию с юга и юго-запада. Население пяти государств Центральной Азии к середине века увеличится до 76 млн человек (с 56 млн в 2000 г.). А в мусульманском Южно-Центральноазиатском регионе (пять государств ЦА плюс Иран, Афганистан и Пакистан) будет насчитываться 550–600 млн человек — почти вдвое больше, чем в 2000 г. и в шесть раз больше, чем в 1950 г.²³

* * *

Оглядываясь на длительную историю исламского мира, нетрудно увидеть его демографический динамизм. Зародившись в начале VII в. н. э., община последователей пророка Мухаммеда разрослась необычайно быстро, превратив свою религию в господствующую на огромной территории двух материков — Евразии и Африки. Увеличение численности мусульман имело место под воздействием двух факторов — политической власти и духовного наставничества. Дол-

гое время доля мусульман колебалась в районе 10–15% мирового населения. Преодолев два острых кризиса в XIII и XVIII вв., ислам к нынешнему времени стал одной из самых массовых конфессий, превышая исторические показатели в 1,5–2 раза.

Современный демографический рдъем ислама подобен распускающемуся цветку. Помимо богатых традиций, ислам опирается на широкую социальную и культурную почву. Как отмечено выше, его социокультурная основа способствует сохранению обычаев большой семьи, многодетности, заботы иерархического микрообщества о своих более слабых членах. Практика такого рода характерна и для других ареалов распространения неизжитого традиционного быта и самобытной культуры масс. Однако в исламских обществах она выражена, по-видимому, ярче, отличается более высокой устойчивостью.

Социальные корни демографического роста связаны, как представляется, и с наличием в исламском обществе значительного по удельному весу и влиятельности слоя богословов и служителей культа. Его, кстати, могут пополнять и люди бес специального религиозного образования и подготовки. Как, наверное, ни одна другая мировая религия, ислам ныне, опираясь на устное слово, убежденные и проповедь, удачно использует современные средства информации (радио, телевидение, Интернет, мобильную связь и т. п.).

Наконец, велик у ислама на современном этапе и характерный для многих прошлых периодов протестный потенциал, привлекательность для обездоленных и недовольных социальных групп. На примере ряда страниц его истории хорошо видно, что использование такого ресурса во многом объясняет успехи ислама и власти, базирующейся на нем²⁴.

Понятно, что связь между демографией и политикой носит опосредованный характер. Демография — это лишь фон, подоплека некоторых политических процессов. Поэтому сам по себе демографический взлет ислама, рост численности мусульман на земле не может служить основой политических расчетов и спекуляций. Вместе с тем нельзя и не учитывать этот фактор при оценке текущих политических трендов. Притом надо имеет в виду, что прогностические оценки строятся, как правило, на базе предположений о плавности, инерционности грядущих изменений. Поэтому, только если абстрагироваться от возможности турбулентных «возмущений» (скачков и катаклизмов), можно утверждать, что исламский мир

продолжит наращивать свои абсолютные демографические параметры и удельный вес в мировом населении.

Примечания

- ¹ *Ehrlich P.R.* Population Bomb. N.Y., 1968.
- ² *Meadows D.H., Meadows D.L.* et.al. The Limits of Growth. L., 1972.
- ³ Любопытно, что в некоторых работах, изданных в Москве в начале 1980-х годов число мусульман, со ссылкой на ООН, оценивалось скромно — на уровне немногим более 500 млн человек (12% мирового населения). Отмечалось, правда, что отдельные исламские организации приводят цифры, вдвое более высокие, но подразумевалось, что это явное преувеличение, не имеющее, к тому же, существенного значения. См., напр., *Меркулов К.А.* Ислам в мировой политике и международных отношениях. М., 1982, с. 4.
- ⁴ *Huntington S.P.* The Clash of Cibvilizations? // Foreign Affairs. vol. 72, № 3, Summer, 1993, p. 22–49; If Not Civilizations, What? Samuel Huntington Responds to His Critics // Foreign Affairs. Nov.-Dec. 1993, p. 86–78.
- ⁵ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996, p. 84–86, 109–120.
- ⁶ Достаточно назвать работы крупнейших советских демографов Б.Ц. Урланиса, А.Я. Боярского, Д.И. Валентея, Я.Н. Гузеватова и др, а также классиков послевоенной западной демографической науки — К. Кларка, К.М. Чиполла, Ж.Д. Дюрана и др.
- ⁷ *Sachs J.D., Shabsigh G.* Economic Development and the Muslim World. Cambridge (Mass). 1974, p. 7.
- ⁸ *Петров А.М.* Великий Шелковый путь. М., 1995, с. 116–119; *Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев-М., 2004, с. 648–651.
- ⁹ Historical Estimates of World Population//www.popin.org/pop1998/worldlist.htm
- ¹⁰ *Issawi C.* The Middle Esat Economy. Decline and Recovery. Princeton, 1995, p. 79; *Mc-Evedy C., Jones R.* Atlas of World Population. L., 1978, p. 137.
- ¹¹ Оценки автора на основании ряда научных изданий, в частности: Очерки истории распространения исламской цивилизации. В двух томах. М., 2002.
- ¹² The Economic History of the Middle East, 1800–1914. Chicago, 1966, p. 3.
- ¹³ *Issawi C.* The Middle East Economy, p. 91, 117; *McEvedy C., Jones R.* Atlas of World Population. L.: Penguin books, 1978, p. 137, 147, 151, 227.

¹⁴ Здесь и ниже (при отсутствии ссылок) подсчеты автора на основе оценок, приводимых в литературе и статистических источниках.

¹⁵ Mapping the Global Muslim Population. A Report on the Size and Distribution of the World's Muslim Population. October 2009. The Pew Forum on Religion and Public Life. Princeton. PDF Electronic Resource.

¹⁶ Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост / Отв. ред. Я.Н. Гузеватый. М., 1981, с. 194.

¹⁷ Human Population Explosion. Encyclopedia of Earth // [www.eoearth.org/article/Human Population Explosion/25,03,2010](http://www.eoearth.org/article/Human%20Population%20Explosion/25,03,2010)

¹⁸ Иран: справочник / Отв.ред. С.М. Алиев. М., 1981ю С. 13.

¹⁹ *Karim M.* Islamic Teachings on Reproductive Health and Fertility Transition in Muslim-Majority Countries // *Afa Khan University/mehtab.karim@aku.edu*

²⁰ World Population Prospects, the 2010 Revision, <http://esa.un.org/undp/wpp/index/htm>; World Population Prospects, the 2012 Revision // <http://esa.un.org/undp/wpp/unpp/p2k0data.asp>

²¹ 2010 Revision of World Population Prospects. Key Findings. Electronic resource, p. xvi–xviii.

²² Annual Table of World Religion, 1900–2025, by D.B. Barnett and T.M. Johnson // www.wnrf.org/cms/statuswr.shtml; Muslim Population Statistics. Institute of Islamic Information and Education // www.iiie.net/node/55

²³ Демографическая модернизация России / Под ред. А.Г. Вишневецкого. М., 2006, с. 520. The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. January 2011. Pew Research Center. Forum on Religion and Public Life // www.perforum.org

²⁴ По мнению видного отечественного историка Н.А. Иванова, османский социально-теократический идеал сыграл решающую роль в стремительном распространении власти османских правителей среди арабов в XVI в. См.: Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М., 2008, с. 201–206.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСЛАМСКОГО МИРА И ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Не вдаваясь в теоретические вопросы, связанные с определением цивилизации и цивилизационным подходом к изучению истории и современности, допустим в качестве рабочей гипотезы, что цивилизация объединяет страны (нации-государства), которые отличает определенное единство культуры, политики и права. В таком случае к исламской цивилизации нужно отнести страны с господствующей мусульманской культурой (исламизированными традициями, обычаями, массовым мировоззрением и менталитетом), существенным местом ислама в качестве официальной религии и идеологии и укоренённостью исламских законов (шариата) в правовой практике, касающейся семьи, брака, наследства, уголовных и имущественных дел (личного права).

Исламский мир при этом понятие более широкое. Его можно трактовать как сообщество государств, входящих в единую всемирную организацию. Она ныне называется Организация исламского сотрудничества (ОИС, до 2010 г. — Организация Исламской конференции). В ОИС со штаб-квартирой в Джидде (Саудовская Аравия) входит 57 стран. В некоторых из них мусульмане составляют лишь более или менее значительное меньшинство (в латиноамериканских Суринаме и Гайане их доля равна 10–15% жителей). Ряд государств, крупнейшей из которых является Россия, имеют статус наблюдателей в ОИС. Однако такие государства, как Индия и Китай, где абсолютная численность приверженцев ислама весьма велика (в Индии — 180 млн чел., в Китае минимально 25–30 млн чел.) не имеют формальных связей с ОИС и, таким образом, не входят в исламский мир, хотя и поддерживают с ним, как правило, тесные,

* Восточная аналитика. Ежегодник 2013. Институт востоковедения РАН / Гл. ред. В.В. Наушкин. М.: ИВ РАН, 2014, с. 47–54.

дружественные отношения. Это, впрочем, не исключает противоречий и конфликтов (наиболее яркий пример — отношения Индии с Пакистаном).

Третье понятие, которое мы будем использовать, — мусульманское население планеты. Оно включает всех мусульман, проживающих как в границах исламского мира и исламской цивилизации, так и за их пределами.

Дебаты вокруг быстрого роста мусульманского населения, получившего название «исламской демографической бомбы», относятся к числу наиболее острых и актуальных для мирового общественного мнения.

Напомним, что на протяжении ряда десятилетий второй половины прошлого столетия наибольшее внимание в мире привлекала проблема «демографического взрыва», быстрого роста населения менее развитых, бедных регионов, появился устрашающий образ «популяционной бомбы»¹. Всеобщее внимание к экспоненциальному демографическому росту привлекла Всемирная конференция по народонаселению, состоявшаяся в 1974 г. в Бухаресте. Значительную роль сыграли знаменитые доклады Римского клуба, в основе которых лежало убеждение (рабочая гипотеза) об исчерпаемости природных ресурсов и лимитах, пределах экономического роста².

В основном лишь с конца 1970-х — начала 80-х годов (после исламской революции в Иране, выпадов радикального исламизма в Египте, Ираке и Сирии, исламизации в Пакистане и антисоветского джихада в Афганистане) в мире формируется осознание иного феномена, также связанного с демографическими процессами — стремительного увеличения абсолютной и относительной численности мусульман.

Нужно отметить, что внимание к демографической стороне мировой политики на протяжении долгого времени было спорадическим и в целом незначительным. Это во многом объяснялось преобладанием социально-классового идеологического подхода в тогдашнем, как мы бы сегодня сказали, «дискурсе» по мирополитическим проблемам. Соответственно мало внимания уделялось цивилизационным аспектам международных отношений и такой их стороне, как демографические параметры и потенциалы. Да и в целом, демография занимала скромное место при обсуждении международно-политических процессов, будучи причислена к разряду экономических и социальных дисциплин. Такое положение было характерно как для зарубежной, так и отечественной науки.

На количество приверженцев той или иной религии и связанной с ней цивилизации (в основе цивилизаций не обязательно лежат традиционные религии; история, главным образом совсем недавняя, знает цивилизации светского, идеологического типа) стали обращать внимание в основном лишь после окончания глобальной холодной войны, в существенной степени под влиянием концепции «столкновения цивилизаций» С.П. Хантингтона и ее широкого обсуждения. При этом главное внимание привлек к себе тезис американского политолога о «кровавой бахром» современной исламской цивилизации³. Несколько позже эта концепция обрела в его сочинениях и отчетливые демографические параметры в виде динамики не только самих размеров цивилизационных комплексов, но и их геополитической (державной и имперской) мощи⁴. Другой демографический аспект международно-политической проблематики связан с миграциями населения, и при их рассмотрении на рубеже двух столетий и тысячелетий на первый план также вышел исламский феномен — переселение мусульман с юга Евразийского материка на север, из Африки — в Европу.

Вслед за мировой литературой ситуация постепенно изменилась и в отечественной. Возросшее значение в изучении демографических проблем стало уделяться ее воздействию на мировую политику, получил определенное освещение рост мусульманского населения в мире, России и регионе вокруг нее⁵.

Особое значение демографический и этнодемографический факторы приобрели на фоне текущих событий на Ближнем и Среднем Востоке, («арабской весны» и ее последствий), войны в Сирии, хронической нестабильности в Ираке, эрозии власти в Афганистане, кровавых конфликтов в Африке и т. п. Большое внимание при этом привлекла проблема различных течений в исламе, прежде всего суннизма и шиизма, которая тоже имеет серьезную демографическую подоплёку.

В последнее время на первый план в обсуждении связанных с исламом демографических тем вышел новый аспект. Речь идет о феномене быстрого сокращения рождаемости в странах исламского мира и исламской цивилизации. Разумеется, совершенно новым сделанный на этом акцент не является. То, что темпы роста населения в мусульманских странах в последние десятилетия снижаются примерно в той же пропорции, что и в немусульманских, неизменно отмечалось в авторитетных публикациях Отделения ООН по народонаселению, пересматривающего раз в два года основные демогра-

фические тренды в мире⁶. Однако это обстоятельство не отменяло другое — темпы роста мусульманского населения оставались при этом существенно выше, чем немусульманского, и расчеты на перспективу демонстрировали значительный рост удельного веса мирового мусульманства.

В задачу данной статьи входит как рассмотрение основных демографических параметров современного мира ислама, а также перспектив будущих изменений этих показателей, так и обсуждение аргументов в пользу универсальности процессов естественного движения населения независимо от его разных цивилизационных характеристик, в частности принадлежности к ареалу исламской цивилизации.

Факторы демографического роста в мусульманской среде

Современный демографический рост охватывает период после окончания Второй мировой войны. Его можно разделить на три этапа — бурного увеличения населения в мире вообще и особенно в слаборазвитом, развивающемся ареале (конец 1940-х — начало 1970-х годов); замедления темпов роста в развитых регионах и сокращения ежегодного прироста в развивающихся (1970–80-е годы); дальнейшего падения темпов роста в развитых странах и снижения скорости увеличения численности в большинстве менее развитых ареалов (1990–2010-е годы).

Страны с мусульманским большинством и среди них такие, которые могут быть отнесены к исламской цивилизации, демонстрировали на первом этапе быстрые темпы прироста народонаселения, однако этот факт не привлекал к себе внимания на фоне послевоенного «бэби-бума» в США, менее выраженного, но сходного процесса в европейских государствах, а также стабильных темпов увеличения численности населения в СССР. Кроме того, мусульманские страны не выделялись из общего ряда развивающихся государств, которые после мировой войны отличались высокой демографической динамикой.

Демографический взрыв объяснялся, как хорошо известно, двумя факторами — крутым снижением смертности под влиянием прогресса в медицине и здравоохранении (введением препаратов пенициллиновой группы, использованием порошка ДДТ, эффективного в борьбе с малярией, применением вакцин против тяжелых инфекционных заболеваний и т. п.) и сохранением на прежнем,

традиционно высоком уровне рождаемости. При этом наблюдалось постепенное уменьшение младенческой и детской смертности.

Образовавшиеся ножницы между рождаемостью и смертностью привели к увеличению людской популяции, прежде всего, в наименее экономически развитых регионах, к которым принадлежали все без исключения исламские страны. Рост мирового народонаселения достиг максимума в 1965–1970 гг. (110,9% за пятилетие, в среднем в год на 2,1%), после чего началось его плавное падение. Вместе с тем, абсолютный годовой прирост населения мира продолжал расти, увеличившись с 60 млн в первой половине 1960-х гг. до почти 90 млн чел. во второй половине 1980-х⁷.

Рекомендации Бухарестской конференции 1974 г., которая выше упоминалась, были достаточно жесткими и неоднозначно воспринимались в разных частях мира. Однако меры по планированию семьи одобрялись на первом послевоенном этапе практически всеми государствами, в том числе такими демографическими гигантами, как Китай и Индия, а также многими мусульманскими — в частности, Турцией, Ираном и Пакистаном.

Волна исламизации, поднявшаяся в конце 1970-х годов, внесла коррективы в эти тенденции. Режим имама Хомейни в Иране проводил в 1980-х годах, во время драматической и кровопролитной войны с Ираком, наталистскую политику. В результате рождаемость там достигла исключительно высокого уровня, среднегодовые темпы прироста населения в 1987/88 г. оценивались в 3,9%⁸. Власти соседнего с Ираном исламского Пакистана по существу отказались от мер по ограничению рождаемости. Похожим образом поступили многие другие режимы в мусульманских странах.

На третьем, текущем этапе послевоенной демографической эволюции (с рубежа 1980–90-х годов) поощрение рождаемости в исламском и неисламском ареале менее развитого мира, как правило, прекратилось на государственном уровне. Более того, в Иране, с благословения имама Хомейни, власти перешли к политике ее ограничения. Главную роль в наталистском курсе стали играть традиционалистские круги. В мусульманских странах это прежде всего представители сословия богословов и священнослужителей (*улемы* и *муллы*). Они проявляли заинтересованность в сохранении традиционного сознания масс, неизменности семейно-бытовых установлений, прежде всего обычаев раннего и всеобщего замужества, в том числе выхода замуж вдов, обычаев большой патриархальной семьи, малой грамотности и узкого кругозора женщин. Такие фак-

торы можно отнести к числу специфических для исламской цивилизации, но при этом далеко не универсальных. В том же Иране правящее сословие шиитских богословов, столкнувшись с проблемой ограниченности ресурсов, в целом поддержало антинатовалистские меры, такие как производство и продажа контрацептивов, повышение грамотности и образованности женщин и т. п.

Специфические свойства исламской цивилизации нередко трудно отделить от общих для менее развитых регионов черт хозяйства и уклада жизни — неграмотности, особенно низкой среди женщин, преобладания в составе населения сельских жителей, глубокой бедности и нищеты численно преобладающих слоев и классов как деревенского, так и сельско-городского общества. Такие условия существовали в Китае и Индии, большинстве стран Юго-Восточной Азии и Тропической Африки.

Вместе с тем, исламские страны неизменно оказывались среди лидеров демографического роста. При этом нужно подчеркнуть, что каких-то особых исламских моделей регулирования рождаемости и отношения к репродуктивному поведению, по общему мнению, нет⁹. Более того, мусульманские богословы и духовные отцы исламского возрождения неоднократно, еще с 1930-х годов, заявляли об отсутствии каких-либо ограничений на применение любых мер защиты от нежелательной беременности.

Базовая причина ускоренного роста состоит, очевидно, в специфическом характере исламского (исламизированного) микрообщества с его гендерной иерархией, подчиненным положением женщины в семье. Зависимое положение женщин отличает, без сомнения, и иные в культурно-цивилизационном отношении традиционные общества. Известно к тому же, что предписания Корана способствовали закреплению за женщинами определенных прав в плане наследования, ислам возлагал на мужчин моральные обязательства в отношении женщин. Вместе с тем, в отличие от христианства, индуизма и буддизма, ислам санкционировал полигамию, облегчал для мужчин процедуру развода и закреплял за отцом преимущественное право на воспитание детей после развода.

Вследствие достаточно неизменной культурной среды, охватывающей в первую очередь низшие, наиболее массовые слои населения, в мусульманских странах воспроизводится в целом стереотип многодетности. Сохраняется и фаталистическое отношение к жизни, сказываются отсутствие в традиционной мусульманской культуре концентрации на ценности индивидуального существования,

распространенность представлений о включенности частной жизни в коллективную, единую для общины верующих¹⁰.

Существенное значение имеет и обычай обязательного вступления в брак и поощрения многодетности. На воспроизводстве населения в низших слоях отражается порочный круг нищеты, малого образования дочерей, которые с раннего возраста помогают матерям в уходе за младшими братьями и сестрами. Средний класс во многих мусульманских странах еще строже, чем низший, соблюдает обычай женского затворничества. Известное значение при этом имеют опасения мужчин за свои привилегии в социальном и экономическом положении. В условиях хронической нехватки рабочих мест, особенно в госаппарате и на конторских должностях в частном секторе, мужчины опасаются конкуренции женщин.

Более высокой рождаемости в мусульманских странах способствует и наличие анклавов горской и полукочевой экономики и соответствующего ей племенного, трайбалистского общества. С ним неразрывно связана патрилинейная система родства и патрилокальная модель большой, нуклеарной семьи. Патрилокальность означает переход жены в дом мужа. Подчиненное положение невестки смягчается при этом распространенной среди мусульман эндогамией (т. е. разрешенностью близкородственных, кузенных браков). Эндогамия, кстати, отличает мусульманскую систему семейно-родственных отношений в таких регионах, как Южная Азия, от распространенной среди индуистов кастовой экзогамии.

Во всех слоях мусульманского общества, особенно тех стран, которые служат основой, ядром исламской цивилизации, широко распространено представление о предпочтительности рождения детей мужского пола, высоко ценится наличие сыновей. Эндогамия в то же время «спасает» и дочерей, ибо они нужны для продолжения генеалогически своего рода. Статус женщины в семье повышается по мере взросления сыновей и зависит нередко от их количества. Многодетность, особенно наличие сыновей, увеличивает престиж матери семейства. Отсюда не столь распространенная практика ограничения рождаемости как традиционными, так и современными способами. Бедные семьи, впрочем, страдают и от недостаточной доступности, а также дороговизны современных средств контрацепции.

К этому надо добавить ориентированность на всемерное расширение исламской культурно-религиозной среды. Помимо прозелитизма, она проявляется в обычае мусульман брать в жены немусульманок по происхождению с обязательным принятием ими

ислама, как условия выхода замуж, и воспитание детей от таких браков в мусульманской вере.

В увеличении численности последователей Пророка Мухаммада с самого начала присутствовал и сильный политический компонент. Немусульмане, как известно, облагались исламскими правителями специальным налогом-данью (*джизией*), их переход в ислам экономическими и политическими мерами поощрялся властями.

Ускоренный рост мусульман по сравнению с расово-этнически и социально-культурно близким ему немусульманским населением можно проиллюстрировать многими примерами. Весьма наглядно он выявляется, если взять данные о колониальной Индии и сравнить их с современным положением в Южной Азии и проекцией на будущее. Доля мусульман среди населения контролируемой англичанами Индии, по-видимому, не превышала 20% в период проведения первых переписей в 1870–1880-х годах. К началу XX века она перевалила за рубеж в одну пятую, а по переписи 1941 г. достигла 25%. К кануну нынешнего столетия суммарное мусульманское население Индии, Пакистана и Бангладеш (более 400 млн чел.) составляло уже 31%, в начале 2010-х годов было, по-видимому, равно 36% (560 млн чел.), а к 2050 г., при сохранении текущих тенденций, приблизится к 45%¹¹.

Демографическое расширение исламской цивилизации

Возвращаясь к определениям, данным в начале статьи и поставленным там задачам, остановимся на перспективах увеличения численности жителей в странах, которые можно отнести к исламской цивилизации. Ее допустимо представить состоящей из нескольких групп — арабских государств, Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана, центральноазиатских стран, Бангладеш, Малайзии и Индонезии, двух стран юга Европы¹². По долгосрочному прогнозу, выполненному А.В. Акимовым, население исламской цивилизации возрастет с 1,1 млрд человек в 2005 г. до 2,2 млрд в 2100 г., иными словами, за текущее столетие увеличится примерно вдвое. При этом наиболее быстро оно увеличится в арабском ареале с 309 до 738 млн (почти в полтора раза, на 240%) и в Афганистане и Пакистане — с 188 до 394 млн (на 210%). Рост в ареале Южной и Юго-Восточной Азии (Бангладеш, Малайзии, Индонезии) составит 175% (с 390 до 682 млн). На 162 и 165% вырастет население в Турции и Иране — с 73 до 118 млн и с 70 до 115 млн соответственно.

В Центральной Азии, по этим расчетам, население увеличится с 58 до 93 млн, на 160%. Минусовым будет рост на юге Европы в Албании и республике Босния и Герцеговина.

Нужно учитывать, что такой довольно умеренный демографический рост объясняется в основном двумя вполне логичными допущениями автора — снижением скорости прибавления числа людей во второй половине века, соответствующим режиму естественной убыли населения в мировом масштабе, и учетом жесткого дефицита природных ресурсов (земли и воды), заставляющих предположить уменьшение роста населения по сравнению со средним сценарием демографического перехода (средним между минимальным и максимальным его вариантами) в таких странах, как Афганистан, Пакистан и Бангладеш¹³.

Несколько иные результаты дают прогнозные экстраполяции, сделанные на базе более общепринятых оценок и расчетов демографов ООН и Бюро цenzов США. Расчеты последней службы наиболее вероятного сценария демографического роста на период с 2010 по 2050 гг. по группировкам стран, сопоставимым с вышеприведенной, приведены в табл. 1.

Таблица 1.

**Население основных государств исламской цивилизации
(в млн чел)**

	2010 г.	2030 г.	2050 г.
Арабские страны Восточной Африки и Азии	188	273	352
Арабские страны Северной Африки	89	110	122
Турция	75	90	97
Иран	75	90	98
Центральная Азия (вкл. Азербайджан)	70	84	90
Афганистан и Пакистан	214	317	409
Бангладеш, Малайзия и Индонезия	425	510	557

Источник: World Population Growth Rate 1950–2050, Annual World Population Change // www.census.gov/ftp/pub/ipc/www/worldgr.gif

При определенных различиях в двух вариантах оценок роста населения за век и его первую половину можно утверждать, что демографический потенциал исламской цивилизации (как, впрочем, и всего человечества) должен расти более быстро в первые десятилетия XXI столетия. Так, население арабских государств

(берутся страны с явным преобладанием арабов) между 2010 и 2050 гг., увеличится на 171%, Афганистана и Пакистана — на 191%, Бангладеш, Малайзии и Индонезии — на 131%, Турции и Ирана — на 129%, Центральной Азии — на 128%. Во второй половине столетия максимальные темпы роста не превысят 122%. Постепенное снижение темпов заметно и при сопоставлении данных об увеличении числа жителей между 2010 и 2030 гг. и между 2030 и 2050 гг. Легко убедиться, что в первом двадцатилетии темпы примерно вдвое выше, чем во втором (см. Табл. 1).

Следуя этой логике, можно предположить, что наиболее быстро население стран с мусульманским большинством будет возрастать в текущее десятилетие. Пользующиеся авторитетом оценки численности мусульманского населения дает ныне исследовательский центр «Пью» Принстонского университета США. За основу сделанных центром расчетов на 2010 г. и прогнозных оценок на 2020 г. взяты данные ООН, скорректированные большой группой независимых демографов и социологов. В табл. 2. представлены оценки численности жителей в наиболее крупных государствах исламской цивилизации, составляющих ее географическое и геополитическое ядро.

Таблица 2

**Население ряда крупнейших исламских государств
(в млн человек)**

	2010 г.	2020 г.	2030 г.
Египет	80	93	105
Саудовская Аравия	25	31	36
Сирия	31	40	48
Ирак	31	40	48
Турция	75	83	89
Иран	75	83	90
Афганистан	29	40	51
Пакистан	178	218	256
Итого	524	628	723

Источник: Muslim Population by Country/<http://chartsbin.com/view/557>

Как видно из таблицы, темпы роста населения между 2010 и 2020 гг. оцениваются более высоко (120%), чем между 2020 и 2030 гг. (115%). Особенно заметно вырастет население в двух проблемных странах исламского цивилизационного ядра — Афганистане и Пакистане. Причем, для Пакистана использованы цифры, скорее всего, серьезно занижающие реальные. Так, по опубликованному в средствах массовой информации этой страны данным о переписи домовладений, проводившейся в конце 2011 г., пакистанское население превысило 190 млн чел.¹⁴ Сравнение этой оценки с данными переписи населения 1998 г., дает среднегодовой прирост в 3%, что почти вдвое превышает оценки этого показателя, распространенные в пакистанских и международных публикациях. Нельзя не обратить внимание и на приведенные в таблице цифры по Египту и Сирии, где складывалась, судя уже только по ним, тяжелая демографическая ситуация, послужившая, видимо, подоплёкой социального брожения и политического кризиса, охватившего эти страны с начала 2010-х годов.

«Конвергенция цивилизаций» и перспективы роста исламского мира

Вместе с тем, как отмечено выше, в недавнее время были опубликованы серьезные исследования, основной тезис которых состоит в том, что в странах с преобладающим мусульманским населением наблюдается мало замеченный крутой спад рождаемости. Это приближает исламские государства к демографическому переходу (низкой рождаемости и низкой смертности). При этом французы Ю. Курбаж и Э. Тодд полагают, что такого рода сдвиги есть доказательство того, что ислам, как религия, догматы которой содержатся главным образом в Коране, не имеет отношения к демографическому рывку исламской цивилизации, наблюдавшемуся в XX в. Кроме того, имеет место, по их мнению, «конвергенция» исламской и христианской цивилизации, или, точнее, все большее совпадение протекающих в их рамках демографических процессов. Оно состоит в акценте на продолжение рода человеческого и в то же время в терпимом отношении к средствам защиты от нежелательных рождений¹⁵.

В книге французов и сборнике статей под редакцией Х. Грота и А. Суза-Пола содержатся убедительные свидетельства резкого сни-

жения рождаемости в странах с мусульманским большинством в период между 1975–80 и 2005–10 гг. Так, суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной условного поколения, имеющего на протяжении жизни возрастные коэффициенты рождаемости того года, для которого производится оценка показателя) в мусульманском регионе упал с 6,8 до 3,5, т. е. почти вдвое¹⁶. Если в мире в целом, по данным Отделения ООН по народонаселению, общий коэффициент рождаемости (рождения за год, поделенные на число людей) снизился за 30 последних лет на 33%, в менее развитых странах — на 34%, то в мусульманском регионе — на 41%. Более того, в 22 странах с мусульманским большинством рождаемость сократилась вполтину, на 50%, а в десяти из них, в том числе в Иране, на 60%¹⁷.

Авторы этих подсчетов (Н. Эберштадт и А.Шах), опираясь на статистические данные ООН и Бюро цenzов США, демонстрируют, что такое крутое снижение рождаемости не имеет прецедентов. Отвергая возможные обвинения в выборе периода наблюдения, они расширяют его до всего послевоенного времени и демонстрируют исключительно быструю реакцию именно мусульманских обществ на меняющуюся в пользу сокращения рождаемости обстановку¹⁸.

Почти все исследователи феномена сокращения рождаемости в мусульманских и других ареалах отмечают зависимость рождаемости от грамотности населения, особенно женской грамотности. Курбаж и Тодд указывают на закономерность, в соответствии с которой снижение рождаемости происходит после достижения порога грамотности в 50% населением в возрастной когорте от 20 до 24 лет. Иными словами, условия, когда грамотность охватывает половину взрослого молодого населения, особенно женского, служат толчком для начала перехода к пониженной рождаемости. Варьирующаяся от страны к стране закономерность такого рода демонстрируется ими на примере мусульманских и немусульманских стран, начавших путь к демографическому переходу в XX в. При этом всё же выявляется разница между странами исламского и неисламского мира. Для множества всех менее развитых государств корреляция показателей грамотности мужчин и женщин с рождаемостью заметно выше, 0,84 и 0,80, чем для мусульманских стран — соответственно 0,61 и 0,55¹⁹.

Несмотря на обвальный характер перемен, связанных с рождаемостью в мусульманских странах (она была в начале периода наблюдения очень высокой), демографические темпы роста оставались и на рубеже веков у них выше, чем в других ареалах. Эта закономерность наблюдается и в отношении мусульманского населения в целом. По данным ООН, относящимся к 1990–2000 и 2000–2010 гг., число мусульман в самом крупном по размеру мусульманского населения Азиатско-Тихоокеанском регионе (куда условно специалисты из центра «Пью» включают все неарабские страны Азии, вплоть до Ирана и Турции) увеличивалось среднегодовыми темпами равными 2,8 и 1,8, в то время как численность немусульман возрастала ежегодно на 1,3 и 0,9%. Предполагается, что в ближайшие два десятилетия разрыв сохранится, немного сократившись, — в 2010–2020-х численность мусульман будет возрастать на 1,4, а в 2020–2030-х годах — на 1,1%, в то время как темпы роста немусульман в первый из прогнозных периодов упадут до 0,8 а во второй — до 0,5%²⁰. Что касается мусульманского населения мира, которое состоит из жителей АТР (доля которого равняется примерно 60%), регионов Ближнего Востока и Северной Африки (20%), субсахарской Африки (16%), Европы (ок. 3%) и Америки (менее 0,5%), то оно возрастало, по оценкам, на 2,3% между 1990–2000 гг., и на 2,1% между 2000–2010 гг. Среднегодовые темпы прироста в будущем упадут до 1,7% в период 2010–2020 гг. и до 1,4% в 2020–2030 гг. Они останутся несколько выше скорости прироста жителей планеты — немусульман, но сблизятся с ними — в 2010–2020 гг. немусульманское население, по расчетам, будет возрастать в среднем в год на 0,9, а в 2020–2030 гг. — на 0,6%²¹.

Хотя рождаемость среди мусульман уменьшилась, среди стран лидеров по этому показателю на 2010–2015 гг. находятся в основном исламские государства — Афганистан, Пакистан, Кыргызстан, Малайзия, Туркменистан²². При этом мусульманские страны отличаются существенно различными темпами снижения рождаемости и роста населения. Характерно, что растущая дифференциация по этим показателям наблюдается между такими, например, парами государств, как Иран и Турция, с одной стороны, (низкие темпы), Афганистан и Пакистан, с другой (высокие). Из арабских государств следует выделить растущий наиболее быстро Йемен, а из африкан-

ских, по той же характеристике, — Мали, Нигер, наполовину мусульманскую Нигерию, Судан, Сомали.

Несмотря на снижение темпов естественного движения населения в арабском ареале Ближнего Востока и Северной Африки специалисты из принстонского «Пью» прогнозируют существенное, на 36,5%, увеличение численности арабского населения к 2030 г. по сравнению с 2010 г. В абсолютных цифрах ожидается рост почти на 120 млн., с 322 до 440 млн чел., при этом в странах Ближнего Востока население возрастет с 127 до 187 млн чел., а в Северной Африке — с 195 до 253 млн чел.²³

Таким образом, несмотря на «конвергенцию цивилизаций», демографический рост исламского мира при сохранении нынешних тенденций продолжится. И это неудивительно, ввиду того, что рождаемость — лишь один из факторов, непосредственно воздействующих на демографические темпы роста. Важнейшее значение (если не принимать в расчет достаточно однородный в нынешнюю эпоху показатель смертности) имеет так называемый «популяционный момент», т. е. инерция воспроизводства из-за наличия большой массы людей детородных возрастов. Наблюдавшийся в 1940-х-1970-х годах демографический бум в мусульманском ареале еще долго будет сказываться на величине прироста населения в нем.

Хорошо иллюстрируют динамику этого процесса подсчеты, выполненные в рамках достаточно новой научной отрасли — религиозной демографии. Ведущие специалисты в этой области американцы Т.Д. Джонсон и Б.Д. Грим произвели подсчеты числа приверженцев религиозных и нерелигиозных убеждений на протяжении 100 лет с 1910 по 2010 гг. Из представленных в Табл. 3 данных о пропорциях населения, относимого к разным вероисповедным течениям (деноминациям), следует, что число мусульман в минувшее столетие росло наиболее быстрыми темпами, в среднем почти на 2% в год, уступая темпам роста лишь неверующих, начавших рассматриваемый период почти с нуля. К 1970 г. доля агностиков и атеистов в мире достигла максимума (почти 20%), а затем стала неуклонно сокращаться. В первое десятилетие нынешнего века она увеличивалась меньше, чем на 0,3%. Вместе с тем, за период в 100 лет достаточно быстро возрастал удельный вес христиан

всех деноминаций (1,32%), индуистов (1,46%), буддистов (1,28%) и анимистов в субсахарской Африке (1,38%).

Таблица 3

Удельный вес представителей различных верований и убеждений

Годы	1910	1950	1970	2000	2010
Неверующие	0,2	6,7	19,2	12,9	11,8
Агностики	0,2	5,1	14,7	10,7	9,8
Атеисты	0,0	1,6	4,5	2,2	2,0
Верующие	99,8	93,3	80,8	87,1	88,2
Христиане	34,8	34,2	33,2	32,4	32,8
Мусульмане	12,6	13,6	15,6	21,1	22,5
Индуисты	12,7	12,6	12,5	13,5	13,8
Буддисты	7,9	7,0	6,4	7,3	7,2
Прочие (иудеи, сикхи, джайны, приверженцы китайских народных верований, анимисты субсахарской Африки и др.)	31,8	25,9	13,1	12,8	12,0

Источник: Johnson T.M., Grim B.J. The World's Religions in Figures. An Introduction to International Religious Demography. Chichester: John Wiley and Sons, 2013, p. 26.

Среди верующего населения наиболее заметно за сто лет, истекших с начала XX до начала XXI в., вырос удельный вес мусульман. В 1910 г. они составляли менее шестой части мирового населения, а к 2010 г. ислам исповедовал почти каждый четвертый житель планеты. Вместе с тем, распространенные одно время представления, что ислам обгонит христианство по числу приверженцев уже к 2030 и уж во всяком случае к 2050 г.²⁴, не нашли подтверждения при более точном подсчете численности мусульман специалистами в области религиозной демографии и оценок на будущее с учетом тенденций последнего десятилетия. Темпы роста мусульман в 2000–2010 гг., по данным Джонсона и Грима, составляли в среднем в год 1,86%, а христиан — 1,31%.

При сохранении нынешних тенденций, христианство останется самой массовой религией и в середине XXI столетия (35,8%), а доля мусульман увеличится лишь до 27,5%, т. е. не дотянет и до трети мирового народонаселения²⁵.

Вместе с тем, не исключено, что оценки вышеназванных религиозных демографов, изначально концентрировавших свое внимание на христианском мире, несколько занижают масштабы и потенциал демографического ареала исламской цивилизации. По мнению Г. Пинса из «Академии свободного мира», мусульмане уже в 2005 г. составляли 24% мирового населения, а к 2050 г. их доля должна возрасти до 33%²⁶. Более высоко оценивают размеры и перспективы роста мусульман некоторые исламские центры²⁷.

Касаясь перспектив, нельзя не учитывать влияние политического фактора, который может изменить сложившиеся за последние десятилетия тренды. Так, руководство Ирана недавно выразило обеспокоенность низкими темпами роста своего населения. Сначала занимавший до выборов 2013 г. пост президента Исламской Республики М. Ахмадинежад, а затем и ее духовный лидер аятолла А. Хаменеи признали необходимым пересмотр демографической политики, отказ от курса на сокращение рождаемости и переход к противоположным, наталистским мерам. В октябре 2013 г. Хаменеи призвал иранцев иметь четырех-пять детей, заявив, что население в 150 млн человек. — это минимум, который Иран должен иметь. Министерство здравоохранения Ирана подтвердило отказ от практики контроля за рождаемостью²⁸. Многие комментаторы выражают сомнение в достижимости поставленных целей (ныне, по разным оценкам, население равно 78–80 млн чел.), но какой-то эффект разворот в демографической политике, по-видимому, окажет. Отметим, что стремление директивно управлять вопросами, касающимися семьи и общества характерно для исламской цивилизационной модели, хотя и не только для нее²⁹.

Заметное стимулирующее демографический рост воздействие оказывают в некоторых мусульманских странах политические образования, связанные не с конфессиональным, а этническим фактором. В условиях электоральной демократии и федерализма в Пакистане, например, определенные политические силы прямо заинтересованы в увеличении численности поддерживающего их вследствие этнической и территориальной принадлежности населения. Похожими причинами вызван повышенный темп роста

численности малайцев в Малайзии с ее традиционно крупной китайской общиной. В Индонезии отмеченное в последнее время замедление темпов снижения рождаемости тоже связано с политическими и социальнополитическими факторами³⁰.

Статистическими методами удалось установить, что рождаемость обнаруживает наиболее тесную корреляцию с тремя показателями, один из которых грамотность вообще и грамотность женщин, уже обсуждался. Два других параметра — это доля городского населения и индикаторы уровня жизни. Чем ниже они, тем выше в среднем рождаемость. Таким образом, перспективы демографического роста исламского мира зависят, безусловно, и от базовых социально-экономических причин³¹.

Заключение

Завершая краткий обзор одной из весьма актуальных и значимых тем с точки зрения не только собственно демографии, но и мировой политики, нужно еще раз подчеркнуть, что ислам, как религия, не имеет явно выраженных специфических черт, способствующих чрезмерно быстрому росту населения. Более того, исламские канонические представления не препятствуют практике ограничения рождаемости, имея постулаты терпимого отношения к нежелательной беременности и вынужденным абортam. Вместе с тем, исламская цивилизация, как олицетворение единого в своей основе общины—общества—государства, изначально ориентировалась на расширение ареала политического и социального господства. С возможностью использования радикальными силами этого историко-политического феномена, по-видимому, и связана обеспокоенность части мирового общественного мнения перспективами увеличения исламского «клина» в населении планеты. Представляется, однако, что страхи по поводу «исламской демографической бомбы» сильно преувеличены. И не только потому, что взрывной характер роста мусульманского населения, наблюдавшийся во второй половине XX в., сменился к его концу затуханием, но и по той причине, что общие религиозные корни не обеспечивают единства исламского мира. Он остается разделенным и по религиозносектантскому, и по этническому, и по национально-государственному основанию. Апеллируя к массовым слоям населения, элиты исламских государств склоняются к внешнеполитическим ориентациям,

жестко разделяющим нередко близкие в цивилизационном отношении страны.

Что касается фундаменталистского радикализма, то он несомненно еще будет играть немалую роль в структурировании мирополитических реалий, но по мере «старения» мусульманского населения, неизбежного и при достаточно высоком демографическом росте, его социальная опора будет постепенно размываться.

Исламский демографический фактор, вместе с тем, имеет и будет сохранять немалое политическое значение на региональном и локальном уровнях. Линии религиозного и религиозно-сектантского водоразделов пролегают нередко внутри стран и в ареале соседних государств. С этой точки зрения демографическая проблематика остается одной из самых востребованных, необходимых для понимания текущих социально-политических и социально-экономических процессов, оценки среднесрочных и долгосрочных перспектив эволюции государственно-политических систем, структуры и содержания международных отношений.

Примечания

¹ *Ehrlich P.R.* Population Bomb. N.Y.: Ballantine Books, 1968.

² *Meadows D.H., Meadows D.L. et. al.* The Limits of Growth. L.: Universe Books, 1972.

³ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, vol. 72, № 3, Summer, 1993, p. 22–49; If Not Civilizations, What? Samuel Huntington Responds To His Critics // Foreign Affairs, Nov.-Dec. 1993.

⁴ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Shuster, 1996, p. 84–86, 109–120.

⁵ См., напр., статьи на эту тему в кн.: Исламский фактор в истории и современности / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульченко. М.2011; Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М., 2012.

⁶ Population Newsletter. World Fertility Report 2003. N.Y.: Dec. 2003, № 76, p. 7; United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects, the 2012 Revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/p2k0data.asp> Accessed 08.11.2013. United Nations Population Division. Department of Economic and Social Affairs. World Population Prospects. The 2010 Revision. PDF.

⁷ World Population Prospects, the 2010 Revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/p2k0data.asp> Accessed 29.03.2012.

⁸ Иран: справочник / Отв. ред. С.М.Алиев. М.: Наука, 1993, с.13.

⁹ *Karim M.* Islamic Teachings on Reproductive Health and Fertility Transition in Muslim-majority Countries / Aga Khan University/mehtab.karim@aku.edu

¹⁰ Хорошее представление о значении понятия «встроенности» индивидуальной судьбы (души, *нафс*) в общую канву жизни и картину мира дает книга Л.Н. Латыпова Экзистенциальная философия ислама (Прологомены). Казань: Казанский университет, 2011, с. 81–138.

¹¹ *Белокреницкий В.Я.* Рост населения в исламском мире // Историческая психология и социология истории, 2010, N. 1, с. 91.

¹² *Акимов А.В., Яковлев А.И.* Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М.: Издательство Московского университета, 2012, с. 64.

¹³ Там же, с. 43–44.

¹⁴ *Khan A.S.* Population shoots up by 47 percent since 1998. The News, March 29, 2012. Available at: <http://www.the.news.com.pk> Accessed 11.12.2012; Pakistan: Where the population bomb is exploding by Wendell Cox 07/02/2012// <http://www.newegeography> Accessed 11.12.2012

¹⁵ Как отмечают они, «Пророк Мухаммад принимал обычай *азл* (*coitus interruptus*) и, трактуя это расширительно, ислам терпимо относится ко всем остальным формам контрацепции». *Courbage Y., Todd E.* A Convergence of Civilizations. The Transformation of Muslim Societies. N.Y.: Columbia University Press, 2011, p. 21. Ислам проявляет терпимость и к абортам до определенного срока беременности. *Karim M.* Islamic Teachings on Reproductive Health and Fertility Transition in Muslim-majority Countries // Aga Khan University/mehtab.karim@aku.edu

¹⁶ *Courbage Y., Todd E.* A Convergence of Civilizations, p. 9.

¹⁷ Population Dynamics in Muslim Countries / Ed. H. Groth, A. Souza-Pola. Berlin: Springer, 2012, p. 34.

¹⁸ Ibid., p. 37.

¹⁹ *Courbage Y., Todd E.* A Convergence of Civilizations, p. 17–18.

²⁰ The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. Pew Research Center, Jan.2011. PDF, p. 71. Available at: www.perforum.org

²¹ Ibid., Executive Summary, p. 1–2.

²² Ibid., p. 80.

²³ Ibid., p. 92.

²⁴ См. такие расчеты: Muslim Population Statistics. Institute of Islamic Information and Education. Available at: <http://www.iiie.net/node/55> Accessed 06.10.2009;

²⁵ *Johnson T.M., Grim B.J.* The World's Religions in Figures, p. 14.

²⁶ *Pince G.* World Population Prospects. The "Islamic Bomb". Free World Academy. PDF. Available at: freeworldacademy.com/globalleader/population.html

²⁷ Muslim Population Worldwide. Available at: <http://www.islamicpopulation.com> Accessed 17.01.2002.

²⁸ Iran Is Reversing Its Population Policy by Farzaneh Roudi/<http://issui.com/ecspww/docs/iran-reversing-its-population-policy/> Accessed 14.12.2013.

²⁹ Противоречивую картину являет собой Турция. Глава правящей происламской Партии справедливости и развития премьер Р.Т. Эрдоган выражает сходное с тревогой иранских лидеров беспокойство низкими темпами роста населения и активно призывает турецких женщин иметь не менее трех детей. Его призывы вызывают протесты либерально настроенных кругов. Правительство вынуждено считаться с этими настроениями, но не оставляет планов осуществить меры по стимулированию многодетности, см.: Erdogan Alarmed by Declining Turkish Birth Rate. Ankara, 4 April, 2013 Available at: <http://www.al-monitor.com> Accessed 4.02.2014.

³⁰ Population Dynamics in Muslim Countries, p. 12.

³¹ Сошлемся в связи с этим на точку зрения А.В. Акимова, который обосновывает свой метод прогнозирования численности населения по методике смены режимов демографического развития учетом фактора социально-экономического прогресса. См.: *Акимов А.В.* Долгосрочный прогноз численности народонаселения и перспективы цивилизационного взаимодействия//Восток (Oriens), 2009. № 4, с. 95.

«КОНВЕРГЕНЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» И ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА ИСЛАМСКОГО МИРА*

Дебаты вокруг быстрого роста мусульманского населения, получившего название «исламской демографической бомбы», становятся все более актуальными. Особое значение демографический и этнодемографический факторы приобрели на фоне событий на Ближнем и Среднем Востоке («арабской веснь» и ее последствий), войны в Сирии, хронической нестабильности в Ираке, эрозии власти в Афганистане, кровавых конфликтов в Африке и т. п. Проблема различных течений в исламе, прежде всего суннизма и шиизма, тоже имеет серьёзную демографическую подоплёку.

Снижение рождаемости

В последнее время обсуждается еще один аспект — быстрое сокращение рождаемости в странах исламского мира. Совершенно новым его назвать нельзя. То, что темпы роста населения в мусульманских странах в последние десятилетия снижаются примерно в той же пропорции, что и в немусульманских, неизменно отмечалось в авторитетных публикациях Отделения ООН по народонаселению, пересматривающего раз в два года основные демографические тренды в мире¹.

Однако недавно были опубликованы серьезные монографические исследования, делающие упор на том, что в странах с преобладающим мусульманским населением наблюдается мало замеченный кругой спад рождаемости. Это приближает исламские государства к демографическому переходу (низкой рождаемости и низкой смертности). При этом многие авторы, в частности французские демографы Юсеф Курбаж и Эммануэль Тодд, полагают,

* Россия и мир: анатомия современных процессов, Фонд историческо-скоц перспективы. Сборник статей / Под ред. Е.А. Нарочницкой М.: Международные отношения, 2014, с. 67–75.

что такого рода сдвиги есть доказательство того, что ислам, как религия, не несет какой-либо ответственности за демографический рывок исламской цивилизации, наблюдавшийся в XX в. Наоборот, имеет место, по их мнению, «конвергенция» исламской и христианской цивилизаций — в части воздействия, оказываемого этими религиями на демографические процессы. Это воздействие состоит в поощрении рождаемости, в акценте на продолжении рода человеческого и в то же время в терпимом отношении к средствам защиты от нежелательных рождений. Как отмечают упомянутые исследователи, «Пророк Мухаммад принимал обычай *азл* (*coitus interruptus*) и, трактуя это расширительно, ислам терпимо относится ко всем остальным формам контрацепции. Ислам проявляет терпимость и к абортам до определенного срока беременности»².

В книге французов и сборнике статей под редакцией Ханса Грота и Альфонсо Суса-Поса содержатся убедительные свидетельства резкого снижения рождаемости в странах с мусульманским большинством в период между 1975–80 и 2005–10 гг. Так, суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на женщину в возрастной категории 15–49 лет) в мусульманском регионе упал с 6,8 до 3,5, т. е. почти вдвое³. Если в мире в целом, по данным Отделения ООН по народонаселению, общий коэффициент рождаемости (рождения за год, поделенные на число людей) снизился за 30 последних лет на 33% (в менее развитых странах — на 34%), то в мусульманском регионе он упал на 41%. Более того, в 22 странах с мусульманским большинством рождаемость сократилась наполовину, а в десяти из них (в том числе в Иране) — на 60%⁴.

Авторы этих подсчетов (Николас Эберштадт и Апурва Шах), опираясь на статистические данные ООН и Бюро цензов США, утверждают, что такое крутое снижение рождаемости не имеет прецедентов. Отвергая возможные обвинения в выборе периода наблюдения, они расширяют его до всего послевоенного времени и демонстрируют исключительно быструю реакцию именно мусульманских обществ на меняющуюся в пользу сокращения рождаемости обстановку⁵.

Почти все исследователи феномена сокращения рождаемости в мусульманских и других ареалах отмечают зависимость рождаемости от грамотности населения, особенно женщин. Курбаж и Тодд указывают на закономерность, в соответствии с которой снижение рождаемости происходит после достижения грамотности 50% населения в возрасте от 20 до 24 лет. Иными словами, условия, когда грамотность охватывает половину взрослого молодого населения,

особенно женского, служат толчком для перехода к пониженной рождаемости. Варьирующаяся от страны к стране, данная закономерность подтверждается на примерах как мусульманских, так и немусульманских стран, начавших путь к демографическому переходу в XX в. При этом всё же выявляется разница между странами исламского и неисламского мира. Для множества всех менее развитых государств корреляция показателей грамотности мужчин и женщин с рождаемостью заметно выше (0,84 и 0,80), чем для мусульманских стран (соответственно, 0,61 и 0,55)⁶.

Несмотря на обвальный характер перемен, связанных с рождаемостью в мусульманских странах (она была в начале периода наблюдения очень высокой), демографические темпы роста и на рубеже веков оставались у них выше, чем в других ареалах. Это наблюдается и в отношении мусульманского населения в целом. По данным ООН, относящимся к 1990–2000 и 2000–2010 гг., число мусульман в самом крупном по размеру мусульманского населения Азиатско-Тихоокеанском регионе (куда специалисты из центра «Пью» условно включают все неарабские страны Азии, вплоть до Ирана и Турции) увеличивалось, соответственно, в среднем за год на 2,8 и 1,8%, в то время как численность немусульман возрастала ежегодно на 1,3 и 0,9%. Предполагается, что в ближайшие два десятилетия разрыв сохранится, немного сокротившись: в 2010–2020 гг. численность мусульман будет возрастать на 1,4%, а в 2020–2030 гг. — на 1,1%, в то время как темпы роста немусульман в первый из прогнозных периодов упадут до 0,8%, а во второй — до 0,5%⁷. Что касается мусульманского населения мира, куда входит, кроме жителей АТР (их доля равняется примерно 60%), население Ближнего Востока и Северной Африки (20%), субсахарской Африки (16%), Европы (около 3%) и Америки (менее 0,5%), то оно ежегодно возрастало, по оценкам, в среднем на 2,3% в 1990–2000 гг. и на 2,1% в 2000–2010 гг. Среднегодовой прирост в будущем упадет до 1,7% в период 2010–2020 гг. и до 1,4% в 2020–2030 гг. Он останется несколько выше прироста жителей планеты — не мусульман, но сблизится с ними (в 2010–2020 гг. немусульманское население, по расчетам, будет возрастать в среднем в год на 0,9, а в 2020–2030 гг. — на 0,6%)⁸.

Популяционный момент

Несмотря на уменьшение рождаемости среди мусульман, такие исламские государства, как Афганистан, Пакистан, Кыргызстан,

Малайзия, Туркменистан, остаются в 2010–2015 гг. среди лидеров прироста⁹. В разных мусульманских странах темпы снижения рождаемости и роста населения существенно различаются. Растущая дифференциация по этим показателям наблюдается между такими, например, парами государств, как Иран и Турция, с одной стороны (низкая рождаемость), и Афганистан и Пакистан — с другой (высокая). Среди арабских государств можно выделить наиболее быстро растущий Йемен, среди африканских — Мали, Нигер, полумусульманскую Нигерию, Судан, Сомали.

Невзирая на снижение темпов роста населения в арабском ареале Ближнего Востока и Северной Африки, специалисты из принстонского «Пью» прогнозируют существенное — на 36,5% — увеличение численности арабского населения к 2030 г. по сравнению с 2010 г. В абсолютных цифрах это составит почти 120 млн чел., причем в странах Ближнего Востока население возрастет со 127 до 187 млн, а в Северной Африке — со 195 до 253 млн чел¹⁰.

Таким образом, несмотря на «конвергенцию цивилизаций», демографический рост исламского мира при сохранении нынешних тенденций продолжится. И это неудивительно. Рождаемость — лишь один из факторов, непосредственно воздействующих на демографию. Важнейшее значение (если не принимать в расчет достаточно однородный в нынешнюю эпоху показатель смертности) имеет так называемый «популяционный момент» — инерция воспроизводства из-за наличия большой массы людей детородных возрастов. Наблюдавшийся в 1940–1970-х годах демографический бум в мусульманском ареале еще долго будет сказываться на величине прироста населения в нем.

Хорошо иллюстрируют динамику этого процесса (увеличения численности мусульман) исследования, выполненные в рамках достаточно новой научной отрасли — религиозной демографии. Ведущие специалисты в этой области, американцы Тодд Джонсон и Брайн Грим, произвели подсчет приверженцев религиозных и нерелигиозных убеждений на протяжении 100 лет, с 1910 по 2010 г. Из данных о пропорциях населения, относимого к разным мировоззрениям и деноминациям, следует, что число мусульман в минувшее столетие росло наиболее быстро, в среднем почти на 2% в год, уступая по темпам роста лишь неверующим. К 1970 г. доля агностиков и атеистов в мире достигла максимума (почти 20%), а затем стала неуклонно сокращаться. В первое десятилетие нынешнего века

она увеличивалась меньше чем на 0,3%. Вместе с тем за эти 100 лет достаточно быстро возрастал удельный вес христиан всех деноминаций (1,32%), индуистов (1,46%), буддистов (1,28%) и анимистов в субсахарской Африке (1,38%)¹¹.

Среди верующего населения наиболее заметно вырос удельный вес мусульман. В 1910 г. они составляли менее одной шестой части мирового населения, а к 2010 г. ислам исповедовал почти каждый четвертый житель планеты. Однако распространенные одно время представления, что ислам обгонит христианство по числу приверженцев уже к 2030 г. (и уж во всяком случае к 2050 г.)¹², с учетом тенденций последнего десятилетия не нашли подтверждения. Темпы роста мусульман в 2000–2010 гг., по данным Джонсона и Грима, составляли в среднем в год 1,86%, а христиан — 1,31%. При сохранении нынешней динамики христианство останется самой массовой религией и в середине XXI столетия (35,8%), а доля мусульман увеличится лишь до 27,5%¹³.

Не исключено, впрочем, что оценки вышеназванных религиозных демографов, изначально концентрировавших свое внимание на христианском мире, несколько занижают масштабы и потенциал демографического ареала исламской цивилизации. По мнению Г. Пинса из «Академии свободного мира», мусульмане уже в 2005 г. составляли 24% мирового населения, а к 2050 г. их доля должна возрасти до 33%¹⁴. Более высоко оценивают перспективы роста мусульман многие исламские центры.

Политики — против

Касаясь перспектив, нельзя не учитывать влияние политического фактора, который может изменить сложившиеся за последние десятилетия тренды. Так, руководство Ирана недавно выразило обеспокоенность низкими темпами роста своего населения. Сначала Махмуд Ахмадинежад, занимавший до выборов 2013 г. пост президента Исламской Республики, а затем и ее духовный лидер аятолла Али Хаменеи признали необходимым пересмотр демографической политики, отказ от курса на сокращение рождаемости и переход к противоположным, наталистским мерам. В октябре 2013 г. Хаменеи призвал иранцев иметь четырех или пять детей, заявив, что население в 150 млн человек — это минимум, который Иран должен иметь. Министерство здравоохранения Ирана подтвердило отказ от

практики контроля за рождаемостью¹⁵. Многие комментаторы выражают сомнение в достижимости поставленных целей (ныне, по разным оценкам, население страны составляет 78–80 млн чел.), но какой-то эффект разворот в демографической политике, по-видимому, произведет. Отметим, что стремление директивно управлять вопросами, касающимися семьи и общества, характерно для исламской цивилизационной модели, хотя и не только для нее.

Заметное стимулирующее демографический рост воздействие оказывают в некоторых мусульманских странах политические соображения, связанные не с конфессиональным, а с этническим фактором. В Пакистане, например, в условиях электоральной демократии и федерализма определенные политические силы прямо заинтересованы в увеличении численности поддерживающего их (вследствие этнической и территориальной принадлежности) населения. Похожими причинами вызван повышенный темп роста численности малайцев в Малайзии с ее традиционно крупной китайской общиной. В Индонезии отмеченное в последнее время замедление темпов снижения рождаемости тоже связано, очевидно, с политическими и социальными факторами¹⁶.

Статистическими методами удалось установить, что рождаемость наиболее тесно коррелирует с тремя параметрами. Один — грамотность вообще и грамотность женщин — уже обсуждался. Два других — это доля городского населения и индикаторы уровня жизни. Чем они ниже, тем выше в среднем рождаемость. Таким образом, перспективы демографического роста исламского мира зависят и от базовых социально-экономических причин¹⁷.

* * *

Ислам как религия не имеет специфических черт, способствующих чрезмерно быстрому росту населения. Более того, исламские религиозные представления способствуют практике ограничения рождаемости. Вместе с тем исламская цивилизация, как олицетворение единства общины–общества–государства, изначально ориентировалась на расширение ареала политического и социального господства. С возможностью использования радикальными элементами этого историко-политического феномена, по-видимому, и связана обеспокоенность части мирового общественного мнения перспективами увеличения исламского «клина» в населении планеты.

Представляется, однако, что угроза «исламской демографической бомбы» сильно преувеличена. И не только потому, что взрывной рост мусульманского населения, наблюдавшийся во второй половине XX в., сменился затуханием. Дело еще в том, что общие религиозные корни не обеспечивают единства исламского мира. Он остается разделенным и по религиозно-сектантскому, и по этническому, и по национально-государственному признакам. Элиты исламских государств склоняются к внешнеполитическим ориентациям, жестко разделяющим нередко близкие в цивилизационном отношении страны.

Что касается фундаменталистского радикализма, то он, несомненно, еще будет играть немалую роль в структурировании мирополитических реалий. Но по мере «старения» мусульманского населения (неизбежного и при достаточно высоком демографическом росте) социальная опора радикальной идеологии будет постепенно размываться.

Исламский демографический фактор имеет и будет сохранять немалое политическое значение на региональном и локальном уровнях. Линии религиозного и религиозно-сектантского водоразделов пролегают нередко внутри стран или в ареале соседних государств. С этой точки зрения демографическая проблематика крайне важна для понимания текущих социально-политических и социально-экономических процессов, а также оценки перспектив эволюции различных государственно-политических систем и международных отношений в целом.

Примечания

¹ Population Newsletter. World Fertility Report 2003. N.Y.: Dec. 2003, № 76, p. 7; United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects, the 2012 Revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/p2k0data.asp> Accessed 08,11,2013. United Nations Population Division. Department of Economic and Social Affairs. World Population Prospects. The 2010 Revision. PDF.

² Courbage Y., Todd E. A Convergence of Civilizations. The Transformation of Muslim Societies. N.Y.: Columbia University Press, 2011, p. 21. Karim M. Islamic Teachings on Reproductive Health and Fertility Transition in Muslim-majority Countries//Aga Khan University/mehtab.karim@aku.edu

³ Courbage Y., Todd E. A Convergence of Civilizations, p. 9.

⁴ Population Dynamics in Muslim Countries / Ed. H. Groth, A. Souza-Pola. Berlin: Springer, 2012, p. 34.

⁵ Ibid., p. 37.

⁶ Courbage Y., Todd E. A Convergence of Civilizations, p. 17–18.

⁷ The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. Pew Research Center, Jan. 2011. PDF, p. 71. Available at: www.perforum.org

⁸ Ibid., Executive Summary, p. 1–2.

⁹ Ibid., p. 80.

¹⁰ Ibid., p. 92.

¹¹ Подр. см. другую статью автора: *Белокреницкий В.Я.* Демографические параметры и перспективы исламского мира и исламской цивилизации // *Восточная аналитика 2013* / Гл.ред. В.В. Наумкин. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.

¹² См. такие расчеты: Muslim Population Statistics. Institute of Islamic Information and Education. Available at: <http://www.iiie.net/node/55> Accessed 06.10.2009

¹³ *Johnson T.M., Grim B.J.* The World's Religions in Figures, p. 14.

¹⁴ *Pince G.* World Population Prospects. The “Islamic Bomb”. Free World Academy. PDF. Available at: freeworldacademy.com/globalleader/population.html

¹⁵ Iran Is Reversing Its Population Policy by Farzaneh Roudi/<http://ecspwww/docs/iran-reversing-its-population-policy/> Accessed 14.12.2013.

¹⁶ Population Dynamics in Muslim Countries, p. 12.

¹⁷ См.: *Акимов А.В.* Долгосрочный прогноз численности народонаселения и перспективы цивилизационного взаимодействия // *Восток (Oriens)*, 2009. № 4, с. 95

Список научных трудов доктора исторических наук, профессора Вячеслава Яковлевича Белокреницкого*

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
1.	Положение в горнодобывающей промышленности Пакистана // Специальный бюллетень. М.: Институт народов Азии АН СССР, 1968, 8 (90)	0,5
2.	Политика правящих кругов Пакистана в отношении мелкого промышленного производства // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. Тезисы докладов. М.: ИНА АН СССР, 1969	0,1
3.	Государственное стимулирование мелкого капиталистического предпринимательства в Пакистане (1962–1968 гг.) // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. Тезисы докладов. М.: ИВ АН СССР, 1969	0,1
4.	Рецензия на книгу: Г.Ф. Папанек. Развитие Пакистана—социальные цели и частная инициатива // Вопросы истории. 1969, 10	0,5
5.	Новые тенденции в политике правящих кругов Пакистана в отношении к мелкому промышленному производству Специальный бюллетень. М.: ИВ АН СССР, 1969, 8 (99)	0,5
6.	Мелкое промышленное производство в Пакистане // Народы Азии и Африки. 1970, 1	0,7
7.	Политика правящих кругов Пакистана в отношении мелкого промышленного производства // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1970	0,8

* В список не включены научно-аналитические и научно-публицистические статьи, обзоры конференций и других научных мероприятий, не учтено титульное редактирование и участие в редколлегиях коллективных монографий и сборников статей.

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
8.	Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему «Мелкое промышленное производство в Пакистане», 1970	15,0 а. л
9.	Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему «Мелкое промышленное производство в Пакистане», 1970	1,0
10.	Обзор журнала «Pakistan Development Review» // Народы Азии и Африки. 1970, 3	0,75
11.	Хроника народных движений, 1969 // Специальный бюллетень ИВ АН СССР. 1970, 10 (116) (совм. с С. Сингхом)	0,2 (0,5)
12.	Хроника народных движений, 1970 // Специальный бюллетень ИВ АН СССР. 1971, 12 (128) (совм. с С. Сингхом)	0,2 (0,5)
13.	Государственный капитализм и низшие городские уклады в Пакистане // Государственно-капиталистический уклад: материалы к симпозиуму. М.: ИВ АН СССР, 1972	0,2
14.	Процессы урбанизации и социальная структура городского населения Пакистана // Международная конференция ЮНЕСКО. Тезисы докладов участников СССР. М., ИВ АН СССР, 1972	0,3
15.	Мелкая и домашняя промышленность // Народная Республика Бангладеш: справочник. М.: Наука, 1972	0,2
16.	Мелкое производство в экономике Пакистана. М.: Наука, 1972	9,0
17.	Хроника народных движений, 1971 // Специальный Бюллетень. М.: ИВ АН СССР. 1973, 6 (145) (совм. с С. Сингхом)	0,2 (0,5)
18.	Экономика Пакистана: проблемы и перспективы // Народы Азии и Африки. 1973, 6 (совм. с М.А. Сидоровым)	0,5 (1,0)

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
19.	Проблемы относительного перенаселения и городской полупролетариат в Пакистане // Пауперизм и люмпенство в «третьем мире». Тезисы докладов. М.: ИВ АН СССР, 1973	0,3
20.	Финансы // Народная Республика Бангладеш: справочник. М.: Наука, 1974	0,4
21.	Мелкая и ремесленная промышленность // Народная Республика Бангладеш: справочник. М.: Наука, 1974	0,3
22.	Экономическая помощь капиталистических стран Запада Пакистану // Специальный бюллетень. М.: ИВ АН СССР, 1974 (совм. с С.Ф. Левиным)	0,3 (0,7)
23.	Мелкотоварный и мелкокапиталистический уклад в городской экономике Пакистана // Мелкое производство города Азии и Африки. М.: Наука, 1974	1,2
24.	Государственное стимулирование мелкого капиталистического предпринимательства в Пакистане // Экономическое развитие Пакистана (60-е годы). М.: Наука, 1974	1,1
25.	Налоговая политика Пакистана // Экономическое развитие Пакистана (60-е годы). М.: Наука, 1974	3,2
26.	Urbanization and Social Structure of Urban Population in Pakistan // Asian Survey. Berkeley (Ca) USA, vol. XIV, № 3	0,8
27.	The Urbanization Processes and the Social Structure of the Urban Population in Pakistan // Soviet Scholars View South Asia. Lahore: Progressive Publishers, 1975	0,8
28.	Некоторые особенности нынешнего курса экономической политики Пакистана // Специальный бюллетень М.: ИВ АН СССР, 1975	0,7
29.	Обзор журнала «Pakistan Economic and Social Review» // Народы Азии и Африки. 1976, 4	0,75

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
30.	О стратегии экономического развития Пакистана (по материалам пакистанской печати) // Современный Пакистан. Экономика, история, культура. М.: Наука, 1976	1,25
31.	Мелкая промышленность // Пакистан: справочник. М.: Наука, 1977	0,3
32.	Рецензия на книгу: С.Н. Каменев. Экономический рост Пакистана // Азия и Африка сегодня. 1978, 2	0,2
33.	Урбанизация и некоторые особенности социальной структуры городского населения Пакистана // Пакистан. Проблемы истории и экономики. М.: Наука, 1978	1,2
34.	Пакистан: урбанизация или псевдоурбанизация? (К вопросу о ложной урбанизации в развивающихся странах) // Демографический аспект современных проблем развивающихся стран: тез. докл. М.: ИВ АН СССР, 1979	0,3
35.	Некоторые особенности урбанизации в развивающихся странах // XIV Тихоокеанский научный конгресс. Хабаровск	0,2
36.	Пакистан 70-х годов: некоторые черты развития // Народы Азии и Африки. 1979, 4 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,6 (1,2)
37.	Жилищная проблема в Пакистане // Пакистан. История и экономика. М.: Наука, 1980	1,1
38.	Социально-политическое развитие Пакистана (обзор зарубежных исследований) // Народы Азии и Африки. 1981, 5	0,7
39.	Рост городского населения и процесс урбанизации в развивающихся странах Востока // Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост. М.: Наука, 1981	1,3

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
40.	Проблемы нищеты. Пауперизм и люмпенство в Пакистане // Процессы деклассирования в странах Востока. М.: Наука, 1981	1,2
41.	Пакистан. Социально-экономические проблемы развивающихся стран. М.: Мысль (совм. с В.Н. Москаленко)	5,5 (7,0)
42.	Пакистан: социальная структура общества (совм. с Ю.В. Ганковским) // Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока: Иран, Пакистан, Турция. М.: Наука, 1981	0,7 (1,4)
43.	Пакистан: особенности и проблемы урбанизации. М.: Наука, 1982	18,0
44.	Проблемы, сохраняющие актуальность // Новое время, 1981 (совм. с Ю.В. Ганковским)	0,2 (0,4)
45.	Пакистан под властью военных // Азия и Африка сегодня, 1982, 1 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,35 (0,7)
46.	Измерение региональной неравномерности развития Пакистана (опыт применения факторного анализа и обработки данных на ЭВМ) // Экономика стран Среднего Востока. Моделирование и прогнозирование. М.: Наука, 1982 (совм. с А.А. Иудиным)	0,5 (1,0)
47.	Развитие экономических исследований в Пакистане. Опыт моделирования экономики // Экономика стран Среднего Востока. Моделирование и прогнозирование. М.: Наука, 1982	0,7
48.	Рецензия на книгу: Г.И. Старченков. Трудовые ресурсы Турции // Народы Азии и Африки. 1982, 3	0,5
49.	Низшие слои в социальной структуре восточного города (на примере Пакистана) // Народы Азии и Африки. 1983, 2	1,1
50.	Пакистан. Эволюция традиционного сектора и традиционализм // Азия и Африка сегодня. 1983, 9	0,7

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
51.	Пакистан: военные у власти // Азия и Африка сегодня. 1984, 8	0,3
52.	Некоторые черты урбанизации на Востоке: городской квазитрадиционный сектор // Народы Азии и Африки. 1984, 5	1,1
53.	Rural-Urban Migration and the Urban Poor in Pakistan // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Villanova. 1984, vol. VIII, 1	0,8
54.	Пакистан. Взрыв недовольства // Азия и Африка сегодня. 1984, 4 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,35 (0,7)
55.	Городской неформальный сектор в странах Востока // Азия и Африка сегодня. 1984, 10	0,7
56.	Структура нефабричного пролетариата Пакистана // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М.: Наука, 1985	1,8
57.	Пакистан. Экономические и политические противоречия // Азия и Африка сегодня. 1986, 8 (совм. с И.В. Жмуйда)	0,4 (0,8)
58.	Сельская миграция в города и рост городского населения // Трудовые ресурсы Востока: демографо-экономические проблемы. М.: Наука, 1987	0,9
59.	Дуализм городской экономики и условия воспроизводства трудовых ресурсов // Трудовые ресурсы Востока: демографо-экономические проблемы. М.: Наука, 1987	1,4
60.	Soviet Relations with Pakistan // Soviet-American Relations with Pakistan, Iran and Afghanistan. Hampshire, Macmillan, 1987 (with Y. Gankovsky, V. Moskalenko, R. Mukimjanova)	0,3 (1,2)
61.	Гл. II. Основные черты эволюции социальной структуры // Пакистанское общество: экономическое развитие и социальная структура. М.: Наука, 1987	4,0

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
62.	Гл. IV. Пакистанский город // Пакистанское общество: экономическое развитие и социальная структура. М.: Наука, 1987	6,0
63.	Пакистан: социальная структура общества (70-е — начало 80-х годов) // Развивающиеся страны в мировой политике. М.: Наука, 1987 (совм. с Ю.В. Ганковским)	0,4 (0,8)
64.	Особенности капиталистической эволюции Пакистана // Народы Азии и Африки. 1988, 4	1,1
65.	Пакистан в 1987 г. — некоторые итоги и перспективы (совм. с В.Н. Москаленко) // Восток и современность. 1988, 3	0,3 (0,6)
66.	О социальной сущности экономической политики военно-бюрократического режима Пакистана // Специальный бюллетень ИВ АН СССР. 1988, 1	0,6
67.	Экономическое развитие и промышленное производство Пакистана: некоторые итоги и проблемы // Специальный бюллетень ИВ АН СССР. 1988, 1	1,4
68.	Колониализм и традиционные общественные структуры (северо-западная Индия, вторая половина XIX в.). Тезисы Доклада. 3-я Всесоюзная конференция востоковедов. Душанбе. 1988	0,2
69.	Немарксистская зарубежная историография проблем развития Пакистана // Источниковедение и историография стран Востока: узловые проблемы теории. Вып. 1. М.: Наука, 1988 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,2 (0,4)
70.	Рецензия на книгу: В.Ф. Агеев. Новейшая история Синда // Народы Азии и Африки. 1988, 2	0,6
71.	Рецензия на книгу: В.В. Сумский. Национализм и авторитаризм в Индонезии, Пакистане и Бангладеш // Азия и Африка сегодня. 1988, 6	0,2

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
72.	Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX — 80-е годы XX в.) М.: Наука, 1988	23,8
73.	Экономика Пакистана: региональная неравномерность // Современные проблемы Афганистана и Пакистана. Специальный бюллетень ИВ АН СССР. 1989	0,7
74.	Пакистан (Исламская Республика Пакистан) // Международное ежегодник. Политика и экономика. М.: Издательство политической литературы, 1989 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,3 (0,6)
75.	Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Формирование и развитие капиталистических отношений в северо-западном регионе Южной Азии (середина XIX — 80-е годы XX в.)».	30,0 а.л.
76.	Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Формирование и развитие капиталистических отношений в северо-западном регионе Южной Азии (середина XIX — 80-е годы XX в.). М.: ИВ РАН, 1989	2,0
77.	История Пакистана: основные этапы и особенности // Источниковедение и историография стран Востока: узловые проблемы теории. Вып. 2. М.: Наука 1989 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,4 (0,8)
78.	Политология в Пакистане // Народы Азии и Африки. 1990, 6	0,7
79.	Трансформация города в колониальную эпоху (на примере городских поселений бассейна Инда) // За рубежом Восток: вопросы экономической истории города. М.: Наука, 1990	1,7
80.	The Transformation of the South Asian Town in the Colonial Epoch // Pakistan Journal of History and Culture. Islamabad, 1990. Vol. XI. № 2	1,2

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
81.	Soviet Relations with India and Pakistan and the Afghan Problem // Domestic Determinants of Soviet Foreign Policy towards South Asia and Middle East. Hamshere, Macmillan, 1990 (with Y. Gankovsky, V. Moskalenko, R. Mukimjanova)	0,3 (1,2)
82.	Иллюстративная и прогностическая (экстраполяционная) модель развития экономики Пакистана // Специальный бюллетень ИВ АН СССР. 1991, 3	1,1
83.	Советско-пакистанские отношения: тенденции и перспективы // Специальный бюллетень. ИВ АН СССР 1991, 3 (совм. с И.В. Жмуйда)	0,3 (0,6)
84.	Социальная структура общества // Пакистан: справочник. М.: Наука, 1991	0,7
85.	Промышленность // Пакистан: справочник. М.: Наука, 1991	1,3
86.	Государственные финансы // Пакистан: справочник. М.: Наука, 1991	0,6
87.	Capitalism in Pakistan. A History of Socio-Economic Development. New Delhi: Patriot Publishers, 1991	26,0
88.	Капитализм в исламском обществе (к вопросу о взаимосвязи формации и цивилизации). Тез. докл. 4-я Всесоюзная конференция востоковедов. Махачкала, 1991	0,2
89.	Рецензия на книгу: D. Rothermund. The Economic History of India // Общественная мысль за рубежом, 1991, 6	0,3
90.	О некоторых особенностях раннего этапа развития капитализма на Ближнем и Среднем Востоке (колониальный вариант; районы Пакистана) // Социально-экономическое и историческое развитие Южной и Юго-Восточной Азии. Калуга, 1992	1,2

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
91.	Пакистан: основные тенденции социально-политического развития // Социально-экономическое и историческое развитие Южной и Юго-Восточной Азии. Калуга, 1992 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,5 (1,0)
92.	Центрально-азиатский макрорегион: проблемы и перспективы-Центрально-азиатский макрорегион и Россия. М.:ИВ РАН, 1993	1,2
93.	Этносоциальные структуры населения Пакистана // Западная Азия: этнополитическая ситуация. М.: Наука, 1993	1,0
94.	Проблемы и перспективы формирования центральноазиатского макрорегиона // Восток. 1993, 4	1,1
95.	Новая геополитическая ситуация: афгано-пакистанский аспект // Восток. 1993, 6 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,4 (0,8)
96.	Islam and the State in Pakistan // Russia's Muslim Frontiers. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1993	1,2
97.	Soviet-Indian Relations: History and Perspectives // Dilemmas of National Security and Cooperation in India and Pakistan. Hampshere, Macmillan,1993	0,8
98.	Исламские страны и регионы. История и современность. М.: ИВРАН,1994 (14 п.л.) Отв.ред. (совм. с О.И. Жигалиной)	0,7 (1,4)
99.	От редакторов // Исламские страны и регионы: история и современность. М.: ИВ РАН, 1994 Отв. ред. (совм. с О.И. Жигалиной)	0,15(0,3)
100.	Социальная эволюция мусульманского северо-запада Южной Азии в колониальный период // Исламские страны и регионы: история и современность. М.: ИВ РАН, 1994	1,5

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
101.	Природная среда, хозяйственно-культурные типы и структуры сельского общества у мусульман Пакистана // Окружающая среда и социально-экономический процесс в исламском мире. М., 1994	1,0
102.	Russia and Greater Central Asia // Asian Survey. Berkeley. 1994. № 12	1,0
103.	Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье как современные геополитические регионы // Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье: интеграция и конфликты. М.: ИВ РАН, 1995	1,3
104.	Интеграционные процессы в Центральной Азии // Интеграционные процессы в Азии в конце XX в. М.: ИВ РАН, 1995	1,0
105.	Пакистан: динамика «двухъярусного» капитализма // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: Наука, 1995	1,2
106.	Центральная Азия: пути интеграции в мировое сообщество. М.: ИВ РАН. 1995. 10 п.л. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий	1,0
107.	Предисловие // Центральная Азия: пути интеграции в мировое сообщество. М.: ИВ РАН, 1995	0,3
108.	Гл. 1. Генезис и основные характеристики региона // Центральная Азия: пути интеграции в мировое сообщество. М.: ИВ РАН, 1995	2,4
109.	Заключение // Центральная Азия: пути интеграции в мировое Сообщество. М.: ИВ РАН, 1995	0,4
110.	Central Asia in the New Eurasian Geopolitics: Implications for Pakistan and Russia // Pakistan Horizon. Vol. 48, № 3. Karachi, 1995	1,2
111.	La Russie Contemporaine et la region de l'Asie Centrale // La Lettre d'Asia Centrale. Paris, 1995, № 4	0,3

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
112.	М.А. Джинна, геополитическое положение Пакистана и российско-пакистанские отношения // Кадид-и-Азам Мухаммад Али Джинна. М.: ИВ РАН, 1995	0,9
113.	Современная ситуация в Центральной Азии и на Кавказе: взгляд из Ирана // Восток. 1996, 4 (совм. с Л.Е. Скляровым)	0,3 (0,6)
114.	Центральноазиатское единство — миф или реальность? // Восток. 1996, 5	1,0
115.	Центральная Азия в евразийской перспективе (вместо заключения) // Восток. 1996, 5	0,5
116.	О статье профессора Ф. Веллинга Ловушка «шелкового пути» // Восток. 1996, 6	0,3
117.	Геополитическая вертикаль в сердце Азии // Pro et Contra. 1997, 2	0,8
118.	Особенности модернизации на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 1997. 12 п.л. Отв. ред. (совм. с И.Л. Фадеевой)	0,6 (1,2)
119.	Послевоенная модернизация в странах Западной Азии: общие тенденции и расходящиеся траектории развития // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 1997	1,6
120.	В ареале нестабильности — геополитическое положение Пакистана // Азия и Африка сегодня. 1997, 8	0,5
121.	Рецензия на книгу: D.F. Eikelman, J. Piscatorri. Muslim Politics // Pro et Contra, 1997, 3	0,2
122.	Рецензия на книгу: G. Kemp, R. Harkavy. Strategic Geography and the Middle East // Pro et Contra, 1997, 4	0,4
123.	Рецензия на книгу: Политическая культура стран Азии и Африки // Восток. 1997, 4	0,6
124.	Демографическое измерение постсовременного мира // Восток. 1998, 2	0,9

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
125.	Пакистан: обострение политической борьбы (совм. с В.Н. Москаленко) // Год планеты. 1998 год. М.: Республика, 1998.	0,4 (0,8)
126.	Вместо введения // Афганистан: война и проблемы мира. М.: ИВ РАН, 1998 (совм. с Г.В. Милославским)	0,35 (0,7)
127.	Кашмир: забрезжит ли свет в конце туннеля // Азия и Африка сегодня. 1998, 3 (совм. с В.Н. Москаленко, Т.Л. Шаумян)	0,25 (0,75)
128.	Социальная структура // Энциклопедия Пакистана. М.: Фондамента пресс, 1998	1,0
129.	Города // Энциклопедия Пакистана. М.: Фондамента пресс, 1998	0,6
130.	Отрасли промышленности // Энциклопедия Пакистана. М.: Фондамента пресс, 1998	0,5
131.	Финансы // Энциклопедия Пакистана. М.: Фондамента пресс, 1998	0,8
132.	Il triangolo islamico // Limes. Rivista Italiana d. Geopolitica. № 4 Roma, 1998	0,7
133.	Russia and Former Soviet Central Asia: the Attitude towards Regional Integrity // Post-Soviet Central Asia. London: Taurus, 1998	1,0
134.	Южная Азия: конфликты и геополитика. М.: ИВ РАН, 1999. 12 п.л. Отв. ред.	1,2
135.	Введение // Южная Азия: конфликты и геополитика. М.: ИВ РАН, 1999	0,15
136.	Гл. I. Особенности и направления геополитической эволюции южноазиатского региона // Южная Азия: конфликты и геополитика. М.: ИВ РАН, 1999	5,6
137.	Заключение // Южная Азия: конфликты и геополитика М.: ИВ РАН, 1999	0,2

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
138.	Глобализация и поиски путей национальной идентичности в Индии и странах Южной Азии // Глобализация и поиски национальной идентичности. М.: МГИМО, 1999	0,9
139.	Ислам и власть, опыт Пакистана // Ислам и исламизм. М.: РИСИ, 1999	1,2
140.	Восток через призму мировых демографических прогнозов (к вопросу о геодемографии и геополитике будущего века) // Восток. 1999, 5	1,3
141.	Russia-Afghan Relations // Russia and Asia. The Emerging Security Agenda. Srockholm: SIPRI. 1999	0,8
142.	Рецензия на книгу: О.В. Плешов. Ислам и демократия. Опыт Пакистана // Восток. 1999, 6	0,6
143.	Восток в международных отношениях и мировой политике. Программа курса. М.: Восточный университет, 2000	1,5
144.	Демографическое измерение постсовременного мира // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб: Алетейя, 2000	1,0
145.	Исламский радикализм Пакистана: эволюция и роль в регионе // Центральная Азия и Кавказ. Лунда, Швеция, 2000, 6	1,3
146.	Россия и мусульманский мир. Материалы «круглого стола». М., Горбачев-фонд, 2000	0,3
147.	Вместо «холодной войны» — война цивилизаций? Можно ли на примере Пакистана смоделировать мир в XXI веке // Азия и Африка сегодня. 2000, 10	0,5
148.	Обсуждение книги: А.Д. Воскресенский. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений // Восток. 2000, 5	0,8

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
149.	Россия и «исламский треугольник» (Афганистан, Иран, Пакистан) // Афганистан: проблемы войны и мира. М.: ИВРАН, Институт Ближнего Востока (ИБВ), 2000	0,5
150.	Рецензия на книгу: М. Chadda. Ethnicity, Security and Separatism in India // Восток. 2000, 2	0,6
151.	Пакистан в системе взаимоотношений Индии и Китая // Россия–Китай–Индия: проблемы стратегического партнерства. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000	0,5
152.	Южная Азия в современном политическом мире. Взгляд из Москвы. New York: The Edwin Mellen Press, 2001 (совм. с В.Н. Москаленко, Т.Л. Шаумян).	15,0 (24,0)
153.	Восток на рубеже веков: некоторые итоги и перспективы развития // Восток. 2001, 5	1,3
154.	Ислам и политика. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2001. Отв. ред. (совм. с А.З. Егориным) 26 п.л.	1,3 (2,6)
155.	Мусульманские страны к югу от СНГ: геодемография и геополитика XXI века // Ислам и политика. М.: ИВ РАН, 2001	1,2
156.	Пакистанский исламорадикализм — эволюция и связь с региональным терроризмом // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М.: ИБВ, 2001	1,0
157.	Стратегическое партнерство России с Индией и Китаем // Китай, Россия и новый миропорядок. Шанхай, 2001 (на китайском языке)	1,2
158.	Стратегический треугольник Россия–Китай–Индия: реальность конфигурации // Китай в мировой политике. М: МГИМО, 2001	1,4
159.	Реакция мусульманских стран на кампанию борьбы с терроризмом // Ближний Восток и современность. М.: ИБВ, 2001, 12	0,5

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
160.	Мусульманские страны у границ СНГ / Отв. ред. (совм. с А.З. Егориным) М.: ИВ РАН, Крафт+, 2001. 21 п.л.	1,05 (2,1)
161.	Мусульманский регион у южных границ СНГ — структура, значение, перспективы // Мусульманские страны у границ СНГ. М.: ИВ РАН, 2001	1,1
162.	Россия и Пакистан: взлеты и падения двусторонних отношений // Азия и Африка сегодня. 2001, 5	0,6
163.	Элементы «большой игры» в борьбе Запада против терроризма // Центральная Азия и Кавказ. 2001, 6	0,8
164.	Юрий Владимирович Ганковский (к 80-летию со дня рождения) // Восток. 2001, 2 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,4 (0,8)
165.	Возможные последствия войны с терроризмом для ситуации на Среднем Востоке и в Центральной Азии // Материалы «круглого стола». М.: ИВ РАН, 2001	0,3
166.	Рецензия на книгу: Афганистан. Справочник // Восток. 2001, 6	0,5
167.	Разд. III. Гл. 5. Проблемы и перспективы регионального сотрудничества в Южной Азии // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002	0,8
168.	Разд. IV. Гл. 4. Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений М.: МГИМО, РОССПЭН, 2002	0,7
169.	Предисловие; Афганистан на переходном этапе // М.: ИВ РАН, 2002	0,3
170.	Пуштуны Афганистана и Пакистана: демографическая // динамика и политическая роль	1,8

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
171.	Очерк развития отечественного пакистановедения (совм. с В.Н. Москаленко) // Бюллетень Общества востоковедов РАН. М., 2002	0,35 (0,7)
172.	Региональные аспекты проблемы обеспечения безопасности и восстановления Афганистана // Материалы круглого стола. М.: ИВ РАН. 2002	0,4
173.	Кашмирский очаг исламского экстремизма // Азия и Африка сегодня. 2002, 1 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,4 (0,8)
174.	Восток в мировой политике // Интеллект на завтра. М.: МНОП, 2002 (совм. с А.Д. Воскресенским)	0,2 (0,4)
175.	Южная Азия в мировой политике. М: Международные отношения, 2003 Сост. (совм. с В.Н. Москаленко, Т.Л. Шаумян). 24,5 п.л.	2,5
176.	Введение // Южная Азия в мировой политике. М., Международные отношения, 2003	0,5
177.	Гл. 1. Этапы формирования Южноазиатской системы государств и ее современное состояние // Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003.	2,0
178.	Гл. 2. Геополитические устремления и региональная внешняя политика Индии // Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения , 2003	2,5
179.	Гл. 3. Геополитическое положение Пакистана и его региональная внешняя политика // Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения	4,5
180.	Гл. 4. Перспективы и проблемы сотрудничества в Южной Азии // Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003	1,3
181.	Гл. 8 Глобализация и страны Южной Азии // Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003	1,2

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
182.	Заключение // Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003.	0,7
183.	Послевоенная история Востока — как нам ее представлять? // Восток. 2003, 1	1,1
184.	Какие коррективы нужны внешней политики России? // Восток. 2003, 3	0,7
185.	Политическая система и политическая культура в мусульманских странах Южной Азии (к постановке вопроса) // Индия в глобальной перспективе. М.: ИВ РАН, 2003	1,0
186.	Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в центре Азии // Ближний Восток и современность. Вып. 17. М., 2003	0,7
187.	Пуштуны и будущее Пакистана // Ближний Восток и современность. Вып. 18. М., 2003	0,9
188.	Проблема безопасности и перспективы экономических взаимосвязей регионов Центральной и Южной Азии // Российская Западная Сибирь, Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика и безопасность. Барнаул, 2003	0,6
189.	Гл. 24. Международные отношения в Южной Азии // Современные международные отношения и мировая политика. М.: МГИМО, 2004	1,0
190.	Гл. 33. Внешняя политика России на азиатском направлении (совм. с А.Д. Воскресенским) // Современные международные отношения и мировая политика. М.: МГИМО, 2004	0,7 (1,4)
191.	Бангладеш // Энциклопедия стран мира. М., 2004	0,25 (0,5)
192.	Пакистан (совм с В.Н. Москаленко) // Энциклопедия стран мира. М., 2004 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,25
193.	Ислам на современном Востоке. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. Отв. ред. (совм. с А.З. Егориным). 28 п.л.	1,4 (2,8)

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
194.	Исламский фактор в истории и политике Пакистана // Ислам на современном Востоке. М.: ИВРАН; Крафт+, 2004	0,75
195.	Политический ислам в Пакистане и его воздействие на Центральную Азию // Ближний Восток и современность. Вып. 21. М., 2004	0,9
196.	Из Пакистана и Афганистана в Центральную Азию. Пути распространения исламского радикализма // Афганистан в начале XXI века. М.: ИВ РАН, 2004	1,0
197.	Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в центре Азии // Россия и мусульманский мир. 2004, 1	0,6
198.	Пакистанский исламизм и Центральная Азия // Россия и мусульманский мир. 2004, 12	0,8
199.	Islamic Radicalism in Pakistan: Evolution and Regional Role // International Terrorism and Religious Extremism. Challenges to Central And South Asia. Kolkata, 2004	1,2
200.	Russian Federation's Core Interests and Policies and Their Impact on Regional Countries // Major Powers and South Asia. Islamabad, 2004	0,8
201.	The ISI: Terrorism's Ally? // Terrorism Monitor. The Jamestown Foundation, 2004. Vol. 1. № 3	0,3
202.	Radicals and Reformers in Pakistan // Terrorism Monitor, vol.2 N.14 Thr Jamestown foundation 2004	0,4
203.	Пакистанский исламизм и Центральная Азия // Азия и Африка сегодня, 2004, 9	0,4
204.	Памяти Юрия Владимировича Ганковского // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока, М., ИВ РАН, 2004 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,3 (0,6)

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
205.	Islamic Radicalism in Central Asia: The Influence of Pakistan and Afghanistan // Central Asia at the End of Transition. New York: M.E. Sharpe, 2004	3,2
206.	Мусульманский Восток в начале XXI века. Тенденции и перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ. 2005, 5	0,8
207.	Характерные черты политической культуры Бангладеш // Россия и мусульманский мир. 2005,	4
208.	Этнические, религиозные и сектантские конфликты в Пакистане // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М. : МГИМО, 2005	1,2
209.	Предисловие, структурирование, компоновка текста, редакция, примечания // В кн.: О.В. Плешов. Ислам и политическая культура в Пакистане. (Посмертное издание). М. ИВ РАН, 2005, 15 п.л.	3,0
210.	Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2005. 32 п.л. Отв. ред. (совм. А.З. Егориным, Н.Ю. Ульченко)	1,0
211.	Мусульманский Восток в начале XXI века // Ислам и общественное развитие в начале XXI в. М.: ИВ РАН, 2005	1,1
212.	Персоналистский авторитаризм в Пакистане. Политическая культура и режим власти в восточном варианте // Полития. М., 2005, 2	1,2
213.	Персоналистский авторитаризм в Пакистане. К вопросу о политической культуре и режиме власти в восточном варианте // Восток. 2005, 6	1,3
214.	Ядерное противостояние в Южной Азии. М.: Карнеги, 2005 (совм. с Г. Чуфриным, В. Москаленко, Т. Шаумян)	0,4 (1,6)
215.	Предпосылки, причины и процесс образования Пакистана // Пакистан в современном мире. М.: Научная книга, 2005	3,0

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
216.	Раздел III. Гл. 12. Региональные проблемы нераспространения. Южная Азия // Ядерное оружие после «холодной войны» М.: РОССПЭН, 2006 (совм. с Г. Чуфриным, В. Москаленко, Т. Шаумян)	0,3(1,6)
217.	Пакистан и Индия: конфронтационная стабильность? // Международные процессы. М., 2006, 2	1,0
218.	Пакистан: перспективы и возможные трансформации правящего режима // Афганистан, Иран, Пакистан. М.: ИВ РАН, ИБВ, 2006	0,7
219.	Исламский мир и Россия // Глобус. М., 2006, 12	0,3
220.	Политическая система и политическая культура мусульманских стран Южной Азии // Политические системы и политическая культура Востока М.: МГИМО, Аспект пресс, 2006	1,3
212.	Россия и исламский мир: политико-демографические тренды // Полития. 2007, 4	1,2
213.	Юго-Западное расширение «Большого Китая» // Центральная Азия и Кавказ. 2007, 3	1,0
214.	Пакистан-Индия: конфронтационная стабильность // Россия и мусульманский мир. М., 2007, 1	0,75
215.	Значение исламского мира для современной России // Россия и мусульманский мир. 2007, 6	0,3
216.	Исламский мир и Россия // Россия и мусульманский мир, 2007, 10	0,4
217.	Мусульманский Восток: тенденции и перспективы развития // Труды ICANAS-37. Международный конгресс по изучению Азии и Северной Африки. Том III. М., 2007	1,1
218.	South-Western Extension of Greater China // Pakistan Horizon, Karachi, Pakistan, 2007, vol. 60, 3	1,0

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
219.	Проблема террористических и нерегиональных политических рисков в Северо-Восточной Азии // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007	1,2
220.	История Пакистана. XX век. М., ИВ РАН, Крафт+, 2008 (совм. с В.Н. Москаленко)	18,0 (36,0)
221.	История Востока. Т. VI. Восток в новейший период (1945–2000). М.: Восточная литература, 2008. 88 п.л. Отв. ред. (совм. с В.В. Наумкиным)	4,4
222.	Восток в конце XX века — некоторые итоги развития // История Востока. Т. VI. Восток в новейший период (1945–2000) М.: Восточная литература, 2008	1,7
223.	Заключение. Восток в начале XXI в. Тенденции и перспективы развития // История Востока. Т. VI. Восток в новейший период (1945–2000). М., Восточная литература, 2008	1,8
224.	Перспективы Пакистана — демократия или стабильность? // Россия и мусульманский мир. 2008, 10	0,7
225.	Гл. 10. Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. М.: Аспект пресс, 2008	1,0
226.	Конфронтационная стабильность в Южной Азии // Экономика и политика в современных международных отношениях. М.: МГИМО, 2008	1,2
227.	Восприятие роли России в Южной Азии // Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности. М.: МГИМО, 2008	0,8
228.	Причины раздела колониальной Индии. Эволюция Индии и Пакистана за годы независимости // Новейшая история стран Азии и Африки. М.: МГИМО, 2008	1,4

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
229.	Россия на энергетическом рынке Китая // Россия на энергетических рынках Восточной Азии. М.: Никитский клуб, Вып. 33, 2008	0,3
230.	Регион стран Ближнего и Среднего Востока в 2008 г. // Восток. 2008, 2	0,4
231.	Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Восток. 2008, 3	1,3
232.	Пакистан: испытание на прочность // Мировая экономика и международные отношения. М., 2008, 6 (совм. с В.Н. Москаленко)	0,6 (1,2)
233.	Рецензия на книги: А.И. Яковлев. Очерки модернизации стран Востока в XIX-XX вв.; АИ. Яковлев. Страны Востока: синтез современного и традиционного // Восток. 2008, 5	0,6
234.	Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Россия и мусульманский мир. 2008, 10	1,0
235.	Беназир Бхутто и исламская демократия // Свободная мысль. 2008, 9	0,8
236а.	Midwest Asia in Global Politics: The Outlook for 2008 // Лидер. Boston Russian Center Edition, 2008, с. 34–37.	0,3
236.	Восток в международных отношениях и мировой политике. М.: Восточный Университет, 2009	16,0
237.	Сохраняющаяся напряженность в пакистано-индийских отношениях как угроза региональной безопасности // Мир и согласие. М., 2009	1,0
238.	Россия и исламский мир: анализ политико-демографических перспектив // Мир ислама. История, общество, культура. М.: Марджани, 2009	0,7
239.	Беназир Бхутто и исламская демократия // Россия и мусульманский мир. 2009, 1	0,7

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
240.	Пакистан — провальное государство Азии // Азия и Африка сегодня. 2009, 11	0,8
241.	Пакистан — «больной человек» Азии // Россия и мусульманский мир. 2009, 3	0,4
242.	Призрак гражданской войны в Пакистане // Сайт Фонда стратегической культуры. 2009	0,3
243.	Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М., ИВ РАН, Крафт+, 2010	20,0
244.	Пакистан: судьба идеологического государства // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010, 2	1,1
245.	Внешиполитический процесс в Пакистане: внутренние и внешние факторы // Вестник МГИМО-Университет. 2010, 1 (10)	1,1
246.	Юго-Западная дуга «Большой Восточной Азии» // «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. М., МГИМО, 2010	1,6
247.	Уход Англии из Индии и образование двух доминионов // Британская Индия в XX веке. Институт всеобщей истории РАН. М., 2010	1,4
248.	Особенности внешнеполитического процесса в современном Пакистане // Ближний Восток и современность. Вып. 41. М., 2010	0,8
249.	Внутренние и внешние детерминанты внешнеполитического процесса в Пакистане // Россия и мусульманский мир. 2010, 10	0,7
250.	Рост населения в исламском мире // Историческая психология и социология истории. М., 2010, 1	1,0

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
251.	Английская политика и раздел колониальной Индии // Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: Политические символы и реалии Южной Азии. М.: ИВ РАН, 2010	1,0
252.	Восток в период колониализма и Восток в период деколонизации (Восток в мировой политике. Сравнительный анализ мировых процессов) // Сравнительная политика. Спецвыпуск. М., 2010, 2	1,5
253.	Прерывание демографического перехода, взрыв агрессии и экстремизма... не исключаются // Восток. 2010, 3	0,7
254.	Рецензия на книгу: С.Н. Утургаури, Н.Ю. Ульченко. Тургут Озал // Восток. 2010, 2	0,35
255.	Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М.: ИВ РАН. Крафт+, 2010, 30 п.л. Отв. ред. (совм. с Н.Ю. Ульченко)	1,5 (3,0)
256.	Исламский мир и его значение для современной России // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010	0,8
257.	Политическая система и политическая мусульманских стран Южной Азии // Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы. М.: Аспект пресс,	1,1
258.	Внешнеполитический процесс в Пакистане. Внутренние и внешние факторы и роль России // Внешнеполитический процесс в странах Востока. М.: Аспект пресс, 2011	1,4
253.	Исламский фактор в истории и современности. М.: Восточная литература, 2011. 38 п.л. (совм. с В.И. Зайцевым, Н.Ю. Ульченко)	1,3(3,8)
254.	Демографическое будущее исламского мира // Исламский фактор в истории и современности. М.: Восточная литература, 2011	1,2

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
255.	Демография исламского мира // Исламская цивилизация в глобализующемся мире. М.: ИМЭМО, 2011	0,5
256.	Восток в XXI столетии // Россия и мусульманский мир. 2011, 9	1,0
257.	Южная Азия: новые возможности и риски для России // Россия в глобальном мире. Хрестоматия в шести томах. Том 4. М.: РСМД, 2012	0,9
258.	Российское востоковедение: история, достижения и перспективы // Восток. 2011, 2 (совм. с А.В. Акимовым, Э.В. Молодяковой)	0,3 (0,9)
259.	Пакистанский исламизм и Центральная Азия // Россия в глобальном мире. Хрестоматия в шести томах. Том 4. М.: РСМД, 2012	1,0
260.	Пакистан-Индия: конфронтационная стабильность // Россия в глобальном мире. Хрестоматия в шести томах. Том 4. М.: РСМД, 2012	0,8
261.	Внешнеполитический процесс в Пакистане: внутренние и внешние детерминанты // Россия в глобальном мире. Хрестоматия в шести томах. Том 4. М.: РСМД, 2012	1,0
262.	Демографическое будущее исламского мира // Россия и мусульманский мир. 2012, 4	1,1
263.	Традиционные партнеры России (мусульманский пояс) // Россия в полицентричном мире. М.: ИМЭМО, Весь мир (совм. с Н.Ю. Ульченко, Н.М. Мамедовой)	0,4 (1,2)
264.	Между индийским молотом и афганской наковальней // Международные процессы. М., 2011, 2	0,8
265.	Проект «Сравнительный анализ моделей модернизации в странах Востока». Год работы. // Восточная аналитика. Ежегодник. (совм. с А.В. Акимовым)	0,1 (0,2)

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
266.	Предисловие к книге: В.В. Наумкин. Ближний Восток в мировой политике и культуре. М., ИВ РАН, 2011 (совм. с И.Д. Звягельской)	0,1 (0,2)
267.	Russia in a Polycentric World. Moscow: ИММО, Ves mir, 2012 (with N. Ultchenko, N. Mamedova)	0,4 (1,2)
267.	Война в горах. Талибы и пакистано-афганское приграничье // Азия и Африка сегодня. 2012, 7	0,7
268.	Афганистан и Пакистан: состояние и перспективы // Восток. 2012, 4	0,2 (0,4)
269.	Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012, 34 п.л. Отв. ред. (совм. с Н.Ю. Ульченко)	1,7(3,4)
270.	Глобализация, регионализация и расходящиеся траектории развития государств Средне-Западной Азии // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., ИВРАН, Крафт+	1,35
271.	Предисловие // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии М., ИВ РАН, 2012 (совм. с Н.Ю. Ульченко)	0,15 (0,3)
272.	The Pushtun-Baluchi Tribal Region. Part 1 26.03.2012, Part II, 27.03.2012, Part III, 28.03.2012 // http://www.journal-neo-com/node/14890,14891,14892	0,6
273.	Социально-экологический кризис в Пакистане: история и современное состояние // История и современность, 2012, 1	0,9
274.	Афганистан и региональная безопасность в Азии // Научные проблемы безопасности Российской Федерации. Вып. 5. Издательство «Известия», 2012	0,7
275.	Южная Азия: новые возможности риски для России // Внешняя политика России 2000–2020. В трех томах. Том первый. М.: РСМД, 2012	0,8

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
276.	Предисловие к книге: М.Р. Арунова. ШОС и афганский вопрос М.: ИВ РАН, 2012	0,4
277.	Гл. 4, параграф 6. Экологические и демографические проблемы Пакистана // Экологические проблемы стран Азии и Африки. М.: МГИМО, Аспект пресс, 2012	1,0
278.	Рецензия на книгу А.В. Акимова, А.И. Яковлева Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития // Восточная аналитика. Ежегодник. М.: ИВ РАН, 2012	0,6
279.	A Political History of Pakistan (1947–2007). Karachi: Oxford University Press, 2013 (in coll. with V.N. Moskalenko)	18,0 (36,0)
280.	Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН (совм. с Р.Р. Сикоевым)	5,5 (11,0)
282.	Становление и роль гражданского общества в Пакистане (дефиниции, тенденции и перспективы) // Сравнительная олитика 2013, 1	1,1
284.	Исламизация общества и диффузия власти в Пакистане // Восток. 2013, 5	1,2
285.	Центр силы или источник нестабильности. Диалектика современного Пакистана // Россия в глобальной политике. 2013, 2	0,75
286.	Гл. 3, параграф 3. Афгано-пакистанская граница: история и современное значение // Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. М., МГИМО, Аспект пресс, 2013	0,8
287.	Предисловие. Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014 (совм. с Н.Ю. Ульченко)	0,5 (0,7)
288.	The Western Tribal Region in South Asia: Limits of Our Knowledge // Exemplar. The Journal of South Asian Studies. Vol. 2, № 1. 2013	1,2

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
289.	Russia and Pakistan: A View from Moscow-Pakistan Horizon. Vol. 66, № 1–2 (with S. Kamenev)	0,5 (1,0)
290.	Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана М., ИВРАН, 2014 (совм. с Р.Р. Сикоевым)	7,0 (14,0)
291.	Российско-пакистанские отношения // Россия и страны Востока в постбиполярный период. М. : МГИМО, Аспект пресс, 2014 (совм. с С.Н. Каменевым)	0,5 (1,0)
292.	Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004, 38 п.л. Отв.ред. (совм. с Н.Ю. Ульченко)	1,9(3,8)
293.	Гражданское общество в Пакистане: формирование и специфические черты // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014	1,2
294.	Сценарии для Афганистана и Пакистана до 2050 г. // Восточная аналитика. Ежегодник. 2014 (совм. с С.Н. Каменевым)	0,15 (0,3)
295.	Демографические параметры и перспективы исламского мира и исламской цивилизации // Восточная аналитика. Ежегодник. М.:ИВ РАН, 2014	1,0
296.	Гл. 1. Восток на этапе западного колониализма // Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр, 2014	1,5
297.	Гл. II. Восток на этапе деколонизации // Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр, 2014	2,0
298.	Рецензия на книгу: Taimur Rahman. The Class Structure of Pakistan // Восток. 2014, 1	0,8
299.	Рецензия на книгу: Л.Б. Алаев. Историография истории Индии // Восток. 2014, 4	0,7

№№	НАЗВАНИЕ	Объем в п.л.
300.	«Конвергенция цивилизаций» и перспективы роста исламского мира // Россия и мир: анатомия современных процессов. М., Фонд исторической перспективы, 2014	0,85
301.	Демографическая история исламского мира (основные тренды и перспективы) // Труды Отделения историко-филологических наук 2008–2013. М.: Наука, 2014	1,0
302.	Гл. 1 Политическая философия, теория и место идеологии в мировой политике // Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность. М: Магистр, 2015	1,4
303.	Политическая система и политическая культура мусульманских стран Южной Азии // Восток и политика. М.: Аспект пресс, 2015	1,3
304.	Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015. 30,5 п.л. Отв. ред. (совм. с Н.Ю. Ульченко)	1,5(3,0)
305.	Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в мусульманском мире (пример Пакистана) // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., ИВ РАН, 2015	1,5
306.	Предисловие — Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., ИВ РАН, 2015 (совм. с Н.Ю. Ульченко)	0,15(0,3)
307.	Гл. 4,2. Пакистан // История стран Азии и Африки после Второй мировой войны. М.: Юрайт, 2015	1,2
308.	Пакистан и афганский кризис // Мировая экономика и международные отношения. 2016. 3	1,1
309.	Исламский радикализм в Пакистане — факторы, этапы, циклы // Азия и Африка сегодня. 2016, 5	0,8

Contents

Contents (in Russian)	5
From the Author	9
Part I. PAKISTAN	15
1. 1. Formation and Major Stages in Development	17
Great Britain's exit from India and the problem of establishing two dominions // British Empire in the 20 th Century. Institute of Universal History, Russian Academy of Sciences (RAS). Moscow, 2010	17
Regional motives as factor of creation and preservation of Pakistan // Under the Sky of South Asia. Territory and Belonging. Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, 2016	45
Main features of and milestones in Pakistan's evolution // History of Asian and African Countries after the End of the World War II. Part I. Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Russian Ministry of Foreign Affairs. Moscow, 2016	64
1. 2. Specific Characters and Problems of Development	83
Ethno-regional and religious-cum-sectarian conflicts in Pakistan // Conflicts in the East. Ethnic and Confessional. A Textbook. Moscow, 2008	83
Pakistan: the fate of an ideological state // Vestnik Moskovskogo universiteta (Herald of Moscow University). Series number 25, 2010. № 2.	106
Emergence and role of the civil society in Pakistan // Sravnitel'naya politika (Comparative Politics), 2013. № 1	126
A center of power or a source of instability? Dialectics of the contemporary Pakistan // Rossiya v globalnoy politike (Russia in Global Politics), 2013. № 2.	146
Islamization of society and diffusion of power in Pakistan // Vostok (Oriens), 2013. № 5.	161
Social protest in Pakistan: from the class to religious content // Social Protest in the Contemporary East. MGIMO-University. Moscow, 2016.	184
State power and political violence in Pakistan // Power and Coercion in the Non-western societies. Moscow, 2016	203
Islamist radicalism in Pakistan: factors, stages, cycles // Aziya i Africa segodnya (Asia and Africa Today), 2016. № 5	213

Socio-ecological crisis in Pakistan: history and the current condition // <i>Istoriya i sovremennost</i> (History and the Contemporary Times), 2012. № 1	228
1. 3. Foreign Policy and the Place in the region	245
South-Western continuation of «Great East Asia» // «Great East Asia»: World Politics and Regional Transformations. MGIMO-University. Moscow, 2010	245
Between the Indian hammer and the Afghan anvil // <i>Mezhdunarodnyye protsessy</i> (International Processes), 2011. № 2	285
War in the hills. The Talibs and the Pakistani-Afghan borderland // <i>Aziya i Africa segodnya</i> (Asia and Africa Today), 2012. № 7.	296
Pakistan and the Afghan crisis // <i>Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya</i> (World Economy and International Relations), 2016. № 3.	308
Afghan-Pakistani border: history and the contemporary significance // <i>Territorial Issue in the Afro-Asian World</i> . MGIMO-University. Moscow, 2013	327
Part II. SOUTH ASIA.	345
Causes of the division of the colonial India. Evolution of India and Pakistan through the years of independence // <i>Contemporary History of the Asian and African countries</i> . MGIMO-University. Moscow, 2008.	347
Confrontational stability in South Asia // <i>Economics and Politics in the Current International Conflicts</i> . MGIMO-University. Moscow, 2008.	374
South Asia: new possibilities and risks for Russia // <i>Foreign Policy of Russia in 2000–2020</i> . In three volumes. Vol. I. Russian Council for International Affairs. Moscow, 2012	398
South Asia's Western Tribal Region: Limits of Our Knowledge // <i>EXEMPLAR. The Journal of South Asian Studies</i> . Spring 2013. Vol. 2. № 1 (in English)	408
Part III. MUSLIM EAST	427
Russia and the Islamic world: dynamics of changes in the demographic and political potentials // <i>Vostok (Oriens)</i> , 2008. № 3 . . .	429
Globalization, regionalization and divergent trajectories of the development of the Mid-West Asian states // <i>Muslim Space Along the Borders of the Caucasus and Central Asia</i> . Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, 2012	456

State, civil society and local communities in the Muslim area to the south of Russia's frontier // State, Society, International Relations in the Muslim East. Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, 2014.	484
Specifics of nationalism and nation-states in the East, in the Muslim world (a case of Pakistan) // Nations and Nationalism in the Muslim East. Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, 2015	495
Part IV. ORIENT IN HISTORICAL AND INTERNATIONAL POLITICAL PROCESSES.	515
East at the end of the 20 th century — some achievements in development // History of the Orient. Vol. VI. East in the Contemporary Period (1945–2000). Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, 2008	517
East in the beginning of the 21 st century. Tendencies and prospects of evolution // History of the Orient. Vol. VI. East in the Contemporary Period (1945–2000). Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, 2008.	546
Political philosophy, theory and ideology // World-wise Complex Regional Studies. Introduction to the Profession. A Textbook. Moscow, 2015	589
Demographic future of the Islamic world // Islamic Factor in History and Current Times. Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, 2011	617
Demographic history of the Islamic world (main trends and perspectives) // Works of the Branch of Historical and Philological Sciences, 2008–2013. Russian Academy of Sciences. Moscow, 2013	636
Demographic parameters and prospects of the Islamic world and Islamic civilization // Vostochnaya analitika (Eastern Analytics). 2013 Annual Issue. Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, 2014	651
«Convergence of civilizations» and future growth of the Islamic world // Russia and the World: Anatomy of the Current Processes. The Historical Perspectives Foundation. Moscow, 2014	671
List of the Author's Scholarly Works.	679
Contents (in English)	709

Научное издание

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий

ПАКИСТАН, ЮЖНАЯ АЗИЯ, ИСЛАМСКИЙ МИР, ВОСТОК

Избранные публикации 2008 – 2016 гг

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Компьютерная верстка: *О.Н. Морозова*

Подписано в печать 05.09.2016. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 гм². Формат 60x90^{1/16}
Усл. печ. л. 44,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 688.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо